

Средняя Азия
и Дальний Восток
в эпоху средневековья

Средняя Азия
в раннем средневековье

АРХЕОЛОГИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б.А. РЫБАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик **Б.А. РЫБАКОВ** (главный редактор),

Р.М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора),

В.А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора),

П.Г. ГАЙДУКОВ (зам. главного редактора),

Д.С. КОРОБОВ (ответственный секретарь.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ

Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья

Средняя Азия в раннем средневековье

Ответственный редактор тома
Г. А. БРЫКИНА

**Археология
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах**

- * ПАЛЕОЛИТ СССР
1984
 - * МЕЗОЛИТ СССР
1989
 - * НЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ
1996
 - * ЭОНОЛИТ СССР
1982
 - * РАННЯЯ И СРЕДНЯЯ БРОНЗА КAVКАЗА
1994
 - * ПОЗДНЯЯ БРОНЗА КAVКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
 - * ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
1987
 - * ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КAVКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
1985
 - * АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
1984
 - * СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТ-
СКОЕ ВРЕМЯ
1989
 - * СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-
САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
1992
 - * СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕ-
ЛЕТИЯ н.э.
1993
 - * ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI-VIII вв.
1992
 - * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД. ЗАМОК. СЕЛО
1985
 - * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. БЫТ И КУЛЬТУРА
1997
 - * ФИНО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1987
 - * СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1981
 - * КРЫМ И КAVКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
 - * СРЕДНЯЯ АЗИЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
1999
- * Звездочкой отмечены вышедшие тома.

В основу тома положены материалы, изученные при многолетних раскопках раннесредневековых памятников оксидоземельного наследия Средней Азии. Комплексный анализ археологических источников в совокупности со сведениями древних авторов позволил авторам реконструировать материальную и духовную культуру населения, дать представления о хозяйстве, общественном строе, проследить направления культурных связей. Профессиональный анализ предметов материальной культуры создает надежную базу для дальнейшего изучения культуры Востока. Текст иллюстрируется многочисленными таблицами и картами.

Для археологов, этнографов.

Рецензенты:

**Г.А. КОШЕЛЕНКО
Б.А. ЛИТВИНСКИЙ**

Авторы выпуска:

**Б.В. АНДРИАНОВ
К.М. БАЙПАКОВ
Г.А. БРЫККИНА
М.А. БУБНОВА
Ю.Ф. БУРЯКОВ
В.А. ГАИБОВ
Н.Г. ГОРБУНОВА
В.Д. ГОРЯЧЕВА
А. ГУБАЕВ
Е.В. ЗЕЙМАЛЬ
Т.И. ЗЕЙМАЛЬ
Г.А. КОШЕЛЕНКО
Б.И. МАРШАК
Е.Е. НЕРАЗИК
Н.Н. НЕГМАТОВ
В.И. РАСПОПОВА
Э.В. РТВЕЛАДЗЕ
Г.В. ШИШКИНА**

Художники:

**С.А. БЕДНЯКОВА
А.В. ГОЛИКОВА
В.П. ЛЕНИВКИН
Е.Ф. МАРАКУЛИНА
Н.С. САФРОНОВА
С.А. СУДЖАЕВА
Н.Ф. ФЕДОРОВА**

**Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья.
Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – 378 с., ил.
ISBN 5-02-008617-7**

Очередной том многотомного фундаментального издания по археологии.

По сети "Академкинга"

ISBN 5-02-008617-7

© Издательство "Наука", 1999

Предисловие

Средняя Азия расположена в центре Евразии и простирается от Каспийского моря на западе до Тянь-Шаня на востоке и от пустынных, полупустынных и степных районов Казахстана на севере до горных хребтов Копетдага и отрогов Гималаев на юге. Эта огромная территория включает ряд ландшафтных зон.

Различные природные условия способствовали тому, что в разных ландшафтных зонах развивались разные типы хозяйства. Такое разнообразие в хозяйственной деятельности населения приводило к установлению прочных связей между отдельными районами, а ее специализация – к формированию экономических районов, центром которых становился город или селение, где находились базар.

Одна из важнейших особенностей исторического развития Средней Азии – взаимодействие кочевых племен и оседлых земледельцев. Кочевники жили как на периферии, так и внутри земледельческих оазисов. Между земледельцами и скотоводами существовала органичная связь. Шел постоянный обмен опытом и хозяйственными навыками. Это привело к конечному счету к созданию комплексного хозяйства, что, в свою очередь, сыграло большую роль в сложении культуры области и оказало влияние на сложные этногенетические процессы, происходившие здесь.

Том посвящен оседлоземледельческому населению Средней Азии в эпоху раннего средневековья – IV–VIII вв. Начало этого периода совпало с трагическими событиями в жизни народов Средней Азии. Распад Кушанского царства повлек за собой нарушение экономики и упадок хозяйственной и культурной жизни области. Это усугублялось еще и постоянными внешними вторжениями, разрушением городов и ирригации.

Но этот период не был длительным. Уже в середине V в. начинают складываться феодальные отношения. Намечается подъем экономики. Развиваются ремесла. Именно к этому времени может быть отнесено формирование среднеазиатского феодального города.

В этот период в Средней Азии были сложившиеся культурно-исторические области и государства, известные по письменным источникам. Но сведения древних авторов отрывочны и часто противоречивы. Поэтому для решения важных исторических проблем большое значение имеют археологические материалы. В настоящее время мы располагаем десятками полностью раскопанных памятников с прекрасной архитектурой.

На некоторых памятниках ведутся многолетние раскопки, которые позволяют выявить структуру городов, их стратиграфию. Анализ материалов из стратифицированных слоев с применением статистических методов позволяет нарисовать объективную картину динамики развития культуры в области.

Большое разнообразие погребальных памятников свидетельствует о принадлежности людей, оставивших

некрополи, к разным религиозным конфессиям или же к разным этносам. Особое место среди открытых памятников принадлежит культовой архитектуре. Это буддийские храмы в Чуйской долине, в Фергана, на юге Таджикистана, храмы местных религий и культов в Согде, Фергана, Хорезме, Чаче (Ташкент).

Первоклассные памятники искусства (живопись, глиняная скульптура, терракота) обнаружены не только в храмах, но и в жилых домах. Это свидетельствует о высокой культуре населения Средней Азии.

Другой, не менее важный показатель культуры области – распространение письменности. Известна письменность Хорезма, Тохаристана. Наиболее многочисленны памятники письменности в Согде. Это прежде всего архив, обнаруженный в замке на горе Муг и содержащий многочисленные документы (хозяйственные, юридические) и частично перешку. Настенная живопись и надписи на ней расчищены во многих помещениях Пенджикента.

Фергана также имела свою письменность, ведущую начало, как полагает В.А. Лившиц, от арабеского письма (Лившиц, 1968).

Широко распространяется тюркская зиграфика, сложившаяся на основе согдийского письма. Находки тюркской зиграфики особенно многочисленны в восточных районах Средней Азии – в Фергана и Семиречье.

Средняя Азия в силу своего географического положения являлась важным узлом исторических процессов. Через Среднюю Азию с древнейших времен пролегли караванные пути. Эта область была важнейшим транзитом в международной торговле между Востоком и Западом.

Через Среднюю Азию неоднократно прокатывались волны иноземных завоевателей, часто централизианского происхождения, и отдельные районы попадали под власть эфталитов, тюрков, арабов.

Все это не могло не отразиться на сложности процессов, протекавших в области, на сложении культуры. Детальный анализ всех материалов из разных районов Средней Азии позволяет выявить локальные варианты культуры этих регионов, устойчивые признаки культуры, присутствующие в отдельных местностях, что проявилось прежде всего в бытовых предметах (керамика, орудия труда, украшения).

В силу различных географических условий в регионе складываются разные способы ведения хозяйства, формируются специфические особенности топографии оазисов (типы городов и отдельных сооружений).

Именно в этот период окончательно формируются историко-культурные области с определенными чертами духовной и материальной культуры (тип жилища, хозяйство, язык, письменность, искусство). Эти признаки сохраняются на протяжении длительного времени. Отдельные элементы культуры средневекового населения

Средней Азии прослеживаются и в культуре современных народов этой области. В это время начинают складываться элементы культуры, которые легли в основу цивилизации современных народов области.

Поэтому изучение средневековой истории Средней Азии крайне важно для воссоздания истории современных народов этой области, для изучения этногенетических процессов.

Авторский коллектив тома включает авторитетных специалистов в области истории и археологии Средней Азии из научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и государств Средней Азии. В написании разделов тома принимали участие Б.В. Андрианов (Е.Е. Неразник (Институт этнологии и антропологии РАН), Г.А. Брыкина, Г.А. Кошелев, В.А. Гаибов (Институт археологии РАН), В.И. Распопова (Институт истории материальной культуры РАН), Е.В. Зеймаль, Т.И. Зеймаль, Н.Г. Горбунова, Б.И. Маршак (Государственный Эрмитаж), Г.В. Шяшкина (Государственный музей Востока), А. Губаев (Институт истории Академии наук Туркменистана), К.М. Байпаков (Институт археологии Академии наук Казахстана), В.Д. Горячева (Институт истории Академии наук Киргизстана), М.А. Бубнова, Н.Н. Негматов (Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикиста-

на), Э.В. Ртвеладзе (Институт искусствознания Академии наук Узбекистана), Ю.Ф. Буряков, М.И. Филанович (Институт археологии Академии наук Узбекистана).

Редколлегия тома благодарит Б.Х. Матбабаева (Институт археологии Академии наук Узбекистана), предоставившего малоизученные и почти неопубликованные материалы для раздела "Фергана".

Важным компонентом тома является иллюстративный материал. Таблицы выполнены художниками Института археологии С.А. Суджаевой, Е.Ф. Маракулиной, А.В. Голиковой, Н.С. Сафроновой, В. Ленивкиным. Карты регионов составлены картографом Н.Ф. Федоровой. Всем им авторский коллектив выражает глубокую благодарность.

Авторский коллектив тома считает своим приятным долгом поблагодарить рецензентов академика Академии наук Таджикистана Б.А. Литвинского и доктора исторических наук Г.А. Кошелев, взявших на себя труд ознакомиться с рукописью тома и сделавших ценные замечания при ее обсуждении.

В процессе работы над томом большую помощь авторскому коллективу и редактору оказали сотрудники отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, в рамках которого велась работа, и его заведующие М.Г. Мошкова и В.А. Башилов.

Природные условия

Среднеазиатско-Казахстанский регион расположен в центре Евразии. С исторической точки зрения это единая культурная область. Живущие здесь теперь народы – туркмены, узбеки, таджики, киргизы, каракалпаки и казахи объединены общностью исторических судеб, близостью многих черт культуры и хозяйственных традиций оседлого земледелия на искусственно орошаемых землях и пастбищного скотоводства.

Природа всей этой обширной области полна контрастов и разнообразия – от сменяющих системы высоких горных цепей на юге до бескрайних степей на севере. Главная черта природных условий – засушливость климата. Эта область удалена от океанов и крутых морей, лежит в самом центре обширного аридного пояса Евразии, южнее путей движения влажных атлантических циклонов. Среднеазиатско-Казахстанский регион отличается большой континентальностью климата, малым количеством осадков, резкими колебаниями температур, обилием солнечных безоблачных дней и высокой испаряемостью на поверхности земли. На равнинах количество осадков не превышает 200 мм в год, а в песчаных пустынях оно даже менее 100 мм. Там, где нет влаги, жаркое солнце выжигает растительность, поэтому земледелие здесь основано преимущественно на искусственном орошении. Вся жизнь земледельцев проходила в заботах о поддержании орошаемых земель.

Равнины Средней Азии – это царство пустынно-степных ландшафтов с преобладанием песчаных и глинистых пустынь. С востока и юга поднимаются горные хребты Тянь-Шаня с белоснежными шапками, скалистые ущелья и высокогорные равнины Памира, безлесные пустынные горы Копетдага.

Горы Средней Азии стоят на пути влажных западных ветров, что способствует увеличению в предгорьях и горных долинах годового количества осадков. Многие горные системы веерообразно расходятся на запад и юго-запад, что благоприятствует проникновению в горы насыщенных влагой воздушных масс. Поэтому на склонах гор развито неорошаемое богарное земледелие. В горных районах Средней Азии встречаются сухие степи, альпийские дуги, хвойные леса, роши грецкого ореха, а также горные степные и пустынные ландшафты.

Высоко в горах находится область "вечных" снегов и ледников. Здесь берут свое начало такие крупные реки Средней Азии, как Амударья, Сырдарья, Зеравшан и многие другие.

В рельефе четко выделяются три высотных комплекса: горы, предгорья и равнины. Последние лежат на разных уровнях, преимущественно от 200 до 400 м над уровнем моря (Мурзаев, 1957).

Полу характерно поверхности один участок представляет собой депрессию, заполненные песками, несчастье глинистыми отложениями; другие – возвышенные плато, края которых часто обрываются уступами (чинками).

На равнинах различаются четыре типа пустынь: песчаные, глинистые, солончакные и каменистые. Общая площадь песчаных пустынь в Средней Азии и Южном Казахстане составляет примерно 700 тыс. км². Наибольшие площади песков расположены в Каракумах, центрально- и юго-западном районах Кызылкумов, к северу от Аральского моря – в Больших и Малых Барсуках, к востоку от Аральского моря – в Мукункумах, в южной части Прибалхашья. Меньше крупные песчаные массы встречаются в Ферганской долине и в Южном Таджикистане.

Формы рельефа в песчаных пустынях разнообразны: грядовые, ячеисто-грядовые, барханные, котловинные выдувания и др. Самый распространенный тип рельефа – грядовой. Песчаные гряды вытянуты вдоль направления господствующих ветров.

Глинистые пустыни также широко распространены на территории Средней Азии. Большие площади их имеются в Кызылкумах (Голодная степь, Каршинская степь, низовье р. Зеравшан и др.).

Площади солончакных пустынь в Средней Азии довольно значительны и располагаются в бессточных шатровых, там, где грунтовые воды залегают в непосредственной близости от поверхности.

Каменистые пустыни встречаются в горах, а также на равнинах в северной зоне.

Среди горных районов наиболее крупную систему представляет собой Тянь-Шань. Это горная страна со сложным рельефом. Протяженность некоторых хребтов, главным образом широтного направления, достигает 600 км. Хребты разделены широкими лонжеками, которые весьма удобны для заготовки скотоводством и земледелием. Все окраинные и большинство внутренних хребтов поднимаются выше границы снеговой линии.

Расположенная на самом юге Средней Азии территория Памира представляет собой высокое нагорье, поднимающееся с высоты 1600 м над уровнем моря на западе до 3800–4000 м на востоке.

Восточный Памир – это высокогорная пустыня с плоскодонными, засыпанными щебнем, как правило, бессточными долинами. Повсюду наблюдаются следы оледенения. Земледелие здесь невозможно, а скотоводы разводят яков. Западный Памир характеризуется обилием многоводных рек, протекающих в узких и глубоких каньонах, где на крутых склонах местами развито орошаемое земледелие.

Оценивая в общем рельеф и геоморфологические условия Средней Азии, необходимо отметить, что многообразие ландшафтов этой территории не препятствовало с давних времен развитию сельского хозяйства. Здесь есть и обширные низменности, и плодородные долины, и плато, где рельеф благоприятствует развитию орошаемого земледелия и животноводства.

Особенности климата заключаются в том, что Средняя Азия – область самой большой интенсивности солнечной радиации на территории бывшего СССР. Радиационный баланс земной поверхности достигает 45–55 ккал/см².

Температурный режим и распределение осадков на равнинах, в предгорьях и в горных районах существенно различаются. Для равнин характерны жаркое лето и часто дождливая зима, большие годовые и суточные амплитуды температур, незначительное количество атмосферных осадков, малая облачность и большая сухость воздуха. Климатические условия несколько меняются при движении с севера на юг, поэтому и пустыни делятся на северные и южные.

Северные пустыни – Устюрт, Бетпак-Дала, Муюнкум, Прибалхашские пески, или Сары-Ишкотреу. Они характеризуются сравнительно низкими среднесезонными температурами и относительно равномерным распределением осадков в течение года. Общая сумма осадков невелика (в среднем до 200 мм, а в засушливые годы до 100 мм), что препятствует развитию земледелия без орошения. Летняя температура в северных пустынях обычно не превышает +27°, зимой – –10° и ниже.

К южным пустыням относятся Каракумы, Кызылкумы, Голодная степь, низменности Западной Тимь-Шаня и высокогорные равнины Памира. Осадки здесь выпадают в основном в зимне-весенний период, с максимумом в марте–апреле. С мая по октябрь осадков либо не бывает вообще, либо количество их ничтожно мало. В это время наблюдаются большая сухость и очень высокая температура воздуха. Зимой среднесезонные температуры обычно не опускаются ниже 0°.

Абсолютный максимум температур достигает +47°C, абсолютный минимум – –23°C. Среднесезонные температуры резко повышаются в апреле и понижаются в сентябре.

В северных районах низовья Амуудары безморозный период продолжается от 190 дней, на юге (Сурхан-Шербадакская долина) – до 200 дней. Обилие тепла и света, получаемых равнинными районами Средней Азии, – важный ресурс для развития сельского хозяйства.

Как уже отмечалось, на равнинной территории Средней Азии выпадает очень мало осадков, в среднем 100–200 мм. Количество осадков в горах значительно возрастает, однако только до определенных высот. Так, в низкотерной и среднегорной областях оно увеличивается до 500–600 мм/год, на некоторых восточных склонах достигает 1000–1500 мм/год. В высокогорной области количество осадков опять снижается до 200–350 мм/год, а на подветренных склонах еще меньше.

Низкотерные и среднетерные районы обладают более благоприятными агроклиматическими условиями для земледелия.

Своеобразный рельеф, климат и растительность Средней Азии обуславливают пестрый почвенный покров этой территории. Подсчитано, что в пределах Средней Азии почвы пустынных равнин занимают 57% общей площади, почвы пустынно-степной предгорной полосы – 12% общей площади, почвы годных районов – 25% общей площади.

Для пустынных почв характерны малое содержание гумуса, незначительная мощность почвенных горизон-

тов, большое скопление гинса в нижней части почвенного профиля, засоленность и солонцеватость почв (следствие сухости климата). Серо-бурые почвы преобладают на плато Устюрт, в Кызылкумах и Каракумах. В верхних горизонтах этих почв содержание гумуса лишь 0,3–0,7%, в нижних горизонтах – на глубине 0,3–0,5 км, оно достигает 40–80%.

Такировидные почвы и такыры занимают значительные площади в низовьях Амуудары, Сырдарьи, Мургаба и Теджена. Содержание гумуса в такировидных почвах колеблется от 0,4 до 1%, в такырных – от 0,3 до 0,8%. Значительные площади этих почв засолены.

Песчаные пустынные почвы распространены на древнеделютовых равнинах рек Амуудары, Кашкадарьи, Сурхандарьи и в некоторых районах Каракумов. По сути, это закрепленные пески со слаборазвитым профилем. Содержание гумуса колеблется от 0,3 до 0,6, иногда до 1%.

Лугово-такырные и такырно-луговые почвы развиты в умеренно влажных понижениях, в местах, где такыры граничат с лугами. В основном они встречаются в низовьях Амуудары и Каракалпакии, в долинах рек Кашкадарьи, Сурхандарьи и в некоторых районах Кызылкумов. Содержание гумуса колеблется от 0,7 до 1,5 и даже до 3%. Грунтовые воды залегают здесь на глубине 3–5 м. Почвы этого типа местами засолены.

Луговые и болотно-луговые поймаменно-аллювиальные почвы распространены по долинам рек. Содержание гумуса в них изменяется от 0,6 до 2%. На возвышенных участках оно падает до 0,7–0,9%.

Почвенный покров предгорных и горных районов Средней Азии характеризуется четко выраженной вертикальной зональностью: в районах низкогорий – в основном сероземы, в среднегорьях – коричневые и бурые почвы, в высокогорьях – лугово-степные светло-бурые и пустынные (на Памире). В целом почвы этих районов отличаются большим содержанием гумуса, хорошей структурой и плодородием.

Сероземы в основном распространены на предгорных равнинах, сложенных суглинками. Они протазиваются принудительной полосою у подножия горных систем Средней Азии от Ашхабада до Алма-Аты, отделив песчаные пустыни, серо-бурые и такырные почвы равнин от собственно горной территории, и образуют особый пояс в предгорной зоне. Содержание гумуса в них колеблется от 1 до 1,5%.

На речных террасах развиты гидроморфные лугово-сероземные почвы. Они характеризуются повышенным содержанием гумуса (2,5–3 иногда до 4–5%).

Коричневые горно-лесные и горно-степные почвы обычно располагаются в горах на высотах от 1200–1600 до 2500–3000 м. В среднегорной полосе Северного и Центрального Тимь-Шаня развиты плодородные каштановые и черноземные почвы. В целом почвенные условия Средней Азии благоприятны для развития орошаемого земледелия. Почвы предгорий и горных территорий более плодородны, чем почвы равнин.

Водные ресурсы Средней Азии слагаются из поверхностных и подземных вод. Это крупные и мелкие реки, временные потоки (сай), руины. На равнинах речная сеть развита слабо; в горных районах с высотой она становится гуще. Здесь насчитывается 10–12 тыс. рек, кото-

рые, сливаясь, питают основные водные артерии. Горные реки отличаются большой скоростью течения, огромным количеством взвешенных и взвеском по дну продуктов эрозии и разрушения горных пород. Многие реки, начинаясь высоко в горах, не доходят до крупных водоемов, впадая в песках на равнинах. Это реки Зеравшан, Теджен, Мургаб, Сарысу и др. Большинство рек относится к бассейну Аральского моря, часть — к озерам Иссык-Куль и Балхаш, некоторые реки принадлежат к бессточному бассейну р. Тарим.

Основную массу стока дают талые воды снегов (сезонных и вечных), а также ледники, дожди, подземные воды. Суммарный сток рек Средней Азии, по некоторым оценкам, изменяется в пределах 136,06–140 км³/год. В том числе по Амударье и Сырдарье 100–110 км³/год. Но большая часть воды Аральского бассейна разбрасывается на орошение.

Реки Средней Азии по источникам питания и режиму стока можно подразделить на ряд типов.

Самая крупная по водности река Средней Азии — Амударья образуется слиянием рек Панджа и Вахша. В горах Таджикистана эта река имеет притоки только на протяжении первых 176 км, а потом она течет 1270 км по равнине, теряя воду на испарение и фильтрацию. Общий сток с горной области составляет 2500 м³/с.

Режим Амударьи исключительно благоприятен для дольного земледелия, так как период максимального подъема полностью совпадает с периодом вегетации культурной растительности. Начало вегетационного периода относится к марту, в 20-х числах которого начинается первый паводок, называемый в Хорезме "паводок зеленого камыша". Второй паводок ("паводок белорыбья") приходится на середину апреля. Третий происходит в середине мая. Самый продолжительный — четвертый паводок, связанный с таянием ледников в верховьях Вахша. Он начинается во второй половине июня и кончается в начале августа. Расход воды осенью достигает минимума.

Вторая после Амударьи по объему стока, но первая по протяженности река — Сырдарья, впадающая также в Аральское море, образуется слиянием рек Нарына и Карадарьи. Ее длина свыше 2200 км. Почти 300 км река течет по Ферганской долине, принимая большое число притоков, стекающих с гор. После выхода из Ферганы Сырдарья принимает ряд рек (Архангаран, Чирчик, Келес, Арысь). Вместе с Нарыном длина реки до впадения в Арал достигает 2790 км.

Весенний паводок на Сырдарье проходит в марте-апреле, формируя от таяния снегов в предгорьях. Второй — самый значительный — достигает максимума в июле.

В своем низовье Сырдарья течет по пологому взвышению из собственных наносов, из-за чего даже при небольшом подтопке урвня реки воды переделываются через береговые валы, затопляя обширные пространства. Стихийные разливы реки, особенно значительные в прошлом, происходят как в летнее половодье, так и зимой во время затопов льда.

Наблюдая многоводный приток Сырдарьи — р. Чирчик начинается в горах Западного Тянь-Шаня двумя реками — Чаткалом и Аскемом. Чирчик имеет длину 161 км, а средний многолетний расход по выходе из гор 234 м³/с. Он орошает Ташкентский оазис.

В южных горах Тянь-Шаня в зоне ледников начинается р. Зеравшан. Ее длина 877 км. В верховьях река течет почти 300 км по узкому ущелью. Течение воды быстрее и бурное. Ниже Педжаикента река не принимает ни одного притока и заканчивается ниже г. Карасуля в солонном пересыхающем озере Деңизкуль. Когда-то воды реки достигали Амударьи.

Ежегодно Зеравшан несет в среднем 4,5 млн т наносов в виде разнообразных мелких и средних твердых частиц. Мутность воды увеличивается в нижней части, где приходится очищать каналы дважды в год. По своему химическому составу зеравшанская вода лучше вод Амударьи и Сырдарьи. Земли в бассейне р. Зеравшан засаливаются гораздо медленнее, чем на Амударье или Сырдарье.

Река Или в бассейне оз. Балхаш имеет длину в пределах Казахстана 802 км. Она протекает по широкой долине и образует при впадении в озеро обширную дельту. Объем среднегодового стока у с. Илийского 464 м³/с. Имеет паводки в мае и июне.

Из крупных рек следует отметить р. Чу. Ее протяженность свыше 1000 км. Еще недавно Чу была связана поверхностным стоком с Сырдарьей, теперь же, теряя свою воду на испарение, заканчивается в пониженной долине Ащиколи, куда доносит свои воды и пустынная река Сарысу, берущая начало в низкогорьях Центрально-Казахстанского мелкосовошника. Сарысу — незначительная река длиной около 800 км, имеет половодье весной.

На западе равнинной части Средней Азии протекают только две значительные реки — Мургаб и Теджен. Мургаб имеет общую длину свыше 780 км, но в пределах республики его длина составляет около 350 км. Средний расход реки у Тахта-Балара 52 м³/с. Теджен, так же как и Мургаб, берет начало в Афганистане, но режим этих рек однороден: они получают максимум воды весной от таяния снегов в горах и обильных дождей, но летом в них воды очень мало.

Подземные воды — важная составляющая приходной части водного баланса Средней Азии. Для сельского хозяйства их значение очень велико, так как здесь имеются обширные области, где подземные воды являются единственным источником водоснабжения.

Суммарная величина естественных запасов пресных и слабоминерализованных подземных вод в горных районах, по оценкам, равна 39,4 км³/год. Общая величина динамических запасов подземных вод на равнинах составляет около 15 км³/год.

Водные ресурсы трех главных природных зон Средней Азии — равнин, предгорий и гор во многом определен характером и технологическим использованием воды: 1 — рек с постоянным стоком; 2 — озерных и речных разливов; 3 — поверхностного стока, формирующегося на склонах гор и в низинах за счет осадков; 4 — подземных источников воды в пустынях и пустынных предгорьях.

В целом же надо отметить, что имеющиеся водные ресурсы способствуют развитию орошаемого земледелия в данном регионе.

Засушливые ардные условия климата установились на равнинах Средней Азии и Казахстана еще с конца третичного периода. В течение плейстоцена и в голоцене наблюдались неоднократные колебания степени увлажненности вследствие вековых перемещений центров

атмосферы, климатических фронтов и путей циклонов, что отражалось как на сухих пустынных ландшафтах равнин, так и особенно на степно-луговой растительности предгорьев. Когда атлантические циклоны проходили севернее, захватывая лесную и лесостепную зоны, уровень воды в Каспийском море поднимался, а среднеазиатские равнины иссушались, уровень внутренних бассейнов (Арала и Балхаша) понижался. Напротив, со смещением циклонов к югу пустыни увлажненность равнин и особенно предгорья увеличивалась. Уровень воды в Каспийском море понижался, а в Арале и Балхаше нередко поднимался.

Исследования почвоведов доказали, что, во-видимому, в период 12–6 тыс. лет назад на равнинах Средней Азии средняя увлажненность была несколько выше, чем в настоящее время (среднегодовая сумма осадков 2250 мм, температура на 2–3° выше современной). Осадков в горах выпадало больше, чем теперь (800–1600 мм, тогда как сейчас 600–700 мм в год). Именно тогда сформировались на подгорных равнинах черноземовидные высокогумусные почвы. Позже, около 6–4 тыс. лет назад, начался процесс аридизации.

Исследования Южных Кызылкумов выявили аналогичную картину: усиление аридизации климата и возникновение условий, близких к современным, относится, вероятно, к рубежу III–II тысячелетий и к первым векам II тысячелетия до н.э. В плейстоценовый период ("являжканский пловал"), который предшествовал усилению аридизации, в Южных Кызылкумах выпадало в среднем осадков от 250 до 400–500 мм (теперь 120–140 мм в год), а средняя температура июля составляла 21–23°. Эти более благоприятные условия для хозяйственной деятельности населения существовали в неолитическое время на значительной территории равнины.

Определенная фаза увлажнения 3–4 тыс. лет назад, совпадающая с "являжканским пловалом", была зафиксирована и в Ферганской долине.

Смена сухого климата влажным, а влажного – сухим на протяжении голоцена в центре Азиатского континента охватила широкую зону. Так, в Северо-Западной Индии смена сухого климата влажным произошла на рубеже плейстоцена и голоцена, время максимального увлажнения приходится на предраринское и харинское время (3000–1750 гг. до н.э.), а в первой половине II тысячелетия до н.э. начался аридизация. Возможно, что от этого процесса особенно пострадали относительно развитые раннеземледельческие очаги Южной Туркмении, где быстрому оскудению водных ресурсов (горных ручьев, рек, временных водотоков, оазис) активно содействовала разрушительная деятельность населения на вырубке лесов, которые высасывали так и не были восстановлены.

Как бы ни было заметно влияние климатических изменений на судьбы древнего населения, эти изменения коренным образом не меняли характера главных ландшафтных зон – гор, предгорий и пустынных низменностей Средней Азии и Казахстана. Более важное значение, особенно на равнинах, имела историческая динамика гидрографической сети среднеазиатских рек.

В древности и особенно в средние века вся Среднеазиатско-Казахстанская историко-культурная провинция являлась ареной взаимодействия и взаимного приспо-

собления двух доисторических зон – кочевнико-скотоводов и оседлых земледельцев, что определялось территориальным разделением труда, торговым обменом между земледельческими оазисами и обширными пастбищно-животноводческими территориями пустынь и степей. Эти своеобразные экономические формы взаимного приспособления зависели не только от естественно-географических факторов, но и от соотношения политических сил феодально-племенных группировок, враждующих между собой феодальными владетелями.

В середине века достиг зенита своего развития хозяйственно-культурный тип кочевнико-скотоводов, начавший формироваться которого восходит еще к эпохе бронзы. "Номадный" способ производства сыграл огромную роль в исторических миграционных процессах хозяйственного освоения широкой зоны евразийских степей и полупустынь. Большое развитие эти процессы получили в I тысячелетии н.э., когда, по мнению С.И. Вайнштейна, материальная культура кочевников достигла самого высокого прогресса, широкое распространение получили легкое разборное жилище с решетчатым остовом, жесткое седло со стремениами, различные виды легкой и прочной утвари из кожи, дерева, металла и войлока (Вайнштейн, 1973, С. 9).

На севере региона – в Казахстане, в зоне кинчаконь-полупустынных степей ведущая роль принадлежала овцеводству и коневодству, с длительными меридиональными перекочевками и круглогодичным содержанием скота. Южнее, особенно в долинах рек, преобладало полукочевое и отгонное скотоводство (преимущественно овцеводство) в сочетании с пашинным земледелием. В среднеазиатском междуречье, в низовьях Амударьи и Сырдарьи, в местах зимовок в средние века сохранились архаические традиции комплексного полуседлого хозяйства скотоводов, земледельцев, рыболовов (Итнина, 1981, С. 9; Андрианов, 1985, С. 14).

На юго-востоке (в Туркмении) в составе стада преобладали верблюды, овцы и козы. Характер сезонных миграций был обусловлен расположением не столько пастбищ, сколько котловин. В зоне гор перекочевки со скотом носили вертикальный характер. В условиях большого разнообразия горных ландшафтов формировались различные виды выпаса скота: отгонно-пастбищные, стойлово-выгонно-являжские и др. (Кармышева, 1982; Андрианов, 1985, С. 234).

В южной части Среднеазиатско-Казахстанского региона в долинах рек и в зоне предгорий с глубокой древности формировался хозяйственно-культурный тип пашинных земледельцев с ирригацией.

Археологическое изучение древних и средневековых памятников в форме ирригации выявило большое разнообразие в соотношении скотоводства и земледелия в пределах трех основных природных зон – равнин, предгорий и гор (Андрианов, 1989). В зоне предгорий и на берегах небольших равнинных рек начало орошения связано с лиманами и подрудными регуляторами наводок рек и ручьев. Обитатели земледельческих оазисов накопили большой опыт в орошаемом земледелии. Навыки ирригации прощались большой путь – от болотного или лиманного земледелия через регулирование паводков с помощью обваловки и сооружений плотины в дамб к сложным ороительным системам, регулирова-

нию сезонных разливов рек и в масштабе крупных речных бассейнов. Большого прогресса ирригационная техника достигла в средние века, когда были созданы эффективные водорегулирующие устройства, широкое распространение получили водондъемные колеса-нигири, что сократило объем трудовых затрат но очистке каналов. Высокого развития достигла культура земледелия, возделывались пшеницы (мягкая, круглозерная, барликовая), ячмень, просо, джугара, косточковые (абрикосы, персики, яблоки, груши, гранаты и др.), виноград, овощи, различные технические культуры, в том числе хлопчатник (Вавилов, 1929, С. 1–91).

В зоне предгорья был накоплен богатый опыт орошаемого земледелия на горных покатых террасированных склонах конусах выноса горных рек. Там, где выпадало в горах достаточно зимне-весенних осадков, широко развитие получило неполовное, богарное земледелие (Андрианов, 1989, С. 76).

Еще И.И. Вавилов отмечал, что "неполовное земледелие в горных районах Центральной Азии – Афганистане и сопредельных областях Таджикистана существовало в двух формах – озимые посевы (тераман) и весенние (богаре)" (Вавилов, 1929, С. 219). В бассейне Вахша, Кафирнигана и Сурхандарьи культивировались как высокоурожайные сорта хлопчатника, так и субтропические культуры – сахарный тростник, гранат, хурма, а также сахаристые сорта винограда, самые разнообразные плоды. В Дарвазе и на Вахче выращивали шелководню и тут. Мука из ягод этих деревьев составляла в средние ве-

ка повседневную пищу горных обитателей. В соседних районах важнейшую роль играл абрикос, а также яблоки, груша, грецкий орех (Саянских, 1947, С. 395).

На протяжении столетий в Среднеазиатско-Казакстанской историко-культурной провинции складывались взаимные отношения не только двух преобладающих хозяйственно-культурных типов – оседлых нашенских земледельцев с ирригацией и скотоводов-кочевников, но и целого ряда переходных форм. В древности и в средние века эти динамическая историко-географическая система меняла свои границы. В эпоху бронзы и раннего железа эти границы соединял сию-каспийский мир от приморских степей до центральноазиатских нагорий. В античные времена границы продвигались далеко на юг (при Ахеменидах, Кушанах и позже, в период арабского завоевания), вплоть до Северной Индии и Афганистана. Культурные и торговые взаимоотношения то связывали в тесный узел евразийские торговые коммуникации Великого шелкового пути от Китая до Европы, Византии, то заходили далеко на север и северо-запад, объединяя в средние века Среднюю Азию и Казахстан с Поволжьем и Западной Сибирью (племенные союзы огузов, кимаков, кипчаков, хазар и др.). Установление в XIX в. государственной границы Российской империи на юге (от устья Атрека, верховьев Пянджа, Памира и Джунгарского Алатау) способствовало превращению этого государственно-политического рубежа в очень важный историко-культурный рубеж нового времени.

Общие сведения о Средней Азии в эпоху раннего средневековья

Начало эпохи раннего средневековья (IV–V вв.) – наиболее темный период в истории Средней Азии. Процессы, связанные с изменением социально-экономических отношений, привели к крупнейшей государственной, нарушившей сложившиеся связи. Это ослабило экономикку и вызвало кризис во всех культурно-исторических областях региона.

К началу IV в. прежде могущественное Кушанское царство сильно сократилось, и в значительной степени утратило свое влияние, что было обусловлено как внутренними, так и внешними причинами. Широкая экспансионистская политика Сасанидской династии во многом способствовала экономическому ослаблению этого государства, что в конечном счете привело к его распаду на множество больших и малых самостоятельных владений.

Археологические исследования подтверждают почти полное прекращение жизни многих крупных городов Средней Азии, запустение целых оазисов, сокращение орошаемых земель (Толстов, 1962; Мандельштам, 1964, С. 53; Массон М., 1949, С. 52–53). Сокращение городской территории проследжено в Согде (Афрасиаб) (Шанин, 1973, С. 99), Ташкентском оазисе. В Ферганае мутуется жизнь крупнейшего города – Мархаматского городища, которое А.Н. Бернштам отождествляет со

столицей области г. Эрш (Бернштам, 1951, С. 10; 1952, С. 252).

Период IV–V вв. во всей Средней Азии характеризуется изменением многих форм материальной культуры: типа расселения и жилищ, топографии городов и оазисов, технологии изготовления и отделки поверхности керамики. В свое время С.П. Толстов на основании материалов из Хорезма убедительно показал, что причину этих перемен нужно искать в коренных изменениях социально-экономического строя (Толстов, 1948). К этому же мнению пришли впоследствии и другие исследователи (Дьяконов М., 1953, С. 292; Давидвич, Литвинский, 1955, С. 159; Мандельштам, 1964, С. 53; Массон В., 1968, С. 100).

А.Н. Бернштам был склонен связывать это со сменой общественных отношений. Он писал, что после ликвидации осадб кушанского времени на смену им в сельско-хозяйственных районах предгорья приходят сильно укрепленные замки и крепости, которые играют двойную роль: с одной стороны, они служат резиденцией феодалного владыки, а с другой, – являясь крепостью, форпостом, защищая оазис от внешних вторжений (Бернштам, 1952, С. 248).

Волна передвижения кочевых народов, охватившая Среднюю Азию, имела важное значение для судеб наро-

дов этой области. Кочевники (кидариты, хюниты, эфталиты), в IV–V вв. оказавшиеся на территории Средней Азии, были частью той волны кочевых племен, которая в истории Восточной Европы известна под названием Великого переселения народов.

Кидариты – название союза племен, данное по имени их предводителя Кидары (в китайских источниках – Цидоло), провозглашавшего себя «царем Кушан», а по некоторым источникам – «царем Ина». Эти племена жили в Прикаспии. Сведения о них в письменных источниках достаточно скуды.

Больше сведений в источниках о хюнитах. С походами хюнитов связан целый ряд эпизодов политической истории Средней Азии во второй половине IV – середине V в. Они вели войны в Сасанидах, а в V в. развернули наступление на восток и добрались до Бактрии. Известны монеты хюнитов, поражавшие сасанидским дирхамом начала V в.

О победах хюнитов во время их похода в Восточный Прикаспий писал Аммиан Марцелин: «Их новый царь Грумбат был уже прозван «множеством побед». Но, несмотря на победы, хюниты не смогли создать сколько-нибудь прочное государственное объединение» (Аммиан Марцелин, С. 20).

О «белых гунах», или эфталтах, сообщают византийские, индийские, китайские, арабо-персидские, армянские и другие письменные источники. Несмотря на обилие сведений, ряд вопросов истории созданного эфталтами государства рассматриваются учеными с различных и нередко противоположных точек зрения. Хорошо осведомленные авторы китайских хроник называют родины эфталтов районы Восточного Туркестана (Турфан). Согласно этим сведениям, эфталты были вытеснены оттуда в результате столкновения с соседними племенами жуань-жуаней.

Время создания государства эфталтов на территории Средней Азии определяется 50-ми годами V в. Эфталты с большим успехом выдержали неоднократные нападения на их владения сасанидского царя Пероза (454–484 гг.), который сам шел во время последнего похода. Его преемники обязались выплачивать царю эфталтов дань. Приблизительно к середине VI в., при Хосрове I (530–579 гг.), Иран, восстановивший экономическую и военную мощь, вновь переходит к агрессии против эфталтов, власть которых к концу V в. распространилась на большинство областей Восточного Туркестана. К началу VI в. они создали огромную империю, в которую, помимо Восточного Туркестана, вошли значительные территории Средней Азии (Тохаристан, Чаганияв, Самарканд, Бухара, Кеш, Фергана, Чач).

Б.А. Литвинский полагает, что с Ферганой связаны одна группа эфталтов – «красные хюны». Он считает, что хюны, видимо, могли жить в горных районах Средней Азии, имеют в предгорьях Ферганы (Литвинский, 1976, С. 55).

Наиболее интересную заметку об эфталтах оставил византийский историк Прокопий Кесарийский. Он писал: «Хотя эфталты – народ униского племени, но они не смешаны и не сплоскаты с известными нам унами... они не кочевники, подобно другим униским племенам, но издревле населяют плодородную страну... Изю всех унонов один унон белы телом и не безобразны лицом» (Принципий Кесарийский, 1380).

По сведениям китайских источников, «владельческий дом Иеда» (китайская передача имени эфталтов) происходит от одного рода с близкими Ю-люй, хотя в этой же заметке хроника говорится: «...другие скажут, что Иеда есть отгавес гаютойского племени» (Бирнштам, 1950, Т. II, С. 268).

Несмотря на то, что проблема происхождения эфталтов занимает исследователей не одно десятилетие, пока еще остается открытым вопрос о месте сложения этого народа.

С.П. Толстов считал эфталтов выходцами из Приаралья. Он полагал, что дельты Сырдарьи в Амударьи были тем ревомом, где «на древнем сако-массагетском субстрате с ослеплой примесью восточных гуно-туркских элементов» сложилось государство хюнонот-эфталтов» (Толстов, 1953, С. 159; 1962, С. 244).

А.Н. Бернштам отмечал два центра, где, по его мнению, происходило формирование этногенеза эфталтов и складывалась их государственность, – средняя и нижняя Сырдарья и верхние Амударьи (Бадахшан). Он считал, что в этногенезе эфталтов ведущее место принадлежит центрально-азиатским элементам: «...скрещение центральноазиатских элементов с местными сакскими на почве Приаралья дало эфталтскую среду» (Бернштам, 1952, С. 192).

Более поздние арабские авторы пишут о широком распространении эфталтов в Мавераннахре, называя этот народ хайталами, а область, где они жили, – хайтальской стороной. Якут дал более конкретные сведения: «Хайтал – это название области Мавераннахр, а это Бухара, Самарканд, Ходжент и (то), что между ними» (Мандельштам, 1964, С. 58). Из этого следует, что эфталты широко распространились в земледельческих областях Средней Азии и занимали там прочие позиции. Известно, что правителем Чаганиява был эфталт. Видимо, эфталтская династия сменила местную при завоевании этой области. Значительное количество эфталтов жило в Бухаре и других районах Зеравшанской долины. Известно, что один из кварталов и замок в Самарканде имели название, сходное с именем последнего царя эфталтов, – Гатифар.

Эфталты делились на две группы – белые хюны и красные хюны. Последние обязаны своим названием красным головным уборам, красным доспехам и красному знамени. Пока еще неясно, были ли эти группы различными племенами, входившими в конфедерацию, или же это какие-то этнические разновидности, входившие в единый племенной союз.

Эфталты были ираноязычным народом. Их язык принадлежал к восточноиранской группе, но несколько отличался от языка других ираноязычных народов. В тохаристанских владениях официальным государственным языком эфталтов был бактрийский. В легендах эфталтских монет читаются бактрийские титулы. Эфталтская письменность развивалась на основе утунской. Сохранилось немного памятников письменности эфталтов. К их числу относятся надписи на черепке из Зантепе, граффити из Карадеде, надписи из Афраснаба и Кафьяркада Колхозабадской.

У нас нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о резких противоречиях между оседлым населением и эфталтами. Возможно, переход власти в руки во-

ждей эфталтских племен произошел при поддержке, оказанной им аристократией земледельческих оазисов. Известно, что при эфталтах во многих владениях Ферганы и Бухары продолжали править местные династии. Эфталтское государство просуществовало немногим более пятидесяти лет. Но оно сыграло значительную роль в истории народов Средней Азии. Именно это государство обеспечило Средней Азии в I тысячелетии н.э. самостоятельный путь развития. Объединение разрозненных владений в рамках одного государства привело к восстановлению экономических и культурных связей, существовавших ранее. При эфталтах было положено начало экономическому и культурному подъему во всех историко-культурных областях Средней Азии. Этому способствовала политическая устойчивость относительно сильной власти.

К середине VI в. на землях Северной Монголии образуется новое государство, созданное алтайскими тюрками. — Тюркский каганат (551—744 гг.). Это была вторая после гунов степная империя, распространившая свою власть на огромную территорию от границ Китая до южнорусских степей.

В результате совместных военных действий Хосрова в Хакана между 563 и 565 гг. эфталтское государство было уничтожено и его территория разделена между Ираном и каганатом. Граница проходила западнее Балха, восточнее Мургаба.

В начале VII в. (в 600—603 гг.) в результате междоусобных войн каганат распался на две части — на Восточнотюркский и Западнотюркский. Земледельческие области Средней Азии попали под власть Западнотюркского каганата, сыгравшего огромную роль в судьбах среднеазиатских народов. Несмотря на то что они были вынуждены выплачивать тюркам дань, некоторые владения обрели политическую самостоятельность и свободу внешних сношений. Тюрки же после разгрома Эфталитов ушли на северо-восток, в степные районы. Значительная часть тюрков поселилась в Северной и Восточной Ферганае, в районах, тяготевших к Ташкентскому напсу, и в Семиречье. В южных и центральных районах — Согде в Тохаристане их влияние было незначительным. Переселение тюрков в земледельческий район повлекло за собой переход некоторой их части к оседлости. Изменив образ жизни и характер ведения хозяйства, они восприняли от оседлого населения некоторые формы материальной культуры, строительную технику, способ хранения продовольственных запасов в хумах, приемы тончайшего производства.

Проникновение тюрков в VII в. в земледельческие области, в первую очередь в Чач и Фергану, привело к постепенному отторжению местных племен, с которыми тюрки смешивались. В период господства Западнотюркского каганата тюрки установили союзные отношения с Византией, способствовавшие оживлению торговли между восточной и Западной Азией. Основным предметом торговли являлся шелк. По древнему Пашу Юю, крупного китайского чиновника, один из караванных путей пролегал через Капшар-Памир-Фергану-Усугрунун на Зеравшан и далее в Персию. В эти годы оживляется торговая деятельность согдийцев (начало ее исследователи относят к V в.), в результате которой они все более проникают в Семиречье.

Вслед за торговцами в эту область направлялись свободные общинники. Они основывали поселения, которые становились центрами ремесла и торговли и постепенно превращались в города.

Тюркский каганат распался в VIII в., но это не уменьшило влияния тюркских племен в Средней Азии. Сразу же после распада каганата возникли крупные политические объединения кочевых и полукочевых племен, подчинившие своей власти обширные территории. Семиречье, Тянь-Шань и дельта Сырдарьи были главными районами их расселения. С начала VIII в. долину р. Чу занимали тюркешы, населявшие до этого горные районы Тянь-Шаня. С этого времени устанавливаются еще более тесные контакты с земледельческими районами Средней Азии. К моменту прихода тюркешей в Семиречье на месте сошедших факторов уже возникли города, бывшие ремесленными и торговыми центрами.

Согдийская колонизация, начавшаяся в V в. и особенно усилившаяся в VII—VIII вв., почти на полтысячелетия определила развитие Семиречья и сыграла большую роль в жизни тюркского населения восточных районов Средней Азии. Тюркешы были одним из наиболее культурных тюркских племен. Они в большей степени подверглись влиянию высокой согдийской культуры. Значительная часть тюркешей жила в городах и занималась ремеслами. Тюркешские правители чеканили свои монеты, прототипами которых послужили китайские и согдийские образцы. Монеты были круглые и имели квадратное отверстие в центре (*Кыяпиев Л., Саирова Шербаб, 1958*).

В 760 г. власть в Семиречье переходит к карлукам пришедшим сюда с Алтая. Это было одно из многочисленных тюркских племен. Они, как и тюркешы, жили в городах и селениях, занимались ремеслами и земледелием, кочевым скотоводством и охотой. Значительная часть карлуков жила в Ферганае и южных районах Согды.

Восточными соседями карлуков были тюрки чигиши и ягма. Первые жили южнее Иссык-Куля, в горах. Они владели городами и содержали огромные стада. Тюрки ягма тоже жили южнее Иссык-Куля. Это были воинственные племя, наименее культурное по сравнению с карлуками и тюркешами, что, однако, не помешало им впоследствии стать во главе Каракиндского государства.

Огузы и чеченцы — самые западные тюркские племена. Они были северными и северо-восточными соседями Хорезма и находились под его постоянным культурным воздействием. Огузы с VII в. начинают фигурировать в исторической литературе. Этнический состав их был сложен. С.П. Толстов считал, что огузы сформировались в низовьях Сырдарьи. Этот народ сыграл большую роль в этногенезе туркмен, казахов, каракалпаков.

Тюрки, пришедшие в Среднюю Азию как завоеватели и расселившиеся в ее земледельческих оазисах, способствовали ускорению темпов развития этой области. Значительная их часть перешла к оседлости и занялась ремеслами и сельским хозяйством. Тюрки принимали активное участие в международной торговле и как посредники и как купцы. Они известны как хорошие ремесленники, особенно искусные в изготовлении оружия и конской упряжки.

Среди тюрков были, видимо, много грамотных людей, и чем свидетельствуют надписи на бытовых предметах

Тюрки вступали в браки с местными жительницами (известны браки тюрков с высокопоставленными особами) и занимали высокие должности. Так, например, тюрк по имени Тархун был правителем Согды. От его имени чеканились монеты. Одна такая монета, чеканенная в начале VIII в. (700–710 гг.), найдена в Фергане, на Ахтеше, в Баткенском районе (*Бардуши, Грыштин, 1963, С. 96*).

История завоевания Средней Азии арабами, освещенная во многих источниках, достаточно хорошо исследована. Хронология событий этого периода известна с точностью, недоступной для более ранних эпох.

В VII в. начинается наступление арабов на земли Средней Азии. В 651 г. был взят Мерв, где от руки местного мевляка погиб последний сасанидский шах Ирана Хсруперд III.

С начала VII в. народы Средней Азии ведут наиболее упорную борьбу с арабами, походы которых в эту область учащаются и стали крайне жестокими, особенно когда арабское войско возглавил хорасанский наместник Кутейба ибн Муслим.

Встретив серьезное сопротивление, арабы только в первые десятилетия VIII в. овладели Хорезмом и центральными областями Согды. Против арабов объединились тюрки, фергандцы и чачцы, однако их соединенное войско было разбито, и в 712 г. Кутейба ибн Муслим занял Самарканд; после этого он организовал карательные походы против Чача и Ферганы, в одном из которых погиб, так и не подчинив эти области. Для прочного утверждения своей власти арабы пришлось почти целое столетие преодолевать упорное сопротивление в частые восстания в уже завоеванных землях. Умирять фергандцев им приходилось еще в IX в.

Арабское завоевание включило Среднюю Азию в обширный круг высокоразвитых государств от Средиземноморья до западных пределов Китая. Во многом сильно изменил уклад местной жизни, особенно в связи с принятием (поначалу вынужденным) новой религии — ислама, вытеснение арабов в среднеазиатское общество тем не менее не стало им рубежом, им толчком к новому социально-экономическому строю, основы которого складывались на протяжении трех-четырех предшествующих столетий.

В конце V–VI в. во всех областях Средней Азии намечается подъем экономической жизни. Этот процесс шел быстрее в экономически более развитых областях, к каковым относится долина Зеравшана. Характерная черта этого времени — изменение облика материальной культуры, которое можно объяснить только серьезными перемены в социально-экономическом строе общества. В VI–VII вв. начинают складываться феодальные отношения, в чем свидетельствуют распад больших государств и образование мелких владений, формируется дехканство, внутри которого существует социальная дифференциация, образуются классы зависимых от дехкан людей — слуг. Во время войны дехкане составляли отборную конницу.

Изменяется характер расселения. Укрепленные селения сменяются замками и укрепленными усадьбами. Существовали также укрепленные селения с цитаделями. Крупный землевладелец обладал большим замком, находившимся у головного канала. Таким способом он контролировал распределение воды.

Намечается подъем в сельском хозяйстве, восстанавливается ирригация. Проникнет садоводство. Состав сельскохозяйственных культур очень близок к современному. Данные письменных источников свидетельствуют о том, что основная масса населения жила в деревнях.

В Западных Сузах, Цизна и в Таншу говорится о городах некоторых областей; в Бухаре было описано больше и описано тысячи малых городов, в Фергане насчитывалось шесть округов и около сотни малых городов. Город этого периода предполагает наличие крепостных стен.

Начало формирования феодального города, видимо, относится к V–VI вв. Город являлся экономическим и политическим центром небольшой округи и объединял сельскохозяйственные поселения, располагавшиеся в непосредственной близости от него.

Со времен А.Я. Жуковского и В.В. Бартольда в науку установилось мнение, что для средневекового города характерно трехчастное деление (цитадель, шахрстан, рабад). Эти ученые полагают, что цитадель и шахрстан свойственны раннесредневековому, дофеодалному городу (*Жуковский, 1894; Бартольд, 1963, С. 120, 1966, С. 173*). Позже А.Ю. Якубовский писал, что основные черты застройки города отражали его социальную структуру. Рабад, по мнению этого автора, характерен для феодального города (*Якубовский, 1951, С. 18*). Эти положения высказаны А.Ю. Якубовским в 40-х годах. Они были основаны на сведениях письменных источников. Работы последующих десятилетий показали, что наиболее объективным источником для изучения структуры средневекового города является археологический материал, по мере накопления которого выявлялись коррективы в схему развития города, предложенную В.В. Бартольдом и А.Ю. Якубовским. Исследования подтвердили, что нет единой схемы. Трехчастное деление города, как полагает О.Г. Большаков, "не имело безусловной связи с социальной структурой общества. Появление рабада является результатом территориального роста города" (*Большаков, 1970, С. 96–99*).

Конкретная историческая обстановка, в которой развивались города, отражалась на их топографии. По мнению С.П. Толстова, города, сложившиеся в эпоху феодализма, не имели цитадели. Они состояли из шахрстана, вокруг которого складывался рабад. Для города были характерны стихийность застройки и нерегулярность плана (*Толстов, 1948, С. 240*).

На топографию города большое влияние оказывала окружающая географическая среда. Особенно ярко это проявляется в горных районах: поселения и города здесь занимают наименее пригодные для возделывания земли, а их очертания подчинены рельефу местности. Большим своеобразием характеризуется топография городов Юго-Западного Семиречья. Оно заключается в наличии длинных стен, окружающих пространство вокруг центральных развалин. Структура центральных развалин четкая: здесь выделяются цитадель, укрепленный шахрстан и часто неукрепленный рабад. Территория, огражденную длинными стенами, занимала сельскохозяйственная округа города. Здесь же находились храмы, некрополи, отдельные замки (*Абжиянов, 1959, С. 65 и сл.; Кивляков, 1959, С. 156 сл., 230, 233*).

функциональное назначение длинных стен Семиречья отличается от такового стен в Согде и Фергане, ограждавших территорию рустаксов-огузов.

Важнейший экономический фактор этого периода – расцвет мировой внешней торговли, к которой тюркские каганы неизменно проявляли живой интерес. Наиболее заметный вклад в торговлю, проходившую по издавна продолженному Великому шелковому пути, внесли согдийцы. Купцы согдийских городов стали едва ли не главными посредниками в мировой торговле того времени. Именно согдийской торговле обязана своим появлением цепь городов-колоний, которая протянулась от северных границ Средней Азии через Семиречье, Восточный Туркестан и Монголию до Великой Китайской стены. Общекуптурное значение этих городов для Восточного Туркестана трудно переоценить. Именно тогда недалеко от главной переправы через Амударью, на западном окраине Согда, вырос “город купцов” Пайкент, экономической расцвет которого зависел от караванной торговли.

В это время прославился согдийский купец самаркандец Маннах, получивший от тюркского кагана почетный титул тархана. Выполняя дипломатические поручения сагана, Маннах ратовал за интересы согдийской торговли в столицах Византии и Сасанидского Ирана. Помимо Согда, в международную торговлю были вовлечены и все другие области Средней Азии.

Но одновременно с большим значением, которое приобретает международная торговля и ее проводники – купцы, владельцы караванов, в рассматриваемое время в социальной структуре общества возмущаются землевладельцы – дехканы, жившие преимущественно в замках. Они возглавляли свои дружины – военные формирования князев. Дехкане напомним средневековых рыцарей Западной Европы, но в отличие от Европы в Средней Азии отношения между феодално-землевладельческой аристократией и купечеством были мирными, до столкновения дело не доходило.

Главной особенностью идеологически-религиозной обстановки в стране является то, что в Средней Азии не было единой официальной, государственной религии. Этот факт необходимо особо отметить в связи с тем, что в соседнем Иране именно в это время зороастризм стал государственной религией, политикой которой отличалась непримиримостью ко всякого рода отклонениям от канонов учения и одновременно враждебностью к другим религиям. То же самое происходило и в христианской Византии. В Средней Азии ситуация была иной. И хотя письменные источники свидетельствуют о том, что зороастризм (религия магов) был распространен здесь довольно широко, тем не менее в отдельных областях исповедовали буддизм, существовали и общины христи-

ан. Кроме того, в Средней Азии находили приют сторонники таких еретических с точки зрения официального зороастризма сект, как манихейство, а затем и маздакитство (крайне дуалистические учения, привлекавшие, особенно последняя, на свою сторону широкие народные массы). Такая обстановка оказалась весьма благоприятной для появления различных синкретических культов, что и имело место в действительности.

Таким образом, послекушанский период истории Средней Азии охватывает фактически около четырех столетий, с середины IV до середины VIII в.

Хотя с начала археологического изучения древностей Средней Азии прошло уже столетие, к целенаправленным систематическим исследованиям археологи практически приступили лишь в начале 30-х годов текущего столетия. С этого времени исследования ведутся как по линии первичной фиксации памятников, так и их раскопок. Общее количество таких памятников весьма велико. Их насчитывают сейчас многие десятки. Речь идет в первую очередь об остатках оседлых поселений различного типа. Это в основном руины более или менее крупных поселений городского типа или же остатки построек, которые археологи именуют различно – “сельские поселения”, “отдельные здания” и, чаще всего, “замки”. Руины крупных городов (но не всех) отождествлены с их древними названиями. Что касается замков, то их наименование в подавляющем большинстве случаев – недавнего происхождения. Общие результаты археологических работ последних трех-четырёх десятилетий подтверждают сведения письменных источников, содержащих впечатления очевидцев-современников, согласно которым Средняя Азия была страной с развитой городской культурой.

Исследование городов – занятие весьма трудоемкое, требующее больших материальных затрат, физических усилий и опыта. В предвоенные годы и особенно после войны начали работать экспедиции археологического надзора на крупных стройках в Чуйской долине, в Фергане и в других регионах. Вот уже шестьдесят лет ведет работы Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, созданная С.П. Толстовым. Пятидесятилетие отметили исследователи Пенджикента. Хорезмская экспедиция первой начала комплексное изучение региона с привлечением ученых разных специальностей (биологов, географов, картографов). Были открыты и раскопаны полностью десятки памятников. Полученные результаты позволяют по-новому осветить многие вопросы истории региона.

Раскопки Пенджикента позволили составить реальные представления о структуре раннесредневекового города, о быте горожан, о разнообразных искусствах, процветающих в городах.

Глава I Северный Хорасан

Раннее средневековье в истории Южного Туркменистана – это время, когда его территории входили в состав государства Сасанидов, которое включало в себя также Иран и Месопотамию. Только в самом конце эпохи территории Южного Туркменистана оказались под властью арабов. Арабское завоевание этих земель произошло в середине VII в., т.е. значительно раньше, чем остальной части Средней Азии. Именно этот район, в частности крупнейший город его – Мерв, стал базой для дальнейших завоеваний арабами Средней Азии.

В эпоху Сасанидов вся территория государства делилась в военно-административном отношении на четыре больших региона. Один из них назывался Хорасаном. В состав его входила территория современного Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана. При этом прохождение восточной границы Хорасана зависело от успехов сасанидских войск: в период наибольших успехов Сасанидов в состав этого региона включались Балх и Бухара (Колесников, 1970, С. 95). Из территорий Южного Туркменистана в состав наместничества Хорасан, управляющего спехбандом, как это вытекает из географических сочинений, безусловно, входили следующие провинции: Мерв, Мерверуд, Багир, Серрах. Труднее определить, входили ли в состав Хорасана более западные части северных предго-

рай Копетдага. Несомненно, что самая западная часть (район Гургана) административно принадлежала к "северному наместничеству" и входила в провинцию Гурган (Gyselen, 1989, P. 84). Более восточные районы (начина примерно с Ашхабада вплоть до современной Кизильки исключительно) входили в состав провинции Абавад и Шахр-Рам-Пероз (Gyselen, 1989, P. 84), которые были каким-то образом связаны с Абаршахром (район Нишапура) и тем самым могли считаться включенными в состав "восточного наместничества", т.е. Хорасана. Во всяком случае, в момент арабского завоевания Ниса (городище Новая Ниса у с. Багир) входила в состав Хорасана (Бартольд, 1965, С. 127). Абавад (Абверд) являлся центром одноименной области, отнесавшей парфянской Апаравстикене. На территории Туркменистана эта область покрывала подгорную полосу от Баба-Дурмаза до Меана и Чага (Литвин, 1985).

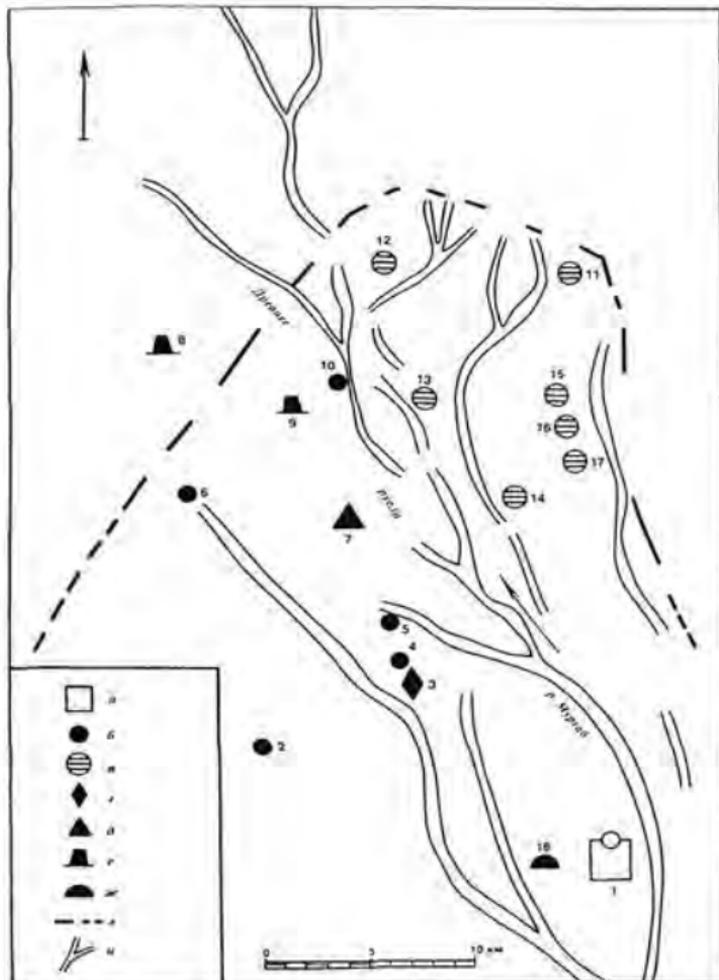
Мерв, как правило, являлся столицей всего Хорасана, хотя в исключительных случаях ставка правителя могла переноситься и в другие города.

Соответственно в данной главе будут рассматриваться проблемы археологии раннесредневекового времени территории, которые составляли северную часть исторической области Хорасан с III по VIII в., т.е. оазисы к северу от Копетдага вплоть до Серрах и расположенный в сердце Хорасана Мервский оазис.

История изучения

Археологическое изучение как подгорной полосы Копетдага, так и Мерва началось только с 80-х годов XIX в., когда эти территории были присоединены к России, хотя некоторые сведения о них просачивались в Европу благодаря немногочисленным путешественникам (русским, англичанам, французам), побывавшим здесь (Массон М., 1949; 1980, С. 10 и сл.). После присоединения Мерва и особенно после завершения строительства железной дороги число таких путешественников увеличилось, и соответственно возросло число сообщений о здешних памятниках (Массон М., 1980, С. 19 и сл.). Первые научные исследования на территории Мерва провел востоковед В.А. Жуковский (Жуковский, 1894). Хотя ученый интересовался главным образом историей и памятниками Мерва поры послерабского завоевания, он уделил некоторое внимание и памятникам раннесредневековой поры. Проводились небольшие раскопки на территории Эрзкала. Позднее в оазисе работала американская экспедиция под руководством Р. Памелли. В ходе ее исследований было заложено несколько шурфов на Гауркале и Эрзкале, а в северной части оазиса было открыто несколько памятников, как поздние выисались, сасанидского времени (Exploration in Turkestan,

1905–1908). И методы, и результаты исследований этой экспедиции были резко критически оценены В.В. Бартольдом (Бартольд, 1966 в. С. 141–153). Раскопки на городищах древнего Мерва (главным образом в Эрзкале) были осуществлены только в 1937 г. (под руководством А.А. Марушченко, при участии Б.Б. Пиотровского). Однако масштабы их были невелики, а публикация материалов – очень краткой (Пиотровский, 1949). После окончания Великой Отечественной войны основные исследования в Мервском оазисе проводила ЮТАКЭ, в особенно больших масштабах начиная с середины 50-х годов. Слон раннесредневекового времени исследовались на Гауркале (основные итоги см.: Филинович, 1974) и Эрзкале (основные итоги см.: Усманова, 1963, 1969). Кроме того, в ходе разведочных поездок по территории оазиса были зафиксированы памятники, относящиеся к этой эпохе (Массон М., 1966). Важнейшие результаты первых лет работы ЮТАКЭ отражены в монографии Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1958). В эти же годы небольшие по своим масштабам исследования в оазисе проводили и археологи, работавшие в АН Туркменинии (Еришов, 1959; Дурдыев, 1959).

Карта I. Северный Хорасан

1 - Герусма/Архакле, 2 - Чинабура, 3 - Хароба, Кандж, 4 - Дю-Чинк, 5 - Тонканд, 6 - Миронанд, 7 - Атаджин, 8 - Губожайстан, 9 - Чинджин, 10 - Дурман, 11 - Койне Кинжан, 12 - Ула, Кинган, 13 - Курган, 14 - Гечуран, 15 - Абанджан, 16 - Фуджандон.

17 - Амджин, 18 - Бахрамиджаев пещерный, а - крупный город, б - малый город, в - урочище, г - дельтовый водораздел, д - канал в долине, ж - минарет, з - стена, окружающая оазис, л - дренаж (русл и притоки); Мугриб

В 70-е годы активность ЮТАКЭ резко упала, но с 1980 г. начала свою деятельность объединенная экспедиция НА АН СССР и Туркменского государственного университета, которая проводила раскопки ряда городов и занялась составлением археологической карты оазиса. В конце 80-х годов в работу по созданию этой карты включались и итальянские археологи из ISMEO. Сейчас работа завершена, и публикации карты ожидается в ближайшее время. С 1993 г. на территории Гюркалы в Эркакда проводит свои исследования англо-туркменская экспедиция, предварительные отчеты о работах которой публикуются ежегодно в журнале "Iran".

Исследования в предгорной полосе не имели столь интенсивного характера, как в Мервском оазисе. Крупнейшее городище этого района Новая Ниса, в сущности, не подвергалось серьезному археологическому изучению, а при небольших по масштабам раскопках слои раннесредневекового времени почти не вскрывались (Вильямитина, 1949, 1953). Стратиграфический шурф показал, что в сасанидское время Ниса находилась в запустении, но не ясно, можно ли этот вывод перенести на все городище, или это черта, характеризующая только его часть. ЮТАКЭ в данном рай-

оне исследовала городище Старая Ниса и памятники городища более раннего времени (эпохи неолита и бронзы), не уделяя практически никакого внимания сасанидскому периоду. Совершились только разведочные раскопки и предварительное обследование памятников (Массон М., 1953).

Несколько более активны были сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, которые в 50-е годы проводили раскопки Хосровкалы (Марущенко, 1956) и Серакса (Марущенко, 1956а). Там были вскрыты слои раннесредневекового времени. В очень небольших масштабах исследовалось городище Куяк-Кааха (Дурдыев, 1959б). В дальнейшем было продолжено изучение Серакса (Оразов, 1973) и определено внимание уделялось ирригационной системе оазиса (Оразов, 1972). Большое внимание было обращено на один из замков предгорной полосы – Акдепе (Губаев, 1967, 1968, 1971, 1977; Губаев, Кошелевко, 1968, 1972). Основные результаты еще не опубликованы. Значительные по масштабам разведочные работы были произведены в конце 70-х – первой половине 80-х годов по составлению археологической карты Каякчинского района, однако результаты опубликованы только частично (Пилипко, 1982; Логинов, 1991).

Основные события политической истории

В первые века н.э. Мервский оазис и подгорная полоса Копетдага входили в состав Парфянского царства, но пользовались широкой автономией. Мерв и восточная часть предгорий входила в состав вассального царства Мерва и управлялись собственной династией (видимо, одной из боковых ветвей Аршакидского дома) (Кошелевко, 1966, С. 67 и сл.; Пилипко, 1980). Западная часть предгорной полосы, видимо, входила в состав такого же автономного царства Гиркания. После падения власти Аршакидов и перехода власти к персидской династии Сасанидов Мерв и подгорная полоса оказываются под властью последних. Это происходит во время царствования Ардашира I, когда он совершил большой поход на восток (Фруе, 1984). Иногда высказывается предположение, что в конце парфянской эпохи Мерв был захвачен кушанями, что и стало причиной похода Ардашира на восток (Бинар, 1991, С. 7–8). В списке приближенных этого царя, содержащемся в нахичеванской наскальной надписи, упоминается Ардашир, царь Мерва (Фруе, 1984, Р. 372). Однако автономия Мерва уже в период царствования Шапура I была утрачена, и он вошел в обычную административную структуру государства Сасанидов. Правда, вполне вероятно, что какое-то время Мерв был частью кушанского вассалитета. Во всяком случае, известно, что некоторые кушано-сасанидские монеты чеканились на мервском монетном дворе (Carter, 1990). О положении районов подгорной полосы в составе государства Сасанидов серьезной информации нет.

Мерв стал одной из основных опорных баз сасанидского государства на востоке, и правитель его приобрел титул марзбана (Колесников, 1970, С. 95 и сл.). Однако при обострении конфликтов с восточными соседями Мерв иногда оказывался под ударами ирагов. Такие периоды отмечаются отсутствием чекана на местном монетном дворе. Особую роль сыграл Мерв в судьбе последнего сасанидского шаха Йездгерда III. Когда началось завоевание государства Сасанидов арабами, именно Мервский оазис был последним убежищем этого шаха, и здесь он в 651 г. вынул свой копей (Колесников, 1982, С. 131–146). В историю его гибели много выясно, поскольку в событиях принимало участие много политических сил (сам шах со своим окружением, марзбан Мерва Махуйе, жители города, тюрки, призванные из-за Амударьи то ли Йездгердом, то ли Махуйе, арабы), а сообщения историков об их деталях очень различаются. Районы подгорной полосы практически одновременно с Мервом оказались под властью арабов.

Переход власти к арабам в первые десятилетия мало сказался на характере общественных отношений и культуры населения региона. Только с IX в. можно заметить серьезные изменения. Первым существенным знаком перемен стало запустение старого города (городище Гюркалы) и обживание новой территории – к западу от прежней (современное городище Султанкала).

Основания стратиграфии

До недавнего времени считалось, что стратиграфия и периодизация памятников Мервского оазиса (а также и памятников подгорной полосы) сасанидского времени хорошо установлены. Основой стратиграфии служили материалы шурфов Эркалы (их обобщение см.: Усманова, 1963, 1969) и Гауркалы (их обобщение см.: Филимонов, 1974). Однако сравнительно недавно выяснилось, что стратиграфические наблюдения для раннесасанидского времени основывались на неточных нумизматических данных, так как М.Е. Массон, определявший монеты, систематически ошибался, принимая монеты царя Шапура II за монеты Шапура I (Логинов, 1990; Loginov,

Nikitin, 1993a, P. 226). Только в последнее время были приняты условия для установления надежной стратиграфии этого времени. Наиболее надежными в этом отношении стали материалы Гебеклыде (северная часть оазиса), где четко различаются слои парфянского и раннесасанидского времени, а последние не выходят за пределы IV в. (Косиленко, Никитин, 1991); правда материал из раскопок этого памятника опубликован только частично. Для подгорной полосы "стратиграфическая колонка" составлена на базе исследований замка Акдене (периоды Акдене I–V – от II по первую половину VII в.), но она, к сожалению, не опубликована.

Система расселения

В сасанидскую эпоху происходили большие изменения в системе расселения в Мервском оазисе. В эллинистическое время заселены были только территория Гауркалы (с Эркалой) и непосредственные окрестности города. В парфянский период осваивались территории к северу от Гауркалы. Был создан ряд небольших укрепленных населенных пунктов, имевших строго геометрическую планировку (Губаев, Косиленко, Новиков, 1990; Gubaev, Koshelenko, Novikov, 1991; Bader A., Gaibov, Koshelenko, 1993/4): Дуриалы (Bader A., Gaibov, Koshelenko, 1996), Чанглы (Koshelenko, Bader A., Gaibov, 1992), Койне-Кишман (Koshelenko, Bader A., Gaibov, 1993), Кыркенде (Лурдышев, 1959a) и др. В сасанидское время освоенная территория не увеличивалась, но возросло число населенных пунктов. На территории Мервского оазиса в это время существовало несколько десятков населенных пунктов разного характера. Главным центром оазиса по-прежнему оставался Мерв, состоявший из городской цитадели (Эркалы) (Усманова, 1963) и собственно города (Гауркала) (Филимонов, 1974). Город и цитадель имели укрепления. За городскими стенами располагался пригород. Основная застройка занимала центральную часть Гауркалы, в углах оставалось достаточно много незастроенного пространства. Город имел четверо городских ворот. Главные улицы шли от них и пересекались в центре (Табл. I, I).

Сохранялись некоторые следы регулярной планировки, восходящей к моменту основания города. Цитадель имела вневальный план, а в нее вел только один вход – со стороны города, где находилось длинный пандус. В центре цитадели располагались здания административно-официального назначения, а на границе равных стен с южной стороны находился замок-форт, видимо резиденция мервского правителя. Изменения в системе расселения проявляются по-разному в разных частях оазиса. В районе Дуриалы (Bader A., Gaibov, Koshelenko, 1996) созданный при парфянах небольшой городок сохранил свой характер до IV в. Позднее вокруг него вырос неукрепленный пригород площадью до 7 га. В начале арабского периода укрепленный город был полностью покинут, а неукрепленная часть его выросла и достигла площади 15 га. На его окраине в конце VII или начале VIII в. был построен укрепленный лагерь для арабов – рабей (Табл. I, 2).

В районе Чанглы (Koshelenko, Bader A., Gaibov, 1992) эволюция имела несколько иной характер. В парфя-

ское время здесь была создана круглая в плане крепость, которая просуществовала примерно до IV в. В это время она была покинута, и на ее руинах построен замок, вокруг которого выросло неукрепленное поселение площадью до 15 га. В начале арабского периода старый замок и поселение были оставлены, и рядом возникло новое поселение площадью до 60 га. Также был построен и рабай.

Улы-Кишман (Bader A., Gaibov, Koshelenko, 1993/4, P. 58–60) начинает свое существование в виде небольшой прямоугольной в плане крепости, построенной в позднeparфянский период. Ее характер не меняется и в раннесасанидский период. Однако в конце сасанидского периода крепость была оставлена и на ее руинах строится замок, к югу от него возникает небольшое поселение со скромными укреплениями.

Рассмотрев этот материал, мы можем прийти к выводу, что в начале сасанидской эпохи в системе расселения в оазисе практически не произошло никаких серьезных изменений. Основным типом населенного пункта по-прежнему оставалось небольшое укрепленное поселение прямоугольной в плане формы. Только с V в. начинаются существенные перемены. Появляется новый тип сооружения, который обычно определяется как замок. Старые поселения пустеют, а вокруг замков вырастают новые, как правило неукрепленные (хотя иногда вокруг них строятся достаточно слабые укрепления). Арабское завоевание приносит новый тип сооружения – укрепленный лагерь (рабай), строящийся обычно на окраине поселения.

Некоторая информация о системе расселения имеется и для оазиса Серакса. В сасанидское время здесь существовал только один город – сам Серакс (Орлов, 1973, С. 21 и сл.). Он занимал только ту территорию, которая позднее стала цитаделью города эпохи развитого средневековья и был окружен наховой стеной. Вокруг него уже сложился неукрепленный пригород. Цитадель в плане имела форму неправильного многоугольника (поперечник 280–300 м) (Марущенко, 1956a, С. 166). Основным типом населенного пункта в оазисе были поселения, имевшие в центре мощный бунор (обычно определяемый как замок) и неукрепленное поселение вокруг него (Ясенадзе I, Ясенадзе, Георгадзе и др.). Замок и поселение часто разделялись рвом (Орлов, 1973, С. 22 и

сл.). Самый крупный из замков имел площадь около 2 га. Имеется несколько типичных замков (Ходжамуррад-депе, Гайльдепе и др.), вокруг которых нет следов населения. Зафиксированы также и небольшие отдельно стоящие крестьянские усадьбы (например, Учдере 2, северный холм). В отношении подгорной полосы бесспорно крупнейшим населенным пунктом было городище Куня-Каалха, которое практически не исследовано (Дурдыев, 1959б, С. 12). Сейчас общепринятым является мнение, что именно это городище представляло собой центр области Апаракткисена, который в раннесредневековое время стал называться Апарарт (название засвидетельствовано надписью на буллии из раскопок Академ, см.: Губаев, 1971а, С. 47; Луконин, 1971, С. 50), а после арабского завоевания — Абнвера (Бавера) (Массон М., 1953, С. 27 и сл.; Логинин, 1985, С. 66). Город возник в парфяnsкое время, но наивысшего расцвета достиг в сасанидское. Он был обнесен стеной и представлял собой в плане прямоугольник, вытянутый с северо-востока на юго-запад (размеры стен: юго-восточная 737,5 м, северо-западная 675 м, северо-восточная 587,5 м, юго-западная 487,5 м). Город имел двое ворот. В центре городища на-

ходилась пинадель. Имеется также неукрепленный пригород, но время его существования не определено (Дурдыев, 1959б, С. 12).

Еще один город на территории подгорной полосы — городище Хосровкала (Маруценко, 1956). Город возник очень рано, существовал и в парфяnsкую эпоху, но наивысшего расцвета достиг в сасанидское время. Отличительная особенность его устройства — дуэлитное деление: собственно город и пинадель представляют собой изолированные комплексы, разделенные рвом. Пинадель имеет форму неправильного шестиугольника (поперечник примерно 170 м), собственно город имеет форму прямоугольника (260 × 160 м). Город и пинадель разделены свободным пространством площадью около 20–30 м. Имеется также и неукрепленный пригород, но время его существования не определено (Табл. 1, 4).

На территории предгорной полосы засвидетельствовано значительное количество замков (некоторые из них раскопывались). Как правило, вокруг замка или рядом с ним находилось поселение (иногда укрепленное). Так, рядом с замком Акаде располагалось большое поселение, продолжавшее существовать и после гибели замка.

Строительная техника

Строительная техника сохраняла свой традиционный характер. В качестве основных строительных материалов использовались сыровый кирпич и пахса (жидкая глина). Сыровые кирпичи обычно были квадратными (около 40 см в стороне и толщиной примерно 10 см). С течением времени проявляется тенденция к постепенному уменьшению их размеров. Связующим материалом служила жидкая глина. Очень часто конструкции создавались из чередующихся слоев пахсы и сырового кирпича.

Жженный кирпич использовался редко, главным образом для всякого рода вымоستков. Достаточно широко были распространены сводчатые перекрытия и даже купола простейшего типа, перекрывающие небольшие квадратные помещения. В качестве покрытия стен использовалась глиняная штукатурка, иногда ганч. В некоторых случаях стены расписывались, но росписи сохранились только в виде мельчайших фрагментов, не позволяющих представить их характер.

Фортификация

Характер фортификации населенных пунктов Мервского оазиса в сасанидскую эпоху только недавно стал более или менее ясен. Дело в том, что во время первичных разведочных исследований на севере оазиса было открыто большое количество памятников, у которых достаточно хорошо сохранились стены и башни, и эти памятники были определены как крепости парфяnsкого времени (Пугаченкова, 1952; 1958, С. 45–47; Кошеленко, 1963). Позднее в результате более углубленных исследований стало ясно, что сохранившиеся части фортификационных систем относятся к более позднему времени, и поэтому можно более точно определить характер укреплений на каждом из исторических этапов.

Сейчас в той или иной степени изучены укрепления сасанидского времени Гуркалы (Ташкобояев, 1963; Фиданович, 1974, С. 36 и сл.), Эркалы (Усманова, 1989), Чильбурджа (Гайбов, Кошеленко, Новиков, 1990), Гобек-Зильде (Губаев, Кошеленко, Новиков, 1990; Губаев, Кошеленко, Новиков, 1991) (Табл. 1). Во всех этих случаях стены сасанидского времени строятся на руинах стен парфяnsкого времени, превращаясь к тому моменту в валы. Для создания стен используются как сыровые кирпичи, так и пахса. Чаще всего слой пахсы и кирпича

чередуются. Все известные стены имеют внутренний коридор, который делится на отсеки выступами стен так что из одного отсека в другой можно пройти через узкую дверь. Основными узлами обороны являются башни, которых обычно довольно много. Внутрибашенные помещения квадратные или прямоугольные. Сами башни обычно прямоугольные, но со скругленными углами. Особое внимание уделяется обороне ворот. Ворота узкие, они фланкируются двумя башнями.

Исследования замка сасанидского времени показывают, что их тоже необходимо рассматривать как укрепления. Все они расположены на высоких платформах, имеют один вход, мощные стены. Нижний этаж лицевой окон.

В сасанидское время была построена и стена, охватывавшая оазис с севера. Ранее эту стену считали построенной при Селевкидах, в начале III в. до н.э., однако более внимательное изучение проблемы показало, что сасанидская стена располагалась гораздо ближе к центру оазиса, данная же стена, проходящая именно там, где кончались освоенные в период Сасанидов земли, возведена была, по всей вероятности, при царе Хосрове I (Bader A., Gai'bov, Koshelenko, 1995a).

Система фортификации, существовавшая в подгорной полосе, изучена недостаточно, однако некоторые материалы, характеризующие ее, все же имеются. К сасанидскому времени относятся, видимо, укрепления города Абиерада (городище Куя-Кааха). Автор раскопок полагают, что городские стены построены из сырцового кирпича на глинобитном доколе (*Дурдыев*, 1959б, С. 12), но более правильно, по-видимому, считать (на основании аналогий с памятниками Мервского оазиса), что глинобитный доколь — это остатки паховой стены парфянского времени. Характерная особенность памятника — очень частое расположение башен (на расстоянии 6,5 м одна от другой). Башни также имеют своеобразную "калеванную" форму. Внутрибашенное помещение — треугольное в плане, из башни ведет проход в город (шириной 0,8 м). В каждой из башен — три стреловидные бойницы, в стенах между башнями — четыре такие бойницы.

Стены Хосровкала также выполнены из сырцового кирпича, однако никаких данных о характере стен в башнях не сообщается. Отметим только, что особенность данного населенного пункта состоит в следующем: его

цитадель и собственно город имеют самостоятельные системы укреплений. Ворота цитадели устроены в наименее опасном месте — они обращены в сторону города (*Марушченко*, 1956). Укрепления замков лучше всего изучены на примере раннего (III в. н.э.) замка Дашлы I (*Логинин*, 1991, С. 8–9). Здание представляло собой в плане прямоугольник (47 × 50 м) с четырьмя прямоугольными башнями по углам и над входом (через прямоугольную же башню). Любопытна фортификационная структура замка Акдепе у Артыка (*Губаев*, 1977). Он имел достаточно мощную сырцовую стену с округлыми башнями по углам. Затем эта стена была усилена и, наконец, вдоль всей внешней северной стены замка был построен ряд дополнительных помпешений, что резко снизило его оборонительные возможности.

Если предположить, что вал Мерв имел не иррадиальное, а фортификационное предназначение (*Дурдыев*, 1959б — на основании исследований А.А. Марушченко), то можно будет считать, что оборона оазисов Хорасана в сасанидское время строилась на одних и тех же принципах.

Архитектура

Архитектура изучена еще недостаточно. Особенно плохо известна рядовая жилая застройка. Для раннесасанидского времени наилучший материал дает так называемый квартал мукомолов, расположенный в северо-восточной части Гяуркала, рядом с городской стеной (*Кацирис*, *Буржюк*, 1963). Ранее его датировали парфянским временем, но после пересмотра определенных монет, найденных при его исследовании (*Логинин*, 1990), стало ясно, что он относится к раннесасанидскому периоду. Здесь зафиксировано несколько отдельных домохозяйств, разделенных небольшими внутриквартальными переулками. Стены домов очень значительной толщины. Дворики не являются организующим элементом планировки жилища — они находятся обычно на краю застройки. Четко выдержана специализация отдельных помещений — производственных, складских и жилых, во всех имеются глинобитные суфы (Табл. 1, 6).

В районе Тургайдепе было зафиксировано несколько домов позднесасанидского времени, однако они не раскапывались, их план был зафиксирован только по гребням стен, возвышавшихся над песком. Характерны большие размеры отдельных домохозяйств, чем они отличаются от городских жилищ Мерва. Характерно наличие двух дворов: жилого — в центре дома и хозяйственного — с краю (*Пушаченкова*, 1958, С. 139).

К числу замков обычно относят также памятники, как Большая и Малая Кыгкала (*Пушаченкова*, 1958, С. 135–139). Эти два памятника находятся в непосредственной близости от Мерва и впервые зафиксированы еще В.А. Жуковским (*Жуковский*, 1894, С. 165–167). Здания построены на мощных платформах, имеют очень толстые стены, украшенные снаружи гирляндами. Здания были двухэтажными, с большой центральной башней, видимо перекрытой куполом. Башенные помещения украшены своеобразной кирпич-

ной выкладкой. Однако, поскольку здания не раскапывались, существуют сомнения в их датировке, некоторые исследователи предлагают датировать их более поздним временем — вплоть до XII в. (*Пилляский*, 1947, 1950). Очень похожи на них Большая и Малая Пагмаккала, находившиеся в северо-западной части оазиса (*Пушаченкова*, 1958, С. 132–134) (Табл. 1, 12).

Сооружения общественного назначения в Мерве зафиксированы как на Эркакале, так и на Гяуркале. На центральном бугре Эркаклы находилось здание, видимо, административного назначения — очень простого устройства, с помещениями прямоугольной формы, перекрытыми сводами, лишенными всякой парадности (*Пушаченкова*, 1958, С. 131). К сожалению, почти ничего не известно о резиденции правителя на гребне стей Эркаклы (*Усманова*, 1963, С. 52 и сл.). Здание парфянского времени было целиком забутовано и превращено в мощный форт. Новые помещения строились на этом монолите, но они почти не сохранились. Можно только отметить наличие частично сохранившейся стены — контрфорса с дожными декоративными стрельчатыми бойницами. Эти стреловидные работы были произведены в начале сасанидского периода, а в его конце был предпринят ремонт, имевший задачей усиление внешних стен (Табл. 1, 6).

В пределах Гяуркала было построено так называемое Овальное здание, которое исследователи обычно называют монастырем (*Дресовская*, 1974), что, однако, совершенно неправильно, так как исторические монастыри располагались обычно вне городских стен и имели совершенно иное устройство (*Байер*, А., *Гиттин*, *Кивеленго*, 1996). Здание представляло собой в плане овал с единственным входом (по надписи), внутри вдоль стен располагались отдельные помещения, лишенные окон. В каждом из них велел одна дверь. Центральная часть почти незастроенная, в ней имело-

ся три объединенных в блок помещения (Табл. 1, 8). По всей видимости, данное сооружение представляло собой какой-то склад, вероятнее всего принадлежащий местной администрации. Этим назначением его объясняют, с нашей точки зрения, отсутствие искомого рода бытовых находок и чрезмерно скромное убранство его.

В пределах Мервского оазиса зафиксировано несколько сооружений явно сакрального назначения. На территории Гауркалы находилось буддийское святилище (*Пугаченкова, Усманова, 1994; Gubayeva, Ustanova, 1995*). Оно состояло из монументальной ступы, имевшей почти квадратное основание (13 × 14 м), монолитную круглую в плане башню (диаметром 10 м) и лестницу на северной стороне. Ступа пережила четыре периода функционирования. К югу располагалось монументальное здание — сангарам — с большим двором и серией помещений вокруг него. Из двора вел проход на север — к главной ступе. В южной части двора находилось помещение, перекрытое куполом, в центре которого располагалась квадратная платформа (предназначенная для небольшой ступы, реликвария или статуи). Здание пережило два этапа. Весь комплекс построен в IV в. из сырцового кирпича, жемчуг использовался только для вымосток (Табл. 1, 11). За пределами городских стен с восточной стороны города располагались еще одна ступа (*Ртвеладзе, 1974*). Поскольку сооружение разрушено при земляных работах, сейчас трудно сказать, была ли это изолированная ступа, или рядом с ней имелись еще какие-либо сооружения. Ступа состояла из платформы (размером 15,6 × 15,4 м) и цилиндрической башни (диаметром до 11 м). Сложена она была из кирпича-сырца. Возможно, ступа возведена в VI в.

Считается, что на территории Мерва находились еще два здания, имеющие сакральное назначение. Одно из них располагалось в южной части города (*Филанович, 1974, С. 93 в сл.; 1989, С. 96*). Оно было построено на платформе, на которой ранее стояло здание парфянского времени (также, видимо, религиозного назначения), сложено из сырцового кирпича. Судя по опубликованному плану и описанию, авторы раскопок не смогли найти дверей и все здание представляет собой комплекс из четырех глухих помещений с отчетливыми (до 2,5 м) стенами. Любопытны находки, сделанные в одном из помещений (рука алебастровой статуи и мелкие фрагменты алебастра с красной краской и позолотой), заставили высказать предположения: сначала — об общественном характере здания (*Филанович, 1974, С. 93*), а затем более определенно — о храмовом (*Филанович, 1989, С. 96*).

Другое здание расположено в северо-восточной части городища (*Филанович, 1974, С. 69 в сл.; 1989, С. 96*). Здесь также на руинах здания парфянского времени зафиксированы небольшие остатки скульптуры и настенные штукатурки) в III в. н.э. возводится комплекс сооружений общественного назначения. В его состав входят монолитная башня и частично сохранившиеся три помещения. М.И. Филанович считает возможным сравнить это здание с «Домом огня» на Джайбаскале (Хорезм) и с храмами Пенджикента,

хотя сама же отмечает, что никаких следов огня в здании не обнаружено.

Вне пределов Мерва зафиксированы два памятника общественного назначения. Прежде всего это Хараба-Кошук (*Пугаченкова, 1954; 1958, С. 126 в сл.*). Здание сложено из сырцового кирпича и ориентировано главной осью с северо-запада на юго-восток. Его размер 51 × 13 м. Оно перекрыто сводом, внутри разделяется на несколько частей небольшими выступами. Северо-восточное окончание оформлено полукруглой нишей. Исследователями отмечалось, его сходство с некоторыми церквями более западных регионов. Видимо, справедливо его определение в качестве христианской церкви (Табл. 1, 3).

На центральном бугре городища Гебекляде в раннесасанидское время было создано святилище — сооружение (*Губаев, Кошелева, Новиков, 1990; Gubaev, Koshelenko, Novikov, 1991*). Ядром его является монолитная платформа грубо шестигульной формы, окруженная с пяти сторон узким обводным коридором и открытая на свободную площадку (на юг). За этим ядром по периметру располагаются несколько помещений хозяйственного назначения. Сооружение явно необычно по устройству, но не имеющее никаких аналогий в памятниках Ирана и Средней Азии (Табл. 1, 10).

В Сервском оазисе полностью была вскрыта родовая крестьянская усадьба, состоявшая из двора и двух помещений (размеры 9,5 × 4,3 м и 9,5 × 4,5 м) (*Оразов, 1973, С. 25*).

В предгорной полосе исследовались некоторые из замков (укрепленные усадьбы). Далили I представлял собой прямоугольную в плане структуру (размером 47 × 50 м), на углах находились прямоугольные башни, вход в замок оформлен также в виде прямоугольной башни. Центральную часть комплекса занимал двор (25 × 25 м), все помещения хозяйственного и жилого назначения располагались по периметру стен (*Логинов, 1991, С. 7*). Подобное устройство замка указывает на сохранение в начале сасанидской эпохи традиций парфянского времени. Замок Акдеве, видимо, имел аналогичное устройство, но в нем сказались уже веяния времени: башни округлые, а вокруг стен вырос еще ряд помещений (*Губаев, 1977*).

В предгорной полосе исследовались два памятника, которые имели явно сакральный характер. На поселении, расположенном рядом с Акдеве, был раскопан зороастрийский храм огня (*Gabiev, Koshelenko, Novikov, 1991, P. 88–90, Fig. 8–9*). Основное помещение храма имеет вход с севера и двумя устоями делится на две части. Во второй части помещения располагался типичный ступенчатый алтарь, предназначенный для возжигания огня, имеющий форму усеченного конуса. Храм датируется VI–VII вв. (Табл. 1, 9).

Еще один сакральный объект представляет собой святилище у Баби-Дурмаза (*Марушичико, 1930; Губаев, Логинов, 1984*). Здесь на вершине скалы располагаются руины сооружения, в которых, видимо, можно видеть остатки монументального алтари; к нему вел вырубленная в скале лестница, начинавшаяся у источника, вытекавшего из-под скалы.

Экология, ирригация, сельское хозяйство

Несмотря на всю важность историко-экономических проблем, первые исследования в этом направлении в применении к Мервскому оазису были проведены только в самые последние годы (Кошленко, Таибов, Губасов, Бабер А., 1994; Бабер А., Таибов, Губасов, Кошленко, 1995; Кошленко, Таибов, Бабер А., 1997). В результате их выяснилось, что ахеменидский и аршакидский периоды в истории Мерва (как и всей Средней Азии) прошли в рамках плавильного периода. Благоприятная экономическая ситуация способствовала резкому расширению территории оазиса в северном направлении. Относительно благоприятные условия сохранились и в начале сасанидского времени, хотя постепенно нарастали факторы, показывавшие приближение ксеротермического периода. Его наступление началось – V в. н.э. Продолжался этот период до VIII в. н.э. (исключительно). Как в самом оазисе, так и в районах, примыкавших к нему, наступление его сказалось самым неблагоприятным образом на экономической ситуации. В это время перестает функционировать Узбой, замедляет жизнь в районе Сарыкамшишской дельты Амударьи, прекращает существование Келифский Узбой, что связано с недостатком воды в Амударье. Видимо, аналогичной была ситуация и в Мургабом. Во всяком случае, именно на это время падает некоторое (хотя и не очень значительное) сокращение основной человеком территории оазиса. Мы имеем в виду прекращение жизни в районе Гебкельдеге. Во всех оазисных районах территория оазиса не сокращалась, несмотря на неблагоприятные экономические условия. Вполне вероятно, что это было результатом усовершенствования ирригационной системы, существовавшей в оазисе.

Первая плотина на Мургабе была построена еще при Ахеменидах. Видимо, какие-то усовершенствования имели место и позднее. Сложная ирригационная система оазиса, восхитившая арабских географов, вероятнее всего, была создана в сасанидское время (Лавиниц, 1971). Эта ирригационная система была своего рода откликом населения оазиса на ухудшение природных условий.

Как и в парфяское время, на Мургабе имелось несколько плотин. Одна плотина, прототип позднейшей Султанибейтской, давала начало каналу, который орошал земли непосредственно вокруг Гауркала и Эркаклы. Другая плотина, предшественница позднейшей Каушубейтской, была создана в парфяское время (Лавиниц, 1986, с. 15 и сл.). У нее было две задачи. Первая – дополнительно снабжать город Мерв и его окрестности водой. Во всяком случае, как показывают старые планы, тот канал, остатки которого еще сейчас видны между городищами Султаникала и Гауркала и который снабжал водой сам город, получал воду благодаря Каушубейтской плетине (Лавиниц, 1986, с. 18). Эти плотины были высоколежащими, и плотина здесь была необходима. Вторая задача – снабжать водой земли на севере оазиса. Хотя земли этого района были некогда орошаемы по сравнению с землями вокруг Гауркала, но в дни их орошения необходима была плотина, так как основное русло Мургаба этого времени (а ни, как и в парфяское время, был Джар – самое западное из старых русел Мургаба) очень глубоко врезалось в рельеф. Помимо Каушубейтской,

существовала еще одна плотина. Остатки ее зафиксированы в 30-е годы. А.С. Кесъ у городища Геостепе (на полпути между Байрам-Али и Мары, в 700 м к югу от временной железной дороги). От этой плотины, которую называли Верхнеджарской, отходили четыре канала (Кесъ, 1933). В районе действия этой плотины находились также крупные населенные пункты, как Сульдеге (Сульдегесте). Ниже по Джару была еще одна плотина, возле городища Нагимкала (Хорав). Ее остатки возвышались над зном водотока на 3 м. Здесь также зафиксирован ряд каналов и арыков. Наконец, еще одна плотина на Джаре располагалась на расстоянии 25 км к северу от железной дороги.

В сасанидское время, видимо, не создавали новых плотин, но поддерживали и усовершенствовали старые, а также, что очень важно, оспаривали новые земли в зоне командования ирригационных систем. Поскольку в пределах одной и той же территории число населенных пунктов возрастало, необходимо было увеличивать и число каналов и рационально распределять воду между ними. К сожалению, остатков мелкой распределительной ирригационной сети практически не сохранилось.

В подгорной полосе основные источники воды – небольшие речки и ручьи, вливающие свои истоки в горы. Соответствием здесь не создавались сложные ирригационные системы. Поселения в результате этого располагались на очень узкой полосе орошаемых земель вдоль гор, в районах конусов выноса. Можно полагать, что в сасанидское время орошаемая площадь несколько уменьшилась по сравнению с таковой в парфяское (Лавиниц, 1991, с. 15). Особую проблему составлял так называемый вал Мерв. Один исследователь считает его ирригационным сооружением (Лозинко, 1985а), а другие допускают что он представлял собой стену, ограждавшую населенные территории от набегов с севера, подобную другим стенам, строившимся в сасанидское время (Дурдыев, 1959б, с. 13).

Некоторые материалы по истории ирригации получены и в районе Серакса (Оралов, 1972). Ирригационные системы здесь возникли в ахеменидскую эпоху. В эллинистическое и парфяское время площадь орошаемых земель, кажется, уменьшалась. В сасанидское время происходит дальнейшее развитие и усложнение системы. К двум ранее существовавшим магистральным каналам (Кичнагайи и Атайи) добавляются два новых (Ханйи и Караманйи). В результате этого резко возрастает количество орошаемых земель. В районах, где проходит эти каналы, возникает значительное число новых населенных пунктов.

Естественно, что основой экономики Мерва и подгорных районов было сельское хозяйство, основанное на ирригации. О сельскохозяйственных культурах, использовавшихся здесь, свидетельствуют как археологические находки, так и данные письменных источников, которые могут быть использованы для освещения этого вопроса. Они распадаются на три категории: 1) письменные источники, орошающие обо всем (осударственные Сасанидов, не выделяя специально Хорасан; 2) письменные источники безлепидного, арабского, времени, орошающие в Хорасане (и вшир да конкретно в Мерве или о районах,

расположенных рядом с ним); 3) китайские источники, рассказывающие о стране Босы (*Сасанидское государство*), относящиеся к интересующему нас времени, но, к сожалению, очень краткие. Сопоставление этих данных позволяет более или менее отчетливо представить тот набор культур, который характерен для Мерва (и Хорасана в целом) (Тинниш, 1971. С. 84–91). Основными зерновыми культурами были, несомненно, пшеница и ячмень. По-видимому, уже в сасанидское время различались по крайней мере две группы сортов пшеницы – возделываемые на поливных и неполовальных землях. Видимы, определенную роль играли просо и хлебное сорго (дурра), известное сейчас под названием джугара. Кроме того, широко распространены были всевозможные виды бобовых: бобы, различные сорта гороха, фасоль, чечевица. Среди кормовых бобовых растений первое место занимала, несомненно, люцерна. В числе технических

культур и известны шафран и хлопок. Среди маелничных растений первое место занимал кукуруз, культивируемый в кашпях. Бахчевые и огородные культуры были представлены дынями, огурцами, тыквами, репой, перцем, морковью, луком, тмином, чесноком, кориандром. Среди плодовых деревьев первое место занимали яблони и груши, кроме того, шаровидные айва, персик, слива, тутовое дерево, грецкий орех. Естественно, что широко распространена была культура винограда.

При раскопках Эрзаклы найдены зерна риса, косточки винограда, ячменя, семечки дыни, арбуза, огурцов, крупные косточки перенка (Усманова, 1963. С. 80). Позднее находили остатки зерновых (пшеницы, ячменя), хлопка (Herrmann, Masson V., Kurbansakhatov, 1993) и почти всех растений, известных по письменным источникам (Herrmann, Kurbansakhatov, Simpson, 1995).

Ремесло

Лучше всего документировано археологическими материалами керамическое ремесло. В Мервском оазисе серия изученных горнон обжигает практически весь период от III в. вплоть до времени после арабского завоевания. Печь, раскопанная на городище Гузракла (Ахраров, Усманова, 1980) технологически полностью продолжает традиции печей предшествующего периода: круглая в плане, двухкамерная. Из заглубленной в землю топочной камеры горячий воздух поступает через продухи в воде в надземную обжигательную камеру. Новшеством по сравнению с предшествующим временем является только двойная стена верхней камеры, чтобы лучше сохранять тепло.

Керамическое производство V–VI вв. лучше всего представлено керамическими печами, исследованными на Муноделе (Меркит, 1962). Эти печи по-прежнему круглые в плане, двухкамерные, но происходит изменение в соотношении размеров топочной и обжигательной камер. Топочная становится много меньше, соотношение ее диаметра с диаметром обжигательной равно 1:5. Появляются печи, в которых топочная камера имеет вид узкого и высокого коридора.

В VII–VIII вв. целый ряд керамических печей был построен на оленных стен Гузраклы, которые утратили свое оборонительное значение. Здесь зафиксировано несколько типов горнон (Заурова, 1962). Основная масса их – традиционно круглые в плане, но печи фактически однокамерные, с одним радикально издуманным длинным жаропроводящим каналом, который одновременно служил топкой. Открытое пламя из нее поступает в обжигательную камеру, посуда, предназначенная к обжигу, утапливалась вдоль стен на сплюснотом поде. Имеется также печь с двумя камерами. Обжигательная камера почти квадратная, топочная – несколько уже. Под поддерживается тремя арками со свесившимися каналами (для поступления горячего воздуха) между ними. Именно печи этого типа наиболее характерны для последующего времени в оазисе.

Другие ремесленные производства в оазисе археологически документированы гораздо хуже. С III в. до н.э. недалеко от северных ворот Гузраклы возникает квартал мукомолов, существующий и в IV в. Здесь обнаружено около 10 отдельных домохозяйств, в состав которых входили достаточно большие по размерам производственные помещения, в них устанавливались жернова ручных мельниц и очень большие хумы для хранения зерна. При раскопках этого квартала найдено более 50 жерновов, что явно превышает потребности самих жителей. На этом основании был сделан вывод, что здесь жили и работали мастера-мукомолы, снабжавшие мукой местный рынок. Жернова имеют различные размеры (от 6 до 35 см в диаметре) и были изготовлены из гранита, кварцевого песчаника, гнейса. Для конца сасанидского периода характерно появление водяных мельниц. Известно, что последний сасанидский царь был убит именно на мельнице, стоявшей на канале.

Видно, в Мерве существовало прядение и ткачество. Можно также говорить и о некоторых других видах ремесел. Источники, относящиеся ко времени вскоре после завоевания Мерва арабами, свидетельствуют, что в городе существовало производство шелковых, льняных и хлопчатобумажных тканей (Филонович, 1989. С. 117), которое, естественно, было развито в предшествующее время. Остатки тканей были найдены при раскопках замка на Эрзакле (Усманова, 1961; Федоринца, 1969). Среди них зафиксированы ткани из хлопка, кенафа, шерсти, шелка. Часть тканей была окрашена. Имеются, хотя и очень незначительные, свидетельства о наличии в других ремеслах: металлообработка, косторезное дело, изготовление украшений – металлических и из полудрагоценных камней (Ханиуратов, 1989).

На территории подгорной подосы, бесспорно, были развиты керамическое ремесло (на городище Акеде у Артыка найдена керамическая печь), металлообработка (в сасанидских слоях Хосровкалы имеются крипы) (Маруценко, 1956. С. 115).

Керамика

В эволюции керамики достаточно четко выделяются два периода. Первый из них охватывает III–IV вв. (можно было бы, самое начало V в.; Табл. 1а, 25–43). Возможно, видимо, говорить о некотором изменении технологии производства, результатом чего стало ухудшение качества изготавливаемой продукции: черепок часто порист и обожжен неравномерно (Филанович, 1989. С. 94 и сл.). Изменился и цвет теста сосудов. У большинства из них цвет черепка серовато-зеленый. Для этого периода характерно уменьшение количества чаш; почти совершенно исчезли небольшие тарелочки и бокалы. Взамен резко возрастает число кувшинов, как узкогорлых, так и широкогорлых. Существует огромное разнообразие их вариантов и размеров, начиная от выгнутых, грушевидных, яйцевидных и кончая шаровидными. Появляются амфоровидные сосуды с двумя изящно изогнутыми ручками и кувшинчики с вычурно профилированной закраиной горловины. Наиболее распространены кольцевые поддоны с шишковатой посредине, но есть и плоские. В конце этого периода появляются утяжеленные поддоны, выступающие за стенки кувшина, с продольным в них смещением сосуда. Новым типом можно считать конусовидные поддоны с валиком-перехватом, целые и сломанные.

Распространены также широкогорлые кувшины с шаровидной раздутой горловиной и двумя изогнутыми массивными ручками. Ручки самые разнообразные – от кольцевидных и напольных «остинное ухо» до штыковых вертикальных и горизонтальных с вмятинами и напелеми. Широко распространены глубокие тарелки с пельменеобразными напелеми и орнаментированным широким бортиком. Бытуют горшки с клювовидным и треугольным в сечении вешиком, украшенные по стенкам волнистым орнаментом. Так же украшены массивные сосуды типа ступок.

Можно подгадать, что на формы керамических сосудов, особенно кувшинов, повлияли формы металлической посуды.

Монетный чекан и денежное обращение

Основной материал для суждения относительно монетного чекана и характера денежного обращения в данном районе дают сами монетные находки, сделанные в оазисе. В парфяно-сарматское время основу денежного обращения здесь составляли бронзовые монеты, чеканенные на местном монетном дворе. Видимо, переходящую стадию от парфянского к сасанидскому чекану в Мерве представляют монеты с изображением всадника на оборотной стороне, в то время как на лицевой представлен бюст правителя вправо (Логинов, Никитин, 1984, 1986).

Чекан царя Ардашира на мервском монетном дворе представлял только бронзовыми монетами традиционный для этого правителя тип: на лицевой стороне – бюст царя вправо, на оборотной – алтарь-огонь, шашки и вет. Все монеты относятся к концу его царствования (Логинов, Никитин, 1993а).

Много сложнее картина деятельности монетного двора Мерва при Шапуре I. Здесь выпускались золотые ди-

Следующий период в развитии керамики охватывает время с середины V до середины VII в. (Филанович, 1989. С. 108 и сл.) (Табл. 1а, 44–56). В это время улучшается качество выделки и обжига сосудов. Они изготавливаются из хорошо отмученной глины, обжиг равномерный, цвет серый и кремовый. Преобладают сосуды закрытых форм: кувшины, вазы, горшки. Сократился набор открытых форм, особенно столовой посуды. Чаши и миски довольно простых очертаний. В это время постепенно выходят из употребления тарелки с орнаментированным широким бортом и пельменеобразными напелеми, им на смену пришли глубокие миски близких форм, но без напелев. У них часто имеются полосы волнистого прорапанного орнамента на боку. Очень разнообразны горшки с характерными шаровидными очертаниями с подтреугольной в сечении закраиной, иногда со сливом, а так же сосуды с подчеркнутой шейкой и расширяющимся вешиком типа закрытых ваз, в рельефно выступающий поддон которых переходит емкость сосуда.

Среди кувшинов очень много таких, которые в керамике повторяют формы металлической посуды. Отмечаются (Филанович, 1989. С. 109 и сл.) следующие характерные особенности этого типа керамических сосудов: эллипсоидная и грушевидная форма туловища; кольцевой или расширяющийся к низу конусовидный поддон; полая высокая ножка с перехватом; раструсбовидная горловина с бортиком; навершие ручки в форме шишки; витая форма ручки; овальный слив с бортиком. Керамика Серахского оазиса, насколько можно судить по имеющимся материалам, не имела сколько-нибудь серьезных отличий от керамики Мерва (Марущенко, 1956а. С. 183).

Что касается керамики подгорной полосы, то при целом ряде мелких отличий от мервской в своих основных формах и технологии она практически идентична последней (Логинов, 1991. С. 11–12).

Важным событием в истории монетного чекана Мерва является выпуск в начале царствования этого царя. Здесь выпускались также серебряные драхмы, а также бронзовые монеты различных номиналов (Логинов, Никитин, 1993а. Р. 228 sq.). Из других сасанидских царей раннего периода только Варохран II (276–293 гг.) использовал монетный двор Мерва: известны две драхмы этого царя, относящиеся к раннему периоду его царствования (Логинов, Никитин, 1993а. Р. 230). Видимо, очень активен данный монетный двор был в период царствования Шапура II (309–379 гг.). Выпускались золотые динары, серебряные драхмы и бронзовые монеты (Логинов, Никитин, 1993б). Непосредственный преемник Шапура II Ардашир II (379–383 гг.) не чеканил монет в Мерве, но при Шапуре III (383–388 гг.) деятельность монетного двора возобновилась (Логинов, Никитин, 1993с. Р. 271 sq.). Работал мо-

ивный двор и при Вархране IV (388–399 гг.), и при Иездгерде I (399–420 гг.). Свообразная ситуация с монетами следующего царя – Вархарана V. Судя по монограммам, указывающим монетный двор, почти половина монет, выпущенных во вторую половину его царствования, являлась продукцией мерского монетного двора. Возможно, это объясняется тем, что в это время шла война с эфратидцами и Мерв был главной базой сасанидских войск, для потребностей которых и выпускались монеты (Logvinov, Nikitina, 1993c, P. 272).

При Иездгерде II (438–457 гг.) активность монетного двора снижается. При Перозе I (457–484 гг.) здесь выпускаются только бронзовые монеты, и в небольшом количестве. Однако в очень значительном числе присутствуют монеты чекана Табаристана, что заставляет предполагать, что сюда были переброшены войска, расквартированные ранее в Табаристане (Logvinov, Nikitina, 1993c, P. 274).

В первый период царствования преемника Пероза Канака I и Мерв практически не выпускались серебряные монеты, но после 20-го года его правления они стали чеканиться регулярно (наряду с бронзовыми монетами). Эта практика продолжается при Хосрове I

(531–579 гг.) и при Хоринде IV (579–590 гг.). Монеты самого конца существования Сасанидского царства изучены еще плохо, и какие-либо заключения о них пока сделать невозможно, хотя среди монетных находок имеются также монеты, выпущенные при Хосрове II (590–628 гг.).

Есть также некоторое количество монет, выпущенных местными мерскими правителями, находившимися в зависимости от арабов, в период от середины VII до начала VIII в. (Logvinov, Nikitina, 1993d). В пограничной полосе монетное обращение изучено еще недостаточно. В начале сасанидского периода использовались, как бронзы мерского чекана, так и местные подражания этим монетам (Logvinov, 1986; 1991, С. 12; Gubaev, Logvinov, Nikitina, 1993, P. 72). Позднее в монетном обращении участвовали монеты, выпущенные как на мерском, так и на других сасанидских монетных дворах (Рей, Стахр, Гай, Бишпур). Кроме того, здесь же были найдены имитации монет Иездгерде I и Вархарана V, выпущенных на мерском дворе (Gubaev, Logvinov, Nikitina, 1993, P. 72–74).

Аналогичная ситуация наблюдается в раннесасанидское время в монетном обращении Серахского оазиса. Относительно позднего времени информации не имеется.

Религия

Религиозная ситуация в Мерв сасанидской эпохи была достаточно сложной. Первоначально здесь господствовал какой-то вариант зороастризма. Об этом свидетельствуют потребные, совершенные по оссуриному обряду еще в парфяnsкое время (Колесников, Ораган, 1965). Этот обряд в поздне было здесь достаточно широко распространен (Ериш, 1959; Колесников, Дестичиков, 1966; Обельменко, 1972; Суспенко, 1972; Дресвицкая, 1989), что подтверждает существование здесь этой религиозной системы, как государственной, в Сасанидском Иране. В конце сасанидского периода последний "царь царей" перенес в окрестности Мерва один из "великих огней" зороастризма, вывезенный из Рейн (древний город Раги) (Колесников, 1982, С. 132).

В конце парфяnsкого периода в Мерв распространяется буддизм (Koshelenko, 1966). Здесь найдена ступа с сангарий в юго-восточном углу городища Гяуркалы, еще одна – за пределами городских стен, к востоку от города (Пугаченкова, Усманова, 1994; Puzachenkova, Usmanova, 1995; Ртвеладзе, 1974). Хотя найденные в Мерв памятники буддийского культа не могут быть датированы временем ранее IV в. н.э., тем не менее (японская буддийская традиция совершенно определенно свидетельствует о том, что уже во II в. н.э. буддизм занимал заметное место в жизни населения и что в состав общины входили представители различных его слоев (кушцы, члены правящей династии) (Колесников, Гайбов, Бадер А., 1994). Можно полагать, что буддизм сохранял позиции до самого конца сасанидской эпохи.

В III в. н.э. в Мерв начинает распространяться христианство (Бадер А., Гайбов, Колесников, 1996; Бадер А., Гайбов, Koshelenko, 1995). Очень скоро мерская церковь начинает играть важную роль. Именно из Мерва отправляются миссионеры далее на восток, вплоть до Китая. Мерский епископ приобретает ранг митрополита, уча-

ствует в Синоде несторианской (Восточной) церкви, иногда решительно вмешивается в сложные вопросы высшей церковной политики (Древний Мерв..., 1994, С. 76–80). Письменные источники свидетельствуют о существовании в оазисе ряда церквей, а на его окраине – монастырь (Там же, С. 73–75). Из христианских памятников археологически зафиксированы только один – Хароба-Кочук, который определяют как церковь (Пугаченкова, 1954) (Табл. I, 3). Видимо, определение "Овального здания" на территории Гяуркалы как монастыря (Дресвицкая, 1974) надо признать ошибочным (Бадер А., Гайбов, Колесников, 1996). Эта постройка вероятнее всего, должна быть определена как здание складского характера. В мерском некрополе значительная часть погребенных – христиане (Дресвицкая, 1968; Усманова, 1993, С. 30–31). Предметы, связанные с христианским культом, неоднократно находились на Гяуркале. Важнейшим свидетельством совершенно особого места, которое занимало христианство в Мерв, является чеканка монет на местном монетном дворе со знаком креста на оборотной стороне (Logvinov, Nikitina, 1993c, P. 271–272). О большой роли христианского клира в жизни Мерва свидетельствуют и сообщения о погребении последнего сасанидского царя в специальном сооружении в саду митрополита (Колесников, 1982, С. 139–141). В период арабского завоевания мерским митрополитом был Илья – один из самых крупных деятелей всей церкви Востока, который получил почетное прозвание "апостол тюрок" (Древний Мерв..., 1994, С. 95–96).

Во второй половине III в. н.э. Мерв стал одним из важнейших центров возникшей тогда новой религии – манихейства (Древний Мерв..., 1994, С. 46 и сл.). После казни основателя этой религиозной системы Мани и начала массовых гонений на ее приверженцев масса манихеев и руководителей церкви устремились на восток. Не-

которое время Мерв, как показывают письменные источники, был резиденцией пресвитера Манн по руководству церковью манихеев (Там же: С. 55 и сл.). Однако о роли этой религиозной организации говорят только письменные источники, археологически она никак до сего времени не зафиксирована.

В подгорной полосе, видимо, религиозная ситуация была более простой. Во всяком случае, наличие двух

зороастрийских святилищ и отсутствие каких-либо данных об иных культах заставляют предполагать, что этот район на протяжении всего рассматриваемого периода оставался главным образом зороастрийским. Материалов относительно религиозной ситуации в Серахском оазисе в настоящее время не имеется.

Погребальный обряд

В сущности, до сего времени изучен (хотя и недостаточно) только один некрополь на территории оазиса, расположенный недалеко от Мерва (Еринов, 1959; Кошленко, Девятчиков, 1966; Обельченко, 1972; Суспенкова, 1972; Дресвицкая, 1989). Некрополь в данном месте возник еще в парфянский период. В это время существовало несколько небольших зданий (игравших роль склепов), в которые помещали умерших в могилы, обложенные сырцовыми или жевлеными кирпичами. Несколько позднее умерших стали укладывать прямо на пол без устройства специальных могил. Эта практика существовала и в начале сасанидского времени (возможно, вплоть до IV в. включительно). Начиная, видимо, с V в. совершается переход к оссуариуму обряду погребения. В специально изготовленные из обожженной глины оссуарии укладывались предварительно очищенные кости (Табл. 1а, 21–22). Кроме оссуариев, для этой цели использовались также и обычные типы сосудов, как правило амфоровидные или одноручные кушники больших размеров (Табл. 1а, 23). Иногда приспособлялись большие кобуры, закрытые с двух сторон мисками. Эти сосуды-оссуарии либо устанавливались в сохранившихся помещениях, либо закапывались в землю. В оссуариях в небольшом количестве имелись сопроводительный материал: бусы (сердолик и халцедон), бронзовые колокольчики, монеты, резные камни. Наконец, в самом конце рассматриваемого периода вновь стали совершаться погребения по обряду ингумации в тех холмиках, в кото-

рых превратились руины сооружений. Никаких закономерностей в положении умерших не наблюдалось. Они, как правило, лежали на спине, руки иногда перекрещены на груди.

Подобные захоронения существовали здесь, видимо, и в самом начале арабского времени. Вопрос о культурной принадлежности людей, погребенных в некрополе, остается до сего времени не до конца решенным. Высказывалось предположение о принадлежности ранних погребений христианам, что, несмотря на привлекательность этой идеи, кажется несколько сомнительным по хронологическим причинам. Обычно погребения, совершенные в оссуариях, считаются зороастрийскими. Однако на трех из оссуариев, найденных при раскопках С.А. Еришовым, были еврейские надписи (Дресвицкая, 1989, С. 157). Кроме того, необходимо резко возразить против предположения, что в мерском некрополе совершались массовые захоронения христиан, ставших жертвами гонений. Среди крайне многочисленных свидетельств о гонениях и огромного числа "деятель мучеников" нет ни одного свидетельства о гонениях на христиан в Хорасане.

Недалеко от некрополя находилось сооружение, частично исследованное. Высказывалось предположение, что оно представляло собой дахму (Пышко, 1930а).

Надежных материалов по погребальной практике в подгорной полосе и в Серахском оазисе в настоящее время не имеется.

Искусство

Искусство Мерва сасанидской эпохи известно еще недостаточно. В целом ряде пунктов зафиксированы остатки настенных росписей, но во всех случаях они столь плохой сохранности, что ничего определенного о них сказать (кроме самого факта их существования) нельзя. Зато мы имеем некоторые представления о мерской живописи этого времени. Самый яркий пример ее – расписная ваза из буддийского святилища на территории Гауркалы (Кошленко, 1966а). На ней представлял сюжетный шквал: парская охота, свадьба, болевиль и погребение. С точки зрения художественных особенностей ваза влечет в общий круг сасанидского искусства, напоминая некоторыми особенностями произведения торевтики. Среди оссуариев мерского некрополя имелось несколько, также украшенных росписями, но неизмеримо более низкого уровня: известно изображение птицы (видимо, оры) (Еринов, 1959, Табл. 6) и женщины с ребенком (Кишленко, Девятчиков, 1966, Рис. 11. В дальнейшем при

раскопках продолжали встречаться небольшие фрагменты оссуариев с остатками росписей. В сагидраме буддийского комплекса Гауркалы была найден фрагмент с профильным изображением мужского лица (Пугаченко, Усманова, 1994, С. 166, рис. 19). Встречались и совсем маленькие фрагменты с изображением, главным образом птиц.

Наиболее распространенный вид произведений искусства – небольшие терракотовые статуэтки. Как известно, корондаслика была широко распространена в Мерском оазисе и эпоху бронзы, но совершенно исчезла в период раннего железного века. Только после завоевания Мерва Александром Македонским и появления здесь греко-колонистов корондаслика переживает в оазисе второе рождение. Небольшие терракотовые статуэтки широко распространялись и в парфяnsкое время и продолжали существовать и в сасанидскую эпоху.

В III–IV вв. н.э. основным типом терракотовых статуэток являются по-прежнему два варианта изображения

женского божества (Пугаченкова, 1959, С. 135 и сл.; 1962, С. 138 и сл.; Филианец, 1989, С. 97-98). Как и ранее, основная масса статуэток изготовлялась путем отжигивания в штампе и последующего обжига. Первый из вариантов, который обычно называют изображением "богини-матери", представлял собой изображение женской фигуры, закутанной в складчатую одежду, в мягком "двуугольном" головном уборе, прижатые к груди руки держат зеркало (Табл. 1а, 1). Второй вариант – "богиня-дева". Она без головного убора, на одежде представлены многочисленные нашивные блишки (Табл. 1а, 2-3). Изображения стали гораздо схематичнее, чем ранее. Распространились в это время и мужские изображения. В частности, появилось изображение обнаженного юноши с металломом на шее и поднятыми руками (Табл. 1а, 4). Еще один тип мужского изображения – бородатый мужчина на коне с булавой или мечом в руках (Табл. 1а, 5). Фигура всадника отжигивалась в штампе, конь лепился от руки. Наконец, в это же время появились достаточно многочисленные фигурки лошадей с нанесенными на них черной краской или пропирраванными знаками солнца, луны свастик и т.д. В V-VII вв. н.э. искусство коропластики постепенно утрачивает. На смену разнообразно типов приходит однообразие – в сущности, единственным типом является примитивное, сделанное от руки изображение мужчины на лошади (Филианец, 1989, С. 111).

Скульптура Мерва известна недостаточно. В буддийском святилище на Гяуркале имелась гигантская глиняная скульптура Будды (Пугаченкова, Усманова, 1994; Pugačenkova, Usmanova, 1995), возведенная в IV в. и несколько раз реконструировавшаяся. При исследовании других памятников Мерва находили небольшие фрагменты глиняной и гачевой скульптур (в одном случае – руку) (Филианец, 1989, С. 96). Видимо, на местные буддийское искусство оказывали определяющее воздействие и привнесенные из Индии палочками небольшие каменные скульптуры и рельефы гандахарского стиля, которые были найдены в ступе, расположенной за пределами города (Ртиселадзе, 1974; Пугаченкова, 1988; Pugačenkova, Usmanova, 1995, P. 77-81, fig. 37-43). По всей видимости, винтаж привозился в Мерв и такие объекты, которые служили моделями для создания здесь произведений искусства. При раскопках ступы, расположенной на Гяуркале, найдены глиняные пластины с изображением бодисаттвы, ступы в диватрисы. Вокруг – надписи на одном из индийских языков (Табл. 1а, 24). Исследователи справедливо подчеркивали, что глиняные таблички слепком хрупки, чтобы привозить их издалека, они явно изготовлялись на месте, но матрица, конечно, была привезена из какого-то буддийского центра (Пугаченкова, Усманова, 1994, С. 164). Найденные в Мервском оазисе резные камни ничем не отличаются от тех, которые встречаются в большом количестве в различных центрах сасанидского государства. Рельефы изображений главным образом на поздравительных камнях, чаще всего на серокаменном (Ериши, 1959, С. 178, Табл. 23; 23а; Пугаченкова, 1957, 1963).

Своеобразным видом искусства Мерва сасанидского времени являются оссуарии и курльничьи, воспроизводящие архитектурные формы. Наиболее яркие образцы оссуариев происходят из мервского некрополя (Ериши, 1959, Табл. 3, 4). Анализ их (Пугаченкова, 1963а) показал, что более ранние воспроизводит круглое здание с куполом и зубчатым парапетом. Позднее более распространенными становятся квадратные в плане, с куполом же и четко выделенным порталом. Некоторые из них украшены маленькими изображениями человеческих голов, отнесенных в формах, другие украшены росшиком. Характерные воспроизведения окон в виде стреловидных бойниц. С III в. получают распространение курльничьи в виде башен круглых или квадратных в плане, со стреловидными бойницами и расчленением внешней поверхности на горизонтальные ярусы (Филианец, 1978; 1989, С. 98). С V в. вряду со старым типом курльничьи появляется новый – чаша на простой высокой колуновидной подставке.

Материалов для суждения о характере искусства Серрахаского оазиса в раннесредневековом время пока нет. Отметим только, что в оазисе практически полностью отсутствует терракотовая пластика.

Для подгорной полосы материалы, позволяющие судить об искусстве, очень ограничены. Здесь не находят терракотовых статуэток. Единственной достойной расмотрения категорией произведений искусства являются оттиски печатей на глин (буллы) (Табл. 1а, 6-11, 14-19). Буллы в значительном количестве (несколько десятков экземпляров) были встречены при раскопках замка Акдене у Артыка (Губаев, Делехов, 1970; Губаев, 1971а; Луконин, 1971). На многих буллах сделано по несколько оттисков. Основная часть булл имеет изображения, а некоторые – также и надписи. Большая часть изображений традиционная для сасанидской глиптики: верблюд, цветы, помещенные в развороте крыльев, герой (или царь), который поражает льва, бараны в паре и подюночке, крылатый конь, ишаны и т.д. Вместе с тем среди этих изображений имеются и достаточно редкие: конь вправо перед отнесенным на задний план деревом и некоторые другие. Особенно интересно нетрадиционное изображение бога Митры на колеснице в фак (Сердитых, 1986). В целом эти буллы датируются VI – первой половиной VII в. н.э.

Памятники письменности

На территории Мервского оазиса встречаются различные виды текстов. Две рукописи написаны при раскопках буддийских памятников Мерва. Одна из них была обнаружена при исследовании разрушенной ступы, находившейся за пределами Гяуркала. Текст написан на берегстанских языках. Рукопись состоит из двух частей, неравномерно оформленных и написанных разным почерком,

имеет прокладки из старых рукописей. В ней содержатся три буддийских текста: 1 – конспект притчи (джатак и авадд) и рассказов из сутр и "Виная"; 2 – компиляция из текстов "Винай" сарваствидино; 3 – конспекты не дошедших до нас сутр с цитатами. Текст – на брахми, наиболее вероятная дата – VI-VII вв. (Веробовская-Лестниевская, 1983, С. 69-85). Вторая рукопись (из ступы на горо-

лице) – также на берестяных листьях, написана тем же самым письмом и представляет собой пачку слышущих листов, до настоящего времени не отреставрированных и не определенных. Предполагаемая дата – V–VI вв. Здесь же найдены глиняные таблички с буддийскими изображениями и текстом на брахми. По палеографическим соображениям они могут быть датированы V–VI вв.

Самые ранние остраки открыты при раскопках Гебекльде в слоях раннесасанидского времени (III–IV вв.). Они нанесены черной краской на сосуды. В большинстве случаев это собственные имена, на одном из сосудов – довольно пространный надписи, представляющая собой формулу благопожелания, но в своеобразной форме, не встречающейся до сего времени. Самое главное, что эти надписи выполнены на парфянском языке и парфянским письмом, а это показывает, что по крайней мере до IV в. население оазиса продолжало говорить на парфянском языке (Лившиц, Никитин, 1989).

И в самом Мерве в начале сасанидской эпохи продолжает употребляться парфянский язык. На севере, найденном в Эрхкале и датированном II–III вв., имеется надпись: “Собственность Пакура, сына Исы”. В.А. Лившиц обращает внимание на то, что отец хозяина сосуда носит типичное еврейское имя Иса (т.е. Иосиф) (Лившиц, 1990, С. 37). К IV или V в. относится черепок с надписью на парфянском языке, видимо являвшийся черепком письма (Лившиц, 1990, С. 37–38).

Позднее, однако, ситуация изменяется, и в конце сасанидского периода население переходит на среднеперсидский язык. В пределах буддийского комплекса на территории Гауркалы было найдено 18 остраков, датированных на основании палеографических особенностей VI–VII вв. Они написаны на среднеперсидском языке, очень короткие, как правило, содержат только собственное имя или патроним. Все имена иранские, они могли принадлежать зороастрийцам (Никитин, 1992; 1993, С. 191–192). Не совсем ясно отношение этих остраков к святилищу. Высказывалось предположение, что они появились в руинах здания, когда последнее уже было разрушено (Никитин, 1992, С. 95). Здесь же встречен фрагмент сосуда с изображением лица мужчины в профиль, в рядом с ним – небольшая часть надписи арамейским шрифтом (Pugachenkova, Usmanova, 1995, P. 72), но В.А. Лившиц считает данный текст согдийским (Лившиц, 1990, С. 38).

Среднеперсидские остраки из других раскопок прочитаны сравнительно недавно. В ходе работ американской экспедиции начала века под руководством Р. Памеллы были найдены две барамы лопатки со среднеперсидскими надписями и два острака (Лившиц, 1984). Барамы лопатки, к сожалению, утрачены. Из остраков прочитан один – это или школьное упражнение, или черепок судебной жалобы (Никитин, 1993, № 1). Второй острак утерян. При раскопках А.А. Марущенко в 1937 г. была

найдена целая коллекция разнообразных остраков в слое второй половины VII – начала VIII вв.: из двух остраков со среднеперсидскими надписями один опубликован В.Г. Лукониным (Луконин, 1969а, С. 40, прим. 1; Никитин, 1993, № 3), второй не читается. Из двух согдийских остраков опубликован также один (Фрайман, 1939; см. также: Согдийские документы с горы Мур, 1962, С. 68). Кроме того, здесь встретились арабские остраки (Певнер, 1954) в семь фрагментов большого острака, начертанного разнообразными тюркского рунического письма (Лившиц, 1984, С. 19).

Во время работ ЮТАКЭ остраки были обнаружены на ряде раскопов. На Эрхкале один из них представляет собой черепок какого-то делового документа, возможно манушисси (Никитин, 1993, № 5), а другой – список вылаченных сумм (Никитин, 1993, № 6). Несколько черепков с надписями были найдены при раскопках “Овального здания”. Все прочтенные остраки имеют хозяйственный смысл: упоминаются, например, какие-то продукты (сухие сливки, сорго), должностные лица (начальник канцелярии) или списки личных имен (Никитин, 1993, № 7–13).

Среди случайных находок необходимо указать острак, найденный у поселка Мургаб (Никитин, 1993, № 32), представляющий собой список имен. К этой же категории находок необходимо отнести и клейма на керамике, имеющие надписи (Никитин, Согмонов, 1987). На территории крепости Старый Кизман был найден фрагмент сосуда с практически нечитаемой среднеперсидской надписью, отнесенной эпиграфической печатью. На поселении возле крепости Дуриалли были обнаружены венчик сосуда с оттисками двух клейм. Размеры и форма оттисков говорят о том, что они были сделаны не с помощью нити, а специальными штампами, предназначенными для нанесения клейм на керамические сосуды. Надписи в обоих случаях среднеперсидские. В первом случае, видимо, упоминается имя мастера, производившего сосуд, – Шанур (?), во втором – формула благопожелания, должность (“хамбарба”, т.е. начальник амбаров) и имя – Михрасвар. Клеймо относится к VI–VII вв. Необходимо указать, что подобная практика клеймения тарной керамики не зафиксирована ни в Сасанидском Иране, ни в Средней Азии.

В подгорной полосе парфянской (Livshits, 1993) и среднеперсидские остраки находились только на Ахдеде (Никитин, 1993, № 33–35), в надписях упоминаются личные имена, представитель зороастрийского клира (pat), какие-то просьбы, обращенные к администратии. Здесь же были найдены буллы, с традиционными надписями на иехлеви: имена, должности, в том числе жреческие, географические названия (Луконин, 1971). Буллы датируются VI – первой половиной VII в. В Среднем оазисе до сего времени эпиграфические находки не зафиксированы.

Хорезм в IV–VIII вв.

В эпоху раннего средневековья в Хорезме, как и в других государствах Средней Азии, закладывались основы нового, феодального общества и формировалась культура, отличающаяся большим своеобразием. Вместе с тем в типах расселения, чертах архитектуры, изделиях ремесел можно найти и ряд общесреднеазиатских черт. Постоянно на протяжении многих лет проводившиеся исследования хорезмийских раннесредневековых памятников (хотя и в небольших масштабах) позволили проследить развитие этой культуры и полнее охарактеризовать ее два этапа. Обратимся к истории этих исследований.

Они начались в 1937 г., когда была создана Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция ИЭ АН СССР под руководством С.П. Толстова. А.И. Тереножкин, будучи тогда аспирантом ИЭ, открыл в Туртукльском и Шаббосском районах (ныне Туртукльский, Бирунийский и Эллакандильский) Каракалпасской АССР руины огромного, замесино-го песками Беркуткульского оазиса, где он обследовал одну из усадеб (34) (Тереножкин, 1940, 1940а, б).

В последующие годы изучение оазиса продолжалось, причем сравнительно большой размах получили стационарные работы: раскопкам подвергались усадьбы 4 и 36, а также один из крупнейших замков оазиса, Тешкакала. Одновременно была проведена глазомерная съемка всего этого обширного поселения. Маршруты по левому и правому берегам Амударьи, дальнейшее углубленное изучение раннесредневековых памятников позволили создать первую, еще схематичную археологическую карту Хорезма, а весь огромный, накопленный в предвоенные годы материал был обобщен С.П. Толстовым в его замечательной монографии "Древний Хорезм" (Толстов, 1948). В составленной им классификации археологических культур Хорезма две — кушанско-афринджидская (IV–VI вв.) и афринджидская (VII–VIII вв.) относятся к раннему средневековью и подытоживают его основные черты. В экскурсах книги, посвященных вооружению, культам, событиям политической истории, результаты исследований памятников IV–VIII вв. введены в широкий круг проблем истории и культуры древнего Востока, поставленных ярко и масштабно. Изучение этих памятников в последние годы показало, что составленная С.П. Толстовым классификация в основном выдержала испытание временем, хотя новые данные и внесли в нее определенные коррективы.

Весьма плодотворной являлась сама организация работы экспедиции в эти годы, когда раскопки памятников проводились на фоне сплошного обследования иригационной топографии целых оазисов. При этом использовались аэрофотосъемка и современная методика ее дешифровки. С помощью данной методики специальный археолого-топографический отряд экспедиции под руководством Б.В. Андрианова составил подробную карту иригации Хорезма с нанесением на нее памятников раннего зноувековья. В ходе этой работы были открыты многие ранее неизвестные памятники раннего средневековья, уточнены планы оазисов того времени (Андрианов, 1969, с. 137–140).

В 1953–1964 гг. продолжалось обследование Беркут-

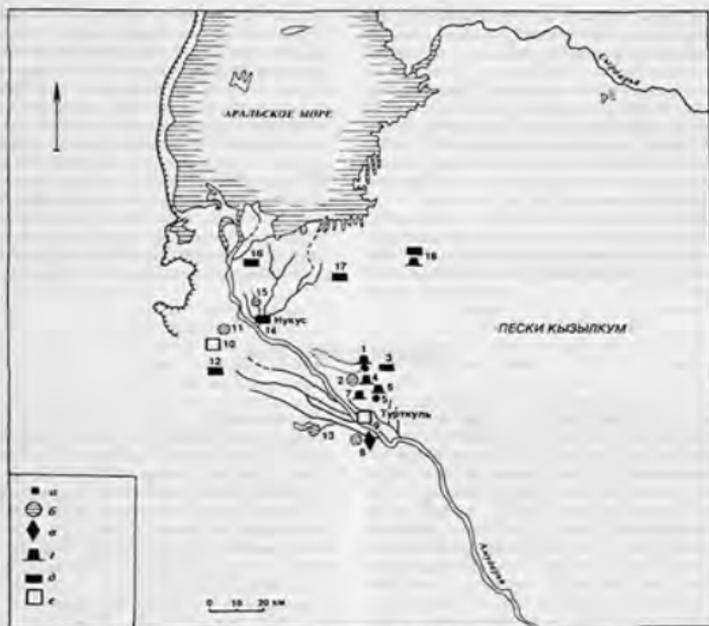
кульского и Якке-Парасанского оазисов, были предприняты раскопки более десяти усадеб и замков, в том числе самых крупных — Беркуткала и Якке-Парсан (Шерашки, 1959, с. 96–127; 1963, с. 3–40).

С 1958 г. сотрудники Каракалпасского филиала АН УзССР занимаются историей низовьев Амударьи, где, согласно арабоязычным авторам, локализуется область Кердер, тесно связанная с Хорезмом. Ее называют Северным Хорезмом, что не вполне точно. Здесь проведены раскопки Токкалы (Гудкова, Ягодин, 1963, с. 249–263; Гудкова, 1964), Курганчи (Ягодин, 1973), Куюккалы (Нераски, Рапопорт, 1959; Ягодин, 1963, с. 9) и Хайванкалы (Ягодин, 1981, с. 78–101). Во время раскопок Токкалы сделаны замечательные открытия памятников раннесредневековой письменности (более 100 хорезмийских надписей на оссуари, покрытых интереснейшей росписью) (Гудкова, 1964, с. 74–106). Вслед за этим новым успехом были найдены оссуари с росписью при раскопках обширного некрополя близ Гуаркулы — Миздахкана (Ягодин, Ходжаев, 1970, с. 129–155). В итоге работ в низовьях Амударьи значительно пополнились сведения о направлениях культурно-исторических связей населения Хорезма, его календаре, социальной структуре общества, были поставлены интересные проблемы по его этнической истории (Толстов, 1962, с. 244–252; Гудкова, Ягодин, 1963, с. 267; Гудкова, 1964, с. 80–84 и др.).

В 1977 г. началось сплошное археологическое исследование Якке-Парасанского оазиса, на территории которого раскапывались шесть усадеб. Рядом, возле Аязкалы 2, с 1985 по 1990 г. исследовался большой раннесредневековый комплекс постройек, где почти целиком вскрыт дворец V (а может быть, и IV)–VI вв. н.э.

Получены важные материалы, касающиеся проблем формирования кушано-афринджидской культуры. Особенно большое значение в данном аспекте имеют раскопки городища Тонраккала (1965–1969 и 1972–1975 гг.), которые С.П. Толстов считал эталонным памятником для этой культуры. На городище открыто около 5000 кв. м многоэтажной застройки, уточнены общие принципы планировки в IV–V вв., собрана большая коллекция предместов из глины, кости, металла, впервые извлеченных из слоя. Прежде экспедиция располагала только подъемным материалом. Обобщение полученных сведений не только расширило характеристику указанной культуры, но и позволило иначе взглянуть на отдельные ее аспекты. Кроме того, появились первые данные о городе IV–VI вв., а также о культах постройках того времени, прежде совсем неизвестных.

Вместе с тем сведений о важном и интересном периоде IV–VI вв. пока еще недостаточно. Мало того, нечетко выделяются и его хронологические границы (IV–VI вв.², IV–X вв.²). В последующем тексте мы придерживаемся первой, хотя VI век пока трудно "уловим" в археологии Хорезма. Лишь памятники VII–VIII вв. четко датированы хорезмийскими монетами, встречающимися вместе с сегодняшними.

Карта 2. Хорезм IV–VIII вв.

1 – Аяккала; 2 – Топраккала; 3 – Большая Кыркмыскала; 4 – Яке-Парав; 5 – Бердуккала; 6 – Тепишкала; 7 – замок 92; 8 – замок 2; 9 – Ал-Фар (более позднее название Кят); 10 – Гургандж (Куна Ургенч); 11 – городище Гууркала; 12 – Турпаккала; 13 – Хива; 14 – Токкала;

15 – Хайванкала; 16 – Куоккала; 17 – Курганчикала; 18 – Барк-Там; а – малый город; б – городской; в – кузюкные места; г – замки и крепости; д – поселенки; е – крушый горел

События политической истории

В политическом отношении Хорезм IV–VIII вв. представлял собой, согласно Бируни, государство, где на протяжении указанных столетий правили представители одной династии. В литературе она получила название Афригидской по имени своего первого представителя – Африга, пришедшего к власти в 305 г. н.э. (Бируни, 1957, С. 47, 48). Бируни приводит список имен правителей этой династии, часть из них читается на монетах, найденных в памятниках Хорезма. Однако эти совпадения немногочисленны и относятся главным образом к VIII в. н.э. В целом же многие имена из списка Бируни на монетах еще не выявлены (Гудкова, Липшиц, 1967, С. 10, 11; Livshits, 1968, Р. 441–444; Вайнберг, 1977, С. 81, 82), не зафиксировано в нумизматическом материале пока и имя родоначальника династии Африга. Как полагал С.П. Толстов, этому правителю пришлось столкнуться, видимо, с политической децентрализацией в стране, проявившейся в появлении медных монет с разными тамгами (Толстов, 1948а, С. 209). Есть и другое

объяснение данного явления: несколько серий монет могут относиться к чекану одного правителя (Вайнберг, 1977, С. 81), однако это маловероятно. На нумизматическом материале могла отразиться и сложная внешнеполитическая ситуация в Средней Азии: имеются в виду хнонито-эфталтские войны, а также походы первых Сасанидов – правителей Ирана на Хорезм и возможное завоевание ими этой страны (Henning, 1965, Р. 169, 170).

Что же касается тюркско-хорезмийских взаимоотношений, то пока они остаются в тени из-за отсутствия сколько-нибудь определенных сведений по этому поводу, хотя некоторые ученые и полагают, что в VI–VII вв. Хорезм вошел в состав тюркского государства (Гулицы, 1967, С. 35).

Сравнительно хорошо освещены письменными источниками лишь события 711–712 гг., когда Хорезм был завоеван арабским полководцем Кутейбой. Табари сообщает о совете, на который хорезмшах созвал царей (мюлюк), дехкан и ахбар – ученых (Табари, 1987). Это пер-

вые важные сведения о социальной структуре хорезмийского общества в начале VII в. н.э. Данные письменных источников, нумизматические и археологические материалы позволяют полагать, что Хорезм в это время состоял из нескольких уездных владений. Предполагается, что это область Кердер в низовьях Амударьи, южная часть страны – правобережье с центром в д. Фире и Ургенч на левом берегу Амударьи (Вайнберг, 1977. С. 99). Упомянутая в источниках область Хамдждера отождествляется как с Кердером, так и с Ургенчем (Гудкова, 1964. С. 119, 120; Вайнберг, 1977. С. 99)¹.

Соперничество хорезмшаха с его братом Хурразадом, которого поддерживал царь Хамдждера, и привело первого к необходимости призвать на помощь арабов. Кутейба разгромил Хурразада, уничтожил памятники пис-

менности Хорезма и разогнал его ученых (Бируни, 1957. С. 48). В стране появился арабский наместник, и с тех пор до 995 г., когда был убит последний представитель династии Афривидов, власть в стране делилась между Кятом – столицей хорезмшахов – и Ургенчем, где сидели арабские эмиры. Однако хорезмийцы долго не могли примириться с арабской оккупацией, о чем свидетельствует восстание 728 г., вспыхнувшее в Керасре. Борьба с арабами возобновлялась и позже, и лишь в самом конце VIII в. позиции арабов несколько укрепились, в связи с чем в Хорезме стал утверждаться ислам. На монетах того времени появились арабские надписи, а имена хорезмшахов стали мусульманскими. Все эти политические события и этнические перемещения не могли не найти отражения в археологическом материале.

Хорезм в IV–VI вв.

По археологическим данным, в IV–V вв. в Хорезме прослеживаются определенные явления (запустение обширных сельскохозяйственных районов и ряда городов на окраинах страны, распространение легкой посуды, сокращение импорта), которые могут рассматриваться как признаки упадка жизни в стране. Однако, пока не исследованы приамударыньские оазисы, где в средневековье расцветают многочисленные города, время возникновения которых зачастую не установлено, трудно определить масштабы и причины этого кризиса, а также его протяженность. Так, раскопки Хазараспа показали наличие в городе слоев IV–V вв., но размеры города неизвестны. Сходные, но неодновременные явления отмечаются и на других территориях Средней Азии в IV–V вв. или несколько раньше: в Бухарском оазисе (Шишкин, 1963. С. 230; Адылат, Мухаммеджанов, 1986. С. 8), в Тохаристане (Аннаев, 1977. С. 88; Пугаченкова, 1967. С. 87; Массон В., 1973. С. 39), в Северном Хорасане (Массон М., 1951. С. 101; Филинович, 1974. С. 22, 23), в Согде

(Шишкин, 1973. С. 100; Распопова, 1986. С. 90). Однако если раньше большинство исследователей уверенно связывали эти явления с кризисом социально-экономического строя, то теперь часть из них усматривают возможность и других причин упадка, например военные действия в связи с вторжением кочевых населения, политические события, указывая на незначительность и кратковременность кризиса, а в некоторых случаях и отрицают наличие его следов (Аскаров, 1986. С. 9; Распопова, 1986. С. 90; Седов, 1986. С. 105). Несомненно, что, рассматривая эту проблему применительно к Хорезму, не следует недооценивать роль сасанидских завоеваний, губительно сказавшихся на развитии поселений левобережного Хорезма в первую очередь. Большое значение имело и нарушение традиционных, складывавшихся веками, связей со скотоводческим окружением страны, имевшее место в IV–V вв. (Нералик, 1997). Только накопление нового материала поможет, видимо, приблизиться к пониманию сущности кризиса IV–V вв. н.э.

Городские и сельские поселения. Жилища

Сведения об облике хорезмийского города IV–VI вв. практически отсутствуют. Отдельные находки монет, керамики и других предметов позволяют считать, что в это время в каком-то виде существовали Садвар и Джигербет, однако неизвестно, следует ли их относить к категории городских поселений. Есть некоторые основания полагать, что жизнь в них замыкалась в рамках небольших укреплений, из которых впоследствии выросли городские центры (Вахтурская, 1974. С. 498, 499; Гулямов, 1957. С. 141). На месте будущего важного средневекового узла Дарган на пути из Амударьи в Хорезм и рас-

сматриваемое время существовала сильная крепость (или небольшой городок?) площадью 7,5 га, разделенная стеной на две части (Гулямов, 1957. С. 117). Хива, уже в древности занимавшая площадь 26 га, в IV в. переживала упадок, и ее крепостные стены были засыпаны барханным песком. Лишь раскопки Топраккалы дают некоторое представление о хорезмийском городке IV–VI вв., в который прераталась бошая сыпьяна хорезмшахов. В итоге раскопок городища особенно наглядно проявилось то, что в культуре Хорезма еще очень много традиционного, восходящего к эпохе античности. Город в этот период продолжал существовать в обходе древних стен, сохраняя первоначальные градостроительные принципы планировки. Напомним, что городище прямоугольником очертаний (500 х 350 м) возникло у подножия трехбашенного "Высокого дворца" и было окружено двойной стеной с многочисленными башнями

¹ Выделение последней области пока проблематично. Несомненно, что в культурном и этническом отношении она составляла единое целое с правобережной частью страны. Иное дело – Кердер, население которого произошло в результате перемещения приамударыньского племени.

(Табл. 2, 1). Центральная улица, подходящая к единственному входу в середине южной стены, делала его пополам, причем сетка боковых улиц очерчивала кварталы, симметрично расположенные по обеим сторонам этой центральной артерии города. Таким образом, в планировке Топраккалы нашла отражение древняя схема правильно распланированного города, получившая широкое распространение в странах древнего Востока начиная с эпохи Харашпы в Индии.

Насосия на улицах Топраккалы росли вместе с насосиями в кварталах и выражены на поверхности городища не в рельефе, а более темным цветом. В северозападном углу городища, внутри большой, огороженной мощной стеной цитадели, возвышался огромный трехбашенный дворец, в IV–VI вв. уже утративший свое культурно-мемориальное значение.

Городские крепостные сооружения этого времени отличались от ранних в результате существенной перестройки. Древние стены, декорированные лопатками, с двухэтажной стрелковой галереей и стрельчатыми бойницами в стенах верхнего этажа, были закрыты новой кирпичной облицовкой. Срубленные или разрушившиеся башни в стены вошли в сплошной мощный сырцовый массив – поколь, на который теперь была поднята одноэтажная стрелковая галерея. В стенах ее сделаны целые ряды бойниц. Сходным образом были перестроены крепостные стены Хини, Гауркала Султанаузатгаской и некоторых других крепостей (*Рапорт, Трудовская, 1958, С. 354; Мамбетулаев, Кусуп, Ходжишанов, Матрасунов, 1986, С. 38*), в таком образом, это явление не было единичным. Датировку этой реконструкции еще предстоит уточнить, но по особенностям строительства и фортификации топраккальские стены уже вполне отвечают позднейшей системе фортификации африкандского Хорзема.

Установлено, что близ Аязкалы 2 на площади около 25 га в IV–V вв. начал складываться небольшой городок, первоначальным ядром которого было несколько крупных усадеб с возвышавшейся над спитой застройкой двухэтажной частью. Они возникли возле двора хорезмшанов, соединившегося с крепостью Аязкалы 2 (Табл. 2, 2), которую, видимо, можно рассматривать в качестве типичной формирующегося города, территориально выросшего уже в последующие столетия.

Сельские поселения IV–VI вв., перекрытые, как и городские, позднейшими напластованиями или уничтоженные на протяжении последующих столетий, малоизвестны, за исключением Турпаккальского поселения в левобережном Хорземе, датированного IV в. н.э. Оно может быть отнесено к поселениям рассредоточенного типа без какого-либо укрепления центра. Примером поселения с центральным укреплением являются оазисы, сложившиеся вокруг раннего Якке-Парсана или раннесредневековой усадьбы Дингильдые, а также вокруг Аязкалы. Оба варианта типологически находят соответствие в поселениях предшествующего времени. Старые традиция чувствуются и в архитектуре укрепленных центров, имеющих вид правильного прямоугольника или квадрата, с двухэтажным стрелковым коридором, башнями вдоль стен и укрепленным входом.

Работая на городищах Топраккалы и Турпаккальском поселениях важно возможность сравнить синхронно:

городское и сельское жилища. На городище вскрыты примерно треть жилой застройки квартала, в результате чего изменилось сложившееся ранее представление о нем, как о доме-массиве, состоявшем из многочисленных взаимосвязанных помещений, чередовавшихся с открытыми дворами. Полагали также, что над каждым из них возвышалась на кирпичном поколе башня главы родового коллектива, обитавшего в доме (*Талстов, 1948а, С. 174*). Теперь выяснилось, что квартал состоял из нескольких больших домовладений, а по его сторонам, обращенным на улицы, на протяжении всей истории города, видимо, существовали лавочки и ремесленные мастерские, в частности костерные. Традиционно сохранились в центре хозяйственной жизни кварталов, например большие хранилища, сплошь заставленные хумами, где найдено больше всего монет, а также металлургическая гирька.

На протяжении IV–VI вв. застройка жилого квартала сократилась и стала менее регулярной, причем ощутил тенденция к дроблению крупных домохозяйств. Каждое из них включало теперь не 10–20 помещений, как раньше, а шесть–семь жилых комнат и несколько подсобных, в том числе складских. Наиболее выразительным элементом интерьера жилых комнат (их площадь около 20 кв. м) являлась большая угловая суфа размером 2,2 (2,4) × 2,2 (2) м, сложенная из сырцовых кирпичей. В ней или же в углу помещения устраивали очаг в виде углубления диаметром 35–40 см, иногда с коротким поддувалом-дымоходом. Но наиболее распространены открытые очаги-кострища. К концу периода появляются помещения с суфами вдоль двух или трех стен, характерные уже для жилья последующих двух столетий. Площадь парадных помещений рассматриваемых домохозяйств была больше (около 30–40 кв. м), а их кровлю поддерживали две колонны, основанием которых служили четырехугольные вымостки из сырцовых кирпичей. В некоторых таких залах делали угловую суфу.

Турпаккальские жилища также представляли собой крупные дома (800–1000 кв.м) из сырцовых кирпичей, выстроенные в той же строительной технике, что и топраккальские. Они включали жилые и хозяйственные помещения, кухню, парадные залы, украшенные многоцветной росписью. В доме 5 открыт четырехколонный зал с центральной кирпичной обожженной облицовкой и нишей в стене против нее. Он мог служить домашней модельер. Не исключено, впрочем, что эта постройка целиком являлась небольшим сельским храмом, тем более что рядом с залом находилось большое помещение с суфами и столовой посудой, где могли происходить коллективные трапезы. Подобное сочетание двух помещений наблюдалось и в других культурных комплексах Хорзема.

Оформление крупных залов отличается от такового залов, зафиксированных на Топраккале: нет такого важного элемента планировки, как большая угловая суфа, различаются и очаги. Иной была общая взаимосвязь помещений в доме, несправедливо конфигурация и отсутствие какого-либо композиционного центра налюминающих жилища рядовых горожан Дальверина в Бахтрин (*Пугачевская, Рингалдые, 1978, С. 69*). Напротивается вывод, хотя для серьезных заключений пока материала недостаточно, что городское и сельское жилища Хорзема в IV–V вв. принадлежали к разным типам построек.

Культовые и дворцовые постройки

К моменту появления обобщающих работ С.П. Толстова, включая и его последнюю монографию "По древним делатам Окса и Якарта" (Ташкент, 1962), культовые сооружения эпохи раннего средневековья были практически неизвестны. Имелись лишь нечетливые сведения о храме внутри Тешкикала, так и оставшиеся нераскопанным. Теперь известны храмы и святилища разных категорий и облика, стоявшие внутри городской застройки и священного участка (Топраккала), входившие в состав жилищ или же располагавшиеся в виде отдельных сооружений на территории сельских оазисов.

На территории священного участка ("храмовый квартал") городища Топраккала три разновременные культовые постройки возвышались на мощных платформах, включавших остатки более ранних построек. Постройки отличались толстой стеной и, скорее всего, были перекрыты сводами. Все три здания воспроизводят одну и ту же схему, видимо традиционную. Это двенадцать вытянутых с запада на восток помещений, соединенных широкими, дежскими на одной оси проходами, которые образовывали как бы центральный коридор (Нерасик, 1981, С. 41–55). Благодаря такой особенности они обнаруживают некоторое сходство с древнесомалискими храмами, в которых как известно, целла, пронаос и двор располагались на одной оси (Flankfort, 1951, P. 54). Культовые постройки, близкие по времени, относятся к IV–V вв. Особенно интересна первая, в центральном помещении которой найдены огромные рога горного архара, пышно украшенные бронзовыми позолоченными и ориентированными пластинками-обоями и наковечниками (Табл. 9, 22, 23). К этому объекту поклонения складывались приношения в виде множества разнообразных предметов, которые почти сплошным слоем покрывали пол помещения, горющего, как и весь храм, в огне пожара. В проходах между помещениями сохранились обуглившиеся деревянные балки и плахи сложного двухтамбурного дверного проема.

В жилом квартале города на боковую улицу выходили два помещения, в меньшем из которых, расположенном и глубже, находилась большая вымостка из сырцовых кирпичей: сильно оваленная (Нерасик, 1981, С. 31, рис. 16, пом. IV₁ и IV₂; С. 35, 141, 142). Ее можно рассматривать как подум для неугасимого огня. Пол помещения вымощен сырцовыми кирпичами и покрыт плотной обмазкой с лемсигирующим слоем (подобие обмазки в храме I священного участка). Во втором помещении открыты кирпичные вымостки — основания двух колонн, а вдоль стены, судя по ямкам от столбиков, находился кирпич-то помост. Возможно, здесь происходила ритуальная дествия, в то время как священный огонь горел в глубине этого небольшого квартального храмика. По своему типу он продолжает традицию двухчастных (или с жаром в виде двух поставленных рядом помещений) культовых построек, которые закономерно сопоставляются с поздними зороастрийскими храмами парсов, исследованными М. Бойе (Panofort, 1987, С. 145; Филантин, 1987, С. 154).

В последнее время обнаружен и еще один объект монументальной культовой архитектуры — святилище огня в окрестностях Якке-Парсана (Нерасик, 1989, С. 52–58).

Оно представляет собой отдельно стоящее небольшое культовое здание (7 × 7 м), выстроенное из крупноформатных сырцовых кирпичей размером (38–40) × (36–40) × 10 см не позже начала IV в. н.э., поскольку в подстилающем слое найдены хорезмийские монеты III в. н.э. и керамика, обнаруженная там, мало отличающаяся от найденной в здании. Просуществовав несколько столетий, оно в VIII в. было включено, как футляр, в цоколь нового здания и сохранилось как святилище.

Купол святилища выложен кольцами сырцовых кирпичей, опирающихся на тропы в виде перекрестных уходящих арочек. Барабан расположен низко над полом, что является отличительной чертой ранних среднеазиатских куполов. Однако в данном случае диаметр купола не превышает поперечника здания, как это зафиксировано в других постройках (Воронина, 1952, С. 99). На полу святилища точно в центре обнаружен круглый (диаметром 0,5 м) ярко-красный от обжига отпечаток, вероятно, стоявшего здесь жертвенника, где сохранялся священный огонь. Вдоль двух стен в VI в. были устроены суфы из сырцовых кирпичей (Табл. 9, 1–6).

Эта постройка является одним из древнейших купольных зданий в Средней Азии, причем представляющий его архитектурный тип имеет глубокие местные традиции. Подобные постройки воспроизводят своеобразные башенные хорезмийские оссуарии, относящиеся к III–IV вв. н.э., причем они закономерно сопоставимы с некоторыми потребными зданиями, известными в Хорезме и на его периферии, во всяком случае, с IV в. до н.э. (Panofort, Лашин-Сквалов, 1968, С. 148–152). Среди них были и купольные помещения, например Баланды 2 (Толстой, 1962, С. 174–178). Теперь, следовательно, установлено, что аналогичный архитектурный тип был присущ и иным культовым постройкам, в данном случае — святилищу огня.

Благодаря работам на развалинах раннесредневекового комплекса возле Аязкала 2 появились сведения о хорезмийском дворце рассматриваемого периода и о дворцовом святилище. Здесь великом раскопано большое здание (65 × 65 м), включавшее более 40 помещений и выстроенное из крупных сырцовых кирпичей античного стандарта. Дворец горел, но хорошо сохранившиеся помещения затем дважды использовались под жилье, что затрудняет датировку первоначального сооружения. Находки характерной посуды позволяют, однако, считать, что оно было воздвигнуто не позднее VI — начала VII в. н.э., хотя, возможно, эту дату следует удеривить до IV в. н.э. Важно упомянуть, в связи с этим находки в здании монет хорезмшаха Бравика, имя которого более других из списка Бируни сопоставимо с именем Африга, основавшего новую династию и построившего дворец в ал Фире (а под этим названием можно подразумевать и город, и область этого города).

Отличительными чертами планировки здания являются: 1 — наличие поднятых на цоколь парадных входов; 2 — расположение помещений вокруг большого двора или зала, не являющихся, впрочем, геометрическим центром плана; 3 — наличие больших многоколонных залов, расположенных в один ряд; 4 — обход по периметру несообщающимися коридорами; вдоль восточной стороны

коридор был поднят на поклоск. 5 – наличие большого культового комплекса в юго-западном углу дворца. В общей композиции здания, его строительных особенностях еще чувствуются традиции древнехорезмийского дворцового зодчества, но вместе с тем уже заметны черты, сближающие дворец с другими зданиями этого ранга, относящимися к VII–XIII вв. В частности, отмечен сходство культового комплекса дворца со святилницами, открытыми в раннесредневековых среднеазиатских дворцах (Филанович, 1987, С. 149–152). Аляккалинский культовый комплекс со-

стоял из пяти помещений, объединенных Г-образным коридором. Основными в данной группе были два больших смежных, но непосредственно не соприкасавшихся между собой помещения 14, 15 с суфами вдоль стен. В одном из них, шестиколонном, в торцевой стене устроена большая ниша, а против нее, на полу находилась кирпичная, сильно опаленная выкладка, где, вероятно, возжигался ритуальный огонь. В соседнем помещении с очагом и множеством различных отпечатков на полу, надо полагать, происходили ритуальные трапезы (Неразик, 1997, С. 49, рис. 3).

Керамика, изделия из металла и другие предметы

В свете раскопок городища Топраккала найдено подтверждение существованию ранее предположение, что наряду со светлоангобириванной посудой, наиболее характерной для раннесредневекового Хорезма, в IV–V вв. изготавлилась и красноангобириванная, которая часто покрывалась полосчатым и сетчатым лощением. Однако ангоб становится тусклым, буро-красным или коричневым. К концу периода красноангобириванная керамика почти полностью вытесняется светлоангобириванной. Для первой особенно характерны кувшины с подтреугольным или профилированным венчиком и двумя ручками на плечиках (Табл. 2, 14), чаши и миски (Табл. 2, 8, 9). Среди светлоангобириванной посуды получают распространение безручные кувшины, тулово которых покрыто прочерченным волнообразным орнаментом (Табл. 2, 20), и кувшины с отогнутым утолщенным венчиком. Появляются зыбкоовальные кувшины с приматым сливом. Симпатично, что многие формы посуды этого времени воспроизводят старые хорезмийские образцы, но округлившие и видоизменившиеся. К концу периода становится много лепной светлоангобириванной посуды. Это крупные чашковидные чумчи с утолщенной закраиной, ориентированной пальцевыми защипами и вдавленными (или вовсе без венчика), и ябцеватым туловом, иногда покрытым прочерченными пересекающимися полосами, образующими сетку; миски с плоским выступающим борозком, украшенным насечками; одноручные кувшины с покатыми плечиками и вытянутым туловом (Табл. 2, 5, 13, 17, 18). Постепенно меняется и ассортимент керамики. В конце рассматриваемого периода мало чаш, много кружек, распространяются одноручные лепные горшки (Табл. 2, 10, 12), а то время как в начале периода преобладали двуручные (Табл. 2, 16).

Хорезмийский керамический комплекс этого времени достаточно своеобразен. Вместе с тем при его исследовании обнаруживаются те же черты, что и в керамике из других районов Средней Азии. Наиболее близкими в этом отношении оказываются Бухарская и Кашкадарьинская области Согды, где в IV–V вв. отмечаются сходные явления: полное исчезновение яркой красноангобириванной керамики, заменяющейся темно-красной и темно-коричневой; уменьшение общего количества красноангобириванной посуды и возрастание числа сосудов с прочерченным волнообразным орнаментом. Можно отметить и ряд аналогичных форм хорезмийской керамики (Исмаилов, Сулейманов, 1984, С. 20–22, 24, 34, 60), но их немного. Значительно больше сходств на-

жду хорезмийской керамикой IV–V вв. и посудой населения средней Сырдарьи (Неразик, 1981, С. 89), причем особый интерес в этом отношении представляет находка в помещениях Аляккалинского дворца большого количества чумчи, по форме и способу обработки поверхности воспроизводящих эту категорию посуды из памятников указанной области (устное сообщение Л.М. Левиной). Этот факт дает основание предполагать определенные этнокультурные, а может быть, и политические контакты между данными областями в IV–V вв. и т.д. Еще большую близость, вплоть до полного совпадения форм, обнаруживает керамика из Одейтепе близ Чаржою на Амударье (Палико, 1979, С. 48, рис. 10, 2, 3, 13, 15, 16, 18, 25–27), что может найти объяснение в тесном соседстве местного и хорезмийского населения и присутствия последнего в Одейтепе.

Привлекают внимание и другие аналогии, позволяющие думать о каких-то формах взаимодействия населения. Так, в курганном комплексе Чаштепе, расположенном на северо-западных окраинах Хорезма, встречаются сосуды, обнаруживающие близкое сходство по характерным технологическим особенностям, например по окраске темным зыбком по светлому¹, с сосудами из верхнего слоя городища Топраккала и Кунуяш в сельских поселениях Якко-Парсанского оазиса IV в. и т.д. Возможно, курганные группы Чаштепе окажутся разновременными, но часть из них, несомненно, относится к IV–V вв., и именно в них и найдены упомянутые сосуды.

Есть и другие свидетельства внешне, аналогичной на хорезмийское гончарство IV–V вв. Аналогия очень выразительную прочерченному орнаменту, украшавшему в основном толстостенные сосуды, ведут в степное окружение страны (Неразик, 1959, С. 231, 232). Поэтому можно думать, что сложение керамического комплекса рассматриваемого времени происходило в известной степени и под воздействием культуры соседних коменных и полукочевых племен, тесно существовавших с оазисами Хорезма.

С раскопками Топраккала появились и первые сведения о вооружении, предметах быта и украшениях средневековой эпохи. В янгол квадрате найдены kostяные выкладки от сложностоевального лука и крупный трехлоп-

¹ Вряд ли до более позднего времени в степной местности сосуда из Чаштепе не могли укрепить связками у длинного каудальной культуры и даже у привнесением ее из степей в Хорезм (Ташев, 1971, С. 247).

стной наконечник стрелы (Табл. 2, 46, 49, 50). Среди металлических предметов содержится ножи с прямой спинкой и горбатые, индотраарские, округлые бесшпигонные пряжки и маленькие, видимо обрубные, с овальной рамкой и подвижным язычком (Табл. 2, 31–34, 47, 48). Имеемся и редкая для этих мест костяная пряжка с треугольным шпигком (Табл. 2, 30). Уромяем также бронзовые ложечки (Табл. 2, 44, 45), весьма обычные в кочевой степной среде. Есть подобные бронзовые ложечки из кости (Табл. 2, 42, 43) (Трудишская, 1981. С. 108–109).

Украшения представлены большим числом бусин, но многие из них происходят из "храма с рогами" и могут относиться к более раннему времени. Это бусы из шпигта и стеклянные различной формы. Для IV–VI вв. более характерны крупные каменные бусины из халцедона и сердолика (есть с соловым орнаментом) сферической

и бочкообразной формы (Табл. 2, 23–28). Есть подвески из коралла и других материалов (Табл. 2, 38). Из числа стеклянных бусин отметим четырехгранную призматическую и 14-гранную с оранжевыми глазками. Среди многочисленных стеклянных ветавок имеются с подкладкой из золотой фольги, типичные для эпохи "великого переселения народов". Кроме того, встречаются бронзовые серьги калачком, в виде кольца с заходящими концами, а также серьга "аланского типа" из рифленой проволоки.

Браслеты крутиловолоочные, с утолщенными концами, украшенные выгравированными личинами, относятся также к поре "великого переселения народов".

По-прежнему изготавливались костяные булавки (или стили?) со сложной резным навершием в виде короны, которые находят обычно в слоях широкого круга памятников древнего Востока.

Верования

Изображения на многих из перечисленных предметов, орнамент на керамике, а главное – раскопки храмов вводят нас в сложный мир верований населения Хорезма IV–VI вв., его воззрений, распространенных в стране культот. Находи оссуариев, храмы и святилища огня обычно рассматриваются в качестве убедительных свидетельств существования зороастрийских верований. О форме оссуариев того времени можно судить по находкам в некрополе Миздахкана. Это главные и алебастровые, реже каменные ящики на четырех низких ножках или без них, с границами, украшенными надельными полосками с поперечными вдавлениями. Верх часто оформлен ступенчатыми выступами, а иногда фигурками птиц, блоковидными ручками. Некоторые оссуарии, видимо, воспроизводят форму реально существовавших построек с шатровым перекрытием (Рапопорт, 1971. С. 99). Боковые плоскости одного из миздахканских оссуариев украшены изображениями растения с крупным плодом и идущих львов (Табл. 10, 2). В.Н. Ягодин видит в этом идеологическое воздействие Ирана (Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 132). Захоронивались, очевидно, кости в в сосудах, специально изготовлявавшихся для этой цели или использовавшихся ранее в быту (Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 61–62 и сл.). Однако у нас еще пока недостаточно оснований, чтобы судить, насколько в рассматриваемый период сохранился тот пантеон, который столь красочно запечатлен в росписи и скульптуре грандиозного дворца Топраккалы, а также те культы, которые были распространены в Хорезме в предшествующую эпоху. В этой связи показательно, что на данный период приходится заметная антропоморфных оссуариев ящичными, форма которых в это время еще только начинает вырабатываться (Рапопорт, 1971. С. 97). Еще более показательно полное исчезновение на протяжении данного времени антропоморфных терракотовых фигурок – изображений божеств, столь распространенных в ан-

тичный период. И в этом отношении исследование городища Топраккалы очень важно наряду с другими его аспектами еще и потому, что позволяет проследить, как вместе с упадком дворцов и превращением Топраккалы в заурядный небольшой городок проступали народные верования и обряды, скрытые в имперский период государственными культами и ритуалами. В этой связи чрезвычайно симптоматично распространение зооморфных сосудов (Табл. 2, 37), глиняных и алебастровых идолчиков (Табл. 2, 39–41). Они могли быть изображениями покровителей домашнего очага, дома, личными оберегами, могли служить важными атрибутами культа предков, а также производственных и погребальных культов (Брыкина, 1982а. С. 96–113).

Всю толщу этих идеологических наслоений венчает Топраккалинский храм, где фетишем являлся бараньи рога – концентрированный символ оберега, пережитки которого дожили в Средней Азии до недавнего прошлого. Вместе с тем пока трудно сказать, не слились ли тут народные верования с культом божества Хварены, символом которого и Иране, а также, как полагают Б.А. Литвинский (Литвинский, 1968. С. 87 и сл.), в кочевой и полукочевой среде чаще всего является баран. Так или иначе, приведенные данные позволяют предполагать какие-то серьезные перемены в верованиях населения Хорезма в IV–VI вв., суть которых пока еще недостаточно ясна.

В заключение этого обзора следует подчеркнуть, что культура Хорезма IV–VI вв., или кушано-африганская в классификации С.П. Толстова, – это традиционная хорезмийская культура, особенно на первом ее этапе (IV – середина V в.), но уже на стадии упадка, это еще хорезмийская античная эпоха, но уже на исходе. Она предстает как преддверие следующего этапа – времени сложения африганской культуры VII–VIII вв., к рассмотрению которого мы и переходим.

Хорезм в VII–VIII вв.

Города

От этого периода на территории бывшего хорезмийского государства сохранилось много развалин поселений, в основном сельских. Облик городов VII–VIII вв. почти не выяснен. Известно, что в это время продолжали существовать некоторые старые города, стоявшие на важных торговых трассах и крупных каналах (Хазарист, Хива и др.). Строились новые, причем последние часто возникали у стен крупных замков (например, Беркуткала, Кумкала). Археологическое обследование Кита – столицы Хорезма до X в. (возле нынешнего районного центра Бирунги) – показало, что изучению доступны лишь участки городских слоев XII–XIV вв. в более поздние времена (Мавлюк, 1966). Цитадель Кита в X в. еще видел посетивший город ал Истахри, но к тому времени она уже запустела, а древний город был смыт Амударьей, разрушившей позднее и цитадель (МИНТТ. Т. I. С. 172). В текстах Табари, Белазури в вни ал Асама сохранились сведения о раннесредневековой столице, называвшейся ал Фир или, по названию страны, Хорезм. Согласно этим сведениям полагают, что город в VII–VIII вв. состоял из трех частей – «трех городов», окруженных общим валом. Самым укрепленным был Мадинат ал Фир (*Большаков*, 1973. С. 171); *Гойбов*, 1983. С. 132–134). По мере роста города его древнейшая часть превратилась в цитадель, а город авторы X в. называли Кятом.

В Хазараспе, который, по Белами, являлся одним из наиболее укрепленных городов Хорезма (*Zolienberg*, 1867. Т. IV. P. 176), были раскопаны участки мощных крепостных стен, что свидетельствует о возможности существования крупной цитадели, возникшей именно в VII–VIII вв. (*Воробьева, Лапшов-Скобло, Нерашк*, 1963. С. 162, 199). Однако городские слои на раскопанных участках не сохранились из-за более позднего строительства. Думается, впрочем, что застройка в тот период вряд ли выходила за пределы крепостных стен и город не превышал размеры более раннего (10 га).

Видно, крупным городом был Миздахкан, по крайней мере так позволяло думать большие размеры некрополя того времени. К сожалению, раскопки города не велись, исследовалось только некрополь (*Ягодни*, 1970. С. 57–97).

Несколько полнее сведения о небольшом городке, выросшем в конце VII – начале VIII в. у подножия замка Беркуткала. Занимая площадь 6,2 га, он складывался в

два приема, благодаря чему получил неправильную конфигурацию. Частично город выстроен на развалинах древнего поселения, запустевшего в IV в. Обе части города, так называемые пристройки – южная и восточная – окружена стенами. Восточная имеет, по-видимому, ремесленный характер: на ее поверхности обнаружены следы железоплавильного, костерезного и других ремесел. Посредине располагалась обширная площадь. Южная часть города плотно застроена, причем в застройке выделяются два квартала, разделенные узкой извилистой улицей (Табл. 3, 3). Кое-где здесь также замечены следы производства. В замке площадью 100 × 100 м, который можно рассматривать как цитадель этого небольшого городка, были сосредоточены крупные здания, располагавшиеся возле его южной стены. Посредине стены находился вход, к которому со стороны города подводил пандус, поднимавшийся к широкой площадке, откуда спускались по широкой лестнице. Юго-восточный угол цитадели занимал донжон площадью 15 × 15 м, воздвигнутый на четырехметровом покое из сырцовых кирпичей. Часть донжона занимало углубленное в покое помещение – скорее всего, большое хранилище. Само же здание вряд ли могло служить жилищем владельца замка, так как в нем практически отсутствуют жилые помещения, а убранство комнат очень скромное. Скорее оно являлось чисто оборонительным или складским сооружением, а правитель жил в одном из крупных зданий в замке.

В северо-западном углу цитадели находился большой бассейн – городское водохранилище, что особенно существенно в случае осады.

Следует отметить, что и возле других крупных замков правобережного Хорезма в конце VII–VIII в. росли поселения – зародыши будущих городов (Кумкала, Нариджанкала).

Другой небольшой городок у Аяжкалы 2, о котором уже упоминалось, несмотря на гибель дворца, продолжает развиваться. В VII–VIII вв. на его территории появляются двусторонне-комнатные жилые сквины, подобные открытым в замке Якке-Парсай. Многие постройки были двухэтажными. Однако какая-то катастрофа остановила рост города: крепостные стены и большое крепостное-аланное сооружение внутри города остались недоотстроенными.

Сельские поселения

Сельские поселения VII–VIII вв. исследованы несравненно подробнее более ранних, однако только в правобережном Хорезме, поскольку на остальной его территории они практически не сохранились. На правом берегу Амударьи поселения тянулись на многие десятки километров вдоль каналов, выведенных из реки вплоть до отрогов Султанауздага, замыкающих сельские оазисы на севере. Типологически это все те же поселения рассредоточенного (иначе – разбросанного, дисперсного, а точнее ауторского) типа, которые характерны для Хорезма

во все времена его истории. Однако облик их на протяжении VI–VII вв. существенно меняется. Неукрепленные жилища почти полностью исчезают, а сельский пейзаж теперь определяется усадьбами и поселениями, окруженными толстыми пахсовыми стенами с укрепленным входом, расположенным между двумя банями или ивемшиным вид Г-образного сооружения. По-видимому, в некоторых усадьбах, по крайней мере крупных, сохранялись свой прежний облик, существовали отдельные здания, отдельные или двухэтажные. Низкий этаж поселе-

них составляли сводчатые или плоскоперекрытые помещения, однако облик этих зданий неясен. На рубеже VII и VIII вв. в большинстве построек оазисов появляются дощички на высоком покое.

На этом этапе среди археологических памятников широко исследованного Беркуткалинского оазиса выделяются шесть типов. К первому относятся замки с подтоптом на высокой колоде дощичком — кешком и мощными паховыми стенами, в большинстве случаев снабженном башнями (Тешкыкала, замки 10, 11, 82 и др.). Площадь их, зная величину х квадрату, колебалась от 40×40 до 100×100 м (Табл. 3, 2, 17; 4, 2, 3, 5). Второй тип — отдельно стоявшие кешки, иногда — с примыкающим к ним немногочисленными неукрепленными постройками, видимо подсобными (Табл. 4, 6). К третьему типу относятся укрепленные усадьбы площадью от 200 до 1000–2000 кв. м (усадьбы 18, 19, 28, 72, 74 и др.). Уничтожая их плотную застройку, самые мелкие могут быть названы укрепленными домами (18, 19, 28, 64, 66 и др.). Самые крупные (16, 30, 72) типологически не отличаются от поселений (Табл. 3, 1, 7, 14). Четвертый тип — укрепленные поселения площадью 1,4–2 га и менее. Крупные расположены на значительном расстоянии друг от друга (Кум-Баскыкала, Большая Кыркыкала, Уйкала, замки 32, 40, 60 и др.). До проведения раскопок выделение поселений условно: та же Кум-Баскыкала может оказаться небольшим городком. Небольшие поселения типологически и по существу мало отличались от усадеб, будучи населенными семейно-родственными группами. Об этом свидетельствуют подобные им и сохранившиеся до наших дней черты большой древности афганские “кала” (Карцев, 1986, С. 65–69). Пятый тип памятников — однокамерные башни-дощички, более всего сходные с позднейшими туркменскими дингами. Как и последние, они разбросаны среди полей и лесов, по всей вероятности, сторожевые функции. Можно заметить, что значительное число их сосредоточено вблизи Беркуткалы. К шестому типу памятников относятся постройки культового назначения. Так, недалеко от Тешкыкалы открыто однокамерное погребальное сооружение — наус (дом 50), в рядом замок 36 — постройка, также, скорее всего, связанная с погребальным культом. В нескольких километрах севернее Уйкалы возвышалось большое (дом 115) купольное святилище огня (Табл. 9, 7, 8). Такое же святилище (замок 2) открыто и севернее Якке-Парсана. Безусловно, в обоих оазисах были и другие постройки специального назначения, например севернее Якке-Парсана открыта усадьба А, видимо загородная вилла богатого землевладельца (Табл. 3, 15). Типологически сходные с перечисленными сельские поселения — усадьбы открыты и в других среднеазиатских районах, в частности в Согде и Тохаристане (Древневская, 1986, С. 37, 38; Ростков, 1975, С. 100; Утешаева, 1982, С. 105 и др.). Однако преобладают еще большая сопоставительная работа, чтобы

избежать возможных ошибок. Например, кажется лишним основывая попытку отнести Якке-Парсан к типу “замков с башнями крестьянскими жилищами у основания” (Губков, 1982, С. 16) или считать его замком (внутри поселения типа Гарайан Хиор в горном Согде (Ростков, 1979, С. 23–24). Останемся на этом вопросе подробнее.

Удалось установить, что в центральной части Беркуткалинского оазиса усадьбы расположены группами вдоль больших ответвлений магистрального канала, у истоков каждого из них, как правило, находились хорошо укрепленный замок. Эта выразительная особенность расселения как нельзя лучше запечатлела слагающуюся иерархическую структуру феодализировавшегося общества (Толстов, 1948, С. 134–135; Нерасим, 1966, С. 49), находившее соответствие в топографии оазисов других районов Средней Азии (Древневская, 1986, С. 37–38). Другой приметой существенных сдвигов в развитии хорезмийского общества служит появление в оазисе на рубеже VII и VIII вв. замков с дощичком на высоком покое. Это несомненно новая и повсеместно распространяемая раннесредневековая Средняя Азии архитектурная форма может рассматриваться и как отражение социальных перемен, связанных с выделением нового земельно-административного слоя дехкан-феодалов и соответственно с определенными преобразованиями внутри земельной общины, о которой пока еще мало известно.

Если на территории Беркуткалинского оазиса открыты обычные для раннесредневековой Хорезма рядовые поселения, то соседний Якке-Парсанский оазис существенно отличался от него иными закономерностями. Одной из его особенностей является значительно меньшая плотность населения; так, если в зоне Беркуткалинского канала существовало не менее 1000 жилых построек и поселений, то на том же протяжении в Якке-Парсанском оазисе — не более 20. Кроме того, там наблюдается иное расположение усадеб: групп нет, постройки следуют вдоль основного канала с интервалами 1,5–2 км и более. Следует учесть также, что на территории этого оазиса находился только один крупный замок — Якке-Парсан, в то время, как в Беркуткалинском их было несколько. Есть основания полагать, что северная часть Якке-Парсанского оазиса входила в зону влияния Якке-Парсана и что здесь могло формироваться феодальное поместье. В южной части оазиса, напротив, находились еще независимые небольшие обычные поселения типа замков 4 и 5 и замки (Айркала). Обе части отделились одна от другой незастроенной зоной, где встречались только одиночные башни, которые, по-видимому, защищали дальние участки в Якке-Парсану. Скорее всего, этот сторожевой дозор был направлен против упомянутых независимых поселений южной части оазиса. Так или иначе, но перед нами застывшая, статичная картина становления в стране нового социально-экономического строя.

Сельское жилище, Замки, Усадьбы

Основное жилище и парадные покои хозяина замка находились в жилой башне (кешке, или, пользуясь западносибирской терминологией, дощичке¹). Кешк распо-

лагался в углу или посредине одной из стен (если помещался на месте бывшего входа), но чаще всего посредине замка. Размеры кешков колебались от 12 до 24 кв. м, в плане, как правило, приближаясь к квадрату, причем замечательно стремление воспроизвести центричную схему плана. Помещения в большинстве случаев располага-

¹ Кешке часто называют башней, что, на деле является не верно. Дощичком.

лись вокруг большой комнаты, своего рода "холла-распределителя", где иногда находился колодец. В Тешккале и Якке-Парсане массивные тройные двери в стенах такого центрального помещения оформлены в виде своеобразных порталов и перекрыты арками. Особенности архитектуры центрального "холла" в доижоне Якке-Парсана подчеркнуты купольным перекрытием. Возможно, что такие залы были выше остальных помещений, являясь двухэтажными и приспособленными для проведения приемных вечеров (Нальсеи, 1966, С. 174–175). В квадратных, реже прямоугольных жилых комнатах стены отгибали кирпичные суфы, а по середине находились открытые очаг-жострище (Табл. 5, 3). В некоторых парадных помещениях огни разводились на вымостке из сырцовых кирпичей, а в стене, противоположной входу, устраивалась глубокая ниша. Таквих помещений немного, и не исключено, что в них жилище функции совмещались с культовыми.

Что касается планировки самих замков, то, согласно первоначальной, широко вошедшей в литературу версии, там находились обширные дворы и лишь кое-где у крепостных стен хозяйственные постройки и помещения для слуг. Однако первое же вскрытие широких площадей показало, что замки были довольно плотно застроены. Так, в Якке-Парсане у подножия доижона дворов было мало, а большую часть территории занимали двух-трехэтажные секции, включающие жилую комнату и кладовую с главными "ящичками" – зеромази. Восточная часть замка занята более аморфной застройкой, разделенной узкими коридорами. Между крепостной стеной и внешней ширкой барьерной стеной находились какие-то очень скромные каркасные строения. Сходные многоэтажные жилые секции открыты и в Тешккале, и, хотя там территория замка лишь частично затронута раскопками, судя по микрорельефу, можно полагать, что он тоже был плотно застроен. Однако существовали замки и с менее плотной застройкой или почти незастроенные (Адамккала, замки 11, 82 и др. в Берукталинском оазисе) (Табл. 3, 2; 4, 3).

Плотная застройка Якке-Парсана рассматривается некоторыми исследователями как остаток сельского поселения у подножия замка. Однако Якке-Парсан, может быть, наиболее яркий пример единого замкового ансамбля со всеми присущими этому типу построек элементами, включая ров, оборонительные стены, переходный мостик с доижона на специальную башенку, укрепленный вход, наконец, самдожон. Взятые в определенном пропорциональном соотношении, эти элементы создавали неотъемлемые черты того архитектурного образа, который стал символом эпохи феодализма и прекрасно затем выразил в западноевропейском зодчестве. Важно, что уже при строительстве Якке-Парсана имелся в виду конкретный коллектив, для которого планировались секции.

Секции по типу секции, которые сравнительно рассматриваются в качестве жилищ отдельных семей (Дубов, 1988, С. 68–69); открыты в Токале (Гудкова, 1964, С. 46–50); в Безымянном замке Якке-Парсанского оазиса, в городском поселении возле Азжаклы 2, в байских усадьбах начала XX в. Хивинского оазиса (Салатов, 1952, С. 186. Рис. 18), а в пещинах Хорезма – в поселении Гаранин Хисор в горном Согде (Дубов, 1988, С. 65–85);

на городище Калхак II в Уструпане (Негматов, Мамиджанов, 1983, С. 74). Все это достаточно разнородные архитектурные памятники, и, следовательно, одно лишь наличие там сходных по типу жилых секций вряд ли дает основание относить их к похожим по существу явлениям. Требуется детальный анализ археологических данных в социологическом отношении, и прежде всего установление социального статуса обитателей секций.

Трудно представить, что семья мугушественного дехкана, каким был владелец Якке-Парсана, была менее многочисленной, чем топраккалинский "БУТ", а последний включал, кроме семьи домовладыки, семьи сыновей и дочерей, тут были братья и сестры, племянники, зятья, внуки. Конечно, автор далек теперь от мысли, что Якке-Парсан занимала только большесемейная община владельца замка (Нершахи, 1976, С. 221); дифференцированный состав планировки заставляет предполагать наличие там и зависимых лиц – рабов, кедиверов, о которых известно из письменных источников (Согдийские документы с горы Муг; Нершахи, 1897). Описывая жилища купцов-кашуканов в Бухаре (быт которых вряд ли отличался от строя жизни дехкан), Нершахи говорит, что вокруг каждого кешка расположены жилища слуг, чакиров и других лиц.

Сельские усадьбы рядового населения оазисов скорее можно назвать крупными домами-массивами, поскольку они состоят из помещений и дворов, подведенных под одну крышу. В отличие от замков их трудно считать фортификационными сооружениями; основной защитой этих построек служили толстые нахвовые стены, хотя некоторые (усадьба 28 в Берукталинском оазисе) были снабжены и претензиями башнями (Табл. 3, 6).

По характеру планировки среди крестьянских жилищ можно выделить несколько типов: 1 – строения в виде аморфного соединения разновеликих помещений в нескольких открытых и закрытых дворах, разделенных узкими проходами (усадьбы 19, 64, 65 и др. в Берукталинском оазисе); 2 – усадьбы более правильной планировки с четким делением на две половины центральным коридором. Примерно треть площади занимал двор (усадьба 28, 136, 142 и др.); 3 – постройки с открытым двором в центре и одним, реже двумя рядами помещений вдоль стен. Усадьбы этого типа редки, чаще встречаются на окраинах оазисов. Возможно, это жилища осевших скотоводов. Впрочем, открытое пространство посредственно зафиксировано и в поселениях, которые более всего напоминают иранские деревушки – "кала" (Розенфельд, 1951, С. 24).

Яркий пример усадьб второго типа – Безымянный замок в Якке-Парсанском оазисе. Он представляет собой наиболее совершенный из известных пока прототипов позднейших усадьб-хаули узбеков Южного Хорезма. Планировка этой обширной (45 × 35 м) постройки отличалась строгой симметрией. Осью композиции являлся широкий коридор с рядом столбов посередине, начинавшийся от входа, франкированного двумя полукруглыми башнями, и соединявшийся другим концом с большим крытым внутренним двором. Вся заданная часть дома занимала двухкомнатные жилые секции, в восточной находились помещения более парадного облика, в том числе четырехстолбовый зал с суфами по периметру (пробора) будущей гостиной – михманхана. Тут же от-

крыт летний дворик с навесами вдоль двух противлежащих стен. В северо-западном, наиболее удаленном от входа, углу располагалось культовое помещение с кирпичным постаментом на центральной оси и следом от жертвенного огня рядом с ним (Табл. 3, 9, 10).

Обойком среди исследованных памятников стону усадьба А, которую к третьей ступи можно отнести только формально. Расположенная несколькими километрами севернее Бельминного замка, она представляла собой квадратное строение (33 × 33 м), северную часть которого занимал комплекс помещений, в южной находилась большая двор. Планировка застроенной части отличалась симметрией. На центральной оси, ориентированной с юга на север, находились сводчатый алтарь с кирпичной двухступенчатой сфой внутри, квадратный бассейн и вход в усадьбу. Такое построение должно было, видимо, лишний раз подчеркнуть значимость композиции. Алтарь открывался к бассейну, куда вода поступала по узким керамическим желобам (Табл. 3, 15). Среди окружающих бассейны помещений отметим четырехколонный зал. Наличие таких залов в раннесредневековых постройках Хорезма установлено лишь в последние годы.

Эти особенности планировки позволяют предполагать не обычную рядовую усадьбу, а "виллу" богатого землевладельца-аристократа, каким мог быть владелец Якке-Парсана.

В плане более большинства раскопанных усадеб, так же как и в замках, выделяются двух-трехкомнатные, гораздо реже многокомнатные ячейки с одной или несколькими жилыми комнатами того же типа, что и в донжонах. Но зато несопоставимо уровень строительной техники, качество отделки, высота и размеры жилых комнат. Например, лишь в кешках-донжонах открыты санитарные устройства — водосливы, сделанные из поставленных в яму горлов из крупных сосудов без дна. Специальные глиняные "шкафы для посуды" известны только в Якке-Парсана. Пищу в крестьянских жилищах готовили на открытых очагах, обведенных глиняным бортиком. В некоторых случаях на поверхности полов зафиксированы ямки от треножника. Для при-

готовления пищи могли использоваться и небольшие тандыробразные печки, которые ставились в угол комнаты на сфую. Продукты хранили в глиняных захрках или в ямах, тщательно обмазанных глиной. Для освещения комнат использовали глиняные светильники-чиргаи, свавившиеся в специальные ниши в стенах. Дневной свет проникал через двери и стеновые люки в крышах. Полы в жилых комнатах устилали шпиковками и войлоком, в кешках поверх них клали ковры.

Принимая во внимание площадь жилищ и наличие в них нескольких жилых ячеек для брачных пар, можно подгадать, что в крестьянских усадьбах жили большие патриархальные семьи, уже дифференцированные в области потребления. С. П. Толстов полагает, что к жилищам более применим термин "кеша", встречающийся в арабоязычных источниках для обозначения более крупных построек (Толстов, 1948, С. 151), чем "бейт" — дом в узком смысле этого слова (Бартольд, 1963, С. 37).

В VII—VIII вв. в крестьянских усадьбах также появились донжоны и внешне все постройки хорезмийских оазисов приобрели единообразие, благодаря чему на первых этапах исследования они определялись единым термином "зэмки" (Толстов, 1948, С. 132—134). Однако донжоны крестьянских усадеб сильно отличались от жилых башен феодалов. Они, как правило, были однокамерными и рассчитанными на укрытие во время нападения, но могли выдержать только кратковременную осаду, поскольку не имели колодца. Зато последний являлся неотъемлемой принадлежностью кешок феодалов. Впрочем, существовали и уникальные башни-донжоны, где в центре единственного помещения находился большой колодец, и, казалось, само укрепление было создано для его защиты. В мирное время в отличие от феодальных кешок крестьянские донжоны использовались в качестве хранилищ, и в этом случае они различно напоминают раздвигавшие туркменские дивги. Интересно, что в других раннесредневековых среднеазиатских районах, за исключением Меркского оазиса, такие однокомнатные донжоны как будто бы не зафиксированы.

Строительная техника и некоторые черты архитектуры

Хорезмийские раннесредневековые усадьбы и замки были построены из пашты и квадратных сырцовых кирпичей размером (38—40) × (38—40) × 10 см, формат которых к концу периода заметно мельчает — (35—37) × (35—37) × 9 см. Внешние стены, цоколи донжонов и оборонительных башен возводились из толстых слоев пашты (0,6—0,8 м), причем размеры нижних слоев превышали размеры верхних. Внутренние стены, детали интерьера делались из кирпичей. Применялся и комбинированный способ кладки, когда небольшие слои пашты прослаивались одним или двумя рядами кирпичей (Табл. 3, 5). Стены помещений толщиной 0,7—0,8 м выкладывались чаще всего из 2—2,5 ряда кирпичей. Толщина внешних стен замков поперу равнялась 2,5—3 м, в рядовых усадьбах — около 1,5 м. Высота помещений в донжонах достигала 3,5 м, в крестьянских жилищах она была гораздо меньше. Потолки были преимущественно плоскими, однако высокие этажи наиболее ранних зда-

ний типа кешок перекрывались сводами. Встречаются своды и в верхних этажах донжонов, построенных в конце VII — начале VIII в. (замок 30). Своды делались из прямоугольных кирпичей размером 42 × 24(30) × (8—9) см, по-прежнему применялись для этой цели и трапециевидные кирпичи близких размеров. Очертания сводов приближались к эллипсу или параболе, но встречались и трехцентровые кривые. Техника кладки арок в это время ключевая (Табл. 3, 11—13). В некоторых случаях благодаря применению комбинированной кладки кривая арки приобретала стрельчатые очертания (Воронина, 1952, С. 102). Некоторое распространение получали в это время купола, возводившиеся из трапециевидных кирпичей. Замечено, что многие из среднеазиатских купольных построек имели культовое назначение, хотя в Хорезме так было не всегда: центральное купольное помещение Якке-Парсана культовым не являлось. Полы представляли собой утопанные поверхности или же по-

крывались слоями глиняной обмазки с добавлением рубленой соломы.

Исследование хорезмийских жилищ VII–VIII вв. в архитектурно-типологическом отношении значительно расширило характеристику раннесредневековой культуры Хорезма в целом, став также основой для ряда важных в историко-культурном отношении выводов. Хорезмийские жилища обнаруживают известное сходство во внешнем оформлении кешков, интерьера жилых помещений, иногда в общей композиционной схеме с синхронными жилищными постройками других районов Средней Азии. Это, безусловно, объясняется сходным уровнем социально-экономического и культурного развития, формируемым общими черт раннесредневековой культуры во всем обширном регионе. Вместе с тем нельзя не заметить и некоторые различия: в интересе жилых помещений Хорезма отсутствуют характерные, например, для Согды выступы на стенах, использовавшиеся как «почетное место». Чрезвычайно редко встречаются четырехстолпные залы, столь типичные для других районов Средней Азии, и их облик иной. Глубокие арочные или полукупольные ниши с высокой суфой внутри, напротив, как будто бы нетипичны для остальных областей. Многим чертами своеобразия отмечен сам облик хорезмийских замков, выдерживающих сопоставление с синхронными им пока главным образом в общетипологическом отношении. Композиционно-планировочные решения среднеазиатских кешков многообразны, и лишь со временем отчетливее смогут выделиться локальные варианты. Сейчас же можно говорить только о направлении связей. И в данном плане становится все яснее, что архитектуре хорезмийских кешков наиболее близки мерские постройки Нагмкялы, Большой и Малой Кызкалы (Пугаченкова, 1958, С. 138, Рис. 141) и, в меньшей степени, некоторые термезские здания (Литов. 1950, С. 47, Рис. 103). Не исключено, что они различают ту же центрическую схему (с центральным композиционным ядром в виде квадратного или прямоугольного помещения, двусветного, иногда купольного), что и саманидские дворцы в Фирюзабаде, Каср-и-Ширин, Дамгане, Каше (Godard, 1962, P. 226, Fig. 196; Ghirshman, 1963a, Fig. 136, 137), но, разумеется, в гораздо более скромном варианте.

Однако нельзя не согласиться с С.Г. Хмелинским, который отметил, что это центральное композиционное ядро в хорезмийских доконах не парадный зал, а небольшое купольное помещение – распределительный холз. Поэтому он в своей классификации среднеазиат-

ских кешков относит хорезмийские к особому, третьему типу (Chmelnyky, 1989, P. 70).

В монументальной архитектуре Хорезма VII–VIII вв. получает четкое оформление такая ведущая форма хорезмийского средневековья, как купольный кешк – предтеча мавзолеев мусульманского периода. В качестве наиболее раннего прототипа данных сооружений можно рассматривать купольное святилище огня IV–VI вв., упоминавшееся в предыдущем разделе. Его позднейшей репликой являются постройки Беркуткалинского оазиса. Таков дом 50, расположенный вблизи замка 36. Это однокамерная постройка (7,5 × 7,5 м), сложенная из сыровых кирпичей и перекрытая куполом, покоящимся на полукуполах глубоких ниш в трех ее стенах (третья ниша предполостая). В каждой нише находилась суфа, причем центральная, двусветчатая, расположенная против входа, была выше других (Табл. 9, 9, 10). Это здание, поставленное на невысокой плавневой цоколе, находит полную аналогию в купольной погребальной постройке, расположенной в некрополе Мерва (но последняя как будто бы относится к более раннему времени) (Косиленко, 1966, С. 88–89). Сходно с ним и купольное святилище VII–VIII вв. в Калай-Кафирингане, в Таджикистане (Литовский, 1979а, С. 66–69). В свою очередь, все эти постройки обнаруживают безусловную близость с позднейшими мавзолеями IX–X вв. в районе Мерва и Чарджу (Кызылбий и др.) (Пугаченкова, 1958, С. 168–179). Значение индо-буддийской традиции в формировании культовой архитектуры Средней Азии, обилие черты, прослеживаемые в архитектуре указанных зданий и зороастрийских храмов огня, позволяют с большой уверенностью полагать, что архитектурная форма, легшая в основу мусульманских мавзолеев, выработалась задолго до арабского нашествия (Литовский, Зеймаль, 1971, С. 43–45).

Сходный облик имело и святилище огня (дом 115), о котором пойдет речь.

Дальнейшее развитие в планировке общественных построек раннесредневековой Средней Азии получают крестово-аиванная и дворово-аиванная композиции. Своеобразный вариант крестово-аиванной композиции представляет собой упоминавшееся здание в поселении у подножия Айкала 2. Каждый его угол занимает небольшое помещение, благодаря чему образуются попарно противоположные аиваны разной величины. Дворово-аиванная композиция носит яркое воплощение в планировке усадьбы А в Якхе-Парсанском оазисе.

Фортификация

Хорезмийские замки – это прежде всего фортификационные сооружения, построенные с учетом многих существующих древнеазиатских приемов обороны, сложившихся задолго до рассматриваемого времени. Основным препятствием для нападающих служили стены и жилые башни – кешки. Большое внимание уделялось укреплению входа в замок, защищенного предвратным сооружением или фланкируемым двумя башнями. Появившись в конце VII – начале VIII в. доконья на мавзольном высоком цоколе часто строились на месте

предвратного сооружения, замуровывались в доколе, а вход устраивали рядом под прикрытием докона. Мощные цоколи крупнейших замков (Беркуткалы, Тешиккалы, Якхе-Парсан) достигали высоты 6–8 м. Им придавалась, усеченно-пирамидальная форма за счет наращивания доводительных облочков. В кирпичных стенах доконов делались плоскочерепчатые щелевидные бойницы для ведения навесного боя, а «мертвое пространство» у подножия доконов простреливалось с его крыши или со второго этажа, существовавшего в ве-

которых замках (например, в Ташкенте и Адаментаке). Второй этаж, видимо, занимал лишь часть площади нижнего. Донжон становился совершенно неприступным тогда, когда поднимался перекачиваемый, соединявший его со стоявшей напротив башней и являвшийся единственной возможностью попасть в этот последний оплот обитателей замка в случае осады. Такие мосты стали характерной чертой частной фортификации, получившей в раннесредневековом Хорезме исключительное развитие в условиях децентрализации власти в стране и междоусобиц, сопровождавшихся становлением там феодальных отношений. Оборонительными башнями были снабжены лишь немногочисленные замки оазисов Хорезма, не всегда, кстати, самые крупные. Башни стояли по углам и вдоль стен, причем куртины были достаточно короткими, для того чтобы можно было надсею контролировать все предстоенное пространство. В некоторых случаях фланговый обстрел из башен сочетался с фронтальным из открытого валаганга вдоль кромок внешней стены, однако чаще для этой цели, видимо, приспособивались крыши примыкавших к стене помещений.

Низкие предстоенные барьеры, а также рвы увеличивали глубину обороны замка, поскольку, прежде чем

добраться до донжона, противник должен был преодолеть несколько трудных препятствий. В использовании потайных ходов, поместив для стрельбы из бойниц, откуда простреливалось предходное пространство, в применении многих других хитроумных приемов обороны проявилось высокое искусство хорезмийских фортификаторов, сумевших связать эти элементы обороны воедино, но таким способом, чтобы в случае надобности каждое из них могло превратиться в самостоятельный узел защиты.

Следовательно, условия жизни в хорезмийских замках были подчинены прежде всего требованиям обороны, и потому столь суров и прост был их облик. Такие элементы, как усеченно-пирамидальный контур покои, вертикаль кирпичных стен, украшенных полусокнутыми колоннами — гофрами, соединенными переплетившимися арочками, придавали особую выразительность крупнейшим из этих зданий. В некоторых случаях кеши увенчивались кулоном, возвышавшимся над плоской кровлей соседних помещений (Якче-Парсан, Кум-Басканкала). Стройные силуэты донжонов и разбросанных среди полей башен-донгов придавали сельскому пейзажу VII-VIII вв. особую специфику.

Сельское хозяйство. Ремесла

Основой экономики страны являлось ирригационное земледелие, причем в данный период отмечается определенное усовершенствование оросительных сооружений. Оно выразилось в том, что каналы делались более глубокими и узкими, а сама ирригационная система — более разветвленной. В отдельных случаях в Беркуткалинском оазисе удалось зафиксировать остатки виноградников и бахчей в виде чередования гряд и арыков, а также четырехугольные планировки полей, которые использовались под посевы злаков (Нершик, 1966, С. 93-94). Очертания полей становятся разнообразнее, что указывает на новый период в развитии системы земледелия (Талстов, 1958, С. 111). Судя по находкам в усадьбах семян и косточек растений, население оазисов выращивало просо, ячмень, шпинат, бахчевые и некоторые огородные культуры. В садах выращивали сливы, вишни, яблоки, виноград, абрикосы, персики.

Благодаря раскопкам усадеб известны и сельскохозяйственный инвентарь VII-VIII вв. Это лопаты, кетмени, наральники (Табл. 6, 13, 14, 21, 28), виноградарские ножницы, серпы (Табл. 6, 15-17), зернотерка, жернова.

Помимо земледелия, население оазисов занималось и скотоводством, причем известны две его формы — стойловое и отгонное. Стоило состояло из крупного и мелкого рогатого скота. Преобладали мелкий (Шалкин, 1952, С. 215). Развивались и ремесла. Изделия деревенских мастеров, видимо, в значительной мере удовлетворяли спрос местных жителей, обходящихся в основном без городского рынка. К тому же большую часть необходимых в обиходе предметов — одежду, обувь, ткани, часть посуды — сельские жители изготовляли сами. В оазисах занятии земледелием и скотоводством сочетались с домашними промыслами. Поэтому хозяйство имело натуральный характер, а жизнь была довольно замкнутой. Об-

этом свидетельствует и небольшое количество монет, найденных в крестьянских усадьбах. Гораздо больше их обнаружено в крупных замках, особенно в слоях VIII в.

Различные предметы из металла, кости, дерева, кожи и глины, определяющие уровень развития культуры населения, характеризуют также и степень развития ремесел в промышленности. Обнаружены остатки ремесленных мастерских. Они концентрировались в растущих городах (таких, как Беркуткала) и близ больших поселений, например у стен Большой Кырккызкалы. Здесь возникла даже ремесленная "пристройка", где работали гончары и кузнецы. Гончарные печи располагались возле канала, образуя небольшой квартал, хотя мастера, видимо, жили в черте крепостных стен поселения. Число печей точно не установлено, но их было не менее 10-15. Их конструкция отличалась от более ранней. Как и прежде двухъярусные, круглой формы, они теперь имели центральный опорный столб, вокруг которого шел жаропроводный канал, куда поступал горячий воздух из расположенной снаружи топки. Следует отметить, что сходные попытки усовершенствования обиходительного процесса наблюдаются и в других районах Средней Азии (например, в Мерве). Однако строители печей не смогли добиться равномерности нагревания обиходительной камеры, что наблюдается и при обжиге в печах без опорного столба.

Анализ керамики показывает, что в печах поддерживалась температура около 850-950° и создавалась окислительная среда. В больших печах обжигались и крупная и мелкая посуда, но существовали и небольшие печи, в которых крупные сосуды не могли устанавливаться. Судя по расположению и направлению устья топки, несколько печей обслуживались одним и теми же мастерами.

О наличии железоплавильного производства у Большой Кырккылазы свидетельствуют скопления железистых шлаков и ожелезненного песчаника. Работавшие здесь ремесленники, видимо, использовали лимонитовые руды железистых песчаников Суттанузола, что не требовало специальных горных разработок и, несомненно, было бы удобным для мелкого производства.

В 3 км к юго-западу от крепости исследованы остатки железоплавильной мастерской, состоявшей из трех помещений и занимавшей площадь 12×13 м. В них откаты сырцовые горы, конструкция которых полно-

стью не восстанавливается. Ясно лишь, что они были стационарными, а в дне плавильной камеры имелось углубление, куда стекала расплавленное железо, поступавшее из камеры по желобу в приемник (Пиражик, 1966, С. 52–53). Лучше сохранившиеся сходные горы обнаружены в Пенджикенте, где расположено несколько мастерских ремесленников-металлистов (Распопова, 1980, Табл. 36). Установлено, что в печи поддерживалась температура не ниже 1200–1300°, вполне достаточная для восстановления железа и отделения его от пустой породы, превращавшейся в шлак.

Металлические изделия, украшения и другие предметы

Найденные в оазисе железные орудия труда (ножи, серпы, крючки и др.), а может быть и оружие, изготовленные, скорее всего, в таких небольших мастерских. Этот список можно пополнить предметами из клада, открытого в одном из помещений Токкалы, памятника «кердерской» культуры в низовьях Амударьи, развивавшейся под эгидой Хорезма, причем есть основания предполагать присутствие в этой области кузцов и ремесленников хорезмийцев. В числе предметов клада три топора-теса, тесло, три кельмена и серп. Лезвия кельменей имели прямоугольную и трапециевидную форму, длина орудия 17–25 см, ширина рабочей части 11–12 см (Табл. 6, 12–14). В целом же они обнаруживают большое сходство с известными орудиями труда на других территориях и вне Средней Азии в рассматриваемый и более поздние периоды. Это сходство легко объяснимо общностью их функций.

Из немногочисленных находок металлических предметов вооружения VII–VIII вв. упомянем крупные железные черешковые наконечники стрел двух типов: трехлопастные с длиной головки 5 см и меньше (2,5 см), сравнительно широкие (Табл. 6, 6, 1, 4, 3, 7); пирамидально-призматические, квадратные в сечении (Табл. 6, 3). Если справедливо наблюдение, что для Средней Азии VII–VIII вв. в отличие от Центральной Азии и Сибири были характерны узкие граненые наконечники стрел, то тогда Хорезм примыкает именно к последней зоне, поскольку имеющиеся пока находки представляют варианты сравнительно широких наконечников стрел.

Как и в других районах Средней Азии, воины Хорезма пользовались сложносоставным луком длиной 80–100 см (Манылов, 1964, С. 61) (Табл. 6, 22).

Набальные пояса, к которым подвешивались кошельки со стрелами, украшались бронзовыми бляшками, пряжками и наконечниками. Все эти предметы литые; бляшки встречаются сердцевидной формы, фигурные и др. (Табл. 7, 1–12). Ремешки наконечники имели вид прямоугольной пластины, один конец которой подрезан, а второй закруглен или, чаще, заострен (Табл. 7, 13, 15, 32–40). Бляшки и наконечники были преимущественно гладкими, орнаментированных немного. При сравнении с аналогичными предметами из других оседлоземледельческих районов или же с сопяным набором кошельного набора можно заметить, что они отличаются своеобразной формой и орнаментацией и более всего аналогий обнаруживают с находками в погребениях Джетисайской в низовьях Сырдарьи (Левина, 1996, Рис. 129, 38–44; 154,

33–35; 155, 15), на Алтае VII–VIII вв. (Гаврицова, 1965, Табл. XV, 2; XIX, 1), а также с изделиями из памятников салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, Рис. 45, 9 и др.). Кроме них, имеются бляшки, сходные с найденными в Пенджикенте, но они, видимо, относятся к общераспространенному в ту эпоху типу (Распопова, 1980, С. 89, Рис. 63, 7, 12, 13).

Среди пряжек выделяется несколько типов: с овальной рамкой и сплошным щитком четырехугольной формы с выемкой для язычка; с четырехугольной рамкой и сплошным маленьким щитком с отверстием для язычка; скользя, но на щитке в месте крепления с рамкой имеются полукруглая; щиток четырехугольный с большим вырезом, рамка овальная; щиток и рамка овальные, щиток с выемкой. Часть из них сходна с пряжками, найденными в других районах Средней Азии, например в Пенджикенте (Распопова, 1980, С. 87, Рис. 61, 34, 44), но в Хорезме, несомненно, более распространены пряжки с четырехугольной рамкой. Все пряжки литые с неподвижным в основном соединением рамки и щитка, но встречается и шарнирное (Табл. 7, 16, 17, 19, 20, 23, 25, 28–31).

Из украшений отмечены несколько вариантов бронзовых серег типа, весьма распространенного на территории Среднеазиатского региона и окружающих степей. Это – несомкнутое кольцо с утолщением и разрывом на противоположной его стороне или, реже, сбоку. К утолщению крепилась подвеска, которая могла также подвешиваться на колечки. Подвески были разных форм: в виде двух шариков, колесика, надетаго на кольцо, и др. Наиболее распространены серьи с утолщением и прикрепленным к нему длинным стерженьком, завершающимся бусиной. В большинстве своем серьи цельнолитые. Все они несколько отличны от согдийских и больше аналогий находят в тюркских украшениях.

Среди бронзовых перстней имеются акемидары с круглым или овальным гнездом для вставок, со скользящим гнездом, со щитком гладким, плоским или выпуклым, причем без изображений, может быть незаметных из-за плохой сохранности. Все перстни цельнолитые, гнезда для вставок простые, без украшений. Они являются широко распространенным типом украшений. Однако найдены и своеобразные перстни, как бы составленные из многих маленьких шариков. Браслеты делались из округлого или плоско-выпуклого в сечении бронзового прута диаметром 0,5–0,6 см. Несомкнутые концы немного утолщены. Пластилиных браслетов в Хорезме пока нет. Не встречены также и браслеты с

расширением носидиом, подобные известным в Согде. Форма браслетов этого типа не является датирующим признаком (Рапопова, 1980, С. 114, Рис. 74).

Особенно хорезмские раннего средневековья заметно отличаются от таковых более ранних периодов. Теперь в них больше крупных каменных – сердоликовых, хрустальных и халцедоновых бусин, преимущественно шарообразных, гораздо меньше граневых. Многие из них аналогичны тем, что содержится в погребальном инвентаре могильника Северного Кавказа и Крама (Деник, 1959, С. 51, 64, 138). Среди стеклянных преобладают одноцветные шарообразные, эллипсоидальные или граневые, но уже есть и мозаичные, гладчатые и полосатые (Гудкова, 1973, С. 125–137).

Особые условия, в которых оказались найденные в замках деревянные предметы, остатки кожи и ткани (они обнаружены главным образом в помещениях дожнок, поднятых на мощную подушку таховского цоколя), обусловили их прекрасную сохранность. Поэтому в Якке-Паране и Тешиккале, так же как в свое время в замке на горе Мур, сделаны такие редкие находки, как деревянные гребни для расчесывания шерсти при прядении (Табл. 5, 10), большая деревянная лопата для проветривания зерна (Табл. 6, 28), остатки веревки, плетеных корзин и даже остатки повозки. Все это находит полную аналогию как по набору предметов, так и по их виду с коллекцией из замка на горе Мур (Бенччино, 1958, С. 364, Рис. 4–6). Восстановить конструкцию сторешней повозки не удалось, но колесо реконструируется хорошо. Диаметр его достигал 1,7 м, ширина обода 11 см, ширина ступицы 30 см, спиц было не менее 24–25. Обод либо выгнут из одного куска дерева, либо состоит из небольшого числа крупных частей. В обоих случаях повозка по конструкции колес отличалась от современных хорезмских южноузбекских, сблизилась скорее с казахскими

и исконно каракалпакскими (Нерзис, 1968, С. 204–205). Эта находка как бы живая иллюстрация слов китайской летописи Таншу о хорезмийских телегах, на которых торговые люди совершали дальние путешествия (Биурун, 1950, Т. II, С. 315–316).

Теперь обратимся к керамике, которая является одним из наиболее выразительных археологических мерилов самобытности культуры и этнической принадлежности населения. Керамика VII–VIII вв. изготавливалась из пластичных бескарбонатных маложелезистых светлоокрашенных тугоплавких глин с большим количеством примесей в виде дресвы, шамота и гипса. Ангоб светлый, с желтоватым или зеленоватым оттенком. Для получения ангоба использовались те же глины с добавлением цветных глин, содержащих значительную примесь железа, марганца и хрома (Нерзис, 1966, С. 106). Красноангобированная посуда исчезает полностью (по крайней мере, в сельских поселениях). Это весьма определенный комплекс с устойчивым набором форм, почти без вариантов, встречающийся в слоях того времени. В него входят огромные толстостенные ухваты с ящичными туловом и овальным венчиком, крумящим пальцевыми вдавлениями (Табл. 8, 16); сходной формы хумчи с процерченными водообразным орнаментом по тулову (Табл. 8, 15), а также горшковидные сосуды, широкогорлые водонесные кувшины и узкогорлые, с широким туловом – для вина (Табл. 8, 3, 10–14); дельные горшки и котлы (Табл. 8, 1, 2, 6); подставки “шашлычные” с завершением в виде рыбьего хвоста (Табл. 2, 22); кружки (Табл. 8, 4, 5, 7, 8). Эта посуда почти не обнаруживает близости к синхронной ей среднеазиатской, за исключением единичных форм, но по целому ряду признаков, и прежде всего своеобразной орнаментации, напоминает керамику, найденную в индочах Амударьи и Сырдарьи.

Идеологические представления

Наиболее яркие сведения об идеологических представлениях населения Хорезма в VII–VIII вв. получены в результате раскопок некроптей Миодаккана и, особенно, Токкалы. Последняя расположена в области Кердер, где было, видимо, много хорезмийских колонистов, чьи верования и нашла отражение в погребальных обрядах Токкалы. Этому способствовало, разумеется, и объединение, по крайней мере в определенные периоды, Южного Хорезма и Кердера в рамках одного государства. В указанных некрополях впервые обнаружены костехранилища с многочисленными росписями и надписями (Табл. 9, 19–21; 10, 5, 7), сделанными тушью на хорезмийском языке (Яноши, 1962а, С. 102–104; Гудкова, 1964, С. 94–106). Сразу после опубликования они привлекли внимание крупнейших лингвистов, выдвинувших свои варианты прочтения надписей. Важность этого открытия трудно переоценить: полученные ценнейшие сведения не только по истории развития хорезмийской письменности, но и по истории исследования календаря хорезмийской эры. Даты на токсалкскими надписях и сопоставление их с другими датированными документами и памятниками искусства Хорезма показали, что все даты отражают существование одной эры, начало которой относят к I в. н.э. (Гудкова, Яноши, 1967, С. 8). Появи-

лась возможность уточнения сведений Бируни, ранее бывших единственным письменным источником по затронутым проблемам, причем есть основания предполагать, что Бируни не знал об упомянутой эре, так как его данные не соответствуют выведенным по надписям и монетам датам (Livshits, 1968, P. 441–443; Байбегез, 1967, С. 77–80). О корректировке приведенного Бируни списка хорезмийских правителей мы уже говорили. Большое значение эти надписи, в наиболее полной форме состоящие из даты, имени усопшего и его отца и формулы благопожелания, имеют и для изучения семьи в Хорезме конца VII–VIII вв.

Кроме того, появились обычные сведения по погребальному обряду Хорезма VII–VIII вв., специфика которого не оставляет сомнений в его зороастрийском происхождении, что, безусловно, является еще одним важным доводом в пользу версий о существовании этой системы верований в раннесредневековом додинастском Хорезме.

Собравшись с преданиями Авесты не осквернять четыре священные стихии – воздух, землю, огонь и воду, хорезмские зороастрийцы складывали обширные кисти умерших в оссурии – костехранилища. В VII–VIII вв. они представляли собой алебастровые, гли-

ивные или каменные четырехугольные вилки на четырех ножках или без них, с четырехкратной крышечкой, часто увеличенной фигурной ручкой-надером. В отличие от наиболее распространенных алебастровых оссуариев, форма которых была стабильной (Табл. 9, 18; 10, 3, 5), среди глиняных (Табл. 9, 16, 17; 10, 1, 2, 4) выделяется несколько вариантов (Рапопорт, 1962; Ягодин, Ходжаев, 1970, С. 79). Для погребений использовались и крупные сосуды, зарывавшиеся в землю, причем сеть предположений, что именно таким способом в Кердере в отличие от Хорезма хоронили местных жителей (Бужанов, Мамбетуллаев, 1973, С. 59). Подобную гипотезу, однако, нельзя считать доказанной прежде всего потому, что и в некрополе Милдахкана встречаются захоронения в сосудах, а этот город находился на территории собственно Хорезма. Скорее всего, способ захоронения можно объяснить в значительной степени различием социальности и имущественного положения покойников, а не их этнической принадлежностью.

Оссурии ставили в ямы — наземные или, чаще, полуподземные однокамерные постройки размерами 4x5 м, 4x4 м, внутри которых имелись суфы и ниши в стенах (Гудкова, 1968, С. 214–215). Эти родовые усыпальницы использовались длительное время: в них иногда обнаруживалось до 100 оссуариев. Последние, однако, не всегда помещались внутри построек. Так, возле кердерского поселения Куоюкала существовал большой некрополь, где оссурии ставили в ямы небольшими группами. Известны, кроме того, оссуарные кладбища в горах Султауизада (Маньганов, 1972, С. 9–10), Кубатау (Рапопорт, 1971, С. 108–109). Строились погребальные сооружения и в сельской местности. Например, в Беркуткалинском оазисе к замку 36 пристроено купольное помещение — “кат”, куда клали тело умершего до того, как его вывозили на дахму для ошачивания костей (Толстов, 1948, С. 245–249). В качестве науса могли использовать упоминаемое купольное здание 50, стоявшее по соседству (Табл. 9, 9, 10). Однако в свете новейших концепций о религиозных представлениях хорезмийцев кажется вероятным и несколько иное истолкование его назначения, чем просто яма — костехранилище. Ю. А. Рапопорт показал, что погребальный обряд был тесно связан с культом предков, особенно убедительно обоснованной своей выкладкой на материале предшествовавшего античного периода — эпохи существования статуарных оссуариев, воспроизводивших фигуры обожествленных предков, сливавшихся в представлениях живых с образами хтонических божеств — Сивянуша и Анахиты (Рапопорт, 1971, С. 81–83). В зданиях такого типа или перед ними могли совершаться ритуальные церемонии, в которых имелись сведения в письменных источниках и которые, возможно, воспроизведены на токкалинских и гурьядинских оссуариях в сценах оплакивания покойного (Табл. 9, 19–21; 10, 5, 7). Кегаты, в обоих случаях оплакивание происходит на фоне какого-то здания с широкой дверью (на токкалинском оссурии). Портал с дверью в глинянке и нумизматике Переднего Востока являлся, как полагают, символом храма божества (Goldman, 1965, P. 307–309), причем со временем дверь стала передавать схематично, прямоугольником, по-

добно тому как она показана на токкалинском оссурии¹. При этом если роспись на последнем передает реальную сцену оплакивания усопшего, то на оссурии из Гурьядина воспроизведены, по мнению исследователей, последовательные ритуальные действия, тесно связанные с праздником поминовения умерших, сливающимся с культом умирающей и воскресающей природы (Ягодин, 1970, С. 140–142; Толстов, 1948, С. 203; Рапопорт, 1971, С. 115–117), упоминание о котором имеется в труде Бирюни (Бирюни, 1957, С. 255).

Росписи на оссуриях сделаны красками по алебастру с использованием красного, черного, голубого и других цветов. Они просты и, видимо, близки жанровой, бытовой живописи (Пузаченкова, Резань, 1982, С. 116). Помимо обидо для оссуариев из обихода некрополь сюжета — сцены оплакивания, в них много сходных ориентальных мотивов, а рисунки насыщены символически.

Следовательно, расписные и другие изображения на оссуриях — ручки в виде животных и птиц — имеют определенное значение для познания не только искусства раннесредневекового Хорезма, пока еще очень мало известного, но также и верований населения. Они тем более важны, поскольку памятники монументального искусства этого периода истории Хорезма пока еще не выявлены и предметы прикладного искусства являются потому первоисточником для исследования указанных сторон жизни хорезмийского населения в VII–VIII вв. н.э.

Постепенное накопление материалов показывает, что и в этом отдаленном районе Средней Азии в рассматриваемый период были распространены те же иконографические образы, что и в других областях этого обширного региона. Мы встречаемся со сходной символикой, понимание которой значительно облегчается исследованием сюжетов персидскоэллинистской росписи и скульптуры. Самыми популярными из распространенных в это время в Хорезме образов были птицы — петух и павлин. На деревянной печати из Яксо-Парена в кувле павлин — венюк (Табл. 5, 8). Этот образ восходит еще к эпохе эллинизма и претерпел известную эволюцию на протяжении многих столетий (Нераус, 1963, С. 13–14, Рис. 7). Павлин, петух — символы, связанные с почитаемым солнцем и одного из наиболее популярных божеств хорезмийского пантеона — Митры, образ которого мог сливаться с образами легендарного героя и предка ряда среднеазиатских династий Сивянуша и Анахиты (Рапопорт, 1971, С. 101; Ягодин, Ходжаев, 1970, С. 130, 134). Вместе с тем с культом Анахиты связывают в другой, прошедший сложную эволюцию образ — четверорукая богиня. Четверорукое божество выступает на отписках печати из Тешенкалы и замка 4 Беркуткалинского оазиса (Толстов, 1948, Табл. 54), оно изображено на хорезмийских блодах, где восседает на льве или тигре (Царевич, 1976, Табл. 26, 1–5) (Табл. 9, 11–13). О популярности данного божества в раннесредневековой Средней Азии свидетельствуют сюжеты персидскоэллинистской росписи и мону-

¹ Впрочем, возможно существование другой композиции и под другим углом зрения — изображение концепции “матерого дерева” и обширной системы символической классификации (Шурунов, 1977, С. 105, 106–108).

ментальное искусство Уструшана (*Беленицкий*, 1973, С. 45; *Негматов*, 1984, С. 162).

Полагают, что этот иконографически устойчивый образ былработан уже в эпоху поздней античности. Семантика его сложна, поскольку в нем слились и индийские, и греко-римские, и местные черты. Образ прошел ряд этапов космогонического и этического развития (*Дувачектис*, *Ремпель*, 1982, С. 134, 141–142).

С.П. Толстов отождествил четверорукого богиню с древней Анахитой и видел в появлении этого образа свидетельства индо-буддийских влияний в Хорезме (*Толстов*, 1948, С. 142). А.М. Беленицкий в связи с интерпретацией отдельных сюжетов пенджикентских росписей полагал, что этот образ мог олицетворять водную стихию (*Беленицкий*, 1973, С. 45), но подчеркивал и его отношение к астральным культам, указывая на символику эмблем солнца и луны, с которыми часто изображалась эта богиня (*Беленицкий*, 1959, С. 53–61). Насыщенность изображений на оссуариях Хорезма астральными символами имеет и другое объяснение: существует предположение, что это символы Анахиты – богини плодородия, покровительницы водной стихии, благополучия (*Раповорт*, 1971, С. 83; *Ягодина*, 1970, С. 130–131).

Прочтение надписей на оссуариях и осмысление указанной символики привели также к выводу о популярности в Хорезме Фарна – божества, олицетворявшего богатирскую силу, могущество, почитание царской власти (*Ягодина*, 1970, С. 135–137). Поклонение Фарну (Фварне) проявилось не только в погребальной символике, но и в эмблемах на монетах и в надписях, например Шаушфар – “обладающий фарном” (*Ягодина*, 1970, С. 137).

Археологически засвидетельствовано почитание огня в Хорезме VII–VIII вв. Судя по раскопкам дома 115 в Берукталском оазисе, в стране продолжалась традиция строительства святилищ огня в виде однокамерной купольной постройки. Примерно треть небольшого помещения внутри этого здания (4,2×4,2 м) была занята низкой выстойкой из сырцовых кирпичей, на поверхности которой, как и на стенах, отмечены следы интенсивного горения. Помещение (Табл. 9, 7, 8) было сплошь заполнено гарью, золой, пеплом (*Нералик*, 1966, С. 90–91). Домашняя часовенка – святилище огня – располагалась под дождевом Тешкакалы на территории замка. Она отличалась очень мощными кирпичными стенами, внутри по периметру помещения шла канавка, окружавшая возвышение, где горел огонь, С.П. Толстов сравнивает эту планировку с храмом огня в Шапуре (*Толстов*, 1948, С. 142). Есть предположение, что и в дождевом Тешкакалы также было культовое помещение, связанное с почитанием огня (*Негматов*, *Пулатов*, *Хмельницкий*, 1973, С. 33).

Культовое помещение открыты теперь в Белдяманском замке и в одной из секций застройки городка возле Аджалы 2. В первом находилась довольно высокая кирпичная выкладка с необожженной поверхностью (постамент?), а рядом на полу – пятно от огня с эмблемой, заполненным пеплом, видимо, от переносного жертвенника огня. В другом случае под помещением уступам поднимался к торцевой стене с полубоковой нишей, перед которой находилась также неопаленная,

но нищая кирпичная выкладка, а ниже, против нее – пятно от огня. Похоже, что в этих помещениях огонь дожигался перед изображением какого-то божества. Однако традиция мелкой антропоморфной пластики почти совершенно исчезает в это время (прада, корриктивы могут вестись раскопки городов). Теперь их готавливаются почти исключительно фигуры животных – лошадки, верблюды, бараны. Единичные антропоморфные фигурки воспринимает совсем другие образы, весьма важные для исследования этнической истории данного периода. Так, маленькая каменная статуэтка (Табл. 5, 15) из верхних слоев замка Якке-Парсана резко отличается от хорезмийских терракот античности, с их длинными складчатými одеяниями, в скорее напоминает балбалов алтайских степей (*Нералик*, 1987, С. 113–121).

Другая фигурка из Большой Кырккылаки, терракотовая, также погрудная, многими стилистическими особенностями близка к искусству степняков, но не оседло-земледельческих районов Средней Азии (*Мейснер*, 1962, С. 107). Видимо, в среде хорезмийского населения, особенно на окраинах страны, продолжают сохраняться древние языческие культы, например идолопоклонничество, свидетельством чему является крупный албастровый раскрашенный идол, обнаруженный на городище Шахсем (*Раповорт*, 1958, Рис. 6).

Говоря о верованиях населения Хорезма в VII–VIII вв., нельзя не остановиться на интересной гипотезе С.П. Толстова о проникновении сюда христианства. Основания на исследовании письменных источников о наличии колонии христиан в Ургуче в IX–X вв., она получает теперь подтверждение более ранними материалами. Так, В.Н. Ягодина обнаружил на восьми оссуариях из некрополя Мигдаханка своеобразные композиции из креста, звезды и полус листьев, находящие соответствие в христианском изобразительном искусстве (*Ягодина*, 1970, С. 146). Это обстоятельство послужило основанием для предположения, что в наусе (а в нем открыто не менее 100 оссуариев) захоранивались члены довольно значительной христианской общины (*Ягодина*, 1970, С. 148). Гипотезу вряд ли пока можно считать достаточно убедительной, но она не лишена вероятности, тем более что в двух случаях на короне одного из правителей Хорезма конца VII в. или начала VIII в. изображен тот же самый крест, что и на мигдаханских оссуариях. К тому же на одной из монет перед лицом правителя помещена надпись: “hwt’w” (термин, обозначающий земельную зать) – явление необычное для хорезмийской чеканки данного времени (*Вайнберг*, 1977, С. 84, Табл. X).

Следует ли считать случайными отмеченные моменты? Думается, что они отражают реальные события в стране, где, может быть, на короткий срок в власти приходили правители-христиане. Что же касается столь распространенного в южных районах Средней Азии, например в Тохаристане, буддизма, то следует признать, что пока в нашем распоряжении нет достоверных свидетельств существования этой религии в раннесредневековом Хорезме, хотя какие-то, пока несвязные, индо-буддийские влияния эмито прослеживаются в стиле некоторых произведений искусства предшествующего и рассматриваемого периодов (*Толстов*, 1948, С. 199–200).

Кердер

Кердер – область, расположенная в дельте Амударьи и именуемая некоторыми исследователями “Северным Хорезмом”. Представляя, судя по нумизматическим материалам, удельное владение в составе страны и будучи тесно связанной с собственно Хорезмом в административном и культурном отношении, эта область отличалась большим своеобразием. Исследование археологических памятников Кердера позволило выделить весьма самобытную культуру, получившую название кердерской. Она прошла в своем развитии два этапа – раннекердерская (VII–VIII вв.) и позднекердерская (IX–X вв.) (Янбаев, 1963, С. 8). Прежде всего следует отметить три основных условия, которые способствовали формированию этой культуры. Первое условие – особый хозяйственно-культурный тип, сложившийся в прибрежной части низовой Амударьи, района, по своей физико-географической характеристике существенно отличающегося от Хорезмийского оазиса. Это была сильно увлажненная зона, густо поросшая тугой растительностью, пересеченная многочисленными представляющими протоками. Все это помогло развитию здесь комплексного скотоводческо-земледельческо-рыбоволовнического хозяйства, причем земледелие могло быть только кочевым и вряд ли являлось основой хозяйства. Комплексность хозяйства, его нерасчлененность, тормозила развитие ремесла, в частности гончарства, уровень которого был неизмеримо более низким, чем в Хорезме; здесь не пользовались гончарным крутом, посуду обжигали в кострах (Гудкова, 1964, С. 76). Широкие археологические исследования памятников Устюрта позволили установить, что в составе его населения были полусельские группы, занимавшиеся непостоянным и примитивным полевным земледелием в сочетании со скотоводством (преобладало разведение крупного рогатого скота) и полукочевые – с отгонным скотоводством. В Кердер эти последние возвратились на зимовку. Изучение “стреловидных планировок” – своеобразных ловушек для диких животных – подчеркивало большую роль охоты в хозяйстве кердерцев. Сделано важное наблюдение, что на Устюрте имелись определенные охотничьи территории для населения различных областей Приарала: Кердера, Джетыаясаров и “болотных городков”. Там открыты святилища (Дуана 1, 2; Сумбелмералан-кур-креук и др.), где происходили специальные общеплеменные ритуалы с изжиганием ритуального огня, закалыванием жертвенных животных и ритуальными трапезами (Янбаев, 1992, С. 31–32, 50–52, 56–57 и др.). В таком обществе устойчиво сохранялись пережитки родового строя и патриархально-родового быта.

Вторым условием, лежавшим в основе формирования кердерской культуры, стала низкая этническая среда, нежелая в соседнем Хорезме (или Южном Хорезме). Установлено, что в VII в. в низовья Амударьи переселилась часть племени, обитавшая в Джетыаясарском урочище на южных Сырдарье, и в результате сложных этнических процессов здесь и сложилась культура, отнюдь не тождественная джетыаясарской. В ней отмечаются элементы, позволяющие предполагать какие-то этнические контакты населения области с обитателями “болотных го-

родий” в низовьях Сырдарьи и носителями культуры Каруни (Гудкова, 1964, С. 82–83; Лепина, 1971, С. 223 и сл.).

Третье условие – взаимоотношения собственно Хорезма и Кердера, с преобладающим влиянием первого. Несомненно, что в политико-административном отношении они составляли одну область, судя хотя бы по тому, что ибн Хордадбег при перечислении податных округов Арабского халифата называет уплачиваемый ими харадж общей суммой (Янбаев, 1963а, С. 67). Выделял же сам Кердера, и есть основания полагать, что в отдельные периоды эта область могла иметь преобладающее политическое влияние в стране, а ее правитель мог узурпировать трон хорезмшахов. Возможно это случилось в 711–712 гг. (Гудкова, Липина, 1967, С. 6). Изучение там и коров на монетах правителей Кердера позволило выдвинуть версию, что население области вышло из племенного объединения кангаров – кенгересов (Вайнберг, 1973, С. 115).

Исследование археологического материала показало, что культура обитателей Кердера, безусловно, развивалась под сильным воздействием культуры Хорезма. Мало того, есть все основания предполагать, что на территории Кердера осуществлялась хорезмийская колонизация и основывались небольшие хорезмийские колонии кушан и ремесленников, чьяйи рукми и изготавливались аналогичные хорезмийским крупные сосуды – сумы, хумчи, а также водоносные кувшины, фрагменты которых постоянно встречаются при раскопках кердерских поселений. Из Хорезма были восприняты, по-видимому, зороастризм и специфический обряд погребения в оссуарных некрополях, а также хорезмийский язык, использовавшийся в качестве письменного. Разговаривали же кердерцы, как отметил позже прибывавший здесь Якут, на своем языке, не хорезмийском и не тюркском (МИТТ, Г. I. С. 141). Население Кердера отличалось от хорезмийцев в антропологическом (Янбаев, Ходжаев, 1970, С. 245; Ходжаев, 1973, С. 65, 78–79). Сформировавшаяся в этих условиях кердерская культура характеризуется большим своеобразием¹. Прежде всего на территории Кердера нет ни замков, ни укрепленных усадеб, столь характерных для раннесредневекового Хорезма. Основным типом расселения здесь являются обширные поселения, вырастающие возле укрепленного первоначального ядра (Найханкала, Курганчиккала, Кузюккала, Токкалла). Они имеют неправильные очертания, радируются за счет ступенчатого оседания полукочевого населения вокруг центрального укрепления. В условиях увлажненной дельты, там, где это было возможно, поселения располагались на возвышенностях. Например, самое крупное из них, Кузюккала, преобладавшее по площади 41 га, выросло вокруг двух разновозрастных холмиков на возвышенности Кусаншату (Табл. 11, 1). Раскопками одной из них вскрыты участки крепостной стены, а также окружающий ее неширокий ров и несколько жилых помещений. Внутри крепостной стены заключалась пло-

¹ Описание данных по материалам, опубликованных А. В. Зубовым и основанное на исследованиях данной культуры – В. П. Янбаевым (ИНПИАК, ФАН Узбекистана).

сконсервированный коридор, сообщиившийся с удлиненно-овальными башнями по углам. Жилые помещения не отличались от хорезмийских: их стены также обжили суфью, последние находились очаж на выкладке или же просто кострище. На территории поселения обнаружены следы незначительных по масштабу железоплавильного и бронзолитейного производства, а также остатки гончарных пещей, где обжигались посуду хорезмийского облика — хумы и водоносные кувшины. Живо иллюстрирует полуосетого образа жизни населения является кирпичное основание юрты, открытое на территории Куккалы (Табл. 11, 4).

Курганчакала, расположенная в 18 км к востоку от современного районного центра Каракалпакки Таштакушья, также складывалась вокруг самого древнего на этом поселении окрутого центрального укрепления площадью 4 га. На двух углах его сохранились остатки башен, примыкавших к крепостной стене. Поселение отличалось регулярностью планировки и четко делось центральной и боковыми улицами на четырехугольные кварталы. Площадь раскопанного квартала превышала 2000 кв. м; здесь вскрыты 22 помещения (Табл. 11, 3).

Центральная улица подводит к монументальному сооружению с цилиндрическим помещением (внутренний диаметр 6,6 м). Оно сопоставимо с маякодами, характерными для населения присырдарьинских районов джетысарской культуры (Ягодина, 1973, С. 22). Четкость и симметричность планировки центральной части Курганчакалы, а также стратиграфические данные показывают, что строительство велось одновременно и по заранее задуманному плану.

Восточнее этого укрепления, вплотную к нему, располагалась другой укрепленный участок площадью 6 га. В его северной части находился большой открытый двор, а южную занимала сплошная застройка, где вскрыто 29 помещений, объединявшихся в семь комплексов. Планировка жилых комнат, включенных в каждый из них, характеризовалась наличием суфй из сырцовых кирпичей, вдоль одной, двух или трех стен, небольших тандыров, открытых кострищ.

Княжая часть Курганчи (около 2 га) представляла собой пониженное незастроенное пространство (Ягодина, 1970, С. 55-58). Чрезвычайно важно, что к югу от Курганчи простиралась обширная зона со сплошными выходами культурного слоя, изобиловавшего монетами, крышками и шлаками, но без следов стационарных сырцовых жилищ. Видимо, это была зона оседания полукочевого населения (Ягодина, 1963, С. 9-10).

Сходным образом формировалась и Хайванкала, отождествляемая с главным городом области — Кердером (Толстов, 1948а, С. 190; Ягодина, 1963а, С. 67-69). Так же как и в Курганчакале, в ней выделяются укрепленная часть с регулярным планом и большое неукрепленное поселение, выросшее за пределами укрепления к югу и превращавшее его по площади. Укрепленная часть (400х500 м) делилась центральной улицей на две половины, причем каждая состояла из девяти кварталов шириной 36-40 м (Ягодина, 1981, С. 79-80, Рис. 1). Эта регулярность плана обдиает укрепление хайванкалы с планировкой древнейшей части таких оседлых сельских центров, как Бухара, Хива и другие, возрождаа древнюю

схему некоторых городов Востока в Средней Азии. Такая планировка, несомненно, может свидетельствовать о предпринятой в данной местности централизованной градостроительной деятельности, возможно связанной с княвием Хорезма.

Тюкалла, расположенная на холме Токтау недалеко от Нукуса и широко известная благодаря сделанным там замечательным находкам, состояла из нескольких разновременных частей. Вершина холма занята античным укреплением (последние века I тысячелетия до н.э. — первые века н.э.), на востоке к нему примыкало укрепленное поселение VII-VIII вв. площадью 110х85 м. На южном склоне видны остатки неукрепленного поселения IX-X вв., переяркшего раннесредневекового. В северной части восточного склона находился некрополь площадью 4 га (Табл. 11, 2).

На поселении VII-VIII вв. вскрыто несколько совершенно одинаковых изолированных двухкомнатных секций, очень похожих на жилые секции берукталских усадеб. В каждую из них входил жилой и хозяйственный помещения. Первое — с П-образной суфью, очагом-выкладкой в центре и тандыром на суфе; хозяйственное — с ямами и закромами. В одной из комнат обнаружен клад из 410 бронзовых монет Хосрова (начало VIII в.), перекаранных по монетам Азакшара I (Чегана), и нескольких железных предметов.

Помимо типа поселения, другой яркой особенностью кердерской культуры является керамика. Сделанная без круга, но профессионалами-ремесленниками, использовавшими для формовки сосудов подставку, она включает ряд четко выработанных форм. Это крупные двуручные сосуды типа хумов и хумчей, двуручные столовые горшки, кувшины с широким туловом, кружки, немногочисленные чаши (Табл. 11, 17-27, 30, 32-37, 39-46). Упоминем также курлыничью (Табл. 11, 31), вазу-тринод (Табл. 11, 38), подставки под вертел. Сосуды часто украшали прочерченными и налелым орнаментом по тулову и венчику (Гудкова, 1964, С. 57-85). Большинство из них обнаруживает близкое сходство с керамикой из Джетысарского урочища (на третьем этапе развития местной культуры, датированном VII-VIII вв.). Это сходство и привело к выводу о переселении какой-то части джетысарцев в дельту Амударьи (Гудкова, Ягодина, 1963, С. 267; Левина, 1971, С. 242). Однако полного совпадения обих керамики с комплексом нет, что позволяет предположить участие в формировании кердерской культуры и иных этнических компонентов.

Заканчивая обзор археологических материалов IV-VIII вв. н.э. из Хорезма, следует указать, что этот период в истории страны является важным этапом в этногенезе ее населения, когда складывались основы средневековой общности — народности, сыгравшей столь существенную роль в этнической истории Приаралья.

В VII-VIII вв. здесь уже формируются многие черты культуры, получившие развитие в последующие столетия и в видоизмененном виде дожившие до наших дней. В первую очередь типы поселения и жилища, т.е. те формы, которые в большей степени, чем другие, связаны со стабильным хозяйственно-культурным типом.

Так называемая афритидская культура раннесредневекового Хорезма складывалась в тесном взаимодей-

нии с окружающим государством северными и северо-восточными районами. В ней прослеживаются и общесреднеазиатские черты — появление замков, распространение стодных предметов быта и вооружения, что можно связывать, как уже говорилось, со съезными путями экономического развития и торговыми контактами. Однако близость культур Хорезма и Северо-Восточного Приаралья вряд ли можно объяснить только этими моментами. Большую роль тут должны были сыграть этнические связи, ибо только тогда понятно смешение различной по происхождению посуды на всей этой обширной территории и появление в Хорез-

ме посуды гораздо худшего качества, чем собственно хорезмийская из дельты Амударьи. Можно не сомневаться, что та этническая среда, которая наложила столь отчетливый отпечаток на африкадскую культуру (во всяком случае, в VIII в.), должна была быть связанной с печенегами и огузами; сыгравшими впоследствии важную роль и в истории хорезмийского государства, и в формировании населения Приаралья и соседних районов. Не случайно огромные поселения огузов открыты в среднем и нижнем течении Сырдарьи, где они и должны были находиться согласно описаниям многих арабоязычных авторов.

Политическая история

Соغد — центральная область Средней Азии. Основными землями Согда были территории в долине р. Зеравшан с центром в Самарканде. В более широком понимании в Согд включались и владения Кеш и Накшб в долине р. Кашкадарья. Наряду с Самаркандским Союзом источники упоминают Бухарский, который, видимо, зависел от Самаркандского в начале VII в. (*Мандельштам*, 1954, С. 83). Распространение согдийского языка, письменности и культуры не ограничивалось этой территорией. В первой половине VII в. китайский путешественник Сюань Цзян отметил, что все земли от города Сужа на р. Чу до Кеша именовались Согдом и там говорили на согдийском языке (*Бедл*, 1906, Р. 26). Здесь, безусловно, речь идет не о политических границах Согда, а о пределах массового расселения согдийцев в Средней Азии. Начавшийся еще в древности процесс согдийской колонизации земель к северо-востоку от собственно Согда наиболее интенсивно проходил в раннем средневековье.

Территориально близкие к Согду Уструшана и Чач особенно тесно были с ним связаны. Обширные согдийские колонии находились в долинах рек Чу и Таласа, где еще в XI в. сохранялся согдийский язык. Во всех этих районах происходило взаимодействие согдийской культуры с местными. Согдийская письменность в эпоху раннего средневековья имела широкое распространение как в землях, где говорили по-согдийски, так и там, где господствовали другие языки. Известны согдазычные легенды на монетах Хорезма, Тохаристана, Ферганы, не говоря уже о Чаче, Уструшане и Семьречье. Согдийский язык был языком международного общения, что объясняется как широкой торговлей и колонизационной деятельностью согдийцев, так и их важной ролью в административном аппарате тюркских каганатов (*Бернштам*, 1940; *Кыласов* 1959; *Кожемьяко*, 1959; *Распопова*, 1960, 1973; *Климентович*, 1964; *Литвин*, 1981; *Миршик*; *Распопова*, 1983).

Согдийские колонии известны на территории Восточного Туркестана, Центральной Азии и Западного Китая. Они различны по своему характеру — от целых владений до отдельных деревень. Много согдийцев жило в городах Восточного Туркестана и Китая (*Неннинг*, 1948; *Чугуевский*, 1971).

Сведения об истории раннесредневекового Согда содержатся в письменных источниках на нескольких языках. Китайское посольство, посетившее Среднюю Азию в середине V в., упоминает государство со столицей в Самарканде. В китайских источниках идет речь также и том, что во второй половине IV в. в не-

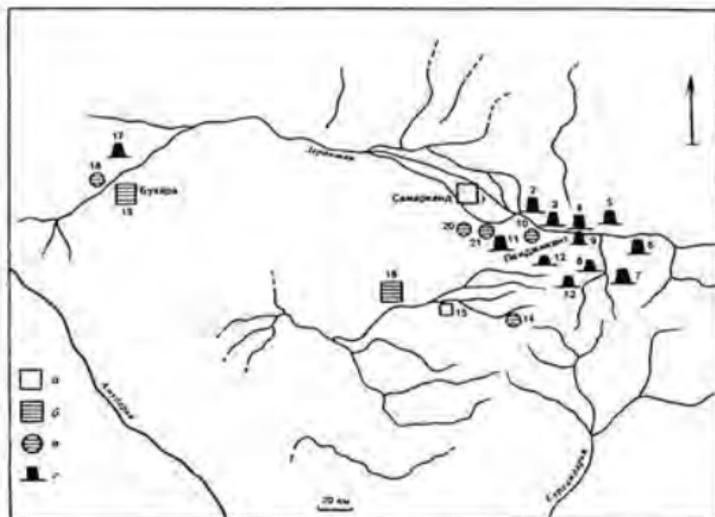
коем государстве Суда, по-видимому Согде, захватили власть кочевники, причем можно думать, что речь идет о хуннитах (*Еноки*, 1955). Правление основанной ими династии, видимо, продолжалось в первой половине V в. Из государства Суда, а после 479 г. из государства Самарканд регулярно направлялись в Китай посольства. После 510 г. посольства шли уже из государства Эфталтигов. Вероятно, все эти посольства представляли собой прежде всего торговые караваны согдийских купцов, а разные их наименования связаны с изменениями в политическом статусе Согда. К 510 г. можно отнести окончательное завоевание Согда эфталтами, центр государства которых находился южнее (*Еноки*, 1959; *Миршик*, 1971).

В 60-е годы VI в. эфталты были разгромлены тюрками и Ираном. Согд вошел в состав первого тюркского каганата, сохраняя, однако, внутреннюю автономию. Создание тюркского каганата сыграло большую роль в развитии согдийской торговли. Тюрки проникли в согдийскую среду. Известны династические браки между тюрками и согдийцами, правители согдийских княжеств тюркского происхождения (*Литвин*, 1960, 1979а), археологические свидетельства пребывания тюрков на территории Согда (*Спиринский*, 1951).

В середине VII в. согдийские княжества стали фактически независимыми, номинально признавая суверенитет танской империи. Согд делился на несколько владений. В письменных источниках упоминаются в Самаркандском Согде, кроме Самарканда, Кобудан, Иштихан и Мамурт, в долине Кашкадарья Кеш и Накшб. Все эти владения в какой-то мере зависели от Самарканда. В Бухарском Согде, кроме самой Бухары, упоминаются еще Пайкент и Вардана (*Бичурин*, 1950, С. 281—282).

Во второй половине VII в. после завоевания Ирана арабы начали наступление на Среднюю Азию, и в том числе на Согд (*Большаков*, 1973, С. 143—162). В начале VIII в. арабы подчинили согдийские княжества, но власть их была непрочной. Происходящий восстания, которые арабам трудно было подавлять. В результате почти непрерывных войн с 719 по 739 г. страна пришла в глубокий упадок. В середине VIII в. после новой череды восстаний начинается процесс массовой исламизации и участие местной знати в управлении халифатов.

В 70-е годы VIII в. Мавераннахр снова поднялся на борьбу под предводительством Муханны. После подавления этого движения здесь окончательно утвердился ислам.

Карта 3. Согд

1 – Самарканд; 2 – Коспикурган; 3 – Думетети; 4 – Мустети; 5 – замок на горе Муз; 6 – Гардан-Хисор; 7 – Кала-Мирор; 8 – Физикандор; 9 – Базуртес; 10 – Пенджикент; 11 – Чукурган; 12 – Чинкурган; 13 – Та

ш-Адай; 14 – Кеш; 15 – Карши; 16 – Еркурган; 17 – Варакши; 18 – Пайкен; 19 – Бухара; 20 – Кафрықоқ; 21 – Тазибару; а – крупный город; б – минимальный город; в – крепость; г – замок и крепость

История изучения

Археологическое изучение Согда началось еще в 70-е годы XIX в., когда были проведены первые раскопки на городище Афрасиаб в Самарканде (Якубовский, 1940а; Шинкин, 1969а; Кадуров, 1975). Работы дореволюционных исследователей, как и раскопки 20-х годов, не выделяли слоя раннего средневековья из мощных доисламских наслоений. Однако были собраны богатые коллекции раннесредневековой керамики, терракотовых статуэток и оссуариев (Веселовский, 1890, 1917; Кистальский, 1909). Терракоты и особенно оссуарии стали предметом специального изучения (Тревс, 1934; Бартольд, 1966а, б; Инштрапанов, 1907, 1907а, 1908).

Вторым направлением исследования стало изучение исторической топографии, которое основывалось прежде всего, на данных письменных источников (Tomasschek, 1877). В этой области особенно велики заслуги В.В. Бартольда, который показал на современной карте княжества, города и селения, каналы, торговые пути низин раннего средневековья (Бартольд, 1963, С. 114–237; 1965, С. 185–209).

Интерес к археологии Согда резко возрос после 1933 г., когда в замке на горе Муз в верховьях Зеравшана были найдены согдийские документы начала VIII в., большая часть которых принадлежала к архиву правительственного управителя Девангича (Согдийский сборник, 1934). В 1934 г. экспедиция во главе с А.Ю. Якубовским прове-

ла большие разведочные работы в Бухарской области (Якубовский, 1940).

В 1936 г. Г.В. Григорьев и И.А. Сухарев обследовали окрестности Самарканда и начали раскопки на городище Тази-Бару в 6 км от него. Раскопки Тази-Бару заложили фундамент относительной хронологии Согда, а для периода раннего средневековья отчасти и абсолютной (Григорьев, 1940). Из выделенной Г.В. Григорьевым свиты слоев нас интересуют три последних – ТБ IV–VI. Одновременно с раскопками Тази-Бару И.А. Сухаревым исследовались городище Кафрыкала, где обнаружены потребительные постройки (наусы) и гончарные печи, синхронные таковым слоям ТБ V (Григорьев, 1946, С. 94–103). Слои датировались Г.В. Григорьевым следующим образом: ТБ IV – II-I вв. до н.э.; ТБ V – VI–VIII вв. н.э.; ТБ VI – конец VII – начало VIII в. н.э. В своих работах, особенно в кандидатской диссертации, он на основе четкой стратиграфии выделил археологические комплексы, которым дал подробную характеристику (Григорьев, 1940, С. 85–103). Для центральной части Самаркандского Согда эти комплексы до сих пор остаются эталонными. Однако абсолютная хронология, предложенная Г.В. Григорьевым, сразу же после ее опубликования была подвергнута критике (Тилеман, 1946а, С. 173–177, 1948, С. 86; Терзибаев, 1939, С. 186–191; 1947, С. 128 и сл.). Работы А.Н. Терезюкчи на Афрасиабе, в Пенджикенте и на Актепе близ Ташкента полностью сму чересом-

треть абсолютные даты слоев Тали-Бару, Слои ТВ IV был отнесен к V–VI вв., ТВ V и VI – началу VIII в. (Тереножкин, 1950, С. 161).

А.И. Тереножкин впервые выделил комплекс второй половины VIII в. на Афрасиабе (Тереножкин, 1950, С. 162, Рис. 69). Работы С.К. Кабанова в Кашкадаринской области, охватившие целый ряд памятников, подтвердили новую датировку ТВ IV. Следует отметить, что памятники долины Кашкадары, относящиеся к поздней древности и раннему средневековью, неоднородны. Наиболее близок к Самаркандскому Согаду по архитектуре и материальной культуре замок Аулетте, где хронология А.И. Тереножкина подтверждена нумизматическим материалом (Кабанов, 1958, С. 150 и сл.). Другие памятники долины Кашкадары, хронологически близкие Аулетте, значительно отличаются от самаркандских (Кабанов, 1977, С. 90–93; 1981, С. 89, 91; Исмаилов, Сулейманов, 1981, С. 91 и сл.).

В Бухарском Согаде эталонным памятником является городище Вараша, раскопки которого были начаты В.А. Шишкиным в 1937 г. и продолжались с перерывами до 1954 г. (Шишкин, 1963). Здесь впервые найдены памятники согдийского монументального искусства. На городище Вараша исследовались раннесредневековые дворец, цитадель и городская стена. Удалось выделить постройки конца V – VI в.; VII – начала VIII в.; второй половины VIII в. Эти периоды приблизительно синхронизируются с тремя верхними слоями на городище Тали-Бару.

В 1936–1940 гг. небольшие раскопки на городище древнего Пенджикента были проведены В.Р. Челышковым. С 1946 г. начинаются широкие и планомерные исследования города. Они ведутся сначала Согдийско-Таджикской, а затем Таджикской археологической экспедицией под руководством А.Ю. Якубовского. Многолетние раскопки Пенджикента, продолжающиеся и по сей день (с 1954 г. под руководством А.М. Белевицкого) охватили около двух третей территории древнего города. Особую известность Пенджикенту принесли памятники монументального искусства (настенная живопись, резное дерево, глиняная скульптура). Здесь получены обширные материалы по социальной топографии города, ремеслу, торговле и денежному обращению (Белевицкий, Бенюшвили, Большаков, 1973; Белевицкий, Мариак, Распопова, 1979, 1980, 1981; Смирнова, 1963, 1981).

В Пенджикенте разработана детальная хронология – керамическая шкала для периода от V до третьей четверти VIII в. По стратиграфии и находкам выделены следующие периоды: V в.; рубеж V–VI вв.; VI в.; VI – начало VII в.; середина VII в.; рубеж VII–VIII вв.; первая четверть VIII в.; 40–50-е годы VIII в.; 70–80-е годы VIII в. (Мариак, 1964, 1965; Большаков, 1964; Станиский, 1964; Зеймаль Е., 1964; Распопова, 1969).

Пенджикент стал наиболее изученным городом эпохи раннего средневековья на территории Средней Азии. Сопоставление с пенджикентом позволяет понять значение разрозненных частных данных, полученных на других городищах.

Работы А.И. Тереножкина 1945–1948 гг. на Афрасиабе сыграли важную роль в развитии среднеазиатской ар-

хеологии (Тереножкин, 1947, 1950), они были продолжены специальной экспедицией по изучению Афрасиаба, которую в 1958–1966 гг. возглавлял В.А. Шишкин, затем Я.Г. Гулямов и Ш.С. Ташходжаев, а с 1977 г. Г.В. Шишкин¹. Раннесредневековые слои, главным образом VIII–VIII вв., были открыты на разных участках городища. Наибольший интерес представляет жилой квартал, расположенный в центре городища. В нескольких домах этого квартала обнаружены настенные росписи VI–VII вв. В одном из домов живопись замечательно сохранилась, и сопровождается надписями, имеющими важное историческое значение (Шишкин, 1966; Липниц, 1965, 1975а, 1977; Альбаум, 1975).

В небольших городках Самаркандского Согада, городища которых известны под названиями “Кульдортепе” и “Нилек”, были произведены раскопки (Станиский, Урдукова, 1958; Станиский, 1960а; Мариак, Крикс, 1969).

В исследованиях раннесредневекового Согада преобладает городская археология, но и здесь значительные площади раскопаны всего лишь на двух памятниках – Пенджикент и Афрасиаб (Белевицкий, Бенюшвили, Большаков, 1973).

В сельской местности в той или иной степени исследовано несколько замков: Актене близ Пенджикента (Исаков, 1977б, С. 565–566), Батуртепе к востоку от Пенджикента (Мандельштам, 1956а, С. 57–59), Фильмандар (Исаков, 1979, С. 50–51), Калан-Мирон и Куджрах (Исаков, 1977а, С. 48–50), замок на горе Муг (Васильев, 1934, С. 18–32; Якубовский, 1950, С. 24–25, Табл. 5, 1, 2; Воронина, 1950, С. 190), Кафыркала близ Самарканда (Шишкин, 1961, С. 192–222; 1977, С. 67), Бад-Асия (Шишкин, 1963, С. 87–109) и др. Велись работы по обследованию сельских памятников Самаркандской области (Ростовцев, 1975), изучалась округа Самарканда (Буркова, 1979). Исследовалась цитадель Пенджикента (Исаков, 1977).

В Калан-Муг на р. Маган Б.Я. Станиский раскопал трехкомнатный крестьянский дом V в. (Станиский, 1961а, С. 101–102, Рис. 1).

Большие работы по изучению согдийской деревни проводятся Ю. Якубовым. Целком раскопана резиденция феодала с привычкам к нему поселением крестьян (Якубов, 1979; 1979а).

Именно раннесредневековые памятники определяют археологический ландшафт земель, некогда входивших в состав Согада. Хотя на многих памятниках имеются более ранние и более поздние слои, заметнее всего остатки мощных крепостных стен и цитаделей городов, селений и замков раннего средневековья. Поэтому можно судить о размерах даже тех городов и селений, которые не раскопаны или почти не раскопаны. Основываясь на этом, О.Г. Большаков составил таблицы размеров городов и привел планы шахристанов и цитаделей доисламских городов и нескольких крупных селений (Большаков, 1973, С. 182–190).

¹ Результаты работ отражены в четырех выпусках сборника “Афрасиаб” (1969, 1973, 1974, 1975) и в книге “К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда” (1981).

Типология населенных пунктов

Разработка типологической схемы населенных пунктов осложняется невозможностью строгого понимания памятника без достаточно широкого раскопок.

Первая попытка систематизировать археологические памятники Согда была предпринята И.А. Сухаревым в 1936 г. (Сухарев, 1935–1936, С. 16–24). Им выделены четыре основных типа поселений: кешки, “бесформенные” поселения, укрепления и тепа. Автор осознавал несовершенство своей предварительной схемы, но не смог вернуться к этой теме, так как погиб в Великой Отечественной войне.

В последние годы внимание исследователей больше привлекали вопросы стратиграфии и культурно-исторических связей. Было отмечено существенное типологическое различие в составе памятников разных частей долины Зеравшана — Бухарской и Самаркандской — со сравнительным единообразием бухарских городищ с высоким замком и более низкой площадкой — поселением (Кабанов, 1958, С. 146 и сл.).

Более подробное рассмотрение археологических объектов Самаркандского ретвиона обнаруживает гораздо большее их разнообразие. Населенные пункты Согда типологически делятся на четыре группы, внутри которых по топографическим, структурным или планировочным особенностям выделяются их виды.

К первой группе относятся города: 1 — столичный город; 2 — значительных размеров укрепленный населенный пункт с четко выделенным административно-фортификационным центром — цитаделью (Табл. 12, 1, 8, 9); 3 — неукрепленный, с цитаделью (с регулярной и с аморфной застройкой).

Ко второй группе относятся неукрепленные поселения: 1 — у подножия замка или крепости (Табл. 12, 5, 6); 2 — без каких-либо оборонительных сооружений, аморфные в плане.

К третьей группе относятся крепости — регулярные по плану укрепления с незастроенным внутренним пространством (пלאц) и замком (Табл. 12, 3, 4, 7).

К четвертой группе относятся сельские усадьбы: 1 — замок домовладельца — кешк с прилегающим двором на разновысоких ступенях (Табл. 12, 2); 2 — замок-кешк, отдельно стоящий, подобная застройка не выделена в рельефе.

Первым в типологический ряд следует поставить столичный город, роль которого на всем протяжении истории этой части долины играл Самарканд, занимавший в V–VI вв. площадь около 75 га, а в VII в. опять достигший размеров древнего города — 219 га.

Шахристан Бухары составляла около 34 га, цитадель Бухары — 3,5 га. Сравнительно небольшой город Пенджикент имел шахристан площадью 13,5 га. Города и многие селения Согда были укреплены, имели цитадели, обширные некрополи. Вокруг городов, помимо пригородов, располагались усадьбы.

Город крупного масштаба, хотя и значительно уступавший по площади Самарканду, располагался на расстоянии почти 100 км от него. Здесь, возможно, была до сих пор не найденная археологами Кунавия. Хотя местность сейчас не имеет ярко выраженного рельефа, но разброс средневековой керамики на поверхно-

сти позволяет определить территорию обживания примерно в 120 га, площадь же раннесредневекового города неизвестна.

Входившие в сферу влияния Самарканда города занимали значительно меньшие площади — не более 20 га в пределах городского укрепления (Табл. 12, 8, 9).

Неукрепленное поселение, разросшееся у основания древней крепости, со временем могло приобрести статус города, примером чему может служить Кумышкент, расположенный в 19 км к северу от Самарканда (он же Бердад по средневековым источникам).

Меньше всего материальных следов оставили рядовые неукрепленные и неретулярные в плане селения. Их обилие в археологической литературе несколько преувеличено, так как за поселение часто принимается либо сельская усадьба, либо дворовая часть замка.

О сегодняшних крепостях эпохи средневековья пока можно сказать немного, поскольку они почти не изучались. Возможно, в предрабочное время продолжали функционировать крепости, возведенные в предшествующую эпоху. Известны мощные квадратные в плане укрепления, окруженные широким и глубоким рвом, стенами с тремя или четырьмя башнями по фасаду с небольшим замком в углу и незастроенным пространством двора: Кафрыкала, Култепе в Самаркандской области (Табл. 12, 4, 7) и Аксацтене в Бухарской (Абдирипов, 1979, С. 79–83).

В V–VI вв. распространяются маленькие крепости — квадратный кешк, усиленный далеко выступающим угловым башнями (Табл. 13, 2). Сооружение настолько компактно, что пространство между башнями меньше башенного фасада и воспринимается как глубокая яма. Судя по Актепе Чиланзарскому в Ташкенте, такие же крепости, но с овальными башнями, строились и в Чаче (Филанович, 1983, С. 115, 117).

В наибольшем количестве до наших дней дошли памятники в виде отдельно стоящих домов и так называемых тепе с площадкой. Это остатки сельских усадеб землевладельцев социально-экономического ранга. Сам дом (кешк) ставится на глинобитной платформе, а рядом с ним располагается двор со службами. В зависимости от того, возводились ли подобные постройки на платформе (значительно более яма, чем сам дом) или у подножия кешка, руины усадеб приобретали форму округлого холма или возвышенности с прилегающей к ним более низкой площадкой. И те и другие сельские усадьбы могли быть разных размеров, но вторые всегда всегда значительно (Табл. 12, 2).

Среди отдельно стоящих тепе, и значительным количеством ныне уничтоженных, могли быть и культовые и погребальные постройки. Известны венджикентские наусы, дошедшие до нас в виде небольших холмов. Наусом оказался такой же холмик близ южного фасада городища Дурмен (в 19 км к западу от Самарканда).

Историческая топография городов

В первые века н.э. в судьбах многих городов происходят существенные изменения, наблюдается явный упадок городской жизни, наиболее выраженный в особенностях городской топографии. Процесс этот, повсеместный, растянувшийся на длительное время, изучен неравномерно.

Исследователя далеко не единодушно в оценке социально-экономического состояния общества в период III-IV вв. н.э. Б.И. Маршак, принимая как факт кризисного состояния Среднеазиатского региона в это время, считает его несинхронным для разных областей (Маршак, 1987, С. 235).

По-видимому, ни один из крупных центров не избежал кризисной ситуации. В Самарканде, на территории городища Афрасиаб это фиксируется организацией большого некрополя на месте прежних кварталов в юго-западной части города, а вслед за тем и возведением мощных городских укреплений, состоящих из двух рядов крепостных стен, сопровождаемых двумя кольцевыми рвами. Новая оборонительная линия включала только треть прежней городской территории, и за ее пределами остался обветшалый некрополь. Сокращение размеров города обусловилось оттоком горожан. Прием синхронное появление в сельской местности значительных по размерам замков определяет социальную принадлежность оставшихся город жителей как землевладельцев довольно высокого ранга.

Социально-экономические причины этого явления нельзя сводить к простому постулированию разложения рабовладельческого строя и становления феодализма. Надо думать, что они отражают изменения в структуре общества, характер которых предстоит еще исследовать. Вопреки утвердившемуся мнению о стабилизации Самарканда в пределах двойного кольца стен вплоть до арабского завоевания (Анарбаев, 1984, С. 212) археологические работы показали интенсивный рост города в VI-VII вв. Уже в VI в., опять во взаимосвязи с жизнью города, происходят изменения в структуре сельских замков, приведшие если не к полному исчезновению, то к сильному сокращению их численности.

Становится ненужным двухкольцевое укрепление, и за его пределами заново открываются большие массивы жилых кварталов, для чего уничтожаются постройки некрополя, который переносится к подножию внешней стены, на запад от городища.

Квартал ганочаров IV - первой половины V в. на восточной окраине города оказывается теперь здесь неизвестным и прекращает свое существование. Соответственно в VII в. занял всю территорию Афрасиаба. Рост города был приостановлен арабами, когда они выселили самаркандцев за его пределы. В 60-е годы VIII в. по возвращении изгнанников, вновь осваиваются заброшенные дома, но уже не прежними их владельцами, а людьми иного, более низкого социального статуса. Дворятся на более мелкие жилые блоки дома знати, парадные залы приспособляются для хозяйственных нужд, вкапывая в полы и суфы хумы, устраивая в них очаги и тандыры.

Развитие Самарканда привело к сложению четырехчастной четко организованной структуры города: штадель, внутренний город, внешний город, рабад, в общей

сложности занимавшие немногим более 2000 га. Эта величина, вычисляемая из соотношения цифр, указанных историками, с реальными площадями, соответствует территории, заключенной в пределы оборонительной системы, ныне полностью уничтоженной. Девори Кундадж. Эта древняя стена окружила, во всей близости, не ограничила роста пригородов, и не позднее VIII в., но, возможно, еще до арабского завоевания, пригород приобрел двучастную структуру благодаря сооружению, помимо уже существовавшей Девори Кундадж, еще одной окружной линии обороны - Девори Киёмат, охватившей территорию, с селениями, садами и посевами, не менее 20 тыс. га. Поперечник этой стены средневековыми арабскими авторами определялся в два фарсаха, что соответствует периметру Девори Киёмат (около 25 км), еще и сейчас местами сохранившейся в виде вала.

Исследования Девори Киёмат не позволили уточнить время ее возведения, но очевидно, что стена выполняла свои оборонительные функции в течение длительного времени, реконструировалась и подновлялась. На юге раскапывалось мощное двухбашенное сооружение ворот. Двух- или трехэтажные, поставленные на высокий цоколь башни возведены на расстоянии 3 м одна от другой. Между ними через двойные ворота (у внешнего и внутреннего фасадов башни) осуществлялся вход в пригород (Анарбаев, 1981, С. 119-130).

Для раннего средневековья особенно показательна структура Пенджикента, поскольку он возник в V в., тогда как Самарканд, Бухара и другие города во многом сохранили свою древнюю структуру. Укрепленный шахристан Пенджикента отделен от мощной штадели широкой и глубокой ложбиной. К югу располагался некрополь в виде цепочки малозолев-наусов, а с востока и юго-востока город окружали небольшие усадьбы (Табл. 13, 7).

Центрально-сосудийский город второго ранга - внешнее городище Дурмен (Табл. 12, 9), - основанный в период после походов Александра Македонского в 19 км к западу от столичного Самарканда, в первые века н.э. имел с ним общую судьбу. От первоначальной городской территории площадью 27 га отпали северный и западный участки. Раннесредневековый город приобрел прямоугольные очертания и занял площадь уже только 19 га. У подножия новых городских укреплений на северном и западном фасах широкие ложбины (быть может, рвы) уничтожили древнюю городскую застройку. На месте отмерших участков древнего города и за его пределами строятся пригородные усадьбы.

Сходная судьба у городов и крупных поселений Бухарского Согда. Трудно сказать что-либо о самой Бухаре этого времени. Однако отмеченный археологами факт отсутствия оборонительных сооружений на бухарском штаделе в промежутке между концом I тысячелетия до н.э. и IV в. н.э., когда укрепления первых веков до н.э. затянута были надумным песком, свидетельствует о серьезных изменениях в жизни города.

В Вархакшанском оазисе в первые века н.э. происходят большие перемены. На значительных площадях перестают возделываться орошаемые земли, в результате чего начинается наступление песков. Перестают поддер-

заваться оборонительные сооружения. Варахши, в они начинают постепенно разрушаться. Башни крепостных стен используются как жилые помещения. Песок засыпает острые поля, ров в подножии городских стен. Проходит длительное время, прежде чем город экономически окрепнет и в V в. восстанавливает свою оборонительность.

Возможно, только с IV в. Варахша обретает черты города. (Существует предположение, что поначалу это была крепость.) Структура города необычна: центр укрепленного подурезульного пространства занимает высокий холм, в основании имеющий паховую платформу и окруженный широким рвом. Пока неизвестно, когда начали застраивать пространство между внутригородским рвом и городской стеной. Около второй половины IV в. вдоль южного фаса сооружается мощная цитадель, включающая замок-кешик и прилегающую к его подножию площадку, занятую дворцом бухарских правителей – бухархуатов и дворцовыми службами.

В раннем средневековье с момента, когда вновь активизируется жизнь Варахши (V в. н.э.), в городе постоянно реконструируются и ремонтируются оборонительные сооружения, цитадели, дворцовые здания. Интенсивная строительная деятельность продолжается и в период борьбы согдийцев с арабскими завоевателями и миссионерами новой религии. Сохраняется структура предполагаемой крепости, однако меняется характер застройки. Укрепленный замок в центре городища осваивается горожанами, а на южном фасае возле оборонительной стены возводится цитадель.

Город-крепость становится городом-резиденцией бухархуатов. В округе радиусом 1,5–2 км распознаны замки земледельцев и возделанные земли, им принадлежащие.

Историю крупного купеческого города Бухарского Согда – Пайкенда (Табл. 12. 1) ученые рассматривают как последовательное развитие от небольшой (1 га) крепости III в. до н.э. до городской цитадели. На следующем этапе роста населенного пункта возле цитадели, прилегающей к ней, появляется возвышенная площадка (Мухамеджанов, Мирзахидов, Адылов, 1984, С. 83). В V в. уже

развившееся поселение оформляется как город возведенным вокруг него крепостной стеной (первый шахристан, около 13 га). Рост города, вскоре (в конце V – начале VI в.) стеновыми границами оборонительной линии, потребовал расширения укрепленной зоны. Строится новая городская стена. Таким образом, возникает второй шахристан, и город разрастается до 20 га. Схема простая, однако в свое подтверждение требующая дополнительных исследований. Стена, разделявшая оба шахристана, существовала еще в 715 г., когда арабы, как сообщает историк, была взята половина города. Микрорельеф этой части городища и археологические исследования показывают, что к последней трети VIII в. сохранились лишь два отрезка стены, а значительная часть ее была уже разрушена и на ее месте возведены постройки, в числе которых было квадратное здание VI–VII в. со стороной около 15 м, интерпретируемое как химическая лаборатория (Мухамеджанов, Мирзахидов, Адылов, 1986, С. 210–220).

Еркурган – городище неподалеку от Карши в низовьях Кашкадарыи – определяется как столица Боло владения Намебло (средневековой Намеблы). Стоит из двух шахристанов. Внутренний шахристан имеет абрис неправильного пятиугольника, стены которого возведены в середине I тысячелетия до н.э. Стена была окружена широким рвом. Один из пяти углов разросся в широкий массив и назван исследователями басином (Турбеков, 1982, С. 36–43), к северному фасау стен примыкает цитадель, а несколько западнее расположен дворец. Во внутреннем шахристане около двадцати бугров, вынутых, скрывающих жилые массивы, в компактных (под ними следует ожидать отдельно стоящие здания). На центральной городской площадке располагался храм, а сравнительно недалеко от него – квартал керамистов. Внешний обвод городских стен был сооружен в связи с разрастанием городской территории в V в. н.э. На северо-западе внешнего города, возле улицы, соединившей городские ворота, в особом квартале обособились металлурги, на специализацию которых указывают следы горнов, обломки кричного железа и заготовки в виде железных крутов.

Фортификация

V век отмечен интенсивным градостроительством. В древних городках заново отстраиваются оборонительные стены и цитадели. В качестве строительного материала используются преимущественно пахсы. Возрастают масштабы утратившая к тому времени оборонительность Самарканда. На Афрасиабе возводится новая мощная оборонительная система из двух рядов монументальных стен с двумя глубокими рвами у подножия. Стены выкладывались из пластов пахсы, содержащей большое количество керамики присутствующего времени. Наиболее уязвимые южные ворота, оказавшиеся в связи с сокращением городской территории на месте старых кварталов, были защищены доминирующими оградами.

Быстрое развитие города в последующее столетие не сумело целиком потопить столь мощные сооружения, отступающие у городской территории большие про-

странства. Они и сейчас отчетливо видны в сложном рельефе городища.

Одновременно со строительством новых стен обновляется фортификация цитадели, несколько изменяя конфигурацию ее кешка. Находясь предшествующего времени были синцелированы и перекрыты периметровой паховой подушкой. Приблизжась к квадрату в плане, с ослепшими угловыми башнями, кешк цитадели имел незамысловатую линию восточного фасада и дополнительные башни: защищаясь восток у северо-восточного угла.

Помимо основных ворот, раннесредневековой кешк имел выход в сторону массива, заново возведенности соборной мечетью, в связи с постройкой которой он, видимо, и появился. Из центра кешка к подножию южной его стены вел подземный выход, служивший для вылазок и, надо думать, замаскированный снаружи.

От внутренней планировки кепка сохранились квадратный зал и соединявший с ним коридор. Стены зала покрывала сложная живопись, сохранившаяся в налетах фризисах. Помимо мощной двухрядной обороны, с VII в. оказалась внутри городской застройки, на Афрасиабе внутри города существовало еще одно крепостное сооружение, дополнительно укреплявшее центральную часть города и одновременно наиболее уязвимые южные ворота.

Долго остававшееся спорным время возведения этого дополнительного укрепления определяет несколько моментов. Подстилающие слои содержат характерные для IV – первой половины V в. красноаглобированные вазы на высокой ножке (*Андреев*, 1984, С. 209–211, Рис. в, б, и). На одном из участков пахсовые кладки третьего укрепления перекрывают стены домов центрального квартала. А ранние кладки укрепления прорезаны базарами в ташау IX–XII вв. и перекрыты слоями того же времени. Все это подтверждает мысль о возведении третьего укрепления Афрасиаба арабами вскоре после захвата ими Самарканда (*Массон М.*, 1950, С. 162).

Исследователи Бухары предполагают двухэтажную структуру ее шахристана, включавшую два самостоятельных укрепленных массива в виде смежных прямоугольников площадью 8–11 и 7–8 га. Стены шахристана построены не ранее второй половины V в. н.э. Северная стена города, прослеженная на протяжении 36 м, стоит на паховом покое высотой 60 см и сложена из паласы с включением сырцовых кирпичей (32–50) × 19 × (9–11) см. Южная стена северного шахристана построена на такой же основе, до высоты 3,5 м она сложена из сырцового кирпича (40–43) × (23–25) × (8–10) см, а выше – из паласы с включением кирпича (*Мухамеджанов, Миршакматов, Абдылов*, 1986, С. 98–113).

Ромбовидная в плане цитадель Бухары возведена на естественном холме площадью около 2 га. Раскопками выявлены разновременные стены, наиболее ранние из которых, построенные в первые века до н.э., перекрыты тонкой прослойкой надунного песка, послужившей основанием для укрепления стен сооружения по второй половине IV – V в. н.э. Как и в Пенджикенте, цитадель Бухары выведена за пределы собственного города, на расстоянии 120 м от шахристана (*Мухамеджанов, Миршакматов, Абдылов*, 1986, С. 98–99, 113).

Укрепления Варахши периода раннего средневековья хотя и следуют ранней (первые века до н.э.) линии обороны, но построены уже после полного ее разрушения, когда даже руины первых городских стен были перекрыты культурными наслоениями. Новые стены, которыми отмечено в V в. начало возрождения города после длительного упадка, представляли собой паховую ограду менее 1,5 м толщиной. Вскоре она была усилена паховой же облицовкой. И только по прошествии некоторого времени возводятся мощные фортификационные сооружения, включившие в себя стену предшествующего времени (*Шихин*, 1963, С. 110, Рис. 49) и фланкированные башнями через каждые 30 м. Видно, в это время (VI в.) сооружается новая цитадель. Стены ее, доставленные на высоту (15 м) паховое основание, оформлены сомкнутыми полуколоннами – готрами диаметром 1,6 м, обработанными горизонтальными желобками, создающими впечатление кладки из дисковидных блоков.

Разделка же желобками наклонных плоскостей пенопани имитировала крупноблочную кладку. Так же готрами оформлены фасады прямоугольных башен, по крайней мере прилегающих к цитадели. Здесь между готрами сохранились следы ложных бойниц.

Возле дворца к городской стене пристраивается башня, от которой сохранилась так называемая южная инфилада, представляющая собой внутреннее устройство доколдного этажа, включенного в общую систему городской обороны. Вход сюда вел из коридора или с вершины городской стены по кирпичной лестнице во всю ширину одного из помещений. Все четыре комнаты инфилადы, вероятно, служили кардетарней, чем и объясняется найденное здесь скопление, около 30 наконечников стрел (*Шихин*, 1963, С. 53–54).

Дальнейшая судьба фортификации Варахши сводилась к многочисленным ремонтам, которые проводились до той поры, пока в XII в. (?) укрепления не утратили своего оборонительного значения (*Шихин*, 1963, С. 85–88).

В Еркургане на всей протяженности внешнего кольца стен через каждые 60 м возвышались двух-трехметровые холмики башен. Периметр внутренних укреплений составляет около 2 км. В юго-восточном углу возвышается бастион (*Турбеков*, 1981). К северному фасаду в северо-восточном углу города примыкает цитадель (*Турбеков*, 1982). Стены внутреннего города через каждые 30 м фланкированы 60 выступающими башнями. Трое ворот располагались, к северу и западу от бастиона и на южном фасаде стены. Оборона усиливалась рвом.

Городское укрепление внутреннего обвода давно возводилось, видно, не ранее IV в. на паховом покое шириной более 24 м, перекрывшем древние сооружения. Укрепление состоит из коридора, заключенного между фланкированной полукруглыми башнями внешней кирпичной стеной (ширина 1,7 м) и внутренней паховой (ширина 1,5 м). Башни шириной 8,5 м выступают от линии фасада на 6 м. В куртине обнаружена бойница шириной 30 см. Сырцовый кирпич стены в большинстве случаев помешан клеймом в виде креста или знака "V". От последнего фортификационного строительства сохранилась только кладка упомянутого коридора характерным для V–VI вв. приемом с чередованием рядов кирпича и прослоек паласы.

Внешний обвод укреплений возник позднее внутреннего, одновременно с одной из реконструкций последнего, возможно в V в. Внешняя стена шириной 8 м, возведенная из полос паласы высотой более 1 м, фланкировалась полукруглыми башнями диаметром 8 м, расстояние между башнями 60 м. Возможность обстрела со стены и из башен увеличивалась изломанностью оборонительной линии.

Цитадель Еркургана IV–V вв. возведена на руинах древних укреплений комбинацией складной из разноформатного кирпича ((41–48) × (30–38) × (9–10) см) и паласы, превращенной в стилобат. Размеры кирпича обнаруживают тенденцию перехода от квадратного формата к продолговатому и еще не утратив признака эллиптического времени – клейма. Сама стена (быть может, более поздняя, чем платформа) была выстроена из паласы, имела внутренний коридор и фланкировалась прямоугольными башнями шириной 7,5 м, выступающе-

ли за периметр стены на 4,5 м, с куртинами длиной 22 м. Прямоугольные помещения башен сообщались с коридором.

В северной части цитадели возле городской стены располагался небольшой кешк, представлявший собой двухэтажное здание. Стены его в нижней части состоят из пазы, сверху – из квадратного и приближающегося к квадратному сырцового кирпича (47×47×10, 50×47×10 см). Нижний этаж перекрывали своды, выложенные из трапециевидного кирпича (49–51)×(31–33), (21–25)×(9–10) см. В сводах использовалась раскладка обломками крупных сосудов (Турбеков, 1982. С. 51–60).

В Тали-Барзу (периоды II, III) как цитадель, так и внешняя стена снабжены частыми прямоугольными башнями с многочисленными бойницами, расположенными в шахматном порядке. В Пенджикенте центральное здание и внешняя стена цитадели и ранняя стена шахристана (V в.) имеют такие же частые башни и короткие куртины. Для V в. мы знаем в Согде несколько замков в виде отдельно стоящих зданий с прямоугольными башнями. Самые маленькие из них (Фильмандар) имели четыре угловые башни и два помещения на первом этаже в центральном квадрате. В одной из башен фильмандарского замка был размещен пандус для подъема в помещения верхних этажей. Бойницы как в замках, так и в крепостных стенах городов обычно прямоугольные. На усадьбе Актепе близ Пенджикента прослежен роец замков, которые через какое-то время обстраивались еще одним рядом помещений с такими же

башнями, а первоначальные башни и промежутки между башнями в результате превращались во внутренние помещения.

В эпоху раннего средневековья укреплялись не только селения и города, но и отдельно стоящие дома, по-видимому принадлежавшие землевладельческой знати. Это явление засвидетельствовано уже для первых веков н.э.

В Пенджикенте в VI–VII вв. наблюдаются значительные изменения в системе фортификации (Маршак, 1975; Семенов, 1983). Более ранние стены перестраиваются. Теперь стена не имеет многочисленных бойниц и частых башен. В VI в. возводится новая стена на востоке и на юге, захватывающая ранее не укрепленную территорию. Для VII в. характерны массивные пазовые стены (Пенджикент, Тали-Барзу V). К этому времени относятся дожки на цитадели Пенджикента. Массивные стены без бойниц в нижней части и из сплошных стилобатов характерны и для архитектуры цитаделей селений VII в., крепостей и усадеб (Актепе близ Пенджикента, Кафыркала).

Весь Бухарский оазис был окружен крепостной стеной, известной под названием "Калпырак", аналогичной самаркандской Девори Кисмат (Буркова, 1979. С. 120–126). Время возникновения их остается неясным. В.А. Шинкин отнесал бухарскую стену к периоду между IV и VII вв.; большие строительные работы на этих стенах были проведены арабскими завоевателями во второй половине VIII в. (Шинкин, 1963. С. 16, 30, карта).

Жилая застройка города. Жилища

Жилая застройка города может быть охарактеризована на примере Пенджикента. Пенджикент – памятник многовековой, поэтому рассмотрим историю его застройки. Город с цитаделью, храмами и крепостной стеной сложился уже в V в.

Наиболее ранние жилища относятся к концу V – началу VI в., но их одно из них не раскопано полностью (Маршак, 1964. С. 184–191). Насколько можно судить по двум жилищам на объекте XII, в то время не было сплошной застройки территории города. Расстояние между двумя исследованными домами 14 м. Отдельные дома имели массивные фасадные стены (около 2 м толщиной) и тонкие внутренние перегородки (помещения площадью от 3 до 10 кв. м).

В первой половине VI в. начинает складываться сплошная застройка блоками из примыкающих друг к другу жилищ. Целиком исследовано одно жилище, в частности раскопками затронуты еще шесть. Первоначально все они были одноэтажными, но еще на протяжении VI в. над ними возводятся вторые этажи, в одном из домов устроены сводчатые помещения. В жилище, исследованном полностью, было шесть комнат площадью от 7 до 15 кв. м (Маршак, 1964. С. 192–198). Участок, в котором находился этот дом, занимал 90 кв. м. В двух жилищах небольшие комнаты, площадью 8 и 9,5 кв. м, имели перегородки на четырех колоннах. Высота помещений первого этажа 1,8–2 м. К VI в. относится самое раннее жилище с росписью (Беленчиной; Маршак, Распопова, 1980. С. 216–219). Оно находится на территории, во-

шедшей в состав города около рубежа V–VI вв. (объект VI). Отдельные стены это о дома сохранились включенными в толщу стен более поздних помещений. В отличие от более поздних высоких комнат с живописью здесь высота стен от пола до потолка около 2 м. В этом жилище следы росписи сохранились и на остатках стены второго этажа.

К первой половине и середине VII в. относятся только отдельные помещения, раскопанные на объектах XII и VII. В двух из них прослежены деревянные колонны с профилированными базами. Следует отметить, что к этому же времени относится ювелирная мастерская (объект XII), представляющая собой изолированное от жилых комнат помещение (Распопова, 1969).

На объектах XXIII и XXIV великом исследованы жилища, относящиеся ко второй половине и концу VII в. Это двухэтажные дома, входившие в кварталы сплошной застройки. Они принадлежали лицам разного социального статуса. Это как небольшие дома из трех комнат, так и обширные постройки с залами, украшенными росписями, на первом и втором этаже (Табл. 20, 3).

Таким образом, пенджикентское жилище в V по VII в. претерпело значительные изменения. Ранние городские дома по своим масштабам и по простоте конструкции были гораздо скромнее домов второй половины VII–VIII в. Самые ранние из исследованных домов сохранили черты отдельных усадеб. В VI в. уже наблюдается сплошная застройка в некоторых кварталах и роец города "в высоту" – появляются верхние этажи. Это свиде-

тельствует о том, что земельная собственность была уже распределена и для увеличения площади дома в связи с ростом семей приходилось строить вторые этажи. Город возник на новом месте, и для достижения уровня урбанизации античных городов Средней Азии ему понадобилось не менее 100 лет.

На протяжении VI–VII вв. складываются тип элементы жилой застройки, которые мы наблюдаем в их совокупности в городе первой четверти VIII в. Это полкартальная застройка, увеличение этажности, а также выделение парадных залов, аналогов которых в рядовых жилищах служили, очевидно, и просто жилыми помещениями, украшение частных домов росписью и выделение специализированных лакок-мастерских.

На первую четверть VIII в. в Пенджикенте приходится строительство двора Деваштича, большого количества богатых и рядовых домов, многочисленных лакок и мастерских, составлявших целые базары. К этому же времени относится широкое распространение росписей и резного дерева, причем росписи есть в домах людей разного достатка и даже в рядовых домах.

Восстановленная жилая застройка первой четверти VIII в. выполнена, за редким исключением, технически на одном и том же уровне. Дома отделились друг от друга числом и размерами комнат. В Пенджикенте не было почти бедноты, что свидетельствует о зажиточности горожан Согды.

В 20-е годы VIII в. город был разгромлен арабами и пришел в запустение. Около 740 г. вернувшиеся жители восстанавливают свои жилища по-старому, часто с живописью и с изобразительными языческими богам, некоторые дома строят заново. В отдельных домах помещения с росписью не восстанавливаются, а в других, напротив, восстанавливали целые залы. Однако город не достиг уровня первой четверти VIII в. В нем появились пустыри на месте базаров, многие дома стояли в развалинах.

В третьей четверти VIII в., видимо с исламизацией населения, намеренно уничтожаются росписи и домашние алтари. В это время жилища знати пустуют или превращаются в рядовые дома. К концу третьей четверти VIII в. происходит окончательное запустение города.

Таким образом, прослеживается развитие жилой застройки рядового согдийского города от начала и до конца его существования на протяжении всего ранне-средневекового периода.

При исследовании жилищ разного времени выявлены их переделы, связанные с тем или иным причинами. В некоторых случаях это можно связать с разделением семьи или с продажей дома по частям. Наблюдаются иногда сложные переделы, охватывающие до трех домовладений. Наибольший интерес с точки зрения социальной истории представляет присоединение к дому богатого горожанина жилища его рядового соседа.

Пенджикентские жилища наиболее изученного времени (первой четверти VIII в.) дают прекрасный материал для выяснения социальной стратификации согдийского общества. Очень четко выделяются крупнейшие жилища земельной и купеческой аристократии и скромные жилища "работников" (ремесленников и мелких торговцев). По характеру помещений и их декору к жилищам знати ближе достаточно многочисленные дома значительно меньшей площади. Основная часть этих домов,

видимо, принадлежала землевладельцам и купечеству среднего достатка.

На территории шахристана выделяются три общей застройки два дома, которые по размеру и составу помещений могли быть частью двора правителя Пенджикента. Это – жилище, занимающее северо-западную часть объекта XVI, и объект XXI. Объект XXI расположен позади второго храма, а северная часть объекта XVI выходит на улицу, проходящую вдоль южной ограды первого. Площадь, занятая основным домовладением объекта XXI, 1142 кв. м, тогда как домовладение на объекте XVI занимало около 2100 кв. м (Табл. 18, 1-5). Отметим, что вся территория окруженного стеной шахристана не превышала 13,3 га. Каждый из этих домов в плане делится на функционально различные части: первая – сравнительно небольшое жилище из нескольких помещений на первом и втором этаже (здесь включены и кладовые); вторая – парадная часть с квадратным (или прямоугольным с прямоугольной же апсидой) залом, коридором перед ним, помещением с пристенным очагом-алтарем и одной-двумя дополнительными комнатами; третья – выходящие на улицу лавки и мастерские (Табл. 18, 2), построенные вместе с остальными частями дома, но не соприкасающиеся с внутренними помещениями. Кроме этих трех частей, имеется четвертая, расположенная между входом и парадной частью. Ее функции менее очевидны. На объекте XXI в нее входят многоугольный зал площадью 177 кв. м и примыкающие к нему помещения, а на объекте XVI – зал площадью 250 кв. м и большой двор (площадью около 280 кв. м). Для сравнения отметим, что тронный зал во дворце Деваштича имел площадь около 250 кв. м. Именно дополнительные большие залы сверх обычных для богатых домов парадных залов являются наиболее специфической чертой двух самых обширных домовладений. Эти залы и двор могли служить для многочисленных собраний. Некоторые помещения четвертой, верхней части домовладения играли роль кухонь, а другие, по-видимому, роль "людских" для слуг.

Три домовладения площадью 575–800 кв. м менее богаты. В них жилая и парадная части такие же, как в самых богатых, но отсутствуют дополнительные залы.

В следующую группу домовладений Пенджикента первой четверти VIII в. входят семь домов. Площадь их 330–350 кв. м. У них, как правило, меньше парадная часть. Самые маленькие парадные залы с живописью имеют площадь всего 30 кв. м. К ряду домов этой группы примыкают торговно-ремесленные помещения, не соприкасающиеся с внутренними комнатами дома.

Жилища рядовых пенджикентцев в плане представляли собой более или менее упрощенный вариант структуры (Табл. 19, 1-4; 20, 1-5) богатых домов. В первой четверти VIII в. рядовое домовладение занимало среднюю площадь, около 60 кв. м, хотя были и дома размером и полтора раза больше. Парадные комнаты здесь обычно были одновременно и жилыми. Только в одном таком доме с тремя комнатами на первом этаже в специальной нише открыты следы живописи. Некоторые помещения снабжены четырьмя столбами, имитируя устройство парадных залов, но они гораздо меньше и лишены декора. Более или менее богатые жилища с живописью составляют около трети исследованных домовладений.

На Афрасиабе разнообразный абрис массивов застройки обуславливался неспокойным рельефом городской территории. Но эти большие массивы рассекались ортогональной сетью улочек и переулков. Однако дома центрального квартала, построенные вплотную друг к другу, располагались так, что все они (или почти все) были обращены в сторону улиц, ограничивающих квартал. Как и в Пенджикенте, квартал Афрасиаба включал дома людей разного социального ранга, но все они принадлежали более или менее зажиточным горожанам. Здесь есть жилище с относительно небольшим парадным залом, с длинным коридором – кулуаром и узкими хозяйственными помещениями. Чаще коридор имел Г-образный план и огибал парадный зал. Везде прослеживаются монолитные кладки, служащие основанием для пандусного или лестничного подъема на второй этаж. Стены залов, а нередко и кулуаров были покрыты росписью, в зале одного из домов сохранились следы деревянной резьбы. И здесь, как в Пенджикенте, в оформленных залах присутствуют резные женские фигуры. В небольшой комнате или в замкнутой части коридора устраивались причесанные очаги типа каминя. Заглубленные в стену, они фланжировались глинябитыми полуколоннами. Многие исследователи склонны считать их кулуарными очагами (Ахунбабиев, 1987; Распопова, 1981. С. 132–133; Гуревич, 1981. С. 45–47). Для раннего средневековья известны переносные жаровни, тепло которых могло быть достаточным в гостиничном зале во время многолюдных трапез. Но единственным теплым помещением в доме была комната с очагом-камином. Традиция сооружения таких очагов сохранилась, по крайней мере, вплоть до монгольского ишаствения, а в Ферганской долине и до наших дней.

Дворцовые здания

Предполагаемый дворец IV–V вв. открыт в Еркургане. Большой зал (13 м в стороне) через возвышенный глубокий айван был связан с двумя значительно меньшими помещениями, ограниченными с двух сторон узкими коридорами. Внешняя стена здания и одновременно большого зала возле пола здесь каждые 1,5–1,7 м прорезана узкими (10 см) вентиляционными щелями (Табл. 14, б). Стены неоднократно белылись, ганчем или окрашивались в красный цвет. В одном из помещений на высоте более 1 м от пола по обелке отбиты горизонтальная красная полоса. Местами сохранилась побелка полов. Зал с глубоким айваном и усиленной вентиляцией мог служить для многолюдных приемов.

Вархатинский дворец VII–VIII вв. располагается у подножия цитадели на площадке, отделенной от нее узким пространством, и вплотную прилегая к городской стене. Восстановить облик дворца хотя бы в один из периодов его жизни мешают многочисленные перестройки, существенно менявшие планировку здания (Табл. 14, в). Помещения разных размеров располагались по обе стороны широкого (4,5 м) колончатого коридора, выходящего в обширный двор с монументальным айваном и его южной торце. Айван представляет собой уникальное для своего времени сооружение, открывавшееся во двор тремя арками: центральной, пролетом шириной

В этот квартал входил дом, плотно примыкавший к другому его строениям, но отличавшийся и планировкой, и просторностью, и наличием двух больших залов. Вход в дом был обращен на одну из магистральных улиц. Планировка его отличается обилием широких коридоров, огибающих компактную группу хозяйственных помещений, оба зала и еще одну (или две) изолированную комнату. Именно этот дом в публикации получил наименование дворца самаркандских правителей. Стены его главного зала площадью 11×11 м были покрыты ставшей всемирно известной живописью (Табл. 35, 1–4). Сохранились настенные картины, сочность их красок, официальность сюжетов и содержание позвешившей согдийской надписи указывают некоторым исследователям достойными только верховного правителя (Альбаум, 1975. С. 118). Дворец согдийского правителя, построенный лишь на несколько десятилетий позднее того времени, когда распался Афрасиабский зал, открыт на цитадели Пенджикента. Возведенный в период завоевания страны в цитадели маленького городка, при всех претензиях его строителя на помпезность, он вряд ли мог превосходить дворцовые сооружения столичного Самарканда. Тем не менее его приемный зал отличается масштабностью и такими особенностями планировки и устройства, которых ни в малой мере нет в описываемом доме.

Живопись высокого мастерства в залах и кулуарах выделяет его из ряда прочих жилых построек. Очевидно дом принадлежал одному из богатейших и влиятельных горожан (Шихин, 1966. С. 12), возможно крупному придворному чину.

7,75 м, боковые по 3,25 м. Арки опирались на кирпичные колонны двухметровой диаметра и на две пристенные полуколонны. Основанием колонн и полуколонн служили квадратные кирпичные плиты высотой 35 см, со стороной 2,25 м. В расчете на большие нагрузки под колонны подведены фундаменты, превышающие ширину плиты и углубленные на 2 м, с последовательной кладкой из сырого кирпича, и из жженого на глиняном и алебастровом растворе. (В тот период стены возводились вообще без фундамента). От колоннады айвана во всю его ширину во двор спускались четыре ступени. Плиты айвана и двора устланы жженым кирпичом размером 35×35×6 см. Колонны и стены айвана (возможно, и двора) были покрыты сюжетной и орнаментальной резьбой по алебастру.

Северную часть дворцового здания занимали три обширных зала (со сторонами 10 м и более). Два из них входными были обращены к входу во дворец, третье же помещение, более заднее, выходило в колончатый коридор. Сюда же выходили помещения южной, прилегающей к городской стене части здания. Каждые залы (их было не менее пяти), несмотря на значительные переделки, сохранили часть своего внутреннего убранства. По меньшей мере три из них были украшены настенной живописью, от которой дошли до нас лишь небольшие ре-

гистри трех-четырёхъярусных композиций. Определяется культовое назначение зала теплого красно-желтого цвета с ритмичным повтором сцены выпадения хищников и грифонов на слонов с наседками. Пространство зала, вдоль стен окаймленного кирпичными дежанками – сурями, занято двумя возвышенными – подиумами. Своды огня на одном из подиумов, принажи деревянные конструкции на другом заставляют думать, что зал выполнял функции храма с постаментом для ритуальных предметов и, возможно, действ и подиумом для жертвенника с огнем. Назначение прочих помещений загадочно, но можно считать бесспорным, что пышно украшенный просторный айван предназначался для парадных официальных приемов.

Культы и верования

В домусулманском Согде существовало множество верований, фетишизм, поклонение огню, светилам, деревьям и всевозможным изображениям. Заметную роль в религиозной жизни Согда занимал буддизм, который утратил свое былое значение еще до прихода арабов. Монастыри были разрушены, а вера Будды была практически забыта местным населением.

Сюань Цзян, посетивший Среднюю Азию за 100 лет до прихода гундов арабов, писал, что в стране Кан (Согд) царь и народ не верит в буддизм и почитают огонь, здесь есть здания двух монастырей, но в них нет монахов. В начале VIII в. в Самарканде, по словам Хой Чжо, был один монастырь с одним монахом.

Арабские историки много писали о сохранившихся храмах, о богатствах, которые там находились. По словам Табри, Кутейба при покорении Самарканда приказал сжечь множество храмов. Отмечались также храмы в Рамитане – небольшом городке в окрестностях Бухары, в Паикенде. В Бухаре храм находился в арке. Впоследствии на его месте была построена мечеть. А.М. Мандельштам на основании того, что день приношения в храм Самарканда совпал с днем поминовения усопших, полагал, что сам храм был широкой усыпальницей в центре династического культа (Мандельштам, 1964, С. 272–273).

Из храмовых сооружений Согда наиболее полно изучены пенджикентские храмы. Они являются более ранними и первыми городскими постройками и занимают середину окруженного первоначальной городской стеной участка plaza.

Храмы представляли собой сложный комплекс архитектурных сооружений, связанных с обширными дворами (Табл. 31, 2, 3). Оба храма имели по два двора – внешний (восточный) и внутренний (западный). Главные храмовые здания находились во внутренних дворах. Они возведены на искусственной платформе с узким напуском подьемом.

Оба храма, построенные по одной схеме, представляют собой открытые на восток четырехколонные залы, соединенные проходом с целлой, примыкающей к айвану с запада. В первом храме в западной стене зала расположены две ниши для статуй. Зал и целла с трех сторон окружены обходной коридор или открытые галереи. С востока к залу примыкал шестиколонный айван.

На цитадели Пенджикента, отделенной от внешнего мира глубоким рвом и окруженной крепостной стеной, находился дворец правителя (Исаков, 1977). Раскопана парадная часть дворца; тронный зал с нишей, парадные коридоры, айваны и три квадратные четырехколонных зала (Табл. 17, 1, 2). О жилых помещениях дворца судить пока трудно. Дворец отличается от богатого жилища, во-первых, тем, что он расположен в системе оборонительных сооружений цитадели, во-вторых, особенностями организации пространства тронного зала, в-третьих, наличием нескольких одинаковых во архитектурно-планировочному решению залов.

Площадь двора замыкалась стеной или постройками различного назначения.

Структурно пенджикентские храмы сопоставимы с храмами огня зороастрийцев Индии. Здесь также имеются камера для хранения огня и место, куда выносился огонь для церемоний (Беленицкий, Маршак, 1976; Шкода, 1986). В пенджикентских храмах открыто огромное количество живописных памятников. Среди росписей выделяются мифологические сюжеты, культовые сцены, в которых представлены боги, донаторы, сцены широк, сцены оплакивания усопших, всевозможные процессии.

Ритуал предпологал возжигание огня и поклонение изображениям богов.

В Самарканде исследовались только модели в частных домах, где сохранились росписи с культовыми сценами, культовые очаги, в которых во время церемоний возжигался священный огонь (Ахунбабаев, 1987, С. 10–21).

На северо-западной окраине Бухарского оазиса в 1972–1975 гг. Р.Х. Сулеймановым исследованы бунор Сеталак I. Здесь выявлены долго функционировавшие культовые сооружения разного архитектурного облика (Табл. 15, 1–7), последовательно сменявшие друг друга (Култура..., 1983, С. 66–98).

Первое по времени святилище построено на небольшом естественном возвышении. В основании здания лежит невысокая (несколько выше 1 м) глинобитная платформа, перекрывает двумя рядами кладки из сырцового кирпича размером (40–41)×(40–41)×(9–10) см. Квадратное и в плане здание имело 17×17 м (возможно, кубическое по объему), ориентированное по странам света, состояло всего из двух разновеликих помещений (Табл. 15, 2, 3). Узкий, сильно вытянутый входной проем прорезал середину южного фаса. По его сторонам располагались по две шедельные прорези – вентиляционно-световой проем и глубокая ниша, имитированная такой же проем. Переднюю часть здания занимал зал с обширной глубокой нишей напротив входа, сконструированной двумя большими выступами типа айвов. Вдоль задней стены зала, соединяясь с ним боковым проходом, вытянуто узкое помещение. Стены здания, как и айвы, толщиной 1,6 м, слегка суженные сверху, сложены из рядов дахсы, прослоенных сырцовым кирпичом

(39–41)×(39–41)×(9–11) см, и покрыты саманной штукатуркой.

Во второй строительный период это небольшое кубическое здание было целиком перекрыто новыми кладками, образовавшими по его сторонам четыре полуovalные монолитные башни. Монолитный квадрат с полуovalами был окружен квадратом стены. С юга вновь устроенный пандус вел на возвышенную площадку, а колончатый вход возле пандуса, к востоку от него, позволял войти в пределы ограды. Южная часть пространства в ограде была занята упомянутой возвышенной площадкой, противоположные ей углы занимали колончатые помещения, оставшаяся место для обхода сооружения от восточного воступа — "башни" до западного (Табл. 15, 4, 5).

В платформе возвышенной площадки были устроены сквозные помещения со входами из обводного коридора, а поверхность площадки разделена переборками на отсеки разных размеров.

В последующее время (третий строительный период) все сооружение было забутовано и заложено и превратилось в единый монолит, к юго-восточному углу которого было пристроено многокомнатное здание (Табл. 15, 6, 7).

Еще во время функционирования постройки третьего периода в проходном помещении у входа в здание был разложен костер, куда попали фрагменты керамики и кости животных. В оставшую язву был положен скелет человека в относительном анатомическом порядке, но с отдельными костями вокруг черепа. Некоторые кости отсутствовали. Все это было перекрыто пластом глины. Этим захоронением явно предварительно очищенных костей заканчивается двух-трехвековая история святилища Сеталак.

На протяжении всех трех периодов функционирования сооружения все его открытые и закрытые помещения постепенно заполнялись слоями золы и угля, в меньшей степени органики, горючего песка и горючих комьев земли, по мере накопления перекрывавшимися песчано-земляными прослойками. Именно этим процессом, приводившим к "отмиранию" отдельных частей здания, видимо, и следует объяснить дважды осуществленное превращение вышедшей таким образом из обхода постройки в монолитное сооружение. Причем в первый раз это произошло в момент поджога и процветания этого культа. Последнее же строительство (третий период функционирования) отмечено признаками упадка. В процессе этой перестройки не выполняются сложные конструкции. Новое здание утрачивает всю свою монументальность и не имеет четко продуманного плана.

Особенности планировки всех трех последовательных сооружений, обилие золыных отложений и манера хранения золы тут же в помещениях определяют культовый характер постройки Сеталак I.

Определить культовую принадлежность святилища Сеталак вряд ли возможно. Большая роль огня, его почитание (бережливое хранение остатков горючего) еще не дает оснований отнести эти особенности культа к ирано-арийским верованиям.

Судя по святилищу, на протяжении III–V вв. н.э. существовало в отдалении от крупных населенных пунктов, им

всей видимости, отражала социально-экономическое состояние сельского района с разбросанными усадьбами земледельцев разного ранга. Созданный ими в III–IV вв., собственный религиозный центр, через какое-то время показавшийся малозначительным, был перестроен в эффектное по архитектуре монументальное здание.

Четырехугольное здание после длительного функционирования, в процессе которого зольники начали перекрывать опалившие кладки стен, было реконструировано без существенных изменений в планировке. Но уже на следующем этапе, в V в., когда потребовалась новая реконструкция, возможности общины сникли, и конструкция святилища была сильно упрощена — до простой платформы с подбашенными помещениями у ее подножия.

Святилища иного рода, возможно и иной культовой принадлежности, открыты в том же бухарском и в среднеазиатском ареале. Они также связаны с ритуальным возжиганием огня, но, будучи включенными в планировку замков и дворцовых зданий, представляют собой зал или глубокий аванс с субрами по периметру в одиним или двумя подножиями в центральном пространстве.

Во дворе бухарудатов на Варзаше святилище размещалось в ряду прочих залов напротив входа в здание. К нему вел широкий длинный коридор с глухими стенами. Противоположную от входа сторону зала занимал продолговатый прямоугольный подиум со следями некогда существовавших деревянных конструкций от легкого перекрытия над ним и каких-то более основательных в виде трех балок, уложенных горизонтально и выступавших (?) в сторону задней стены (Табл. 14, 5). Б.И. Маршак рассматривает деревянную конструкцию несколько иного вида в храме Пенджикента как остатки устройства, приводящего в движение фигуры богов (Табл. 31, 4), но это пока только предположение.

Второй подиум особой формы, в виде овала со срединной створкой, был устроен ближе к входу и несколько смещен в сторону относительно центральной оси. По краю он ограничивал низким бортиком, на его поверхности следы огня. Если роль большого продолговатого подиума не ясна, то "подуловальный", очевидно, служил местом первоначального жертвенника, типа тех, что теперь хорошо известны по росписям той же Варзашского двора и Пенджикента, по стене на осуарии из южного Согда (Шинкин, 1963), встречается в Гардани Хисор (Табл. 13, 3) и в памятниках Чапа (Табл. 38, 1, 2; 41, 3, 13).

Храмовой комплекс Еркурган расположен в центре города. Его составили два тесно связанных друг с другом здания. Построенные в первые века н.э., они продолжали действовать вплоть до VI в. н.э.

Западное здание (около 50×50 м) раскопано лишь частично. Здесь обнаружено открытое в сторону восточного здания святилища П-образное помещение с опуклаторным ганчем алтарным подиумом из сырцового кирпича, фасады которого разделены лопатками и широкими нишевыми углублениями, а верхняя площадка обнесена ажурным кирпичом (Судейман, 1986, С. 109–110, 1987, С. 155–143).

Восточное здание святилища храма стоит на платформе из сырцового кирпича. Это большой продолгова-

тый зал (15×7 м), вытянутый по поперечной оси, плоское перекрытие которого опиралось на две массивные колонны, сложенные из жженого кирпича. Основой колонн служили шлоаженины из кирпича квадратный пидит и "горючая база". Оштукатуренные гачем, они были выкрашены в красный цвет. На своде одной из колонн изображены черные значки, на другой — две силуэтные фигуры в длинных одеждах с какими-то атрибутами, напоминающими трилестник, и с кольцом (вероятно, венком) в руке одного из персонажей. В один ряд с ними черной контурной линией нанесены рисунки алтара и фантастической птицы. Стены зала прорезаны нишами разных размеров, в которых некогда размещались гачевая и глиняная скульптура, раскрашенная и отделанная позолотой. Поверхность стены, включая ниши, была покрыта сложной росписью по белой подгрунтовке. Возле северной стены напротив входа в святилище возвышался прямоугольный подиум алтара, сложенный из кирпича и оштукатуренный гачем. На его верхней плоскости есть следы огня и золы.

В какой-то из периодов функционирования здание храма дало просадку и потребовало серьезного ремонта с возведением контрфорсов. Само святилище, многократно ремонтировавшееся подпорными стенами, уменьшилось более чем вдвое (до 7×6 м).

К числу культовых предметов принадлежат чашенидные курьилинды на высокой полной ножке, украшенные сетчатыми насечками, пушоном, шпикованными наделами. Одна из наиболее парадных курьилинд снабжена диском, отделанным чашу от подставки, и тремя наделными личинами (Табл. 16, 18). В большом количестве в

храме найдены жаровни. Крутые (до 50 см в диаметре), ограниченные бортиком высотой 3–5 см, они таким же бортиком разделены на четыре сектора. Бортики оформлены зубчатыми-зашпанными шпикованными наделами, а в одном случае на стыках перегородок помещены лепные головки животных, обращенные внутрь резервуара.

Культовые постройки были обязательной принадлежностью раннесредневекового дома. Они, как правило, находились на втором этаже дома или рядом с витыми покоем (*Расписки*, 1981. С. 132–133). Домашние храмы и моделины имели различную структуру. Они могли включать одну или несколько комнат, что, видимо, обусловлено значимостью культа. В богатых домах Пенджикента хорошо выделяются капеллы (Табл. 31, 1), в которых были алтари и изображения почитаемых предков хозяина дома (*Беленицкий, Мариак*, 1976. С. 83). В большей части построек в жилых комнатах были выделены культовые места. Г.А. Пугаченкова отмечала наличие культовых мест в жилых комнатах Даливерзана. Перед нишами найдены культовые статуэтки (*Пугаченкова*, 1976. С. 39–40).

Культовые росписи в частных домах помогают определить богов, которым поклонялись создатели, воспринимающие храмы как дома обитания богов.

Большое место в верованиях согдийцев принадлежало поклонению умершим предкам. Обряды поклонения предкам совершались не только в храмах, но и на кладбищах. Бирун сохранил согдийские заупокойные обряды с теми, что совершались хорезмийцами в Новый год Науруз в наусах.

Город и деревня

Для понимания специфики города необходимо его сопоставление с синхронной ему деревней. Редким случаем точной синхронности памятников являются Пенджикент и горное селение Мадм (Гардани Хисор). Название этого селения упоминается в одном из документов (документ Б-12) с горы Муг (*Литвин*, 1962. С. 155–156). Мадское поселение "по своей структуре было двухэтажным и состояло из двора правителя и собственно поселения, разделенных улицей. Поселение с двух сторон окружено оврагами, а с юга и запада — оборонительной стеной" (Табл. 13, 3) с внутренним коридором" (*Якубов*, 1975. С. 546). В поселении раскопаны 22 дома, но, учитывая, что часть селения не сохранилась, из-за обвала, автор этих раскопок И. Якубов предполагает, что в поселении проживало 30–35 семей. Древний Мадм был связан с Пенджикентом, так как он входил в дельту Деваштича — правителя Пенджикента. Как и в Пенджикенте, из мадского поселения, но дворец правителя и в собственном селении, проследжены слои пожаров, связанных с событиями 722 г., времени последней войны арабов с Деваштичем. Обширы для города и сельского поселения были следующие признаки: наличие оборонительных стен; сплошная застройка прилегающими друг к другу домами с выходами на улицу; и в городе и в деревне строительным материалом служила необожженная глина; наличие шпатадел, где находились дворовой канализации; дислокальность поселения: ни в городе, ни в дерев-

не нет места для садов и огородов, места для содержания скота (*Сухарова*, 1979). Но в то же время между городом и селом выявляется больше различий, чем сходства. В селении шпатадел приходится значительно меньшая площадь поселения. Сельское поселение в подном смысле слова находится у подножия замка, а в горах шпатадел пропорционально значительно меньше, занимает часть городской территории или стоит отдельно. Этот формальный признак, видимо, отражает существенное социальное различие между городом и селом. Мадм был владельческим селом. Документы с горы Муг содержат ясные свидетельства зависимости сельских жителей от феодалов. Сохранилось письмо мадрушкского государства китутскому (документ Б-7): «И, господин, (у меня) с паргариш... распр. Ибо, господин, они сюда прибыли ("спустидили") и, господин, ни днем ни ночью не прекращали работы и (исполнения) приказа. Но (затем) многие из них убежали, — ты их так приказ задерживать, чтобы они тебя боялись, чтобы, господин, твоего (государства) приказа слушались. Ибо, господин, из них (почти) все убежали и, господин, здесь (сейчас) нет более чем 7 человек» (*Литвин*, 1962. С. 172–173). От Мадрухата до Китута расстояние около 150 км. Из Китута в Мадрухат посылались люди, подчиненные государю Китута, для выполнения каких-то явно принудительных работ на мадрушкского государя. В одном из документов с го-

ры Муг (документ Б-6) содержится данные о наборе людей по 2-3 человека от селения для отправки их на каменные работы (Липшиц, 1962. С. 149).

В документе В-9 (Липшиц, 1962. С. 157-159) содержится определенные указания на посылку одним феодалом другому работником для выполнения повинностных работ. "И так сделай: тех людей быстро сюда пришли, а (также) и работником", — пишет рустский государь Афарун некоему Зкачгу. В.А. Липшиц считает, что в этом документе термин, который названо слово "работника", обозначает, по-видимому, не "работников" вообще, а крестьян, посылаемых на повинностные работы. В других документах мусского собрания, содержащих упоминания о посылке крестьян из определенных селений или районов для выполнения каких-либо работ, крестьяне именуются обычно *н'в* или *virtunkt* — "люди" (Липшиц, 1962. С. 159).

Из мусских документов как будто следует, что крестьяне горных селений платили оброк скотом, зерном, фруктами, изделиями домашних промыслов.

Надо отметить, что владения Афаруна находились неподалеку от Самарканда. Его резиденция была в двух фарсах от Самарканда (Липшиц, 1962. С. 116-119), т.е. в равнинном Центральном Согде, где зафиксированы многочисленные замки эпохи раннего средневековья, так называемые тепе с площадкой (Ростовцев, 1975. С. 98-102). Типологически таким же тепе с площадкой был и замок на горе Муг (Табл. 13, 7-9). В Южном Согде полностью раскопан замок Аулуतेпе V-VI вв. (Табл. 13, 5), у подножия которого, как считал С.К. Кабанов, "выявлены признаки современного ему поселения, возможно, жилищ подвластных владельцу замка людей и хозяйственных помещений" (Кабанов, 1977. С. 53).

Раскопки произвелись также на нескольких тепе с площадкой, но раскопанная площадка недостаточна, чтобы судить о плане в целом. Планировка мадского селения — замок правителя, окруженный селением, в свою очередь обведенным оборонительной стеной, — близки большие замки африкаидского Хорезма, среди которых на очень большой площади раскопан Якче-Парсан (Нерасиз, 1976. С. 176. Рис. 105).

Иначе обстоит дело в городе. Цитадель Пенджикента отделена от городища глубоким оврагом (Табл. 13, 1), отдельно стоящая цитадель Бухара весьма незначительна по отношению к городской территории. Все это свидетельствует, вероятно, о независимости горожан от феодалного владельца.

Другим серьезным различием между согдийским городом и селом, зафиксированным при археологических раскопках, является натуральность хозяйства деревни и развитость товарно-денежных отношений в городе. В Гардани Хисор нет ни одной специально оборудованной мастерской или лавки. На поселении найдено всего лишь монет (Давутов, 1979). Улицы же Пенджикента первой четверти VIII в. были окаймлены десятками лавок и мастерских, в которых велась мелкая розничная торговля.

Экономическая структура согдийского города определялась взаимозависимостью производственного и непроизводственного населения. Горское население могло свободно реализовывать на рынке продукт своего труда, но при занесении от городских земледельцев,

сдававших в аренду лавки и мастерские, а платежеспособный спрос на их изделия в значительной степени обеспечивался наличием в городах богатой знати с ее воинскими отрядами и слугами. Таким образом, равное торгово-ремесленное население вешело занесло от городского знати, часть которой получала свой основной доход от эксплуатации деревни. И в городе и в деревне господствовала знать, но господство это осуществлялось по-разному. Если в городе существовала экономическая зависимость, то в деревне, по-видимому, большую роль играло внеэкономическое принуждение. Сложность социально-экономических отношений в городе нашла свое отражение в структуре городской застройки. Для Пенджикента характерна четкая дифференциация по функциям как отдельных помещений каждого дома, так и целых "районов". Имеются два храма с обширными дворами, где могли собираться все горожане, выделяются ареалы торгово-ремесленной деятельности, намечается выделение участков жилой застройки по социальному признаку. В городе каждое жилище имело дифференцированный план. Жиллица горожан в большей или меньшей степени по планировке, конструкциям и декору напоминают дворец правителя Пенджикента. Следует отметить, что технический уровень строительных работ одинаков в постройках разных социальных слоев. Иную картину мы наблюдаем в Мадзе. Здесь нет храмов, нет общественных зданий. Но замок владельца чрезвычайно похож по дифференцированному плану, строительной технике, декору на богатое жилище Пенджикента, а все остальные жилища Гардани Хисор резко отличаются от резиденции феодала и от городских домов. Одноэтажные дома Гардани Хисор насчитывают от одного до четырех помещений, причем обязательно наличие помещения со специальными отсеками для хранения продуктов. Такие же отсеки, но больших размеров, имелись в хозяйственных помещениях двора. Для крестьянского дома более раннего времени, раскопанного Б.Я. Ставским в Калан-Муг на Магване, также характерно членение на жилую и амбарную половины. Для каждого деревенского дома обязательны очаги, пригодные для выпечки хлеба. В городских жилищах такого рода отсеки для хранения зерна и других продуктов и очаги для выпечки хлеба необязательны. Но в Пенджикенте на базарной улице раскопан мастерские по выпечке хлеба на продажу. В этом городе в одном из жилых домов первой четверти VIII в. исследованно зернохранилище приблизительно на 1000 нудов пшеницы (Рахматуллин, 1982). Его объем явно превышает потребности семьи, что позволяет считать это зернохранилище товарным складом. Для Гардани Хисор характерны однокомнатные дома площадью до 50 кв.м, с разделением единственного помещения на жилую и хозяйственную половины, в последней имеются отсеки для хранения запасов продовольствия (Табл. 13, 3).

Сельский вид горных районов недавнего прошлого по всем существенным чертам похож на дом начала VIII в., что связано с консервативностью уклада жизни (Липшиц, 1973). Пенджикентский городской дом не находит сколько-нибудь точных аналогов и исследованных этнографами жилых домов Средней Азии (Пшарчик, 1974).

Пенджикент и горное село Мадн — это как бы два полюса социальной жизни раннесредневекового Согда. Для полного понимания жизни общества того времени необходимо исследовать промежуточные явления. Вполне возможно, что хозяйство сельского поселения в равнинном Согде могло быть менее натуральным, чем в горах.

В сельской местности исследовано несколько замков. Некоторые из этих замков представляют собой цитадели селений. Большинство замков в конце обоснованно считают жилищами земледельческой аристократии (Маев В., 1979). Неясно, что представлял собой городок, крепость или замок с селением — такой типичный памятник, как Тали-Бару. Площадь, занятая под селение, является слабым критерием для выяснения его характера. Пенджикент без цитадели занимает площадь всего 13,5 га, в нем жило немногим более 4000 человек, но это был город, поскольку основным отличием города была сложная дифференциация хозяйственной и общественной жизни, которая отразилась в характере застройки. Городище Варухша занимает площадь 6,5 га, но тем не менее стойкая местная традиция, зафиксированная Нершахи, относит Варухшу к селениям, а не к городкам (Большаков, 1973. С. 182). Варухшу, скорее всего, следует отнести к категории крупных укрепленных селений у подножия дворца владельца загородной резиденции бухархуэдагов.

Тали-Бару по планировке напоминает владельческое поселение, центр которого занят мощной цитаделью, а жилые кварталы тянутся вдоль стен. Возле крепости Кафьркала близ Самарканда располагалось небольшое селение, а за его пределами — квартал гонимцев. Как проходила граница между городом и деревней для самих согдийцев? В согдийском языке город и селение обозначаются одним словом. В IX—X вв. городом считалось поселение, имевшее соборную мечеть. Нершахи сообщает, что жители Варухши в IX в. отказались от предложения Исмаила Самани на льготных условиях построить соборную мечеть. Эмир Исмаил Самани позволял людям этого селения и сказал: "Я дам двадцать тысяч дирхемов и лес в приму на себя работы по постройке (а некоторая часть здания еще стоит), переотрестить этот дворец в соборную мечеть". Люди селения не пожалели этого и сказали: "Нашему селению это не подобает, так как оно не мир", т.е. "не город" (Шихин, 1963. С. 82). Варухша, как отмечает Мукаддаси, относилась к тем селениям, которые "больше городом" (Большаков, 1973. С. 164) и в которых, "чтобы быть городами, недостает только соборной мечети" (Большаков, 1973. С. 164—165). Интересно, что жители Пайкенда заняли прямо противоположную позицию. Мукаддаси пишет: "...и сколько пришлось помучиться жителям Пайкенда, прежде чем они установили мимбар", т.е. построили соборную мечеть и обеспечили себе статус города. Такое различие во взглядах населения Варухши и Пайкенда может быть объяснено тем, что в доисламское время Пайкенда был самостоятельной городской общиной, его называли "городом купцов", а Варухшу — загородной резиденцией могущественных бухархуэдагов. Арабские источники называют городом и Пенджикент, в котором, как показывают документы с горы Муг, в доисламское время также существовала городская община, имевшая свои доходы и своих чиновников.

Начиная с IV в. в сельской местности относительно синхронно появляются большое количество усадеб замкового типа. Они дошли до нас в двух вариантах памятников: небольшие отдельно стоящие тепе и тепе с довольно обширной прилегающей площадкой.

Разномасштабность замков, вероятно, объясняется разным рангом их владельцев. Планировка ранних замков совсем неизвестна. Очевидно только, что хозяйственная пониженная часть представляла собой обширный двор с насаждениями в центре, обстроенный по периметру помещениями разного назначения (Нагора, Элимхасак под Самаркандом).

На территории Самарканского Согда небольшой замок V—VI вв. н.э. раскопан близ крепости Кафьркала, к югу от Самарканда. Здание сооружено на паховой платформе площадью 43 × 43 м при высоте 3,5 м. Ее углы скруглены и укреплены мощными контрфорсами из пахсы (Табл. 13, 4; 16, 1).

В планировке дома четко выделена монументальная центральная часть из десяти помещений, шесть из которых были в два этажа, а над перекрытием остальные четырех в центре каждого фасада размещались глубокие айваны. Ядро дома составляет массив, построенный по принципу строгой симметрии, нарушенной только входным проемом и кирпичным монолитом, служившим опорой для лестницы. При этом нет оснований предполагать, как это кажется некоторым исследователям, постепенного увеличения площади замка за счет расширения по трем фасадам платформ для возведения на ней дополнительных помещений (Шихин, 1961. С. 192—193).

Центральная часть дома повторяет планировку, видимо, широко распространенных в V в. малых крепостей типа открытой в Филдмандаре в виде небольшой квадратной в плане постройки с квадратными же угловыми башнями (Табл. 13, 2), занимающими более двух третей всего фасада (Исаков, 1979. С. 50—51. Рис. 12). Выступы башен образуют по центру каждого фасада глубокую нишу — террасу. Центральное квадратное пространство здания разделено на два помещения перегородкой, такой же монументальной, как и внешние стены. Двухэтажный куб здания был обведен коридором по трем сторонам которого шел ряд помещений с выходом в коридор, за исключением двух случаев, когда дверной проем выходил на террасу. Изолированность этих двух помещений объясняется их особой функцией, связанной с сильным загрязнением. Стены и полы их во всей площади сильно прокалены из-за многократного разжигания здесь огня.

Террасы, ограниченные с боков паховыми монолитами угловых башен, располагались по всем четырем фасадам сооружения и использовались для хозяйственных нужд. В пол одной из них входил хум, а на полу другой найдено скопление приливов.

Подъем на платформу, по всей вероятности, осуществлялся по деревянной лестнице и, судя по раскрепке стены, выделяющей вход в дом, располагалась на северо-востоке.

¹ С другими интерпретациями сооружения — как крепости, погребального или культового здания — один из авторов (П. Шихин) не согласен.

Часть террас входного фасада отгорожена поперечной стеной, что объясняется назначением отсеченного помещения, где фиксируются признаки долгого горения огня. Связная с обводным коридором стена этой комнаты прорезана двумя рядами шелевидных проемов, расположенных в шахматном порядке (Табл. 13, 6).

Необычными для жилого дома представляются узкие (12 см) шелевидные проемы, прорезывающие стены по подножию, со скосом нижней плоскости, как у бойниц, наружу. Такие же щели со скосом ложа внутрь устроены в каждой угловой комнате сверху противоположных от входа стен. Если рассматривать строительство здания узкими как двухэтажное, то все же непонятным остается назначение ряда щелей с горизонтальным ложем во внутренней стене, расположенных над полом выше, чем другие (причем не пробитые позднее, а выложенные при возведении стены).

Все эти узкие проемы находят объяснение при рассмотрении здания как единого целого вместе с периметральной рядом помещений, два из которых явно выполняли роль топок с жаропроводящими шелевидными проемами в два ряда, с наклоном из коридора в сторону топки. К этому нужно добавить прокаленность полов в коридоре только возле щелей и находки здесь же обломков жаровен. Это позволяет думать, что шелевидные проемы выполняли функции жаропроводов, горячий воздух в которые поступал для непосредственно из топок, или из поставленных перед ними на пол жаровен. Причем самой теплой должна была быть угловая комната, расположенная возле двух топок. Система кажется необычной только потому, что нигде в других сооруженных как будто бы не отмечалась. Однако узкие, 15–20 см, щели через 70–130 см прорезали паховые стены так называемого дворцового здания эпохи бронзы Дашлы 3 (*Сарганди*, 1977. С. 41. Рис. 15).

Здание подвергалось нескольким перестройкам, одна из которых резко изменила структуру дома. В VI в. часть помещений по периметру закладывается пахой и все делится на три самостоятельных жилых блока, изолированные один от другого вновь поставленными дверными коробками. Большая часть продухов была заложена и оштукатурена на заплочию со стенами. Возможно, что весь второй этаж принадлежал одному из блоков. Надо думать, что разделение дома фиксировалось изменениями в составе семьи и ее деление на меньше семейные ячейки.

В южном Согде, в долине Кашкадары, раскапывался ряд сельских усадеб (*Кабанов*, 1981) и поселений. Одним из селений был Джангаль, занимавший площадь около 0,8 га (около 200 × 180 м). Симметричную толщу наслоений здесь составили три последовательных слоя. Стены построены из пахсы и сырцового кирпича, со временем менялись размеры от 54 × 32 × 7 см до 40 × 30 × 7 и 46 × 33 × 7 см.

Несколько позже Джангали, но симметрично с последними периодами его обожания, строится здание Аулетте. Оно возведено на паховой платформе. В планировке дома четко выделяются две (Табл. 16, 9) функционально различные части: центральная, жилая и отдаленная от нее коридором периферийная, хозяйственная (*Кабанов*, 1981. Рис. 23).

Хронологическая близость самаркандской и кашкадарынской усадеб, схожесть социального статуса вла-

дельцев и судеб их семей отразились в целом ряде сходных черт самих зданий.

Прежде всего близки их размеры. В планировке зданий выдерживалась строгая симметрия, нарушаемая лишь функционально неизбежными элементами: главным входом в жилую часть дома или устройством подвала на второй этаж. В обоих случаях центральный квадрат окружен хозяйственными постройками с трех сторон, а углы здания укреплены монолитными кладками, имевшими вид башен. Нельзя исключить вероятность обиходности прототипического в Согде процесса дробления семьи, поскольку археологически одна и та же картина отмечается на жилом доме самаркандской усадьбы и на здании Аулетте в долине Кашкадары. Как и в самаркандской усадьбе, на одном из этапов жизни Аулетте производится серьезные перестройки, приводящие к разделу дома на три части (Табл. 13, 5).

При этом планировка самаркандского здания более тщательно разработана, а его центральная часть наиболее близка симметрично распланированной отдельно стоящей небольшой крепости, вплоть до одинакового расположения шелевидных прорезов в стенах, выполнявших в одном случае функции действующих и ложных бойниц, в другом – роль продухов.

Каждется неожиданной разница в облике материальной культуры Джангаль и Аулетте, одновременно существование которых подтверждается односторонними монетными находками на обоих памятниках. Одновременно, в последней четверти V в., они заканчивают свое существование. Различие в керамике объясняется, надо полагать, разным составом обитателей. Жители Джангаль не отличались обликом материальной культуры от обитателей обычных сельских усадеб. Владелец же Аулетте стремился приблизиться к высокому рангу согдийских землевладельцев, не только окружив себя "городскими" предметами обихода, но и всячески показывая связь с правящей верхушкой, вплоть до метки посуды тамгами правителей Согда.

В Бухарском оазисе, в 40 км к северо-западу от Бухары, в низовьях древнего канала Хингфар, раскапывалась сельская усадьба Кызлыкяр I. Первоначально Кызлыкяр I представлял собой квадратный в плане дом (23 × 23,5 м) с предвратным прямоугольником дворика (?), выступающим на пределы фасада в юго-восточном углу (Табл. 15, 25). Вальс фасада дома ко входу во дворик (?) вел отлогий пандус, отраженный паралетом. План дома четкий и простой: центральный квадратный зал, окруженный равнобедренными узкими комнатами. Здание возведено на угловой платформе из сырцового кирпича разного формата: 55 × 45 × (10–12), 56 × 48 × (10–12) см в нижнем ряду кладки и 44 × 44 × 10 см в двух верхних рядах. Сохранились отпечатки камня в кусках обгоревшей обмазки, что дало основание исследователям предположить существование плоского балочного перекрытия с земляной кровлей по камышовому настилу. Со временем дом был реконструирован и оказался в углу новой постройки – обширного двора с комнатами по его периметру значительно меньшими, чем помещения основного дома (Культура... 1983. Рис. 7). Часть комнат были изолированы и сообщались непосредственно с двором, другие соединялись проходами с соседними по две и в одном

случае по три. Самый крупный блок составляли четыре помещения с изолированным угловым двором. По составу находок все помещения на восточной стороне двора определены как хозяйственные. Комнаты с суфами предполагались жилыми.

Новые изменения в усадьбе привели к выделению небольшого ее участка. Одновременно застраивался все пространство двора. В результате организовались два хозяйства – большое и малое, совершенно изолированные друг от друга, с самостоятельными входами на противоположных фасадах застройки (Табл. 15, 24). Малое хозяйство составили восемь помещений, не считая трех проходных двориков. Большое хозяйство включало наиболее монументальный дом первоначальной постройки и шесть изолированных друг от друга блоков, состоявших из двух, трех, пяти и семи комнат. У входа снаружи пристроен квадратный дворик. Остались незастроенными часть прежнего дворного пространства и колчачатый проход к квадратному раннему дому.

Жизнь большого комплекса построек Кызылкар I прерывается сильным пожаром. После пожара возрождается только главный, квадратный дом. В этот последний период его освоения производится некоторая перепланировка. Дополнительная стена превращает центральный квадратный зал в продолговатое помещение с длинным узким проходом в него. Вдоль двух стен устраиваются суфы. Два коридорообразных помещения отсекаются закладкой проходов и перестают функционировать. Одно из оставшихся (восточное) теперь сообщается через вновь прорубленный проем с двором, а другое перегородывается, и в отгороженном пространстве устраивается заком.

По всей вероятности, в последовательных постройках и переделках Кызылкара отразились длительный период жизни земледельческой семьи: ее разрастание, возможно, перемены в ее благосостоянии, выделение молодых семей. Брошенный после пожара дом через некоторое время мог быть освоен людьми более низкого социального ранга.

Судя по отдельным находкам, здание Кызылкар I было построено на месте, обжитом в первые века н.э. Это ножки красноаглобированных кубков (переходный тип Афрасиаб III-IV), две серебряные монеты – подражание тетрадрахмам Египта и синхронные им терра-

котовые статуэтки. Время функционирования наметника характеризуют находки иного рода, среди которых типичны очажные подставки, оформленные бараньими головами.

Судьбы владельцев исследованных согдийских сельских усадеб меняются к концу VI в., когда какая-то часть сельских замков и пригородных домов остается пустовать и позднее нередко используются в качестве павсуов для оссуарных захоронений (Пейджикент, Кафрыкала) или приспособляются под жилье людей иного, более низкого социального состояния (Молла-Ишуга).

Сколько-нибудь крупные земледельческие замки, возводившиеся позднее VII в., в самаркандской части долины Зеравшана пока неизвестны.

В Бухарском оазисе исследовался замок Бад-Асия близ Паиксида, возведенный в VII-VIII вв. Его кешк (224 × 22,5 м), ориентированный углами по странам света, возведен на паховой платформе высотой более 5 м. Вход-подзем, отмеченный мощными выступами платформы, обращен в сторону лежащего у подножия кенка хозяйственного двора, от построек которого сохранились только основания стен. В нижнем этаже кенка размещалось шесть помещений.

Из проходной комнаты – вестибюля можно было попасть в центральное помещение с тамбурной стенкой у входа в него, создававшей колчачатый проход, с суфами вдоль трех стен и с квадратным подиумом на полу для установки жаровни. С двух сторон эту комнату охватывал коридор, выходящий в изолированное боковое помещение, стены которого (возможно, только панели над суфами) были окрашены красной охрой. Стены коридора были покрыты росписью в красно-синей гамме с широким черным контуром рисунка и с применением серых и светло-зеленых тонов. Насколько позволяют судить дошедшие до нас фрагменты, роспись могла быть сюжетной. Одно из помещений, узкое и длинное, могло служить кладовой. Кухня располагалась в маленькой комнате с суфами и очагом. В массивной кладке в углу кешка, между кухни и вестибюлем, был лестничный подъем на второй этаж (или крышу) здания, от которого сохранились три ступени (Шанински, 1963, С. 87–102).

У подножия замка находилась квадратная постройка с обширным двором в центре и узкими помещениями, вытнутыми по периметру.

Строительное дело

Несомненным профессиональным мастерством в городах отличалось строительное дело, приемы которого изучены В.Л. Ворониной (Воронина, 1953, 1957, 1957а, 1958, 1964, 1969).

Стены возводились из сырцового прямоугольного кирпича, обычно с соотношением сторон 1:2. Длина кирпича колеблется около 50 см, приблизительно соответствует одному локтю. Широко были распространены также глинобитные паховые кладки, причем весьма эффективными строительным приемом, предохранявшим стены от растрескивания, была кладка пахсы блоками. Широко применялась комбинированная кладка из пахсы и сырцового кирпича. В многоэтажных домах помещения первого этажа, за исключением парадных за-

лов, обычно перекрывались сводами, выложенными без кружал, методом наклонных отрезков. Сводчатые конструкции были довольно разнообразны. Надо отметить арки шириной до 4,5 м, возведенные с помощью кружал, винтовые своды лангаусов, которые вели в верхние этажи, полукупола айванов и сравнительно редкие купола. В лангаусах и купольных конструкциях применялись перспективные тропы. Широко были распространены деревянные конструкции перекрытий, которые опирались непосредственно на стены, на колонны и на подкосы. В парадных помещениях колонны и перекрытия были украшены орнаментальной и сюжетной резьбой, представление о которой мы имеем благодаря обугленным фрагментам балок, панно и статуи.

О высоком профессионализме согдийских строителей свидетельствуют остатки разметки тушью на стенах, сделанные по уровню и отвесу (*Абдуллаев Д., Туревич, 1979, С. 53–56, Рис. 15*). Как уже отмечалось, в городских домах и замках стены парадных помещений обычно были расписаны. Расписывались и айваны домов, выходя-

щих на улицу. Верхние части фасадов домов украшали фризами из фигурного кирпича.

Высокое благосостояние городского населения, отраженное в частности, в согдийской архитектуре, было обусловлено не только сосредоточением в городе феодальной ренты, но и доходами от внешней торговли.

Лавки и мастерские

Показательно, что, как правило, рядовые горожане не имели при домах ни лавок, ни мастерских. Большая часть мастерских и лавок первой четверти VIII в. примыкали к богатым жилищам, но не были связаны с ними проходами. В отдельных случаях удалось проследить, что эти мастерские и лавки были предусмотрены при планировке богатых домов.

Особенно характерен в этом отношении базарчик на улице, ведущей от южных ворот города к площади перед храмами (*Раскопки, 1971, С. 67–82*). Он примыкал к глухой фасаду самого большого из раскопанных в Пенджикенте жилищ. Северная и южная стены базара являются продолжением стен этого дома. Базар в дом выстроился по общему плану на земле, по-видимому принадлежавшей одному владельцу. Помещения лавок и мастерских базарчика, скорее всего, сдавались в аренду ремесленникам и торговцам. Владельцы этих лавок и мастерских были людьми состоятельными, о чем можно судить по их обширным жилищам со стенами, покрытыми росписями. Доходы от аренды платы были немалые, как об этом можно судить по «Истории Бухары» Нершахи, О.Г. Большаков и А.М. Белевичский показали, что у Нершахи речь идет о доходах, получаемых от сдачи в аренду земельных участков под постройки, мастерских или торговых помещений под жилье (*Белевичский, 1965, С. 189–191*).

О том, что в Пенджикенте существовала практика сдачи в аренду производственных построек, мы знаем из согдийских документов (*Литвин, 1962, С. 57–61*).

Большинство торговых и производственных помещений площадью в среднем 9 кв. м имели широкие дверные проемы, выходившие на улицу. Перед входами в мастерские просеяны и ямки от столбов навесов (айванов). Можно предположить, что торговля велась при открытых дверях, часто под навесами. Торгово-ремесленные постройки, как правило, были одноэтажными. Для многих мастерских в отличие от жилых помещений характерно обилие монетных находок.

Таким образом, в Пенджикенте ремесленник и торговец сочетались в одном лице. Это характерно для мелкого товарного производства. Здесь уместно еще раз отметить, что зависимость ремесленников от городских землевладельцев была прежде всего экономической, поскольку торгово-ремесленные заведения располагались на арендованной земле.

Структура застройки пенджикентского городища отражает развитую общественную жизнь. Контраст между

плотностью застройки, с ее высокой этажностью, отсутствием дворов в огромном большинстве домов, теснотой лавок и мастерских, узостью улиц, часть которых перекрывали сводами, чтобы провести над ними вторые и третьи этажи, и простором парадных залов сразу обращает на себя внимание. Зажаточные пенджикентцы, выделявшие часть своего участка под лавки и мастерские для получения дохода, гораздо большую часть, несомненно, дорогой городской земли отводили под парадные помещения с богатым убранством, живописью и скульптурой. Очевидно, от общественного положения зависела и пышность происходивших в залах приемов и обрядов.

Согдийские ремесленные мастерские представляют интерес не только с точки зрения социальной истории, но и для изучения истории техники. Лучше всего опознаются те ремесла, которые связаны с использованием огня. Это прежде всего железоплавильни, кузнечные, ювелирные, стеклоделательные, гончарные мастерские. В Пенджикенте исследован ряд мастерских, связанных с производством и обработкой железа. В одной из железоплавильных расчищены домины (остатки пода и вилы подквартного углубления), яма для мастера с мехами и небольшой горни, стоявший на краю ямы. В горне, вероятно, производился нагрев губчатого железа перед проковкой для освобождения его от шлаков. Кузнечные были оборудованы горнами, состоявшими из хумов, поставленных на венток и охваченных футляром из сырового кирпича с поддувалом. В некоторых кузнечных при горнах обнаружены глиняные двухканальные сопла, обеспечивавшие непрерывную подачу воздуха от двойных мехов. В подах зафиксированы ямы от колод наковален и иконные и пол сосуда для воды, необходимой при закаливании железа. Часто наряду с основными были и дополнительные горни.

Выделяются мастерские, связанные с литьем бронзы. В небольших ямках на полу (часто они оплавлены до стекловидного состояния) раздували сильный жар, в который и опускали тигель со сплавом. Здесь же могли размечать металл, изготовляя мелкие поковки. Найдены матрицы для тиснения тонких листов металла. Литейные формы не найдены, но, судя по бракованным изделиям, они были двухэтажными. Судя по тому, что все тигли со следами золоты найдены в жалах доменных, золотокузнецы работали, скорее всего, на дому у заказчика.

Ювелирное дело

Ювелирные мастерские обнаружены в нескольких пунктах Пенджикента. Они занимают сравнительно небольшие помещения. Очаги, использованные для плавки металлов, располагались на платформе, приподнятой над уровнем пола. Очаги открытые и имеют от двух до четырех устьев. Очаги в мастерской распо-

ложены у дщери. Это обусловлено необходимостью удаления из мастерской дыма и газов, скопившихся в помещении при плавке металла. В мастерской находились ящики, небольшие стаканчики с округлым дном и слитком. Здесь же находились каменные литейные формочки.

Керамическое производство

Керамическое производство, требующее значительных площадей (под хранение сырья, для производственных процессов — сушки продукции, больших горнов, под отвалы бракованных изделий), обычно обособлялось, как правило в наименее respectable части города. Такое расположение гончарных мастерских диктовалось характером их работы, связанной с огнем.

Гончарная мастерская IV — первой половины V в. н.э. в Самарканде располагалась в юго-восточном углу города, в пределах его двухрядных крепостных сооружений, близ Восточных ворот. Мастерская была вскрыта в 1945 г. А.И. Тереножкиным. Она представляла собой большую комнату длиной 10 м. Около северной стены мастерской располагалась большая печь, рядом с ней был ярык в пол хум и лежала зернотерка. В середине комнаты была сложена груда желтой и зеленой глины. Последняя использовалась для придания керамической массе пластичности. Присутствовавший здесь же большой камень служил подпятником гончарного круга. Пол мастерской был усыпан кусками срезанной глины, фрагментами необожженной посуды (Тереножкин, 1947, С. 137–140). Для формовки сосудов использовалась ножной гончарный круг со специальной подставкой. Это могли быть диски из обожженной глины или из дерева. Сформированный сосуд сжимался с круга вместе с подставкой и ставился для просушки. Характерным признаком формовки сосудов на таком круге являются следы вертикальных срезов в их нижней части. А.И. Тереножкин отметил, что круг такой конструкции существовал в Хорезме очень длительное время и известен у современных гончаров Средней Азии (Тереножкин, 1940а).

К VI в. в Средней Азии сложились тип обжигательных печей с некоторыми локальными особенностями. Это в основном двухъярусные печи с обжигательными камерами округлой формы.

В Самарканде для обжига посуды в это время использовалось не менее пяти больших двухкамерных печей подпрямоугольного продолговатого плана с сильно углубленной топочной камерой, продольно разделенной перегородкой. Два узких сводчатых топочных отсека соединялись с обжигательной камерой широкими круглыми жаропроводящими отверстиями.

В Еркуране кварталы керамистов вытянулись вдоль восточной стены внутреннего города цепочкой из четырех холмов протяженностью более 600 м. Открыты изолированные друг от друга помещения, одно из них охва-

чено Г-образным коридором. Стены их сложены либо из пахсы, либо, в административной еще традиции, из квадратного кирпича (40–39) × (40–39) × 8 см. Здесь отмечены признаки близлежащего гончарного производства в виде керамических отвалов, включающих комья оплавленного десса. Сами же помещения, видимо, принадлежали к жиллому комплексу. Южнее располагались производственные помещения с обжигательными круглыми печами и привазами сырья, в числе которых был пух камышовых месток.

Вскрыт участок жаяя гончара с несколькими комнатами и двориком с двойным очагом. За пределами дома на склоне холма располагалась необычной конструкции двухкамерная одноярусная печь для обжига посуды (Табл. 14, 4). Квадратная камера (70 × 70 см) выполняла роль топки с устьем в углу. К одной из створок топки примыкала овальная камера площадью 120 × 130 см и овальное же возвышение в центре нее. Пол этой камеры отлого повышался от топки на 30 см, стенки ее и поверхность возвышения (включая его верхопоясность) ошлакованы. Обе камеры соединялись жаропроводом шириной 35 см и высотой 12 см. За внешней, противоположной жаропроводу, стеной печи на 0,8 м выше пола расчищена площадка со следами обгорелостей и ошлакованности — предпологаемый дымоход. Посуда расставлялась на возвышении. В процессе обжига в качестве подкладок применялись глиняные плитки толщиной около 4 см.

Квартал, начавший функционировать в первые века н.э., продолжал существовать в IV–V вв. (Клибанов, 1950, С. 110–117, Рис. 12, 15; 1977, С. 24–25; Исмаилов, Сулейманов, 1984, С. 13–14, Рис. 6).

В Кафиркале квартал гончаров конца VII — начала VIII в. находился к востоку от крепости. Двухкамерная гончарная печь состояла из топки и обжигательной камеры, разделенных подом. Топка вырыта в земле и имеет вид округлой ямы диаметром 2,6 м, высотой 2,1 м. В ее центре находится глинобитный столб, который поддерживал под. Стены топки и столб сильно ошлакованы. Топочное устье находится в верхней части топки. Обжигательная камера округлой формы сложена из сырцового кирпича. Под печи из нескольких слоев глины прорезан круглыми жаропроходами, расположенными по кругу в два ряда. В некоторых жаропроходах сохранились пробки из обожженной глины, служившие для регулирования температуры обжига.

Стеклоделие

Из письменных источников известно, что в Средней Азии уже в V в. развивалось стеклоделие (Бичурин, 1950; Веселовский, 1893). Первая из наиболее ранних мастерских VIII в. открыта в Пенджикенте. Она находилась в пригородном доме. В одном из помещений на полу обнаружены две валяночки. Стенки одной из валяночек покрыты стекловидной мутовчатой массой зеленовато-желтого цвета, а дно — толстым слоем темно-зеленого стекла. В другой валяночке серо-белый порошок был перемешан с каплями стекла, с кусочками тонкостенных деформированных сосудов. Стена,

около которой стояла валяночка, сильно прокалиена. Рядом открыта небольшая ямка, заполненная белым порошком, перемешанным с обломками стенок сосудов и со стеклянными витками. В мастерской найдены маленькая стеклянная фляжка (Большаков, Негматов, 1955).

Некоторые фляжки украшены «змеиками», дисконидными напелами и медальонами в виде человеческого лица. В третьей четверти VIII в. появляются стеклянные кружки, напоминающие керамические (Бенювич, 1973а; Расниана, 1985).

Стеклозные изделия из Пенджикента представлены небольшими парфюмерными флаконами из непрозрачного стекла черного или серо-зеленого цвета. Есть также фрагменты нескольких графинов и чаш. Основная масса сосудов изготовлена способом свободного выдува-

ния, а незначительное количество изделий было выдуюто в форму (*Беленицкий, Бейтович, Большаков, 1973, С. 63, Рис. 37; С. 68, Рис. 38*). Большинство стеклянных сосудов V – первой половины VIII в., скорее всего, были привозными.

Ткачество

От таких важных видов ремесел, как ткацкое, кожевенное, деревообрабатывающее, обычно не сохраняется никаких следов. Но благодаря находке в замке на горе Муг большого числа фрагментов текстильных изделий стало возможным составить представление о тканях, использовавшихся в быту согдийцами. В коллекции, насчитывавшей 150 фрагментов, хлопчатобумажных тканей было 80 экз., шерстяные ткани единичны. Хлопчатобумажные ткани изготовлялись для хозяйственных нужд в домашних условиях, о чем свидетельствует их низкое качество. Шелковые ткани отличаются высоким качеством тканя, большим разнообразием окраски и ornamentации: ромбы, кружки, розетки, цветы (*Винокурова, 1957*).

На Востоке были широко распространены богато украшенные шелковые ткани заданной, названные так по наименованию крупного средневекового текстильного центра близ Бухары. Их отличает особая композиция узора и сложная техника изготовления – двухосновная уточная саржа. Узор состоит из расположенных горизонтальными рядами медальонов, заключающих сложный рисунок. Заполнен растительными мотивами (*Беленицкий, Бейтович, 1961; Иерусалимская, 1967*). Достаточно полное представление об ornamentации тканей дают изображения одежды в живописи Пенджикента, Афрасиаба и других средневековых городов.

В одном из документов архива из Муга есть другое название этой ткани – “принг”. Этот термин обозначает шелковые ткани типа камки. В письменных источниках сохранились названия и других тканей: хлопчатобумажных – “карбае”, парчовых – “диба” или “дибдж”.

Изготовление шелковых узорных тканей требовало высокого профессионализма ткачей. Несомненно, они изготовлялись в специализированных мастерских; хлопчатобумажные ткани в домашних условиях.

Кожевенное дело

Изделия из кожи занимают значительное место в быту согдийцев. Они стали известны благодаря находкам в замке на горе Муг. Отсюда происходят образцы тонкокожаных кож различного цвета. Вишневого и черной кожей обиты крышки корзин и шкатулок. Тонкой желтой кожей обтнут знаменитый деревянный шит с изображением тельновооруженного всадника. В замке обнаружен сапог с невысоким голенищем, сшитый из черной кожи. Большая часть мусских документов написана на очень тонкой коже, типа пергамента. Сами же документы являются важным источником, дающим сведения о кожевенном деле. В них приводится перечень кожаных изделий, выделанных из кожи и шкур. В документах называются сапоги “кафши”, нагрудники из бычьей кожи (видимо, это на-

Для пряжения пользовались веретеном с пряслищем (Табл. 16, 3, 4). Ткачами использовались вертикальные ткацкие станки. Обязательной принадлежностью таких станков являются грузики из обожженной глины или ганча (Табл. 16, 12, 13), служившие для натяжения нитей основы. Из Пенджикента происходит большое количество грузиков различной формы, разных размеров и веса. Видимо, принадлежностью ткацкого производства являются костяные гребни для прививания утка, сделанные из ребер крупного рогатого скота.

Пряжение было широко распространенным домашним промыслом, о чем свидетельствуют находки керамических пряслиц почти в каждом доме.

Ткацкие мастерские находились в составе одного комплекса вместе с другими мастерскими. Одна такая мастерская открыта на объекте XIII. Она включала два помещения. Одно из них небольшое, с выкладкой (суфой) у восточной и южной стен. Пол вымощен обожженными керамическими плитками. В суфу около южной стены вкопаны два сосуда. Другое помещение прямоугольное, шириной 3,8 м, длиной 15 м. Его западная часть также вымощена обожженными плитками. Исследователи ламинга считали, что в первом помещении отпаривались коконы, во втором находились ткацкие станки и здесь же была шелкоматальная мастерская (*Беленицкий, Бейтович, Большаков, 1973, С. 99*).

К VIII в. среднеазиатские ткачи достигли высокого мастерства. Их изделия отличались совершенством и успешно конкурировали на мировом рынке даже с китайскими тканями (*Иерусалимская, 1972, 1972а*).

В обиходе были изделия из войлока, в частности сапожки из стеганого войлока.

грудная часть панциря). Они делались из светлой кожи и украшались пыльным узором.

Довольно полное представление об изделиях из кожи дает настенная живопись. Это мужские и женские мягкие сапоги различного цвета, туфли типа сандалий, предметы доспехов (шпты, нагрудные части панциря доспехов, туллы шлемов). Из кожи делали наконечники мечей, кинжалов, колчаны, португунские ремни, конскую упряжку.

Начальная стадия обработки кожи производилась в сельской местности. В мусских документах называется селение Майрушкан, где выделывалась кожа. В селах существовали специальные бассейны для вымачивания кож. Всевоможные же изделия из кожи изготовлялись в городских мастерских.

Химическая лаборатория

Высокого уровня достигли естественные науки, в частности химия. В Пайкенде на месте разобранной стены V-VI вв., делившей шахристан на две части, были раскопаны небольшие здание второй половины VIII в., которое исследователи считают химической лабораторией. Здание состояло из двух помещений. Имелся входной проем и проход между помещениями шириной 2,3 м. Западную часть первого помещения, площадью 9,9 × 5 м, занимала широкая суфа (2,15 м) с продольной ступенькой. Восточная часть помещения приподнята на 30–40 см и разделена узкой переборкой на два отсека. Стены прилегающего ко входу отсека площадью 2,2 × 3,5 м на разной высоте прорезаны многочисленными нишами разных размеров. Одна из ниш, отделанная тонкой стенкой, служила хранилищем золы белого цвета. В заполнении ниш найдены юрсики-трубочка от стеклянного сосуда – алябика и венчик керамических узкогорлых кувшинов. В суфе около восточной стены находились два прямоугольных ашча-хранилища. В угловом ашче найден стеклянный сосуд с обточенным носиком. В углу у входа в суфу встроены прямоугольный двухкамерный горн (23 × 26 и 17 × 17 см), утопленный в суфу на 40 см. Стенки камер прокладены. В заполнении камер найдено более 20 медных монет.

Вдоль трех стен второго отсека сооружены суфы. В стенах – две большие ниши, в полу – три круглых горна (диаметром 50–60 см). На полу и в горнах – зола и древесные угольки. Стенки горнов сильно бракованы.

Торговля

Важная роль согдийцев в международной торговле с первых веков н.э. до времени арабского завоевания освещена письменными источниками. Данные этих источников нашли отражение во всех сводных трудах по истории Средней Азии, и прежде всего в классических работах В.В. Бартольда, где история согдийской торговли и согдийские колонизаторы посвящены ярким страницам, обобщающие результаты исследований Э. Шахана, П. Пелью и других ученых (*Бартольд*, 1963а, с. 182 в сл.; 1963б, с. 114; *Chavannes*, 1903; *Pelliot*, 1916; *Pulleyblank*, 1952).

В.В. Бартольд отмечал два направления торговли согдийцев: восточное – со странами Дальнего Востока и западное – с Византией. Археологическими работами накоплен значительный материал по внешней торговле Согды, который не только может служить иллюстрацией в письменном источнике, но и дополняет и изменяет ранее сложившиеся в науке представления. До сих пор мы знали согдийцев как посредников в торговле шелком между Китаем и Византией. Теперь установлено, что среднеазиатские купцы торговали с народами Приуралья также серебряными сосудами, как привезенными из Ирана и Византии, так и собственного производства. Известен серебряный кувшин среднеазиатской работы, сделанный в подражание византийским, и даже с поддельными византийскими клеймами (*Горобский*, 1926). В Приуралье, вероятно, они покупали меха (*Лещенко*, 1971).

Узкий спуск из второго отсека вел в подземную кладовую, включавшую входной коридор длиной 4 м и два узких помещения длиной 2,3 м.

Дом включал еще два помещения. Это были большие комнаты с широкими суфами вдоль стен с нишами в стенах. В помещениях неоднократно производились ремонтные работы. Об этом свидетельствуют многочисленные обломки полов (иногда до 10).

На полах помещений дома найдено около 70 монет плохой сохранности. Все монеты датируются второй половиной VIII в. и являются аббасидскими фельсами. Один омейядский фельс 737 г. найден в кувшине, вкопанном в суфу.

Назначение этого отдельно стоящего дома характеризуется структурой его помещений. Одно помещение было явно производственным, а два других – складскими. Производство определяется комплексом стеклянных изделий, включающим 14 целых и множество фрагментов алябиков (специальных химических сосудов). Алябики – цилиндрические баночки с округлым дном и узким трубчатый зоботком. Эти сосуды, в числе других, широко использовались древними хемками при возгонке веществ (*Бируни*, 1963, с. 210–220). Судя покупкам письменным свидетельствам, алябики применялись в медицине в качестве кровососных банок.

Авторы раскопок полагают, что открыто ими здание в центре города Пайкенд связано с химическим производством и могло быть мастерской по золочению бронзы или же аптекой (*Мухамеджанов*, *Семенов*, 1988, с. 52–54, 179; *Шишкина*, 1986, с. 15).

В Согде широко использовались ткани из Египта и Византии, которые, так же как и предметы византийской торевтики, могли привозить как непосредственно из Византии, так и через посредников. Находки в Согде скромных бронзовых пряжек византийского типа (*Распопова*, 1968) и найденная в Чилеке медная византийская монета свидетельствуют скорее о существовании в VII – начале VIII в. непосредственных связей Византии со Средней Азией. Археологические материалы показывают, что согдийцы были не только посредниками, но и продавцами шелка, вытканного в мастерских Согды, причем удельный вес согдийских тканей в мировой торговле был довольно высок (*Иерусалимская*, 1967, 1967а, 1972). Торговля с Византией шла через Северный Кавказ, по пути, которым следовало посылать Земерка и который описан у Менаандра. В VII в. среднеазиатские купцы осваивают также северный путь, в Прикаспье.

Расцвет согдийской торговли и возникновение ее северных путей связаны со сложением в степях тюркских каганатов. Тюркские каганы покровительствовали согдийской торговле и колонизации, так как колонизаторская деятельность согдийцев и их международная торговля, осуществлявшаяся через степь, были политически выгодны и приносили тюркам доходы (*Клишторный*, 1964). Согдийская колонизация шла по путям караванной торговли. Археологическое исследование Семире-

чья показывает, что в VII–VIII вв. согдийские колонии представляли собой целые города, в которых колонисты занимались земледелием, ремеслом и торговлей (Бернштам, 1940, 1950; Кыласов, 1959; Распинова, 1960; Кожемяко, 1959). Согдийцы, жившие далеко от метрополии, поддерживали с ней постоянную связь. Доходы от торговли в согдийской диаспоре частично шли в метрополию.

Археологические материалы подтверждают многочисленные сведения письменных источников о внешней торговле согдийцев, но, кроме того, они показывают,

что согдийские кушане в значительном объеме вывозили на Восток, Запад и Север продукцию своих ремесленников. Таким образом, археология доказывает связь согдийской внешней торговли с согдийским ремеслом, что не нашло отражения в письменных источниках.

Кушане вели образ жизни, мало чем отличавшийся от образа жизни аристократии. Треть свои доходы от внешней торговли внутри страны, они увеличивали платежеспособный спрос на изделия местных ремесленников, таким образом стимулируя развитие ремесла и внутренней торговли.

Керамика

Керамические комплексы IV в. в столичном Самарканде характеризуются большим количеством чаш, изготовленных в двух вариантах – большие сосуды типа вазы на высокой ножке и значительно меньшие, но, так же как и вазы, с относительно вертикальным бортом. Для них характерен красный грубоватой консистенции ангоб, нанесенный в донышко жидком состоянии. Сравнительно недолго высушенные большие конические крышки для кумов. Поставленные на горловину кума конусом вниз, они одновременно могли служить местилщем для хранения продуктов.

В это время возрастает доля домашнего гончарного промысла, появляются простые изделия: очажные подставки, увенчанные бараньими головками, канелюрованные обрамления очагов. Разрабатываются новые или же получают широкое применение известные ранее технологические приемы: срезывание готовых сосудов внутри с гончарного круга, заглаживание поверхности сильно увлажненной тряпичей, декорировка ятиями красной ангоба.

В середине V в. из обихода вытесняются вазы на высокой ножке, появляются конические чашевидные кубки на дисковидном поддоне, покрытые красным ангобом сплошь внутри и в верхней половине сосуда снаружи (Табл. 16, 14). Кувшины разных размеров часто расписывают свободно выполненными кругами, спиралью и широкими полосами (Табл. 16, 5; 16, 22, 6, 8, 10–12, 15, 16; 23, 14).

Чашевидные кубки на дисковидном поддоне отмечены Г.В. Григорьевым как ведущая форма комплекса керамики ТБ IV (Григорьев, 1940, С. 95–100, Рис. 6) (Табл. 16, 14; 22, 5; 23, 2, 3, 7). Они восходят к сосудам почти такой же формы, но с другим дном, из слоя ТБ III.

Керамика Согда V–VIII вв. сравнительно хорошо изучена и в ряде районов является надежным датировочным материалом. Наиболее дробная стратиграфическая колочка разработана для Пенджикента (Маршак, 1964, 1965, 1970; Распинова, 1970; Беленский, Маршак, Распинова, 1981, С. 95–99, Рис. 2, 3).

Общесогдийский стиль керамики складывается только к концу VII в. До этого времени трудно назвать общесогдийские формы керамики. Это связано с обособленностью отдельных гончарных центров и мастерских. Лепная керамика V–VI вв. по технике изготовления (лепка нижней части сосуда в миске) и по формам мисек, чаш, котлов сходна на большой территории на всей долине Кашкадарьи и в верховьях Зеравшана, начиная от

Пенджикента (Исанидинов, Сулейманов, 1984, С. 101–125; Станский, 1959, С. 79–80). Для центральных районов Самаркандского Согда этого и последующих периодов лепная керамика не характерна. В Аулетте – усадье V–VI вв., керамика которой испытывала сильное влияние Центрального Согда, почти нет лепной керамики, но на других памятниках долины Кашкадарьи ее много (Кабаев, 1963, С. 210–230, Рис. 11, 2; 23, 2, 3; 1981, Рис. 12, 16).

Наиболее существенна для датировки столовая посуда, в изготовлении на гончарном круге, – чаши (в том числе чашевидные кубки) и кувшины небольших размеров (до 4 л). Для долины Кашкадарьи V–VI вв. особенно характерны небольшие кувшинчики с широким горлом, шароу с которыми встречаются чаши, близкие по профилю к чашевидным кубкам Самаркандского Согда (Исанидинов, Сулейманов, 1984, С. 99 и сл. Рис. 50, 52).

В Пенджикенте для V–VI вв. имеется несколько смежных друг друга комплексов керамики (Маршак, 1964, 1965). Комплексы I (V в.) и II (конец V – начало VI в.) весьма сходны по набору столовой посуды, причем ведущей формой являются чашевидные кубки нескольких разновидностей, некоторые из них соответствуют кубкам ТБ IV. Основное различие между этими комплексами в том, что для более раннего из них характерны крупные лепные сосуды (кумы и кувшины) с венчиками, изготовленными на круге.

Комплексы III, IV, V/2, V/3 относятся к VI в. В комплексах III, IV ведущей формой становятся небольшие чаши с желобчатым краем и расписано в виде креста на внутренней поверхности (Табл. 22, 14). Подобные чаши существовали и в более раннее время. К концу VI в. произношение этих чаш падает и на смену им в качестве ведущей формы приходит засидельствованные уже в комплексе III высокие чаши со слегка сужающимся плечиком (конические кубки), также окрашенные сплошь красным ангобом внутри и во плечико снаружи. Не менее существенные изменения проследяются также во всем другом формам керамики: столовым кувшинам, широкогорлым сосудам с ручками и рожек, ведоничным кувшинам, котлам. Лепная, в основном кухонная, керамика с конца V–VI в. стабильно составляет около 20% всей посуды. При этом на протяжении VI в. наблюдается резкое увеличение доли столовой посуды в общем наборе керамики. Приблизительно к середине VII в. в Пенджикенте относится комплекс VI, керамика которого по своему общему облику (в частности, по широко-

му распространению красного ангоба) напоминает керамику предшествующего периода, но для этого комплекса характерны новые формы сосудов, в том числе чаши. Появляются чаши с вертикальным приотстреленным краем и низкие конические чаши (Табл. 23, 1, 6).

На конец VII в., как уже отмечалось, приходится схождение нового стиля керамики, который засвидетельствован на всех памятниках Согда (*Маршак, 1961*). Традиционные формы V-VI вв. — чашевидные кубки, красно-ангобированные кушницы с рожком, кушницы с ангобными крутами по тулову, многие другие формы красно-ангобированных чаш и кушниц — сменяются новыми штампами, иногда украшенными оттисками штампа, кружками со скобовидной или концевидной ручкой, грушевидными кушницами с массивным треугольным сливом. Фактура и декор столовой керамики также резко меняются. Становится редким обязательным прежде для столовой посуды красный ангоб. Сравнительно широко распространяется ориентация питамонованными и надтеплыми рельефами. Некоторые кушницы и кружки имеют желтоватую лощеную поверхность. В формах и декоре столовой посуды постепенно появляется подражание металлическим образцам. Такова общая тенденция развития керамики в Согде, которую можно объяснить тем, что в конце VII в. у согдийцев вырабатываются единые вкусы и запросы во всех частях страны. Это связано с тем, что с развитием городского образа жизни низшие слои горожан в быту все более подражали высшим. Надо отметить, что в разных гончарных центрах новые тенденции проявлялись с разной степенью интенсивности. Наиболее ярко новый стиль проявился в керамике Кафыркале, для которой характерно небольшое число форм, сосудов, при этом они очень тщательно обработаны в подражание серебряной посуде (*Григорьев, 1946; Маршак, 1961; Бентович, 1973*. Рис. 28). В Кафыркале была широко распространена посыпка керамики слюдой, придававшая поверхности сосуда почти металлический блеск. Для кружек и чаш обычны штампованные рельефы в виде гранатов, веток, козлов, человеческих лиц. Для кушниц типичен калашной орнамент (Табл. 25, 3; 27, 7, 8). Гончарное производство этого центра было высокотехническим. Его продукция обнаружена не только в соседнем Таш-Барзу, где ее очень много, но и на Афрасиабе, в Пенджикенте, в Чилеке. По-видимому, существовали и другие гончарные центры, в которых вырабатывался новый стиль, поскольку целый ряд характерных для него форм столовой посуды отсутствует на Кафыркале, например кружки и чаши с волнистым бортом (Табл. 27, 3, 12).

В Бухарском регионе производилась и станковая и лепная посуда. Корчуги часто покрыты потеками, каплями и небрежными мазками ангоба красно-коричневых оттенков. Так же как и для районов Согда, лежащих выше по течению Зеравшана, для Бухарского оазиса со второй половины IV в. или с начала V в. становятся на некоторое время обычными широкогорлые корчуги с широким и коротким носиком-сливом на пласнике. Но бухарская форма отличается абрисом тулова и венчика, либо массивного с бороздками, либо резкого отогнутого (Табл. 21, 32, 34). Ручка этой корчуги в отличие от маленького ушка центральноазиатских сосудов была примерно такой же, как и у кушниц.

Изготавливались кушницы разных форм и пропорций, с ручками и без ручек, узкогорлые и широкогорлые; они были ангобированными или, как и корчуги, покрывались потеками красного ангоба (Табл. 21, 2, 5, 10, 16, 17, 19, 21, 26-28).

Для чаш наиболее характерны конические формы с бортом, выделенным ложбинкой, покрытые красным ангобом (Табл. 21, 9, 12-13). Снаружи ангобное покрытие, либо сплошное, либо полосой по краю, приобретало черный оттенок благодаря особому режиму обжига.

Керамические воровки (Табл. 21, 8, 11) в фляги разных размеров (Табл. 21, 24) дополняли ассортимент посуды, изготовленной на гончарном круге. Для выпечки мучных изделий употреблялись плоские сковороды с невысоким бортиком (ср. Табл. 16, 19). Небрежно вручную лепились, так же как и сковороды, плоскодонные с бортом переносные жаровни. Слабый обжиг они приобретали, видимо, уже в процессе использования.

В IV-VII вв. в обиходе согдийцев становятся обычными нозубожевные или обожженные роговидные, трапециевидные и других форм предметы, определяемые как очажные подставки для установки котлов. Обычно в подставку делалось углубление или сквозное отверстие, возможно, для удобства перемещения ее с помощью металлического стержня или даже прута. Их поверхности несут следы копоти или только воздействия жара. Большой развал подставок преимущественно трапециевидного абриса найден возле кухонного помещения VII в. на городище Дурмен. Подставки вытнутых пропорций использовались там же для ремонта очага, а фрагменты их лежали возле его стенки.

В Пенджикенте с конца VII по 70-е годы VIII в. прослеживается постепенное изменение керамики. В начале этого периода отдельные образцы сосудов нового стиля встречаются вместе с керамикой, близкой к комплексу VI. Следует отметить, что они появляются в готовом виде без каких-либо переходных форм (Табл. 27, 2-6, 9, 10, 13). Позднее в столовой посуде наблюдается увеличение доли кружек и соответственно уменьшение доли чаш.

К концу периода становится больше лепной столовой посуды, среди которой нужно отметить кружки и чаши с волнистым бортом — типично подражать формам гончарных кружек и чаш нового стиля (Табл. 25, 7, 8). Такая столовая лепная посуда производилась, по-видимому, сельским населением, но в Пенджикенте она широко распространяется только в момент упадка города в третьей четверти VIII в., тогда как во дворе Гаранин Хисор в горном селении Мам и в расположенной неподалеку от него крепости Кум эта керамика характерна уже для первой четверти VIII в. (*Якубов, 1979*. С. 160).

Хотя в Пенджикенте встречается высокохудожественная керамика как кафыркалинского производства, так и, по-видимому, местного, но в целом керамика Пенджикента имеет более скромный облик (*Бентович, 1964*). Подражание металлу высунуется в ней не столь отчетливо, как в Кафыркале.

В хозяйственной керамике Согда во второй половине VII в. также наблюдаются значительные изменения. Отметим из них только некоторые, наиболее характерные. Водоносные кушницы, которые в V-VI вв. были без ручек, теперь приобретают вертикальную ручку и примытый слив напротив ручки (Табл. 16, 16; 27, 16). Появля-

ются кувшины с трубчатым носиком, широким раструбом прижатым к венчику (Табл. 16, 10). Широкогорлые сосуды, приспособленные для переноски пищи, ранее имели две ручки, которые теперь заменяются четырьмя сквозными отверстиями под венчиком для продевания веревки (Табл. 27, 14). Летняя кухонная керамика также меняется. Распространяются крупные плоскостенные котлы, изготовленные на поворотной подставке (Бен-тович, 1964. Рис. 30, 11).

На Афрасиабе в последние десятилетия VIII в. керамика характеризуется новыми типами кружек без слюды со срезами по плечу вместо штампованных релье-

фов. К этому же времени относится появление глазурованной керамики (Тереножкин, 1950. Рис. 69, XI; 1951. С. 137; Кабанов, 1971. С. 251–254; Шишкин, 1979. С. 21–24).

Новый стиль в керамике Согда в конце VII–VIII в. не был изолированным явлением. Аналогичные тенденции прослеживаются в керамике Хорезма и Тохаристана. Неоднократно отмечалось и прямое влияние согдийской керамики на керамику Чача, Ферганы и Семиречья (Тереножкин, 1950. С. 161; Нералик; 1959. Рапсодия, 1960. С. 162; Левина, 1971. С. 188; Горбунова, 1979а. С. 67–71).

Орудия труда

Из орудий труда до нас дошли связанные с кузнечным ремеслом наковальня в виде железного слитка овальной формы весом 4,7 кг, упоминавшиеся уже глиняные гонпа, пробойники и зубила¹. Кроме того, сохранилась роспись, изображающая кузнечную мастерскую, где виден горн с мехами. В руках у молотобойца односторонний молот, кузнец держит клещи. От оборудования ювелирных мастерских сохранились небольшая железная наковальня клиновидной формы с квадратной рабочей площадкой (5 × 5 см), наковальня-шпекра, тиглы из огнеупорной глины выгнутой формы, с округлым дном, с прямым сливом объемом до 250 см³, бронзовые матрицы для тиснения тонкого листа цветного металла. Молотки небольших размеров могли употребляться как кузнецами, так и ювелирами. Инструменты по обработке дерева представлены довольно полно. Это топор-ко-

дун, тоеса, скобель, тоши, шадлы, стамески, долота, обломки топорного реза по дереву. От орудий труда шорника и сапожника сохранились шпала.

Из сельскохозяйственных орудий найдены серпы, лопата, обломки кетмени, наконечник плуга. Лопату и кетмень нельзя считать специфическим орудием сельского хозяйства, так как они необходимы и в городских условиях, например при строительстве глинобитного сырцового дома. Ножи с изогнутым лезвием использовались при работах в саду (Табл. 28, 29, 30).

Орудия труда, найденные в Согде, очень похожи на орудия труда, происходящие с других территорий и относящиеся к другим эпохам, например на орудия салтовско-маяцкой культуры. Это объясняется рациональностью форм, выработанных еще в древности и продолжавших употребляться до недавнего времени.

Вооружение и доспехи

Вооружение и снаряжение согдийского воина мы можем представить себе довольно полно благодаря живописным изображениям Пенджикента, Афрасиаба, Варакши, а также благодаря предметам вооружения, найденным при раскопках. Из Пенджикента происходят кожаные средние накладки на лук, железные наконечники копий. В Пенджикенте и на Афрасиабе найдены железные мечи и дерекрестия от мечей. Железные наконечники стрел найдены на всех основных памятниках Согда. Защитные доспехи представлены кольчужными кольчугами и пластинами от панцирей ламеллярного типа. Благодаря находкам с горы Мут и многочисленным подробным изображениям воинов в живописи мы можем представить себе все виды наступательного и оборонительного вооружения согдийцев VII–VIII вв. По батальным сценам мы также можем судить о некоторых тактических приемах боя у согдийцев.

Лук и стрелы применялись для прицельной стрельбы по бронированным всадникам. Наконечники стрел в большинстве своем бронзовые. Стрелы, достигавшие длины около 90 см, снабжались стабилизаторами из четырех или даже шести перьев. Сохранность стабилизаторов обеспечивалась ношением стрел вверхнем концом и

расширяющемся кину колчане тюркского типа. Применялись колчаны и другого типа, в которых стрелы помещались оперением вверх. Луки носили обычно по два в чалуче со спущенной тетивой. Луки были сложносоставными со средними накладками. Чалуче и колчан носили на особом стрелковом поясе.

Наконечники стрел весьма разнообразны, среди них выделяются трехлопастные. Большинство стрел трех- и четырехгранные. Четырехгранные подразделяются на квадратные, ромбические и прямоугольные в сечении. По форме боевой части все эти наконечники делятся на пирамидальные, бипирамидальные, у которых часть, обращенная к черешку, короче и менее оттянута, пирамидально-призматические с коротким пирамидальным острием и пятиугольные в профиле с прямым основанием. Кроме того, у некоторых наконечников разных форм имеется порожек. Размеры наконечников стрел сильно варьируют (Табл. 28, 3–8).

Длинные кавалерийские копья с гранеными и плоскими наконечниками применялись для таранного удара (Табл. 28, 9).

Длинные прямые колошые мечи характерны именно для согдийского вооружения. Кроме того, найден меч, напоминающий римский гладиус (Табл. 28, 11).

Оборонительные доспехи занимали воина с головы до ног. Кольчужные рубахи закрывали ноги ниже колен-

¹ Детально восстановлены из слитка из металла. — Из орудий труда из урочища в предместьях Самарканд (Рыбаков, 1960).

на и руки ниже локтя. Часто вместо кольчуги употреблялись панцири из прошнурованных пластинок (так называемые замедлярные доспехи), не имеющих рукавов. Они дополнялись кольчужным плечием с рукавами. Плечие иногда было покрыто орнаментированной кожей. Наручи и пояски имели продольный шарнир и зазор. Они обычно набивались из железных пластинок. Имеются изображения поясов из больших пластин и кольчужных "чулков".

Шапки были пластичные, плавновозгнутой формы, вытянутые сверху. Они имели нащечники и кольчужную бараницу. Иногда применялась кольчужная сетка для защиты лица. Некоторые шлемы были снабжены паносниками.

Шаги воинов были круглые, небольших размеров, усиленные металлическими бляхами и умбоном. Деревяный и тонкий шит предводителю, найденный на горе Мут, не имел умбона. Следы нескольких попаданий стрел в средней его части свидетельствуют о приспешном характере стрельбы и о боевом, а не парадном, как это принято считать в литературе, назначении шага.

В конце VII-VIII в. у согдийского воина было два пояса: верхний — с мечом и кинжалом и нижний — стрелковый. Верхний пояс всегда, а нижний — во многих случаях были украшены накладными бляшками.

Почти все части поясных наборов найдены в слоях первой четверти, середины и третьей четверти VIII в. и имеют аналоги в синхронных памятниках Средней и Центральной Азии и Сибири. Согдийский поясной набор складывается под прямым влиянием тюркского, но наряду с тюркским в нем есть и местные элементы. Вещи тюркских типов изготавливались и согдийскими мастерами, например в Пенджикенте (Табл. 29, 1-23, 27-30).

На большинстве изображений *босвых* коней видны изогнутые рычаги мундштучных удиц, от нижней конца которых отходит повод. Такие удила обычно сопровождалась металлическими намордниками. Мундштучные удила известны по находкам и изображениям в Иране, а намордники — в Иране и Индии. Однако единственные найденные в Пенджикенте удила относятся совсем к другому типу. Они железные двусоставные с прямыми псалмами, снабженными прямоугольными петлями. Мундштучные удила применялись в тяжелой строевой кавалерии. Удила с псалмами не имели специализированного назначения.

Седла были снабжены парой стремян. Украшения ремней сбруи состояли из накладных бляшек и подвесных блях. Кроме того, кони предводителей имели шлемовидную надобную бляху с султаном.

Костюм

Одежда согдийцев известна нам в основном по росписям, которые позволяют проследить ее развитие. В согдийской живописи имеются изображения богов, эллистических героев, фантастических существ, иноземцев — тюрков, китайцев, индийцев, арабов. Поэтому наиболее надежным источником для реконструкции могут служить изображения донаторов — современников художников.

На рубеже V-VI вв. согдийцы носили короткие кафтаны, доходящие до бедер, шаровары, заправленные в узкие сапоги с высоким голенищем.

В VI в. общий тип костюма остается прежним, но появляются характерные сасанидские ленты на обуви. Низ кафтана одного из персонажей оформлен в виде больших треугольников. Поверх кафтана надет застегнутый на груди плащ.

Во второй половине VII в. кафтан удлиняется почти до щиколоток. Кафтаны бывали как распашными с отворотами, так и нераспашными. Поверх кафтанов иногда носили плащи.

Покрой одежды мало изменяется к первой половине VIII в. Изменения касаются тканей, из которых шилась одежда. Во второй половине VII в. в моду вошли ткани с козыдами "перлов", внутри которых помещали изобра-

жения птиц, кабанов, крылатых львов. Наряду с этими тканями в первой половине VIII в. употреблялись камчатые шелка в танские шелка со сложными розетками. По изображениям убитых воинов можно судить о нижней одежде, которая состояла из коротких штанов и натуральных рубашек с длинными рукавами.

История женского костюма проследить гораздо труднее, поскольку для V-VII вв. известны главным образом изображения богини. В первой половине VIII в. женщины-донаторы и женщины в скачонных сцениках имеют костюм, очень близкий к мужскому. Женщины в полетах две косы, девушки — пять. В иллюстрациях к литературным произведениям женские персонажи нередко имеют более сложный костюм: поверх кафтана надеда вельерина с четырьмя фестонами (на груди, спине и плечах). Встречаются изображения женщин в платьях (*Benetoni*, 1980, Рис. 4, б).

В V-VI вв. согдийский костюм имеет черты кушанского и сасанидского. В VII-VIII вв. он приобретает сходство с костюмом тюрков. Общее направление развития костюма в Согде совпадает, несмотря на ряд специфических особенностей, с направлением развития костюма других среднеазиатских и восточнотуркестанских народов.

Украшения и предметы туалета

Согдийский костюм часто дополнялся серьгами, бусами, браслетами, перстнями, изготовленными из золота, серебра, а во большей части из бронзы. Иногда они имели вставки из полудрагоценных камней и стекла. Золотые серьги были найдены в обходной галерее перного храма Пенджикента. По форме овальных медальонов и

тезонке изготовления эти серьги аналогичны золотым медальонам на ожерелье из Михайловфелда близ Анны, золотым редам из находок 1868 г. у р. Морской Чулек, медальону из Чан. К ним также близки медальоны из ожерелья и от португаль, найденных в с. Глодосы (*Банк*, 1966. С. 14, Рис. 101; *Кондаков*, 1896. С. 177.

193–195. Рис. 104–106; Артамонов, 1962. С. 77; Силанко, 1965. Табл. I, II, VII). Все перечисленные вещи инкрустированы крупными камнями. Важными элементами изделия являются зерно, идущая по краю медальона и вокруг гнезда для вставки, и сканная косичка между рядами зерин. Пенджикентские находки на основании этих аналогий следует датировать VI–VII вв. Ювелирные изделия свидетельствуют о византийско-согдийских связях. Надо отметить, что изделия византийского типа из Пенджикента, скорее всего, изготовлены в Согде, Пенджикентские медальоны серег отличаются от византийских по набору камней. В Пенджикенте были и бронзовые украшения, являющиеся репликами золотых.

Бронзовые серьги, найденные в слоях VIII в., имеют аналогии в находках из оседлых поселений Средней Азии и Афганистана, из могильников Памира, Тянь-Шаня и в Семиречье. Более отдаленные аналогии имеются в погребениях Сибири.

Широко были распространены в Согде бусы из различных цветных камней, жемчуга, кораллов, янтара, стекла, а также каменные подвески, носящиеся, как известно по изображениям в Балалыкенте, на широкой ленте (Табл. 16, 2) (Альбаум, 1960. Рис. 117, 118).

Бронзовые браслеты, находимые при раскопках, многочисленны и просты по форме. Более часты округлые в сечении со срезанными концами. Браслеты, изображенные на росписях Афраниба и Пенджикента, посередине имеют вставку с цветным камнем и переданы желтым цветом, как обычно изображается золото.

Металлические сосуды

В быту согдийской аристократии была распространена посуда из драгоценных металлов. Произведения согдийских ювелиров дошли до нас в достаточно большом количестве, но все они найдены случайно. Б.И. Маршак, изучивший эти материалы, показал, что в Согде и на сопредельных с ним территориях существовали самостоятельные школы ювелиров (Маршак, 1971а). Из раскопок происходит лишь серебряный с позолотой медальон, изображающий так называемого Киртимуку. Он найден при раскопке кладки городской стены Пенджикента VIII в. Медальон выполнен в технике чеканки с оборота с последующей разделкой с лица и служил, скорее всего, центральной накладкой на серебряную чашу. Иконография его характерна прежде всего для пенджикентских вариантов этого образа в терракоте и необожженной глине. Несколько отдаленные изображения Киртимуки были широко распространены в Средней Азии и Восточном Туркестане. Медальон, безусловно, является произведением согдийского ювелира.

Судя по находкам ключей и замков, в Согде было три типа замков: напесной цилиндрический замок с пружиной (Табл. 28, 21, 22), который для стран Востока (Таксила) характерен с V в. (Marshall, 1951. T. II. P. 344; T. III. Pl. 164, 50, P. 184), деревянный замок с «акелудами»¹⁰ и, вероятно, замок, открывавшийся новоро-

Перстни составляют одну из самых больших групп украшений (их более 50 экз. в Пенджикенте), причем значительная часть их служила печатями. Перстни-печати из разных по ценности материалов имела не только знатя, но и рядовые горожане. Об этом свидетельствуют находки их в жилищах рядовых горожан и в лавочках-мастерских. Распространенность печатей можно объяснить развитой деловой жизнью, когда все юридические акты (договоры об аренде, о купле-продаже, брачные договоры) скреплялись печатью. Таким образом, обилие печатей показывает, что рядовой горожанин выступал как лицо юридически самостоятельное.

Перстни-печати характерны для народов Средней Азии и ее южных соседей, причем перстни с шипом и изображением на щитке особенно типичны для Согда (Табл. 29, 34, 35, 49–53, 55, 60). Не случайно полное отсутствие перстней-печатей в могилах позднего перешедших к государственности тюрок.

Весьма распространены были подвески в виде человеческих фигурок, конька, кузнечика и других животных, а также многочисленные бубельчики (Табл. 29, 39, 42).

Зеркала были круглые, как без ручки, так и с петелькой, гладкие и орнаментированные concentрическими кругами или циркульным орнаментом (Табл. 28, 34, 27). Зеркала с ручками на двух опорах, расположенных по диаметру зеркала, в Согде представлены только горизонтальными ручками, с двумя прототипами коней (Табл. 28, 26). Они происходят к очень древним прототипам (луристанские бронзы) и известны в парфявском Иране. Имеется также обломок привозного танского зеркала.

Из кладовой жилища рядового горожанина Пенджикента первой четверти VIII в. происходит zoomорфный бронзовый сосуд в виде быка и светильник из трех ножек с резервуаром в виде чаши. Светильник с резервуаром в виде бронзовой чаши на ножке из литых бронзовых «балин» и железных стержней (Табл. 28, 31) аналогичен светильнику позднесасанидского времени из Касри-Абу-Нагр, который в отличие от согдийского состоит только из бронзовых частей (Hauser, Upton, 1934).

Кувшины (Табл. 28, 28) и довольно многочисленные чаши из бронзы отличаются простотой форм. Чаши относятся к слоям середины и третьей четверти VIII в. К этому же времени относятся найденные соосудки для косметики (Табл. 28, 23).

Надо отметить находки серебряной (Табл. 29, 54), бронзовых (Табл. 28, 20) и железных ложек.

Бытовые предметы

том ключа. Ниши от запора обычны не только для входов в дома, но и для некоторых помещений внутри дома, что характеризует типичный для торгового Востока уклад жизни.

При раскопках согдийских городов и поселений найдены бронзовые и железные обойщики, железные ско-

бы, вкладыши, гвозди, дверные петлички, бронзовые стелы (Табл. 28, 19) и даже кресало (Табл. 28, 11).

Глиняные и алебастровые круглые илистые столики на трех и более ножках служили, видимо, для раскатывания теста. Можно упомянуть разнообразие терки из камня. В торговле использовались каменные гири в виде необработанных галек с выбитым на их оборотной стороне веса по-согдийски. Найдены бронзовые весы,

напоминающие современные аптекарские. Иногда встречаются так называемые сумки из трубчатых костей животных — принадлежность детской колыбели. Довольно часто находки глиняных погремушек, игрушечной детской посуды, точно имитирующей посуду, бывшие в употреблении, игральные кости, кубические и продолговатые, алячюк с железной окантовкой и т.д.

Погребальный обряд

Для Согды характерны погребения очищенных от мягких покровов костей в специальных глиняных оссуариях (Табл. 36), которые иногда заменяли хумами (Станиславский, *Большаков, Монгадская*, 1953; *Greenet*, 1984). Оссуарии помещали в семейные склепы — наусы или, реже, в грунтовые могилы. В наусы, кроме оссуариев, помещали сосуды, по-видимому, с погребальной пищей, иногда золотые монеты или браслеты. Самые ранние согдийские наусы относятся к V–VI вв. Формы и убранство оссуариев весьма разнообразны. Для разных районов Согды характерны разные формы оссуариев. Для Центральной Согды и долины Кашкардаря — прямоугольные оссуарии со штампованными стенками, часто украшенными изображениями богов (*Борисов*, 1940; *Ставицкий*, 1961; *Пугаченкова*, 1975, 1984; *Паушицкая*, 1983; *Дресвинская*, 1983; *Лунина, Усманова*, 1985). В Пенджикенте, как правило, оссуарии овальные. В Самарканде встречаются и прямоугольные и овальные с налезными рельефами. В Пенджикенте, кроме оссуариев захоронений, зафиксированы могильники, в котором погребения оссуарного типа сочетаются с трупоположениями. Инвентаря в этих погребениях почти нет (печатка в виде дождяго перстня в вательный бронзовый крест). По-видимому, разные типы погребений связаны с разными вероисповеданиями погребенных (*Беленицкий, Маршак, Распопова*, 1980, С. 243–245; *Беленицкий, Маршак, Распопова, Исавов* 1982, С. 217–218).

Возможно, в IV в. возникает большой оссуарный некрополь на месте опустевших к тому моменту городских кварталов древнего Самарканда (городские Афрасиаб).

Разрушенные позднее, при новом росте города, мавзолей-наусы оставили нам лишь отдельные фрагменты оссуариев да перезахороненные в развалины древних крепостных стен кости в сопровождении фрагментированной керамики, давшей возможность определить время захоронения (или перезахоронения) не позднее первой половины V в. н.э. Ориентация же самих оссуариев, найденных на месте спланированного под новую застройку некрополя, представляла только равнинен с типами, композицией и элементами декора восходящим к керамическим гробам первых веков н.э. Восточного Средиземноморья. Легко узнаются прототипы декора лицевых стенок с налезным валиком-оборочкой и отгачками эллипсоидных гребков (Табл. 36, 12, 15). Более поздний оссуарный некрополь Самарканда был вынесен за пределы Афрасиаба, т.е. за пределы древнейших оборонительных сооружений города. И его оссуарии своей орнаментикой уже сильно отличаются от ранних. Теперь преобладают процарапанный орнамент елочкой, кружные розетки, стреловидные прорези

Особое место занимают способ и изготовление и декор оссуариев VII в., находящихся в Самаркандском Согде пока только за пределами Самарканда. Здесь распространялся тип прямоугольного оссуария, стенки которого отгачены в орнаментированной матрице. Сюжеты хотя и достаточно разнообразны, но композиция и отдельные элементы их восходят все также к западным образцам погребальных памятников. Преобладает арочное плеченое плоскостные стенки оссуария с фигурами в пролетах между колонн (Табл. 36, 2, 4, 8). Эти же типы оссуариев существовали и в Южном Согде. Представленные в одном случае четырехрукие персонажи заставляют вспомнить индуцированных богов согдийского пантеона из Пенджикента (Табл. 36, 14).

Однокамерные согдийские наусы известны по раскопкам в округе городища Пенджикент. Это небольшие сводчатые постройки с низким лазом, обычно закрытым кладкой, разбивавшейся при необходимости эвершить новое захоронение.

Оссуарные погребальные сооружения Бухарской области сильно отличаются от пенджикентских. Некрополь на холме Геличи близ Пайкенда представлял собой цепочку монолитных квадратных в плане сооружений — башенок, подъем на которые осуществлялся по пандусу. Их назначение не совсем ясно. Они могли служить семейными дахмами, где выставлялись трупы. Такое предположение подкрепляется характером наслоений, прилегающих к кладкам. Слон разрушения сооружений содержит отдельные фрагменты оссуариев в случайные мелкие кости. При разрушении наусы следовало бы ожидать обилия как фрагментов оссуариев, так и костей. Причем в описываемом комплексе был вскрыт двухкамерный наус. Одна из камер была продолговатой комнатой с суфами вдоль трех стен. Перед началом использования наусы на полах и суфах был разведен огонь, после чего помещенное было вычищено, а суфа посыпана семенами дикого растения. Вторая камера была пристроена к первой. Она не имела суфы, по, возможно, и не была достроена, чему помешало арабское завоевание. Расчистка первой функционировавшей камеры выявила картину разгрома. Оссуарии и крупные бытовые сосуды, видимо также содержавшие кости, были сброшены с суфы и раздавлены. Нарочито раздавлены были и вываженные из сосудов черепя. На месте оставлены лишь детский оссуарий и прикатка к стене полусферическая чаша. Эта чаша, кувшин и железный нож свидетельствуют о сохранении древнего обычая сопровождать усопшего пищей и необходимым инвентарем.

Наус не был обособленным строением, но общей стеной соединялся с одним из квадратных сооружений, что,

скорее всего, подтверждает их разное функциональное назначение.

Сочетание дахмы или ката с наусом могло быть распространённым явлением в Согде. Близ городища Дурмен начато вскрытие квадратного сооружения, поддерживающего многочисленным перестройкам, в процессе которых в кладках и под полами оказались фрагменты оссуария, а в одной из двух открытых камер в анатомическом порядке лежал скелет. На невысокую паховую платформу, лежащую в основании сооружения, вел пандус. В какой-то из периодов функционирования кубической объём здания венчали У-образные зубцы.

Наусы, построенные близ стен самаркандской крепости Кафыркала, были однокамерные. Построенные один к другому, они вытянулись цепочкой на небольшом холме.

Исповедники религии, требовавшей захоронения очищенных костей, не всегда тщательно готовили место погребения и часто для этой цели использовали заброшенные загородные усадьбы, еще сохранившие стены и перекрытия. Так поселяли жители сельской округи Самарканда (усадьбы близ Кафыркалы) и города Пенджикента.

Скотоводы долины Зеравшана продолжали хоронить своих умерших традиционно в ямах с подбором под земляной или каменной насылью. Несколько курганных могильников располагаются у подножия горного отрога к югу и юго-западу от Самарканда. У выхода на равнину Сагаан раскопан несколько курганов V в. (Обельченко, 1966. С. 66–81). Захоронения были сделаны либо в простых грунтовых ямах, либо в подбоях, перпендикулярных к очень узкой и длинной впускной яме. Покойника укладывали на деревянный настил или носилки головой на восток, рядом ставили заупокойную плиту в курьих или флягах. В одном случае недалеко от входа в подбоя стояла летняя чапанная курильница на невысокой ножке, заполненная пеплом. Роль курильницы в другом погребении выполнял обломок керамического котла. Входы в подбой закладывались продолговатым сырцовым кирпичом. Грунтовые могилы и впускные ямы засыпались камнем с землей, из которых возводилась и курганная насыль. Значительная часть утвари согдайских скотоводов была ремесленного производства и приобреталась на рынках. В сагаанских погребениях почти вся посуда изготовлена на гончарном круге. Исключение составляют летняя курильница и широкогорлый сосуд из грунтовой могоды – оба предмета домашнего изготовления и несовершенного обжига.

У одного из погребений на груди оказалась серебряная сафитная монета, с головой в профиль, на одной стороне и сильно схематизированной фигурой лучника на другой. Монета, по всей видимости, была положена в рот покойника, как это было в обычае с глубокой древ-

ности, хотя у местного населения она могла быть связана с иным представлением о загробных нуждах. О переходе какой-то части скотоводческого населения Согда к труповыставлению и погребению очищенных костей могут дать представление захоронения костей в сосудах, погребенных в насыль более ранних курганов Бухарской области (Обельченко, 1959. С. 94–99).

В Кую-Мазарском могильнике найдены три хума с костями. Один из них был прикрыт и обложен вокруг фрагментами хумчи, имевшей три пестельчатые ручки, трубчатый сгиб и орнамент на плечиках в виде зигзага и полосы насечек. Все эти сосуды бытового назначения и не были специально изготовлены для погребального обряда. Но сосуд, обнаруженный в Лявандакском могильнике, уже предназначался для захоронения костей. Сформованный как привычный бытовой сосуд типа хумчи, он отличается орнаментикой плечиков из верхнего ряда стреловидных прорезей и ряда узких углублений под ними. Сосуд был прикрыт чашей и аканат в полу курганной насыли. Вслед за этими сосудами-оссуариями встречаются костехранилища в виде ящика с крышечкой. В районе Кую-Мазарского могильника найден на берегу острова дозахранилища овальной оссуарии с округлой крышечкой. На гладкие неорнаментированные стенки наделены полые рожки (Обельченко, 1959. С. 102–104), в которых могли крепиться устои балдахина. Об обычае помещать над оссуариями подобное устройство известно по рисунку на серебряном блюде. Однако преобразование погребального обряда захоронения очищенных костей не означает полного отсутствия в согдийской раннесредневековой погребальной практике древнейшего способа погребения – труположения. В развалинах опустевшей и разрушенной к тому времени усадьбы Кызылькыр была погребена женщина. На ее шею надеты пять низких мелких жемчужных бусин с тремя золотыми пронизями в форме параллелепипеда (22 × 15 × 15 и 18 × 15 × 13 мм) с зернью и гнездами для утраченных камней. Ворот и подол длинного шелкового платья были отделаны золотыми полусферическими бляшками (диаметр 8 мм) с желтым ушком для крепления. В ногах было положено бронзовое зеркало со штырем для несохранившейся ручки (Культура... 1983. С. 31).

Таким образом, прослеживая по археологическим материалам историю согдийской культуры с V по VIII вв., мы видим несомненное развитие городской жизни, которая достигла высокого уровня после середины VII в. Интенсивная внутренняя эволюция сочетается с усилением внешних связей, успехами торговли и колонизационной деятельности согдийцев. В археологическом материале отразился культурный обмен между Согдом и современными ему цивилизациями. Особенно интенсивны были связи с миром тюркских степей.

Глава 4

Чач и Илак

В эпоху средневековья в бассейне Средней Сырдарьи и ее правых притоков (Ахангаран, Чирчик, Келес) и в прилегающей к долине степной левобережной зоне сложился крупный историко-культурный регион с самобытной культурой и своеобразным хозяйством, ядром которого являлся Ташкентский оазис.

Регион включал два феодальных владения — Чач и Илак, тесно связанные между собой политически, и экономически. Илак, известный своим рудными богатствами, входил в состав Чача на правах особой области.

Природно-климатические условия этого региона, характеризуются большим разнообразием. Район включает ряд ландшафтных зон. На востоке его обрамляют отроги Тянь-Шаня, Чаткальский и Кураминский хребты которого окружают оазис подковою и испускают к реке Адыраму. На севере оазис открыт безбрежной Казахской степи. Природные условия способствовали развитию в области многоотраслевого хозяйства. Горные районы с разнотравьем и арчевником были прекрасными пастбищами для отгонного скотоводства. Адыры предгорий являлись зоной богарного земледелия и использовались также под пашнища, благоприятные для зимнего и осенне-весеннего содержания скота. На равнинах, в долинах рек развивалось поливное земледелие, садоводство, выращивались бахчевые и технические культуры. Недра гор богаты полиметаллами, особенно серебром и золотом.

Комплексность хозяйственно-культурного потенциала Чача и Илака и его особенности определялись, во-первых, их расположением на границе между оазисами с древнеземледельческой культурой и кочевой степью, в зоне активных экономических контактов кочевых и оседлых народов и сложных митрационных процессов; во-вторых, интенсивной разработкой богатых рудных месторождений с преимущественной добычей благородных металлов; в-третьих, постепенным перемещением

на север основных торговых путей, соединявших страны Среднего и Ближнего Востока с Китаем, и активным включением в торговлю скотоводческих народов.

Все это способствовало интенсивному развитию земледелия, ремесел и активного процесса урбанизации.

Для периода раннего средневековья сведения письменных источников об Илаке отсутствуют, о Чаچه они кратки и отрывочны. В первую очередь это сообщения китайских хроник Суйшу, Вейшу, Таншу, в которых владение под именем Шя или Чжеши с одноименной столицей упоминается с V в. н.э. (Бичурин, 1950, Т. II).

Известны факты проходившей в пределах Чача борьбы эфталитов с тюрками, смены политической власти, участия в дипломатических миссиях (Бичурин, 1950, Т. II, с. 278, 281).

Анализ сведений побывавшего здесь в 30-е годы VI в. Сюань Цзяна позволяет почерпнуть данные о структуре владения (Beal, 1884). О чачской торговле можно судить по "старым согдийским письмам" из Восточного Туркестана (Липшиц, Кауфман, Дьяконов, 1954), а согдийские документы дают ценные сведения об изменении размеров владения в период борьбы с арабами (Согдийские документы, 1962, Вып. II, с. 78-79).

Первую характеристику чачского войска дали арабские авторы Табарни и ал Асир (Табарни, BGA, T. 2, С. [247; МИКК, 1978, С. 53).

Более детально владения описаны арабо-персоязычными географами X в. Истахри, Мукаддеси, ибн Хаукалем и особенно анонимным автором Худуд ал Алам (Hudud al Alem, 1970). Наряду с характеристикой границ региона эти авторы сообщают об экономическом потенциале городов и торговых путей.

Однако сведения их очень скудны и часто противоречивы. Основные материалы для характеристики средневековой истории Чача и Илака содержат археологические источники.

История областей V—VIII вв.

По данным источников, в V в. регион вошел в состав эфталитского государства. В VI в. эфталиты столкнулись с Тюркским каганатом и бассейны Сырдарьи становятся зоной активных боевых действий с каханом Истеми, о котором источники говорят как о правителе "с войском, казной и короной..." от Китая до Гульзарума [Сырдарьи] и Чача". В середине VI в. каган Сяньцзи захватил, кроме Чача, Фергану и Согд. В результате в Чаچه, Параке, Самарканде и Согде много [мест] было разорено и стало местом пребывания сог' (Габурин, 1972, С. 218).

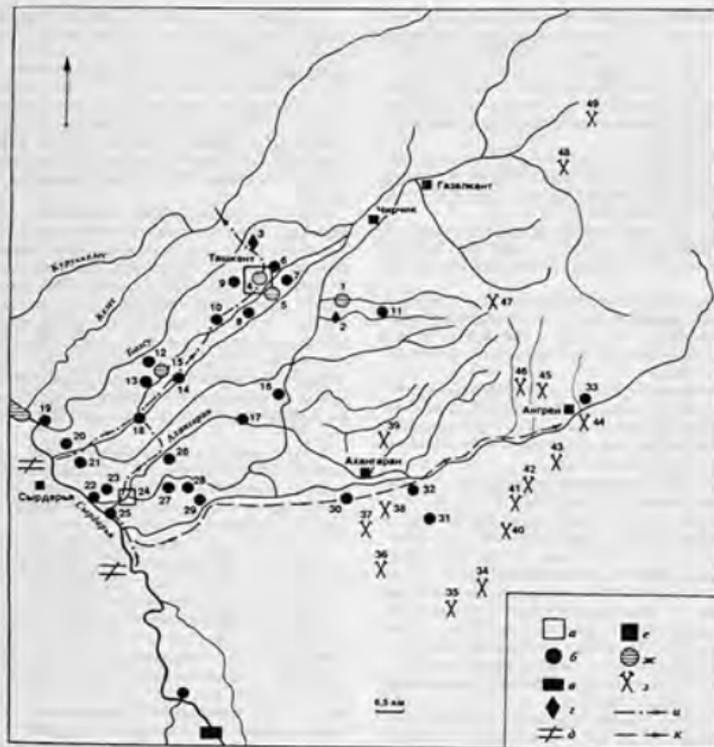
Возможно, в этот период происходит выделение Илака, автономия которого базировалась на эффективной добыче золота и серебра.

При последующем дроблении каганата Чач и Илак входят в состав западного объединения, а после неудач-

ного восстания в 605 г. против кахана к власти во владении приходят тюркские правители — тууду.

Китайский путешественник Сюань Цзян отмечает в этом владении несколько десятков городов, управлявшихся феодалами, подчиненными тюркскому кагану (Beal, 1884, P. 452). Однако последующие междоусобицы в каганате способствуют росту независимости Чача и его более тесным культурно-экономическим связям с Согдом и Ферганой. Реальная опасность арабского вторжения в конце VII — начале VIII в. приводит к оформлению союза владений Мавэрнахр под эгидой Тюркского каганата.

В составе коалиции Чач активно участвует в борьбе с арабами. В 712 г. оказывает помощь осажденному Самарканду, что вызывает в 713 и 714 гг. ответные карательные походы арабов.

Карта 4. Чач и Илак

1 – Кавардик; 2 – Кавардан, аулус; 3 – Актепе, замок и храм огня; 4 – Машурлик; 5 – Ханбаба; 6 – Актепе, замок; 7 – Тутайтепе; 8 – Ногайттепе; 9 – Кулакиттепе; 10 – Майтепе; 11 – Шишкурки; 12 – Туртукултепе; 13 – Шамайттепе; 14 – Югайттепе; 15 – Кауку; 16 – Тойтепе; 17 – Кеизактепе; 18 – Исокиттепе; 19 – Шаушкуркутепе; 20 – Чиназтепе; 21 – Актепе; 22 – Тютюкзелтепе; 23 – Киркджанчи; 24 – Капка; 25 – Шар-

киз; 26 – Аккурган; 27 – Ошкюзи; 28 –тепе у совхоза им. Мичурнина; 29 – Мазарттепе; 30 – Кудлата; 31, 32 – Итахак; 33 – Ангрэн; 34–49 – места древних выработок; а – крупный город; б – малый город; в – поселения; г – культовые места; д – переправы; е – современный город; ж – средний город; з – рудники; и – транзитный путь; к – внутренний путь

В период борьбы происходит объединение Чача с северными степными районами вплоть до Отрара. Это укрепляет союз с тюркским каганатом.

В 723–724 гг. объединенным силам удалось нанести арабам поражение на Сырдарье. Лишь к середине VIII в. арабы разгромили тюркский каганат и осадили Чач. Воспользовавшись ослаблением владения и его столкновением с Ферганой, в середине VIII в. Чач попытались подчинить себе китайцы, захватившие его столицу и разрушившие ее. Однако в 751 г. они были разбиты арабами на Таласе, и Чач был включен в состав халифата. Его жители активно участвовали в антиарабской борьбе. Здесь находился один из очагов движения Мухаммада, и даже авторы X в. сообщали, что в Илаке много сторонников “людей в белых одеждах”.

Таким образом, в политической истории Чача и Илака можно выделить два этапа. Первый этап: V – середина VI в., обе области входят в состав эфталтского государства. Второй этап: вторая половина VI – конец VIII в., Чач и Илак в составе тюркского каганата.

Эти этапы четко прослеживаются в археологическом комплексе, архитектурно-строительной технике, монетной системе и культурных связях, выявленных на многочисленных памятниках региона.

Вхождение Чача в состав эфталтского объединения не изменило его экономических связей и способствовало развитию традиционных форм земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Включение области в состав тюркского каганата и частичная замена местных правителей тюркскими укрепляли экономические связи со степными кочевниками. Проявляется их интенсивный переход к оседлости, особенно в долине и предгорной зонах на границе со степью, а также в городах и сельских поселениях. Регион делится на ряд мелких владений, подчиненных центральному правителю и чеканивших свою монету.

Сосредоточение в руках Тюркского каганата междугородной торговли способствовало передвижению к границе со степью одного из ответвлений Великого шелкового пути, который стал проходить через Чач.

Ускорился процесс освоения горнорудных ресурсов в Чаткалокурганском районе. Особое внимание уделяется добыче и обработке благородных и цветных металлов, бирюза.

Все это приводит к резкому росту сельских и городских поселений, к интеграции культурно-хозяйственного комплекса, усиленно связей с соседними регионами, в первую очередь с Согдом, купцы которого господствовали на сухопутных торговых путях.

Формируется близкий к согдийскому облик материальной культуры, где наряду с согдийскими чертами отмечается влияние тюркской кочевой среды. Это прослеживается в вооружении, архитектуре, бытовых комплексах, обычаях. Изменяется система денежной эмиссии.

Первые сборы археологических материалов из Ташкентского района относятся к последней четверти XIX в. Они представляются случайными находками, поступавшими в основном, начиная с 1876 г., в Туркестанский музей (*Остроумов, Аничков, 1903*). В 1895 г. был организован Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА), члены которого провели обследование ряда средневековых памятников. Результаты этих изысканий вместе с интересными находками публиковались в Протоколах ТКЛА и "Туркестанских ведомостях". Среди них упоминаются Канка, Актене, Ханабад, Шарка, находки оссуариев в долине Ахангерана и в районе Ташкента, коллекции сфероконических сосудов, металлических изделий и др. Член кружка Е.И. Смирнов в 1896 г. готовит первую сводку древностей Ташкентского оазиса, в которую включаются городища Мингурок, Ханабад, Ногайкуртан и некоторые другие (*Смирнов, 1896*).

Новый этап археологических исследований наступает в 20-е годы нашего столетия. Систематизацией памятников занимаются А.А. Потапов, М.В. Воеводский, М.П. Гризнов, М.Е. Массон и Т. Мирзиевлов. Проведены раскопки в Тойтене, в результате которых получена интересная коллекция оссуариев. Обследованы жилища и производственные памятники в долине Ахангерана (*Массон М., 1935*).

Топография и типология

С конца IV в. н.э. начинается активное освоение всего оазиса вплоть до предгорий, когда создаются локальные

С середины 30-х годов В.Д. Жуков обследует памятники в перовых Чирчика, а Г.В. Григорьев приступает к раскопкам городищ и поселений в ст. нижнем течении (*Григорьев, 1940*). Ряд средневековых памятников был выявлен в 1940 г. А.И. Тереножкиным при археологическом надзоре на Ташкентском канале (Древняя и средневековая культура Чача, 1979, С. 37-39). В 1940-1941 гг. он начинает стационарные раскопки замка Актене близ Ташкента, позволившие В.Л. Вирининой впервые охарактеризовать архитектуру раннефеодалного Чача (*Тереножкин, 1948; Воронина, 1948*).

В 40-50-е годы кафедрой археологии ТашГУ (руководитель М.Е. Массон) осуществляется фиксация памятников в Ташкенте и области с обследованием Ханабада в Ногайкуртане, Заигата, Чингиза и других (*Башев, Массон, 1956; Лунина, Усманова, 1956; Буриков, 1956; Буриков, Зильбер, 1960; Буриков, 1963, 1966*). Институт истории и археологии с конца 50-х годов ведет работы по изучению погребальных сооружений оазиса, в том числе и средневековых (*Азизходжаев, 1966*), а Музей истории начинает исследование городища Мингурок в Ташкенте, затем столицы Илака - Тункета, обследуются городища Нукет, Канка, Шахрухан, изучаются памятники горного дела и металлургии (*Буриков, 1974*).

В 60-е годы обследуются памятники горных районов (*Лунина, 1966; Буриков, 1972, 1972а*), а основные раскопки сосредотачиваются в районах новостроек, на Чарвакском и Тувбузукском дохранилищах (Древности Чарвака, 1976; Древности Тувбузука, 1978).

Работы по систематизации памятников завершились в начале 70-х годов выпуском археологической карты области, в которую вошло около 500 памятников средневековой эпохи (*Буриков, Кисымов, Ростопцев, 1973*).

Последующие раскопки сельских и городских поселений, горно-металлических пунктов и погребальных сооружений способствовали уточнению этапов развития культуры в экономических связях региона (*Абдуллаев К., 1975; Буриков, 1972, 1975; Древняя и средневековая...*, 1979). Специальный отряд, созданный в 1967 г., изучает памятники в пределах Большого Ташкента. Полученные материалы дали возможность выделить два этапа в средневековой истории региона (Древний Ташкент, 1973; *Филинович, 1983*).

Для поры раннего феодализма в Чаче и Илаке выявлено 348 памятников, в том числе 255 сельских и 32 городских (Табл. 37). Сложнее обстоит дело с погребальными комплексами. Всего в оазисе открыт 121 могилище. Из них уверенно к данному этапу можно отнести лишь 23 (*Буриков, 1982, С. 12-46, 52-57*).

ирригационные сооружения и формируются системы городских и сельских поселений, связанные между собой.

Город

Средневековые города вырастают либо на месте античных городов на старых караванных путях, либо в горнорудных районах, как ремесленные металлургические центры по переработке сырья.

Особенно активно формирование городов происходит на границах с кочевым миром на новых караванных

путях. Контакты со степью особенно интенсивно нарастали в период тюркского каганата.

Наряду с традиционной системой расположения поселений вдоль Сырдарьи вокруг крупных городов Канка и Шахрухан появляются новые города с сопутствующими селениями. Наиболее крупный урбанистический узел

Поселения городского типа Чача и Илак V-VIII вв. н.э.

№ п/п	Городище	Площадь, га			Форма	
		городища	цитадели	шахристана	цитадель	шахристан
1	Канка	150,0	1,0	149,0	Квадратная	Прямоугольная
2	Кавардан	75,0	1,0	74,0	Круглая	Неправильная
3	Мингюрктепе	35,0	1,0	34,0	Квадратная	Прямоугольная
4	Хамбадтепе	34,0	1,0	33,0	-	Квадратная
5	Каучитепе	25,0	0,3	24,7	Прямоугольная	Прямоугольная
6	Кеязхитепе	25,0	1,0	24,0	Круглая	Неправильная
7	Шахруха	22,0	1,0	21,0	Квадратная	Квадратная
8	Югонтепе	20,0	2,0	18,0	Круглая	Прямоугольная
9	Улькантийтепе	20,0	1,0	19,0	Прямоугольная	То же
10	Акаттепе	18,0	1,0	17,0	?	?
11	Илак	17,0	5,0	12,5	Треугольная	Прямоугольная
12	Туртультепе 1	16,0	?	16,0	?	Квадратная
13	Кульата	15,0	0,8	14,2	Овальная	Неправильная
14	Туртультепе 2	15,0	1,0	14,0	Квадратная	Прямоугольная
15	Кырджанги	15,0	1,0	14,0	Овальная	Неправильная
16	Кулакдигтепе	14,0	1,0	13,0	Квадратная	Прямоугольная
17	Дальмердигтепе	13,0	-	13,0	Прямоугольная	-
18	Чинаутепе	12,0	0,4	11,6	-	Неправильная
19	Тепе в сохоте км. Мачурина	12,0	0,37	11,2	Квадратная	Квадратная
20	Шаматепе	12,0	1,07	11,07	Округлая	Неправильная
21	Бельминое тепе в Ангре	12,0	1,5	10,5	Прямоугольная	?
22	Севиктепе (Муничтепе)	11,2	2,7	8,5	Полупрямоугольная	Неправильная
23	Ногайхурган	11,0	1,07	10,07	-	?
24	Ошманатепе	11,0	-	11,0	Неправильная	Прямоугольная
25	Тугайтепе	9,5	0,5	9,0	Квадратная	-
26	Майтепе	9,5	0,08	8,9	-	-
27	Акжурган	7,0	1,0	6,0	Круглая	Неправильная
28	Актепе	6,5	1,2	5,3	Пятиугольная	?
29	Шауцуктепе	6,2	0,2	6,0	Прямоугольная	?
30	Ишхурган	5,0	1,0	4,0	Неправильная	?
31	Мазартепе 2	4,0	-	-	-	-
32	Исхиташкент	20(?)	?	?	?	?

складывается в среднем течении Чирчика на границе со степью, где формируются шесть городов. Вдоль Чирчика протягивается цепочка городов-крепостей. Изменяется статус некоторых городов. Так, в VII в. один из крупнейших городов региона — Мингюрк становится столицей Чача.

Столицей Илака становится расположенный в бассейне Ахаггарана Тункет с крупной цитаделью "дехкана Илака", металлургическими мастерскими. К ней примыкает группа рудных городов Илака. В нижнем течении Ахаггарана формируются пункты, связанные с древними центрами Сырдарьи. Через Улькантийтепе, расположенный в центре оазиса, проходит путь, соединяющий северные и южные районы. Увеличение числа городов, их пространственное распределение обусловлены факторами экономического и социально-политического развития области. Дробление владений на Чач и Илак и перемещение центра экономической и политической жизни из бассейна Сырдарьи в долину ее притоков, в предгорные и степные районы, оформление локальных раннефеодальных владений приводит к переносу столи-

цы Чача на север и образованию столицы Илака, выполняющей административные и экономические функции в южных районах оазиса (Бурков, 1982. С. 1982. С. 121-140).

Но в основном урбанизация области идет за счет образования мелких городских пунктов. Большинство их тесно связано с сельской округой, развитие которой обусловлено широким освоением новых земель в адырной и предгорной зонах и формированием системы поливного земледелия.

Типичную картину расселения в зоне контактов со скотоводными степными районами представляет Ташкентский микрооазис, сложившийся на базе разветвленной водной системы среднего течения Чирчика. Его основными действующими оросителями в эту эпоху стали Салар-Джуи и частично Бозсу с сетью протоков и каналов, пересекавших водоразделы, так что территория, пронизанная ирригационными артериями, была приспособлена для ведения земледельческого хозяйства. В пределах микрооазиса сосредоточивалось до 20 населенных пунктов, большая часть которых вошли сейчас в границы совре-

мивного Ташкента. В целом микроаэроз демонстрирует типичную структуру эпохи раннего средневековья, где наряду с главным городом существуют подчиненные городские пункты, сельские поселения, замки раннефеодалов владельцев и региональный культовый центр.

Городище Мингурюк этого периода соответствует "мадине Чага" арабских источников и главному городу Ши китайских хроник (*Бурхакс*, 1975, С. 52). Окружность стены города нечислялась в 10 ли (Табл. 37, 8). По карте прошлого столетия, уточненной археологическим обследованием, сохранившаяся площадь городища составляет около 35 га, а его конфигурация позволяет реконструировать почти прямоугольный план, видимо унаследованный от более раннего периода и напоминающий очертания другого крупного городища Чага — Кавки, на планировке которого, возможно, сказались античные градостроительные традиции эллинистических цивилизаций Юга (*Бурхакс*, 1982, С. 106; *Филиппов*, 1983, С. 78–90).

Город делится на цитадель и Шахристан, причем цитадель занимала 0,5 га, т.е. 1/70 часть площади. Город питался водой из-Салара, откуда был проведен специальный канал.

Цитадель вместе с городской стеной, снабженной стрельчатым коридором, составляла внушительную систему обороны. Фасад цитадели фланкировали прямоугольные башни оригинальной ступенчатой формы в верхней части. В стене цитадели также проходил внутренний коридор.

Особенность фортификации этого города заключалась в отсутствии бойниц, что заставляет предполагать оборону только с верхней яруса стены. Внутри цитадели оформился комплекс узких сводчатых помещений. Важным атрибутом городов такого ранга являлся дворец. В условиях раздробленности страны (наконец арабского завоевания существование в городах великодушных дворцов правителей раннефеодалов владельцев подтверждает многочисленность мелких столиц. Раскрытые на Мингурюке остатки здания принадлежали самому крупному дворцовому сооружению региона (Табл. 41, 12, 13). В основе его планировки лежит чередование залов в комбат, объединенных широкими колончатными коридорами, и функциональная разграниченность помещений. В окончательном варианте своей планировки, и как он предстал ко времени прихода в Чаг арабских завоевателей в первой трети VIII в. н.э., дворец Мингурюка делится на парадную, жилую, культовую и хозяйственно-складскую части. Здание, выстроенное из прямоугольного сырцового кирпича и пахсы, разбитой на блоки, перекрывалось в зависимости от размеров и назначения помещений сводом или плоским потолком, опирающимся в залах на две или четыре колонны. Глинобитные своды вдоль стен и залах с выступающей "астродой" в центре хозяйственных помещений, невысокие глинобитные "столы" — характерные приемы внутреннего оборудования построек.

Для дворцовых зданий региона обязательно наличие зала для культовых церемоний с алтарным возвышением в форме полуовала в центре и следом сильной прокладенности на нем, что указывает на установку здесь жертвенника или же на длительное горение огня непосредственно на подиуме. На Мингурюке в комплексе свя-

тизна входит еще и небольшая комната (Табл. 41, 15).

Залы, кулуары, святилище и даже комната для хранения запасов во дворце "мадины Чага" были украшены настенной живописью, почти полностью уничтоженной пожаром, использовавшим при разрушении здания. Куски подкрашенных гугукатурок в зале и небольшой участок южного бордюра на стене коридора, изображавшего растительный побег с листьями и рядом перлов, — это все, что осталось от живописи. Черты сходства с индийским миром в конструкции и декоре дворца могли бы совсем скрыть местную чашечку основу, если бы признаки ее не ощущались в комплексе материальной культуры, прежде всего в находках монет местных правителей и в керамике, где наряду с общесредневековыми типами посуды присутствует набор форм, продолжающих традиции местной каунической культуры.

Дворец "мадины Чага" вместе с цитаделью господствовал в городском рельефе, будучи, видимо, самым высоким зданием шахрстана. Исследование же самого шахрстана, хотя и ведется в условиях густонаселенного современного города, все-таки позволяет составить некоторое представление о его структуре и характере застройки. Раскопки показали, что застройка в городе была плотной. В центре шахрстана открыты остатки многокомнатного дома с толстыми паховыми стенами, а также мастерские гончаров и металлургов. Расположенные вплотную друг к другу жилища горожан разных социальных слоев соседствовали с торгово-ремесленными зданиями (*Белгичий*, *Беймушич*, *Болдышев*, 1973, С. 25).

Ремесленники столицы Чага занимались обработкой металлов, изготавливали орудия труда, оружие, украшения, драгоценную утварь из металла, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, керамическую и стеклянную посуду, ювелирные изделия. Обрабатывали продукты животноводства, поступающие из степи.

Город был местом оживленной торговли, о чем свидетельствуют найденные монеты ближних и дальних государств от Византии на западе до Китая на востоке. Собственную монету чеканили в столице Чага. Отмечен также взлет культуры. Источники свидетельствуют об особом развитии в области изобразительного и музыкального искусства.

Несмотря на временную зависимость от Тюркского каганата, Чаг сохранил свой язык и культуру. Государственным языком оставался диалект согдийского языка, согдийским именем представляли и титулы и имена правителей на монетах (Артачак, Шапшаба, Тарнач) и составлялись официальные документы. Столица Чага была также культовым центром. Здесь практиковались земледельческие культы плодородия, огнепоклонничество, почитание обожествленных предков.

Руины другого крупного города, располагавшегося в ближайшей округе столицы Чага на берегу р. Чирчик, скрытый городище Ханабадлене. Городище отожествлено М.Е. Массоном с упомянутым источниками X в. в легендах в дух фарсаха от столицы городом Нуажет (*Массон М.*, 1953б, С. 41). Здесь, согласно письменным сведениям, жила дочка, обслуживавшая перенару через Парак (Чирчик) и Хашарт (Сырдарья) (*Абулдул Алия*, 1930, С. 246). Исследования выявили более раннюю, чем предполагал М.Е. Массон, основу города. На этом участке поймы Чирчика городской пункт сложил-

сы к VI в. н.э. В VII в. н.э. он уже был окружен оборонительной стеной с башнями в восточном углу. Площадка города составляла около 34 га, башнеиди — около 1 га. Располагаясь на возвышенном с юга к «мадине Чача» отрезке торгового пути, город имел военный и торговый характер.

В основе планировки башнеиди Ханабатте лежат прямоугольник, объединенный по периметру коридором с угловыми башнями. Стрелковая галерея, башни, узкие, идущие монотонным рядом помещения-казематы, открытый двор — план в середине свидетельствуют о ее роли как крепости-казармы для гарнизона, что отличает ее от других подобных сооружений Средней Азии (Древности Ташкента, 1976, С. 183). (Табл. 41, 11).

Оборонительная городская стена Ханабата сложена из слоев нарезной нахсы, перемежаемых рядами сырцового кирпича. Внутренний фас стены отвесный, внешний — скошенный. Она была снабжена внутренним перекрытым сводом стрелковым коридором, стены которого прорезаны бойницами. Раскопки юго-восточного участка стены демонстрируют яркую картину гибели города в пламени пожара в первой половине VIII в. н.э. Под рухнувшими стенами оказались погребенными защитники города. Следы пожара указывают также на разгром башнеиди. Вскоре после падения города оборонительная стена была восстановлена и использовалась еще некоторое время в VIII в. н.э., пока за ее внешним фасом не сложилось городское оссуарное кладбище.

Жилую застройку шахристана Ханабата составляли массивы кварталов. Внутрь шахристана улавливаются следы ремесленного производства. Ханабат, располагаясь близ переправы через Чирчик, был развитым торговым центром, о чем свидетельствуют многочисленные находки монет. Кроме монет правителя Чача, на его рынках обращались монеты вассальных домовов (Кабарны, Фарикета) и сопредельных областей Согда, Уст-рушаны, а также тюркешские и китайские. Торговля была не только транзитной. По данным письменных источников, Чач — крупный центр ремесленного производства. На международных рынках он выступал активным экспортером собственной ремесленной продукции, а его купечество по количеству не уступало купечеству Согда. В сошедших торговых колониях Восточного Туркестана Ханабат занимает третье место, после Самарканды и Бухары. Ханабатские демонстрирует большое влияние согдийского культурного комплекса и представляет из территории Ташкентского микроаггласа более развитую урбанизированную структуру.

Третьим по масштабам района город Кутантте, расположенный на берегу Сарара, сохранил лишь небольшую часть своей территории (ранее составлявшей около 11 га). Башнеиди Кутантте представлена мощным замком с монументальными, постепенно утолщающимися стенами. Шахристан был застроен домами, включавшими несколько жилых комнат, парадное помещение с суфами вдоль стен и сырцовым возвышением в центре, где возжигался огонь (Табл. 40, 10), а также подобно-кухонную часть. За пределами города располагалась некрополь с захоронениями в оссуариях.

Главной структурной единицей ташкентского микроаггласа, как и всего региона Чача в целом, в эпоху раннефеодалов был замок-усадьба крупного раннефео-

дального владетеля с зависимым от него населением. Приуроченные к разветвленной водной сети микроаггласа разномащитные замки-кейки густо покрывают его территорию, отражая, очевидно, в размерах и степени сложности своей архитектуры и фортификации иерархическую систему взаимоотношений в раннефеодалном обществе Чача. Наиболее изученным и типичным примером такого замка служит Актеле Юнусабатское, также расположенное в северных пределах современного города Ташкента, на арке Актеле (Табл. 41, 1).

Сооружение включало собственно замок, выстроенный из сырцового кирпича и пахсовой глины, и двор с постройками, объединенными одной системой обороны, окруженные стенами и рвом на площади 2,5 га, из коих около 1 га приходится на замок, а также рассеянное поселение на площади до 100 га (Табл. 41, 3).

Определенный как замок-кейка первым исследователем А.И. Тереножкимым (Тереножкин, 1948; Воронин, 1948), массив сырцовых руин в ходе последующего изучения почти полностью раскрыл свою структуру, подтвердив правильность первого определения (Физиолович, 1983, С. 100 и сл.). Попасть в замок можно было, пройдя во двор по террасе вдоль рва по узкому коридору, образованному двумя барьерными стенами. Во двор вели ворота, через которые свободно проезжал всадник. Предварительный ансамбль во дворе включал комнату курдгарди, крытую сводом, и открытое проходное помещение с проемами во всех стенах. В полу последнего была углублена сток, облицованный керамическими плитками, отводивший воду через ворота в ров. Стена двора толщиной до 3 м представляла собой монолитную оборонительную линию с открытой площадкой наверху, откуда дождевая вода также отводилась в ров по водотводу из керамических труб-кобуров. Пространство двора было занято постройками, из коих раскопана часть с массивными стенами и деревянными полами в одной из комнат (Тереножкин, 1948, С. 110). Сам замок в виде квадратного массива площадью 800х80 м в основании охватил естественный лесовый бугор двумя рядами сводчатых галерей. Уже на первом этапе существования, в V — начале VI в. н.э., он представлял собой квадрат с прямоугольными башнями. Внутреннее пространство застраивалось узкими глубокими казематами с выходами в верхнюю галерею, которая на углах замыкалась круглыми купольными внутреннебашенными помещениями. Пройдя два этажа перестроек, в VII—VIII вв. н.э., замок приобрел вид ступенчатой пирамиды с прямоугольными башнями на углах и во внутренних стенах в юго-западном углу башней-донжоном. Главный вход в здание со двора также был оформлен выступающей башней. Оборона замка обеспечивалась со ступенчатой пирамиды на-за зубцов, так как во внутренних галереях и в башнеиди самой «мадине Чача» (Мишурюк) не встречено бойниц. Внешний фасад и паранет замка украшали резные терракотовые детали в виде зубцов, кругов и лангит 5-образной формы, придавая ему типичный облик крепостей, известный по изображениям на предметах раннесредневековой туркетики. Комплекс построек замка последнего периода существования четко делился на парадно-жиловую, культовую и водоснабжающую части. Башня-донжон включала первую, причем основные парадные помещения, украшенные сюжетными настенными росписями, фрагмен-

тарно сохранившимся в завалах, располагались в верхнем этаже. На подобно-хозяйственный отсек приходится большая восточная часть замка. Застройка в нем включала ряд однотипных параллельных узких помещений, вытянутых в меридиональном и широтном направлениях и освещавшихся оконными проемами в торцовых стенах. Во всех помещениях отмечен второй антресольный этаж, о чем свидетельствуют гизды балок межэтажных перекрытия и проем окна второго этажа. В этих хранилищах на вытоутых ядлах стен суфях были расставлены хумы с мукой, маслом, вином в прочими припасами. В верхних помещениях, вероятно, пребывала охрана замка. В отличие от соудатых обводных галерей в нижних помещениях в башне-донжоне весь отсек хранилищ был перекрыт плоской крышей из балок с накатом из ветвей и камыша, залитых сверху глиной. Часть хозяйственного отсека занимал двор, видимо перекрытый навесом, с тануром для вынечки джешек и кухонными очагами. Здесь же, в замке, специальное помещение было отведено для виноделия, состоящей из двух вымощенных терракотовой плиткой больших загоронок со специальными сланами в общей резервуар, в дно которого до самого венчика вкопан хум-отстойник.

Культовая часть замка представляется довольно сложным комплексом, сложившимся постепенно вокруг отдельной стоящей купольной науа-мазолек, суфы которого предназначались для размещения семейных оссуриев владельца кешка. Рядом сложилось двухчастное святилище огня, включавшее камеру с суфами и полуovalьным алтарем в зал для культовых церемоний. Другие помещения с антропоморфным алтарем и суфами предназначались, очевидно, для поминальных жертв и для обитания обслуживавшего храм священнослужителя. О повседневной жизни замка говорят находки различных предметов материальной культуры: бытовой керамики, изделий из камня, железных орудий труда, оружия, доспехов, ювелирных украшений. Уникальна найденная А.И. Тереножкиным терракотовая плитка с отписком портретного изображения пожилого бороватого мужчины, донесшего до нас, возможно, черты одного из обитателей замка (Табл. 41, 8).

На примере кешка Актепе вырисовывается хозяйство крупного дехкана, которое имело в основном натуральный характер. Снабжение необходимыми продуктами с последующим их обработкой и хранением происходило в пределах усадьбы. Это, однако, не исключало из ее жизни торгового обмена. Железные изделия, оружие, а также находки небольшого количества монет чакского, согдийского и тюркешского чеканки свидетельствуют о связи с рынком и ремесленниками города.

Обстоятельства гибели замка в первой половине VIII в. н.э. красноречиво раскрывает картина разрушения и пожара. Сокорьтый в уже полуразрушенном здании «кладки» монет, состоящий из 12 серебряных дирхемов омейядского чекана и одного «черного дирхема», убедительно связывает ее с временем разрушительных походов в Чаг арабских завоевателей, огнем и мечом прокладывавших себе дорогу.

Примечательный элемент округа «машины Чача» — располотенный в юго-западу от последней отдельной стояний комплекс Актепе Чиланзарского, который можно интерпретировать как общественный храм, собиравший на праздничные мероприятия население округа

столины. Сложившиеся здесь с конца IV в. н.э. здание, связанное с культом огня, после перестройки сменилось в VII-VIII вв. н.э. новым комплексом культового характера (Табл. 40, 1, 2, 3, 5).

В целом «машина Чача», города и замка в ее округе демонстрирует высокое развитие фортификационного и строительного искусства, не уступающего таковому развитых регионов Средней Азии, но отличающегося видимым своеобразием, свойственным контактной зоне. Повышенная забота об обороне и мощи фортификации; система планировки с обводным глухим коридором и угловыми башнями, преимущественный способ обороны из-за зубцов, разнообразие конструкций в форм арок, сводов, применение купола, использование деревянных покрытий полов, ступенчатое оформление фасадов башен — вот некоторые характерные черты строительной техники Чача. При прогрессивных формах строительства наблюдается далеко не одинаковый уровень развития материальной культуры. Господство традиций исламской каучинской культуры с ее огрубленными примитивными формами керамики нарушается в микрооазисе появлением признаков более развитой культуры, адхонивленной согдийским образцами. Округа «машины Чача», хотя и густонаселенная, не была еще оживлена устойчивыми связями, что, в частности, проявилось в неравномерной интеграции прогрессивной культуры. Ее признаки — распространение типа святилищ с полуovalьным алтарем, использование сложной росписи в витражах, перекрытый без колонн, согдийский комплекс бытовой керамики — проявились в облике города-лидера — «машины Чача». Намечаются также система и направление наиболее активных связей, объединяющие его в одну группу с Ханабатом, замком-усадьбой Актепе Юнусабадским, вытянутым по линии трассы торгового пути, наиболее оживленной дороги продвижения согдийских купцов в колонистов. Особое место здесь занимает Ханабатдепе, ярчайшим образом демонстрирующей свою торговую функцию, пестроту и многообразие своих базаров.

Характерный городской пункт ремесленного профиля в горном районе — Намудульг, сформировавшийся в период раннего средневековья в верховьях р. Ахангаран. Площадь городка 12 га. Ядром его является шатдель подпрямоугольной формы площадью 1,5 га, возвышенная между рекой и ее ирригоком. Шатдель построена на искусственном глинобитном столбате, стены выведены из крупного прямоугольного кирпича-сырца и паховых блоков. Затем на расстоянии 1,2 м выстраивается новая стена с междустенным обводным коридором. Снаружи к ней пристроена берма. В систему обороны включен кадрачный в плане замок.

За пределами шатделя вдоль реки вырастают ремесленные мастерские, связанные с выплавкой серебра и полиметаллов. Здесь же находилась одноименная керамическая печь. Город формируется как металлургический пункт в богатом сырьевом районе в как центр верхода к оседлости горных скотоводов (Бурчок, 1972а).

Характерный центр сельской округи горного района — Фаришет (гордище Ишкурган) в междуречье Чирчика в Ахангарана, на левом берегу Паркентека. Его шатдель площадью около 1 га возведена на отдельном стоящем холме. Вокруг нее на прилегающих изолированных

ходах формируется шахристан с домами свободной застройки. Система фортификации шахристана не выяснена (Буржков, 1982, С. 31) (Табл. 37, 5).

Таким образом, в период раннего средневековья колдчатственный рост городов, их топографическое распределение обусловлены факторами экономического и социально-политического развития. Центр экономической и политической жизни передвигается из района Сырдарьи в глубины оазиса, в долины ее притоков, в предгорья и степные районы.

В VI–VII вв. наблюдается интеграция структуры городских и сельских пунктов. Важную роль в ней играют элементы фортификации. Города в основном двухэтажные, состоят из цитадели и шахристана. Цитадель изолирована от города, окружена стеной и рвом. На завершающем этапе при некоторых городах начинаются складываться пригороды. Сельские пункты включают цитадельный замок, поселение вокруг которого не всегда окружено стенами. Цитадель поселений обычно крупная, занимает более 20% всей площади, в то время как в городе она не столь значительна. Застройка сложная и плотная, но в шахристане она более насыщена ремесленными

объектами; в цитадели сосредоточены парадные, хозяйственные, иногда культовые постройки.

Размеры городской территории в пределах стен относительно невелики. Площадь наиболее крупного города — Хараджкета на начальном этапе по сравнению с следующим периодом сокращается до 45 га, но затем вновь увеличивается в пределах античных стен (около 150 га). В VI — начале VIII в. за внешними стенами этого города вырастает ремесленный керамический квартал. В то же время внутри шахристана плотность застройки неоднородна. Наряду с кварталовой застройкой раскрыты замково-усадебная, занимающая специальные участки внутри шахристана.

Площадь городов, зародившихся в период раннего средневековья, более ограничена. Площадь "машины Чача" не превышала 35 га, Нуджкета — менее 30 га, Тункета — 17 га, Чинчакета — 12 га. Эти размеры обильны для раннесредневековых городов Средней Азии. Они близки к цифрам письменных источников. (По сообщениям китайских хроник, окружность стены "машины Чача" составляла 10 ли, столицы Ферганы Касана — 4 ли, Тараза — 8 ли).

Строительное дело, архитектура

Характерная черта строительства укрепления замков, цитаделей и городских стен раннесредневекового Чача — возведение искусственных доколей и стилобатов. Основным строительным материалом служила крупнооблочная палса, прослоенная прямоугольными крупноформатными сырцовым кирпичом размером (48–52)×(23–26)×(10–12) см, применявшимся преимущественно при оформлении сложных узлов-сводов, арок, переходов и других архитектурно-строительных деталей. Архитектура этого времени дает развитые сводчатые конструкции с четко разработанными приемами. Помещения перекрываются сводами полусферической формы, выложенные наклонными отрезками с разрушочными элементами. Входные проемы оформляются арками.

Оборонительные стены имеют валганг и бруствер для ведения насаженного огня. В их систему включаются выступающие башни овальной, прямоугольной и ступенчатой конструкций. Наряду с ними применена система обводных коридоров с одноуровневым и двухъярусным боем с бойницами непосредственно в стене.

Основные материалы для истории дают археологические исследования городов, в первую очередь Канки, Мингуюрка, Ханабата, Куляты, на которых отмечены два крупных этапа перестроек, характерных для V–VI и VII–VIII вв. Выделяется несколько типов цитаделей, связанных с особенностями их функций. В большинстве раннефеодалных городов Чача цитадели сочетали оборонительные, жилые и административные функции. Примером может служить цитадель Канки, представляющая собой четырехбашенный замок с подквадратными выступающими башнями-пилонами на углах, кинески расширяющимися вниз с уклоном до 75°. Вход-пандус колончатой формы с приспособлением для очищения входных отгнем (Табл. 38, 1, 4).

Внутри цитадели находилось жилище и хозяйственные помещения. В северном углу раскрыт двухэтажный

культовый комплекс с суфами вдоль стен и подковообразным алтарем в центре. На главной суфе — "эстрада" найдены обломки керамической переносной курительницы. Нижний этаж перекрыт ложным куполом с деревянным каркасом шагровой формы, верхний — с плоским перекрытием. Зал выполнял функции домашнего храма огня типа известного и в Чаче и в Согде (Буржков, 1982, С. 127–128). Как отмечает В.Л. Воронина, распространение купольных залов, "вероятно, отчастило требованиями зороастризма, введенного в куполах наиболее идеальную форму выражения небесной сферы" (Воронина, 1977, С. 122). В целом цитадель Канки представляет собой типичный замок правителя.

Также же функцией выполняла цитадель Мингуюрка, в которой раскрыты остатки дворца VII–VIII вв. (Табл. 41, 13, 6), где находился англогонный культовый зал (Зильбер, 1978).

Монументальная цитадель Тункета площадью 5 га возведена на доколе с умелым использованием рельефа. Часть ее стен представляет собой обкладку палсой естественных холмов, что обусловило ее неправильную и плане форму. Размеры и обособленное положение в системе обороны (цитадель имеет лишь одну общую с городом стену) характеризуют ее как самостоятельное фортификационно-административное ядро. Она функционировала и как цитадель города, и как замок правителя, который в источниках назван "сильным дехканом Илака".

Наряду с указанным типом комплексных функций цитаделей известны другие — специализированного оборонительного характера. Примером может служить цитадель Ханабата-Нуджкета. Она возведена на доколе и имеет прямоугольную форму. Палсовые стены толщиной до 11 м, с внутренним боковым коридором — стрелковой галереей. По периметру цитадель обведена узкими прямоугольными сводчатыми помещениями, об-

ращенными к крепостной стене турмом. В узкой стороне цитадели по 12 помещений, а широкой по 15. Судя по плану, это помещения казарменного типа. Все они выводят в общий прямоугольный двор (Древности Ташкента, 1976. С. 6–34). Появление таких укреплений заставляет вспомнить сообщения источников о городках типа "военного лагеря Чага".

Структура шахристанов выяснена недостаточно, но даже неизученные имеющиеся материалы позволяют считать их не только оборонительными, но в первую очередь ремесленными, торгово-экономическими центрами новой формации. Наряду с жилыми постройками в них открыты ремесленно-производственные комплексы, а в некоторых – крупные металлургические, металлообрабатывающие, гончарные мастерские с отвалами производства. В целом для шахристанов характерно густое обживание с уличной застройкой, однако определенные участки их были заняты феодальными усадьбами со свободной застройкой, как в шахристане Каяк.

Экономика раннефеодального Чага многоотраслевой

Основное занятие оседлого населения – земледелие и садоводство. На поселениях и городищах VII–VIII вв. найдены образцы зерновых культур и семена садово-бахчевых. Источники сообщают, что в Чаге выращивали пшеницу, просо, горох, виноград и садовые культуры. Расширение посевных площадей и ирригационной базы земледелия сопровождается интенсификацией хозяйства. Вводятся поля с помощью чигирей. Вместо зернотерок появляются жернова.

В ремесленном производстве важную роль начинают играть горное дело и металлургия. Основные рудные центры сосредоточены в Южном Чаткале и Кураминском хребте. Ведущей отраслью горного дела Илака стала добыча свинцово-серебряных руд. Добыча золота в VII в. занимала по объему второе место.

Большие изменения происходят в металлургии. Если в IV–V вв. многие плавильные мастерские были привязаны к выработкам, то в VI–VIII вв. происходит их концентрация в специальных металлургических пунктах и в ремесленных кварталах городов. Специальные мастерские раскрыты и в столице Илака Тункете, на городищах Кульата, Севильтепе, Бельмянном, на поселениях Кокрель, Ташбулак, Кувлюктепе, в Кендыреке и Ирматасе.

Купельные печи, связанные с окончательной обработкой металлов, раскрыты в Кендыктепе, Шаматепе,

Наличие замка в шахристане раскрывает сложную структуру раннефеодального города. Ее дополняют элементы формирующегося торгово-ремесленного предместья – рабада. Прямоею может служить рабад Каяк, развивавшийся интенсивно с юга вдоль торгового пути из Согда. Здесь в 100 м от южных ворот шахристана располагался большой квартал керамистов (Абдуллаев К., 1974а, С. 84–92), близ него раскрыта мастерская, связанная с обработкой кож. Это специализированный двухкамерный комплекс с системой вымочки кож в гидрофобных растворах в специально оформленном помещении и отсек для окончательной индивидуальной обработки кож. Кожевенное ремесло в этот период превращается в самостоятельную отрасль, несомненно имеющую тенденцию к активному развитию, особенно в контактных со степью районах. Интересно соседство с гончарными мастерскими, зола которых использовалась при обработке кож. В западном рабаде города в VIII в. формируется квартал керамистов (Тихонин, 1986. С. 123).

Севильтепе, Кургантепе, и Тункете. Они прямоугольные, с искусственным поддувом. Около них найдены железные крышки, шлаки.

Растущая потребность в орудиях труда для сельского хозяйства, тесная связь с кочевыми племенами, требовавшая производства конской упряжи, оружия, украшений, торговли, для которой необходима была монета, – все это определило основной круг ремесел чачских металлургов. При раскопках городищ найдены серпы со слегка скошенным рабочим краем, кетмень, наконечники сохи. В жилых домах и погребениях встречены железные однолезвийные ножи с изогнутой спинкой. Разнообразны металлургические детали конской упряжи. Полевые наборы представлены прямоугольными и округлыми пряжками с подвижным язычком и рамкой без язычка.

Наконечники стрел железные, черешковые. По формам выделяются пять типов: четырехгранные квадратные; четырехгранные прямоугольные; четырехгранные с плавным жалом; трехлопастные малого формата; трехгранные.

Украшения представлены бронзовыми и серебряными колечками и дожными печатями на перстцах. Интересна золотая бляшка с портретным изображением мужского лица монгольского типа. Аналогичное изображение есть в тюркских комплексах Сзыречда.

Гончарное ремесло

Анализ керамического материала V–VI вв. подтверждает этнокультурную преемственность с предшествующим этапом. В долинах среднего течения Сырдарьи и в Чаге продолжается дальнейшее развитие керамического производства на базе джетысарско-каушанской культуры.

Печи, раскрытые в Кендыктепе, цилиндрические, одно- и двухжурные, диаметром до 2 м (Буржак, 1982, С. 77–80). Шире используется гончарный круг, распространяется краснокрашенная и слегка зало-

щенная серая задымленная керамика. Основные керамические формы – хумы и хумча яйцевидной формы. Горловина невысокая, диаметр устья почти равен дощцу. Венчик прямоотставленный или слегка изогнутый, уплощенный сверху, валикообразный или клювовидный в разрезе. Горшки одноуровневые и двуручные, крупные с широким устьем и мелкие кружечковидной формы, некоторые с носиком-рожком, иногда на ручке имеется стилизованное изображение животного (Табл. 46, 32, 33, 36, 39).

Котлы традиционной формы — плоскостенные подцилиндрические с одной или двумя вертикальными ручками и шаровидные с округлым доном. Плоские крышки (Табл. 46, 19–23) с петлевидной ручкой на краю или стержнем в центре покрыты и пропаланим (волна, линия), и штампованным (пункты), и палящим (жгутовидные наделы, имитация рогов быка, барана) орнаментом. Объемная стилизованная фигура животного изредка украшает наверх ручки горшка-кружки. Интересен расписной орнамент, покрывающий подобные сосуды. Защризованные черной или коричневой краской треугольники или косые линии покрывают либо все тулово сосуда, либо до горловины. Иногда расписной орнамент сочетается со скульптурным украшением ручки (Табл. 46, 28).

Столовая посуда представлена табачными и мисками (Табл. 46, 1–4), кувшинами с яйцевидным туловом, цилиндрической горловиной и вертикальной ручкой, опущенной до горловины на плечико (Табл. 46, 12–14). Характерны деревянные сосуды-курильницы в виде небольших горшочков закрытой формы со сквозным отверстием в тулове, открытых или полузакрытых чашевидных плошек на цилиндрической ножке. Тулово покрыто вертикальными поясами рельефных наделов и сквозных отверстий.

Широко распространяются появившиеся начиная с этапа Каучи II очаговые подставки "рогатые кирпичи" — стилизованные изображения рогатой головы быка (Табл. 46, 40). На городище Эгартепе, близ Шахрухит, были открыты две комнаты, оказавшиеся мастерской, где они изготовлялись. В одной из комнат на суфе обнаружены подставки в виде стилизованной бычьей головы с выступами-рогами и широко открытым ртом. Всего здесь найдено около 50 однотипных подставок. Варьируют только их размеры. Подставки не были обожжены. Вблизи от мастерской открыта разрушенная гончарная печь, в которой содержались фрагменты обожженных подставок (морды, рога). Можно предположить, что в открытых помещениях изготовлялись подставки (в одном формовались, в другом досушивались до обжига), а в расположенной поблизости печи обжигались (Богомолов, Алинюк, 1996. С. 160–163).

Широкое распространение получает терракота. По технике изготовления выделяются две группы произведений керамстов — объемная скульптура и плоскостные изображения, паветки, отлитые в форме. Сюжеты антропоморфные и зооморфные. Антропоморфная скульптура представлена изображением мужской фигуры (Табл. 45, 3) с выразительным лицом согдийского типа и обозначением глаз углубленными ямками — прием, который В. А. Мешкерис считает характерным для V–VIII вв. н.э. (Мешкерис, 1977. С. 49), а также изображением обнаженной женской фигуры с крупным орлиным носом, к животу приделана плошка-курильница (Табл. 45, 2). Интересную группу представляют изображения женщин-музыкантов, играющих на струнном инструменте типа лютни. Это и барельефные скульптурные изображения, являющиеся частью фриза (Абдуллаев К., 1974.

С. 45–46; Усова, Буркит, 1981. С. 50–51), и паветки (Табл. 45, 9).

В зооморфной терракоте наиболее интересна скульптура, изображающая дикого кабана, морда которого передана в детком осязке, из него торчат небольшие клыки, шашечками показана выдолбленная шерсть (Табл. 45, 8). Морда покрыта черной краской "англеск" — прием, символизирующий изобилие (Литвинский, 1968). Он отождествляется с божеством победы зороастрийского пантеона Веретрагой, выступавшим во многих ипостасях (быка с золотыми рогами; белой лошади с золотыми ушами и уздой; верблюда, дикого кабана, орла, дикого барана или волка), приносящим славу и исцеление и дарующим победу.

Со второй половины VI в. и особенно в VII–VIII вв. техника керамического производства и типы продукции, как и весь облик материальной культуры Ча-ча, постепенно изменяются. Это объясняется, с одной стороны, тем, что с подчинением области Тюркскому каганату в оазис вливается новая кожаная волна. С другой стороны, еще большую роль сыграло укрепление связей с Согдом и влиянием согдийской культуры. Оно выражается в определенном изменении форм керамики, техники и технологии ее изготовления.

В городах и за их пределами, в рабдах, вырастают ремесленные кварталы гончаров. Они выявлены на городищах Кендыктепе, Бельхьюном.

Большой квартал гончаров VI–VIII вв. открыт на городище Кайка за пределами шахристана, в 100 м от южных ворот, а следы гончарного производства конца VIII в. — к западу от шахристана.

Вырабатывается характерный для всего региона тип двухкамерной цилиндрической в плане гончарной печи диаметром до 3,5 м. Стены сложены из сырцового кирпича, положенного на ребро. В центре топчанной камеры, также сложеной из сырцового кирпича, квадратный столб от 0,5 до 1,3 м в стороне, служащий для поддержания пода обжигательной камеры. Другой тип двухкамерной печи отличается меньшим размером (диаметр до 2 м). Подпорого столба нет. Этот тип печи распространяется с VIII в. н.э. (Абдуллаев К., 1974а. С. 83–92; Тихонин, 1986. С. 120–125).

Происходит определенное изменение в наборе посуды, особенно столовой: она становится более разнообразной, меняются мотивы декора. Керамические изделия близки согдийским. Характерными формами становятся высокие однорукие кувшины, широкогорлые и узкогорлые, иногда со сквозным оформлением в виде носика (Табл. 46, 61), кружки с петлевидной ручкой с упором, чаши, чашкиобразные сосуды, кубковидные курильницы и башнеобразные подставки со стреловидными проемами. Выделяется группа сосудов, по форме, пропорции и штампованной технике орнаментации поражающих металлических. Особенно интересны комплексы парадной посуды и детали штампов, которыми наносился ажурный рельефный орнамент, из мастерской в западном рабде Кайки (Тихонин, 1986. С. 120–122).

Культовые комплексы

Письменные источники упоминают в Чаче только храм, связанный с поклонением предкам (*Бичурич*, 1950. Т. II. С. 272). Археологические материалы, став основным источником сведений, значительно расширили наши представления как о религии раннесредневекового населения региона, так и о типах культовой архитектуры. В пределах современного Ташкента зафиксирован ряд оригинальных сооружений, связанных с культом. К IV-VI вв. н.э. относится сооружение, открытое на Кугайтите, в комплекс нижнего горизонта Актеле Чиланзарского. Первое представляло собой площадку, устройство на выложенной кирпичом ровной платформе высотой 0,5 м, обсаженной глиной. По краю платформа ограждена прямоугольником монументальной сырцовый стены. Сохранился лишь участок площадью 20x13,5 м с сильно прокатанным верхом и ямой, заполненной чистой мелкой землей, огражденный несколькими рядами жердей, поддерживавших над очагом легкое перекрытие. Рядом с очагом декала курьинца на ножке. Использование жердевого ограждения является более поздней репликой того же приема, зафиксированного в средостроенном здании солярия символика на Шахтепе (*Филанович*, 1983. С. 57), дающее указание в конструкции погребений сакского населения Приаралья и низовьев Сырдарьи (*Вишневецкая*, 1973. С. 15; *Вишневецкая*, *Итина*, 1971. С. 197). Само сооружение отразило культовые представления каучинцев, уходивших корнями в мир религиозного творчества сакско-сарматских племен (*Смирнов*, *Попов*, 1969. С. 69). Символика того же типа демонстрируют и глиняные печати-амулеты. Некоторые из них с изображением солнца, иногда антропоморфизированного светила или символов креста и свастики связаны с традиционным солярным культом скотоводов, упомянутым Геродотом, распространенным также и у земледельцев. Другие несли зооморфные изображения, связанные с той же астральной символика и в культом плодородия, с почитанием священных животных. Широкое распространение "очажных подставок" с бараньими и бычьими прототипами и курьины в форме стилизованных бухрацев свидетельствует о стойких представлениях жителей Чача об охраняющей и очищающей силе этих изображений. Как элемент зороастрийской символика популярно было изображение собаки в сочетании с солярными и лунарными знаками. Изображения барана, быка и собаки в роли оберегов, связываемых с представлением в кангуйско-сарматской среде о фарие (*Латвинский*, 1968. С. 109), часто оформляли ручки и стволы керамической посуды.

Иной тип сооружения культового характера представляет здание нижнего горизонта Актеле Чиланзарского, возведенного на низкой паховой платформе. Здание (12,5x12 м) с четырьмя угловыми овальными башнями с бойницами внешне напоминало небольшую замок. Внутреннее пространство включало центральное помещение, обведенное с двух сторон коридором, и комнату. Сходство этого здания с таким же автономным синхронным сооружением в сопредельной с Чачем области Уструшане (*Пултан*, 1977. С. 78-79), повторяющим его в деталях, позволяет выявить основную схему этих сооружений, а также установить особенности керамиче-

ской в этих пограничных с кочевой степью регионах. Прежде всего это оборонительные качества здания. Внешне оно воспринимается как квадратный в плане паховый замок с овальными или круглыми башнями по углам, снабженными бойницами. Внутреннее пространство с обожженными стенами заполнено чистой землей, полностью отсутствует бытовое инвентарь, кроме керамики, а внутрибашенные комнаты сохранили на полу остатки обугленных зерен пшеницы и проса, ягравших, видимо, какую-то роль в ритуале. Основным признаком, определяющим функциональное назначение здания, служит центральная комната, которая открывалась с четырех сторон проемами в обводной коридор, являя собой некое подобие чартака, помещенного внутрь здания. В середине этой комнаты располагался прямоугольный сырцовый подиум со скалами прокатанности, служивший для возжигания огня. Он четко прослежен в уструшанском здании, но не зафиксирован в ташкентском, что помешало поначалу определить назначение последнего сооружения (*Древний Ташкент*, 1973. С. 121). Оба здания, связанные с возжиганием в замкнутом пространстве огня, хотя и являются пока уникальными в регионе Уструшане и Чача, видимо, отражают определенный тип культовых построек. Здание храма после определенного периода функционирования было обведено стеной, а затем плотно забутовано пахой. Образованная в результате этого девятиметровой высоты массив послужил стилобатом для новой постройки, размером 28x26 м, сооруженной по иному плану, но также, видимо, связанной с культом и функционировавшей в VII-VIII вв. н.э.

В основе планировки открытая прямоугольная платформа, окруженная паховой стеной с нишами и четырьмя глухими помещениями по углам. На главной оси платформы возвышается сырцовый постамент.

Кроме оригинальной планировки, на культовый характер здания указывают накопления на платформе стигматической органики с землей, находки башнеобразных курьинцев, кувшин и кружек.

Типовая схема, заложена в основе планировки здания, может быть связана с функциональным назначением, близким к церемонию поклонения духам предков, упоминаемой китайским источником: "Во владения Ши по юго-восточную сторону резиденции есть здание, посреди которого поставлен престол. В шестое число луны поставляют на этом престоле золотую урну с пеллом сожженных костей покойных родителей владельца, потом обходят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владелец с вельможами ставит жертвенное мясо. Вельможи и прочие садятся... и по окончании стола расходится" (*Бичурич*, 1950. Т. II. С. 272). Вариант прочтения текста Торвальдом позволяет восстановить и другие детали ритуала (*Grenet*, 1984). Суть церемонии сводилась к выставлянию на некоем постаменте урны с прахом, к обходу вокруг нее с разбрасыванием плодов и цветов и заканчивалась жертвенным паршеством в специально устроенном рядом шатре, в котором участвовал и правитель с супругой и его свита.

Другой тип культовых построек, демонстрирующих усиление в эпоху раннего средневековья связей Чача с сопредельными регионами, в частности с Согдианой, состав-

аллет группа сооружений, устойчиво повторяющихся в системе дворцовых построек, штаделей и замков.

Пример дворцового святилища дает комплекс VII–VIII вв. на городище Мингурюк. Это система из центрального квадратного помещения (7 × 7 м), смежного с ним небольшого подсобного колежчатого коридора, связывающего всю ячейку с остальной частью дворца (Табл. 41, 13, а).

Плоское балочное перекрытие зала опиралось на четыре деревянные колонны. Вдоль всех стен, оформленных сложной живописью, тянулась глинбитная суфа, расширяясь у восточной стороны до ширины "эстрады". Центр зала занимал сырцовый подиум полуовальной формы с тщательно оштукатуренной поверхностью и с бортиком по краю, на поверхности этого алтарного возвышения находилось сильно прокаленное углубление с остатками чистой золы. Подсобное смежное помещение также снабжено очагом, углубленным в пол.

Примечательно обнаруженные на суфах специфические сосуды – эвхоих, количество которых, несомненно, указывает на их роль в отправляющемся здесь ритуале.

Дополнение к указанной схеме дает хорошей сохранности помещение того же типа, раскрытое в штаделе городища Канка. Оно располагалось в центре штадела также в комплексе помещений с колечатым коридором (Буряков, Богомолов, 1983, С. 451). Оно повторяет в деталях планировку зала дворца Мингурюка, за исключением кровли, которая благодаря сохранявшимся на большую высоту стенам и ячейкам от балок в них восстанавливается как двойная. Причем нижний ярус обособленно реконструируется в виде шатрового деревянного перекрытия (Гуревич, 1981, С. 46), что при наличии верхней основной кровли оставляет за шатром роль символического внутреннего ограждения, защищающего алтарь со священным огнем. Собранные в канкавском зале курильницы и кувшны использовались в обрядовых церемониях.

На обширном холме шахрестана I, к юго-востоку от штадела, был вскрыт монументальный храмовый комплекс, сыгравший важную роль в формировании облика шахрестана равнорядневекового периода. Он включал два разновременных храма. Нижний состоял из квадратного зала с длинной стороны 14,25 м с входом с востока. С трех сторон его окружал обводной коридор шириной 3 м. К востоку от храма находился дворик с подсобным помещением. К центру западного фасада прилежало помещение. Сохранившиеся на высоту 2,8–4,5 м стены зала толщиной 2,99 м сложены из крупноформатного сырцового кирпича прямоугольного стандарта (48–50 × (24–25) × (12–14) см). Верх стены был оформлен карнизом из обожженных плит. Некоторые из них завершались фигурным изображением зубца. На плитах имелись различные тамги. Чтобы равномерно распределить нагрузку карниза, стены армированы деревянными столбами, вставленными в вырубленные для них пазы в стенах шириной 30–35 см, в которых сохранились остатки дерева. Аналогичный строительный прием отмечен в святилище первого буддийского храма в Акбешим (Кизласов, 1959). Внутри зала по периметру стен проходили низкие (0,2 м) и широкие (до 1,22 м) суфы. Напротив входа, в центре западной стены, была сооружена возвы-

шенная фигурная трехъярусная суфа – "эстрада" (подиум или пьедестал). Ее поверхность сильно обожжена, местами даже прокалена. Остальные суфы покрыты крупной серовато-зеленой штукатуркой с примесью гашенной извести.

Стены были украшены росписью, выполненной черной и красной красками и погибшей при пожаре. Прослежены растительные мотивы росписи: бутоны цветов, круги и перлы, полосы красного и черного цвета. На суфе "эстрады" лежали сплотившие со стены фрагменты глиняной лепнины в виде окрашенных в красный цвет жемчужных пламенов.

Зал имел два уровня пола. Стены обводного коридора, как и стены зала, армированы деревянными столбами. Вдоль северной стены суфа шириной 1,1 м. Поверхность стен была покрыта росписью, почти полностью уничтоженной. Сохранились фрагменты желтого, красного, белого цвета, стилизованные цветы, часть крупной стоящей мужской фигуры.

За западной стеной зала располагалась комната площадью 4,75 × 3,1 м. На ее полу два крупных напольных очага с лунками диаметром 15 см, заполненными чистой золой. Вокруг очага чистая зола заполняла почти все помещение слоем в 4–10 см. Из комнаты имелся выход в зал на суфу "эстраду".

На полу зала расчищены небольшие костринды, в золе которых обнаружены скопления зерен пшеницы, ячменя, проса. Они, судя по отпечаткам тканей, были положены в мешочки. В них же положены и пучки со стеблями гороха, косточки плодов персика и фисташки, корочки хлопка, украшения – бронзовые серьги, медные монетки, сурьматаш, наконечники стрел. На суфах отмечены остатки горелых тканей в свертках, небольшие горшочки, характерные для конца IV–начала VI вв. н.э. Комплекс погиб от сильного землетрясения, в результате которого обрушились стены, упали карнизы, полностью разрушилось перекрытие.

После этого разрушения рядом, на более высокой платформе, над подсобным помещением "нижнего" храма возводится новый, возвышающийся над первым на 2 м. Он строился, вероятно, как временный и состоял из обводного двора и подквадратного здания размером 16 × 14 м. Стены его толщиной 1–1,25 м тщательно оштукатурены, но без следов росписей.

Здание состояло из двух небольших залов – северного и южного вестибюль-коридора, имевшего спалача входы в оба этих зала, а затем лишь в южный.

Южный зал, вытянутый с востока на запад (9,4 × 5,3 м), в центре имел прямоугольный подиум (2 × 1,6 м) со слабо обожженной поверхностью. У северного фаса подиума размещались очажок подковообразной формы и костринка. Вокруг него в золе – несколько очажков и костринки. В них также кулки горелой пшеницы, ячменя, гороха, головки хлопка, косточки персика и мелкие предметы: заколки, подвески, бусины, наконечники стрел, мелкие медные монеты, пряжки, железные изделия.

Северный зал имел площадь 9,6 × 6,1 м. В центре его ряд ямок от квадратных бзв колонн, а вдоль южной и северной стен – ряды мелких круглых лунок от ступиц. Вероятно, плоское перекрытие зала опиралось на круглые колонны. В восточной стене, ближе к южному фасаду, располагался вход с массивной деревянной дверью.

Около входа ниша со следами огня. Вдоль стен по периметру были разостланы камышовые циновки. В центре зала в положении на боку, головой к нише лежала женщина, за ней в той же позе жеребенок. В обоих скелетах не хватало лишь нескольких костей от крестцовой части (Табл. 39, 1).

Этот храм погиб, вероятно, при штурме, завершившемся сильным пожаром. На полах и в стенах найдены наконечники стрел, железные крючья, с помощью которых обжигавшие изделия при подъеме на стены, железный наконечник копья и обломок кинжала. В коридоре расщеплены останки погибшего во время штурма мужчины с наконечником стрелы, застрявшим в верхней части туловища.

С этим комплексом связана находка уникальных предметов — булл-печатей, имеющих вид овальных денешек или конических столбиков. На тыльной стороне отпечатки тканей и кожи, в центре следы шнурков из толстой нити. Судя по форме булл в характеру расположения шнурков, они опечатывали куски тканей, сосуды, кожаные и матерчатые мешочки (Табл. 39, 2-4).

Буллы изготовлены из пластичной, тонкой отшлифованной глины, иногда с мелкими гипсовыми включениями. Большая часть булл (36 экз.) найдены на полу верхнего зала рядом с кострищами, 2 экз. — на нижнем полу. Во время пожара обожженные буллы превратились в терракоту с разной степенью обжига.

На лицевой стороне булл сохранились рельефные отпечатки печатей (на одной — два оттиска). Печати различного типа, различаются размерами и формой, хотя и незначительно. На некоторых были вырезаны надписи имен владельцев.

Выделены три серии, включающие девять типов изображений.

Первая серия — антропоморфная, включающая большую часть булл, объединяет четыре типа — портретные изображения персонажей высокого ранга. *Тип 1* — погрудное изображение (фигура фронтально, голова влево) мужчины с высоким лбом, взбитым чубчиком, миндалевидными глазами, крупным орлиным носом, небольшим усам или без них. На груди гривна, иногда застежка плаща. Вокруг надписи согдийским шрифтом. Портрет похож на изображение правителя из пренецкских монет (Табл. 39, 2, 6). *Тип 2* — погрудное изображение (фигура фронтально, голова влево) мужчины с челкой над лбом, с миндалевидными глазами, прямым носом, усиками и клиновидной бородкой. На голове шапка-кулак с мягким верхом. Иногда видна царская корона с полумесяцем, а по основанию шапки лента или металлический пояс. Сзади шапки бант, а на спине висающая дуга легиты. Шеро и грудь облетает рубашка или кольчуга. Вокруг изображения надпись. *Тип 3* — аналогичная фигура бордатого мужчины, но, впрочем, в таком же виде с длинными, опускающимися на шею волосами и слегка закрученными на концах. Шапка-венчик с высокой тульей и легкой — повязкой почета. Иногда низ шапки цилиндрический. Одежда: рубашка и поверх нее парадный халат. Вокруг изображения надпись (Табл. 39, 7, 9). *Тип 4* — мужская фигура вправо. Голова занимает треть фигуры. Лицо схематично, нос крупный, губы в виде шпиль. На голове полукруглая шапочка или тюрбан; одежда: длинный, ниже колен, халат, на ногах сапоги с

острым носком. В руках перед грудью зажат какой-то предмет.

Вторая серия — зооморфные изображена, также объединяет четыре типа. *Тип 5* — изображение льва вправо. Фигура хорошо моделирована в движении, пасть открыта, точками выделена волохатая грива, хвост загнут вверх. За лбом почти в центре буллы раскинутое дерево с плодами (Табл. 39, 12). *Тип 6* — изображение кошачьего хищника, стоящего на задних лапах влево. Голова небольшая, округлая, передние лапы подняты перед грудью. Кошачий хищник характерен для монет Чага с поры раннего средневековья. *Тип 7* — изображение птицы, возможно голубя, с округлой головой, сложенными крыльями, опущенными ногами и коротким хвостом. Печать небольшая. *Тип 8* — изображение козла. Печать перовая, изображает козла влево. Голова небольшая, с острой бородкой, небольшим ухом и крупными рогами. Хвост загнут вверх, ноги подогнуты в прыжке.

Третья серия представлена изделиями одного типа. *Тип 9* — изображение руки. Раскрытая ладонь, пальцами вверх. Интересно, что в кострище нижнего храма было найдено бронзовое кольцо-печатка с аналогичным изображением, но меньшего размера (Табл. 39, 11).

Находки верхнего храма датируют его концом VI — началом VII в., но сюжет изображений на буллах характерен для IV-VI вв. н.э. Надписи полностью не прочтены, но в отдельных словах исследователи видят имена, а в одном — титул правителя — «хваб». Большинство портретов на буллах близки к изображениям правителей на древних монетах Чага. Некоторые мотивы находят аналогию в глинтке Сасанидского Ирана (характер передачу портретов, прически, фигуры льва, охраняющего древо жизни, птиц).

Планировка в декор комплекса, характер находок свидетельствуют о его специальном культовом назначении. Комплекс из нижнего храма особенно характерен для храмовых построек поры раннего средневековья. Центральный зал с ориентацией входа на восток — навстречу лучам восходящего солнца, с суфой «эстрадой» в центре западной стены, которая была украшена рельефным узором, изображающим языки пламени, а площадка и ступени проложены в результате активного использования огня. Мелкие конструкции на полу зала с семенами зерна и стеблей, плодов, семян, с фрагментами мелких украшений, которые можно рассматривать как приношения в храм. То же могло быть и в мелких сосудах. Замкнутая комната с длинными горевшими кострищами и заполнявшей ее чистой золой, соединенная дверью-нишей с центральной суфой зала, служила, возможно, для постоянного хранения огня, выносившегося на полум залу в торжественные праздники, вероятно, на специальные алтари. Все это свидетельствует о культовых действиях, связанных с огнем и приношением плодов, что соответствует зороастрийской традиции: два помещения — алтари, где хранился священный огонь, и большой зал для молений — лари мехре, куда он выносился в торжественные дни, где приносились жертвы с пением гимнов и в который имел доступ все члены общины. Важнейшими были три жертвы: хаома, цветочные жертвы и жертвы в память усопших (Grapp, 1969). Таким образом, огонь мог возношаться и в честь умерших предков.

Не о данном ли храме Чача сообщают хроника? Он расположен к юго-востоку от цитадели – резиденции правителя. В центральном зале тишина; лодку-престол. В нижнем храме сохранились остатки даров – цветы, стебли, плоды, возможно, хаомы в малых сосудах. В зале верхнего храма сохранились остатки жертвенных животных – лошади и жеребенки, от которых успели отделить лишь куски мяса из крестовой части.

Храм погиб, вероятно, в момент празднества, когда жертвенные животные еще находились в нем. Скопление булл в одном зале свидетельствует о том, что и дары, скреплявшиеся печатью храма, и возможно, опечатанные обрядовые храмовые документы также не были унесены. Характер последних находок позволяет предположить, что храм сгорел в осенний период – в праздник урожая. Близость изображений на буллах с портретами правителя Чача на его монетах позволяет считать, что правитель являлся и верховным жрецом главного храма столицы.

Культовый комплекс как неотъемлемую часть дехканского замка-кешка представляет Актене Юнусбадский в Ташкенте. Здесь выявлена система помещений, включающая зал с суфами и стенами, окрашенными в красный цвет, смежную с ним квадратную комнату также с суфами вдоль стен и полуovalным возвышением-алтарем в центре, а также маленькую подобную комнату. Все три помещения выходят в узкий коридор. Кроме того, к комплексу примыкают кубическая купольная постройка и расположенные рядом с ней две комнаты: одна – с суфой и отопительным очагом, вторая – с очагом антропоморфного очертания. Плоское перекрытие зала опиралось на две деревянные колонны с деревянными же базами. В центр зала периодически выставлялся переносной алтарь, или жаровня. От него на полу сохранились обожженные пятна. Этим он отличается от алтарной комнаты, где огонь, судя по глубоким прокалностям жертвенника, поддерживался постоянно. Сама комната отражалась от прямого попадания света из двери небольшой тамбурной стенкой, что составляет отличительный признак функционального назначения подобных помещений. Примечательно, что пол в подобных алтарных комнатах несколько приподнят относительно других помещений кешка (Табл. 41, 3).

Таким образом, на основании всех раскопанных сооружений в Чаче восстанавливается устойчивая система планировки сооружений, функционально связанных с культовым возманием огня. Центральное место в ней занимает комната с обязательными полуovalным алтарем, в котором постоянно горел огонь, суфами, тамбурной стенкой и приподнятым полом. Второй составной частью является квадратный зал с суфами и окрашенными стенами, зал значительно превышает по размерам целлу. Сюда огонь выносился только для определенных церемоний, собирающих значительное число участников. Дополняют систему водобоее помещение и объединяющий их коридор. Эта общая схема известна в двух вариантах алтарной комнаты. Первый вариант – перекрытая плоской кровлей комната с опорой на четыре столба и сложной росписью стен; второй вариант – имеющая двойное перекрытие комната (из коих одно, шатровое символически вознесено над алтарем).

Выявляемое для Чача четкое двухчастное деление культового комплекса, свойственного дворцу, цитадели и замку, находит аналогию в Западном и Восточном (горном) Согде (*Шихин*, 1963, С. 58. *Якубов*, 1979а, С. 74).

Двухчастность, как один из вариантов планировки храма огня, свойственная современным храмам огнепоклонников Ирана. Такого рода храм с заимствованным от варран Индии названием "Агари" включает два помещения. Первое – камера огня – адурная или гумба, – сохранивший древний традиционный купольный юнок с постоянно горящим огнем, слабый дым которого уходит через отверстия в куполе и верхнем своде (*Стрп.* 1969, P. 147–170, 569). Огонь горит на небольшом круглом столбе-жертвеннике, традиционно сложенном из сырцового кирпича в оштукатуренном. Второе помещение храма – агари-зал – "дари мехре" или гаханбар-хане, в котором установлены глубокие переносные чаши для огня, временно зажигаемого здесь во время церемоний, столбики-подносы с ритуальными принадлежностями для жертвоприношений и сосуды для ритуальных возлияний и пищи.

Недлзя не отметить органичное сходство структуры и устройства иранского храма с таковыми культовых комплексов раннефеодального Чача. Так, в сочетании алтарной комнаты с полуovalным лодкум и зала с суфами, открытыми в Актене, обнаруживаются те же главные элементы, свойственные храму типа агари, где первая выполняла роль адурiana с постоянно горящим огнем на сырцовом кирпичном жертвеннике. Деревянный шатер нес здесь ту же смысловую нагрузку, что и купольный чартак внутри камеры современных храмов. Однако наличие суф вдоль стен предполагает ее роль не только как хранилища огня, поддерживаемого одним посвященным жрецом, но и как места проведения каких-то церемоний в узком кругу. На характер возлияний в зданиях, имевших место в этом помещении, указывают находки кушанов, эллинов и курдинов. Вторая часть комплекса – зал с суфами, более крупный, чем святилище, сопоставимый с "дари мехре", куда выносился огонь в курильницах и переносных жертвенниках. Органично вписана в комплекс актенского замка-кешка кубическая купольная постройка с суфами внутри, отвечающая всем признакам конструкции науса, хотя и без слодов захоронений в нем. Присутствие науса и связанных с ним помещений – одного с очагом, видимо, жилищ священнослужителя, и второго, включающего антропоморфный очаг-алтарь, – указывает комплекс помещений и с заупокойными верованиями жителей Чача. Следы терминологии современных зороастрийцев, можно выделить три основные исторические категории огня, существовавшие в Иране в в сасанидское время: 1 – Аташ Бахрам; 2 – адари; 3 – дадах (в сасанидское время адаргах). Археологические данные позволяют соотнести их с со средневековыми об- ластями. Огонь первых двух категорий в Согде и Чаче могли соответствовать, видимо, по рангу автономным храмам – культовым центрам города или целого округа – и могли возлагаться в сооружениях типа открытого и Уг- руршане или на Актене Чалханарском.

Огонь же, соответствующий задагу или адаргаху, видимо, возлагался в резиденциях дехкан (замках, замках знати), в домах состоятельных горожан. Сложная система культовых построек замка Актене со связанным от-

ня, мавзолеем-наусом, помещением с антропоморфным очагом, как кажется, наиболее полно отражает функции святилища, связанного с возжиганием огня-дагдаха, который выполнял определенную функцию в поминальном ритуале и честь предков.

Рассмотрение объектов культовой архитектуры Чага эпохи раннего средневековья, связанных с ритуалом почитания огня, без сомнения свидетельствует о большой близости этого комплекса к общеогдынской культуре. В период раннего феодализма в Чаге и Илаке сосуществовали различные воззрения и обряды в разнотиче-

ских группах земледельцев и скотоводов. Культовые центры располагались и в долине, и в горных районах. Крупным центром в низовьях Чирчика, вероятно, является Дауфганкет, само название которого О.И. Смирнова транскрибирует как Динбагинкет и полагает, что в городе функционировал крупный домусулайнский храм, обрядовая сторона которого, однако, не ясна (Смирнова, 1970а, С. 7).

Средним храмом связывается и название горного городка Фарикета, расцвет которого в раннефеодалное время запечатлен выпуском собственной монеты.

Погребальный обряд

Разнообразие культов подтверждают погребальные обряды. В середине I тысячелетия н.э., как и в предшествующее время, господствуют захоронения в катакомбах и подоях с труположением на спине, иногда в "позе всадника", часто групповые, возможно, семейные захоронения мужчины, женщины, детей (Табл. 42, 8-16). В погребениях присутствуют бытовая инвентарь, украшения, иногда оружие. Большинство погребений ограблены, но в них встречаются летняя посуда типа Каучи III, включающая сосуды с зооморфными ручками, разрозненные бусины из самоцветов и цветного стекла, золотые серьги с инкрустацией шестым стеклом.

Наряду с подкурганными захоронениями начинают распространяться захоронения в наусах (Табл. 42, 1-7), в которых отмечены как труположения, так и захоронения очищенных костей в оссуариях.

Погребения в наусах открыты в правобережье долины Ахангерана, в 10 км от Пскепта, по дороге к Муратали, и сохранились в виде лесовых курганов диаметром 10-24 м, высотой 1,5-3,5 м.

Тяубугузские наусы расположены к западу от предыдущих, в местности Уртабоз. В 1959-1960 гг. Т.Р. Агзамходжаевым вскрыто 11 наусов, возводившихся на паховой подушке. Постройки также округлой формы с порталными арочками-входами и прямоугольными камерами с суфами, а иногда с нишами в стенах. Внутри наусов сохранились остатки многократных захоронений в виде разрозненных костей и труположений на спине с инвентарем. В наусах находились керамические сосуды, железные ножи, бронзовые шилья, монеты, украшения, бусы, шилья, детали поясных наборов. В двух наусах встречены оссуарные захоронения, в том числе один ос-

суарий цилиндрической формы на ножках (Агзамходжаев, 1962, С. 71-79).

Наусы Кульата расположены на левом берегу Ахангерана, к северо-западу от Алмазика, близ городища Кульата. Раскопки проведены в 1978 г. Склепы возведены на паховой подушке, стены из кирпича и пахсы, своды кирпичные. Внутри на суфах и полах лежали разрозненные кости и остатки разграбленного инвентаря: обломки керамики IV-VII вв. н.э., медная монета Илака VI-VII вв. с портретом правителя на лицевой стороне и изображение тамгой на обороте (Буриков, 1978).

В горном районе севернее Ангрена в апартакских наусах под каменными курганами раскрыты подземные склепы с входом-дромсом, со сложенными из камня стенами и округлым сводом. Вдоль стен суфы. На полах и суфах прослежены скопления разрозненных костей многообразных семейных захоронений с инвентарем, почти полностью разграбленным (Агзамходжаев, 1966).

В Ташкенте, Тойтепе, в Низбаше, близ Янгинюля и в с. Чапта, близ городища Канка, открыты оссуарные захоронения в земле. Оссуарии представляют собой овальные ядички со съёмной крышкой. Стенки украшены наделами, процарапанным, прорезным орнаментом, преимущественно растительного или космогонического сюжета. Крышки некоторых оссуариев (Табл. 43, 1-17) украшены головками (или фигурками) людей, фигурками летящей птицы (Массон М., 1953, С. 28-29) или животных (Буриков, 1968, С. 135-136). Примером более сложного сюжета может служить оссуарий из Чагги с изображением женщины с чашей в приподнятой левой руке (Буриков, Богомолов, 1986, С. 114-120). Внутри оссуария находились кости одного или двух человек.

Глава 5 Фергана

Политическая история

Фергана, известная со второй половины I тысячелетия н.э. как царство Давань китайских источников, представляла собой обширную долину, тянущуюся с востока на запад более чем на 300 км. Это была область развитой земледельческой культуры и процветающих ремесел. Высокого уровня достигли гончарство и металлообработка. Фергана-Давань была областью городской культуры. Китайские авторы отмечали здесь 70 больших и малых городов с народонаселением до нескольких сот тысяч человек (*Бичурич*, 1950. Т. II, С. 149).

Расположенная на пересечении транзитных торговых путей, Давань находилась под постоянным вниманием китайских императоров, неоднократно посылавших в эту область посольства и военные экспедиции, часто для Китая успешные.

События середины I тысячелетия н.э., происходившие в Средней Азии, — внутренние (изменение социально-экономических отношений) и внешние (вторжение кочевых племен кидаритов, хионитов, эфталтов) — изменили политическую карту области. О сложности и неясности этих событий сообщается в хронике Бейши: "Со времени династий Юань Вэй (386–550–557) и Цзинь (265–486) западные владения взаимно поглощают друг друга, а события, случившиеся в них, невозможно даже представить" (*Бичурич*, 1950. Т. II, С. 240).

На территории Средней Азии существовало большое количество мелких независимых владений. Одним из них была Лона (Полона), расположенная на месте древней Давань. Ее столицей был город Гуишунь.

В середине V в. на политической арене Средней Азии появились эфталты, которые нанесли удар по могущественному Сасанидскому Ирану, а затем подчинили большую часть Средней Азии, Афганистан, Северную Индию и некоторые владения Восточного Туркестана.

В источниках нет прямых свидетельств о связи эфталтов с Ферганой. Но сопоставление ряда косвенных сведений дает возможность предположить, что какая-то часть эфталтских племен жила в этой области. Известно, что эфталты практиковали прижизненную деформацию голов (*Бичурич*, 1950. Т. I, С. 366). В ферганских погребенных частях находки деформированных черепов. В хрониках Бейши и Ланшу приводятся сведения о погребальных обычаях эфталтов. В хронике Бейши говорится, в частности, о том, что "умерших из богатых домов погребают в каменных скелетах, а бедных зарывают и выкопанную могилку" (*Бичурич*, 1950. Т. II, С. 269). В хронике Ланшу сообщается, что у эфталтов существовал обычай класть покойника в деревянный гроб. К.И. Иностранцев еще в начале века обратил внимание на эти сведения и сопоставил каменные скелеты, о которых гово-

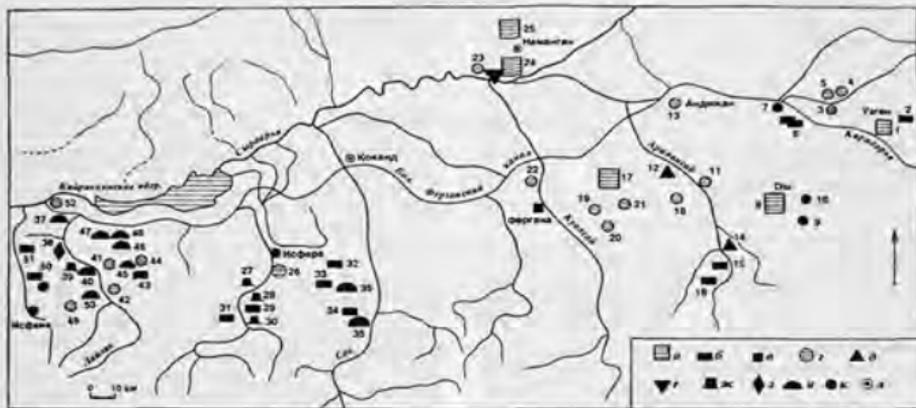
рились в китайских хрониках, с мугхона¹ Северной Ферганы (*Иностранцев*, 1909. С. 16).

В Фергане открыты также захоронения под курганами, где покойники часто лежат в деревянных гробах. Гробы из арчи открыты в Карабулаке (*Баруздин*, 1961. С. 61, Рис. 8) и в Исфаринских могильниках (*Литвинский*, 1972. С. 674–681). Следы деревянных гробов отмечены Ю.А. Задиспронским и Г.А. Брыкиной в катакомбных захоронениях в Кайрагаче (*Задиспронский*, 1960а, С. 54; *Брыкина*, 1982. С. 121). Е.Е. Нераник обратила внимание на тот факт, что Фергана является единственной областью в Средней Азии, где сосуществуют два типа погребальных сооружений, свойственных эфталтам: наземные скелеты и катакомбы, или подобия, в которых погребенные лежат в деревянных гробах (*Нераник*, 1963. С. 417). Отмечена еще одна существенная деталь погребального обряда. У эфталтов существовал обычай делать погребальную скульптуру. Антропоморфные изображения олицетворяли умершего и часто заменяли его в погребальных церемониях, если человек погиб или умер вдали от родных мест. Погребальные скульптуры упоминаются Аммианом Марцеллином в его рассказе о похоронах хионитского царевича (*Аммиан Марцеллин*, 1960. Кн. 19. С. 2, 10). В Хорезме объемные скульптуры, изображавшие людей, обнаружены в погребальных камерах с коллективными захоронениями в Куньузак и Канжикале, памятниках, принадлежавших, по мнению исследователей хионитам (*Нераник*, 1963. С. 414; 1968. С. 198–199).

В ферганских курганах неоднократно находили антропоморфные фигуры из алебаstra. В Тураташском могильнике небольшая фигурка положена в курган вместо погребного (*Баруздин*, *Брыкина*, 1962. С. 27, Рис. 7). В Ворухском и Таширатском могильниках скульптуры сопровождали погребенных женщин (*Литвинский*, 1961. С. 71, Рис. 7; *Брыкина*, *Трунаев*, 1995. С. 83, 86–87). В Кайрагаче перед входом в наус лежала голова, вылепленная из глины почти в натуральную величину, покрытая алебастром и раскрашенная красной краской (*Брыкина*, 1990. Р. 593, Fig. 4). Помимо Ферганы и Хорезма, антропоморфные фигурки найдены и каменных скелетах Закасмия (*Мандельштам*, 1982. С. 79) и в Тохаристане в наусе некрополя Тепашах (*Литвинский*, *Седов*, 1983. С. 231, Табл. XXVI, 4).

Учитывая сведения древних авторов, а также археологические данные, Б.А. Литвинский сего возможным высказать предположение, что с Ферганой связаны одна из групп эфталтов — "красные хионы". Он считает, что хионы, видимо, жили в горных районах восточной части Средней Азии, именно в предгорьях Ферганы (*Литвинский*, 1976. С. 55–56).

¹ Называли каменные погребальные сооружения.

Карта 5. Фергана

1 - Утий; 2 - Дусубад; 3 - Кызлуклобыс; 4 - Шурабаш; 5 - Анакобды; 6 - коньши; 7 - Карасадак; 8 - Ош; 9 - Мад; 10 - Ав-Бура; 11 - Нисон Аркан; 12 - Тете; 13 - Анджиан; 14 - Шамалгатене; 15 - Исон Наукат; 16 - Куратшитепе; 17 - Куй; 18 - Марамат; 19 - Чутете; 20 - Мадитете; 21 - Мыктыкурак; 22 - Маргина; 23 - Напске городине и селые; 24 - Акшмет; 25 - Касан; 26 - Калавобоз; 27 - Кайракала; 28 - крепость Сурх I; 29 - поселение Сурх I; 30 - крепость Сурх II; 31 - поселение Сурх II; 32 - Батжак; 33 - Тегерман-Баш; 34 - Акте; 35 - Каробузак; 36 - могильник Туразак; 37 -

могильник Кайрагач; 38 - поселение Кайрагач; 39 - крепость; 40 - могильник Бешкент; 41 - поселение Бешкент; 42 - поселение Андjarан; 43 - поселение; 44 - тете Коргон; 45 - могильник Оутай; 46-48 - могильник Ташарант; 49 - Карабузак; 50 - поселение Шалдыбалы; 51 - поселение Курqанч; 52 - город Ходжemet; 53 - могильник Асдархан; а - многостолбный город; б - поселение; в - зимренный город; з - средний город; д - тете; е - скелот; ж - двалок и крепость; и - культовые места; j - могильника; к - малый город; л - современные селения

В то же время некоторые авторы высказывают сомнение в правомочности сопоставления письменных сведений об эфталтах с упомянутыми археологическими памятниками Ферганы.

Дело в том, что ни в одном из ферганских могильников не встречены вместе наземные и подземные погребальные сооружения. Куруны и подземные погребальные сооружения находятся в разных местах и составляют отдельные кладбища. При этом в мухона погребения разграблены и нарушены при повторных захоронениях, и поэтому не удается определить социальный уровень погребенных. Погребения же в грунтовых могилах сопровождаются как богатыми, так и бедным инвентарем.

Подводя итог всему изложенному, можно сказать, что, несмотря на отсутствие прямых сведений о связи эфталтов с Ферганой, этот народ сыграл определенную роль в истории области. Какая-то часть ферганцев входила в состав эфталтского объединения. Ферганцы вряд ли оставались в стороне от бурных событий эпохи и, скорее всего, принимали в них участие.

События политической истории Ферганы VII-VIII вв. засвидетельствованы у различных китайских и арабских авторов. И хотя сведения эти достаточно дискуссионны, все же можно восстановить с большей или меньшей определенностью историю Ферганы этого времени.

В третьем разделе китайской хронике Бэйши (начало VII в.) Фергана фигурирует под названием "Бохань". Ее правитель носил титул жезау или джабгу. Сообщается, что ее владетеля зовут Алици. "Резиденция имеет 4 ли в окружности; стрелного войска несколько тысяч. Владетель сидит на престоле, представляющем золотого барана. Супруга его на голове носит золотой венец. Много киновара, золота и железа"; "При династии Суй в правление Да-ие в 605 г. ... владетель отправил ко Двору посланника с местными проинвениями" (Бичури, 1950, т. II, с. 274). В хронике Танской династии (конец VII-VIII в.) также упоминается владение Бохань. "За 1000 с небольшим ли от Шя на юго-восток есть страна Бохань. Она окружена горами с четырех сторон. Земля плодородная, есть много лошадей и овец. В 1000 ли на запад - Уструшана. На востоке страна Бохань придежит к реке Исе. Сия река начало принимает с северной стороны Луковных гор. Имеет мутный цвет, течет на северо-запад в большую песчаную степь, не нмщую ни воды. Ии трава..." (Там же. С. 315).

В Ташу в описании владения Ньшюань сказано, что оно "собственно есть владение Боханья, иначе Бохань. При династии Юань Вэй оно называлось Полюна". И далее: "Местопребывание владетеля в городе Сяньшань на северной стороне реки Чэньчжоу. Находится шесть больших городов и около 100 малых. Жи-

тели долговечны. Преемство владельцев со времени династии Юань Вэй (386–535 гг.) и Цзинь (265–420 гг.) не прерывалось" (Там же. С. 319).

В VII–VIII вв. население Ферганы, как и других областей Средней Азии, было занято непрестанной борьбой за свою независимость, на которую попеременно посягали тюрки, китаецы, тибетцы, арабы. Жители Ферганы, расположенной на восточной окраине среднеазиатского междуречья, должны были все время лавировать, заключая различные временные союзы то с одним, то с другим, но упорно не подчиняясь на длительный срок ни одному из противников.

В VI в. на землях Северной Монголии возникло новое централизованное государство, созданное алтайскими тюрками. – Тюркский каганат (551–744 гг.). В результате междоусобных войн в начале VII в. (в 600–603 гг.) каганат распадается на две части – Восточнотюркский и Западнотюркский (в последний входила частично и территория Средней Азии). Это государство сыграло огромную роль в судьбах народов Средней Азии, в том числе и Ферганы. Китайский путешественник Сюань Цзинь отмечал, что в Фергане ко времени прихода тюрков не было единого правителя и множество князей боролись между собой, причем страна находилась в таком состоянии уже несколько десятилетий. Это, несомненно, облегчило захват части Ферганы тюрками, о чем сообщается в хронике Ташчу: "В правление Чженгуань (627–649 гг.) владетель Кибя был убит западным тукюзским Гавмохэду. Ашена Шунг отнял у последнего город. После смерти Шунг сын его Иебожжи заступил его место, а Кибен родственник Алюшень поставлен владетелем. Он жил в городе Хумын, а Иебожжи в городе Гисей. В первое лето правления Ханькнен (656 г.) Иебожжи отправил ко Двору посланника с данью. По прошествии трех лет Гисей был переименован областью Хюсюн; Алюшень поставлен правителем ее и с сего времени ежегодно отправлял ко Двору дань" (Там же.). Таким образом, очевидно убийство местного владетеля тюрками, захват ими столицы ("отнял у последнего город") и утверждение новой, тюркской династии, которая, однако, не сумела покорить всю Фергану. В какой-то ее части правил Алюшень, принадлежавший к местной династии. Тюркский правитель жила в городе Гисей, отбавлявшимся обычно с Касаном, а Алюшень – в городе Хумын, местоположение которого неизвестно. Значение города Си-гын, идентифицируемого с Ахсикентом, для этого времени остается несомненным. Как отмечает В.В. Бартольд, оба эти города – Гисей и Си-гын, – называют столицами в различных источниках (китайских и арабских) примерно одного времени (Бартольд, 1965, Т. III, С. 529).

Кризис Западнотюркского каганата в 630 г., возмещение набегов кочевников и внутреннее смуты способствовали тому, что Кидань разгромил каганат и номинально подчинил себе всю его территорию. В течение VIII в. Фергана дважды была покорена Китаем. Местным владетелем были присвоены китайские званья, и китаецы пытались вмешиваться в дела среднеазиатских владений, что вызвало недовольство местных жителей. Так, в биографии китайского дель-

ги конца VII – начала VIII в. Гуо Юань Чжэня сохранились сведения о том, что один из китайских военачальников пытался реквизировать в Фергане солдат и лошадей, Жители Ферганы, не желавшие выносить бесконечные незаконные поборы, призвали на помощь тибетцев, с которыми, как и с тюрками, Китай вел длительную войну (Мандельштам, 1957, С. 107).

В конце VII – начале VIII в. Фергана обрела некоторую самостоятельность. Во главе области стоял правитель местного происхождения с титулом ишхид.

С начала VIII в. ферганцы ведут упорную борьбу с арабами. Во главе арабских войск, наступавших на Мавераннахр, в начале VIII в. стоял хорасанский наместник Кутейба ибн Муслим. Продвигаясь через земли Чача и Ферганы, уничтожая города, Кутейба доходит до Касана. Однако карательные походы не привели к подчинению Ферганы (как и Чача) халифату. В 715 г. Кутейба, на этот раз в союзе с тибетцами, повторяет поход в Фергану и свергает ее царя-ишхид. Ферганский ишхид бежит в Кучу, а на его место Кутейба ставит удобного ему наместника по имени Алутар. Направляясь в Фергану, Кутейба, у которого к этому времени ослеплились отношения с халифом Сулейманом, взял с собой родственников и отряд согдийской знати. Неожиданно арабское войско воцарилось, сам Кутейба и его родственники были убиты. Воспользовавшись этим, китаецы, по просьбе ферганского ишхида, свергли ставленника арабов и возвратили престол приемному ферганскому владетелю.

В 723 г. Фергана все еще не была покорена. Арабы снова возобновляют походы в эту страну. Их войско вторглось в Касан, но на помощь ферганцам подошли войска тюркшей. Они отогнали арабов к Сырдарье, где их ожидало войско Чача и Ферганы. В Холжент вернулось только небольшая часть арабов. После этого какое-то время походов на Фергану не было. В этой связи остается несомненным сообщение китайского путешественника Хой Чао, когда он, говоря о Фергане (и которой сам не был), отмечает, что там "два царя. Большая река Сырдарья течет на запад через середину страны. Один царь, южнее реки, почитается арабами, другой царь, севернее реки, слушается тюрков". Может быть, здесь нашло отражение тот факт, что Алутар хотя и был ставленником арабов, но действовал вместе с карлуками.

В 739–741 гг. арабы снова совершают походы в Фергану, и хуталлийцы, скрывавшиеся в ней, приходят бежать в Уструшану. По китайским источникам, в 739 г. во главе Ферганы становится тюркский князь Арслан Тархан, который, по-видимому, и организует сопротивление арабам. Упорные сражения ферганцев с арабами в общей сложности продолжались более 100 лет. Остается несомненным, когда была окончательно устранена местная династия. В конце VI – VII в. арабы изгоняют из Ферганы князя тюрко-карлуков (Арслан Тархана?). Но еще в IX в. при Саманиде Нух бен Асаде, последнем из наместников, отдельные области Ферганы (Касан и Урест) отказались принимать ислам, так что арабы снова пришлось усмирять непокорных ферганцев.

Культура Ферганы в эпоху раннего средневековья

Сформировалась на базе культуры предшествующего периода. Традиции античной культуры продолжают жить в строительном деле и архитектуре, в погребальных сооружениях и погребальном обряде. Лучшее всего они видны в керамическом производстве в IV–V вв. н.э. В быту ферганцы продолжают использовать краснонамогированную гончарную посуду, украшенную процарапанным орнаментом, характерную для более раннего времени.

Но вместе с тем именно в этот период намечаются изменения во всех областях жизни ферганцев. В середине I тысячелетия н.э. в Средней Азии начинают складываться феодальные отношения. Этот сложный процесс сопровождался коренной перестройкой всей экономической и социальной структуры области. Он повлек за собой прекращение существования многих крупных городов, запустение земель оазисов, сокращение орошаемых земель. Именно в этот период затухает жизнь в одном из крупнейших городов Ферганы — Мархаматском городище. IV–V века были конечной датой жизни большинства поселений в Керкидонском оазисе. Исключением является поселение Чугитле, где жизнь продолжалась до конца XII в. Сокращается число поселений в Исфаринской долине и в долине р. Ходжа-Бақырған, претерпевают качественные перемены в характере населения.

Изменение облика сельскохозяйственных оазисов отмечал еще А.Н. Бернштам. "После ликвидации жизни усадеб кушанского и давакского времени на смену им в сельскохозяйственных районах предгорья приходят сильно укрепленные замки и крепости, которые играют двойную роль: с одной стороны, они являются резиденцией феодальной власти, а с другой, — будучи крепостью, форпостом, защищая оазис от внешних вторжений. В долине на месте кушанских замков возникают города как центры оазисов. Вокруг них располагаются усадьбы и замки земледельцев". Причину изменения типа расселения А.Н. Бернштам видел в смене общественных отношений (Бернштам, 1952, С. 248).

Начало формирования феодального города в Фергане, видимо, относится к середине I тысячелетия н.э. Город являлся административным и экономическим центром небольшой округа, объединяя земельные поселения, располагавшиеся в непосредственной близости от него. По данным китайских хроник, в Фергане было шесть городов-оазисов (а всего в области около тысячи городов), которые представляли собой самостоятельные феодальные владения.

О большой раздробленности страны свидетельствует Сюань Цзян, посетивший Среднюю Азию в 30-е годы VII в. Он писал, что уже много десятков лет страна не имеет верховного правителя, а правители множества мелких владений ведут постоянную борьбу друг с другом. Политическая

раздробленность способствовала экономической разобщенности.

Позднее арабские географы ал Истахри, аби Хаукаль и ал Мукаддаси, описывая Фергану, отмечали в ней наличие трех округов: Нижняя и Верхняя Несая — на юге долины, Вагизийский — на севере и Миян-и-Рудан — на востоке. Позднее об отдельных округах писал Бабур. Арабские географы в числе других округов и городов упоминают также округ Ходжент, в то время не входивший в Фергану, особый округ Куба, где не было других городов, и горный округ Авал. Это деление на округа характерно для Ферганы и было вызвано, видимо, ее природными условиями.

А.Н. Бернштам подчеркивал, что для Ферганы на протяжении тысячелетий (IV в. до н.э. — IV в. н.э.) основным типом расселения были отдаленно стоящие усадьбы в городища, причем количество усадеб особенно возрастает в кушанский период. Этот процесс А.Н. Бернштам связывает с распадом родо-общинных отношений (Бернштам, 1952, С. 218). Земледельческое население в этот период осваивает всю долину и прилегающие предгорья. Наиболее распространенным типом являются стоящие отдаленно или группой дома (первый тип поселений по Н.Г. Горбуновой), но встречаются также и укрепленные поселения (второй тип). Городов было мало, и они, по мнению Н.Г. Горбуновой, сосредоточены в восточной, наиболее густо заселенной части долины. Поселения, как правило, располагались группами по веррам горных рек при выходе их в долину (Горбунова, 1973, С. 133).

На основании анализа и сопоставления письменных и археологических данных Ю.А. Заднепровский пришел к выводу, что численность населения Ферганы в кушанский период составляла 500–600 тыс. человек. Основная часть его жила в деревнях. Городское население составляло не более 1/4 всех жителей Ферганы (Заднепровский, 1973, С. 19).

В конце V — VI в. н.э. во всех областях Средней Азии намечается подъем экономической жизни. В регионах наиболее экономически развитых этот процесс начался раньше и протекал более быстрыми темпами. Есть все основания говорить о начале экономического и культурного подъема в Фергане уже в V в.

Период V–VIII вв. н.э. во всей Средней Азии характеризуется изменением всех форм материальной культуры: расселения, типа жилищ, топографии городов и др. С.П. Толстов видел причину этих перемен в коренных изменениях социально-экономического строя (Толстов, 1948). К этому же мнению пришли впоследствии М.М. Дьяконов (Дьяконов, 1953, С. 292), Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский (Давидович, Литвинский, 1955, С. 159), А.М. Мандельштам (Мандельштам, 1964, С. 53) и В.М. Массон (Массон В., 1968, С. 100).

Город

В Фергане, как и в других областях Средней Азии, в IV–V вв. начинают складываться раннефеодальный город как ремесленный и торговый центр. Пример Пенджикента показал, что процесс формирования феодального города в этом регионе начался задолго до арабского нашествия.

В восточной части Ферганы выросли большие города, развивавшиеся, как правило, на месте городов предшествующего периода. Крупнейшими городами области была Куба, Ахсымет, Асханж, Ош.

Куба уже в VI–VII вв. имела четкое деление на три части: центральную в северо-западном углу, шахристан и об-

ширные предместья. Город имел три врата: один в восточной стене около шахристана и двое в западной около угловых башен. Жилые и хозяйственные постройки группировались в кварталы. Дома располагались вокруг площадей и вдоль улиц.

Крупный жилой комплекс открыт к северу от шахристана, его дома сгруппированы в шесть кварталов, объединенных общей внешней стеной. Дома состоят из нескольких комнат. Жилые комнаты отгорожены от хозяйственных и входных. Небольшые помещения перекрыты сводами, полы и стены покрыты алэабстром.

К северо-востоку от жилого комплекса, находилась буддийский храм. Он представлял собой прямоугольную в плане постройку. В северной его части располагались квадратной формы святилище и прямоугольный храм. Постройка возведена на стилобате, высота которого 3,6 м.

Внутри святилища и храма находились квадратные платформы, на которые вели лесенки, а вдоль стен пристроены ниши. В.А. Булатова считает, что возвышения служили местом, где совершались жертвоприношения. К храму примыкал прямоугольный двор, у входа в который по обеим его сторонам располагались комнаты (Табл. 75, 1, 2). В храме в арочных нишах стояли глиняные статуи. От них сохранились лишь фрагменты: головы, кисти рук. Главная статуя находилась на платформе. Она изображала Будду, восседавшего на троне в виде льва. На четырех выступлах постамента размещались сангта. Лицо Будды застывшее, отрешенное. По примеру храма развевывалась сюжетная композиция, изображающая историю обращения и искушения Будды (Табл. 75, 3-6, 8-10), так как на ней были и благотные боги, и демоны из воинства Мары (Булатова, 1972).

Планировка кубинского буддийского храма не характерна для сооружений этого типа. Не ясны и пути проникновения буддизма в Фергану. Существовало мнение, что буддизм не был распространен в этой области. Хой Чао писал, что в Фергане "учение Будды неизвестно, нет никаких монастырей и монахов". Но открытие храма в Кубе, а затем статуя в Керкочине позволили по-новому взглянуть на эту проблему. В.А. Литвинский полагает, что буддизм появился в Фергане в результате деятельности буддийских миссионеров, появившихся в Фергану на волне согдийской колонизации.

Два столбчатых города Ферганы — Касан и Ахсыкет находились на севере области. Касан был резиденцией местных правителей и ставкой тюркских каганов. Небольшой по площади трапезничский в плане город имел хорошо продуманную фортификацию. Ломаная линия стен укреплена по углам башнями. Юго-западный угол городища занимает также трапезничская цитадель (Табл. 52, 1, 2).

Непосредственно к городу примыкает укрепленный шестью башнями замок — резиденция тюркских правителей. А.Н. Бернштам полагает, что внутри замка построек не было, а находились шатры тюркских владык (Бернштам, 1952. С. 234). На дугах Касана, видимо, находился храм огня с очагом, в котором горел неутошимый огонь. Культурная комната с овалным в плане очагом открыта на западе. Стенки очага и пол вокруг него сильно прокалены, а в очаге находилась белая зола.

Вторым по значению городом был Ахсыкет. Согласно письменным источникам, он постоянно претендовал на роль столицы Ферганы. В эпоху раннего средневековья город занимал значительную площадь. Цитадель находилась в северо-западном углу шахристана и отделена от него глубоким рвом. Шахристан обнесен высокой стеной, укрепленной башнями.

Письменные данные и археологические материалы свидетельствуют о том, что распространенным типом расселения в Фергане становится усадьбы и замки. Это объясняется перемещением центра экономической жизни из города в деревню, а также изменениями, происшедшими в социальной структуре деревни. Наряду с усадьбами и замками существовали укрепленные селения, в которых жила значительная часть земледельческого населения. Изменения в топографии земледельческих оазисов отмечены повсеместно (Якубовский, 1949. С. 31; Толстов, 1948; Нералик, 1966. С. 15).

На основании исследований восточных и юго-восточных предгорий Ферганы А.Н. Бернштам пришел к выводу о максимальном распространении здесь в кушанский период земледельческой и пастушеско-земледельческой культуры. Позже в этих районах, по мнению А.Н. Бернштама, происходит сокращение числа поселений, связанное с новым стягиванием их в равнинную часть Ферганы (Бернштам, 1952. С. 217-218).

Юг Ферганы, южные и юго-западные ее предгорья были наиболее развитыми районами области. Благоприятные природные условия и богатая горнорудная база способствовали тому, что здесь развивалась многоотраслевое хозяйство.

Привлекая из равнины Ферганы заселила долина рек Ходжа-Бакырган, Исфара, Исфана, Баткенскую впадину. Об этом свидетельствует большое количество предметов материальной культуры, и в первую очередь керамики, с поселений, открытых в предгорьях и в равнинной части Ферганы (Давидович, Литвинский, 1955. С. 104; Брыкина, 1970. С. 92-95). Поселения располагались вдоль основных водных артерий района (Исфара-тая, Ходжа-Бакырган, Ляйлак, Исфара), а иногда сосредоточивались в местах обильных источников грунтовых вод (Карабулак, Баткенская впадина).

Горный рельеф обусловил некоторое своеобразие топографии поселений. С древнейших времен здесь были характерны отдельно стоящие укрепленные дома, усадьбы и неукрепленные поселки. Они располагались на скалах и горных останцах, оставшая незанятой земли, пригодные для возделывания. Это своеобразие топографии района сохранилось и в период средневековья, когда здесь отсутствовали обширные по площади города с развитой системой укреплений и четко выраженным планом.

Все горные долины несколько изолированы друг от друга и представляют собой своего рода небольшие историко-культурные микрорайоны. Для каждого из них характерны специфические черты культуры и направления хозяйства. Население предгорий находилось в тесном хозяйственном и культурном общении с населением долины.

Укрепленные замки предгорий являлись центрами округов и охраняли головные приращиванные сооружения. В Исфаринской долине размещалась целая сеть ук-

репелен, охранявших границы. Центральным был замок Каланболо, возведенный из построек предшествующего периода. Он имел высокую платформу с наклонными фасадами в крепостные стены с бойницами. К стенам вел пандусы и лестничные подъемы. Необычно отсутствие башен. Внутри пространства, огражденного стенами, находились жилой комплекс, состоявший из двора и северной части и однотипных жилых и хозяйственных помещений, сгруппированных вдоль общего коридора, в южной его части. Помещения были перекрыты сводами. Авторы раскопок считают, что замок Каланболо был резиденцией самого крупного дехкана. Общеполитическая ситуация в Фергане этого времени позволяет думать, что владетель Каланболо был одновременно правителем всего Исфаринского района (Давидович, Литвинский, 1955. С. 166).

В долине Ходжа-Бакартана в середине I тысячелетия н.э. происходят некоторые изменения в расположении и топографии поселений. Прекращается жизнь на Андарканском поселении, расположенном у подножия горной гряды. Население покинуло его, но не ушло из долины, а поселилось на более удобных землях.

В кишлаке Бешкент находилось крупнейшее в долине поселение, занятое в настоящее время постройками

Жиллица (замки, усадьбы)

Исследования жилых сооружений в различных областях Средней Азии показали, что как для городского, так и для сельского дома характерны компактность плана и четкое разграничение жилых и официальных помещений. В домах хорошо выделяются хозяйственные комнаты (кухни с очагами для приготовления пищи, кладовые, в которых сосредоточено большое количество хумов, использовавшихся для хранения продовольственных запасов и воды), общественные и культовые комнаты, отличавшиеся от остальных размерами, планом или присутствием в них каких-либо атрибутов культа (Варнина, 1960; 1963. С. 85; Нерзак, 1976, 1978).

В основе планировки замка (или дома), расположенного на западной окраине Карабулака (Давлякский р-н Омской обл.), лежит деление здания коридором из двух неравных по площади части (Табл. 48, 3). Коридор тянется к северу от входа и является как бы осью, по сторонам от которой располагаются комнаты различного назначения (Брыкина, 1966. С. 116-122). В коридоре находились два очага, использовавшиеся для приготовления пищи (Табл. 50, 5, 6).

Одна из двух комнат, находившихся к востоку от коридора, служила кладовой. В комнате были две суфы. Первая сооружена в первоначальный период жизни планировки, вторая — позже; когда изменилось назначение комнаты и была проведена частичная ее перестройка, новая суфа перекрыла яму, из которой к этому времени был извлечен хум.

Архитектура

Дома с коридором, к которому примыкают группы однотипных комнат, а также дома с осевым коридором, по сторонам от которого группируются жилые и хозяйственные помещения, весьма характерны для раннесредневековой Средней Азии и открыты в различных ее районах.

и садами, за исключением небольшого высокого останца. На нем открыты обширные помещения, являвшиеся, очевидно, частью какой-то общественной постройки. Наиболее ранний период датируется первыми веками н.э. Но наивысшего расцвета поселение достигло в середине I тысячелетия н.э. Можно предположить, что поселение, расположенное в кишлаке Бешкент, было центром района. Об этом свидетельствуют его значительные размеры и наличие общественного здания (Табл. 47, 1; 48, 2).

Наиболее изучен в районе комплекс, находящийся в кишлаке Кайрага. На левом берегу реки расположено обширное поселение. Оно занимает узкую пологонисходящую террасу, тянущуюся вдоль реки и расчлененную садами. В центре поселения, на мысу, образованном садами и рекой, находится хорошо укрепленная усадьба, господствующая над большим участком долины. Усадьба имеет прямоугольные очертания и ориентирована углами по странам света. Северная и западная границы усадьбы естественные, с востока и запада ее окаймляют глубокие рыи (Табл. 47, 5; 48, 5). К югу от усадьбы на краю террасы находился некрополь поселения, включивший два науса и погребения в подвоях.

Вторая комната, расположенная также к востоку от коридора, суфа по размеру (9,8x3 м), могла иметь общественное назначение. Вдоль северной ее стены тянется широкая и высокая суфа. К западу от коридора находится одна небольшая комната с широкой суфой вдоль южной стены и очагом через суфу (Табл. 50, 5).

Два помещения расположены за внешней стеной здания по его углам и с ним не связаны. Одно из них, с очагом и суфой, имело вид жилой комнаты. Назначение второй комнаты, открытой в юго-восточном углу здания, не ясно. Возможно, это был загон для скота или склад.

Частично сохранившиеся сооружения верхнего горизонта Актепе включали узкие параллельные помещения, являвшиеся лишь небольшой частью здания. Они имели, судя по специальному назначению, будучи кладовыми для хранения продовольственных запасов (Табл. 48, 1). Об этом свидетельствуют 17 хумов, обнаруженных в них в трех помещениях верхней площадки, и, помимо того, огромное количество обломков, принадлежавших по крайней мере еще 15 хумам, извлеченно из завалов, заполнивших помещения. В помещениях из восточном склоне холма Ю.Д. Баруздиным найдены еще четыре целых хума в большом количестве фрагментов (Баруздин, Брыкина, 1963. С. 93-100). На стенке одного хума была тюркская надпись из шести знаков. Она определяла назначение сосуда и гласила: "Его внутренность с мукой" (перевод И.А. Батманова) (Батманова, 1962. С. 20).

Здания с осевой планировкой, где общим являлся коридор, имеют несколько вариантов: первый — по обе стороны от коридора располагаются однотипные помещения, лишённые какого-либо внутреннего убранства; второй — по обе стороны от коридора расположены жилые и хозяйственные комнаты, удлиненные и почти

квадратные; третий – к осевому коридору примыкают двухкомнатные жилые секции. Первый вариант планировки известен под названием гробчатой или коридорно-гробчатой. Среди исследователей нет единого мнения о названии зданий такой планировки. Так, В.А. Лавров связывал постройки этого типа с конструктивными особенностями сводчатых перекрытий (Лавров, 1950. С. 44). В.Л. Ворошица объясняет появление такой планировки их функциональным назначением.

Усадьбы

Ферганские усадьбы принадлежат к числу наименее изученных памятников. Но даже тот небольшой материал, которым мы располагаем в настоящее время, позволяет предположить существование двух типов планировки.

Первый тип представлял сооруженную, в которых жилые и хозяйственные помещения располагаются по периметру стен, оставаясь незастроенным центр усадьбы, где, видимо, находился хозяйственный двор. Такой план, по-видимому, имела усадьба Курганча, занимавшая мыс высокой надпойменной террасы на правом берегу р. Ифганасай. Судя по рельефу, незастроенным был центр усадьбы, которая скрыта под холмом подквадратной очертания.

В Восточной Фергане, в местности Кзылжик, Д.Ф. Винников исследовал усадьба, которая, так же как и усадьба Курганча, занимает мыс высокой террасы и возвышается над поймой Карадары на несколько десятков метров. С западной стороны ее окаймляют глубокие рвы. Планировка, сходная с таковой Курганчи. Наиболее возвышенными оказались участки, прилегающие к стенам, а в центре была глубокая западина. Раскопки показали, что отдельные комнаты располагались вдоль стен, в центре усадьбы находилась незастроенная площадь (Брыкина, 1982).

Второй тип представлял усадьбы со сплошной застройкой, где на долю двора приходится очень незначительная площадь. Планировка этих построек очень сложная. Усадьба включает, как правило, комнаты различных очертаний и разного назначения. Примером такой постройки является усадьба на поселении Кайрагач (Табл. 47, 4).

Здесь открыты сооружения шести строительно-горизонтов. Перестройки были частыми и сопровождался существенным изменением планировки здания (Брыкина, 1982). Раскопки в Кайрагаче дали ценные материалы для суждения о планировке и структуре ранне-средневековых усадеб предгорной Ферганы. В каждый из периодов открытые сооружения представляли собой единый архитектурный комплекс, включавший жилые, хозяйственные и культовые помещения. На долю внутренних дворов приходится незначительная часть площади. В наиболее поздний период один из дворов занимал южный угол верхней площадки. Он был связан с производственной деятельностью обитателей усадьбы. Здесь открыты два небольших очага, огражденные глинобитными валиками. Около очагов найдены незначительные украшения окислившейся бронзы и шлаковированные кусочки железа, свидетельствующие о занятии металлообработкой. Двор неоднократно перестраивался

Она предполагает, что такие дома были заселены большеземельными общинами. В каждой из комнат жила малая семья, входившая в эту общину (Ворошица, 1957б).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что здания с гробчатой планировкой являлись сооружениями оборонного, сторожевого назначения (Несметов, *Земель*, 1961. С. 67–88; Несметов, *Хмельницкий*, 1966. С. 107; Неразик, 1966. С. 68–69; 1976. С. 179; Нильсен, 1966. С. 183–190).

как свалка, куда высыпалась зола и разбитая посуда. Другой двор находился на нижней площадке и был связан с храмом. В центре этого двора находился водоем. План постройки сложен. Она включает комнаты разных очертаний и разного назначения, которые группируются вокруг коридоров.

Интерьер всех открытых комнат одинаков. В каждой из них были очаги и суфьи. Более или менее одинаковы и их размеры. Большая часть комнат имеет площадь 12–15 кв. м, и лишь три комнаты имеют площадь около 25 кв. м. Во всех комнатах найдено огромное количество керамики, среди которой преобладают хумы. Но распределение ее по комнатам мало что даст для суждения об их назначении, так как во всех комнатах открыт почти одинаковый набор посуды. На многих сосудах прочерчены тамга. Некоторые из них идентичны династическим тамгам, известным по монетам.

Выделяется лишь храмовый комплекс, включавший совершенно бесспорно три комнаты. Первая небольшая удлиненная комната соединяла храм с остальными помещениями усадьбы. Около северо-восточной стены комнаты была суфа, окрашенная, как и стены, красной краской. В полуovalной нише юго-западной стены лежали семь небольших скульптур, представлявших собой позы и изображения людей. Через дверь в западном углу комнаты можно было попасть в святилище – большое помещение, площадью около 25 кв. м. Его стены украшены росписью в виде растительных побегов, выполненных красной краской.

Около юго-западной стены комнаты находились два постамента, раскрашенные красной краской и украшенные росписью в виде побегов. В центре комнаты находился овал прямоугольной формы с небольшим круглым углублением в центре (Табл. 73, 1, 2).

Комната явно предназначалась для совершения религиозных обрядов и являлась святилищем храма. Доказательством этому служат находки скульптур, представлявших собой позы и изображения людей и вставлявшиеся атрибутами местного религиозного культа. В святилище найдены четыре фигуры. Две большие и две маленькие скульптуры стояли на постаменте (Табл. 73, 7, 8, 12, 14), а при разрушении храма оказались разбросанными по всей комнате. Помимо скульптур, в святилище найдены и другие предметы культа – три курчавины на высоких ножках и массивная наковальня, являвшаяся объектом поклонения. Здесь же лежал мешочек с иеронимиями богам, включавшими стеклянные и керамические бусины (хрустальные и серпентиновые), сильва стержневые кусочки стекла, бронзовые привески и одну бронзовую монету, видимо, чашечного чекана. На вершине ее изво-

бразен правитель, на реверсе – тама в виде разомкнутого овала с усамй (два сверху, один внизу).

Из святилища дверь в северо-западной его стене вела в узкую и длинную комнату, перекрытую дощатым полом. В торцовой стене комнаты открыта ниша, перед которой на полу лежала раздвоенная курильница, аналогичная обнаруженным в святилище.

В восточной половине нижней площадки находился двор, центр которого занимал обширный водоем. Над ним было возведено перекрытие, поддерживавшееся колоннами.

Видно, в храмовый комплекс входили также еще две комнаты, располагавшиеся к юго-востоку от двора. Одна из них, большая, удлинённых пропорций, прилегающая к юго-востоку к святилищу, имела широкие суфы вдоль трех стен и очаги в стенах. Она соединялась с другой, меньшей комнатой, квадратной в плане. В этой комнате суфы тянутся по всему периметру. В северной углу в ямке на суфе обнаружены глиняные фалосы.

Прилегающий к храму двор был подчинен храму в хозяйственного назначения не имел. Поскольку храм был связан с местным, скорее всего с семейным, культом, он расположен в центральной части здания, изолированный от внешнего мира и посторонних посетителей.

Кайрагачский комплекс пока первый памятник такого рода в Фергане. Отсюда происходят 12 скульптур. Две

большие находились постоянно в святилище, где они стояли на постаменте. Они являлись объектами почитания всей семьи или общины. Перед ними совершались ритуальные обряды, сопровождавшиеся, видимо, возжиганием священного огня в очаге в курильнице (Табл. 66, б, 8). Маленькие же фигуры принадлежали отдельным членам коллектива и были их личными оберегами (Брыкина, 1982, С. 88–112).

На верхней площадке усадьбы выделяются две обширные комнаты с высокими суфами, удобными для сидения, и напольными очагами-площадками в центре комнат. Эти комнаты явно имели общественный характер и могли быть связаны с каким-то культом, ритуал которого предполагал поклонение огню.

Усадьба имела хорошо налаженную систему водоснабжения. Как уже отмечалось, на нижней площадке помещался обширный водоем. В одном из помещений был глубокий колодец со сложными водоподъемными приспособлениями. В один из первоначальных периодов в здании был сооружен подземный ход. В него вел глубокий входной колодец. В нем около юго-восточной стены находилась лестница. Вход прорублен в материковых напластованиях в направлении юг-север. Пол резко, под углом 45°, понижается к северу. Судя по направлению подземного коридора, ход вел к реке.

Внутреннее убранство помещений

В раннесредневековых домах оно отличалось простотой и единообразием. Имущественная дифференциация владельцев домов находила выражение в размерах жилищ, в тщательности их построек и в разнообразии внутренней отделки (цветная штукатурка, живопись и скульптура, резное дерево). Обычной и единственной мебелью были суфы, располагавшиеся вдоль стен.

Обязательной принадлежностью интерьера дома были невысокие алебастровые столбики. Они имели конусовидные ножки. Их диаметры 0,7–1 м, но есть экземпляры меньших размеров. Их бытовое назначение неясно, поскольку столбики найдены в жилых помещениях и, как правило, у очагов. Алебастровые столбики обнаружены на многих памятниках Ферганской долины: на поселении Каламуд, где они найдены с материалами VI–VIII вв., в Актеле (*Баруадин, Брыкина, 1962, С. 96*). Хронологический и территориальный диапазоны этих находок весьма широки. Алебастровые и керамические столбики найдены в Пенджикенте и на Афрасиабе. Они есть также в слоях XI–XII вв. в Карабулаке (*Брыкина, 1974, С. 97–98*). В Музактепе. Большая часть находок столбиков связана с районами юго-западных предгорий Ферганы.

Материалы из юго-западных предгорий Ферганы и соседних районов позволяют выделить четыре типа очагов, бытовавших здесь в раннее средневековье: напольные, пристенные, стеновые и переносные.

Первый тип – напольные очаги, наиболее простые и распространенные. Они имеют вид глиняной площадки или небольшого углубления, где раскладывались горящие угли. В некоторых случаях площадки и углубления ограждены невысоким глиняным валиком. Очаги этого типа открыты в трех помещениях в Кайра-

гаче. Весьма вероятно, что этот тип не имел утилитарного значения, а использовался в ритуальных целях.

Второй тип представляют жаровни, амзанные и пол в располагавшиеся около стен. Им сопутствуют керамические экраны, амзанные в стены и служившие для отражения тепла, а также для предохранения стены от растрескивания.

Третий тип – стеновые очаги, не получившие широкого распространения. Кроме Карабулака, где обнаружены три очага этого типа (два в коридоре, один во внешней стене за пределами здания), стеновые очаги открыты в Кайрагаче и Пенджикенте. Конструкция их весьма примитивна: полуовальные ниши выдалбливались в нижней части стены на уровне пола или суфы.

Перед устьем одного из очагов, открытых в коридоре карабулакского дома, сооружен невысокий глиняный валик. В Кайрагаче отрадки из кирпичей, поставленных на горцы, ограничивают небольшие овальные или прямоугольные углубления перед устьем очагов (*Брыкина, 1982, С. 50*).

Четвертый тип – переносные очаги, в качестве которых использовались толстостенные жаровни с горящим углем. Они служили для обогрева помещений (*Брыкина, 1982, С. 50*).

Освещение жилых комнат осуществлялось различными способами. Наиболее распространенным было освещение через световые люки в крыше. Этот прием освещения отмечен в памятниках разных эпох. Световые люки широко практиковались как в сводчатых, так и в плоских перекрытиях. Другим способом было освещение через дворчики или айваны. В некоторых случаях в арочных проемах над дверью оставались световые фрамуги. Такой способ освещения практиковался в Пен-

джикенте. Он отмечен также и в Каламболе, где фрамуги были застеклены (Давидович, Литвинский, 1955). В домах Пенджикента отмечены световые колодцы, располагавшиеся между отдельными помещениями. В эти колодцы выходили окна, прорезанные выеком в стенах.

В карабулакском доме, где стены имеют почти двухметровую высоту, оконные проемы не обнаружены. Исключено здесь освещение через дверные проемы, так

как дверь всех комнат выходит в коридор, перекрытый сводом. Очевидно, освещение помещений карабулакского дома осуществлялось через световые люки в перекрытии.

Окна в фрамуги не давали достаточного количества света, и постоянно ощущалась необходимость в искусственном освещении, для чего использовались светильники различных форм. Они ставились в небольшие стеновые ниши. Одна из них открыта нами в Кайрагаче.

Стротельная техника

На протяжении тысячелетий в Средней Азии основным строительным материалом служил сырцовый кирпич различной формы и различных размеров. В основном это были прямоугольные кирпичи с соотношением длины и ширины 1:2. В середине I тысячелетия н.э. в строительстве начинает применяться битая глина, уложенная горизонтальными пластами, разделенными вертикальными бороздками на блоки различных размеров (70x70, 60x60, 60x50 см). Ряды пахсы чередуются с рядами кладки кирпичей. В горных районах в строительстве широко применяется камень – прямоугольные, хорошо отесанные плиты из мергелистого известняка. В основании стен часто кладется хорошо окатанная речная галька. Стены сложены целой кладкой, когда чередуются ряды кирпичей, положенных тычком и ложком, и комбинированной кладкой – чередованием рядов пахсы и рядов кирпичей.

Строителями были хорошо известны антисейсмические приемы. В кладке стен применялись песчаные и камышовые пояса, глиняные растворы, долгое время сохранявшие пластичность (Воронина, 1953а. С. 14; Бачинский, 1949).

Значительная часть сооружений имела плоские бесчердачные перекрытия. Балки укладывались по малому пролету комбат, а на них укладывались жерди, перекрывавшиеся сверху камышовыми шпировками и землей.

Хозяйство

Чжан Цзян, посетивший Среднюю Азию в конце II в. до н.э., оставил первое и довольно подробное описание Ферганы. Он, в частности, писал о хозяйственной деятельности ферганцев, о том, что в Фергане плодородные земли, пригодные для посевов риса и пшеницы. «Даваянды ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много арзаматов. Сви лошади имеют кровавый пот и производят от "небесных лошадей"». «В Давани и окрест из винограда делают вино; богатые люди хранят вино более 1000 дней. Долго, несколько десятков лет, оно не портится». Интересно описание нравов ферганцев, их пристрастия к торговле: жители Ферганы, по сообщению этого автора, "искусны в торговле, наперекор состязаются за выгоды". «Эти страны совсем не имеют шелка и льна, не умеют отливать монеты и посуду». Из этого сообщения Чжан Цзян делался, не совсем обоснованный вывод о том, что ремесла и товарно-денежные отношения в Фергане были развиты слабо (Бичурин, 1950. Т. II).

В больших квадратных помещениях, где внутренний пролет превышал размеры деревянных прогонов, кровля всегда поддерживалась деревянными колоннами. Количество их различно – от одной и больше. Чаще всего устанавливались четыре колонны, образующие четырехугольник. В полах помещений сохранились вмяты от колонн или большие четырехугольные углубления, в которых, видимо, помещались базы колонн. Такие углубления отмечены на многих памятниках, в том числе в Кайрагаче и Майдатене в Фергане (Брыкина, 1982).

Узкие коридорообразные помещения перекрывались сводами различных конструкций. Чаще всего использовались своды, выложенные способом наклонных отрезков. В Кайрагаче длинное коридорообразное помещение перекрыто двойным сводом. Внутренний свод имел высоту до замковых кирпичей 5,8 м. Он был выложен способом поперечных отрезков, в кладке использовались специальные кирпичи трапециевидной формы. Обнаружены также замковые кирпичи, имевшие форму равнобедренного треугольника. Внешний свод сохранился хуже. Он, скорее всего, выложен способом наклонных отрезков. Своды такой конструкции весьма редки. Они отмечены в Хорезме, в Койкыргызканке и в постройках I–III вв. в Азкале (Толстоп, 1948. С. 164; ТХАЭ, 1957. С. 24).

Природные условия Ферганы способствовали развитию в области многоотраслевого хозяйства. Изучаемый район включал ряд ландшафтных зон, различных в климатическом отношении. Это сказалось на развитии хозяйства в каждой из зон. В целом в районе развивалось земледельческо-скотоводческое хозяйство. Но в каждой из зон оно имело свои специфические черты: южная часть района – зона альпийских лугов являлась прекрасным пастбищем и использовалась для летнего выпаса скота; лимане же пастбища находились в плодуньских районах Центральной Ферганы. В предгорьях развивалось горнопастбищное скотоводство.

В южных предгорьях Ферганы с первых веков н.э. развивается иллужное скотоводство. Оно складывается на основе тесной кооперации с земледельцами долины. Анализ остеологических материалов из Кайрагача, проведенный В.П. Давыленко, показал, что в коллекции вино преобладают кости местного рогастого скота. Такой же видовой состав стада, где вино преобладает мелкий

рогатый скот, отмечен у земледельческого населения И.С. Лякошиным, проводившим статистическое обследование долины Ходжа-Бакыргана в начале XX в. (*Глякошия*, 1906). Этот факт, видимо, нужно объяснить не образом жизни, а экологическими условиями: окружающие равнину горы очень бедны растительностью.

Не менее важную роль в жизни населения области играло земледелие. Наиболее основными земледельческими оказались районы, богатые плодородными почвами и

водными источниками. В предгорных районах, где весной и осенью выпадает значительное количество осадков, было развито болярное земледелие. В замке Карабулака найдены обугленные зерна пшеницы. Частыми находками являются жернова и зернотерки.

Полностью соотечались с огородничеством, выращивались бахчевые культуры (дыни и арбузы). На каменистых, так называемых тагобных, землях в предгорьях выращивались виноград.

Ремесло

Из сообщений древних авторов следует, что Фергана богата железом, золотом, кинварью. Это подтверждается археологическими данными. В знаменитой пещере Коин-Гут разработки на железо и серебро начаты еще в первые века н.э. Ведутся разработки в Хайдаркане. На базе горнодобывающих промыслов развиваются металлообрабатывающие ремесла, в которых ремесленники достигли высокого мастерства. Намечается специализация ремесла. Известно, что в Восточной Уструшане изготавливались оружие, сланившиеся далеко за пределы Средней Азии. Предметы, необходимые в повседневном быту, изготавливались повсеместно. Следы металлообработки обнаружены при раскопках в Кайрагаче. В южном углу верхней площадки усадьбы в более поздний период находился хозяйственный двор. Здесь открыт небольшой очажок, а около него – кусочки оплавленной бронзы. В наиболее ранний период жизни памятника с производственной деятельностью была связана небольшая комната, также находившаяся на верхней площадке. На полу этой комнаты среди развала керамики обнаружено большое количество железных предметов (ножи, пряжки, наконечники стрел). Здесь же обнаружены кусочки железного шлака. На производственный характер поселения указывают также находки бараньих рогов,

использовавшихся, видимо, в качестве карборизаторов для цементирования изделий из железа. Интересно отметить, что в Пенджикенте, по словам В.И. Расповой, рога коз найдены в кузнечных мастерских (*Расповая*, 1980).

В Кайрагаче при раскопках святилища обнаружена железная наковальня. Она прямоугольная в поперечном разрезе, несколько суживающаяся кину. Небольшая по площади рабочая поверхность слегка стерта. Видно, на этой наковальне изготавливались небольшие предметы. Наковальни принадлежат к числу редких находок. Помимо Кайрагача, они известны только в Пенджикенте. Изделия из железа представлены как орудиями труда, так и вооружением. В западных предгорьях Ферганы найдены большой лемех плуга, топоры, ножи (*Брыкина*, 1982, С. 104, Рис. 38) различных размеров в формы «штопнутого» типа, серповидные, с прямой спинкой. Интересны наконечники стрел. Они трехлопастные и трехгранные или четырёхгранные. Однолезвийные клинки небольших размеров и мези, длинные и короткие, предметы вооружения происходят как из поселений, так и из могильников. В одном из поселений верхней площадки Кайрагача найден кусок кольчуги, составленный из мелких колец (*Брыкина*, 1982).

Керамика

Основным источником для изучения гончарного ремесла является его продукция – керамика. Судя по керамическим находкам, значительное место в изготовлении посуды принадлежало домашнему производству (от руки вылепливались все кухонные сосуды, часть хумов и кувшины). В то же время изящная столовая посуда, кувшины, горшки, часть хумов изготовлены на южном гончарном круте быстрого вращения. Использовался крут с подставкой, широко применявшийся в гончарстве Средней Азии. Керамика с полной определенностью позволяет судить о смене традиций гончарного производства в Ферганае. Количество характерной для этой области керамики, покрытой плотным красным ангобом, резко уменьшается. Гончарная посуда большей частью светло-оливковая без специального покрытия или же покрыта светлым ангобом. Ассортимент посуды весьма разнообразен. Значительное место среди керамических изделий принадлежало хумам. На некоторых поселениях количество их исчисляется несколькими десятками. На стенках хумов части тамга, прочерченные по сырой или подсушенной гаше. Некоторые из них идентичны монетным тамгам. На втором месте по количеству находок

стоят сосуды для воды – кувшины. Формы их разнообразны. Преобладают кувшины с ручками в носикосливом, часто примытым с боков так, что верхняя его часть касается венчика. На стенках вокруг основания носика орнамент в виде лунок. Очень характерны для VII-VIII вв. большие кувшины с примытым с боков или подсаженным носком сливом. Кувшины этого типа распространены как в Согде, так и во всех районах, подвергшихся влиянию согдийской культуры. Широко известны в Ферганае кружки с цилиндрической верхней частью, округлым корпусом в небольшой подвешивной ручкой. Форма мисок становится менее вычурной, нем в более раннее время; чаще встречаются миски с усеченно-коническим туловом (Табл. 69, 1-20). Интересны лещеные кружки с волнистым краем и петлеводной ручкой. К числу уникальных находок следует отнести сосуд со сливом в виде головы быка, отскии штампов на стенках сосудов: пряжки, розетки, стилизованные головы львов в круге из перлов. Уникально настенное декоративное блюдо с петлей для подвешивания, с восьмилестковой розеткой в центре, вокруг которой чередуются волнообразные пучки линий.

Интересные сосуды специального назначения – ритоны и курильницы. Почти все они происходят из Кайрагача и близлежащих районов.

Кайрагачские ритоны имеют различную форму; сосуды с воронкообразным горлом и сфероконическим туловом, завершающимся ножкой-сливом со сквозным отверстием и налетным изображением головы животного над ножкой-сливом (Табл. 65, 1); сосуд кольцевидной формы, изготовленный из полой керамической трубы, с цилиндрическим горлом, по сторонам которого располагаются ручки. В нижней части сосуда по одной оси с горлом расположены два слива в виде головы быка (Табл. 65, 5); кувшинообразный сосуд с широким и невысоким горлом, в нижней части сосуда находится две выхлопные со сквозными отверстиями. Сосуд происходит из кургана могильника Тураташ (*Баруалин, Брыкина, 1963, С. 23, 83, Табл. XIII, 4*); ритон с шаровидным туловом и широким горлом (Табл. 65, 2). На крутом дне два симметрично расположенных слива в форме головы быка (*Брыкина, 1982, С. 75 и сл.; Рис. 51–54*). На площадке к северу от аула найден ритон цилиндрической формы (Табл. 65, 6).

Из храмового комплекса Кайрагача происходят четыре курильницы, найденные с другими атрибутами культа. Кайрагачские курильницы имеют высокую цилиндрическую ножку с плоским дисковидным основанием. Резервуары открытой полушарной формы. Они увенчаны ступенчатыми зубцами, имитирующими, ви-

димом, архитектурную деталь, хорошо известную по раскопкам в Акбешиме, Ташкенте, Таразе (Табл. 66, 6, 8).

Очажные подставки представляли изделиями трех типов: подставки конусоидально-пирамидальной формы со сквозным отверстием в нижней части; подставки цилиндрической формы с выраженным основанием и без него, с отверстием для вертела на середине их высоты; прямоугольные подставки, концы которых завершаются стилизованным изображением животного (Табл. 71, 1–13) – быка, в другом случае – барана (*Брыкина, 1982, С. 50, 88; Табл. 33*).

Локальные особенности керамической продукции лучше всего выявляются в легкой керамике, изготовлявшейся женщинами для своего дома и для родственниц. Лишь небольшая ее часть шла на рынок. Рынок сбыта был узкий, в основном близлежащие села.

Различия, прослеженные не только в легкой, но и в гончарной посуде разных районов, дают возможность предположить существование в области нескольких гончарных центров.

Анализ керамической продукции показал, что значительная ее часть изготовлялась для рынка. Это выразилось в стандартизации изделий гончарного ремесла. На огромной территории производили сосуды одинаковой формы, одинаковых пропорций, украшали их одинаковым орнаментом, причем определенным стандартом была подчинена не только гончарная, но и легкая посуда.

Верования

Верования – одно из важнейших проявлений духовной жизни человечества. В древности они пронизали во все сферы общественной жизни и определяли поведение людей. Вместе с тем из-за ограниченности источников эта область остается, к сожалению, наименее изученной.

Ценным источником, отражающим мировоззрение древних людей, являются мифы и легенды, лучше всего изученные в Хорезме.

Во всех развитых современных религиях присутствуют элементы древних поверий и культов. Это помогает составить представление о культах и поверьях древних людей и объяснить некоторые элементы их духовной и материальной культуры.

Фергане, как и всей Средней Азии, был свойствен политеизм. Ни одна из мировых религий не получила в этой области широкого распространения. В Фергане, по этнографическим данным, существовало множество поверий: фетишизм, поклонение воде, скалам, деревьям, вера в могущественную силу всевозможных амулетов. Дерево играло большую роль в весенних обрядовых праздниках, в свадебных церемониях. Связь дерева с культом плодородия ярко выражена в мифах народов. Именно поэтому деревья часто наделяются душой и выступают в качестве тотема (*Литвинский, 1981а, С. 106*). Степень «святости» разных деревьев различна. Наиболее почитаемой была арча. В Варюбе ее называли «любимшей богов». Ива также была почитаемым деревом.

Злые силы населяли окружающую среду и враждовали с людьми. Люди прибегали к помощи всевозможных оберегов – предметов, обладающих магической силой. К их

числу относятся многие виды украшений, вышивки на детской одежде, жук-скарабей, почитаемый не только как средство от глаза, но и как талисман, способствующий деторождению (*Васильева, 1986, С. 182 и сл.*).

В форме ношения амулетов нашли отражение ранние формы религий: тотемизм, фетишизм, различные виды магии. Традиция ношения амулетов восходит к первобытным верованиям.

Древнейшие культовые места не были архитектурно оформлены. Религиозные церемонии совершались у почитаемых объектов. Ими могли быть скалы и камни, деревья, источники. На скалах встречается множество всевозможных изображений отдельных животных, а также целые сцены. Их, как правило, обнаруживают в ущельях и около пастбищных угодий, вблизи от источников. Рисунки наносились на ровные поверхности скал, на большие валуны.

В Юго-Западной Фергане, в верховьях р. Ходжа-Бакырган (Ляйлак), нами открыты рисунки на больших валунах. Преобладают изображения баранов и горных козлов, а на одном помещен человек с луком. Эти рисунки выполнены, скорее всего, в середине I тысячелетия до н.э. и в последующее время. Здесь же множество остаточных надписей на арабском и персидском языках. Самые поздние из них датированы XVI в.

Среди огромного количества наскальных изображений, открытых в горах Ферганы, особое место занимают обнаруженные на перевале Ферганского хребта, в долине р. Кулгарт, в известной под названием «Саймадытан», что означает укрупненный камень. Это своего рода кар-

тинная галерея на камне, создававшаяся в течение более чем полутора тысяч лет и насчитывающая несколько тысяч изображений. А.Н. Бернштам выделяет четыре периода, или "слоя", изображений.

Араванская скала и Саймалтаган с изображениями культовых сцен поклонения солнцу превращались в своего рода храмы, где совершалось отращивание культа мифического поклона. Ритуал поклонения сопровождался возжиганием огня. Араванская скала и ролник у ее подножия почитались и мусульманами. Здесь был построен мавзоль Думдумата. А.Н. Бернштам отмечал, что животные, изображенные на скалах, не являются объектом обожения. Они предстают как символы благополучия и "эмблемы солнечного культа" (Бернштам, 1952, С. 223).

В области с развитым производством хозяйством, какими были Хорезм, Фергана и верованиях и обрядах населения существуют домашние животные. Среди них в первую очередь следует отметить быка, верблюда и ослика. Особенно почитался в Хорезме бык. На торжествах в честь Бобо-Дехона жарили бугорак. Быку смазывали рога жиром. В честь новорожденных телят устраивали праздники. На них вешали амulette от глаза. Свидетельством сакрального значения быка является его участие в качестве жертвенного животного в весенней чистке каналов, по которым вода шла на поля. Предполагалось, что это жертвоприношение обеспечит обилье воды в каналах и соответственно хороший урожай (Сиссирев, 1969, С. 310). Связь быка с водой имеет давнюю традицию. Она иллюстрируется археологическими материалами. Из Кайрагача происходят керамические ритоны, сляны которых оформлены протомами бычьих голов (Брыкина, 1982, С. 76, Рис. 51–54). Ритоны – сосуды ритуального назначения. Они, несомненно, подчеркивают сакральную связь быка с водой (Табл. 65, 2, 5, 6). На средневековых поселениях неоднократно находили сосуды для воды, известные под названием "мургоби". Носик-слай этих сосудов завершается головкой быка с открытой пастью (Сиссирев, 1969, С. 329; Брыкина, 1974, С. 51, Рис. 29, 1–4; С. 105, Рис. 66, 1, 2).

Значительное место в культах древних народов принадлежит барану. Его изображение служило оберегом. Считалось, что баран обладал магической силой. Его имя давали детям, чтобы предохранить от бед. Магической силой обладали и его отдельные части. Так, шерсть барана служила талисманом. Над входом в дом укрепляли рога барана-кочкара. Они, по существовавшей представлению, должны были охранять дом от "злого глаза". Точно такими же способностями, видимо, обладали изображения рогов домашнего барана.

Вера в сакральную силу животных уходит в глубокую древность. Об этом свидетельствуют скульптурные изображения голов животных и птиц на крышах оссуариев. Значительное место в верованиях древних ферганцев принадлежало астральным культам. Об почитании планет есть сведения у древних авторов. Сакральные свойства планет нашли отражение в Авесте. Солнце, луна, планеты обладали оплодотворяющей и очищающей силой. Известно, что в содский календаре дни недели посвящались планетам. Первое место среди них принадлежало солнцу (воскресенье), второй день посвящен луне (понедельник). В пехлевийском тексте "Города Ирана" говорится о храме в Самарканде, посвященном солн-

божеству. Имена этих божеств сохранились в названиях семи дней недели содрийского календаря эпохи раннего средневековья.

Культовый облик и солидного божества отразился в украшениях, найденных на поселениях и могильниках. Это бронзовые бляшки дисковидной и полудисковой формы. В одном из курганов Карабулакского могильника найдена пластинка сердцевидной формы. На ней изображены две человеческие головы – мужская и женская, обращенные друг к другу. Мужское лицо безусое и безбородое. Волосы повязаны диадемой, украшенной перлами. На затылке шаровидный пучок. Над головой сияние в виде радиально расходящихся лучей, идущих от лба к затылку. У женщины прямой нос, слабо обозначенный подбородок, волосы собраны на затылке в пучок. Над головой эмблема – полумесяц. Два главных атрибута – лучистый венец и полумесяц позволяют предположить, что это изображение носит культовый характер и является воспроизведением солнца и луны.

Следует отметить, что антропоморфные изображения небесных светил часты в древнем и средневековом искусстве Средней Азии и Востока в целом. Напрямом женское божество встречается на реверсе кушанских монет, где оно сопровождается надписью "Selenia" или "Mami", что означает "Луна" (Баруздин, Беленцкий, 1961, С. 21–27).

В честь светил возводились храмы. Известно, что храмы солнца были в Пайкенде и Бухаре. В Бухаре же был базар под названием "Мах", что означает "Луна". На нем продавали небольшие скульптуры. Возможно, здесь был храм Луны.

Средневековый автор ал Шахристан писал о храме солнца в Касане: "К ним (древним храмам) относится храм Каусан, построил его царь Каус. Постройка эта была удивительная". И далее: "...это было удивительное здание, посвященное солнцу, в столице Ферганы. Его разрушил ал Мугасим" в 833–842 гг. Название храма связывалось с именем легендарного царя Ирана Кауса. А.М. Беленцкий был склонен считать, что более правомерна связь с названием столицы Ферганы Касан (Баруздин, Беленцкий, 1961, С. 21 и сл.).

Культовый облик и солидного божества отразился в погребальных сооружениях. В курганах разных эпох на обширной территории под насипами открыты каменные выкладки. Они были выложены вокруг могил и иногда большими количеством окружали всю площадь кургана. В Юго-Западной Ферганае, в местностях Ташрабат в Оутсай, под курганными насипами на уровне древнего горизонта открыты кольцевые выкладки. Особенно интересен большой курган в Оутсай. Его земляная насыпь была облицована камнями, положенными в один слой. Под насыпью на уровне древнего горизонта находились каменные выкладки.

Три погребения из крупных камней располагались вдоль южного и восточного краев, примыкая к кольцу, окружающему подкурганную площадку. На восточной половине площадки, почти в самом центре, находилась еще одна кольцевая выкладка. В ее центре в небольшой овальной ямке в скорченной позе лежал скелет расчлененного человека. Череп лежал рядом на уровне грубой кладки. Других погребений в кургане не обнаружено. Видимо, площадка была культовым местом. Вы-

кладки-полукольца связаны с солнечным культом, а на площадке совершались какие-то действия в честь солнца.

С культом солнца связан культ огня. Почитание огня в Средней Азии имеет длительную традицию. С древнейших времен существовало представление об огне как об очистительной силе. Место очага в доме считалось священным. Именно в очаг в день поминовения ставили пышки — священные лепешки, возжигаемые в честь ушедших предков. Пышки втыкают в очаг и говорят, какому предку они предназначены.

Огонь играл большую роль и в погребальном обряде. Трупосожжение, сожжение надмогильных сооружений связывали с верой в очистительную силу огня. Огонь в погребениях символизировала красная краска, охра. Связь возжигания огня с погребальным культом подтверждается изображениями на оссуриях. Современные узбеки зажигают огонь на могилах (Андреев, 1927, С. 11).

В классовых обществах древнего Востока культ огня приобретает форму государственной религии. Возводятся храмы огня, архитектура которых подчинена определенному канону. Храмы, как правило, включали обширные квадратные залы с большим круглым или прямоугольным очагом в центре. Помимо зала, в храме были и другие комнаты, где хранился вечный огонь. Храмы огня в раннесредневековых письменных источниках упоминаются в Бухаре, Самарканде, Рамитане.

Специальные постройки, связанные с культом огня, отмечались при исследовании памятников Средней Азии неоднократно. В частности, Алоухана — дом огня — был открыт на Джанбаскале в Хорезме (Толстов, 1948, С. 98). Храмы, где предполагалось поклонение огню, обнаружены на других памятниках Хорезма. Это прежде всего Топраккалийский комплекс в Высокой дворец, а также культовые здания в загородном дворцовом комплексе и храм в городе (Рапопорт, 1993, С. 171 и сл.; 1996, С. 70 и сл.; Нераник, 1997, С. 50–52).

В Фергане места почитания огня открыты в нескольких пунктах. В Касане раскопано помещение VI–VIII вв., которое, как полагал А.Н. Берштан, было культовым. В нем находился большой овальный очаг. В очаге лежали куски дерева и толстый слой ишла. Помещение, где находился очаг, А.Н. Берштан сопоставил с домом огня — алоухана, аналогичным открытому С.П. Толстовым на Джанбаскале (Берштан, 1952, С. 239). О храме огня в Касане писал ад Шехристиан, а жителей этого города он называл огнепоклонниками-мугами.

На центральной площадке Гайраттепе (в Северо-Восточной Фергане) находился большой прямоугольный очаг с прокаленными стенками, заполненный белой золой. Вокруг этого очага располагались восемь маленьких очагов, стенки которых также прокалены. В.И. Козленкова считает этот комплекс культовым и сопоставляет его с так называемыми сигналами, вариантом зороастрийского храма. Культовый характер очагов подчеркивается бережным отношением к пеплу, который был аккуратно уложен и обманан сверху глиной (Колленко, 1964, С. 226, 236).

Еще один храм открыт в Южной Фергане на городище Майдаттепе (IV–V вв.). В центре этого городища находилось большое здание, значительная часть которого была занята парадными помещениями. В южном углу здания располагался почти квадратный в плане четы-

рехугольный зал площадью 50 кв.м. В юго-восточной стене находилась глубокая ниша, возле которой открыто прямоугольное возвышение. Вдоль стен зала тянутся суфы (Табл. 49, 1–4).

Перед нишей открыт большой напольный очаг прямоугольной формы, огражденный глинобитным бортиком. Под и стены очага сильно прокалены. На полу около него следы дательного и интенсивного воздействия огня. К югу от очага располагалось прямоугольное возвышение, заполненное золой и покрытое сверху глиной. Это, очевидно, место хранения золы из священного очага. В зале совершались церемонии, связанные с поклонением огню и каким-то реликвием, которые находились в нише; молящиеся сидели на суфах, тянущихся вдоль стен (Брыкина, 1973, С. 115).

Поклонение огню предшествовало всем наиболее важным делам. Для этого в каждом доме имелись отдельные комнаты или специальные места, где совершался этот обряд.

В Средней Азии существовал ряд культов, атрибутом которых были антропоморфные изображения. Это идолопоклонничество, астральные культы, культ предков и связанные с ним профессиональные культы.

Идолопоклонничество было широко распространено в Средней Азии с древнейших времен. Исследователи считают его предшествовавшим и антагонистичным культуру огня. Это подтверждается исторической традицией. Е. Шахматов описывает приношение Виштаном зороастризма и строительство храма огня: "Идолов в камне: они сожгли, вместо идолов открыли они жгли" (Беленицкий, 1954).

В китайских хрониках Танши и Бейши есть сведения об идолах: "В Западном Цао есть город на запад, мняю город Юй-ди, есть храм дуу Дэнь. Жители поклоняются ему. В этом храме есть золотая утварь с надписью, что сия пожалована Сыном Неба из династии Хань" (Бичурин, 1950, С. 275). В хронике Бейши есть сведения об идолах: более пространные данные об их облике и обрядах, которые совершались в храме; Идол Дэнь имеет антропоморфный вид, ежедневно в жертву ему приносятся огромное количество различных животных — верблюдов, лошадей, баранов. Животных закалывают, потом совершается коллективная трапеза. В хронике называется место, где находится храм: "кладение Цао" — это древняя кангюйская земля (Бичурин, 1950, Т. II, С. 313).

Многочисленные сведения об идолопоклонничестве находим у арабских историков и географов. По их сведениям, арабы, пришедшие в Среднюю Азию, сталкивались с этим культом повсеместно. Они отмечали как отдельные культовые места, так и обширные капища, где были сосредоточены огромные богатства. Богатейшие храмы находились в Самарканде, Рамитане, Лайкенде. Арабы разрушали эти храмы, а все богатства разграбили. В Бухаре храм находился в шатре-дворе. Впоследствии на его месте была построена мечеть. На дверях домов и замков Бухары вырезаны изображения идолов, на каждом доме свой идол. На базаре Мах див роз в год продавали идолов. "Каждый, кто купил своего идола или едомал, мог в день торга купить себе нового идола и увести домой" (Нераник, 1897, С. 50–51). Из этого сообщения Нераник следует, что каждый член коллектива имел своего личного идола. Это особенно важно в связи

с находками в святилище усадьбы Каираган и в ферганских курганах маленьких алебастровых идолов, являвшихся, очевидно, личными божествами-оберегами отдельных членов коллектива. Они хранились дома в специальных ящиках. Иногда их помещали в погребения, чаще всего женщин (Табл. 74, 1-3), где они выполняли функции спутника умершего (могильники Ташаурт, Ворух) или его заместителя (кенотаф Тураташа) (Барзудин, Брыкина, 1962; Брыкина, 1982; 1987, с. 52; Брыкина, Трунасова, 1995, с. 73; Рис. 1-6).

В Устуртские идолопоклонничество было распространено весьма широко. Сам правитель области ал Афрани Хайдар, по словам аз Масуди, "был мусульманским динь по виду". На самом деле он исповедовал веру своих отцов, за что был признан к суду и наказан (Негматов, 1957).

В Рукоисе Мухамеда Яаза ариводятся сведения об идолопоклонничестве у киргизов в XVII в. Рукоисе посвящена жатно среднеазиатского шейха Ходжи Исака, подолгу жившего среди киргизов и обратившего в мусульманство около 180 тыс. кайфоров и идолопоклонников. В Рукоисе описана кампня идолопоклонников, находившаяся в районе Капшара и Самарканда, а также главный идол киргизов — бут. Он был сделан из серебра и висел на дереве. Вокруг него висело множество маленьких идолов из дерева и камня. Ритуал поклонения сопровождался общей трапезой верующих и кормлением идола.

Обращает на себя внимание сходство ритуала поклонения киргизскому идолу и упомянутому идолу Дэси. В обоих случаях поклонения божествам сопровождалась жертвоприношением, коллективной трапезой и кормлением божества. Видимо, этот ритуал был широко распространен и имел старую традицию. Только этим можно объяснить его бытование и в XVII в.

Этнографы свидетельствуют, что у современных народов после принятия ислама сохраняется множество обрядов и поверий, которые считаются реликтами доисламских верований (Стегалева, 1969, с. 102). Все обряды совершались ограниченными группами людей, объединенных в секты. Одну из таких сект наблюдал М.С. Андреев в районе Каттакуртана. Местные жители, говоря об идолопоклонниках, употребляли выражение "кууртак касыгач паидлер" ("они прибоготят к кулак или уповают на кукол"). Идолы были два — мужской и женский. Оба сделаны из дерева и одеты в белое ткане. Идолы хранились в разных складах в одной и той же семье на протяжении многих поколений. Они были покровителями и исследователями. К ним обращались в случае личной болезни или болезни близких родственников (Андреев, 1925).

С семейным культом связаны небольшие фигурки из олова или свинца, иногда из серебра, одетые в красивые или синие ткани. — кут. Эти фигурки воевали у киргизов и ферганских таджиков. Кут считался символом счастья дома, и семья, обладавшая им, должна иметь много скота и детей (Андреев, 1929, с. 113). Кут бережно хранился в укромном месте дома, а хранительницей его была старшая в семье женщина.

Этнографы считают, что истоки обычая иметь семейный оберег следует искать в глубокой древности. А то обстоятельство, что хранительницей кута была женщина, заставляет видеть в этом обычае отголоски верований материнского рода (Баласана, 1969).

Видимо, когда арабы вносили об идолов, они имели в виду вполне конкретные изображения, отличающиеся от бо-

жества буддийского, христианского и других пантеонов. В этом нас убеждает то обстоятельство, что во всех арабских источниках от X до XVI в. идолы называются одинаково — буу. Точно так же их называют современные арабы. Как показали исследования этнографов, идолы кут и буу являлись покровителями отдельных коллективов — целых общин или отдельных семей. Храмы идолов тужно связывать с местными верованиями. В этих храмах стояли изображения богов, являвшиеся объектом поклонения. Культы божества — покровителя дома известны по Авесте. В Авесте фигурируют духи дома и семьи, умершие родичи "иманы", которые после смерти заботятся о благополучии семьи. Упоминаются также духи рода и племени. В.А. Лившиц сопоставляет "иманы" с авестийскими фрашвами — ангелами-хранителями и одновременно с душами всего племени. Он предполагает, что "иманы" изображались в виде идолов, и сравнивает их с теми, что продавались на базаре Мах в Бухаре (Лившиц, 1963, с. 149). По Авесте, фрашви — это могущественные духи умерших предков. Они почитались потомками и принимали от потомков приношения. В этом проявлялась забота об умерших родственниках.

Днем поминовения умерших и поклонения их душам был Науруз — Новый год. Этот день совпадал с днем весеннего равноденствия. С ним связаны представления об умерщвлении и воскресении природы. В этот день готовилась специальная еда для духов предков. Каждая еда сопровождалась молитвами и честь умерших.

Об обрядах поклонения предкам, совершавшихся хорезмийцами и согдидами, писал Брунин, обративший внимание на сходство этих обрядов у обоих народов. Он отмечал также, что обряды хорезмийцев и согдийцев сходны с теми, что совершают персы. У персов дни февральского совпадения с началом Нового года и с приходом весны. "В эти дни люди ставили кушанье в наусы мртвцов, а напитки на крыши домов" (Брунин, 1957, с. 236).

"Хорезмийцы и согдида, — пишет Брунин, — делают то же, что и персы, — ставят еду и напитки в наусы для духов предков. Согдида плачут и царапают себе лица".

Из всего сказанного очевидно, что обряды, связанные с культом предков, ведут начало от поклонения останкам умерших и совершались на могилах и в наусах.

В Кайрагаче на площадке около науса открыты следы кострища, остатки обожженных костей, масса разбитых сосудов. Среди последних найден ритон, слив которого оформлен в виде головы барана с витыми рогами (Табл. 65, 6). Перед входом в наус лежала вылепленная из глины, покрашенная светло-красной краской голова антропоморфного идола (Табл. 74, 7).

В упомянутых источниках есть обстоятельные описания не только самих храмов, но и ритуала, которым сопровождалось поклонение предкам. В области Шан (Ташкент) объектом поклонения была урна с прахом. "По юго-восточную стену резиденции есть здание, посреди которого поставлено сиденье. В б немле первой урны поставляют на этом престоле золотую урну с неплот сожженных костей покойных родителей владельцев, потом обходят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владелец с вельможами поставляют жертвенное (мясо). По окончании обряда владелец с супругой отходят в особую ступку. Вельможи и прочие по порядку садятся, а по окончании стола расходятся" (Брунин, 1950, т. II, с. 272-273).

А.М. Мандельштам на основании того, что день приношений в самаркандском храме совпадал с днем поминовения усопших, полагал, что сам храм был царской усыпальницей правящей династии Самарканда и вместе с тем центром династического культа (Мандельштам, 1964, С. 86–87).

Способностями династивным храмом царских предков был зал царей, открытый в Тонраккале. Здесь, как полагал С.П. Толстов, «находилась портретная галерея династии хорезмийских сивушидов». Огромные сидящие статуи изображали царей, а окружавшие их ивканиа — членов семей, богов-покровителей (Толстов, 1948, С. 186).

В Шахристанском дворце, который рассматривается как резиденция уструшанских афшинов, местом поклонения династивным предкам был малый зал дворца. Н.Н. Негматов полагает, что на задней его стене изображен предок уструшанской династии (Негматов, Соколовский, 1973, С. 152–153).

Культовые постройки были обязательной принадлежностью каждого дома. В Пенджикенте они, как правило, находились во втором этаже (Распопова, 1981, С. 38).

Установлено, что домашние храмы имели различную структуру. Они могли включать одну или несколько комнат, что, видимо, обусловлено значимостью культа. В Пенджикенте были капеллы с пристенными алтарями, где нет изображений богов. Объектам поклонения здесь были изображения умерших и почитаемых предков (Беленицкий, Мариаш, 1976, С. 83). В большинстве построек просто выделены культовые места в жилых комнатах. Г.А. Пугаченкова отмечает наличие культовых мест в жилых комнатах Дальверзина. Они имели вид или с прямоугольными оградками, заполненными золой. В них хранились атрибуты культа (Пугаченкова, 1976, С. 39).

Особое место среди культовых памятников Ферганы принадлежит усадьбе Кайрагач, потому что именно здесь находился культовый центр области. Помимо святилища, где располагались статуи богов, были еще ряд обширных комнат с суфами вдоль стен и очагами в центре, двор с водоемом, где могло поместиться большое количество молящихся.

В кайрагачском храме главные обряды совершались в святилище перед постаментом у южной стены (Табл. 73, 1), где стояли большие статуи (Табл. 73, 12, 14), являвшиеся объектом поклонения всего коллектива, и в небольшой проходной комнате перед ними, где лежали семь маленьких фигурок, принадлежавших отдельным представителям общины и олицетворявших их личных покровителей (Табл. 73, 3–6, 10, 11, 13).

Обряд сопровождался приношениями. На постаменте в западном углу святилища лежал мешочек с укропом, ячмем, амuletами и монетой чакского чекана. Свещенный огонь возжигался в большом очаге в центре святилища и в трех курильницах, а также в очагах в двух больших комнатах на верхней площадке памятника.

Особое место в верованиях принадлежало профессиональным культам. Связь их с культом предков беспорочна. В культе бесчисленных святых выделяются «отдельные» святые — основатели и покровители определенных занятий и ремесел.

Души умерших мастеров окружены заботой и вниманием. В их честь приносились жертвы, читались молит-

вы. Ремесло бывало часто наследственным. Поэтому поклонение духам — патронам профессии приняло форму семейного родового культа предков. Удалось установить, что образы патронов-покровителей имеют очень древние корни, которые прослеживаются лучше всего в женских ремеслах — ткачестве и особенно в гончарстве (Сухарева, 1960, С. 120, 196). Женщины-гончары очень часто приготавливали всевозможным магическим действиям и к помощи патронов-покровителей при обжиге сосудов.

Наиболее почитаемой была профессия кузнеца. Истоки культа кузнеца следует искать в глубокой древности: поклонение кузнечному ремеслу связано с культом огня, с его могущественной силой. Очень интересные сведения о культе первого кузнеца в Шугнане приводит М.И. Зарубин: «Даже место, где была кузница, почитается; некогда зет работал кузнец в одном месте, потом перешел в другое; старое место окружил оградой, и поныне оно почитается как мазар. Из орудий кузнечного ремесла особенно почитаются наковальня — *ruykak* (камень, на котором куют большие куски железа, большая каменная наковальня) и *sahdan* (небольшая железная наковальня, вбитая в большой деревянный обрубок) всякий, приближаясь к ним, совершает «норат» (Зарубин, 1926, С. 1165). В связи с этим большой интерес представляет найденное в святилище Кайрагач два предмета, имеющие отношение к производственной деятельности. Около постаментов лежали большой проушной топор и небольшая железная наковальня. Эти находки проливают свет на характер культа, атрибутами которого являются скульптуры. Весьма вероятно, что они олицетворяли родоначальников — патронов профессии кузнеца.

С культом предков связаны культы плодородия. Одним из них был фаллический культ, широко распространенный у многих народов с древнейших времен. Он отмечен и в верованиях древних ферганцев. В одной из комнат Кайрагача обнаружены фаллосы из необожженной глины. Они были аккуратно сложены в небольшую ямку в суфе. Атрибутами фаллического культа принято считать статуэтки и напольные изображения на сосудах с подчеркнутыми признаками пола. Фаллос — символ воспроизводящей силы природы. Совершение обрядов с фаллическим культом имело целью обеспечить плодородие полей и связанное с ним материальное положение коллектива.

В усадьбе Кайрагач обнаружено огромное количество бытовых предметов, среди которых преобладают хумы. На них нанесены прочерченные по сырой глине и нанесенные витампом знаки. Знаки не повторяются. Исключением является ромб с отросками-ушами, символизирующий дерево. Некоторые знаки сходны с именными тамгами Чага, Утраниша, Согда.

А.М. Беленицкий высказал предположение, что хумы со знаками из пенджакентских храмов являются приношением храму от отдельных лиц, в том числе и от царских особ (Беленицкий, 1957). Может быть, и кайрагачские хумы можно рассматривать как приношения храму. Судя по многочисленности и разнообразию знаков, курдарицей был весьма широк. Кайрагачские знаки имеют аналогию в материалах Ташкента и Пенджикента. Все это заставляет думать, что изображения богов из Кайрагачского комплекса почитались населением обширной области.

Погребальные сооружения и обряды

Мировоззрение и духовная культура древнего населения Средней Азии неоднократно становилась предметом исследования ученых. Особую важность для решения этих проблем приобретает изучение погребальных памятников и происходящих из них материалов. Погребальный обряд отражает веру и загробное существование, веру в бессмертие души, дает представление о культуре мертвых и культуре предков.

Погребальный обряд древнего населения области включал цикл действий, совершающихся последовательно с момента смерти человека (устройство погребального сооружения, помещение в него умершего и погребального инвентаря, последующие поминальные церемонии). Многие обычаи, практиковавшиеся при захоронении умерших в древности, сохранились до нашего времени и отмечены в этнографической литературе. Именно это обстоятельство помогает объяснить некоторые моменты древней погребальной обрядности.

В Ферганае открыты четыре типа погребальных сооружений, бытовавших в этой области в I тысячелетии н.э.: подкурганные захоронения на древнем горизонте, в грунтовых ямах, в катакомбах и подвоях; бескурганые захоронения в грунтовых ямах, перекрытых деревом; земляные скелеты; наземные сооружения — мухты и аулаи.

Раскопки последних десятилетий существенно расширили представление о погребальном обряде и погребальных сооружениях. Они в основном представляются курганными могильниками, которые принято связывать с кочевым населением. Но это не так однозначно. Нужно помнить, что Фергана на протяжении всей своей многовековой истории была густонаселенной областью. Все удобные земли заняты городами и поселениями, пашнями, садами. Для пастбищ свободных земель не оставалось. Естественно, что предгорные районы, богатые пастбищами и плодородными землями, привлекали внимание жителей перенаселенной Ферганы. Заселение предгорий этой области началось в конце I тысячелетия до н.э. и особенно ускорилось в первые века н.э. Именно этим временем можно датировать многочисленные могильники в предгорьях и горных долинах. Видно, прав был С.С. Сорокин, считавший, что первые этапы заселения ферганских предгорий связаны с развитием в Ферганае мильдонского отгонного скотоводства.

Несмотря на то что исследование погребальных памятников ведется не одно десятилетие, в науке нет пока единого мнения относительно происхождения оставшегося из населения. Одни исследователи связывают могильники с пришедшим населением (А.Н. Бернштам, Ю.А. Заднепровский), другие — с местным (Б.А. Литвинский, С.С. Сорокин). Б.А. Литвинский полагает, что это население не было кочевым, вело полукочевую, а в ряде случаев оседлый образ жизни.

Особенностью топографии области является чрезвычайно близкое расположение погребальных памятников к частым синхронным им поселенным земледельцев. Сходство материалов из поселений и могильников свидетельствует о тесных контактах населения, оставившего могильники, с жителями поселений. Исследователи неоднократно отмечали это сходство. В свое время в сход-

стве материалов из Ширинсайского могильника и расположенного поблизости поселения Мунчактепе писал В.Ф. Гайдукович. Он отметил синхронность этих памятников и высказал предположение, что они являются единым полково-культурным комплексом (Гайдукович, 1952). Позже об этом сходстве писал С.С. Сорокин и Б.А. Литвинский. Первый объяснял сходство керамики из могильников и с поселений импортом посуды из городских центров в кочевую среду. Б.А. Литвинский считает, что между населением, оставившим поселения, и населением, оставившим могильники, существовала органическая связь.

Многообразие памятников и широкий хронологический диапазон добытых материалов позволяют проследить динамику развития погребального обряда.

Наиболее многочисленны курганные могильники. Они, как правило, располагаются на высоких террасах рек или плато, в стороне от возделываемых земель. Могильники представляют собой огромные курганные поля, насчитывающие 200 и более курганов. Так, в Карабулаке около 900 курганов, а в Тураташе — 1500. Могильники в долине р. Ходжа-Бақыртан также представляют большим количеством курганов: в Кайрагаче около 300 курганов, а в Бешкентском могильнике — 150. Так же многочисленны могильники долины Ифараи.

Такие могильники возникли не в одночасье, а формировались на протяжении длительного времени — нескольких десятилетий, а может быть, столетий. Это свидетельствует об устойчивости традиции совершать захоронения в одном месте, а это, в свою очередь, связано с малой подвижностью населения, оставившего могильники, а также с длительным пребыванием этого населения на одной и той же территории.

В могильниках выделяются большие курганы, вокруг которых группируются курганы меньших размеров. Предполагается наличие на могильнике культового места. Это могли быть открытые площадки или специальные сооружения, где совершались поминальные церемонии. Такие сооружения известны в могильниках Западной Сибири и в сарматских могильниках Южного Приуралья.

Ю.А. Заднепровский, много занимавшийся погребальными сооружениями, первым предложил схему географического районирования ферганских погребений (Заднепровский, 1960, с. 113-128). Впоследствии к этой теме Ю.А. Заднепровский обращался неоднократно. В одной из последних работ он отмечает некоторую закономерность в расположении могил разного типа на территории Ферганы (Заднепровский, 1995). Этот автор считает, что в одних и тех же районах и могильники присутствуют могилы разного типа. Но количественное соотношение могил разного типа в различных районах разное.

Ю.А. Заднепровский выделяет восемь географических районов в Ферганае, в которых, как он полагает, прослеживается определенная закономерность в процентном соотношении разных типов захоронений. Для Юго-Западной Ферганы (район I во Заднепровскому) наиболее характерны захоронения в катакомбах. Подбон и грунтовые могилы здесь единичны, в то время как

в междуречье Ляйляк-Соха (район II) и на северных склонах Алайского хребта (район IV) преобладают захоронения в подбоях и грунтовых могилах, часто перекрытых деревом. Катакомбы здесь присутствуют, но в значительном меньшем количестве.

В восточных же районах (район VI) преобладают захоронения в грунтовых могилах. В районах VII и VIII на севере Ферганы присутствуют катакомбы и скелеты в захоронениях в изветренных каменных сооружениях — мухонах, или курумы. Эта схема Ю. А. Заднепровского отражает современный уровень изученности погребальных сооружений Ферганы. В настоящее время наиболее полно изучены могильники юго-западных и южных предгорий области, где вскрыты сотни курганов с могилами разного типа. Но даже в этом сравнительно хорошо изученном районе нет ни одного полностью раскопанного могильника, кроме двух частично разрушенных могильников в Ташравате (юго-западные предгорья Ферганы). В одном из них открыты 65 курганов, в другом — четыре. В первом два подбоя, остальные — катакомбы двух типов: во втором — один подбой и три катакомбы. Степень изученности Восточной Ферганы такова, что судить о наличии или преобладании каких-либо могильных сооружений просто невозможно. Кроме того, при проведении такой работы следует учитывать время бытования разных типов могильных сооружений. Ведь вполне вероятно, что они существовали в разное время.

Захоронения в грунтовых ямах — наиболее ранний и традиционный способ погребения. Могилы разной глубины (от 1 м и глубже). В плане могильная яма овальная или прямоугольная. Иногда стенки облицованы камнем. В могильнике Оутсай в Карабулаке и в неферганских курганах могилу закрывают деревянные плахи (Литвинский, 1972; Заднепровский, 1995; Горбунова, 1981). На полу ямы часто встречаются камышовые янгоки.

Захоронения в подбоях бытуют долго и распространены широко. Они имеют узкую входную яму, вытянутую с севера на юг или с востока на запад. Подбой располагается вдоль длинной стены входной ямы. В этой же стене находится входная ниша. Ориентировка погребенных различна.

Значительное место в могильниках принадлежит катакомбам. В некоторых могильниках, таких, как Кайраган на юго-западе Ферганы и Гурмирин в северной ее части, захоронения совершены исключительно в катакомбах. Они имеют разные конструкции, что позволяет выделить два их типа.

Тип I — кеколский — включает глубокие катакомбы Т-образной формы с длинным дромосом трапезничной формы и обширной камерой. Дромос вытянут в направлении север-юг с небольшим отклонением к востоку или западу. В северной части он расширен. Вход в катакомбу находится в северной стене дромоса. Вдоль длинных стен дромоса тянутся заплечики треугольной формы. На стене, противоположной входу в катакомбу, вырублена ступенька. Под наклоном спускается к входу в катакомбу. В одних случаях он плавно переходит в камеру, в других случаях при переходе из дромоса в камеру имеется ступенька. Вход в катакомбу заложен крупными хорошо окалившимися камнями. Катакомбы этого типа ранние. Они относятся к первым векам н.э. В

них, помимо керамической посуды, присутствуют предметы вооружения — железные трехлопастные наконечники стрел, костяные обкладки лука, кольца, мечи. Очень мало украшений. Видимо, значительная часть этих курганов принадлежала воинам.

Тип II — хангитский — представлен сооружениями с коротким и неглубоким дромосом, вытянутым с севера на юг, вход находится в южной стене дромоса. Камера обширная, с высоким сводом. Вход в камеру заложен крупной речной галькой, иногда шаровым кирпичом. В катакомбах этого типа часто множественные разноуровневые захоронения, от двух до трех-четырёх. При погребении каждого последующего предыдущего сдвигали к задней стенке. Погребенных часто клали на камышовую циновку и такой же циновкой укрывали сверху (Табл. 54, 1–10). Наличие множественных захоронений свидетельствует о малой подвижности населения, оставшегося эти сооружения. В катакомбах этого типа богаты инвентарь. Помимо глиняных сосудов, в них много украшений (бусы, серьги, перстни, браслеты) и алебастровые фигурки, сопровождавшие женщин.

Каждый из этих типов могильных сооружений не составляет обособленного кладбища. Как показали раскопки, могилы разных типов расположены вперемежку, что дало возможность Б. А. Литвинскому высказать предположение о синхронности погребений разного типа в одном могильнике.

Считается, что погребальный обряд является устойчивым этнографическим признаком. Наличие разных типов захоронений в одном могильнике указывает на смену одного обряда или на присутствие нескольких этнических групп, принимавших участие в формировании могильника. Оба эти фактора могли играть заметную роль в сложении и изменении погребальной обрядности. Но в данном случае на первое место выступает временной фактор. Анализ явных материалов помог выделить ранние и поздние типы сооружений. Удалось установить, что катакомбы первого типа более ранние, чем катакомбы второго. Подбоя, открытые в могильниках Ташравата, синхронны катакомбам первого типа. Среди многочисленных подбоев могильников Июфара в Баткена, видимо, можно выделить более ранние и более поздние группы.

Интересной особенностью ферганского погребального обряда является использование деревянных гробов. Они отмечены только в части курганов могильников, в основном юго-западных предгорий Ферганы. Причем в каждом из могильников захоронения в гробах составляли незначительный процент от общего количества погребенных. Гробы находились в могилах всех трех типов, известных в Фергане (грунтовые ямы, подбоя, катакомбы). Гробы имели различную конструкцию. Это деревянные гробы, изготовленные из хорошо обработанных широких досок и имеющие форму ящика, расширенного в головной части. Стенки гроба крепились по углам вертикальными стойками с пазами, соединявшими продольные и поперечные стенки гробов. Некоторые экземпляры имели ножки. Крышками гробов служили доски, которые крепились с вертикальными стойками.

Другой тип представлен гробами-кокодами, дошедшими из свдвда. Большая часть гробов этого типа имела долбленную торцевую часть, у иных же торцевую стенку

составляли доски, вставленные в паза (*Баруадин*, 1961, С. 57–59; *Литвинский*, 1972, С. 76; *Литвинский*, 1960, С. 94). Интересны гробы-фундары, изготовленные из восток обданных, отмеченные А.Н. Бернштамом в Алае (*Бернштам*, 1952, С. 193). В Северной Ферганае, в Мунчактепе, обнаружены гробы из камышовых жгутов.

Пока еще нет возможности связывать какой-либо из типов гробов с определенным типом погребальных сооружений. Они обнаружены и в подбоях, и в катакомбах, и в ямах. Исключение составляют гробы из камышовых жгутов. Все они происходят из склепов, открытых на территории Мунчактепе, и являются пока уникальной находкой. Гробы тщательно закрывались крышками. Иногда крышки-доски клались непосредственно на погребенных. Помимо гробов, в ферганских захоронениях использовались дощатые настелы, на которые клали умершего. В погребениях Оутсай в южных предгорьях Ферганы гробы заменялись прямоугольными рамами из досок, поставленных на ребро. Внутри рамы помещали умершего.

Очень часто использовались камыш в шинкови из камыша. Цинковой из камыша закрывали колошника. Это отмечалось неоднократно в курганах Гаширата и Кайрагача.

Один исследователь связывал распространение в Средней Азии захоронений в деревянных гробах с продвижением гунов, другие объясняли это сарматско-среднеазиатскими связями. У сарматов этот обычай существовал уже с IV–III вв. до н.э. В Средней Азии он распространяется позже и будет длительное время (*Литвинский*, 1972, С. 80).

В могильниках присутствуют кенотафы, являющиеся символическими погребениями умерших или погибших вдали от родных мест людей и возводившихся на родовых кладбищах. Кенотафы свидетельствуют об относительной подвижности оставшегося населения. В Ферганае в отличие от других районов Средней Азии кенотафы единичны. А в Аруктауском могильнике, по свидетельству А.М. Манделштама, кенотафы составляют 25% всех раскопанных курганов.

Кенотафы устроены так же, как и погребальные сооружения. В погребальных камерах присутствуют часто богатый инвентарь, остатки тризны – кости барана или другого жертвенного животного, но нет погребенного.

Ю.Д. Баруадин выделял три типа кенотафов: могильная яма (с подбоем), в которой есть инвентарь; могильная яма без инвентаря; могильная яма с инвентарем, но вместо умершего в нее положена антропоморфная статуэтка (*Баруадин*, *Брыкина*, 1962, С. 47).

В Ферганае самые ранние кенотафы открыты в Токлейкском могильнике. А.Н. Бернштам отнес их к скифскому времени (*Бернштам*, 1952, С. 190).

Кенотафы отмечены в Карабулакском могильнике и в могильниках Исфары. Здесь, помимо кенотафов-могил, открыты помпиданье площадки под насыпями (*Литвинский*, 1972).

В Кайрагаче под насыпью кургана открыта неглубокая яма подпрямоугольных очертаний. В ней находились сосуды и другие бытовые предметы.

До недавнего времени городские кладбища были малоизвестны. В 1988 г. при раскопках города Пай в Ферганае открыт городской некрополь, занимавший че-

тыре гектара. На холме Мунчак 1 находились погребения в грунтовых ямах и подбоях. Одно из них выделялось огромным количеством погребального инвентаря. Погребение принадлежало женщине, положенной в камышовый гроб. При ней было много вещей (Табл. 58, 1, 2) из стекла и камня (кварц, доломит, бирюза, эмальки, сердолик) (*Алиарбаев*, *Мамбабаев*, 1990; *Мамбабаев*, 1996).

На Мунчактепе 2 открыто семь склепов различного размера. Скелеты имели сложную конфигурацию. У всех склепов были парадная порталная часть, площадка с пандусом, сводчатый коридор, который вел в погребальную камеру. В торковой стене коридора были двери, и лестница в два марша, стожившая из крупных паховых блоков (Табл. 58, 4, 6–8).

Большие склепы являлись семейными усыпальницами. В них производились захоронения на протяжении 100–150 лет. Захоронения совершались в камышовых гробах, которые ставились один на другой. Гробы делались из собранных в пучок и перетянутых камышовых жгутов (Табл. 59, 1–6). В больших склепах находилось до 47 гробов, в малых склепах – два-четыре усопших. В гробах и около них лежал многочисленный инвентарь: глиняная и деревянная посуда, плетеные корзиночки (Табл. 60, 8–14; 63, 1–19).

Умерших клали в гробы в богатых одеждах из тонкого шелка. В погребениях клали много украшений: бусы из стекла и камня, из косточек плодовых растений и из позвонков рыб, серьги, браслеты, перстни из бронзы, зеркала (Табл. 62).

В мужские захоронения клали оружие: фрагменты сложносоставных луков, наконечники стрел, кинжалы (Табл. 61, 10–22).

Весь комплекс предметов из склепов позволил автору раскопок датировать эти сооружения VII–VIII вв. (*Мамбабаев*, 1994).

Открытые в Пале склепы являются пока уникальными для Ферганы как по характеру сооружений, так и по способу захоронений в гробах, плетеных из камышовых жгутов. Обилие в склепах изделий из дерева, а также присутствие всевозможных коробочек и корзин, плетенных из камыша, сопоставимо, пожалуй, только с захоронениями в Карабулаке, где также присутствуют такие предметы. Но это, однако, не позволяет установить генетическую связь между памятниками, а также предполагать этническую близость между людьми, оставившими эти погребальные сооружения.

Несомненно оседлому населению принадлежал некрополь, расположенный на левом берегу р. Ходжа-Бакырган, в 300 км к югу от усадьбы Кайрагач, и включавший два науса и захоронения в подбоях.

Первый наус представляет собой наземную погребальную камеру в плане постройку площадью 6,6 × 6,4 м. Стены толщиной 1,6 × 1,7 м сохранились в высоту до 2 м. Судя по завалу из кирпичей, упавших на порог, здание имело купольное перекрытие. В наусе велан два низких арочных проема, сооруженные в разное время. Более ранний вход находился в нижней части южной стены, позже была сооружена высокая суфа. Она закрывала тянувшийся по всему диаметру помещения первоначальный проем. В этот период был прорублен проем в северной стене. Он выходит на уровень суфы (Табл. 55, 1).

В наусе помещали очищенные от мягких тканей кости.

Поэтому скелеты разрознены и помещение заполнено беспорядочно дежидыми костями. На полу в ямке около восточной стены лежали пять черепов. К черепам отношение было бережное и уважительное.

В помещении среди костей находились фрагменты керамики, железные наконечники стрел, украшения (бусы, бронзовые серги и кольца). Они, очевидно, являлись личными вещами погребенных и попали в ямку вместе с костями. Так, один бронзовый перстень был на фаланге пальца руки.

Снаружи к стенам науса примыкают ровные, хорошо утрамбованные площадки. Местами на них отмечены следы интенсивного горения. К восточной стене пристроена прямоугольная ограда из сырцовых кирпичей. Внутри ограды находились разрозненные кости двух скелетов (Табл. 55, 3).

К северной стене пристроены две небольшие прямоугольные ограды из кирпичей, поставленных на торцы. На северной площадке найдено большое количество керамики, среди которой значительное место занимают котлы. У самого края площадки обнаружен красноокрашенный ритон с протоной рогатого животного над штампом.

На полу перед северной нишей лежала вылепленная из глины и хорошо смоделированная голова идола, аналогичная найденной в святилище усадьбы Кайрагач (Брыкина, 1982, С. 92). Ее поверхность покрыта албастром и раскрашена красной краской (Табл. 74, 7). Возможно, северная площадка была местом, где совершались доминальные церемонии.

Второй наус располагался в нескольких метрах к юго-востоку от первого и занимал самый край террасы. Он представлял собой прямоугольное сооружение, вырубленное в материке. В сооружении находились неполные скелеты двух людей и отдельные человеческие кости. По положению скелетов ясно, что умершие были положены на спину в вытянутом положении головой на юго-запад (Табл. 55, 2). При погребенных находились четыре сосуда и украшения (браслет, серга, бусы).

У южной стены науса стоял большой сосуд с носком-сальмом, выполнявший роль осурария. В нем находились отдельные кости от двух скелетов (Табл. 57, 7).

К северу от первого науса, в непосредственной близости от него, находился еще один погребальный комплекс, отличавшийся от только что описанных конструкций погребальных сооружений и обрядом захоронения. Комплекс занимал площадку на краю высокой террасы. Площадка дополнительно выровнена на высоте из обломков сырцовых кирпичей (Табл. 55, 8).

На площадке находились погребения в подбоях. Длинные и узкие впадины ямы вытянуты на линии северо-запад-юго-восток либо запад-восток. Вход в виде узкой щели находится в южной стене впадины ямы. Входы в подбой заложены сырцовыми кирпичами, поставленными на торцы. Погребенные лежат на спине головой на восток. Исключением является одно погребение, где яма не была, а умерший был положен на уровне древнего горизонта в ямке всадника с перекрещенными в шкотовке ногами. У него отсутствовали голова и шейные позвонки (Табл. 56, 12). Интересно погребение 4. Это от-

личает от остальных положение головы: она была сильно приподнята и стояла на кучке земли и угля (Табл. 56, 13).

Этот погребальный комплекс также принадлежал жителям поселения в Кайрагаче и, судя по немногочисленному инвентарю, синхронен усадьбе. Особенно интересен узкоротый кубин с согдийской надписью, включающей шесть знаков, четыре буквы и две цифры. Надпись, по мнению В.А. Лившица, определяет дату VI-VII вв.

В Северной Фергана открыты наземные постройки из камня – курумы, или мухона. В них находились многочисленные захоронения, совершенные последовательно. Основная масса курумов расположена на правом берегу Сырдарьи. Но отмечено одно сооружение такого типа на левом ее берегу, в районе кишлака Нидзбек. Наземные погребальные камеры из камня не встречались вместе с погребальными сооружениями других типов. Они всегда составляли изолированные кладбища (Б.А. Литвинский называет мухона "домами мертвых" и считает, что их нельзя рассматривать вне зороастрийских традиций). С. Баратов отмечает, что в нескольких курумах захоронения совершались по зороастрийскому обряду. В одном случае в курум был поставлен осурарий (Баратов, 1971).

Свидетельства о распространении зороастризма в Фергана весьма незначительны. Это отдельные черты зороастрийской погребальной обрядности, отмеченные при раскопках мухона в Северной Фергана, в пагоды осурариев, которые являются характерной чертой зороастрийской обрядности. Они найдены в нескольких пунктах (Пай, Сарыкурган, курум в Северной Фергана, в долине Аксу в западных предгорьях Ферганы (Табл. 57, 1-6), захоронения в духах в южных предгорьях Ферганы) И.Г. Горбунова высказала предположение, что осурарии принадлежали согдийцам, бежавшим от арабов.

Кайрагачские наусы являются еще одним свидетельством существования в Фергана зороастризма.

И.П. Горбунова полагает, что и могильные Хангиз были погребены оседле население, в хозяйстве которого скотоводство играло большую роль (Горбунова, 1990, С. 197). Аналогичное мнение было высказано Г.А. Брыкиной относительно населения, оставившего могильник в Кайрагаче (Брыкина, 1982).

В могильнике Хангиз II открыты склепы из сырцового кирпича. Они представляют собой прямоугольные постройки. Одна из них расположена в центре комплекса, удлиненная, две другие почти квадратные.

К южному и северному углам центральной постройки примыкают углы квадратных построек. На полу в постройках лежат разрозненные человеческие кости, иногда кучками, иногда бессистемно. На полу найдены различные предметы: керамика, наконечники стрел, пряжки, перстни, зеркала. Расположение костей и инвентаря дает возможность предположить, что в камерах помещали очищенные от мякоти трупы кости. За пределами камер также лежали разрозненные кости. Около восточной стены в впадине ямы находилась скелет человека, положенного на спину. Череп отсутствует. Левая нога чуть согнута в колене (Горбунова, 1986, Р. 332 Pl. LXXII).

Анализ материалов из курганов убеждает в том, что значительную их часть следует связывать с оседлым населением. Во-первых, могилынки расположены в непосредственной близости от поселений; во-вторых, размеры могилынок насчитывают сотни, а иногда 1500 курганов. Формирование таких могилынок предполагает малую подвижность населения; в-третьих, в кладках входов в подбой и катакомбы использовался сырьевой кирпич; в-четвертых, состав погребального инвентаря: большая часть посуды совершенно непригодна в кочевом быту. Это тонкостенные чаши, кушаны (*Брыкина, 1995, С. 88*).

Отдельные элементы верований и культов древних ферганцев нашли отражение в погребальной обрядности, как например, культ солнца и культ огня, о которых уже упоминалось раньше.

Большое место в погребальном обряде принадлежало антропоморфным изображениям. В захоронения помещали фигурки из алебастра. Они присутствовали в могилынках Тураташ, Ташрават, Ворух (*Брыкина, Трунаева, 1995*).

Материалы, полученные при раскопках погребальных сооружений, позволяют судить о высокой культуре

населения, оставившего эти памятники. В то же время в них просматривается влияние соседних и более удаленных областей.

Интересной деталью погребального обряда, указывающей на восточные связи ферганцев, являются лицевые накладки и платки из шелка. Они известны в захоронениях Папа (Муучагтепе) и Карабулак; есть они также в курганах Кетмень-тобе. В последних найдены нагрудники из золота и золотые лицевые маски. Из других предметов восточного происхождения важны китайские зеркала и монеты типа у-шу. Они помогают определить время сооружения могил. Правда, датировка по монетам весьма относительна, поскольку эти монеты были долго в обращении и дают возможность судить только о том, что погребения совершены не ранее времени выпуска монет (конец II в. до н.э.).

Отмечено сходство с сарматскими материалами — конструкция катакомб, присутствие дерева в погребальных сооружениях, сходство или заимствование отдельных категорий украшений, наличие костей барана в погребениях.

В то же время есть и существенные отличия: нет четкой ориентации погребений даже в пределах одного могилынка, нет конской упряжи, мало оружия.

Некоторые вопросы этнической истории

Фергана по своему географическому положению была важным узлом этногенетических процессов. Через нее с древнейших времен пролегал караванный путь. Она служила транзитом в международной торговле между Востоком и Западом. Через Фергану неоднократно прокатывались различные волны завоеваний. Это, естественно, не могло не отразиться на сложности протекавших здесь этногенетических процессов.

Изучение этнической истории Ферганы сопряжено с большими трудностями, обусловленными слабостью источниковедческой базы. Древние авторы хотя и вразнелично, но скупо характеризуют население Ферганы. Чжан Цзянь в конце II в. до н.э. писал, что "от Давана на западе до Аньси хотя говорят различными языками, но в обыкновенном сходствуют и в разговорах понимают друг друга. Жители вообще носят вьючные глаза и густые бороды" (Вичурин, 1956, Т. II, С. 161). Другие хроникалисты довольно повторяют эти сведения. В них также пишется о глубоких глазах и густых бородах. Таким образом, китайские хроникалисты свидетельствуют о европеоидности древних ферганцев. Ведь глубокие глаза и густые бороды несвойственны монголидам Центральной Азии. Эти сведения относятся ко II в. до н.э. и к началу I тысячелетия н.э.

Антропологические материалы также свидетельствуют о принадлежности ферганского населения к европеоидной расе. Но большие хронологические лакуны, имеющиеся в археологических материалах, а также неравномерность изученности этой обширной области, не позволяют проследить динамику этногенетических процессов, протекавших здесь, провести сопоставление синхронных антропологических групп из различных районов и выявить особенности каждой из них.

Для этногенетических процессов в Фергана большое значение имела связь ферганцев с населением Ташкентского оазиса, Тани-Шая и Азия.

Палеоантропологические материалы из разных районов Ферганы свидетельствуют о том, что в I тысячелетии н.э. население этой области было смешанным. Б.А. Литвинский считает, что можно говорить о четырех расовых типах, существовавших в Фергана в этот период: 1 — мезобрахиформное население (тип среднеазиатского междуречья); 2 — долихокраиное (среднеземноморский тип); 3 — оба европеоидных типа с признаками монголоидности; 4 — одиночные представители других антропологических типов (*Литвинский, 1977, С. 171*).

Т.К. Ходжаев отмечает, что население Ферганы принадлежало к мезобрахиформному типу среднеазиатского междуречья. На юге и западе долины отмечены отдельные представители долихокраиного среднеземноморского типа; в Юго-Восточной Фергана отмечена значительная монголоидная примесь (*Ходжаев, 1980*).

Судя по данным палеоантропологии, среди ферганского населения в раннее средневековье, как и в предшествующий период, преобладали представители первого типа (по Литвинскому). Второй и третий типы составляли незначительную часть населения.

Несмотря на большие перемещения кочевых племен, часто центральноазиатского происхождения, существенных изменений в антропологическом типе населения не произошло.

На основании анализа антропологического материала В.В. Гинзбург пришел к заключению, что в середине I тысячелетия н.э. монголоидный элемент играл значительную роль в антропологическом типе населения (*Гинзбург, 1959, С. 17-35*). Только усилившийся приток тюркоязычных племен воспокобновал изначальное этническое облика европеоидного населения. Главная роль в этом процессе принадлежала тюркам. По мнению А.Н. Бернштама, главным ускорителем тюркизации населения Средней Азии явились политическая власть

Тюркского каганата, объединившего под своей эгидой обширные территории, и приток тюркского населения в города. Именно эти факторы обеспечили успех тюркского владычества в Средней Азии.

В середине VII в. (627–649 гг.) тюркский правитель Ашина Шуни завоевывает Фергану. С этого времени она прочно входит в сферу влияния тюркской династии. Ставкой был сначала Касан, а потом Ахсыкет. Эти сведения подтверждают древние авторы в находки памятников тюркской письменности. Большая их часть связана с южными и юго-западными районами области (район Ифараы и Баткена). Другая группа происходит из Юго-Восточной Ферганы. Самая восточная находка происходит из Шурабашата. Весьма вероятно, что находки были оставлены самими тюрками.

Как видим, антропические находки располагаются компактными группами. Может быть, это дает возможность судить о том, что тюрки жили компактными группами в определенных районах области.

Приход тюрков в Фергану в начале VII в. и политическое подчинение этой области Западнотюркскому каганату не оказали, видимо, существенного влияния на ход этногенетических процессов. Еще в VIII в. ферганцы говорили на своем родном языке, и только последующие значительные переселения тюркского населения в эту область, переход к оседлости и переселение в города могли существенно изменить картину.

Б.А. Литвинский и Ю.А. Заднепровский считают, что в I тысячелетии н.э. в Фергане существовала ферганская народность. Ю.А. Заднепровский полагает, что она сложилась уже в первые века н.э. Б.А. Литвинский же указывает, что о ферганской народности можно судить начиная с V–VII вв. н.э. (*Литвинский*, 1976. С. 66).

В формировании ферганской народности принимали участие европеоидные племена, жившие как в долине, так и в предгорьях Ферганы. В результате их общения сложилась своеобразная культура, которая может быть показателем образовавшейся этнической общности.

Другим показателем этой общности, как полагают этнографы, является язык.

В VII в. Сюань Цзян писал, что язык ферганцев отличается от языков народов других стран. А в VIII в. об отличии ферганского языка от языков населения других областей Средней Азии писал Хой Чао. Он указывал, что язык ферганцев совершенно отличен и неодиноким с языками остальных стран (*Бернштам*, 1952. С. 193).

Б.А. Литвинский обратил внимание на эти важные сведения древних авторов и сделал вывод, что тюркский язык не получил широкого распространения (*Литвинский*, 1976. С. 56), а В.А. Лавищев полагает, что в середине I тысячелетия н.э. в Фергане существовал свой язык.

Он, видимо, относился к группе восточноиранских языков (*Лавищев*, 1968).

Об облике древних ферганцев позволяют судить и памятники изобразительного искусства. Речь идет о скульптурах из Кайрагача. Уже отмечалось, что эти скульптуры являются олицетворением почитаемых предков. Поэтому они передают облик совершенно конкретных людей. При большом сходстве каждой из скульптур со всеми остальными каждая из них имеет свои, лишь ей присущие черты. Скульптор стремился к передаче этнического типа и портретного сходства каждой скульптуры с ее прототипом. Скульптуры из Кайрагача довольно точно передают физический тип населения Западной Ферганы:

Все статуи имеют головы со скошенными лбами, что свидетельствует о том, что прототипам этих изображений была свойственна деформация черепов. Все скульптуры имеют удлинненные миндалевидные глаза и длинные сильно выступающие носы. Это свидетельствует о том, что скульптуры передают облик людей европеоидной расы. Но в строении лица скульптур есть некоторые различия, что свидетельствует об их принадлежности к двум типам европеоидной расы. Пять скульптур изображают широколицых людей, принадлежащих к типу средиземноморского междурия. Семь других передают облик узколицых и длинноголовых людей средиземноморского типа.

Из Кайрагача происходит еще одна находка, которая дает представление об облике населения района. На тулове одного из сосудов острым предметом по сырой глине изображено лицо мужчины с крупными чертами. У него большой с горбинкой нос, массивный, выступающий вперед подбородок, большой, растянутый в улыбку рот и большой глаз миндалевидной формы. Лоб сильно скошен, из-за чего темная часть имеет почти конусовидную форму. На голове шлемовидный головной убор. Представляется, что мастеру были известны каноны, которым подчинены изображения на монетах: голова правителя стояла в профиль в повороте головы направо. Но на сосуде изображен реальный человек, а не условно царская особа. Изображение, как и скульптура, передает облик человека европеоидной расы с кольцевой деформацией черепа.

Та информация, которую дают антропоморфные изображения об этническом типе населения, очень хорошо согласуется с заключением антропологов о черепе Кайрагача. В Кайрагачском могильнике погребены представители двух типов европеоидной расы – средиземноморского и типа средиземноморского междурия. Фигуры из кайрагачского храма совершенно отчетливо передают облик представителей этих двух типов.

Глава 6

Уструшана

Уструшана была одной из важных и крупных областей Средней Азии. Она занимала значительную территорию доверберной равнины Средней Сырдарьи, предгорий и ушей западной части Туркестанского хребта, верховьев Зеравшана и его главных истоков — Матчи и Фандармы. Она граничила на западе и юго-западе с Согдом, на востоке и северо-востоке с Ходжентом и Ферганой, а на севере с Илаком и Чачем (Негматов, 1957).

Этническая и культурная история Уструшаны в древности была наиболее тесно связана с Согдом. Население области сформировалось на базе согдоязычных племен и говорило на согдийском диалекте, вело оседлый образ жизни, занималось земледелием и скотоводством, жило в городах, в укрепленных поселениях и замках. Общность культуры уструшанцев с такой же населенной соседних областей отмечали Сюань Цзян (VII в.) и Хой Чао (VIII в.). Сюань Цзян вообще всю страну между Суюмом (Семиречье) и Кешем (Кашкарария) называет Суид-Согдом, а ее население — согдийцами (Негматов, 1957, С. 49–73; Ливиниц, Хромов, 1981, С. 348–349).

Политическая история

Политическая история Уструшаны слабо отражена в источниках. Как показывает анализ исторических сведений, в результате распада великих среднеазиатских государств эпохи поздней античности Уструшана отделилась от согдийской федерации, что было зафиксировано в хронике Бэцши при изложении исторической ситуации, сложившейся к 435 г. н.э. (Бичурин, 1950). В конце V–VII в. она входила в состав эфталтского и западнотюркского государственных образований. В этот период Уструшана сохраняла внутреннюю автономию и управляли ею собственные цари — афшаны из династии Каууса.

История изучения

Изучение древностей Уструшаны началось сразу же после присоединения Средней Азии к России, во второй половине XIX в. Большой вклад в исследование памятников материальной культуры внесли военные, среди которых было много культурных и образованных людей. Развалины древних городов и поселений привлекали их внимание. Военные топографы сняли планы многих из них и составили описание.

В 1867 г. первую научную поездку в Уструшану предпринял крупный русский востоковед П.И. Держ, обнаруживший и изучивший надписи на скале близ города Джизак (Держ, 1870).

В 70-е годы XIX в., в Шахристане бывал ходжентский уездный начальник полковник А.А. Кушакевич, отметивший некоторые древности, находившиеся в поселке

Письменные источники, затрагивающие в той или иной степени историю Уструшаны, весьма немногочисленны. Краткая их сводка была сделана В.В. Бартольд в конце XIX в. (Бартольд, 1963, С. 221–226 и др.), а затем дополнена и проанализирована Н.Н. Негматовым (Негматов, 1957).

Краткие сведения об Уструшане содержатся в хрониках Вей (386–581 гг.), в династических историях Суй (581–618 гг.) и Тан (688–907 гг.) (Бичурин, 1950, Т. III, в путевых записях Сюань Цзяна (629–630 гг.) и Хой Чао (722 г.)), Гораздо более подробные сведения по истории Уструшаны имеются в трудах арабских, персидских и таджикских историков (Негматов, 1957, С. 8–14).

Название области зафиксировано в письменных источниках в нескольких вариантах: Судушана, Судушана, Судушина, Шуайдушана, Кобутюйна, Восточное Цао — в китайских хрониках; Ашрусана, Асрусана, Усрусана, Осурусана, Сурусана, Сутрусана и др. — у арабских и персидских авторов (Негматов, 1957, С. 15–32).

Открытие согдийских документов в замке на горе Мур позволило уточнить название области — Уструшана (Ливиниц, 1962, С. 77–82; Негматов, Хмельницкий, 1966, С. 3).

Письменные источники (документы с горы Мур), а также надписи на дощечках из уструшанского замка Чильхуджра донесли до нас ряд имен представителей этой династии (Ливиниц, Хромов, 1981, С. 367). Уструшанские монеты из Калан Калхка содержат особенно важные сведения о языке и письменности уструшанцев и о правителях уструшанской династии (Смирнова, 1972, С. 59–64; 1981, С. 31–35, 324–335).

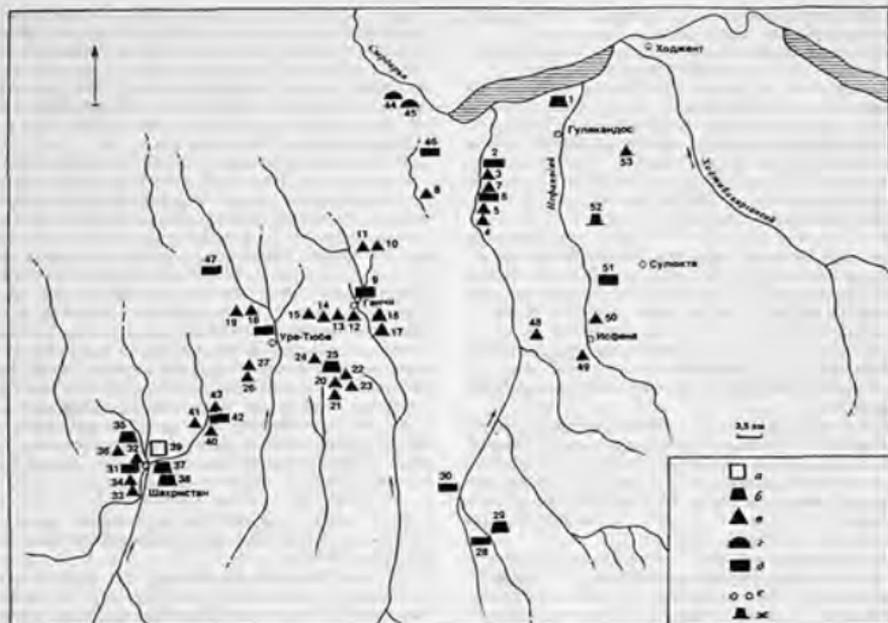
В конце VI–VIII в. Уструшана вовлекается в длительную и драматическую борьбу с войсками Арабского халифата (Негматов, 1957, С. 129–137).

(постройки из жженого кирпича), и связанные с ними предания (Кушакевич, 1972).

В 1890 г. Шахристан посетил Н.С. Лыкошин. Он составил первое подробное описание замка Чильхуджра в городище Шахристана. Особое внимание Лыкошин уделял проблеме орошения Шахристанского котловина.

Первые раскопки в Шахристане были проведены в 1893 г. уразовским участковым приставом штабс-капитаном Степановым. О результатах раскопок доложено на заседании Туркестанского кружка любителей археологии 16 октября 1896 г. (Архив ИАИ АН СССР, Ф. 75, 1893 г. Выписка из дел Археологической комиссии, Т. 3, Протокол № 4 ТКЛА).

В 1894 г. В.В. Бартольд, проехав от Ходжента до селения Шахристан, записал местные легенды о городищах Шахристана и о Чильхуджере и отметил, что послед-

Карта 6. Уструшана

1 – Актепе; 2 – Калхакан; 3 – Корез Калламан; 4 – Мирзуатепе; 5 – Карабуште; 6 – Юмалоктепе; 7 – Карауште; 8 – Чимбалдтепе; 9 – Калай Кухан; 10 – Карайтепе; 11 – Мискиштепе; 12 – Хокисартепе; 13 – Джалкуште; 14 – Тулакарлак; 15 – Кули Дароз; 16 – Кузулатепе; 17 – Гори Девон; 18 – Калай Денгактепе; 19 – Телпаунте; 20 – Телпабол; 21 – Чичконттепе; 22 – Миробогтепе; 23 – Карауште; 24 – Актепе; 25 – Курвантепе; 26 – Суржакскенттепе; 27 – Маймууджар; 28 – Актепе; 29 – Калай Кофар; 30 – Гилдо; 31 – Калай Дахкат; 32 – Калай

Даахкат; 33 – Ислахужра; 34 – Ургакурган; 35 – Карауште; 36 – Бартепе; 37 – Курвантепе; 38 – Чиллактепе; 39 – Бунджоикат; 40 – Азмабектепе; 41 – Вахтепе; 42 – Саторактепе; 43 – Экомашитепе; 44 – Камуштепе; 45 – Максумтепе; 46 – Шаринейштепе; 47 – “Восточный”; 48 – Мугтепе; 49 – Шаран; 50 – Актерек; 51 – Шалдыбалды; 52 – крепость Курванча; 53 – крепость Дулгачтепе; а – крупный город; б – комплекс тепа; в – тепа; г – могильник; д – поселение; е – современные ослани; ж – крепость и замки

ний памятник заслуживает особого внимания. Сопоставление археологических материалов со сведениями арабоязычных географов и историков IX–X вв. привело В.В. Бартольда к мысли о слабой колонизационной деятельности Арабского халифата и об ограниченности влияния Арабской культуры в этой области. В.В. Бартольд первым отождествил известную по письменным источникам столицу Уструшаны город Бунджоикат с развалинами городища в Шахристане (Бартольд, 1963, С. 223; 1964, С. 331; 1966, С. 89–90).

С организацией Туркестанского кружка любителей археологии активизируется, становится более планомерной и целенаправленной деятельность краеведов. Так, на заседании кружка 3 июля 1896 г. было решено собрать более подробные сведения о Шахристане. В связи с этим уралообинским участковым приставом П.С. Скварским составлена сводка о древностях Шахристана и многочисленных вещественных находках на тер-

ритории современного селения, отмечены развалины старого Шахристана на левом берегу сах (реки) и форты на правом его берегу, на территории современного селения. Из других селений П.С. Скварский отмечает Вагкат, заселенный, как он считает, потомками царя Густаспа-Дария Густаспа (Скварский, 1897, С. 41–45).

Несомненная заслуга в изучении древностей Уструшаны принадлежит И.А. Кастанье. Он собрал сведения об этой области и осветил по возможности полно ее историю. Им же было составлено историко-топографическое описание Уратюбе и двух его возвышенностей, на одной из которых находилась уралообинская штадель. Особое внимание Кастанье уделил водоснабжению города; описал развалины шахристанского городища Калай Калхакан, стены средневекового Шахристана, замок Чильхужра с его ходами-коридорами и другие памятники Шахристанской котловины, записал народное предание о царе Калхакан из народа Муг (огнепоклонники). о

сорока девятих этого царя и о халифе Али, якобы завоевавшим город (*Кастыньс*, 1915).

В 20-е и 30-е годы исследования древностей Уструшаны сподвигли к осмотру и регистрации памятников.

К древностям Уструшаны в 20-е годы неоднократно обращались историки-востоковеды. А.А. Семенов в историко-археологическом обзоре описал развалины в Шахристане и в захваченных памятниках Уратобе. Вслед за В.В. Бартольдом он помещает столицу Уструшаны город Бунджикат в Шахристане (*Семенов*, 1925, 1944). О различных археологических находках в районе Шахристана сообщает И.Г. Малицкий (*Малицкий*, 1929, С. 119).

В 1943–1944 гг. в Уструшане впервые были проведены большие раскопки. Исследования вела Фархадская экспедиция, руководимая В.Ф. Гайдукевичем. На двух могильниках были вскрыты 28 погребений. Полученный материал позволил высказать суждение о погребальном ритуале и верованиях населения этой территории. На расположенном неподалеку от могильника городище открыты сооружения первых веков н.э. и периода развитого средневековья, в частности гонимая печь с многочисленной керамической продукцией.

В.Ф. Гайдукевич отметил сходство материалов, происходящих из могильников и с городища, что объясняется тесными связями населения, оставшегося могильника, с населением, жившим на городище. В.Ф. Гайдукевич высказал мнение, что городище Мунчактепе было крупнейшим в культурном центре в Северной Уструшане (*Гайдукевич*, 1947, 1949, 1952).

В первые послевоенные годы в Уструшане развернулись широкие археологические работы. Открыты десятки новых памятников (городов, поселений и могильников). Составлено их детальное описание, проведены топографические съемки (*Смирнова*, 1953а; *Негматов*, 1952).

Важное значение имели работы, связанные с изучением исторической географии области. Несомненно большой вклад в эти исследования внесли А.Ю. Якубовский, О.И. Смирнова, А.М. Мандельштам (*Якубовский*, 1950; *Смирнова*, 1950, 1950а; 1953; *Мандельштам*, 1954, 1965).

С 1955 г. под руководством Н.Н. Негматова в Уструшане ведутся широкие систематические раскопки па-

мятников различных эпох. На протяжении нескольких десятилетий особое внимание уделялось городищам, расположенным в районе современного посёлка Шахристан. Здесь исследовалась стоянка Уструшаны город Бунджикат, полностью вскрыты авторы Калаи Каххаха II, замка Уртакурган и Тирмизактепе. В 1963–1966 гг. осуществлены раскопки уникального по планировке и фортификации замка Чыльхуждра.

В 1965–72 гг. был полностью вскрыт арх. (штабель) городища Калаи Каххаха I с огромным и уникальным по своей архитектуре и памятникам искусства дворцом царей (афининов) Уструшаны, давним великолепным и богатейшим образцам монументальной настенной живописи и высокохудожественных резных деревянных конструкций. Начаты исследования жилищ и общественных кварталов в центре и вдоль южной городской стены, производственных построек Калаи Каххаха I, а также городского культового центра на городской площади Калаи Каххаха I. К востоку от современного посёлка Шахристан изучены целая "юга молчания" с мечью Чорхохатепа и мусульманское кладбище с датой у северного подножья Калаи Каххаха I. Начато изучение трех центров керамического производства Уструшаны. Исследовались кварталы керамистов Бунджиката в местности Сон Бурхона, и Сарн Кубар на западной окраине Уратобе и из холме Гапплатепа в районе Калининбада.

В 1970–1972 гг. проведено исследование ирригации Уструшаны в бассейнах Шахристана, Аксеу, Иоранасая (*Билалов*, 1980).

Помимо Шахристана, в разные годы велись широкие раскопки на городище Муттепе в Уратобе, на Актепе в Наууском районе, замка Топштемиртепе с комплексом фортификационных сооружений, замка и поселения Калалсар, замка и поселения Дунгчатепе.

Интересные результаты дали раскопки городища Ширин и расположенных неподалеку склепов, вырубленных в толще горы Ширин.

Одновременно с раскопками велись и разведочные работы, в результате которых открыто более ста новых памятников. Благодаря археологическим исследованиям науке стали известны многогранная история, экономика и культура Уструшаны.

Город и городская застройка

В эпоху раннего средневековья в Уструшане начинают складываться феодальные отношения. В связи с этим в социально-экономической жизни общества усиливается роль земледелия и претерпевает изменения характер развития городской культуры области. На этот процесс оказали влияние также изменения политического и культурного порядка, связанные с вхождением Средней Азии в состав Арабского халифата, с началом распространения ислама и его идеологии. В Уструшане в результате долгой и упорной борьбы ее население и афинской династии за независимость исламизация фактически началась с конца IX в. н.э., уже в рамках государства Саманидов (*Негматов*, 1957, 1977). В связи с этим здесь несколько дольше, чем в других областях Средней Азии сохранились устои чистого местных традиций в градостроительстве и культуре.

Характерная черта истории этого периода – начало отделения города от села. Если в древности города одновременно были центрами земледельческих округов и месторезиыванием окрестных земледельцев, то города и сельские поселения периода раннего средневековья выполняли каждый свою прямую функцию: в городах сосредоточивались преимущественно ремесленники и торговцы, светская и духовная аристократия и правители, а в селениях, замках и усадьбах – земледельцы и скотоводы, феодализирующаяся аристократия, нередко сельские гонимцы и т.д. (Негматов, 1977). Отличительной чертой этого этапа является также одновременное развитие и городской, и сельской жизни, известна их структурная близость, когда некоторые компактные поселения вскоре перерастали в города, а планировка и ви-

терьер сельских замков оформлялись нередко по образцу и подобию городских дворцов и жилых домов (Негматов, 1978; *Негматов, Пулатов, Хмельницкий*, 1973; *Пулатов*, 1975). Еще одна характерная черта – абсолютное сохранение и развитие и раннесредневековой материальной и духовной культуры многих древнеуструшанских и обшерианских традиций, их синтез с элементами культурных ценностей других стран, особенно Индии, Византии и государств Центральной Азии. Отметим, что общему прогрессу Уструшаны способствовала надежная экономическая основа – земледелие, скотоводство, добыча полезных ископаемых и, на их базе, подъем многоотраслевого ремесленного производства и торговли, собственная чеканка монет и фактически самостоятельность уструшанской государственности во главе с афшанской династией Кавуса.

Письменные источники называют в Уструшане полтора десятка больших и малых городов. Они локализируются по их наименованиям в современной топонимике или же на основе сопоставления данных археологии и письменных источников. Последние весьма отрывочны и часто противоречивы (Негматов, 1957). Поэтому единственно надежным источником являются археологические материалы. Широкомасштабные исследования проведены на развалинах города Бунджиката (ныне Калан Кяхкаха в районе пос. Шахристан). Раннесредневековые слои выделены на городищах Мугтепе (югозапад города Вагката в Уратобе) и Актепе (близ Нау).

Формирование города Бунджиката началось в VIII–VIII вв. на базе двух ранее существовавших поселений кушано-эргатинского времени, располагавшихся на террасах обоих берегов речки Сарни (Шахристансай) у ее выхода из ущелья. Город формируется в виде отдельно укрепленных частей шахристана, кухеидина (иттадеи) и рабада, размеры и конфигурация которых полностью зависели от рельефа прибрежных предгорных террас реки.

Городище Калан Кяхкаха I имеет неправильную форму площадью около 5 га и окружено односторонним (местами двойным) массивным стенами, целью мощных простенков в вышних частях башен из глинобитных блоков (85 × 65 см) и кирпич-сырца (50 × 25 × 10 см) (Табл. 76, 3).

Внешняя южная поверхность городской стены была несколько пологой и имела довольно ровный скат, а нижняя ее часть подпиралась толстыми галечниковым контрфорсом, уславливающим мощность стены и затруднявшим установку осадных приспособлений и штурм города. Внутренняя плоскость стены была довольно крутой, но ее основание подпирала лесово-палочная платформа-уступ (толщиной 1 м) для подъема на стену защитников. Между городской стеной и находившейся здесь же, внутри стены, казармой шел обходной коридор.

В восточной части городища на высокой платформе возвышался укрепленный дворик. Собственно город раскинулся у западного подножия дворца на двух последовательно понижающихся естественных террасах, отделенных друг от друга внутренней глинобитно-палочной стеной, уславливающей оборонительные возможности каждой части городища. Топографически наиболее сложной была средняя часть городища, в восточной стороне которого у подножия дворца находилась главная городская площадь, куда выходили ворота дворца и северные ворота города. К югозападу по крутому изгибающемуся подъему вдоль мощных северных городских стен и башни шла дорога от наружного подножия Ка-

лан Кяхкаха I. Вокруг располагались главные городские храмы и административно-общественные здания, улицы ремесленно-торговых и жилых кварталов, состояла все вместе развитую систему единого городского планировки. Западная часть городища представляла собой военно-оборонительный комплекс. Здесь располагались вторые, западные ворота города. Эта часть была наиболее уязвимой, поэтому она дополнительно укреплена второй стеной. В юго-западном углу городища располагалось караульно-казарменное здание, а в среднем пониженном участке – водохранилище (сароба). Эта часть городища была наименее застроена, что позволяло проводить здесь большие военные сборы и учения.

Городище Калан Кяхкаха II располагалось южнее первого. В плане оно представляло собой почти правильную прямоугольник размером 210 × 230 м, обведенной с запада и юга двумя, а с севера в востоке одним рядом стен. Северная стена, судя по обнажениям в западной части, была сложена из сырцовых кирпичей и сохранилась в высоту до 6 м. Ворота располагались в северо-западном углу городища. К ним шел пандус, защищенный с обеих сторон мощными стенами. В северо-восточном углу городища находились холм, скрывающий остатки дворца. Вся южная часть городища занимала обширная искусственная прямоугольная платформа площадью 55 × 140 м, подготовленная для какого-то большого несуществующего сооружения. Остальная территория городища (65 × 95 м) никогда не была застроена (Табл. 76, 8–10).

Городище Калан Кяхкаха III располагается на локатых террасах правого берега реки. Оно сформировалось на месте более раннего поселения и было окружено собственными оборонительными стенами с башнями. Стены окружали всю западную часть Шахристана Бозо. Хорошо сохранился вал южной стены: он идет почти по краю второй террасы Шахристансай на направлении к юго-западу, а сторону городища Калан Кяхкаха II. В восточной части вал прерывается на 5 м, указывая на место городских ворот. В конструкции стены явно видны три этажа ее сооружения, возводившиеся последовательно в течение IX–X вв. Сохранились также стены восточной и частично южной стен Калан Кяхкаха III. Особенно интересна крупная башня на линии северной стены, скрывающая одно из сооружений города, возможно фортификационно-жилой кешк (замок), с сохранившейся системой потайного водозабора ("обдузд") из Шахристансай в виде двойного круглого свинцового ступенчатого подъема шириной 140–145 см, возведенного из кирпичей размером (49–50) × (24–25) × (9–10) см. Такие скрывать на случай осады "обдузды" использовались для возмещения городов и поселений в период всего средневековья (Негматов, 1957, С. 29–34; *Негматов, Хмельницкий*, 1966).

Археологическое изучение другого раннесредневекового городища – Вагката, сохранившего свое название до нашего времени (Вогат в западной части г. Уратобе), пока дало мало материала для характеристики этого городского центра. Культурные слои интересующего нас периода выявлены в нескольких пунктах городища Мугтепе. Здесь, судя по материалу раскопок, интенсивное строительство велось и VI–VIII вв., когда на остатках старых забутованных построек возводились новые, сложенные из сырцовых кирпичей (*Рашев, Салтановская*, 1961, С. 119–120, 124–125; *Негматов, Салтановская*, 1962, С. 71–72). В северо-западной части городища вскрыт комплекс

сооружений, включающий отрезок мощной крепостной стены с округлой двухъярусной башней со стреловидными бойницами; в каждом из ярусов несколько помещений. Своими бойницами башня обращена на юго-восток, к центру городища, что свидетельствует о ее принадлежности вместе с крепостной стеной и частично вскрытыми помещениями к внутреннему укреплению сооружения Мугтепе. Этот комплекс функционировал в V-VIII вв. (Рахиков, 1984, 1985, 1985а).

Следы интенсивной жизни зафиксированы также вне территории Мугтепе, к востоку от нее, и на западной окраине Урагтобе, в местности Сари Кубур, где выявлена серия гонимых обжитых домов и им-свалок с бракованной продукцией VII-IX вв., несомненно принадлежащих керамистам Вагката (Самойлов, 1973, С. 165).

Актепе близ Нау представляла собой крупное компактное селение, находившееся на стадии формирования городского центра с дитаделью и шахристаном (Негматов, 1973, С. 81-82; Пулатов, 1977, С. 77-79). Раскопки, проведенные на центральном холме, показали, что он скрывал в себе мощно укрепленную постройку двух строительных периодов итальде. Здание верхнего строительного горизонта сохранилось плохо, но можно предположить, что оно имело почти правильную квадратную конфигурацию и заключало в себе девять помещений различных размеров и назначений.

Городская застройка

Городская застройка характеризуется разнообразием типов построек и строительных конструкций. В Шахристане лучше всего изучены дворцы городищ Калан Кяхкаха II и Калан Кяхкаха I.

Дворец Калан Кяхкаха II представляет собой трехъярусное здание, сооруженное на ступенчатой платформе из глинобитных блоков. Первый ярус включал входную вестибюль, парадный зал, спальную комнату и айван с открытой в северный дворик стороной. Второй ярус состоял из коридора, комнаты прислуги и художного помещения. Третий ярус включал парадную афиладу из трех комнат. Средняя представляла собой тронную лоджия, выходившую окном во двор городища. Ее стены украшали живопись и резное дерево. Второй и третий ярусы с первым входным вестибюлем были связаны пандусом, вившимся вокруг прямоугольного столба. Трехная лоджия третьего яруса составляла единую дворно-айванную композицию с расположенным у западного подножия (около большим двором (Табл. 76, 8-10) (Негматов, Хмельницкий, 1966).

Иная планировка у дворца Калан Кяхкаха I. Он построен тоже на высокой платформе. В центре здания находился небольшой возвышенный дожон. Дворец имел входную айванную лоджия с видом на реку, город и на всю Шахристанскую котловину. Через коридорный вестибюль, попадали в несвой коридор с суфрами вдоль западной стены и суфой-«эстрадой» напротив входа. Осевой коридор делил дворец на две неравные части. Большая, западная, включала огромный двухъярусный зал со ступенчатым поднимавшимся полом и суфой (17,65 × 11,77 м), с выходящей в зал камерной тронной лоджией в его возвышенной глубине и выдвинутого помещением-кулуаром перед залом. В этой части дворца находилась вторая парадный зал — «малый» (9,65 ×

Здание нижнего горизонта сохранилось значительно лучше. Оно квадратное в плане и имеет по углам четыре круглые башни, выступающие на 3/4 за линию стены. Северо-западная башня была снабжена бойницами, расположенными в два ряда (девять бойниц в верхнем ряду, десять — в нижнем). Здание имело сложную систему подземных ходов-лабиринтов. В северо-западной башне открыт колодез глубиной 6,5 м. В южной части колодез был арочный проход, ведущий в подземные ходы. Центр здания занимал большой квадратный зал, окруженный обводным коридором и связанный с ним дверными проемами (Пулатов, 1977, С. 78).

Средневековые городки Юго-Восточной Устуршана находились на высоких мысах рек и горных останках, на высоких надпойменных террасах. Они четырехугольные в плане и ограничены валами и рвами. Некоторые из них располагались при входах в долины и выполняли функции сторожевых постов и убежищ. Примером таких городков является городище Курганка, занимающее мыс на правом берегу реки Исфанасай. Оно четырехугольное в плане и было ограждено высокими стенами. По углам сооружения и в середине стен находились башни. Центр городища не был застроен. Постройки же размещались вдоль стен. Неукрепленное поселение занимало площадки к северу и западу от городища (Негматов, 1956, С. 69).

9,5 м), дворцовое святилище и еще одна большая комната. В восточной части дворца, кроме входного айвана и коридора-вестибюля, располагалась большая жилая комната с входной деревянной тамбурной ширмой, малое помещение для прислуги, обособленный коридор с «арсеналом» — каменохранилищем. Дворец с севера и юга имел укрепленные мощными стенами дворы с кухонными и хозяйственными строениями (Табл. 76, 3), а в западной стене северного двора — ворота дворца (Воронова, Негматов, 1974).

Жилые постройки горожан представляли следующие типы. Тип 1 — широкое длинное строение, разделенное внутри поперечными стенками на три комнаты — глубинную, среднюю и наружную айванную. Тип 2 — квартал из отдельных изолированных, плотно пристроенных друг к другу небольших секций, обычно включающих общий коридор и две-три комнаты с некоторыми бытовыми удобствами (входными ширмами, суфрами, очагами), причем каждая секция имеет отдельный выход на городскую улицу. Тип 3 — квартал также с оживленной, но более индивидуализированной планировкой, включающей входные айваны и кулуары, парадные залы и комнаты с богато оформленным интерьером — входными тамбурами, суфрами вдоль стен, суфрами-«эстрадами», колоннадой и стенописью (Авдеев, 1977, С. 81-83). Тип 4 — постройка с коридорно-гребенчатой планировкой строго функциональной жилой кварталы общезжития, открытая в юго-западном углу городища Калан Кяхкаха I (Табл. 77, 2). Она включает центральный коридор и 20 узких коридоробразных помещений, расположенных по обе стороны от него и соединенных с коридором арочными проемами (Негматов, Хмельницкий, 1966, С. 23-39, 106-115).

Сельские поселения (классификация, фортификация, типы сооружений)

По сведениям письменных источников, Уструшапа была "обширной в важной страной", в ней находились "четыреста крепостей-замков" (или "свыше четырехсот замков"), располагавшихся в восемнадцати равнинных и горных рустаках-округах (*Негматов*, 1957, С. 34-35). Некоторое замки стали ядром крупных компактных селений, впоследствии превратившихся в городские центры (Актеле близ Нау).

Четыре вскрытых в Шахристанской котловине замка демонстрируют три категории построек: 1 — замки с уложившей индивидуализированной планировкой, включающей парадные залы, жилые покои, святилища, хозяйственные и коридорные помещения, с богатым декором (стенопись и резное дерево) и мощной фортификацией расположенного на гребне горы здания (Чильхуджра); 2 — замки с несложной "коридорно-трепетчатой" планировкой, без декоративной отделки, расположенные на гребне горной возвышенности (Тиримзактепе); 3 — замки с укрепленным двором, предвратным лабиринтом и двухэтажным зданием посреди двора; верхний этаж был жилым, нижний — хозяйственным (*Негматов*, 1977а, 1979б).

Замок Чильхуджра расположен в 2,5 км южнее селения Шахристан, на глинисто-галеичниковом концевом крутом выступе предгорной гряды у слияния Джаркустанса с Шахристансаем. Холм в виде неправильного прямоугольника скрывал остатки укрепленного здания и примыкавшего к нему с юго-запада дворика. Памятник сохранился великолепно. До нас дошли не только сводчатые помещения нижнего этажа, но и стены, и части кровли помещений второго. Первый этаж состоит из четырехкомнатного центрального ядра и системы периферийных сводчатых коридоробразных и купольных башенных угловых помещений вокруг него. В юго-западном углу место башни занимает прекрасно сохранившийся сводчатый пандус, спирально выходящий вокруг круглого центрального столба. Он выводит на второй этаж и на крышу здания. Вход в здание находился в юго-восточном углу первого этажа. Второй этаж включал крупный парадный зал и группу небольших помещений с юга (парадный вестибюль зала и маленькое купольное помещение) и с запада (коридор перед пандусом, два помещения, соединяющиеся одно с коридором, другое с залом). У северной стороны пандуса на втором этаже сохранилась обходная галерея. Такую довольно сложную планировку это основное здание сохраняло в последний период своего существования.

Как показали исследования Чильхуджры, сначала здание, возведенное на довольно высокой паховой платформе, состояло из четырех комнат. Входной прием тогда располагался с западной стороны. Время его возведения и функционирования приходится на V-VI вв. К этому зданию была затем пристроена система внешних коридоров на весь второй этаж, которые функционировали уже в VII — начале IX в. Двор представлял собой слегка вытянутый прямоугольник со сложным колесчатым лабиринтным входом, защищенным предвратной башней в юго-восточном углу. Восточная и западная части двора были построены двумя группами помещениями с явными

признаками жилого и хозяйственного назначения. Среди них выделяется кухонно-печарное помещение с тремя таурами и двумя очагами.

Планировка и общий тип здания, характер его внешних фортификационных элементов, наличие замкнутого плотно застроенного двора с пандусным защищенным входом и, наконец, его компактное месторасположение — все говорит о том, что Чильхуджра — крупное мощное сооружение замкового типа (*Пудитон*, 1975). Основные особенности Чильхуджры: укрепленность самого здания, удобное расположение на естественном конечном гребне горы, значительная мощность высоких внешних стен, снабженных угловыми башнями. Оборонительный характер основного здания сочетается с укрепленностью примыкающего двора с высокими мощными глухими наружными стенами и двухколесчатым пандусным входом с наружной башней (Табл. 78, 1).

Другой замок — Уртакурган расположен также к югу от селения Шахристан, неподалеку от Чильхуджры, на левом берегу Шахристанса, на гребне естественного возвышения посреди долины при выходе ее в Шахристанскую котловину. Холм до раскопок имел два яруса. Верхний — правильной формы со срезаной верхней площадкой, размером 18 × 16 м, высотой 7 м. Нижний ярус — двор шириной от 13 до 30 м — был окружен стеной с башнями (заметны отвалы трех башен в южной стене). Общая высота холма 13-16 м. Холм скрывал остатки двух разновременных построек. От поздних строений сохранились лишь нижние части двух помещений (Табл. 79, 1-5).

В нижнем горизонте вскрыт комплекс из восьми помещений и остатков пандусного сооружения. Постройка центральным осевым коридором "холодом" разделена на восточную и западную части. Западную часть составляют два крупных зала и расположенное между ними входное узкое помещение. Наиболее интересен юго-западный зал с суфами, тронной "страдой" и другими архитектурными деталями. Восточная часть здания включает квадратную купольную комнату с суфами и входным камерным айваном с закругленными суфами. Эта купольная комната с айваном выполняла ритуально-культурные функции домашнего святилища. С севера к ним примыкали второй, малый зал с суфами и стеной-ширмой, затем северо-восточное узкое помещение, а с юга пандусное устройство. Композиционным центром постройки являлся стук осевого коридора с узким западным помещением, где на роскошных деревянных колоннах покоилась шестиглибовое (перекрытие типа каскадного потолка "рузан"). Здание погибало от пожара. Большое количество обуглившегося дерева с архитектурной профилировкой и художественной резьбой позволило реконструировать форму этого перекрытия.

В замке Уртакурган доминирует монументальная парадно-жилая внутренняя постройка, поднятая на высокую искусственную платформу и содержащая комплекс оборонных фортификационных сооружений вокруг двора. Двор круговой, узкий, лишь в юго-западной части несколько расширяется. Замок стоит обособленно и имеет четко выраженные элементы фортификации, его внеш-

няя ограда-стена снабжена частыми башнями (куртана между двумя значительными коло-западными башнями 19,75 м) и банкетом для защитников. В целом Уртакуртан по всем признакам являлся спальной укреплённым аристократическим замком. Время функционирования его условно точно датруется монетами VIII в. н.э. (Табл. 79, 1, 2) (*Незаметов, Пулатов, Хмельницкий, 1973*).

Третий замок – Тирмизактепе располагался на гребне крайней оконечности предгорий гряды, высилившейся уюкой полосой в Шахристанскую котловину и выходящей презерное стратегическое положение на северо-западных подступах к Калан Казаха I. Открытое здание было квадратное в плане, площадью 16 × 16 м, с широким осевым коридором-вестибюлем, перекрытым плоской крышей. По сторонам коридора торцами к нему располагались носовидно широких сводчатых помещений. Весь северный фасад здания занимает длинное сводчатое помещение-хранилище с колоннами в пол хумаи. Специальное пандусное устройство выводило на крышу здания.

Здание построено в VII–VIII вв. и без особых переделок вторично использовано в IX–XII вв. Внешний облик и фортификационные элементы здания не сохранились. Но, судя по его планировке, характерной для построек замкового и караульно-казарменного типа Уструшань и ряда других областей, а также учитывая его стратегическое положение, наличие мощных глухих наружных стен, специального помещения-хранилища, Тирмизактепе с большой долей вероятности можно считать замковым сооружением (*Незаметов, Пулатов, Хмельницкий, 1973*).

Четвёртый замок – Тонтемиртепе находится в 8 км от селения Шахристан, на равнине западной части Шахристанской котловины. Он занят узкими рустами Тонтемирстан и Уваксай, некогда надёжно защищавшим его с двух сторон. Основное сооружение высотой около 8 м располагалось в центре квадратного двора (100 × 100 м), окруженного оштукатуренными в настоящее время ками стен с четырьмя угловыми башнями и входными привратными лабиринтом с северо-западной выноской прямоугольной башней.

Замок имеет типичную коридорно-трёхбечатную планировку. Осевой коридор длиной 14,5 м соединяет восемь помещений, расположенных по четыре с каждой его стороны и перекрытых сводами. Из коридора в каждое помещение ведут по два проёма, расположенные на уровне пола и по высоте всей высоты стены. Перемычки арок проёмов выложены кирпичной кладкой, а крышес арки – полукруглыми, в одном случае арка лучковая. В продольных стенах помещений на уровне верхних проёмов обнаружены ряды ниш, расположенных друг против друга, а в нишах помещения 7 – остатки истлевших бревен. Все это позитивно пришло к выводу, что каждое помещение деревянным интерьером делилось на два полуэтажа (высота первого этажа 1,95 м; верхний этаж перекрывался сводом. Здание было

двухэтажным; нижний этаж – возвышенный, а верхний – жилой. В жилую часть вел проём в западном торце осевого коридора, куда поднимались по двинобитным ступенькам.

Картину многообразия замкового зодчества Уструшань дополняет ряд других памятников. Один из них, Калан Сар, расположен на высоком глинисто-скальном холме предгорий Туркестанского хребта, на месте сошествия двух ущелий – Уртгадая и Куркудая, в 12 км южнее селения Шахристан. Памятник в плане близок по форме к овалу, рельеф подымается у юго-восточного и северного краёв (*Незаметов, 1966, С. 69*).

В Калан Саре открыты постройки двух периодов: VI–VIII и X–XI вв. К раннесредневековому периоду относятся сводчатое помещение размером 8,6 × 2,3 м, сложенное из сырцовых кирпичей кладкой в перевязку, и связанное с ним дверным проёмом помещение со стенами из камня. Галечник в равный камень, использованы для сооружения двух других помещений.

Крепостные стены сложены из рваного камня в крупного галечника на глиняном растворе и покоились на скальных выходах естественного возвышения, неровности которых были предварительно выравнены кладкой. В замке имелись угловые башни. Следы их в виде слоев пазы с каменными прокладками открыты при раскопках. Непрочность сооружения была заложена в самой его конструкции. Использование недолговечного приема кладки из пазы с простояками из камня явилось причиной разрушения таких наиболее важных участков фортификации, какими были башни.

Замок Дунтегачтепе был расположен в предгорной степной полосе на правобережной террасе Исфанасая, на древнем пути из города Гуликандаза в горный округ-рустаг Восточной Уструшань. Он содержал в себе остатки сооружений трех стронительных горизонтов. Время его функционирования VII–IX вв. В нижнем стронительном горизонте находилось прямоугольное в плане здание, ориентированное углами по сторонам света. Северная часть здания включала центральный осевой коридор в связанное с ним параллельные помещения. Первый стронительный горизонт датируется исследователями I–III вв., а после проведенного ремонта – III–V вв.

Постройки замка первого стронительного горизонта были разрушены и использованы в качестве платформы для сооружений второго стронительного горизонта. Здание этого горизонта представляло собой интересное по планировке сооружение замкового типа, близкое к аналогичным уструшанским сооружениям. Его мощные наружные стены снабжены бойницами. Оно включало большой прямоугольный зал и примыкавшие к нему помещения (Табл. 80, 2). Вдоль стен зала располагались суфы (*Незаметов, 1973а, С. 93–95; 1977б; Салтовская, 1983, С. 263–264*).

Архитектура и стронительная техника

Стронительное дело Уструшань развивалось в нескольких направлениях: градостроительство и крепостная фортификация, монументальное зодчество, массовое жилищное строительство и строительство ирригационных сооружений.

Большинство сооружений сложены из пазы и сырца; часто они возведены только из пазовых блоков. Перед-

ко ряда блоков прослоены одним, двумя (или более) рядами сырца. Есть стены, возведенные исключительно из кирпичей. И наконец, при возведении стен использовалась техника комбинированной кладки, сочетающей паху с сырцовым кирпичом в различных вариантах. При этом стены из блоков имеют то вертикальные, то наклонные швы, иногда являют собой “квадраты вперевязку” с де-

коративной нарезкой "рустовой". Стены из сырца сложены то ложком поперевакку, то смешанной кладкой с попереваккой в верхних поясах, то тычком поперевакку, то тычком-ложком поперевакку. Технические разновидности и ступени комбинированной кладки: кирпич "арабский", "ступенчатая" кладка из рядов кирпича и слоев глины толщиной в два кирпича. Интересна сырцово-нахсовая комбинированная кладка из чередующихся ложковых и тычковых рядов кирпича, заполненных в промежуточных слоях пахсы, со своеобразным, уникальным для Средней Азии, контррельефом убранным наружной поверхности – горизонтальной, треугольной и сечении "рустовой" или "пунктирной" разрезкой. На декоративный эффект рассчитана кладка из пахсы и кирпичей разных оттенков.

Дверные и оконные проемы ряда зданий перекрыты арками в технике клинчатой кладки "в ступу". Среди типов арок большинство эллиптической (приближающейся к полукруглой) формы, реже трехцентровой и параболической, еще реже лучковой и стрельчатой. Есть арки, оформленные архивольтом. Есть прочный световой проем параболической формы, выполняющий одновременно роль трюма купольного перекрытия. Найдено сложная "двулика" арка, относящаяся к типу "получух", выполненная внутри помещения асимметричной кладкой из сочетаний клинчатых плеч и выведенного плашмя венчания, а снаружи имеющая другие очертания и структуру; в прямоугольной рамке более высокая арка подъема внешнего контура, без плеч, с кладкой из плашмя уложенных рядов кирпичей, расходящихся веерообразно. В ряде случаев зафиксированы балочные перемишки дверных проемов.

В некоторых уструшанских зданиях (замок Чильхуджра, дворец Калан Каххаха II и др.) отмечены световые и вентиляционные проемы и продухи шевеленной, прямоугольной, трапециевидной и колесчатой форм или в виде трапециевидных амбразур. Кроме того, существовали деревянные решетки "пайджара", устанавливаемые в верхней части арочных проемов и в световых люках на крыше помещений. От них отличается крупный прямоугольный оконный проем помещения в верхнем ярусе дворца Калан Каххаха II.

Наиболее распространены в Уструшане были сводчатые перекрытия. Своды замка Чильхуджра коробовые, с эллиптической кривой, сложены они из прямоугольных сырцовых кирпичей в технике поперечных наклонных отрезков. Зодчие Уструшаны успешно решали сложную задачу поворота свода под прямым углом. Такой прием зафиксирован в комплексах Мунгачесте и Тирмизакте. В обоих памятниках своды колесчатых коридоров, сложенные наклонными отрезками, расходятся веерообразно от выступающего угла. Промежутки между ними, постепенно расширяющиеся к противоположному углу, заполнены клинчатыми рядами кладки. Свод, образующийся над противоположным углом, опирается на небольшой трюм, благодаря которому угол в основании свода получает скругленные очертания. Этот прием в Средней Азии больше нигде не зафиксирован.

Для перекрытия помещений успешно применялись купольные конструкции. Их неотъемлемой частью являются трюмы. О конструкции купольных сооружений

мы можем судить по двум угловым банкам и одной часовой-капелле Чильхуджры. В них переход от стен к барабану купола осуществляется с помощью трюмов и виде переклещенных арок, вписанных одна в другую и сложенных из кирпича-сырца по дуге плашмя тычком. Арки трюмов имеют небольшую арку подъяема и почти полукруглую кривую. Кладка всех куполов Чильхуджры произведена козырьковыми рядами с радиальным наклоном рядов к центру кривизны.

Наряду с массовым сводчатым и более редким купольным перекрытием помещений и целых зданий в Уструшане широко применялись и плоские деревянные перекрытия, которые покоились на стенах и на расположенных в определенной системе деревянных колоннах. Перекрытия включали такие элементы, как прогоны, балки, межбалочные брусчатые-дошчатые перемишки, на которые укладывались слои циновки и камыша, глины и глиново-саманной обмазки. Колонны, прогоны, балки обычно покрывались художественной резьбой, на межбалочные ячейки потолков навешивались различные резные деревянные фризы и панно. Одна или несколько ячеек по определенной системе расположения прераспалась в световые и вентиляционные люки с замысловатой каскастной конструкцией "трузан", как, например, в замке Уртакурган. Потолки нередко представляли собой целые художественные композиции.

Многие здания Уструшаны снабжены пандусами подъяемами двух типов: 1 – простые, в виде двух (дворец Калан Каххаха I) или трех (замок Уртакурган и Тирмизакте) колесчатых узких сводчатых коридоров с наклонно поднимающимся полом; 2 – сложные, встречающиеся во дворце Калан Каххаха II и в замке Чильхуджра. Последние хорошо сохранились и, несмотря на общность функций в однородных застройках, отличаются друг от друга конструктивно. У каххахинского подъема квадратная в плане пандусная плита имеет высокие и прочные стены, а в центре – таховый прямоугольный столб, вокруг которого вытопы шесть подъяемых колес, ведущих из вестибюла здания на средней и верхней ярусах помещений. Спирально выходяще, наклонно идущие своды пандуса, сложенные в технике клинчатой кладки, опираются на стелга выступающую полочку плашмя уложенных сырцовых кирпичей; их яты расположены на разных уровнях стены и центрального столба.

Пандус Чильхуджры находится на месте одной из угловых башен, поэтому с наружных сторон несколько изогнут, а пандусной шахте для большей устойчивости задан небольшой наклон к центру здания. Уникальная особенность чильхуджринского пандуса – его окружает центральный столб (вместо обычного прямоугольного). Столб состоит из массивного пахсового внутреннего стержня, утолщенного винтообразной накладкой в один ряд пахсы, на который опирается винтообразно поднимающийся свод, сложенный в технике наклонных отрезков. Пандус Чильхуджры был снабжен трапециевидными световыми амбразурами. Марши его вели на второй этаж и на крышу здания.

В Уструшане применен в такой артектурный элемент, как наружная обводная галерея. Отречок винтовой галереи сохранился в замке Чильхуджра вдоль его заднего фасада на уровне второго этажа. Галерея представлялась над сводами и внешними стенами помещений

первого этажа и была отгорожена массивным сырцовым парапетом. Она конструктивно разделяла наружную композицию зала на два яруса, причем несколько уменьшенный объем второго яруса-этажа одновременно и перспективно представлял собой своего рода *внутренний возвышенный укрепленный дождевой келья*.

Все парадные залы и жилые комнаты, многие хозяйственные помещения и некоторые широкие коридоры имели глинобитные сырцовые суфы. Они, как правило, расположены вдоль всех стен залов и комнат или вдоль одной из стен коридоров и узких помещений. В парадных залах и коридорах часть суфы выделялась путем расширения площади, повышения высоты и иногда воз-

ведения ступеньки у подножия. Торжественность такой суфы: "эстрада", застланной дорогими коврами, усиливалась еще специально расписным матерчатым бадакном на металлических или резных деревянных опорах, а также богатой живописью стен. Такие суфы с остатками элементов украшенной лакированной в залах Уртакур-гана в Чилхуджры, дворца Калаи Кавказа I. Есть их изображения и в живописи.

С заданием тесно смыкались художественные ремесла резчиков по дереву, мастеров стенописи, художественной глиняной лепнины и жженой фигурной кирпичей (Негматов, Хмельницкий, 1966; Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973; Пулатов, 1975; Негматов, 1977а, 1979б).

Кудлы и погребальные памятники

Письменные источники фиксируют для Уструшаны раннего средневековья "белую религию" с главной ее книгой Заравах и деревянными скульптурами идолов, украшенных драгоценностями. Идолы в книге Мугов тайно содержались и почитались, во дворцах уструшанского принца Хайдара в Самарре. Идолы находились и в самой Уструшане, в Буттаме. Их привозили в Уструшану хутталские бежиды (Негматов, 1957, с. 73-82). В этой области известно много топонимов с компонентом "муг" (огнепоклонник).

Ныне вскрыты Храм идолов на городище Калаи Кавказа I, "Дом огня" на поселении Актеле близ Нау, домашние святилища-капеллы во дворцах и замках, в городских жилищах, найдены деревянные идолы в замке Чилхуджра. Дакма на Чоршохателе близ Шахристана, скальные скелны близ Курсата, множество захоронений в хумах и оссуариях в разных местах Уструшаны — все в целом свидетельствует об особом местном варианте зороастризма, сочетавшем в себе элементы канонического зороастризма с почитанием идолов и других божеств и культов, раскрываемом также монументальной живописью Уструшаны. В письменных источниках многократно зафиксирован уструшанский божественный фари — лошадь. Многократно засвидетельствован в жилищах дворцового комплекса Калаи Кавказа образ коня-фариа царской власти — трона, в виде протом спаренных коней. Важным свидетельством бытования культа коня-фариа является находка обезглавленного скелета коня, лежавшего в полном анатомическом порядке на арчевых досках под полом входного кулуара.

Роль лошади в древних культах общеизвестна. Еще Геродот в своем описании быта и нравов племени, обитавших в Средней Азии, сообщал: "Из богов тут только солнце, которому приносит в жертву лошадей" (Геродот, I, 216). *Чтили коней всех животных: при археологических раскопках многих памятников Уструшаны кости мелкого скота встречаются под фундаментом стен, в гнездах от балок порогов входных дверей. Целый скелет домашней собаки обнаружен под полом одного из помещений замка Чилхуджра. Захоронение собаки под стеной помещения отмечено на поселении Хонянта.*

Храм, открытый в Актеле близ Нау, включает большое прямоугольное помещение и обходной коридор. Центральное помещение соединено со всеми коридора-

ми четырьмя дверными проемами. В центре этого помещения находится прямоугольное сырцовое сооружение, похожее на очаг, в котором возжигался священный огонь. На самом сооружении и вокруг него следы юпитианского горения, скопление золы и углей. На стенах центрального помещения заметны следы сильного и длительного горения. Авторы раскопок отмечают сходство планировки здания с известными в Иране и других регионах храмами огня и считают, что открытое в Актеле сооружение можно считать храмом огня (Негматов, 1973, с. 81-82; Пулатов, 1977, с. 78).

На городище Калаи Кавказа I у южной крепостной стены по соседству с жилым кварталом открыт Храм идолов. Он включал большой прямоугольный в плане зал площадью 14,3 × 13,9 м, широким входом обращенный на городскую площадь.

Около южной стены зала был устроен деревянный помост, опиравшийся на восемь фигурных стоек, на котором устанавливались деревянные идолов. Зал освещался поставленными в ниши светильниками и естественным светом через небольшие отверстия в касетном потолке (Негматов, Авзалов, Мамеджанова, 1987, с. 199). Раскопками выявлены два периода функционирования зала, о чем свидетельствуют два уровня полов.

Деревянное перекрытие зала с системой световых люков-рубанов покоилось на 90 колоннах, поставленных на каменные подушки. Они образуют строгую модульную сетку с шагом, равным 1,4-1,5 м. Почти все колонны имеют вертикальную профилировку и в поперечном разрезе обнаруживают рисунок растительной или другой частью зооморфной формы, повторяющий реальные объекты природы в стилизованном виде.

Наличие большого зала с многоколонной композицией, обожествление культа дерева, зооморфный стиль, отмеченный в конструкции колонн, указывают на култовое назначение постройки, скорее всего, на Храм идолов.

Домашние култовые сооружения представлены также домашними капеллами, включенными в планировку замков и жилых домов рядовых граждан.

Уртакурганская капелла представляет собой небольшое квадратное помещение с купольным перекрытием и входом из осевого коридора через входной айван. Вальф всех стен этого помещения тянутся суфы. На полу у северной главной восточной суфы находится прямоуголь-

ное сырцовое сооружение, обведенное по боковым сторонам тонкой стенкой, открытое в сторону входа. Это сооружение выполняло функцию алтаря огня (*Негматов, Пулатов, Жельницкий*, 1973. С. 28, 35. Рис. 20–21).

В Чидьжудре капелла расположена на втором этаже замка. Она представляет собой небольшую комнату почти квадратной формы, перекрытую куполом, от которого сохранились иконостасы ряды скадки и три трюма. Арочный вход располагался в северной стене и соединял капеллу с небольшим коридорчиком, который вел в Малый и Большой парадный залы замка. В середине южной стены находилось окно трапециевидной формы. В тщательно оштукатуренных стенах имелись ниши для светильников. Их поверхность сильно закончена и прокалена. Около южной стены под окном большое скопление зылы, а на самой стене заметны следы огня и копоть. Почти все пространство помещения занимает суфа.

Расположение помещения, его изолированность от остальных комнат, наличие в комнате суфы, прокаленность стен подчеркивают его ритуально-культурное значение (*Пулатов*, 1975. С. 31, 139–140. Рис. 9, 22, 65, 66).

В соседнем с капеллой Большом зале обнаружен закопанный под полом хум, в котором находились три деревянных идола, обуглившихся при пожаре. Все они представляют собой мужские головы, вырезанные почти в натуральную величину и отличающиеся одна от другой размерами.

Первая голова с довольно худощавым лицом, выразительными бровями и надбровными дугами, короткими прямыми опускающимися волос, перехваченных легкой диадемой, миндалевидными глазами, прямыми небольшим носом и слегка поджатыми губами.

Вторая голова крупнее, щеки полные. На левой стороне утрачены часть подбородка и много мелких деталей лица, но хорошо сохранились волосы, изображенные небольшими слегка волнистыми прядями, которые выступают из-под головного убора или короны.

Третья голова собрана из мелких распавшихся кусков, дающих лишь общее очертание. Детали лица утрачены. Угадывается диадема или высокий головной убор (*Пулатов*, 1975. С. 90–93, 96–100. Рис. 47–49; Древности Таджикистана: Каталог выставки, 1985. С. 261–262. № 682, 683).

Деревянные идолы из Чидьжудры, бережно спрятанные в хуме и законные перед арабским нашествием на Уструшану, — несомненный факт идолопоклонства. Сочетание зороастрийского огнепоклонства с идолопоклонством в Уструшане убедительно подтверждается письменными источниками (*Негматов*, 1957. С. 73–79, 140–146).

В парадной части дворца Калан Кяхкаха I находилась капелла. Это была вытянутая, прямоугольной формы комната, сообщавшаяся двумя входами с центральным коридором дворца и с кулуаром Большого парадного зала. В центре комнаты на полу выявлены следы алтарного сооружения. Пространство западной стены гнулось вымостка из сырцовых кирпичей, предназначавшаяся, видимо, для размещения культовых реликвий.

Культовый центр находился в богато обнесценно-ожидом святилище в центральной части городища Калан Кяхкаха I. Эта выделенность по планировке и внутренним элементам сквады включает два помещения. Первое

из них, размером 7,9 × 3,9 м, вдоль южной стены, имеет своеобразную длинную суфу, переходящую из обычной глинобитной вымостки (в западной половине) в ступенчатое пирамидальное сооружение (в восточной части помещения). Второе помещение (5,45 × 4,15 м) снабжено колым гамбуром, выделенным глинобитной стеной шириной. У юго-западного угла оно имеет оградное углубление, в полу западной части — прямоугольное углубление (2 × 1,4 м), а в восточной половине — четырехступенчатый подъем, ведущий к возвышенной площадке. На последней сделано прямоугольное углубление (2 × 1,4 м). На стене лестницы и на поверхности площадки зафиксированы остатки живописи (Табл. 77, 1). Очевидно, оба помещения выполняли какие-то общественно-культурные функции (*Негматов*, 1975б, С. 539).

Важным источником познания культов Уструшаны являются памятники искусства дворца Калан Кяхкаха I. Здесь многоуровневая стенопись. Малого зала посвящена традиционной для древнеиранского искусства сцене борьбы сил добра и зла, в которой принимают участие многие персонажи местного божественного и демонического пантеона (*Негматов*, 1984).

Живопись зала последовательно рассказывает об этапах грандиозного сражения царя-полководца и его воинов с многочисленными полчищами разноликих демонов, в котором на стороне людей выступают божество, богиня и небесные силы, а также о первых этапах мирной жизни после победоносной для людей битвы.

Западная стена является центральной, где в середине над выделенной тронной суфой изображена сцена с основным персонажем повествования — огромная раскоши одетая мужская фигура, восседающая на зооморфном троне в виде обращенных в разные стороны копей. Живописное поле окаймлено широкой и высокой расписной ажурной аркой, украшенной растительной вязью. Концы арки внизу опираются на вытянутые овальные медаллоны с изображенными арфисткой и музыканта. По обеим сторонам центрального поля располагались три яруса живописных сцен различного содержания. Главный персонаж на троне интерпретируется как образ предка уструшанской правящей династии (Табл. 81, 11).

Факты обожествления уструшанских арфистов, сосредоточения в их руках не только государственной, но и сакральной власти хорошо известны из письменных источников (*Бичурин*, 1950. Т. II. С. 276; *Негматов*, 1957). Образ обожествленного предка уструшанских правителей являлся основным объектом поклонения уструшанцев.

Такое определение главного персонажа позволяет предположить, что на трех других стенах показаны сцены подвига этого же предка в борьбе с силами зла. Дважды повторяющиеся (на восточной и северной стенах), изображение царя-полководца в колеснице отождествляется с тем же образом предка династии (Табл. 81, 7, 9). Такое решение облегчает объяснение иконографии остальных персонажей живописи, прежде всего трехглавого и четырехрукого божества и четырехрукой богини, сидящей на льве и представленной в двух ситуациях, в двух ликах (она же встречена в стрелы зал в двух-трех фрагментах у южной стены зала). Отсутствие изображений других божеств, наличие на восточной стене

мужского и женского божества примерно одинаковых размеров позволяют считать их находящимися на одной ступени культовой иерархии. Скорее всего, в данном зале были почитаны только два главных божества уструшанского пантеона. Оба они четырехрукие: мужское — трехглавое, женское — в двух лицах (а третий лик, видимо, был представлен на южной стене). Оба божества одинаково участвуют в военных действиях на стороне людей. У них есть и общие атрибуты — символы луны на венце короны. По всей вероятности, в данном случае это изображения богов-супругов. О такой возможности для хотанских и пенджикентских божественных пар уже упоминалось в литературе (Беленицкий, Маршак, 1976. С. 78—81).

На восточной стене воспроизведено восседающее на коне трехглавое четырехрукое божество в момент сражения или поединка. Одной рукой оно держит лук, другой — натягивает тетиву, готовясь выпустить стрелу, а в двух других — копыта наездника. Три головы человеческие, антропологически близкие, нарисаны влобоборота вправо, две боковые уменьшены и расположены на уровне ушей средней, более крупной головы. На головах одинаковые сложные короны с полумесяцем, в ушах серьги. Фигура одета в доспехи, у пояса кинжал, ниже колчан со стрелами. В одно из предельных воткнуто стрела. Уструшанское трехглавое божество имеет аналог в пенджикентской живописи. На одежде пенджикентского божества сохранилась надпись: «Вешпаркар» — согдийская передача санскритского «Вишвакарман» в значении «творец всего». Исследователи пенджикентского памятника ведут происхождение индуистского божества в согдийский пантеон через буддизм (Беленицкий, Маршак, 1976. С. 79). Однако у пенджикентского божества больше индусских реалий: шесть рук, разные лица (среднее мужское, правое женское, а левое демоническое) и на них по три глаза, из плеч поднимается пламя, оплечья в виде голов животных, в руках трезубец и меч. От индуистского и буддийского Вишвакармана уструшанское изображение ушло еще дальше, чем пенджикентское. Образ уструшанского трехглавого божества освободился от сопровождающего женского лица, упростились его другие атрибуты (уменьшилось количество рук, пропал пламя с плеч и оплечья в виде голов животных и пр.). В иконографии уструшанского божества нечеловечья многие индийские начала.

Изображения двух четырехруких богинь с разными лицами располагались также на восточной стене. Первое — в верхнем ярусе живописной композиции у юго-восточного угла стены. Богиня восседает на взыгнанном льве и окружена огненным ореолом. Лицо ее в светлосером наивне с пятнами бледно-желтого пигмента, сосредоточенное, спокойное, с раскрытым широко расставленными глазами, плоским носом, массивным, сомкнутым в полуулыбке ртом. Спина располагается символ луны — голубой диск с антропоморфным изображением, окаймленным полумесяцем. Справа — подобное изображение солнца. В среднеазиатской монументальной живописи раннего средневековья это первый случай изображения человеческого лица в фас. На богине богато ориентированная золотая корона с полумесяцем в центре. От короны к плечам легкими складками опускается глубокая прозрачная вуаль, в ушах массивные серь-

ги с драгоценными камнями. Богиня одета в светло-голубой хитон, украшенный у шеи ориентированной золотой каменной, на плечи накинута пурпурный шawl, на груди золотые бляшки, на одной из рук браслет. В одной руке богиня держит скипетр с наверху в виде крылатого льва, слева находится «штанцарт», запершиющийся золотой птицей; другой рукой богиня сжимает поводья; третьей рукой держит какой-то предмет в виде грифона; пальцы четвертой руки сложены в символическом жесте: указательный и безымянный подняты вверх, остальные сомкнуты.

Второе изображение богини, восседающей на взыгнанном льве, находится у северо-восточного угла зала в нижнем ярусе живописной композиции. Одежда и убранство полностью совпадают с таковыми первой богини. Она также четырехрукая: в одной руке держит символическое изображение солнца, в другой — луны, третьей рукой воспроизводит символический жест с двумя поднятыми пальцами, а четвертой, по-видимому, прикасается жест к груди. Сохранение красного слоя хораша, преобладающий цвет синий (ультрамарин) различных оттенков. Иконографически весьма интересны оба изображения богини — видимо, главной богини местного пантеона; последнее подчеркивает надменно величественной полой восседая на разъяренном льве, богатыми одеждой, украшениями и драгоценной, многорукостью в том, что в двух руках она держит антропоморфные символы основных небесных светил — солнца и луны. Остальные две руки воспроизводят символический жест (Табл. 81, 1).

Многоликость богини связана, вероятно, с ее особыми функциями в разных ситуациях. Из атрибутов богини наиболее конкретны диск луны с женским лицом в короне, увеличенный полумесяцем, и солнечный диск с изображением лица в фас, причем оба близки к дискам самой богини. Оба символа богиня держит на раскрытых вверх ладонях; на правой — луно, на левой — солнце. Антропоморфные и символические изображения солнечного и лунного божеств, других планет и звезд часто встречаются на памятниках культуры Средней Азии. Имеются письменные сведения о поклонении древних среднеазиатских народов небу и небесным светилам.

Изображение различных божеств, сидящих на льве, — широко распространенная традиция у многих древних народов Востока. Двойственность образа главной уструшанской богини, видимо, можно подтвердить еще наличием не двух, а двух удвоенных (т.е. четырех) рук и фактом одновременного владения двумя символами — луной и солнцем. Типологическая параллель, такой дуальной структуры свойственна многим народам мира, в том числе зафиксирована в традициях Древней Греции, Ирана и Средней Азии. Двойственность образа главной уструшанской богини, несомненно, уходит в глубокую древность. Возможно, его следует связывать с образами ближневосточных и индоиранских божеств. Особо выделяется своим богатейшим эпическим, мифологическим и кульдово-реалистичным творчеством Индо-иранский регион. Эта традиция зафиксирована в традиционных письменных памятниках двух тысячелетий (1 тысячелетие до н.э. — 1 тысячелетие н.э.): от «Авесты» до «Шахнаме» Фирдоуси у древнеиранских народов, и «Ма-

захарате”, “Рамаяне”, брахманских пурнах, анамах и в других поэмах у древних индусов. В древнем индуистском мире были выработаны весьма стройные религиозные системы с божественными пантеонами во главе с аскетическо-жорострийским Ахурамаздой у парсов и верховным богом Ишвара с его тримурти – тридцатью продолжателями в сфере земной жизни (Брахма, Вишну и Шива) у индусов.

Уструшанск и пенджаикентское трехглавое божество Вешпаркар – Вишвакарман уже отождествлены с индийским Шивой Махадева. Пенджаикентская богиня на льве идентифицируется с кушанской Наной и индийской Парвати. Видимо, главная уструшанская богиня представляет собой тот же образ Великой матери-вондильницы, олицетворяющей одновременно также культу сит природы и плодородия. Учитывая многочисленность согдийско-уструшанских параллелей в материальной и духовной культуре, видимо, не ошибемся, если назовем уструшанскую великую богиню именем кушано-согдий-

ской великой богини Наны. Таджики, как этнокультурные наследники Согда и Уструшаны, до сих пор употребляют слово “нана” в значении “мать” и “старшая мать” – “бабушка” (*Негматов, 1984а*).

Таким образом, живность, малого зала дворца Кахкаха I позволяет говорить о трех главных объектах почитания доисламской Уструшаны: 1 – образ предка уструшанской династии, слившийся с личностью правящего царя (династийный культ), в два главных божества-супруга; 2 – Вешпаркар-Вишвакарман в облике трехглавого и четырехрукого мужчины на коне; 3 – Нана в облике четырехрукой женщины на льве.

В целом же в Уструшане весь комплекс сведений письменными источниками, археологических материалов и памятников искусства (живопись, терракоты и др.) выявляет довольно сложную религиозную систему, в основе которой, несомненно лежит зороастрийско-магическая традиция.

Художественная культура

Традиции художественной культуры Уструшаны раннего средневековья была богата и многообразна. Как в свое время полагал В.В. Бартольд, Уструшана оказалась менее всего затронутой арабским илюминизмом и являлась аккумулятором исключительно местных культурных традиций (*Бартольд, 1963, 1964, 1966*). О состоянии художественной культуры можно судить по письменным источникам и по результатам археологических раскопок Уструшаны.

Памятники художественной культуры Бунджиката были открыты при раскопках дворца Калан Кахкаха II в 1955–1958 гг. Стены многих помещений, особенно царского жилого комплекса, были расписаны многокрасочной живописью, а деревянные конструкции перекрытий и арок украшены орнаментальной резьбой. Постигшие город разрушения и пожар при захвате арабским отрядом в 822 г. уничтожили почти полностью архитектурный декор дворца. Остатки живописи здесь зафиксированы лишь в виде отдельных пятен краски на небольших участках стен, по которым, однако, можно судить, что многокрасочной росписью была покрыта вся поверхность стен. Нижние части стен над сводами украшены бордюрами растительного узора и окаймлены писаным перлам. Выше располагались сюжетные сцены, о чем свидетельствует фрагмент на западной стене центрального помещения с изображением нижней части мужской фигуры, одетой в длинное широкое вернее платье, обтянутое “персидским” (*Негматов, Хасельницкий, 1966, С. 141–143, Рис. 50*).

Остатки резного дерева обнаружены в тронной ложке. Делавшие в беднираже остатки рухнувшего при пожаре перекрытия включают балки с резными западающими крестиками, расположенными в “шахматном” порядке, с шпалочками четырехлепестковых рельефных розеток; брусья с легкой ромбической вырезкой; локсом пятилепестковых пальметт и воднообразным шибегом с отростками и стилизованными листьями; массивные доски-фризы с южным прикладкоидом одна к другой арочек, украшенных чередой резных пятилепестковых

пальметт и выпуклым наружным пояском. Арочки вырезаны в виде выпуклой полоски, сверху и снизу окаймлены полосками из косых перекрещивающихся насечек. В поля между арочками вписаны пологими четырехлепестковых розеток с вытянутыми в заостренных лепестках.

Интересен фриз с рельефным изображением фантастического существа в виде мужского торса с широко разведенными бедрами, которые заканчиваются закрученными вверх змеиными хвостами. По бокам мужчины – остатки каких-то деталей декора. Изображение абсолютно симметрично: два энергетических завихрения хвостов, заканчивающихся закрученными вверх спиралями, образуют основание для изгибного торса. Подчеркнутая горизонтальность фигуры говорит о горизонтальности всей несохранившейся композиции. Этот мотив змеино-го тритона в сочетании с чудовищем “макара”, зафиксированный также в глиняных рельефах древнего Пенджаикента, был широко распространен в буддийском искусстве древней Индии и Афганистана и используется как символическое олицетворение великой стихии.

Фрагмент потолочного бруса украшен рельефным изображением идущего мужчины, одетого в кафтан с двумя отверстиями, перегнутой по узкому талии поясом, застегнутой на груди круглой пуговицей. Ниже пояса, у левого бедра, заметны следы рукоятки меча или жезла.

Другая серия памятников изобразительного искусства происходит из замка Чильхуэдра. Остатки живописи в виде пятен красного, белого и серого цвета зафиксированы на западных стенах Большого и Малого залов. Отдельные участки лучшей сохранности дошли до нас лишь на северной стене Малого зала. Растис, нанесенная на белый грунт. Центром композиции является сравнительно неплохо сохранившийся фрагмент, изображающий членистое лицо округлого овала. Контур прорисован тонкой линией золотистой охры, наиболее четко подчеркивающей округлый подбородок. Большие выделенные полупокрытые глаза выделены на белом

по-желтому фоне лица светлым пятном. Прорисовка их выполнялась тонкой кинноварной линией. Тем же цветом подчеркивается линия губ, прорисовываются носовые и мочки ушей. Следы кинновари позволяют определить почти несохранившуюся линию носа. Штрых светлой охры, идущий от мочки уха с правой стороны лица, мягко переходит в линию шеи, прорисованной розоватой охрой. Тонкие линии кинноварной прорисовки охватывают богатую гамму полихромной росписи золотистой охрой, белыми, темно-оранжевой краской и ультрамарин. Голова увелена исповитной формой головным убором, опускающимся к переносице мягко очерченным треугольником темно-оранжевого цвета (Пулатов, 1975, С. 87, Рис. 46). От остальной росписи остались лишь отдельные пятна красок. Ниже в правое лицо сохранилась часть локтя руки с браслетом. Автор раскопок считает, что "человек, изображенный здесь... полудежал, облагодотоя на подвигу руку" (Пулатов, 1975, С. 87-88). Левее этой сцены сохранился участок росписи с остатками "большой скачущей лошади серого цвета с крупными темно-синими яблоками", на спине лошади богато орнаментированная пинна темно-оранжевой, светло-оранжевой, светло-желтой, охристо-золотистой раскраски. Напротив — остатки тяжелого крупа белой лошади с изящно изогнутой шеей и нижней частью головы, застыла седала и подсумка (?). В нижней части росписи изображены конечности какого-то парнокопытного животного. Еще ниже угадываются контуры двух, выдвинутых одна из-за другой, лошадей, а на спине ближней лошади угадывается ноющая часть всадника. В нижних частях обоев сохранившиеся живописные сцены по одному крупному медальному светло-желтому цвету. Они обведены кинноварью, а внутри изображены прямолинейные кресты.

Внизу живопись стены была обведена широким орнаментальным бордюром, включающим позы сильно стилизованных волотообразных завитков и побегов, а сверху и снизу линейные пояски с ритмично расставленными ритмами перлов.

Деревянные конструкции перекрытия и интерьера парадных залов Чалхууджери были украшены художественной резьбой. У входа в Большой парадный зал обнаружена часть дверной коробки, которая имела резьбу в виде косых ромбических насечек. В тавале Большого зала найдены обломок обугленного дерева с резьбой в виде чешуи; фрагменты массивной доски-фриза с плото сохранившимися резными фигурами; обломок с изображением реалистично переданного мифологического гдаца и ресниц; другие обломки с мотивами параллельных линий, выступающих в виде усеченного конуса чешуек и т.п. (Пулатов, 1975, С. 93-96, Рис. 50).

Парадные залы замка Уртакурган были богато украшены живописью и резьбой: деревянными конструкциями (балки перекрытия), двери, деревянные панели). Однако грандиозный пожар уничтожил их почти полностью. В результате воздействия огня погибла роспись на всех стенах. Незначительные следы ее сохранились в северо-западном зале и на стене тавбура (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, С. 27).

Но тот же пожар, обуглив деревянные части здания, сохранил их от гниения. На многих балках и прогонах имеется великолепная резьба. На стыке коридоров в

центре замка в углах были обнаружены отпечатки выжженных частей двух деревянных колонн, частично сделанных в стенах. На некоторых обгоревших балках сохранились глубокие врубки, направленные под углом 60° и именно под таким углом должны смыкаться брусья, образующие так называемый венец перекрытия "рузан". В результате кропотливого изучения месторасположения бал и обуглившись срединных деталей удалось восстановить перекрытие этого типа. Оно представляет собой брусчатую ступенчатую конструкцию, состоящую из нескольких квадратных или восьмиугольных постепенно уменьшающихся венцов, расположенных один над другим и остающихся верхнее отверстие, которое совмещает функции светового и вентиляционного люков. Такая конструкция в свое время была широко распространена на большой территории Азии — от Закавказья до Кореи. Она отмечена в замке Хорезм, Семиречья, а в Таджикистане просуществовала особенно долго и дожила до настоящего времени. В исследованиях по древней архитектуре Средней Азии неоднократно указывалась на вероятность употребления перекрытия типа "рузан", или так называемого касетного потолка, уже в раннее время. Находясь в Уртакургане являются первым точно документированным свидетельством применения данной архитектурной формы в раннесредневековых среднеазиатских зданиях (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, С. 18-21, 42-60. Рис. 14, 15, 26-31) (Табл. 79).

Художественная резьба по дереву в Уртакургане представлена большой серией находок с множеством орнаментальных мотивов. В уртакурганском резном дереве в пределах одной орнаментальной композиции сочетаются характерно трактованные пятилепестковые пальметты и ромбовидные гирлянды на боковой поверхности балок; крупные пятилепестковые розетки в крупных перлах в бордюрных спелках. Но есть и новое: своеобразный орнаментальный мотив на нижней плоскости венцов перекрытия "рузан" и крупных балок в виде стебля с побегом, завершающимся трилистником. Такая трактовка традиционного трилистника впервые была встречена в Уртакургане (Табл. 79, 4, 5). На каждой балке симметрично располагались, по две ветви, идущие от торцов к середине. Одна, видная сторона таких балок украшена сплошным тройным бордюром из поясов вычурных кружков-перлов, пятилепестковых пальметт в ромбовидных нарезках гирлянда. Этот строго последовательно трехлопастный орнаментальный мотив перлов-пальметт гирлянда встречается особенно часто, а в отсутствие многоотросткового побога он выполняется без верхней подосы перлов (Табл. 83, 2, 3, 6, 10), за счет которых украшался пояс пальметт (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, С. 60-60. Рис. 32-35).

В уртакурганской резьбе по дереву большое место занимают бордюры из пятилепестковых пальметт, ромбовидных насечек и пятилепестковых розеток. Они вычурны, как и в Пенджикенте, в технике небольшого круглого рельефа и генетически восходят к кругу орнаментальных сюжетов эллинистического искусства. Примечательно, что идентичный орнамент применялся на резном материале (дерево, глина). Двойной бордюры из подосы пальметт в ромбовидных нарезках (трансформированный мотив гирлянда) украшал и балку деревянно-

го портала над стыком коридоров, и глиняный рельеф тамбурной стенки Малого зала.

Уструйская художественная культура наиболее богато и ярко проявилась в архитектурных формах и планировке выдающегося историко-культурного объекта — дворца аришнов Калаи Кахказа I. Интерьер всех парадных помещений и коридоров был отделан богатейшей настенной многокрасочной живописью светского, багдальского, мифологического и культового содержания, деревянными архитектурными конструкциями, вапно и фризами с мастерски выполненной разнообразной резьбой растительного, геометрического, комбинированного растительно-геометрического орнамента, с рельефными изображениями людей, животных, птиц и насекомых с круглой скульптурой людей и птиц. При раскопках памятника повсюду обнаруживались толстые слои горелого дерева и обожженной глина, стены прокалены докрасна, створела и большей частью рассыпалась штукатурка стен с живописным красочным слоем. Живопись сильно пострадала, но обгоревшее дерево донесло до нас прекрасную резьбу.

Главным сюжетом дворцовой живописи была традиционная для древнеарского искусства борьба сил добра и зла. Это нашло отражение в крупнейших монументальных композициях дворца: в уникальном деревянном резном вапно-тимпане входного проема тронного зала, в живописной многоярусной композиции Малого зала.

Подлинной сокровищницей живописи оказался Малый зал с широкими суфрами вдоль стен и входным проемом в середине восточной стены. В результате реконструкции установлено, что главная композиция стенописи находится на западной стене, где изображен центральный персонаж — огромная, раскошено одетая мужская фигура, восседавшая на зооморфном троне. По обе стороны от него в овалах изображены музыканты, в одном из них — ариштка. Далее тремя ярусами располагаются сюжетные сцены. На северной стороне в нижнем ярусе — сцена пира под балдахном воинов-музыкантов, играющих на арфах и лютике, группа пирующих, замок с выбегающим из него воином. Этот ярус в целом представляет собой сцену отдыха после боя и возмещает победоносном завершении сражения людей, победивших демониические силы. Во втором ярусе — сцена битвы с демонами и царь-полководец на колеснице. Здесь же изображен поверженный демон. Верхний ярус сохранился плохо — до нас дошли фрагменты с остатками сидящих воинов. На восточной стене и нижнем ярусе находились изображения четырехрукой богини, восседающей на льве, и колесничаря-полководца царь-полководца на колеснице. Здесь же находилось изображение трехглавого и четырехрукого божества. Далее — шествие деревьев. В третьем ярусе сцена богиня (в фас) на льве и трехглавый демон с диадемой, украшенной тремя черепами.

Центральный персонаж западной стены зала интерпретирован как образ обожествленного предка царствующей династии, а четырехрукая богиня и трехглавое божество — как супружеская пара главных уструйских божеств.

На восточной стене у северо-восточного угла изображен идущий навстречу четырехрукой богине в широчайших крылатых юнциях колеснице колесничаря-полководца царь-полководец. Он показан вполборота, и

богато расшитом кафтани и мягких доспехах (Табл. 81, 7). Лицо бородастое, с правильными европодвидными чертами; на голове венит с полумесяцем. Правая рука с раскрытой опущенной ладонью полусогнута в докте, левая держит у груди копьё. Двухколесная деревянная колесница покрыта богатой геометрической и растительной резьбой. В выступающем дельном углу се покатым крышам, видимо, резной деревянный полумесяц. Крылатые боги "в яблках" замечательны в положении быстрого бега. Этот же царь-полководец изображен и на северной стене. Он показан также в богатой колеснице, широчайшей лошадей "в яблках", но теперь царь уже не стоит на колеснях с опущенным вниз копьем перед богиней, а сидит, поджав под себя ноги, без копы, с мечом и кинжалом на поясе. У него хорошо сохранилась верхняя часть головы в богатом сложном венце с крупным полумесяцем; на груди ожерелье с медальоном. Полумесяц помещен в центре крышки колесницы. Следовательно, в обоих случаях перед нами образ одного и того же царь-полководца, главного персонажа живописной панорамы. Этот образ был идентифицирован с главным персонажем, изображенным сидящим на троне на западной стене, т. е. с образом династического предка. На восточной же стене рядом с другой четырехрукой богиней в фас — изображение трехглавого демона. Огненно-рыжая густая грива обрамляет, хищное, злобное, оскаленное, полное экспрессии светло-серое лицо. Нос с горбинкой, глаза выпучены, во рту помещен третий глаз. Над лбом и на висках персонажа — три черепа. Фигура полуобнажена, выполнена в полный рост в нестоящем движении танца. Мощное, мускулистое, золотисто-зеленое тело демона перешито лентами с бубенцами. На восточной стене изображен еще один демон с черепом над лбом, на северной — сцены битвы с демонами и поверженный демон, фрагменты демоноподобных воинов. На одном фрагменте воин-демон изображен в оригинальном шлеме-нащечнике, который завершается на плечах равновесными крыльями. Эта сюжетная композиция — единственное воспроизведение такого вида воинских доспехов в среднеарской живописи. Воин-демон написан в профиль, в позе стремительной скачки; у него борода, выступающие изю рта клыки, нос чуть с горбинкой, широко раскрытые глаза. Среди разномастных демонов отчетливо черноволосого демона с человеческой, но непропорционально крупной головой, с маленьким лицом, большими выпуклыми глазами и широким приплюснутым носом. Другой демон также имеет шарообразно искаженную человеческой облик. Есть еще изображение демона с удлиненной нижней челюстью. Фигуры сражающихся демонов и воинов имеются и на фрагментах живописи южной стены. Так, на одном фрагменте воспроизведен рядом в профиль две головы демоноподобных воинов. У одного из них длинное лицо, широко открытые большие глаза, двойная дуга бровей, крупный нос с горбинкой, тонкие длинные усы и выходящие изю рта клыки, на голове шлем с геометрическим узором (Невзман, Соловьевский, 1977, С. 150-154; Невзман, 1984, С. 146-164).

Животный мир в живописи Малого зала представлен изображениями львов, шакалов, грифонов, мей, драконов, лошадей, птиц и золотисто-желтым оперением.

Людиские персонажи многообразны: дважды изображен царь-полководец в богатой одежде, восседающий и

колеснице с впряженным крылатым конем; три скачущих всадника в богатом воином одеянии в плащах, с пиками и мечами на вероном, сером и белом конях; воин-вестерин с характерной "медицинской сумочкой", лекачий олень; группа шестушью воинов, один из них хромотой; сивак; группа смеющихся воинов в шимеистом "трукопожатии"; группа воинов в доспехах и при оружии, сидящих под балдахинном и играющих на музыкальных инструментах – чангах (арфы) и уде (лотин), а рядом группа ширющих воинов; артистки в подлин рост на желтом фоне. Верхняя часть одежд артисток темно-бордового цвета, складчатые ярко-голубые шаровары на бедрах обтянуты узкой лентой ремня. Ноги босые. На плечах и талии легкие различающиеся ленты шарфа, на плечах, шее и груди оokerяются со сложными подвесками, в ушах крупные серьги-кольца с четырехлепестником внутри, на голове венцы с полумесяцем. Сложные браслеты украшают запястья обеих рук. Великолепестно передают руки, перебирающие струны арфы.

Большое место в стенописи дворца занимал богатый ритмический и геометрический узор, составивший основу сюжетных композиций, живописных поясов и подпоясочных фризов, а также рисунок тканей одежды и ковров (Сokolовский, 1974, С. 48–52).

Настенная живопись остальных помещений и коридоров дворца Калан Кяххаха и почти полностью уничтожена разрушительным пожаром. Отдельные ее фрагменты зафиксированы в Большом тронном зале, в его входном культуре и других помещениях. Особенно интересна роспись, открытая на западной стене центрального осевого коридора. Ее композиция состоит из пяти сцен, изображающих сидящего на тахте правителя, женщину с запеленутым ребенком на руках и мужчину, отнимающего ребенка у женщины; реку с плавающим в ней существом; группу наблюдающих за событием; волчицу, кормящую двух младенцев. Последняя сцена точно повторяет официальную эмблему города Рима, изображенную на многочисленных ламптинках римского искусства, на римских монетах, византийских золотых браслетах, сасанидских гемах. Это сюжет о волчице в человеческих младенцах, распространенный через скифо-сарматские племена в Северную Европу, а через атрусов – в раннеантичный Рим, где он был канонизирован в виде легенды о Ромуле, Реме и "капитолийском волчице" (Табл. 81, 10). Уструшанские росписи – первое воспроизведение этого сюжета в живописи Востока (Негматов, Сokolовский, 1975).

На западной стене коридора, слева от входного проема в Малый зал, находилась другая живописная сцена, названная условно "Военный совет". Эта композиция включает изображение трех лиц, сидящих в "восточной позе", со скрещенными поджатыми ногами. В центре композиции сидит воин в длинном кафтани, низко переключенном поясом, на котором подвешены кинжал и меч с серебряными рукоятками. Рукава кафтана полудрагоценны.левой рукой воин держит ножны меча, правая рука полусогнута и поднята вверх. Лицо широкое, округлой формы, чуть скуластое; оно обращено к правой фигуре. Глаза небольшие, впадины, несколько припухшие, дуги бровей высоко подняты. У него тонкие недлинные усы, губы сомкнуты, годовного убора нет, на татядке доков, в мочке правого уха серьга, и на запястье правой руки

браслет. Ноги в сапогах с низкими голенищами, широкими пятками и носками. Мужнина изображен пожелав, но достаточно статным и сильным. Его крепкая фигура, особенно руки, обведена уверенными, четкими линиями синеваряного тона. Подобраться, он почитается и шимеистым следует своего собеседника справа, у которого старические черты лица; слабый взмах полусогнутой приподнятой правой руки. Он изображен в кафтани сывободного покроя, закрывающем фигуру, с длинными рукавами до запястья рук. У него нет пояса и оружия, Голова плотно облегла гладкий убор, линии глаз и бровей подчеркнуты слабо, доб в морщинах, лицо чуть скуластое.

От третьей фигуры (слева) сохраняются лишь, левая нога и часть туловища в кафтани с синеваряном поясе.

Роспись выполнена безусловно талантливым художником, профессионально и с большим мастерством. Замысел художника – изобразить беседу представителей светской и военной знати. В центре внимания живописца одновременно и сам человек, как определенная индивидуальность, и положение человека в обществе. Последнее подчеркивается возрастом и характером одежды, а также наличием оружия (*Негматов*, 1973, С. 190–201, Рис. 14).

Живописный декор дворца Калан Кяххаха I свидетельствует о самостоятельности уструшанской живописи. Авторы шахрестанских росписей имели отличную художественную школу и высокий профессионализм, владели всеми приемами стенописи клеевыми красками. Над живописью трудились несколько мастеров, и каждый имел свою ярко выраженную манеру исполнения (Сokolовский, 1974, С. 52).

Обилие обнаруженных во дворце Калан Кяххаха I росписей, богатство и своеобразие сюжетов, хорошая сохранность красочного слоя позволяют отнести эти находки к числу лучших и значительных в Средней Азии. Живопись дворца Калан Кяххаха I относится к VIII–IX вв. и хронологически продолжает известную серию росписей V–VIII вв. Балалыкене, Варахиш, Пенджикента и Афрасиаба. Все они вместе, иллюстрируя художественную культуру Согды, Уструшаны и Тохаристана, отражают общее состояние и тенденции искусства Средней Азии раннего средневековья. Монументальная живопись дворца Калан Кяххаха I, ее исполнительское мастерство и богатое сюжетное содержание вполне соответствуют уровню материальной культуры Уструшан как одного из высокоразвитых компонентов среднеазиатской раннесредневековой цивилизации (*Негматов*, 1977а, 1979б).

Из завалов помещений дворца извлечено около 2200 фрагментов обугленного при пожаре резного дерева. Деревянные конструкции, пилы и фрезы имеют мастерски выполненную неколлективную резьбу разнообразного растительного, геометрического, комбинаированного растительно-геометрического орнамента, резные рельефы с изображениями людей, животных, птиц, фантастических существ, скомопанованные в целые сюжетные сцены. Есть объемная скульптура людей в птиц. Нитресны не только их художественно-декоративные достоинства, но и их иконография, так как она вводит нас в мир древних образов и традиций.

Среди деревянных конструкций с резным орнаментом отметим: обломки балок с гирляндами; пальметтами, ро-

зетками в крутах, двухъярусной аркадой, завитками стеблей, рисунком "волны", обломки брусьев с волнистым рисунком (Малый зал); потолочные флелки, орнаментированные круглым чашевидным углублением, заполненным десятилепестковой розой с крупносетчатой сердцевинкой; флелки с изображениями всадника на верблюде, птицы-сириня (Большой тронный зал). Стены помещений под потолком заширшились арочным фризом: арки прорисованы гирляндой с пальметтами или перлами, а между ними стебель с бутонem и гибкими листьями. В одном из помещений под западной стеной оказалась доска с изображением львов; пять львов справа и пять львиц слева спокойно шествуют навстречу друг другу, на средней оси композиции их разделит "древо жизни". На досках из других помещений изображены львов, лежащие с подогнутыми ногами и запрокинутой головой. На плече в крупе их вырезаны солидные знаки в виде выхровой розетки (Табл. 83, 11).

Из Большого тронного зала происходит доска с барельефом женской фигуры, стоящей в позе карнатиды или ташищицы: правая рука поднята к голове, а левая лежит на бедре. Черты лица неразличимы, но в ушах видны округлые серьги, голова увенчана трехзубчатой короной, длинное платие на груди и ниже колена драпируется складками. На плече наброшена накидка, на бедрах повязка, юбка из ткани с рисунком "в горошек".

В том же зале найдены фрагменты мужского торса почти в натуральную величину.

Из Большого тронного зала дворца Калан Кахкаха I происходят три больших обломка с вырезанными на них рельефными головками. Первый самый крупный обломок, длиной 58 см, представляет собой часть большой композиции, включающей голову сидящей фигуры, упирающейся в дугу широкой арки. На двух других прямоугольных флелках также вырезаны человеческие головки. Они заключены в ромбические рамки, украшенные перлами между двух гладких полосок. Головки выполнены высоким рельефом. Одна головка с плоским лицом монголоидного типа. У нее миндалевидные глаза с приплюснутым верхним веком, плавные дуги бровей, сросшиеся над переносицей, прямой приплюснутый нос с узкими ноздрями. От крыльев носа к слабо выступающему подбородку опускаются резко выраженные складки. От углов рта поднимаются к вискам параллельные рубки, напоминающие татуировку. Хорошо проработаны небольшие ушные раковины, в мочке левого уха серьга в форме стручка, подбородок и левая щека плотно обтянуты шарфом. Волосы, лежащие на лбу кельшам, распадаются за ушами прямыми прядями. На голове круглая корона, украшенная тремя полукруглыми с многолепестковым пальметтами. Верхний край короны с полоской треугольных зубцов упирается в валик арки. Архивольт арки, видимо, укралась гирлянда. Несомненно, этот фрагмент составлял верхнюю часть сложной композиции, подобной известному пенджаикентскому арочному фризу. Там изображены мифологические сцены с главным персонажем на троне или колеснице.

Вторая, несколько меньшая, головка имеет тонкие черты лица, широкую нижнюю челюсть, маленький четко очерченный подбородок, серповидный разрез глаз, брови, расходящиеся от переносицы двумя широкими дугами, прямой сильно выступающий нос, низкий

иный пухлый рот. Волосы крупными волнами поднимаются к затылку, а нижняя часть зачесана вниз и назад, прикрытая маленькое ухо с круглой серьгой. Головка охвачена ромбической рамкой, украшенной перлами.

Третья головка сильно разрушена. У нее грубый нос, рот с толстыми губами, вышний угол глаза круто поднят к виску, волосы стянуты на лбу лентой или обручем, из-под которых выбиваются слезы густой массой, закрывая уши.

Доски с резными головками, очевидно, являлись деталями деревянного тахта или створок входной двери зала. Они составили своего рода "галерею народов" (подобную даронам на лестницах персолокского дворца) и могли изображать представителей дружественных стран или побежденных врагов.

Над дверью Большого тронного зала помещалось резное панно, состоявшее из трех массивных досок. Гладкое поле панно со скульптурным изображением окаймляет широкая рама из трех поясов. Центром композиции является фантастическое существо с человеческими чертами. К нему с двух сторон скачут две группы всадников по четыре с каждой стороны. У коней развеваются гривы. Всадники с тонкими талиями в платях облегающей складчатой одежде. Две ближние к центру лошади упираются ногами в пояс, а мордами и плечами фантастического персонажа. В верхнем ряду среднего пояса расположены две скульптурные группы. В центре каждой человекоподобное существо, восседающее на двухглавой птице. Его волосы заплетены в длинные косы.

Наружная рама выполнена более тонкой резьбой и делится на три полосы. Две крайние заполняют гирлянды и пальметты. Среднюю занимают смысловые группы с другим кругом. В каждом из них — сцена сражения с участием трех персонажей, двух всадников и одного лежащего раненого или убитого воина. В одном случае вместо лежащего воина изображена крупная извивающаяся змея или дракон. Свободное пространство между кругами занимают мужские фигуры, поддерживающие руками эти круги (*Воронина, Пегантов, 1976*).

Сюжет изображений панно — борьба сил добра и зла, борьба легендарного Феридуна и народного вожака Кона с порабителем Золаком и его воинством. Этот сюжет отмечен и в живописной панораме дворцового зала Бунджиката. Он нашел отражение и в средневековой поэзии, в частности в поэме Фирдоуси "Шахнаме".

Истники Уструшана, воплощенных в изобразительном искусстве Уструшана, в частности образа Золака, нужно искать в древнейших мифологических представлениях народов Средней Азии, Ирана, Индии. Его иконография как трехглавого чудовища восходит к образам централизованного и индийского пангеона. С другой стороны, находки мамонтиков изобразительного искусства в Бунджикате и Пенджикенте подтверждают тесные и непосредственные соразмерно-магнитомагические истоки творчества Фирдоуси.

Итак, в Бунджикате обнаружены четыре серии остатков резного деревянного декора на четырех отдельных памятниках, что говорит о массивности и широком распространении этого вида декора в Уструшане (*Воронина, Пегантов, 1974; Пегантов, 1977б*).

Отсутствие полной аналогии уструшанской живописи и резного декора с изображениями другими подобными па-

мятниками, большое совершенство техники резьбы и живописи, многообразие форм и сюжетов свидетельствуют о наличии самостоятельных уструшанских художественных школ и о глубоко укоренившихся традициях этих отраслей искусства.

Значительное место в архитектурном декоре занимали глиняная лепнина, орнаментированные керамические плитки. Лепным декором украшались стенки тамбуров у входов в залы. В зале нижнего яруса дворца Калаи Кахкаха II стенка тамбура, обращенная к комнате, околонушена рельефной прямоугольной рамкой, ее нижний угол украшен рельефным налепом в форме ступенчатого зубца "кунгра" (Негматов, Хмельницкий, 1966, С. 59, Рис. 32, 33). Тамбурную стенку восточного зала Уртакуртана украшал бордюр глиняной лепнины, состоявший из пятилепестковых пальметт и ромбической гирлянды.

Фасадные стены центрального царского спального доджона были украшены серией обожженных фигурных облицовочных кирпичей разнообразных форм. Они имели форму дисков с крестовидными вырезами на лицевой стороне, зубцов-мерлонов, полурозеток, воллюто-

образных кирпичей-завитков. Фигурные обожженные кирпичи составляли также декоративное убранство восточного парадного фасада центрального общественно-жилого квартала (Негматов, 1981, С. 477). К этой серии относится часть большой облицовочной плитки, найденной у подножия городища Калаи Кахкаха I. На ее лицевой стороне вырезан глубокий геометрический узор типа гирях (Негматов, Хмельницкий, 1966, С. 174, Табл. XVII, 7).

Важной областью художественной культуры являлась ремесленная продукция. Она отражала высокий уровень развития материальной культуры и одновременно духовной культуры ее создателей и потребителей.

В духовной культуре Уструшаны большое место занимали мифологические представления о Добре и Зле, Свете и Тьме, о борьбе этих начал и победе Сил Добра и Света, персонифицированных в известных общеперсидских образах (Негматов, 1977б) человеческих подкидышей, вскормленных животными (Негматов, Соколовский, 1975), а также в образе предка царствующего дома (Негматов, Соколовский, 1977).

Северный Тохаристан

Тохаристан на современной карте соответствует районам Узбекистана и Таджикистана — о хребта и Железных ворот на севере до западной граница примерно пролегает до горному хребту Кугитани; восточная проходит в пределах Кулябской области. Рельеф области определяют горы и долины больших и малых рек, составляющих сеть притоков Амударьи.

Изучение раннесредневековых памятников Северного Тохаристана началось в середине XX в. Необходимо отметить наблюдения, сделанные в районе Термеза и в долине Сурхандарьи И.Т. Пославским и Б.Н. Кастальским (*Кастальский, 1930*), а также сведения по истории ирригации Вахшской долины, собранные в 1915 г. П.Т. Гаевским (*Гаевский, 1924*). В 30–40-е годы создаются большие комплексные экспедиции — Термезская под руководством М.Е. Массона и Таджикская под руководством А.Ю. Якубовского, в ходе которых были открыты раннесредневековые памятники (*Массон М. 1940, 1945; Шапкин, 1940, 1945; Букин, 1940, 1945; Дьяконов, 1950, 1953; Беленицкий, 1950, 1950а, 1950в и др.*). С 1949 г. разведочные и раскопные работы в Сурхандарьинской области вел Л.И. Альбаум, осуществивший в 1953–1955 гг. раскопки Балалыкете (*Альбаум, 1960*), в 1956–1957 гг. — Джумалакете, в 1961–1962 гг. — Зангтеле (*Альбаум, 1963, 1964, 1965; Нильсен, 1966*). С 1959 г. в Сурхандарьинской области проводила большие исследования экспедиция Института искусствознания им. Хамзы Министрства культуры УзССР под руководством Г.А. Пугаченковой, изучавшая и раннесредневековые памятники (*Пугаченкова, 1966; Ртвеладзе, Хакимов, 1973; Ртвеладзе, 1974, 1982*). Особое место в раскопках занимает городище Бударч, отожествленное со ступницей раннесредневекового Чаганиана (*Пугаченкова, 1963; Ртвеладзе, Пугаченкова, 1981; Аршадков, Ртвеладзе, Хакимов, 1982*). Т.Д. Аниев посвятил спе-

циальные исследования раннесредневековым поселениям Северного Тохаристана (*Аниев, 1977, 1978, 1982, 1984*). Раскапывались Куевурган (близ городища Зартепе), Хоснятпеле.

Городище Муңчатпеле в долине р. Кафирниган было первым раннесредневековым памятником, на котором проводились раскопки (*Мандельштам, Певзнер, 1958*). Регулярные исследования памятников V–VIII вв. начались в 1956–1957 гг. с раскопок городища Кафиркала близ Колхозабада (*Литвинский, Гулямова, Зеймаль Т., 1959; Зеймаль Т., 1959*).

С 1959 г., в связи с работами по изучению древней и средневековой ирригации Вахшской долины (*Зеймаль Т., 1961, 1962, 1971*) выявляются и исследуются основные раннесредневековые памятники в этом районе долины. С 1960 по 1975 г. ведутся раскопки буддийского монастыря VII–VIII вв. Аджинателе в 12 км к востоку от Кургантюбе (*Литвинский, Зеймаль Т., 1971; Зеймаль Т., 1980, и др.*). С 1968 г. под руководством Б.А. Литвинского возобновились и регулярно ведутся раскопки городища Кафиркала на окраине Колхозабада (*Литвинский, Соловьев, 1985*, С. 8–10). В 1974–1980 гг. под руководством Б.А. Литвинского проведены большие работы на городище Калав Кафирниганкала (*Литвинский, 1976, 1977, 1979а, б, 1981*). В долине Кафирнигана раннесредневековых памятников исследовано немного (*Седов, 1987*), как и в Гиссарской долине, где были проведены в 1955 г. (*Давидович, 1956*) и в 1958 г. большие разведочные работы, а также раскопки на городище Узбеконтепе в Регарском районе (*Зеймаль Т., 1961*). Материалы раннесредневекового периода (конец IV – V в.) дали верхние слои Яланского городища (*Зеймаль, 1969, 1975*) и Верхнего Бодая, а также поселения Халкаджар (*Зеймаль, 1961; Седов, 1987*, С. 80–84). В 1977–1978 гг. исследовалась крепость Нижний Уртабоз (*Зеймаль, Соловьев, 1983; Зеймаль, 1984*).

Источники

Хотя первое упоминание Тохаристана в источниках относится к 383 г. (*Muller F.W.K., 1918, S. 575*), можно предполагать, что это название возникает много раньше, в связи с появлением на исторической арене по II в. до н.э. племена тохаров, о которых сообщают античные авторы (*Бартальд, 1963*, С. 116; *Tomasek W., 1877*, P. 33). Большую информацию о "стране Тулоло" (известны три варианта написания: T'ou-ho-lo-, Tou-ho-lo- и T'ou-ho-lo-; *Chavannes, 1903*, P. 155) содержит китайские источники: в гл. 97 Бейлиа, составленной в танское время и охватывающей события 386–618 гг.; в гл. 83 Суйшуа, составленной во второй четверти VII в. и охватывающей события 581–618 гг.; в гл. 221 Таншу (*Бичурин, 1950*, Т. II, С. 274, 277–278, 321; *Chavannes, 1903*), а также занесен китайских путешественников-памятников, и в пер-

вую очередь Сюань Цзяна (около 633–645 гг.), его биография (*Брай, 1906*) и описание Тохаристана, составленное прибывавшим здесь в 726 г. другим паломником — Хой Чао (*Fuchs, 1938*; ср. *Статьевский, 1957*). Сообщения китайских путешественников более подробны и более достоверны, особенно в тех случаях, когда они пользуются не распространенными сведениями, а собственными наблюдениями. Сведения же династических хроник (особенно Бейлиа и Суйшуа) основаны на слуховой и нередко ложно постулируемой в III–VI вв. информации о Западном Китае. "Со времени Юаньлай (386–585 гг.) — начинается Ли Яньшань, составитель Бейлиа, — никто не составлял записок; записывали один названия принадлежавших к Северному Диюру, а описывать народные обычаи не могли" (*Бичурин, 1950*, Т. II, С. 243). Взявчен, состо-

Северный Тохаристан

Северный Тохаристан на современной карте соответствует южным районам Узбекистана и Таджикистана — от Гиссарского хребта и Железных ворот на севере до Амударьи; западная граница примерно пролегает по горному хребту Кутитанг; восточная проходила в пределах Кулябской области. Рельеф области определяют горы и долины больших и малых рек, составляющих сеть притоков Амударьи.

Изучение раннесредневековых памятников Северного Тохаристана началось в середине XX в. Необходимо отметить наблюдения, сделанные в районе Термеза и в долине Сурхандарья И.Т. Пославским и Б.Н. Кастальским (*Кастальский*, 1930), а также сведения по истории ирригации Вахшской долины, собранные в 1915 г. П.Г. Гавеским (*Гавеский*, 1924). В 30–40-е годы создаются большие комплексные экспедиции — Термезская под руководством М.Е. Массона и Таджикская под руководством А.Ю. Якубовского, в ходе которых были открыты раннесредневековые памятники (*Массон М.* 1940, 1945; *Шишкин*, 1940, 1945; *Букнич*, 1940, 1945; *Дьяконов*, 1950, 1953; *Беленицкий*, 1950, 1950а, 1950б и др.). С 1949 г. разведочные и раскопные работы в Сурхандарьинской области вел Л.И. Альбаум, осуществивший в 1953–1955 гг. раскопки Балдахтепе (*Альбаум*, 1960), в 1956–1957 гг. — Джумалактепе, в 1961–1962 гг. — Зангтепе (*Альбаум*, 1963, 1964, 1965; *Нильсен*, 1966). С 1959 г. в Сурхандарьинской области проводились большие исследования экспедиция Института искусствоведения им. Хамзы Министерства культуры УзССР под руководством Г.А. Пугаченковой, изучавшая и раннесредневековые памятники (*Пугаченкова*, 1966; *Ртвеладзе*, *Хахимов*, 1973; *Ртвеладзе*, 1974, 1982). Особое место в раскопках занимает городище Бударч, отожествляемое со столицей раннесредневекового Чагатаиана (*Пугаченкова*, 1963; *Ртвеладзе*, *Пугаченкова*, 1981; *Ариновская*, *Ртвеладзе*, *Хахимов*, 1982). Т.Д. Аннаев посвятил спе-

циальные исследования раннесредневековым поселениям Северного Тохаристана (*Аннаев*, 1977, 1978, 1982, 1984). Раскапывались Кувекурган (близ городища Зартепе), Хосаяттепе.

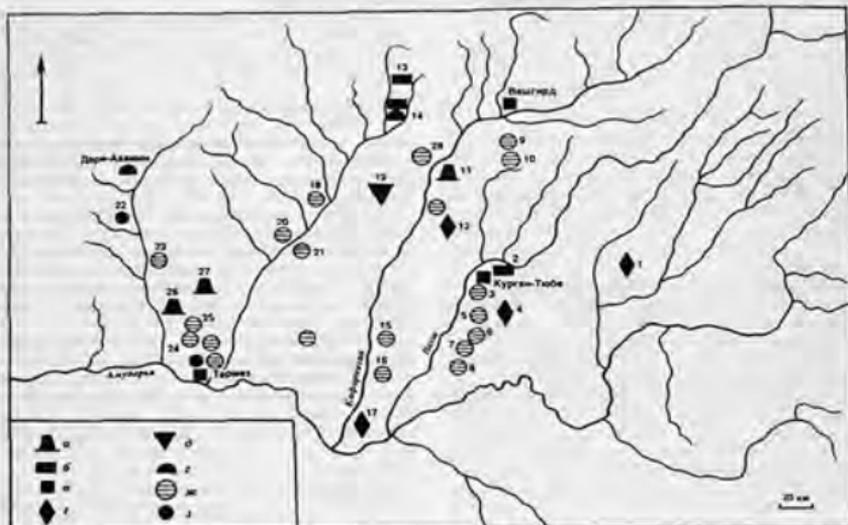
Городище Муничактепе в долине р. Кафирниган было первым раннесредневековым памятником, на котором проводились раскопки (*Мандельштам*, *Пейсер*, 1958). Регулярные исследования памятников V–VIII вв. начались в 1956–1957 гг. с раскопок городища Кафирникала близ Колхозабада (*Литвинский*, *Гулямова*, *Зеймаль Т.*, 1959; *Зеймаль Т.*, 1959).

С 1959 г., в связи с работами по изучению древней и средневековой ирригации Вахшской долины (*Зеймаль Т.*, 1961, 1962, 1971) выявляются и исследуются основные раннесредневековые памятники в этом районе долины. С 1960 по 1975 г. ведутся раскопки буддийского монастыря VII–VIII вв. Алджантепе в 12 км к востоку от Кургантепе (*Литвинский*, *Зеймаль Т.*, 1971; *Зеймаль Т.*, 1980, и др.). С 1968 г. под руководством Б.А. Литвинского возобновились и регулярно ведутся раскопки городища Кафирникала на окраине Колхозабада (*Литвинский*, *Соловьев*, 1985. С. 8–10). В 1974–1980 гг. под руководством Б.А. Литвинского проводились большие работы на городище Калаи Кафирниганкала (*Литвинский*, 1976, 1977, 1979а, б, 1981). В долине Кафирнигана раннесредневековые памятники исследовано немного (*Седов*, 1987), как и в Гиссарской долине, где были проведены в 1955 г. (*Давидович*, 1956) и в 1958 г. большие разведочные работы, а также раскопки на городище Узбекинтепе в Регарском районе (*Зеймаль Т.*, 1961). Материалы раннесредневекового периода (конец IV – V в.) дали верхние слои Яванского городища (*Зеймаль*, 1969, 1975) и Верхнего Болдая, а также поселения Халхаджар (*Зеймаль*, 1961; *Седов*, 1987. С. 80–84). В 1976 г. исследовалась крепость Нижний Уртабоз (*Зеймаль*, *Соловьев*, 1983; *Зеймаль*, 1984).

Источники

Хотя первое упоминание Тохаристана в источниках относится к 383 г. (*Muller F.W.K.*, 1918. С. 575), можно предполагать, что это название возникло много раньше, в связи с появлением на исторической арене во II в. до н.э. племен тохаров, о которых сообщают античные авторы (*Бартольд*, 1963. С. 116; *Tomaschek W.*, 1877. P. 33). Большую информацию о "стране Тухло" (известны три варианта написания: T'ou-ho-lo, Tou-ho-lo и T'ou-hou-lo; *Chavannes*, 1903. P. 155) содержат китайские источники: в гл. 97 *Бейши*, составленной в таянское время и охватывающей события 386–618 гг.; в гл. 83 *Суйшу*, составленной во второй четверти VII в. и охватывающей события 581–618 гг.; в гл. 221 *Таншу* (*Вичурин*, 1950. Т. II. С. 274, 277–278, 321; *Chavannes*, 1903), а также записки китайских путешественников-паломников, и в пер-

вую очередь Сюань Цзяна (около 633–645 гг.), его биографа (*Бвал*, 1906) и описание Тохаристана, составленное добыльавшим здесь в 726 г. другим паломником — Хой Чао (*Fuchs*, 1938; *Р. Стотский*, 1957). Сообщения китайских путешественников более подробны и более достоверны, особенно в тех случаях, когда они пользуются не распространёнными сведениями, а собственными наблюдениями. Сведения же династичных хроник (особенно *Бейши* и *Суйшу*) основаны на случайной и не регулярно поступающей в III–VI вв. информации о Западном крае. "Со времени Юаньцзя (386–555 гг.) — иришается Ли Янцзюань, составитель *Бейши*, — никто не составлял записок; записывали один названия прилегающих к Северному Двору, а описывать народные обычай не могли" (*Вичурин*, 1950. Т. II. С. 243). Войцжен, состав-

Карта 7. Северный Тохаристан

1 – Хитте (буддийский храм); 2 – Боджайте (поселение); 3 – Кургайтобынское городище; 4 – Аажитте; 5–7 – Уртаби; 8 – Кафыркала; 9 – Калам Шодым (город); 10 – Шиншона (город); 11 – Гюсарская крепость; 12 – Калакафаринган (город и буддийский монастырь); 13 – поселение Ширкент; 14 – поселение и могилища Харкун; 15 – Каллыр; 16 – Мувакхте; 17 – Шургурулло (буддийская ступа);

18 – Буарач (городские); 19 – Биттене (оклены); 20 – Чангитте (городские); 21 – Ячинбойте; 22 – Лонлага; 23 – Бабатте; 24 – Кучукте; 25 – Хайрабадте; 26 – Балалыкте; 27 – Зангте; 28 – Бельмакский город; а – ханка и крепости; б – поселение; в – современный город; г – культурные места; д – склеп; е – могилища; ж – средний город; з – малый город

витель Суйшу (умер в 643 г.), жалуется читателю: "При династиях Юаньшэ (386–555 гг.) и Цзинь (265–420 гг.) владения в Западном крае поглощали друг друга так, что невозможно представить их в ясном порядке" (Там же. С. 277).

В арабо-персидской исторической и географической традиции название "Тохаристан" зафиксировано в узком значении (область от Амударьи на севере и до предгорий Гиндукуша на юге, между Балхом и Бадахшаном, – Первый, или Нижний, Тохаристан) и в широком (области по обоим берегам Амударьи, тяготеющие к Балху), что полностью совпадает с границами "страны Тухоло" у китайского автора (Бартольд, 1963. С. 116, 118; 1971. С. 47 и сл.).

Кратковременная сасанидская оккупация сравнительно узкой полосы в правобережье Амударьи (включая Термез) во второй половине IV – начале V в. устанавливается главным образом по нумизматическим данным. В 40–60-е годы V в. идет напряженная борьба между Сасанидами, кидаритами и эфталтами за господство в Кушаншахре (бывших владений кушанских царей), видимо, как к югу от Амударьи, где находился основной театр военных действий, так и к северу от нее (Маршак, 1971). С последней четверти V в. в Тохаристане устанавли-

вается господство эфталтов. Их обширное и могущественное государство просуществовало до 60–80-х годов VI в. Но Тохаристан они контролировали до конца 80-х – начала 90-х годов VI в. В 90-е годы VI в. и в первой четверти VII в. власть в Тохаристане постепенно переходит к тюркским правителям. При кагане Туншуху (618–630 гг.) Тохаристаном с титулом джабгуя-ябгу правит его сын Тарду-шаду. Уже к 30-м годам VII в. тюркские правители стоят и во главе некоторых удельных владений этой области (Beal, 1906. Vol. I, P. 39–40).

Подробные сведения об исторической географии Северного Тохаристана и о владениях, входивших в его состав, имеются лишь со второй четверти VII в.

Большинство владений, которые упоминаются для территории Северного Тохаристана в китайских и арабо-персидских источниках, надлежно соотносены с реальной географией, но отождествлять города в этих владениях с конкретными археологическими памятниками удастся не всегда.

Страна Тами, которая простирается на "600 ли с востока на запад и на 400 ли или около этого с севера на юг", соответствует Термезу, его округе и долине Сурхандарьи в нижнем ее течении. Столичный город (около 20 ли в окружности, вытянут с востока на запад, ско-

рее всего, городище Старого Термеза (или какая-то его часть), а десять буддийских монастырей-сангхарам, о которых упоминает Сюань Цзян, – это, видимо, Каратепе, где теперь выявлено строительство в VI или в начале VII в. некоторых лепешных и глиняных монастырей кушанского времени (в конце IV или в начале V в. они пришли в запустение и использовались как место для захоронений).

Владение Чююйяна (Чаганяна арабо-персидских авторов) занимало среднее и верхнее течение Сурхандарьи, а его столицу отождествляют с городищем Буарач, расположенным в 6 км от Денду (*Пугаченков*, 1963, С. 49 и сл.).

К востоку от Чаганяна (в западной части Гиссарской долины) находилось владение Холумо, имеющее протяженность "около 100 ли с востока на запад и 300 ли с севера на юг" и соответствующее Ахаруну арабо-персидских авторов. Если принять отождествление столицы Холумо-Ахаруна с городищем Узбеконтепе, которое расположено в 3 км от Пахтабада в Регарском районе, неподалеку от слияния Каратгадары и Ширкентгадары, и имеет мощный раннесредневековый слой, то столица лежащего к востоку от Ахаруна владения Шумань-Шума должна соответствовать или Гиссарской крепости (что более вероятно), или Душабинскому городищу (*Зеймаль Е.*, 1961, С. 135–136).

Далее у Сюань Цзяня перечислены владения Чююйхэяня-Кобадиян. Одно из них расположено к юго-западу

от Шумана, в долине нижнего течения р. Кафирниган; другое – Уша-Вахи, к востоку от Чююйхэяня, т.е. в левобережье Вахшской долины, к югу от Каджиншабада. Его столица, имевшая в окружности 16 ли; видимо, соответствует городищу Кафиркала на окраине г. Коаллобада (*Зеймаль*, 1969, С. 10–11; *Литвинский, Соловьев*, 1985, С. 120).

Владение Кэдола-Хутталъ, расположенное далее на восток до гор Сузлин – Памир, одно из самых крупных в Северном Тохаристане ("примерно 1000 ли с востока на запад и столько же с севера на юг"), полностью или частично включает на современной карте Кулябскую область, а владение Чююймито-Кумед ("2000 ли с востока на запад и примерно 200 ли с севера на юг") располагалось где-то в области Каратепина, Дарваза и Ванча (*Гафуров*, 1972, С. 227). Кроме этих восьми владений из 27, входивших в состав всего Тохаристана, возможно, с Северным Тохаристаном частично было связано и владение Один-Хулым (Архен средневековых авторов), располагавшееся к северу и к югу от п. Пяндж. Владение Полхо-Паркар помещали к югу от Пянджа, в районе Кочук (*Брал*, 1906, Vol. I, P. 42), и к северу, в низовьях р. Кызыле (*Беленицкий*, 1950а, С. 110; *Гафуров*, 1972, С. 227). Владения Шинин-Шугнан, Бодоуанья-Бадахшан и Дамоситдан-Ванх располагались на территории Памира. К югу от Амударьи в Пянджа располагались владения Бохо-Балх, Фотзян-Баган и др.

Ирригационные системы и их динамика

Природные условия Северного Тохаристана благоприятны для всех видов скотоводства и для богарного и поливного земледелия. Остатки ирригационных сооружений археологически прослеживаются практически во всех владениях-уделах Северного Тохаристана.

Необходимо отметить, что к раннесредневековому периоду произошло заметное сокращение орошаемых площадей по сравнению с кушанским периодом. Перегают функционировать ирригационные сооружения в долинах правых притоков Сурхандарьи, в Яванской долине перестает использоваться часть каналов в Кобадияне, значительно сокращается площадь обводненных земель в Гиссарской долине. Но, несмотря на суммарное уменьшение доли ирригационной сети, в VI–VIII вв. сооружаются новые каналы; в том числе и большой протяженности. Возникает предположение, что в раннесредневековом Северном Тохаристане изменяется соотношение между двумя основными видами хозяйственной деятельности – земледелием и скотоводством. Правда, археологические материалы позволяют нам с умеренностью наблюдать только одну сторону этого процесса – сокращение ирригационной сети, но, возможно, расширение площадей под ластинца (за счет ранее орошаемых полей) связано с появлением здесь, впервые в Афганистане, затем тюрков.

В Северном Тохаристане существовали разные типы ирригационных систем: от каналов небольшой протяженности и веерных систем, выведенных из небольших горных рек, до крупных магистральных каналов, длиной до 100 км и более, с разветвленной сетью отводных (канал Кафир в Вахшской долине, канал Занг в право-

бережье Сурхандарьи и др.). Большинство ирригационных систем, действовавших здесь на протяжении раннего средневековья, уже существовали к V–VI вв.

В западной части Северного Тохаристана, между горами Кутитанг на западе и массивом Бабаган на востоке, существовало несколько ирригационных систем, для изучения которых много сделал Б.Н. Кастальский, Д.Д. Букнич, Л.И. Альбаум (*Кастальский*, 1930; *Букнич*, 1940, 1945; *Альбаум*, 1955, 1965). Наиболее крупная система – магистральный канал Занг с отходящими от него большими отводными ветвями, который, как долагает Л.И. Альбаум (*Альбаум*, 1965, С. 88), был построен в последние века до н.э., но функционировал и на протяжении V–VIII вв. (Там же, С. 135–136). Шерабадская ирригационная система, существовавшая уже в эпоху поздней бронзы, состояла из серии каналов, выведенных непосредственно из Шерабадарьи, и имела сравнительно небольшую протяженность. Продолжал действовать и древний канал, выведенный из Сурхандарьи примерно в 10 км от Термеза (*Букнич*, 1945, С. 191–194) или в районе Джаркургана (*Кастальский*, 1930, С. 16). В среднем течении Сурхандарьи, в треугольнике между Сурхандарьей, Санггардадарьей и Тентиксаем, Г.Д. Аниев выделяет среднесурхандарьинский ирригационный район, где расположены такие крупные города, как Буарач и Дальверзинтепе. Остатки каналов и их трассы остаются здесь несомненно (*Аниев*, 1994, С. 4). Ирригационные сооружения существовали по рекам Туаландарьи, Обидарян и в левобережье нижнего течения Сурхандарьи (*Альбаум*, 1962; *Ринелдте*, 1976, С. 93–100).

В Гиссарской долине орошенной в раннесредневековый период оставалась самая западная ее часть, правобережье Каратагдары, где в качестве магистрального канала использовалась р. Ширкентария (не исключено, что ее русло в долинной части — это трасса древнего канала, прервавшаяся в реку почти за две тысячи лет функционирования), проходящая в самой северной части долины в направлении восток-запад и подводившая воду к городищу (Узбекотепе и его окресте с помощью нескольких отводков (Балагадары, Маялыносай и др.) (Зеймаль, 1961. С. 127). Об остальных ирригационных системах Гиссарской долины в V–VIII вв. можно судить только по расположению там раннесредневековых городищ и поселений. В междуречье Каратагдары и Ханакдары их нет, в левобережье Ханакдары они немногочисленны, а в долине Варзобдары (Дюшамбаикс) сосредоточены главным образом в южной части, в районе ее слияния с Кафиринганом. В предгорьях Гиссарской долины раннесредневековых памятников больше, чем в собственно долине.

В среднем течении р. Кафиринган даже значительные городища (Гиссарская крепость, городище Кафиринганкала), видимо, получали воду с помощью сравнительно небольших по протяженности каналов, выведенных непосредственно из реки. В Кобдаиане (долина нижнего течения р. Кафиринган) несомненные остатки раннесредневековой ирригационной системы сохранились в правобережье, а в левобережье, вероятно, продолжал действовать, хотя и не в полную мощность, магистральный канал Нахри Канон.

Более подробно исследованы раннесредневековые каналы Вахшской долины (Зеймаль Т., 1969, 1971). В северной и западной частях долины (до городища Лагман-Золи Зари близ Узун) продолжал функционировать сооруженный в древности магистральный канал Джудбар с отводами (Каунтепский, Заргарский, Таштепский и др.), первоначально подводивший воду и к окрестностям городища Кафиркала в Колхозабаде. Затем, видимо в VII в., в восточной части левобережной долины Вахш, вдоль подножия Акгазиского плато, был продолжен большой магистральный канал Кафир, головной участок которого находился в 2,5 км ниже по течению от Калининбада (валы высотой до 3 м, расстояние меж-

ду их гребнями 6–7,5 м). По трассе канала Кафир было расположено несколько групп поселений. Центром самой северной из них, примерно в 7 км вниз от начала канала, было городище Чоргультепе, а всего в этой группе не менее пятнадцати поселений и усадеб. В эту группу входил и буддийский монастырь Аджантепте. Следующая группа поселений вниз по трассе Кафира располагалась близ современного поселка Октябрьск; центральное место в ней занимало большое и высокое тепе с крутыми склонами (остатки замка), а вокруг него вперемешку на разных расстояниях, разбросаны укрепления и неукрепленные усадьбы, отдельные дома (всего около 20 тепе). На участке канала Кафир между Акгазиским плато и Кызылтумшукской горловиной находилась третья группа поселений, наиболее крупными памятниками в которой были городище Кафиртепе (около 9 га) и неукрепленное поселение Кухнашах (около 10 га) с расположенным на нем замком. Далее трасса канала Кафир поворачивала (за северной оконечностью гор Кызыл-Тумшук) на юг и разделялась на несколько отставлений, одно из которых подходило к городищу Кафиркала — столице владения Уша-Вахш. Видно, с сооружением канала Кафир это городище перестало получать воду из Джудбарской системы. Трасса магистрального канала Кафир была прослежена на протяжении около 100 км, но его реальная протяженность в VII–VIII вв. была еще больше (Гаенский, 1924. С. 28).

Сложная и разветвленная ирригационная система функционировала в VI–VIII вв. в Сарайкомарской котловине. Здесь несколько веток в направлении с востока на запад пересекали долину (ее протяженность более 40 км), а наиболее крупный памятник, к которому подводила воду эта система, — городище Файзабадкала находилось в западной оконечности котловины.

Ирригационные сооружения раннесредневекового периода в низовьях р. Кызыл (Пархар) и в других долинах Кулабской области (владение Хуттал) исследованы лишь реконструктивно. В долине р. Кызыл действовал сооруженный еще в кушанскую эпоху канал Зуль, частично совпадающий с действующим здесь и сегодня магистральным каналом. Вдоль его трассы расположены поселения и городища, имеющие судя по подъемному материалу, раннесредневековые слои.

Городища и поселения

Общее число раннесредневековых поселений разных размеров, зарегистрированных в Северном Тохаристане, превышает 250, включая и памятники, на которых ввиду с раннесредневековыми есть более ранние (или) более поздние слои. Если принимать во внимание не только формально-типологические, но и функциональные признаки, можно выделить семь основных групп северотохаристанских археологических памятников (Ринюладзе, 1977. С. 90–91; 1982. С. 104–106).

Первая группа. Города — крупные поселения, обнесенные оборонительными стенами и имеющие укрепленную штабеля, жилую квартальную застройку и ремесленное производство. Это в первую очередь столицы владений-уделов: городище Старого Термея — Будрач, площадь внутри стен 50–60 га (Табл. 84, 1) (Пундикова,

1963. С. 49 и сл.); Узбекотепе (длина около 500 м, ширина от 200 до 250 м) — предполагаемая столица владения Ахарув (Зеймаль, 1961. С. 135–136); Гиссарская крепость и Душанбинское городище — “президенты” на отождавление со столицей владения Шуман; городище Кафиркала (Табл. 87, 1, 2) на окраине г. Колхозабада (360 × 360 м) — столица владения Вахш (Зеймаль, 1969. С. 10; Литвинский, Саломов, 1985. С. 120). Городище Кафиринганкала в среднем течении р. Кафиринган и другие городища следует рассматривать как остатки административных центров более низкого ранга. Всего в Северном Тохаристане выявлено более 30 таких городов, в непосредственной близости от которых на площади в несколько квадратных километров располагались, как правило, предместья (или пригороды), фиксируемые как

скопление больших и малых тепе, например находившиеся вокруг городища Бударач памятники — Каракегете (40 × 30 м), Кулите (50 × 50 м), Чаганиакте (90 × 80 м) и целый ряд безымянных тепе (*Ртвеладзе*, 1982, С. 104). Они тяготеют к округе города, что связано с возможностью укрыться за его стенами в случае военной опасности: но это не торгово-ремесленные предместья, из которых в дальнейшем могли бы вырасти рабады (*Литвинский, Соловьев*, 1985, С. 122–123).

Вторая группа. Крепости, обнесенные оборонительными стенами (с цитаделью или без нее), предназначенные в первую очередь для небольшого гарнизона и, как правило, не имеющие обычной жилой застройки. Расположение таких крепостей связано с ключевыми в стратегическом отношении пунктами, например крепость Нижней Уртабо контролировала и южные ответвления каналов Джуббарской системы, и важную для магистрального канала Кафыр Кызылтмушскую горловину. Другой пример — крепость Утенкала (200 × 200 м) близ Джамбука.

Третья группа. Замки — хорошо укрепленные отдельно стоящие здания (как правило, на высоком столбчателлформе) с парадными, жилыми и хозяйственными помещениями, иногда с укрепленным дворцом; их размеры от 80 × 80 до 20 × 20 м. И функционально и конструктивно такой замок очень близок к цитадели, видимо (как и в Согде), генетически предшествует ей. Отдельно стоящие замки (Табл. 87, 5, 6) лучше исследованы в долине Сурхандарья (*Альбаум, 1960; Нильсен, 1966*, С. 140–163; *Аннаев, 1984*, С. 5–6): Джумаакте (30 × 30 м), Балаакте (30 × 30 м), Заигте (60 × 60 м), Куенкурган (18 × 20 м). Остатки более крупных замков отмечены в Чаганиапе Э.В. Ртвеладзе (*Ртвеладзе*, 1982, С. 105): Буабуакте (80 × 80 м), Сары-Мазар (45 × 45 м) и Коаитте (72 × 72 м). В Южном Таджикистане замки встречаются реже и не расквашены полностью: Заргарте (70 × 70 м), безымянное тепе в Октябрьске (110 × 90 м), Шортене (70 × 70 м).

Четвертая группа. Укрепленные усадьбы — система жилых и хозяйственных помещений (иногда с дворцом), защищенных оборонительными сооружениями (*Ртвеладзе*, 1982, С. 105). В Вахшской долине — Танте-

пе (48 × 45 м) и Каунтете (150 × 150 м с дворцом), в долине Сурхандарья — Иргитте (100 × 60 м).

Пятая группа. Неукрепленные поселения — жилые и хозяйственные постройки, сконцентрированные на одной площадке, но без упорядоченной планировки и четких границ в рельефе. Иногда занятая ими площадь достигает значительных размеров (до 10 га), в некоторых случаях такие поселения возникают в непосредственной близости от замков или укрепленных усадеб (например, Кузо-Шахр на трассе канала Кафыр).

Шестая группа. Неукрепленные усадьбы — отдельно стоящие здания, как правило, в непосредственной близости от укрепленного города или замка, например усадьба К6 близ Чоргульте (55 × 55 м) и усадьба К7 (50 × 30 м).

Седьмая группа. Здания особого назначения. Их планировка и размеры имеют индивидуальный характер. К ним прежде всего относятся различного рода культовые постройки. Так, буддийский монастырь Аджиате представляет собой сложный комплекс сооружений общей площадью 100 × 50 м, со святилищами и сводчатыми коридорами, залами и купольными кельями (Табл. 87, 4). Другой пример — холм Чор-Дингак в Чаганиапе — монолитное сооружение (диаметр холма около 15 м, высота 11,5 м), напоминающее буддийские ступы (*Ртвеладзе*, 1982, С. 106).

Индивидуальный облик имеют и светские здания особого (или несвязанного) назначения. Таково здание "Курган" на городище Старого Термеза — с осевым коридором, по сторонам которого расположены однотипные помещения (по пять с каждой стороны). Возведенное не ранее VI в., здание имело оборонительное назначение и являлось казармой, а с конца VIII–IX вв., видимо, использовалось как стратегически важный дом при мечети Чор-Сутун. Чоргульте II на берегу Тентекса (Сурхандарьинская область) и здание у городища Бабатене в Шерабадском районе, по предположению Э.В. Ртвеладзе, являлись караван-сараями или работами (*Ртвеладзе*, 1982, С. 105; *Ариавская* в др., 1982, С. 53).

Приведенная классификация не охватывает всего многообразия памятников и применима в первую очередь к сооружениям, облик которых не искажен более поздними перестройками и наслоениями.

Фортификация

Остатки оборонительных сооружений городов, крепостей и замков Северного Тохаристана исследованы на многих памятниках — Кафыркала близ Кокхозабада (*Литвинский, Соловьев*, 1985, С. 88–95); Нижней Уртабо (*Зеймаль, 1984*); Заигте (*Альбаум, 1965*) и др., но, как правило, не выявляют полную картину фортификации каждого из них, позволяя судить лишь об отдельных элементах и приемах. Оборонительные стены толщиной от 3 до 5 м из валов с применением сырцового кирпича возводились на известном фундаменте, реже на угловатом грунте. Бойницы (стрельничные или предназначенные для навесного боя) в VI–VII вв. еще делались сквозными (хотя, видимо, не всегда являлись боевыми), во второй половине VII — первой половине VIII в. они становятся ложными. Осевные оборонительные значения в VII–VIII вв. приобретают бойницы, устроенные в брус-

вере. Обычно они не фиксируются археологически, так как верхние части стен, как правило, не сохраняются.

Башни в раннесредневековом Северном Тохаристане прямоугольные, помещения внутри угловых башен к VII–VIII вв. уже имеют не боевое, а вспомогательное значение (например, для палубного подъема на боевую площадку), а промежуточные башни становятся монолитными, без помещений внутри. Галереи вдоль стен, как и бойницы в стенах, перестают быть боевыми и превращаются в обходные коридоры, а иногда в складские и хозяйственные помещения. Арочные ниши в стенах (Кафыркала и др.), некогда служившие для понишения маневренности приезда стрелков, сохранились как "рудаменты".

Ремонтно-строительные работы на оборонительных сооружениях VII в., выявляемые раковками, часто свя-

ины с кладкой бойниц или превращением их в дощечные, а также с утолщением оборонительных стен; к основной стене приставались дополнительные кладки, закрывавшие бойницы в основной стене, что было вызвано стремлением увеличить толщину оборонительных стен. Вероятнее всего, эти противотаранные мероприятия были вызваны применением арабами стенобойных устройств — манджаник (*Безъинский, Маршак, 1978*).

Строительная техника и архитектура

Широкий круг раннесредневековых памятников, детально исследованных в Северном Тохаристане (Аджикенте, Кафиркале, Кафирнигакала и др.), свидетельствует о существовании в VI–VIII вв. северотохаристанской школы зодчества (*Литвинский, Зеймаль, 1971, С. 56; Литвинский, Соловьев, 1985, С. 49–88, 130–134*) со своими планировочными и архитектурно-декоративными принципами, для осуществления которых применялись богатый арсенал конструктивных решений и приемов (арки клинчатые и выложенные из кирпичей, расположенных плашмя к архивольту; перспективно-арочные тропы; своды клинчатые и выложенные наклонными отрезками, перекрывающие пролеты до 3,5 м, с использованием как прямоугольного кирпича, так и трапециевидного; сооружение пазушно-разрубочных сводков;

Важную роль в системе оборонительных сооружений играли рвы, окружающие весь город (Кафиркале) или только цитадель (Узбеконтепе, Кафирнигакала и др.). Глухой (около 5 м) и широкий (около 50 м) ров вокруг городища Кафиркале являлся труднопреодолимой преградой для нападающих. Существовали и протейхизмы (Кафиркале), но они имели, скорее всего, протиположное назначение, так как стали исфректными с появлением таранных орудий. В VIII в. они окончательно утратили свою роль.

разные типы сложных купольных перекрытий и т.д.). Специфические отличия архитектуры Северного Тохаристана от архитектуры Согды и других областей Средней Азии отчасти, видимо, объясняются влиянием здесь традиций буддийского зодчества (*Литвинский, Зеймаль Т., 1971, С. 43–45*), оказавшего впоследствии несомненное влияние и на мусульманскую архитектуру. Еще В.В. Бартольд писал о генетической зависимости планировки мусульманского медресе от буддийского монастыря и указывал, что, вероятно, "родной медресе были местности по обе стороны Амударьи" (*Бартольд, 1964, С. 30*). Возможно, тохаристанские буддийские купольные святилища "участвовали" в сложении среднеазиатского центрального мавзолея (*Литвинский, Соловьев, 1985, С. 132–134*).

Оружие

Практически из всех раннесредневековых памятников Северного Тохаристана широко представлены наконечники стрел из железа, повторяющиеся в целом набор, характерный и для остальных среднеазиатских областей в VII–VIII вв. (*Литвинский, Соловьев, 1985, С. 101–103*): трехлопастные наконечники с треугольным и ромбическим контуром головки (Табл. 89, 19–24), трехгранно-пирамидальные и бипирамидальные, четырехгранно-пирамидальные, конусовидные, овальные черешковые наконечники с повышенной

пробивной способностью (Табл. 89, 18); двух- и трехлопастные вильчатые наконечники, видимо применявшиеся при охоте (Табл. 89, 13, 17, 25). Несколько железных трехлопастных черешковых наконечников дротников были найдены в слое середины VIII в. в Аджикенте (Табл. 89, 11, 14). Известны и наконечники колп (Табл. 86, 15). Парадным оружием знати были кинжалы (Табл. 89, 9), известные по изображениям в живописи (*Литвинский, Зеймаль Т., 1971, С. 166–167; Зеймаль Т., 1985, С. 165, 171, 187*).

Орудия труда

Археологические находки дают представление о наборе орудий труда и инструментов, использовавшихся в раннесредневековом Северном Тохаристане: ножи однолезвийные, с выгнутым или прямым лезвием, сажакивавшиеся на ручку с помощью черешка (Табл. 89, 7, 8); ножины разных размеров (Табл. 89, 12); долотообразный инструмент (клиновидный ступчатый, с шириной лезвия 4 см); гвозди, круглые в сечении, со шляпкой (от 3 до

12 см); скобы в виде двух параллельных пластинок, скрепленных штырями (Табл. 89, 4).

К концу VII в. относятся найденные на Аджикенте молоты (треугольной конфигурации, со штырем для крепления рукояти, рабочая плоскость слегка изогнута, размер 25 × 12 см), наконечник лемеха (Табл. 89, 1–3) и скоба-обойма (плоская железная пластина с загнутыми по длинной стороне краями, сокращающаяся длина 16 см, ширина 6 см).

Керамика

Отрасль стратиграфические наблюдения, керамику можно подразделить на несколько хронологических групп.

Первая группа — от второй половины IV — первой половины V в. (слой Яван I, горизонты 2, 3; поселение Актепе и Кобадлан; верхний Бодай; верхний слой на городище Зартепе; верхний слой на цитадели Шахруцану-

ского городища и др.). *Вторая группа* — конец V — середина VI в. Куевкурган, средний слой Безъинского городища; верхний слой на цитадели Зартепе, замок Амир-Бобо III и др.). *Третья группа* — вторая половина VI — первая половина VII в. (Хоснеттепе, Хайрабадтепе, закрытый комплекс в крепости Нижней Уртабо — замуро-

данная кладовая и часть коридора, слой КФ II на городище Кафрыала и др.). Четвертая группа – вторая половина VII – середина VIII в. (Аджатепе – основной слой, слой КФ I на городище Кафрыала; Нижний Уртабоз и слой I-Б; замок Амирбоб – I-Б; Кулагалытепе и др.).

Керамика второй половины IV – первой половины V в. (так называемый кушано-сасанидский комплекс (Зеймаль Т., Седов, 1979), или “комплекс артемиевского типа” (Археология СССР, 1985, С. 256)) типологически непосредственно продолжает традиции керамического производства кушанского времени, не только сохраняя извешто форму и высокое качество отделки, но и различия их. Именно в это время появляются новые способы отделки поверхности сосудов: узорчатое дощение по ангобу, резьба, штампы, налепы. На обширной территории выявляется поразительное единство в репертуаре форм и декоративных приемах. Особенно это проявляется в парадной столовой посуде, усиливается воздействие на керамику металлической посуды. Появляются ранее неизвестные типы посуды, явно подражающие металлическим изделиям: одноручные кувшинки, ойнхоосвидные сосуды, мелкие кувшинчики с ручками и типа бутылочек, кубки-чаши с ручками и без них. Для керамики приамударынского района характерен плотный темно-красный, иногда более светлый или желтоватого оттенка ангоб. Локальные различия проявляются в оттенках ангоба, в предпочтении каким-то определенным модификациям форм, определенным видам налепов-оборотов или узором дощениа. Но эти различия не нарушают общего единства стиля, свидетельствующего о высоком уровне ремесленного производства и явной технологической общности керамического производства по всему Северному Тухаристану.

Нет оснований связывать трудности в определении верхней хронологической границы керамических комплексов, относящихся к первому этапу, с нерешенностью проблемы абсолютных дат кушанской хронологии (Археология СССР, 1985, С. 256–257), так как основные датирующие материалы – монеты сасанидских кушаншахов, подражания монетам кушанских царей, штампы на керамике с изображением сасанидского кушаншаха Хормизда не имеют непосредственного отношения к “дате Капшики” (Зеймаль Т., 1975, С. 269; Зеймаль Т., Седов, 1985, С. 139, и др.). Верхнюю дату первого этапа в пределах V в. подтверждают материалы верхнего слоя городища Зартепе (Завьялов, 1979, С. 153, 1984) и уточненная датировка периода залужения на Каратепе и Фаязтепе. Захоронения в развалинах зданий и заброшенных пещерх сохранились в конце IV и по крайней мере в начале V в. Об этом свидетельствуют находки в потребках серебряных подражаний дракмам Перота и медных монет термекского чекана эфталтского времени.

Горизонты 2, 3 в слое Яван I относятся к последним десятилетиям IV и первым десятилетиям V в. Керамические сосуды горизонта I (уровень свалки): лезные корчаги с двумя, тремя и четырьмя ручками; хумчи; котлы с шаровидным туловом – с четки выраженным горлом и без него; горшки с горизонтально отогнутым краем и двумя ручками; глубокие миски с округлыми стенками; сосуды боначного типа с ручками и без них; лезные крышки и мелкие сосуды; лезные свистлянки-чашечки – должны относиться к середине V или второй половине V в. (Табл. 94, 40–60).

По сравнению с предшествующим периодом в керамике конца V – середины VI в. заметно возрастает количество лезных осудов (Алиева, 1984, С. 14); и меняется ассортимент форм: исчезают двуручные кувшинки и малые кувшинки; ойнхоосвидные кувшинки становятся более призматичными и менее изящными; становится трубее и тагора с ручками, исчезает штампы как элемент декора; чаши с перегибом сохраняются, но их внутренняя поверхность и край снаружи украшают полосы дощениа – пестла, “букеты”, зигзаги; появляются кружки с вертикальным горлом и с однарчными или двоиными петляцидными ручками – форма, явно пришедшая из северозападных районов (Табл. 94, 17).

Во второй половине VI – начале VII в. в керамике еще ощутимо наследие кушанских традиций; и изготовляются полусферические чаши с желобками по внешней стороне края, сохраняются чаши с перегибом стенок, но уже без фигурного полосчатого дощениа (Табл. 94, 20, 23–25); продолжают существовать кувшинки с отогнутым носиком, становятся более крупногабаритными кувшинки со сливом; исчезает тагора с ориентированным отогнутым краем. В кухонной посуде появляются горшки с вытнутым туловом и ручками, круглодонные лезные миски. С лезными котлами (шаровидное тулово, вертикальное низкое горло) сосуществуют шаровидные котлы, изготовленные на круге; и у тех и у других на плечиках – ручки-подковы, иногда плетеные (Табл. 94, 21, 29). Менее многообразны профили венчиков кумов и корчаг: преобладают подквадратные, округлые в сечении профили отогнутых утолщенных закраев (с наружной стороны часто с вдавленными от пальцев). Взаимо, только в начале VII в. появляются высокие свистлянки-чаши на полых (с рельефными валиками у основания) конической подставке, сосуществование со свистлянками на конической ножке, украшенной прорезным орнаментом в виде стрелы (Табл. 94, 11, 53, 54).

В керамике второй половины VII – первой половины VIII в. типологические связи с керамикой кушано-сасанидского времени окончательно утрачиваются. Со второй половины VII в. получает распространение так называемый начальный ангоб. Он наносился после обжига и был непрочным, легко осыпался. Им покрывались миски на сплюснном или кольцевом поддоне с перегибом у края и небольшие узкогорлые кувшинчики, относящиеся к наиболее распространенным формам столовой посуды этого времени. К столовой посуде следует отнести также ойнхоосвидные кувшинки (Табл. 94, 37) и кувшинки с грушевидным туловом, узким горлом и удлиненным носиком-сливом (Табл. 94, 29, 30). Это явное подражание металлическим сосудам. Водосенные одноручные кувшинки, плоская ручка которых изогнута под прямым углом, сходны с согдийскими (Табл. 94, 10). Встречаются и крупногабаритные экземпляры более тщательной выделки, со сложным резным узором на плечиках. Кружек становится больше. Наряду с прежней формой, с коротким вертикальным горлом, округлым туловом и петляцидной ручкой, появляется форма с цилиндрико-коническим туловом. Среди кухонной посуды преобладают плоскостонные горшки небольших размеров, с округлым или чуть выгнутым туловом, с лезно отогнутым наружу верхним краем (с защитными или выгнутыми) и с мелкими ручками-выступами или гребенчатыми нале-

пами на плечиках. К горшкам близка по форме и качеству изготовления котлы, но они больших размеров, с округлым дном и ручками-скобками. Из такого же грубого теста сформованы миски-тагора с чуть округлыми стенками, одноручные кувшины, сосуды-кумча с двумя ручками, сковороды-жаровни. У всех хумов низкое горло с крутым переходом к плечикам: дно, как правило, плоское, устойчивое.

Хумки меньших размеров повторяют форму хумов. К тарной посуде относятся и корчаги — широкогорлые, с ручками и без них. Светильники стандартной формы и размеров встречаются в большом количестве на буддийских памятниках у статуи, в светильниках, кельях. Они имеют вид неглубокой чашечки с плоским дном, за-

гнутыми внутрь краями и носком для фитиля тшательной выделки. Такие же светильники, но порозце, служили для бытовых целей наряду со светильниками на высокой ноге конической ножке (Табл. 94, 2, 5, 19). Аналогичным всем этим формам можно найти в Согде, Фергане и других среднеазиатских областях. Объяснение этому, видимо, следует искать не только в политических, экономических и культурных контактах между разными областями, но и в нарастающей унификации культуры раннесредневековой Средней Азии — процессе, первоначально арабским завоеванием и получившем особенно широкий размах и окончательное завершение только в IX—X вв., уже на совсем иной социально-политической и идеологической основе.

Стеклоплавильные сосуды

Стеклоплавильные изделия встречаются в слоях V—VIII вв., но только для второй половины VII — первой половины VIII в. можно составить представление о распространенных в Северном Тохаристане видах стеклоплавильных сосудов. Преобладающий тип сосудов — флаконы (Табл. 98, 58, 60, 62) с шаровидным туловом, узким цилиндрическим горлом; чаще всего встречаются сосуды с вогнутым дном, реже — с уплощенным, а также с плоским устойчивым поддоном.

У крупных экземпляров флаконов узкое горло с отогнутым венчиком. Устойчивая разновидность флаконов — бутылочки с цилиндрическим (реже коническим) туловом и массивным вогнутым дном (Табл. 88, 37–42).

Флаконы изготовлялись способом свободного выдувания, стекло прозрачное, бесцветное или желтоватого оттенка. Бюквалы-рюмки представляли сосудами на высоких ножках, с плоским основанием и расширяющимся кверху коническим резервуаром. Чашки неглубокие, большого диаметра (до 22 см), край их часто утоплен и слегка отогнут (Табл. 88, 45–48, 54–57). Стенки сосудов украшены рельефным узором, что является признаком выдувания стеклянной массы в форму (Табл. 88, 63–68). Но есть также сосуды, украшенные припаянными стеклянными жгутами (Табл. 88, 62). На фрагменте одной из чашек встречается украшение в виде тонкого золотого листка, прикрепленного заклепкой к краю (Табл. 88, 45).

Погребальные памятники

Исследования в Северном Тохаристане раннесредневековых захоронения пока не дают связной картины местных идеологических представлений о загробной жизни. Засвидетельствованы несколько типов погребальных сооружений и большое разнообразие в погребальных обрядах, что отражает не только различия между распространениями в этой области религиями, но и, частично, этническую неоднородность населения.

В Дальверзенте после разрушения буддийского святилища были совершенно захоронены предвременно отживших костей. Кроме того, здесь же обнаружены два труположения. Погребенные положены головами на юг. Погребальный инвентарь составляли пять сосудов (Пугаченкова, Ртисайде и др., 1978, С. 92–93).

В монастыре Каратепе обнаружено большое количество погребений, совершенных после заупреждения буддийского комплекса. Это множественные захоронения по 10–13 человек; отдельные погребения умерших, положенных на спину, друг на друга или на пол камеры; сложенные отдельно от других костей черепа. Сопроводительный инвентарь — керамика, украшения, монеты; подражания Васудевы, кушана-сасанидские, эмисии термезского правителя IV в. н.э. В одном из погребений пещеры № 3 комплекса "В" найдено серебряное подражание Перуту, датирующееся к ранне концу VI в. н.э. (Вайнберг, Ртисайде, 1982, С. 64–67). Основная масса захоронений, видимо, относится к IV–V вв. н.э., но есть и более поздние — VI в. н.э.

После того как храм в Фаязтепе был заброшен, многие

его помещения были превращены в склады. В них совершенные захоронения по обряду труположения на спине с различной ориентацией. Возле костяков обнаружены серебряные монеты термезского чекана IV–V вв. и серебряная монета Перута (Альбаум, 1979, С. 22). В восточное и южное "колена" коридора заброшенного здания поселения кушанского времени Актепе II введены двухчастные погребальные ямы "двухэтажной формы" с захоронениями предвременно отживших костей и черепом. Погребенных сопровождали керамические и бронзовые сосуды, украшения, орудия труда, раковины. В погребении 2 обнаружено около ста медных сасанидско-кушанских монет. Последние относятся ко второй половине IV — V вв., а погребальные ямы — ко второй половине этого периода (Селов, 1987, С. 44–47).

На северо-восточной окраине Старого Термеза в двухэтажном здании, известном под названием "Курган", открыты погребения. Нижний этаж здания подквадратный в плане (24,2 × 23,3 м), с центральным коридором шириной 2,3 м и расположенными по его обеим сторонам, по пять с каждой стороны, прямоугольными сводчатыми камерами (5,8 × 2,2 × 3 м). В помещениях 1, 2 под первым полом обнаружены захоронения 32 погребенных, положенных друг на друга и несколько ярусов. На некоторых из них сохранились одежды из хлопчатобумажной ткани синего, зеленого и красного цвета, а также остатки ковровой и шелковой ткани. В других помещениях находились одиночные труположения, а в помещении 1 открыто захоронение ко-

стей в хуме. Найдены медные скифатные монеты термезской эллист V–VI вв. н.э. и подражания монетам Пероза, определенным Е.В. Зеймадом. Могильник датируется V в. н.э. (возможно, концом IV) – первой половиной VI в. н.э.

На городище Дальверзин одиночные захоронения обнаружены в заброшенных помещениях ДТ2, ДТ6 и в топке керамической печи, совершены они по образу туруположенки. Инвентарь незначителен: при одном костяке в ДТ2 обнаружены два сосуда (Кружка с петлевиной ручкой и однорукий сосуд), датируемые V–VII вв. н.э., возможно, V–VI вв. н.э. (Луаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, С. 92–93).

В предгорьях Бабатага на левом берегу Сурхандарь, напротив городища Бударч, расположен могильник Биттепе. Погребальные скелеты вырублены в платных конгломератах на восточном склоне котловина, на высоте 15–20 м от ее подошвы, и расположены в основном в один ряд на расстоянии 4–6 м друг от друга. Раскопаны семь скелетов (Табл. 86, 3, 4). Часть из них оказались поврежденными (Ртвеладзе, 1986).

Каждый скелет включает квадратную (2,4 × 2,4 м; 3,3 × 3,3 м), прямоугольную (3,2 × 1,8 м; 4,9 × 2,3 м), прямоугольную с нишей (2,7 × 2,2 м) в задней торцовой стене (2,1 × 0,7 м) или крестообразную в плане камеру с плоским, сводчатым или полуциркулярным потолком высотой 1,3–1,9 м. В камеру ведут узкие (0,6–0,8 м), длинные (1,5–1,7 м) сводчатые коридоры высотой 1–1,2 м. Посредние створы входного коридора в стенах имеются небольшие ниши, в которых сохранились остатки деревянных плах. Входы заложены сырцовым кирпичом (52 × 26 × 10 см) и булыжниками, в одном случае – деревянными щитами. Скелеты ориентированы на северо-востока на юго-запад, а входами обращены на юго-запад, на запад или восток. В камерах обнаружены от 10 до 18 погребенных (женщин, мужчин и детей). Детские скелеты, как правило, находились на груди, животе или между бедерными костями женских скелетов. Взрослые погребения обычно лежали на спине вдоль стен скелета друг на друге или валеком. Руки вытянуты вдоль костяка, иногда одна рука согнута в локте и покоится на тазовых костях. В некоторых камерах зафиксированы остатки шпеленой камышовой подстилки и коврика, на которых лежали костяки. Погребальный инвентарь довольно разнообразен. В скелетах найдены бусы из сердолика, иногда с содовой инкрустацией, гшера, горного хрусталя, из стекла различного цвета, иногда украшенного золотым орнаментом или глазками из топазовой гипсетской пасты (Табл. 86, 5–10, 14–16, 33–35); бронзовые амулеты в виде миниатюрных кушачинок с прорисован крестом (Табл. 86, 22, 23), а также бронзовая подвеска-конюшка в виде стоящего божества, держащего в поднятых руках крупную пшшу и распахнутыми крыльями (Табл. 86, 26). В скелене 2 обнаружена глиняная головка идолчика со

схематичными чертами лица. Во всех скелесах найдено много фрагментов хлопчатобумажных и шелковых тканей красного цвета и кусков свиной кожи.

Здесь же обнаружены 15 серебряных и медных монет, лежащих по рту погребенных и рядом со скелетами. Это чаганские подражания монетам Пероза (459–484 гг.) и Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.) с надчеканками трех головок по кругу; сасанидские монеты Хосрова I и Хормизда IV (580–628 гг.); уникальные чаганские монеты, на авресе которой изображены бюсты правителя и правительницы, курсыная, на реверсе вокруг тамги находится бактрийская надпись. Присутствует также согдийская монета Урка-Вартармука (конец VII в.) и монета тюркшей (вторая половина VIII в. н.э.).

Дальверзинский некрополь занимает северо-восточный обрыв городской стены, где на высоте 2–3 м от ее подошвы, в кладке в три яруса вырублены погребальные скелеты. В 1981–1982 гг. Б.А. Туруновым и С. Боледовым на некрополе вскрыты 17 скелетов (Боледов, 1994, С. 70–71). Они состоят из прямоугольной или овальной камеры размером (1,8–2,6) × (0,6–1 м) и узкого входного коридора, заложеного до середины прямоугольным сырцовым кирпичом в речной гальке. Перед входом, ориентированным на восток, иногда вырубалась небольшая ниша. В камерах обнаружены одиночные, парные и коллективные погребения. В основном погребенные были подожжены на спину, в одном случае набок. В скелене 8 часть костей сложена в пшшу, а два черепа лежали вместе у восточной стены камеры. В скелене 10 в разных местах камеры обнаружено семь черепов, остальные кости лежали в беспорядке. Три скелета – два взрослых и один детский – лежали на спине.

На полках камер иногда отмечены камышовые подстилки. У многих погребенных по рту монеты, иногда они лежали под черепом. В двух случаях вместо монеты под черепом находились золотые браслеты, у одного погребенного во рту найден перстень с бирюзовой вставкой. Кроме монет, в скелесах обнаружены бусы из сердолика, стекла, кости и горного хрусталя, медные наконечники, кольца, раковины жаури, серьги, браслет из тонкой медной проволоки, железный серп и одна керамическая миска на дисконидном поддоне.

Среди монет есть серебряные чаганские подражания монетам Хосрова I Ануширвана с надчеканками-портретами по кругу и медные чаганские монеты с бюстами правителя и правительницы. Обе группы монет имеют хождение в Чаганские со второй половины-конца VI в., вплоть до второй половины VIII в. Один браслет сделан в византийско-го солида императора Анастасия.

Однако для датировки наиболее важны чаганские монеты, которые и определяют время функционирования некрополя концом VI – первой половиной VIII в. н.э.

Погребения в подземных наусах

На западной окраине городища Шуроб-Курган, в 30 км западнее Термеза, раскопано несколько наусов, расположенных на естественных холмах (Ртвеладзе, 1989, С. 60–67). Один из них представляет собой погребальное прямоугольное наземное сооружение, возведенное на насыщенной платформе высотой 0,8 м и состоят из двух частей – открытого аванса и прямоугольной в пла-

не камеры, ориентированной по оси северо-восток-юго-запад, с входом в северо-восточной части, откуда в скелене ведет невысокий пандус. Под камерой и аванса выложены прямоугольным сырцовым кирпичом размером 52 × 26 × 7, 54 × 26 × 7 см в сочетании с квадратным 25 × 26 × 7, 26 × 27 × 7 см; толщина стен (0,8–1 м). В юго-восточной части аванса – золотые пшши.

В камере находились два погребенных: верхний лежал на спине в вытянутом положении, правая рука вытянута, левая рука согнута в локте и прижата к груди. Этот погребенный был положен поверх помещенного в камеру раньше. При совершении позднего захоронения положение раннее погребенного было нарушено. Один из погребенных лежал на подстилке из грубой ткани, остатки которой проследжены на полу. В заполнении камеры обнаружены фрагменты тонкостенной кушанской керамики и грубой кухонной посуды. Судя по размерам кирпича, наус датируется ранним средневековьем. Это подтверждает найденная в промазке пола алмаза медная монета из числа подражаний монетам Пероза, обретенных здесь с начала V до второй половины VIII в. н.э.

До V в. как полагают исследователи, продолжал функционировать некрополь Тепашах. Более или менее определенно можно говорить о двух наусах – I и II. Наус I представляет собой обширное прямоугольное сооружение с дверным проемом в северной стене и широкими сугами, тянувшимися вдоль стен. Разрозненные человеческие кости и погребальный инвентарь располагаются на сугах и на полу. Наус II представляет собой прямоугольную постройку, возведенную на покое. Здание разделено осевым коридором на две части. Вход находился в северо-западной стене. По обе стороны коридора находятся четыре камеры, по две с каждой стороны. Разрозненные кости лежат на полу. В четырех камерах науса обнаружены 51 череп, остальных же костей скелетов значительно меньше. Это заставляет предположить, что в наус доставлялись лишь черепя в отдельные кости скелетов. Камеры по мере заполнения закладывались. После того как были заложены все камеры, костюм закладывал коридор.

В наусах, помимо многочисленных украшений и керамических сосудов, найдены терракотовая статуетка-образок, изображающая Авалакитешвару (сооружение I), в алебастровый идол в сооружении II (Литвинский, Седов, 1983. С. 41–45) (Табл. 86, 65).

Могильник в Каратепе расположен в 1 км к северо-востоку от центра города, находящегося на окраине одноименного кишлака в Шурчинском районе. Здесь найден своеобразный керамический саркофаг в форме полого цилиндра. Сохранившаяся длина 155 см (истинная около 2 м), диаметр по центру 48 см, толщина стенок 1,5–2 см. В середине сбоку имеется овальный вырез, по краям которого расположено с каждой стороны по пять небольших дырочек. Вырез закрывался крышкой, но ее края проколоты отверстиями, совпадающие с таковыми на самом саркофаге; видимо, через них продавался шнур, закрепляющий крышку. На противоположных ее концах две грибовидные ручки. В саркофаге находился женский скелет в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. На погребенной обнаружено 17 бус из хрусталя, лазурита, сердолика, стекла, бронзы, пшты, а также три бронзовые подвески, аналогичные найденным в Биттеле.

В 500 м к юго-западу от городища Дальявертинтепе Л.И. Альбаум обнаружил керамические фрагменты с гладкими несоразмеренными стенками, по форме и как обломки оссуариев (Альбаум, 1966. С. 63). Последующие обследования показали, что и здесь находились саркофаги, идентичные каратепинскому.

Вообще находки оссуариев в Северном Тохаристане чрезвычайно редки: в Дангаре (Сиддиков, 1952), в могильнике близ Гиссарской крепости (Абдуллоев А., 1975. С. 49), найден круглый оссуарий в виде злани.

В южной крепостной стене Дальявертинтепе Л.И. Альбаум открыл захоронения в зумах. При погребенных найдены монеты. Среди них есть чаганские VII–первой половины VIII в. н.э. Погребения в зумах обнаружены также на территории Колхозабада (Соловьев, 1979. С. 68).

Грунтовые могильники раннесредневекового периода изучены хуже: они не имеют наматывалых сооружений. Один из таких могильников – на адирной гряде близ Гиссарской крепости (Абдуллоев, 1975; Литвинский, Седов, 1984. С. 96–99) – содержал могилы с труположением на спине, с сопровождающим инвентарем и монетами: подражание драхме Пероза с бактрийской легендой в надписке и подражание драхме Хосрова I (Зеймал, 1985. С. 255, N 645; С. 256, N 650). Но и в этом же могильнике отмечено погребение с костью в позе всадника (без инвентаря), погребение с захоронением (одно, видимо, искусное) и детское погребение с оссуарием (?). Немного отслесненные раннесредневековые погребения были, видимо, и в расположенном по соседству могильнике Тухтона.

Несколько иной грунтовой могильник (или остатки разрушенного нещерблого склепа ?) был обнаружен в юго-восточной части Пиизжского района, на окраине возвышенности близ Джулуса (Литвинский, Седов, 1984. С. 101–102). Здесь расчищены остатки трех разрушенных погребений. По инвентарю и монетам (две драмы сасанидского царя Пероза) Б.А. Литвинский датировал эти погребения VI–VII вв.

Еще одна разновидность грунтового могильника исследовалась В.С. Соловьевым в верховьях Каратгадари (Гиссарский зребет). К числу грунтовых могильников следует отнести и захоронения VI–VII вв. на уже заброшенном городище Дальявертинтепе, стены которого, по словам Л.И. Альбаума (Альбаум, 1966. С. 63), использовались как кладбище. Ранее, во второй половине IV–V в., сформировались одиночные захоронения в заброшенных зданиях городища (Альбаум, 1966. С. 63; Пузаченкова, Губельник, 1978. С. 73–74, 181).

В Гиссаре на открытой возвышенности Бабагаз Б.А. Литвинским и А.А. Абдуллоевым вскрыты погребения в грунтовых зумах. Погребенные положены на спину в позе всадника, головой на северо-восток. Имеется коллективное захоронение в подпрямоугольной яме. Открыто погребальное сооружение в виде неправильного овала: в двух зумах – эллипсоидные углубления, заполненные золой, кусками древесного угля и обожженными кусками гавны, перенесенными сюда, судя по отсутствию следов огня на стенах ямы, из другого места. Погребальный инвентарь весьма скудный, во рту одного из погребенных найдена монета, отнесенная Е.В. Зеймалем к VI в. н.э., другая монета – подражание монете Евкратиды. Грунтовые могильники в раннесредневековом периоде остаются для местного населения традиционным типом захоронения.

Таким образом, для IV–VI вв. характерны бытовавшие традиционных для Северного Тохаристана способы захоронения – труположения и погребения предвари-

тельно очищенных костей. Сохраняется обычай помещения в погребение разнообразного инвентаря, в ряде случаев, как в погребальных ямах Актепе II, весьма обильного, иногда среднего уровня (Каратепе, Фаяттепе) или очень скромного (Дальверзинтепе). Не исключено, что такая дифференциация связана с социальным рангом погребенных лиц, а не с этническими и культурными изменениями. Кое-где сохранялся обычай помещения в мигду монет.

Для этого времени характерно отсутствие специально отведенных участков в городе или поселении для некрополей и специальных архитектурно оформленных наземных погребальных сооружений. Для погребений используются заброшенные жилые дома, храмы и даже керамические печи. Подобные тенденции наметились уже в позднекушанское время, когда погребения устраивались или в заброшенных оборонительных стенах (Кампыртепе), или в зданиях покинутого города (Кушкакала). На наш взгляд, это очевидный показатель того, что данные явления в погребальном обряде рождены в первую очередь внутренними переменами, а не только результат воздействия внешних факторов. Второе обстоятельство лишь усугубило процесс, выразившийся в отсутствии некрополя Северного Тохаристана, что, вероятно, стоит в одном ряду с общими явлениями значительной упадка многих областей материальной культуры в Средней Азии в период становления феодализма.

Однако весьма существенно, что эти изменения коснулись главным образом тех сторон погребального обряда, которые требуют затрат труда большого количества людей и средств (возведение погребальных зданий), или наличия социально крепкого сообщества (устройство специальных некрополей в соответствии с общей регламентацией городского благоустройства). Эти изменения не коснулись культовой и совершенно очевидной генетической преемственности. По всей вероятности, ранние некрополи принадлежат коренному бактрианскому населению пришедшим в упадок древних городов и поселений Северного Тохаристана. В этом отношении исключительно важны исследования Т.К. Ходжаевым серии черепов из могильников Дальверзинтепе и Старого Термеза (Курган) IV–V вв. н.э. Этот автор пришел к выводу, что обе серии принадлежали европеоидному населению восточноевропейско-среднеазиатского типа или переходного к типу среднеазиатского среднеуровня, генетически связанным с населением этих городов кушанского времени (*Ходжаев, 1980, С. 137–138*).

Культовые сооружения

Памятники культового характера, расквашившиеся в Северном Тохаристане, целиком подтверждают сведения письменных источников о широком распространении здесь буддизма. Однако нет оснований считать, что в прибрежье Амударьи господство буддизма, начиная от его расцвета в кушанскую эпоху и до арабского завоевания страны в VIII в., было непрерывным и безраздельным. В конце IV – начале VI в. все буддийские монастыри, построенные и функционировавшие в кушанское

Время, и У в. н.э. уже начинают появляться специально возведенные погребальные сооружения. К ним относится погребальное здание "Курган" в Старом Термезе, но применительно, что оно следует архитектурно традициям аналогичного типа построек, в частности Дальверзинского науса.

Погребальные сооружения последующего времени отличаются достаточно разнообразием: однокамерные склепы, выбитые в скальных грунтах (Биттепе) или в старых крепостных стенах (Дальверзинтепе), наземные одиночные (Шуроб-Курган) и многокамерные ("Курган") наусы, керамические саркофаги (Каратепе), грунтовые могильники (Джулусай), курганные могильники (Ляхи II, Байтудашт). Они имеют много общего с погребальными сооружениями предшествующего времени. Так, раннесредневековые склепы Дальверзинтепе и Биттепе продолжают архитектурные традиции кушанского времени. Отличия заключаются в большем разнообразии архитектурно-планировочных композиций. Продолжают сохраняться многокамерные и двухкамерные наусы ("Курган", Шуроб-Курган), собственные Северный Бактриан в кушанское время (Тепаншх, Ялантуштепе). Можно отметить и общность в строительном материале, приемах кладки стен и сводов и в других элементах строительной техники.

Особокон стоит своеобразные керамические саркофаги, зафиксированные в нескольких пунктах Северного Тохаристана (*Литвинский, Седов, 1984, С. 138–140*).

В целом типы погребальных сооружений, существовавших в Северном Тохаристане в раннем средневековье, продолжают развивать традиционную для этой области погребальную архитектуру. Это в какой-то мере свидетельствует об устойчивости здесь погребальной обрядности, подтверждаемой, в частности, почти полным отсутствием, как и прежде, оссуариев, которые в раннем средневековье широко распространяются почти по всей Средней Азии, охватывая, помимо древних областей их бытования — Хорезма и Маргiana, также Согд, Уструшану, Чач и Семиречье. В этом, как нам представляется, одно из главных отличий тохаристанского погребального обряда от погребального обряда центральных областей Средней Азии, в основе которого лежат, возможно, более принципиальные различия в культовых воззрениях. Второе отличие состоит в слабом распространении в Северном Тохаристане способа захоронения, связанного с предварительным выставлением трупо, которое почти повсеместно заменяет труположение на спине, что, вероятно всего, было вызвано какими-то культурными причинами.

время (Каратепе, Фаяттепе, Уштурумудо и др.), бывая заброшены, частично разрушены и использовались местными жителями для захоронений. Сейчас выявлены восстановительные работы на этих памятниках, проинвентаризованы, видимо, уже в VI в.; в комплексе Уштурумудо, на берегу Амударьи в Шаартуком районе Таджикистана, неподалеку от Тепаншх (*Зрицкая, Г., 1987*), была восстановлена (а по существу, возведена заново и частично реконструирована) главная ступа, а сам моня-

стырь остался лежать в развалинах; на Фаятепе была отремонтирована и превращена в крестовидную одна из ступ; на Каратепе возведено небольшое святилище, заново украшенное скульптурой. Разрушение буддийских сооружений в Северном Тохаристане во второй половине IV в. можно связывать с военно-политическими причинами (окупация правобережья Амударьи сасанидскими наместниками в Кушаншахре). Их частичное восстановление в VI в. косвенно отражает изменение политической ситуации: уже не существовало официального запрета на буддизм и активной смуты оппозиции.

К VII – началу VIII в. относится сооружение в Северном Тохаристане целого ряда буддийских храмов и монастырей: Аджанатепе (Табл. 87, 4), состоявшего из собственно монастырской и храмовой половин и расположенного в непосредственной близости от городища Чоргудатепе (Литвинский, Зеймаль Т., 1971, 1973; Зеймаль Т., 1980, и др.); храма (Табл. 87, 3) на городище Калан Кафиринган (Литвинский, 1981, 1983; Litvinskij, 1981); культовой часовни на цитадели городища Кафиркала (Литвинский, Денисов, 1973; Литвинский, Соловьев, 1985, С. 22–23). О вращении буддизма в социальную жизнь Северного Тохаристана свидетельствуют и

находки буддийских текстов в городах и замках. Около 50 фрагментов рукописей на бересте письмам брахми было найдено на городище Кафиркала (Литвинский, Соловьев, 1985, С. 143), остатки не менее 12 санскритских рукописей буддийского содержания обнаружены при раскопках Зангтепе (Альбауэр, 1963, С. 58–61; 1964, С. 73–83; Воробьева-Денисова, 1963, С. 93–97; Рис. 1, 2; 1983, С. 65–69; Бонгард-Левин и др., 1965, С. 154).

Культовых сооружений, связанных с какими-то местными разновидностями зороастризма или иными системами религиозных представлений, пока для раннесредневекового периода в Северном Тохаристане не выявлено. Судя по отдельным находкам культовых предметов, таких, как металлические ложки особой формы, шафры и курлявцы в погребальных ямах на Актепе II (Седов, 1987, С. 62–64); круглый оссуарий из окрестностей Гиссарской крестови, изображающий здание храма в Тохаристане, который был оловом “иранского буддизма” (Бартольд, 1971, С. 469–471), зороастрийские верования продолжали сохраняться, а в конце IV – начале V в., когда буддийские памятники были заброшены, возможно, и господствовали.

Памятники искусства

Художественная культура Северного Тохаристана в V–VIII вв. – явление сложное и многожанровое, тесно связанное с искусством тохаристанских владений, лежащих к югу от Амударьи (Кругликова, 1974, 1979). Пока мы не располагаем памятниками северотохаристанского монументального искусства V в. Датировка V в. живописи и скульптуры Кувсургана (Массен В., 1978, С. 531; Анишев, 1978, 1984) остается предположительной и нуждается в дополнительном обосновании, особенно если возведение здания на Кувсургане датировать концом V – началом VI в. (Анишев, 1984, С. 9).

Основной памятник, по которому известна светская живопись Северного Тохаристана, – Балалыктепе (Альбауэр, 1966), где была открыта сцена ширшета (Табл. 91, 2–5), первоначальная датировка которой V в. теперь пересмотрена, а настенная роспись отнесена к VI–VII вв. (Беленицкий, Маршак, 1976, С. 6, 1979, С. 35; Маршак, 1983, С. 53).

Наиболее полное представление о буддийской живописи Северного Тохаристана дают Аджанатепе (Литвинский, Зеймаль Т., 1971; Зеймаль Т., 1985, С. 165, 170, 186–187) и Калан Кафиринган (Литвинский, 1981; Зеймаль Т., 1985, С. 171, 188), а также Кафиркала (Литвинский, Денисов, 1973; Соловьев, 1976; Литвинский, Соловьев, 1985, С. 140). Видимо, живопись на перечисленных памятниках следует датировать в пределах второй половины VII в. На Аджанатепе живопись покрывала стены и своды многих помещений, поставлены в святилищах. Своды коридоров были заняты тысячами изображений сидящих будд: каждый в особом медальоне, окруженный двучетной мандорлой, в обрамлении небогослобей с пятилепестковыми белыми цветками; все – сидящие в позе падмасана; жесты рук в поворот головы у соседствующих фигур различаются; различны также вывер осязаний, ее цвет, окраска нимбов вокруг головы

и цвет фона внутри мандорл (Зеймаль Т., 1985, С. 170). На стенах были представлены различные сцены жизни и деятельности Будды: проповеди, подношения даров и т.д. Присутствуют в росписях (Табл. 92, 1–8) и светские персонажи – представители тохаристанской знати (Зеймаль Т., 1985, С. 165, 171). Поскольку имел место несомненный перерыв в распространении буддизма в Северном Тохаристане, пришедший на конец IV – начало VI в., исправочно возводить памятники живописи VII – начала VIII в. непосредственно к образам северотохаристанской буддийской живописи кушанского времени и предполагать существование в Северном Тохаристане непрерывной традиции в своей буддийской живописной школе. Видимо, живописное унаследовано Аджанатепе, Калан Кафиринган, Кафиркалы и др. выполнялось “бродячими” буддийскими художниками, приходившими из-за Амударьи – из тохаристанских владений в Северном Афганистане или из областей, расположенных еще далее на юг.

К такому же заключению приводит и рассмотрение глиняной скульптуры на буддийских памятниках Северного Тохаристана (Литвинский, Зеймаль, 1971; Литвинский, 1981; Зеймаль Т., 1985, С. 164–188). Не вполне ясно, имела ли буддийский характер скульптура Кувсургана, для датировки которой (как и живописи) ранее VI в., видимо, нет убедительных оснований (Массен В., 1978, С. 531; Литвинский, Соловьев, 1985, С. 140). Буддийские ваятели, работавшие в Северном Тохаристане, в совершенстве владели как техническими приемами (от использования нескольких видов теста скульптурной массы до широкого применения набора штампов-форм), так и художественными (от сложных многофигурных композиций до раскрашенной статуи), создавая отдельно стоящие статуи и городищные сцены (Табл. 93, 1–12) из разномастных фигур, фигура лежащего Будды в

нирване превышала 12 м в длину, размер ступни 1,9 м (Зеймаль Т., 1985. С. 181).

В художественном убранстве северотохаристанских зданий важное место занимала резьба по дереву, наиболее полное представление о которой дают материалы из Джумалактепе (Нильсен, 1966. С. 302–309. Рис. 107–110) и городища Калан Кафиринган (Литвинский, 1981). Резные колонны и двери, детали мебели и декоративные панно, их сюжеты, перекликаясь с

образцами резьбы по дереву из других областей Средней Азии (Согд, Уструшана), обнаруживают несомненное своеобразие.

Пока нет оснований предполагать существование в Северном Тохаристане местной школы террактики, можно говорить об общетохаристанской школе кушанского и эфталитского времени (Маришак, Крикис, 1969), произведение которой теперь засвидетельствованы к северу от Амударьи (Якубов, 1985; 1985а. С. 161, 166).

Терракоты

Терракоты, обычно составляющие наиболее массовый вид памятников искусства раннесредневекового Северного Тохаристана, сравнительно часто встречаются только в слоях второй половины IV – середины V в. (Завьялов, 1979), и позднее их практически нет. Сходная картина со смещением хронологии к более позднему времени – второй половине VII – началу VIII в. наблюдается и в Согде (Маришак, 1985. С. 197–202). На протяжении всего раннесредневекового периода продолжают бытовать только весьма примитивные, вылепленные от руки фигурки “всадников” или животных (Табл. 90, 1–12). Напрашивается предположение о каких-то серьезных переменах в идеологии среднеазиатских народов (как в Северном Тохаристане, так и в Согде), происхо-

дивших в IV–VII вв., поскольку весь репертуар терракотовых статуэток обычно связан с культовыми изображениями. Однако, возможно, явный упадок искусства корропластов связан с другими причинами, например с появлением массовых культовых изображений, изготовленных из другого материала (например, живописные деревянные образки), который сохраняется много хуже. В любом случае за исчезновением терракотовых статуэток в раннесредневековый период стоят серьезные перемены если не в самих верованиях, то в особенностях обрядовости. Находки отиснутых штампами сложных композиций (Соловьев, 1985. С. 162–163) свидетельствуют о сохранении местными корропластами высокого мастерства, хотя сфера его приложения становится иной.

Верхний Тохаристан

Высокогорная область, являющаяся юго-восточной окраиной Средней Азии, известная под названием Памир, издавна привлекала внимание исследователей и путешественников. Ученые интересовали этимологию названия области, а также ее локализацию (*Мандельштам, 1957, С. 8*). В географической литературе наименование "Памир" закрепилось за областью, ограниченной с севера Западным хребтом, с юга Гиндукушем, с востока Сарыколом, а с запада Амударьей. Центром области является Памирское нагорье. Территорию к западу от него именуют Западным Памиром или Горным Бадахшаном, к востоку – Восточным Памиром.

Особые природно-географические условия создали определенную специфику заселения этой области. Пустыни Восточного Памира, орошенные реками только в южной его части, были освоенны кочевниками-скотоводами. Западный Памир, отличавшийся джунглим климатом и богатой растительностью, заселялся земледельцами и пастухами-скотоводами. Жизнь сосредотачивалась в узких межгорных долинах. Площадь земель, удобных для возделывания, здесь весьма ограничена. Поэтому поселения, как правило, возводились на землях, непригодных для возделывания, и существовали на одном месте длительное время. При этом постройки неоднократно ремонтировались и перестраивались (*Бернштам, 1952, С. 281, 283*).

На территории Западного Памира в древности находились три области, упоминавшиеся в письменных источниках. Это Вахан, Шугнан и Рушан. Вахан занимал долину Вахандаря, оба берега р. Пяндж до слияния рек Вахандаря и Памир до Инкашима на западе области. Шугнан располагался в долине р. Гунт и ее левого притока р. Шахара. Рушан находился в долине р. Бартаг (*Мандельштам, 1957, С. 96, 101, 122–123; Громберг, Стеблин-Каменский, 1976, С. 9*).

Сведения древних авторов о Памире отличаются краткостью и фрагментарностью. Они главным образом сосредоточены в сообщениях китайских путешественников и буддийских монахов. Есть основание предполагать, что упоминаемое в "Бейши" владение Цзайей, со столицей Хэмо, следует искать на территории Вахана (*Бичурин, 1950, Т. II, С. 264; Мандельштам, 1957, С. 96*). В той части "Бейши", которая относится к началу VI в., приводится краткое описание владения Бохо-Вахана. Там холодный климат и большие снежные горы. Жители обитали в землянках вместе со скотом. Одевались в одежды из войлока и меха. Основной пищей были печеный хлеб и жареное зерно. Отсюда вели две дороги: одна – на запад, во владения Ела (Эфталтов); другая – на юго-запад, в Уэнью, владение, подчинявшееся эфталтам (*Бичурин, 1950, Т. II, С. 270; Мандельштам, 1957, С. 101*).

Сюань Цзянь упоминает владение Дамоситеди. Из описания этого автора следует, что данное владение представляет собой узкую и длинную долину, к востоку

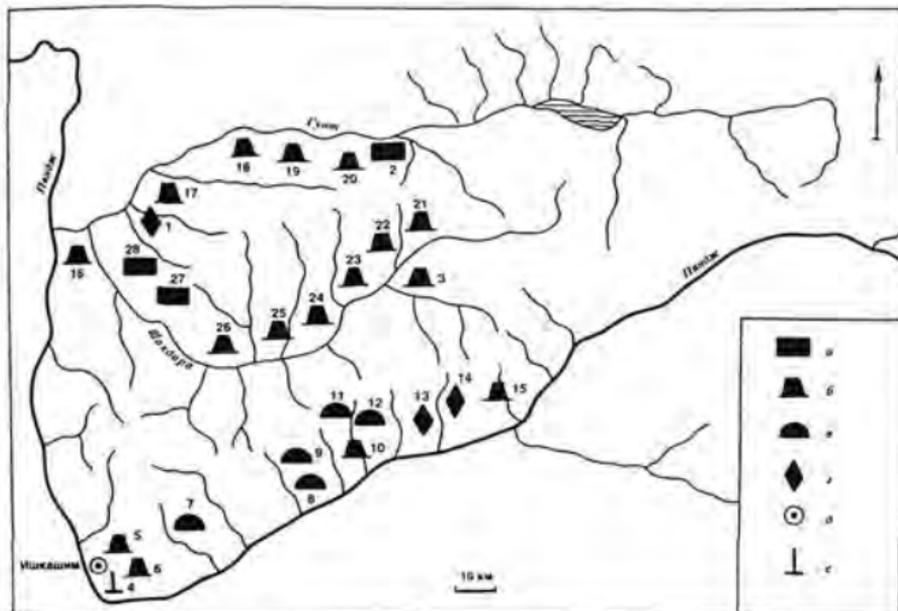
от которой лежала долина р. Памир (*Мандельштам, 1957, С. 119*). Коэнингем и Маркварт отождествляли Дамоситеди с Ваханом. Маркварт полагал, что Дамоситеди является транскрипцией санскритского названия Вахана (*Мандельштам, 1957, С. 119*).

В начале VIII в. в Китай из Индии возвратился Хой Чао. Он прошел через Тохаристан, Памир и Восточный Туркестан. В его записках есть раздел, специально посвященный владению Хуми–Вахану.

В китайских источниках названо еще одно владение, расположенное севернее Вахана. Сюань Цзянь называет его Шичини, а Хой Чао – Шини, что соответствует Шугнану (*Мандельштам, 1957, С. 119*). Хой Чао подробно описал эти владения. В Хуми–Вахане климат более холодный, чем в соседних районах. Селения небольшие. Население бедное, разводит крупный рогатый скот и овцы. Пишутся печеными и вареными мучными изделиями. Одежду шьют из меха и войлока, только владельцы используют хлопчатобумажные и шелковые ткани. Мужчины подстригали волосы и бороды, женщины носили длинные волосы. Столица находилась в 20 днях пути восточнее Тохаристана. Владелец имел небольшое войско, поэтому был вынужден подчиниться арабам и выплачивать им ежегодную дань, шелком. Во владении были буддийские монастыри и буддийские монахи. Все женщины были ревностными последовательницами учения Будды и исповедовали хинаянистский толк этой религии. Инверцев и еретиков не было (*Мандельштам, 1957, С. 122*).

Шини–Шугнан характеризуется чрезвычайно холодным климатом. Эта область состояла из девяти владений. Каждый владелец имел свое войско, которое постоянно находилось при нем. Владения были независимы, и только один владелец подчинялся Вахану. Одежда такая же, как и в Вахане. Язык населения особый, отличался от языка жителей других владений. Буддизм не имел распространения (*Мандельштам, 1957, С. 122–123*).

Памир и припамирские области до начала XIX в. оставались фактически "белым пятном" на карте Азии. Представление об этой области складывалось главным образом на основании сведений, полученных в результате расспросов местных жителей. Интерес к Центральной Азии, который проявляла Англия, был обусловлен политическими причинами. В связи со стремлением Англии распространить свое влияние за пределы Индии предпринимались экспедиции на Памир и в среднеазиатские ханства. Первым европейцем, совершившим путешествие через Бадахшан, был Дж. Вуд. Исследования Вуда, Гумбольдта положили начало научному изучению Памира. Вуд отметил в Вахане развалины трех крупных крепостей – Зумри, Каххака вблизи Наматуты и Калан Зангитгар. Эти постройки приписывались кифирам-египетоянцам. Наличие памятников древности отмечали и другие английские исследователи.

Карта 8. Верхний Тухаристан

1 – Храм свяг Кафиркала; 2 – сельское поселение Патхур; 3 – крепость Дасманга; 4 – пристав, Карашаварай Доракан; 5 – крепость Рик; 6 – крепость Каатка; 7 – мотельник Мизаэддани; 8 – мотельник Эзуд; 9 – мотельник Эзуд II; 10 – крепость Ячур; 11, 12 – мотельники Тиз (Намулдиг); 13 – буддийские монастыри; 14 – Храм

свяг Зинг; 15 – крепость Рат; 16, 21, 26 – крепости по р. Шахара; 17, 18, 19, 20 – крепости по р. Гунт; 27, 28 – поселения; а – поселение; б – замок и крепость; в – мотельники; г – культовые места; д – торговые пункты; е – приставы.

С середины XIX в. активный интерес к Средней Азии, и к Памиру в частности, начинает проявлять Россия. В этой части Азии идет постоянное соперничество между Россией и Англией. Действительность англичан сосредоточивалась в Южном и Восточном Припамирье. Северная часть этой области в Северное Припамирье входила в сферу влияния России. Русские исследователи с 80-х годов играли ведущую роль в изучении всего Памира. Разграничение сфер влияния между Россией и Англией, произошедшее в 1895 г., практически прекратило доступ англичанам на территорию этой области.

С конца 70-х годов русские исследователи начали систематическое изучение Памира и Северного Припамирья. Результаты исследований, приведенные во второй половине XIX в., нашли отражение в труде И. Миншера. Это было первое полное систематическое описание всех проданных работ на Памире. Первую большую экспедицию на Памир в 1863 г. возглавил офицер Генерального штаба Путята. Из самых и сотрудников этой экспедиции составлены описания многих памятников и долинах рек Вахан, Памиж, Гунт. Дальнейшие исследования Памира были связаны с именем таких выдающихся

ученых, как В.Ф. Ошанин, Н.А. Арнетов, А.Е. Сиссарев, А.А. Семенов, И.И. Зарубин, А. Вобрицкий. Труды этих ученых важны для изучения истории Памира. В них обобщены сведения древних авторов и сделана попытка конкретных памятников к текстам, упоминаемым в источниках. Ученые интересовали проблемы этнической истории и заселения Памира. Статья В.В. Бартольда о Бадахшане в "Энциклопедии ислама" содержит краткий очерк истории этой области. На начальных этапах исследования Памира большое значение имели работы географов, военных топографов и картографов. Именно они были сыном плана многих крепостей и поселений и дана предварительные публикации сведений о памятниках этой области.

До начала 40-х годов XX в. археологические памятники Памира не подвергались специальному изучению. Их отмечали в своих отчетах ученые различных специальностей, посещавшие Памир (географы, геологи, этнографы).

Только после Великой Отечественной войны началось планомерное изучение археологических памятников

ков Памира и Северного Приамурья. В 1946 г. А.Н. Бернштам начал работы в Алае, а в 1947 г. — на Памире. В центре его внимания находились памятники кочевников. Большое количество их открыто этно-исследователем в Алайской долине, а затем на Восточном Памире. Результаты раскопок позволили А.Н. Бернштаму прийти к важному выводу: во времена и путей заселения этой области. На Западном Памире он обследовал памятники, принадлежавшие оседлому населению.

А.Н. Бернштам первым обратил внимание на то, что Восточный и Западный Памир были двумя различными мирами не только в природно-географическом, но и в культурно-историческом отношении (Бернштам, 1952). Культурные отличия этнос двух районов, несомненно, обусловлены их природными особенностями. Долины Западного Памира были сферой деятельности оседлого населения, а пустыни Восточного Памира — кочевнико-скотоводов.

Н.А. Бернштам особое внимание обратил на систему укреплений, расположенных на границе между Западным и Восточным Памиром. Крепости, как полагают ученые, возводились земледельческим населением для защиты от вторжений кочевников. На основании анализа почвеного материала А.Н. Бернштам определял время возникновения крепостей и выделял три периода их существования: греко-бактриский, кушанский и ранне-средневековый, условно названный исследователем эфталитским (Бернштам, 1952. С. 281).

А.Н. Бернштам дал детальное описание памятников и отметил их особенности в каждой из долин. Он считал, что крепости в долине Вахана более внушительных размеров, чем в других районах. Поэтому ее нужно рассматривать как столицу области. Через нее проходил основной торговый путь с востока на запад (Бернштам, 1952. С. 283).

Большое значение для изучения Памира и приамурских областей имеет труд А.М. Мандельштама. В нем дан полный анализ письменных сведений об этой области с древнейших времен до X в. (Мандельштам, 1957).

В 1957 г. исследование крепостных сооружений в этих же районах продолжил А.Н. Зелинский. Повторное изучение крепостей было связано с проблемой древних торговых путей, проходивших через территорию Восточного и Западного Памира. Принципиально новых открытий, которые изменили бы выводы А.Н. Бернштама, за исключением обнаружения нескольких ранее неизвестных крепостей, не было сделано. Исключение составила передаточная крепость Ямчун. Ее возникновение Зелинский связывал с кушанским временем (Зелинский, 1964. С. 120–141).

С 1960 г. в изучение Западного Памира включился Западно-Памирский отряд под руководством А.Д. Бабаяна. Впервые А.Д. Бабаяном были проведены раскопки в крепостях Рин, Кааха, Ямчун. Абрезьмкала, исследован и подробно описан их планировка (Бабаян, 1962. С. 55–68; 1964. С. 29–31; 1973; 1989. С. 9, 22–24), при этом датировка крепостей осталась прежней, в пределах III в. до н.э. — VII в. н.э. Существенным вкладом в изучение ранне-средневековых памятников региона явились открытые и полностью или частично исследованные А.Д. Бабаяном могильники Змуд, Змуд 1–II, Конкор, Пигут, Новобад (Бабаян, 1965. С. 71–81; 1971.

С. 102–115; 1975. С. 5–21; 1989. С. 9, 24–29). С 1976 г. к работам на Западном Памире подключился Восточно-Памирский археологический отряд, ныне переименованный в Памирский археологический отряд, под руководством М.А. Бубониной. Были открыты и раскопаны ранее неизвестные памятники: сельская усадьба Пигутур (Бубнина, 1982. С. 173–178); пристань караван-сарая Доркышт; серия культовых сооружений; храм огня в Зонге и храм Кафыркала I–IV (Бубнина, 1982. С. 179–183; 1990. С. 301–310; 1991. С. 227–238); буддийский монастырь Вранг (Бубнина, 1986. С. 249–263; 1988. С. 386–394; 1990а; 1991; 1997. С. 14–16).

Все ранне-средневековые памятники региона вошли в археологическую карту Горно-Бадахшанской области, где в качестве Приложения опубликован отчет А.Н. Бернштама о полевых исследованиях 1947 г. (Бубнина, 1997а).

Все исследователи, посетившие Памир, отмечали мощные, хорошо укрепленные крепости, при сооружении которых использовалась рельеф местности; крепости, как правило, возводились на высоких надпойменных террасах, скалистых останцах. Система укреплений содержала мощные стены, сложенные из камня на известковом растворе, а стены заключали свободное от построек пространство.

Примером таких сооружений является крепость Ямчун. Она занимает утес, на трех уступах которого расположены стены; все повороты стен защищают круглые или прямоугольные башни. Стены и башни слабее бойниц. Верхнюю часть утеса занимает треугольная в плане башня, стены которой также укреплены бойницами. А.Н. Бернштам отождествляет крепость Ямчун (Табл. 95, 1) со столицей города Вахана — «саакским городом Гашем» (Бернштам, 1952. С. 285).

Второй по значению была крепость Кааха. Она также построена на утесе. Ее стены сложены из сырцового кирпича и возведены на каменном фундаменте. Стены окружают края утеса, а внутри стен находились узкие жилые комнаты. Въезд в крепость осуществлялся с запада. В восточной части крепости сохранились прямоугольные башни со стрельцовыми бойницами.

А.Н. Бернштам отождествляет эту крепость с городом Ябгукат — «городом Ябгу», городом наместника Тохаристана (Бернштам, 1952. С. 283).

А.Н. Зелинский отмечает два периода функционирования крепостей в долине Вахана. Первый период охватывает время с I в. до н.э. до II в. н.э. В это время возводятся мощные крепости. Их строительство обусловлено возможной экспансией Китая на Памир. Наибольший размах крепостного строительства падает на I в. н.э. Крепости играли важную роль в обороне восточных рубежей Бактрии.

Второй период крепостного строительства А.Н. Зелинский относит к эпохе эфталитов. Но его масштабы при эфталитах не были такими мощными, как в предшествующий период, что было связано с изменением в расстановке политических сил на Востоке. Роль Китая в Центральной Азии значительно уменьшилась. Он уже не обладал прежней военной мощью.

Многие граничные крепости превратились в замки местных владетелей, находившихся под протекторатом эфталитов. К середине VII в., когда область посетил Сю-

авь Цзюв, крепости утратили свое былое значение и лежали в руинах.

Помимо крепостей, исследователи отмечают укрепленные поселения и сельские усадьбы. Выделяются небольшие по площади укрепленные поселения. Для них характерно наличие оборонительной стены, иногда только с угловыми башнями. Внутри все пространство занимают жилые и хозяйственные помещения, разделенные одной или несколькими "улицами". Вход один. Как правило, поселения располагаются на возвышенности в устье ущелья. Наиболее ярким примером этого типа поселений является Рын в Шикашме, защищенный стеной с двумя башнями – прямоугольной и круглой (Бабаев, 1962. С. 57–58; 1973. С. 82, 84).

В Шугане открыта единственная для этого периода усадьба. Она занимала две площадки естественной двухступенчатой возвышенности. Нижнюю площадку занимал двор, разделенный поперечной стеной на две части. В одной из них была выкопана хозяйственная яма. Верхняя площадка отведена под жилые и хозяйственные помещения, оборудованные суфами и углубленными в пол очагами. Постройку разделял на две половины центральный коридор, в северной части которого находились два небольших помещения. Одно из помещений выполняло роль домашнего святилища огня, где был оборудован специальный очаг. Помимо него, в помещении имелся очаг для хозяйственных нужд. Усадьба, вероятно, была обнесена стеной (Табл. 95, 6).

Вблизи от крепости Клакха находилась переправа через Пандж. На правом берегу реки открыто сооружение, которое автор интерпретирует как пристань караван-сарай. Сооружение в плане напоминает ромб, оно обнесено двойной стеной с внутренними помещениями. Стены укреплены круглыми башнями. Здание имели два входа. Один из них обращен к реке и блокирован одной башней (Табл. 95, 5). Выход в сторону долины блокирован двумя башнями. Стены в башнях имели целые ряды бойницы (Бубнова, 1982. С. 184).

До принятия ислама население Памира поклонялось огню. Один исследователь видел в этом влияние зороастризма, другие – один из вариантов языческого верования. Высказывались предположения, что крепости Западного Памира принадлежали отнесоклонникам. Назывались даже храмы огня в сооружении, напоминавшие башни молчания. Куда от огня ведет еще начало от культа домашнего очага и культа солнца. Археология Памира дает массу предметов, связанных с культом огня. Это и курительницы, и жертвенные столбики, и алтари. Интересен костяной сосуд, на котором изображены жертвенник с пылающим огнем и две человеческие фигуры, млящиеся возле него (Бабаев, 1977. С. 101).

Храмы огня Западного Памира открыты и демонстрируют индивидуальную планировку, не имеющую аналогов в храмовой архитектуре Средней Азии и Востока в целом.

Храм огня в Зонге (Вахан) состоит из двора, огороженного стеной, в собственно храма, имеющего планировку оvoidного креста (максимальная длина по крестовинам 5,5–6,5 м). В каждом отсеке были встроены суфы, в северо-западной перед двухступенчатой суфой находился очаг подковообразной формы с большим (0,4 × 1,2 м) врезником золы в виде прямоугольного

ящика из хорошо подготовленных сланцевых плиток. Через коридор, смежный с северо-восточным отсеком, храм сообщался с двориком. С внешней, западной стороны к храму были пристроены жилые помещения с суфами и очагами. На каком-то этапе юго-западное помещение было замуровано и заменено новым, северо-западным, с более примитивным внутренним интерьером (Табл. 96, 14).

Храм Кафыркала I–IV (Табл. 96, 1) первоначально интерпретирован А.Н. Зелинским как крепость Кафыркала (Зелинский, 1964. С. 121–122). Собственно крепость, Кафыркала I, располагалась над храмовым комплексом на площадке скального выступа. Вторая оборонительная система (Кафыркала IV) защищала подход к храмам со стороны р. Бочивадара. Кафыркала представляет собой храмовый ансамбль, состоящий из двух круглых храмов – Кафыркала II диаметром 11,4 м и Кафыркала III диаметром 9,8 м (Табл. 96, 2, 3). Оба храма были воздвигнуты на мысу горного отрога Шуганского хребта, труднодоступного со стороны долины р. Гунт и имеющего подход только со стороны р. Бочивадара. Для интерьера обоих храмов характерно наличие сплошной кольцевой суфы, прерываемой невысокой "эстрадой", и присутствие в центре очагов. Снаружи с северо-восточной стороны в обоих случаях пристроены смежные жилые помещения. Отличительной особенностью является форма очагов. В Кафыркале III очаг круглой формы (диаметр 1,2 м), с бортиком и примыкающим к нему круглым врезником для золы. В Кафыркале II очаг прямоугольной формы, с северной стороны от очага в пол вкопан четырехугольный в сечении каменный столбик.

Со стороны р. Бочивадара легкодоступный склон укреплен стеной с башнями. Сторожевые башни и ограда сооружены на узкой площадке гребня скального отрога (Кафыркала I). Присутствие одинаковых храмов в комплексе объясняется тем, что храм III функционировал очень короткое время, о чем свидетельствует слабо прокатанная внутренняя поверхность очага. Храм II претерпел перестройки, был разрушен очаг, зато около каменного столбика сильно прокатана поверхность пола. Вход частично разрушил "эстраду".

В письменных источниках отмечены многие памятники буддийской религии. Сюань Цзюв писал, что большой буддийский монастырь с каменной статуей Будды размещался в центре городка Хуяньди – столицы Вахана. Буддийский монастырь Вранг расположен на труднодоступном скальном мысу у подножия Ваханского хребта, на выходе р. Врангдары из ущелья. Комплекс состоит из трех частей, обнесенных стеной протяженностью по периметру около 180 м, с двумя овальными башнями по восточному фасу. Западная группа построек включает центральное сооружение, расположенное на возвышенной части мыса, и представляет собой трехступенчатую ступу, верхняя часть которой разрушена. Восточную нижнюю группу составляет одноэтапные смежные помещения с выходом во двор, пристроенные к наружной стене. Центральную часть комплекса занимал открытый двор. Наружные входы расположены с северной и восточной сторон (Табл. 96, 19). Сводчатые помещения, вырытые под культовым комплексом на склоне левого берегового обрыва р. Врангдары, составляют единое целое с буддийским монастырем.

Наличие буддийского монастыря следует рассматривать как признак населенного буддизма, а как отражение активности Вакханского пути, по которому шли не только кушаны, но и буддийские паломники и миссионеры.

Крепости, поселения и общественные сооружения Вакхана были надежны защищены мощными стенами с башнями. С одной стороны, этого требовала внутриаполитическая обстановка. При самостоятельности обоих владений военные столкновения между ними были неизбежны. С другой стороны, защита международных караванных дорог, проходивших через Шугнан и Вахан, требовала их охраны. Наконец, нельзя исключить военные столкновения с соседними государствами. Последнее нашло отражение в письменных источниках (*Мандешитим*, 1957, С. 143–151).

Культовые сооружения имели сплошную оборонительную систему, как Вранг, состоявшую из мощной стены и башен. Храмы Кафыркалы имели частичную оборону: двойная стена с круглыми башнями и шестидесяти бойницами была возведена только на слабозащищенном участке. Дополняли оборону сторожевые башни на вершине гробов, тоже защищенного стеной на узком участке.

Мощную и очень сложную оборонительную систему имели крепости Ямчун (Табл. 95, 1) и Каахка (Табл. 96, 1). Фортификация этих поселений сочетала тройную систему обороны двух площадок и цитадели. Продуманно использовался рельеф местности, особенно при строительстве Ямчуна. Его оборону дополняли наличие форты Вуджаром, выстроенного на неприступном утесе. В системе укрепленной были многочисленные башни круглой, квадратной и прямоугольной формы, со шестидесяти бойницами. Аналогичные бойницы размещались в стенах. На Каахке одна башня имела стрельцовые бойницы, рельефные декоративные бойницы, имитирующей стрельцовую форму за счет квадратных углублений, расположенных в шахматном порядке (*Бернштам*, 1952, С. 284. Рис. 118, 2).

Надежная система обороны шугнанских и вакханских поселений свидетельствует о том, что местные строители были хорошо знакомы с искусством фортификации своего времени.

Основным строительным материалом служил камень (сланцевый плитняк и речные валуны) в сочетании с сырцовым кирпичом.

Каадка велась на глиняном растворе, заполнявшем вертикальные и горизонтальные швы. Иногда раствор делали из более светлой глины по сравнению с той, из которой формировался кирпич. Каадка велась, вероятно, на ряде памятников обнаружены кирпичи с тамгами в виде буквы "З" и креста.

В строительной практике в качестве цоколя использовались естественные выкопленные, заключенные в каменный футляр (стула во Вранге). Кроме того, при сооружении монолитных башен практиковалась последняя кладка из глины, цоколь башни обкладывался камнем, а ее тело — сырцовым кирпичом, как это отмечено во Вранге. При строительстве этого же комплекса использовалась кладка из слоев камня, чередующихся слоями облепленного дерева и ветками.

Деревянное перекрытие зафиксировано только в храме Кафыркала II. Учитывая сейсмичность региона и

климатические условия, можно допустить, что все постройки имели деревянные плоские перекрытия в сочетании с черочинами. Диаметр круглых зданий Кафыркалы (более 10 м) позволял перекрыть не только с помощью черочина. При этом стоит обратить внимание на одну из функций черочина. В быту раннесредневекового населения Памира она выполняла роль и своеобразного календаря, и солнечных часов, которые основаны на принципе изменения угла падения солнечного луча, проходящего в помещении через квадратное отверстие "руз" (*Мандешитим*, Явбуев, 1985, С. 191), что для культового сооружения, каким являлся Кафыркала I–IV, должно было иметь большое значение. В этой связи, возможно, найдут объяснение три больших камня, имитированные в стену на уровне суфы с внутренней стороны здания (Кафыркала II). При этом выдержана ориентация камней, с незначительными отклонениями, по странам света.

Стены в жилых постройках имели небольшую ширину (0,7–0,8 м), толщина оборонительных стен доходила до 2 м. В жилых и общественных зданиях суфы — обязательная и неотъемлемая часть интерьера. Конструкция их стандартна: основание в края закреплены каменной кладкой. Пороги и двери делались из дерева. Полы и стены обычно штукатурили глиной, для чего в храмах Кафыркала II, III использовалась белая глина.

Архитектура жилых построек проста. Укрепленные поселения и сельские усадьбы имели простые геометрические формы. При простоте архитектурных решений общественных сооружений их отличает монументальность и разнообразие композиционных решений. Пока преждевременно говорить о типологическом сходстве или различии культовой архитектуры Шугнана и Вакхана с подобной архитектурой Средней Азии в целом и соседних регионов. Прямые аналоги неизвестны. Вместе с тем круглая планировка, свободный крест, ступенчатая ступа как планировочные элементы, решенные с учетом местных традиций, безусловно, восприняты из общих архитектурных традиций Востока и Средней Азии.

Архитектурный декор отмечен только в крепости Каахка. Здесь, юго-западная стена у входа украшена фризом, выполненный сырцовым кирпичом (40x40x10 см). Он состоит из полуциркулярных ниш с композицией в виде радиально расходящихся от треугольника лучей из положенных торцом кирпичей. Полуциркулярные ниши чередуются с треугольными, середина которых выложена торцами кирпича, создающими фигуру "сасанидского городка". Одна из башен имела семь стрельцовых бойниц, причем в рисунок стрелы вписан выложенный из трех кирпичей тот же тип "сасанидского городка", что и на фасаде стены.

При отсутствии городских центров и крупных ремесленных мастерских неизбежно господствовало домашнее производство. Находки зернисток свидетельствуют о том, что значительное место в жизни населения занимала переработка продуктов сельского хозяйства, а некоторые формы глиняной посуды — о переработке молочных продуктов (сосуды типа "ситя").

Следов металлургического производства в виде шлаковых печей не обнаружено. Исключением являются несколько кусков шлака, найденные на территории сельской усадьбы Патхур. От плавленых каменных руд остались

шадки, не установлено. Отсутствие здесь железных месторождений не способствовало развитию этого производства. Разобработка Вагичских железных месторождений в этот период ничем не подтверждена (*Бабиев*, 1991, С. 36). Представлено оружие: железные трехлопастные наконечники стрел, пластинчатые колечки кольчуги, ножи вотинные, шила, пилочки. Деревообрабатывающее производство было широко развито, во Вранге обнаружены его отходы. Вероятно, поделки из дерева служили предметами обмена и торговали с паломниками в проезжих купцами. Из камня изготовляли оселки, дощечки, зернотерки: из шерсти – войлоки. Текстильное производство представляло хлопчатобумажными тканями подотпояного производства. Из растительных волокон, включая древесную кору, делали веревки.

Как и железноталочное производство, производством бронзы и латуни не имело своей сырьевой базы.

Основой экономики Вахана и Шугнана в данный период, безусловно, было сельское хозяйство. Древность земледелия в этих районах подтверждена лингвистическими исследованиями (*Стеблин-Каменский*, 1982). О наличии земледелия свидетельствуют письменные источники, сообщая, что в Вахане выращивают бобы и пшеницу, а почва хороша для плодовых деревьев (*Бичурин*, 1950, Т. II, С. 324). Последние подтверждают находки косточек абрикоса в одном из погребений в могильнике Змуд в двух деревянных изделиях, изготовленных из древесины труппы, в том же могильнике (определение кандидата биологических наук М.И. Колосовой, Лесотехническая академия им. С.М. Кирова). О наличии скотоводства свидетельствуют находки костей домашних животных.

Примечательно, что на раннесредневековых памятниках не найдено ни одной монеты. При существовании торговых путей международного значения отсутствие

монет свидетельствует о том, что велась преимущественно меновая торговля.

По сведениям письменных источников и археологическим данным можно судить о существовании нескольких путей через Памир и Приамырье, по которым шла торговля между Китаем и западными странами.

Главным был Великий Памирский путь по Вахану. Он связывал оазисы Памира с Бактрией и другими областями Средней Азии. Помимо торгового, этот путь имел стратегическое и большое культурное значение, особенно благодаря буддийским паломникам, продвижение которых в течение нескольких столетий шло именно по Великому пути.

Второй по значению Шугнанский, или Малый Памирский, путь пролегал севернее Великого пути и шел по долинам рек Гунт и Шахдара. Наиболее ранние сведения о Шугнанском пути относятся к VII в. в связи с движением буддийских паломников между Кашгаром и Индией. Крепости, связанные с Шугнанским путем, не такие мощные, как ваханские, но все же представляли реальную силу, противостоявшую ишимским вторжениям.

Третий путь, Кашмирский или Гибинский, пролегал по восточной окраине Памира от Кашгара до Сарыкола и далее на юг, через Ташкурган, височий мост до Кашмира. Это один из древнейших путей, пролегающих через горные районы. Именно по этому пути во II в. до н.э. сакские племена вторглись в Индию.

В Северном Приамырье с I в. н.э. функционировал Каратегинно-Алайский путь. В силу сложных природных условий этот путь не играл сколько-нибудь значительной роли в связях провинций Восточного Туркестана с западными странами. Ферганский путь пролегал по южным склонам Тянь-Шаня и Ферганской долине. Он начал действовать со II в. до н.э. и функционировал в течение многих веков.

Керамика

А.Н. Бернштам первым определил место керамических комплексов Памира в общем единстве среднеазиатской гончарной продукции. Он отметил сходство памирской керамики с изделиями Согды и Ферганы, выразившаяся, в частности, в характере обработки поверхности, в составе формовочной массы (*Бернштам*, 1952, С. 281).

В настоящее время раннесредневековая керамика наиболее полно представлена материалами из раскопок (Табл. 95, 12–18) сельской усадьбы Патхур (*Бубнова*, 1982, С. 176–179), культовых сооружений Кафрыкала I–IV (Табл. 96, 4–12), Вранг (Табл. 96, 20–27), Зонг (Табл. 96, 15–18) и могильников (*Бабиев*, 1971, С. 102–114; *Бубнова*, 1982, С. 176–183).

Керамика в основном левая, фрагменты гончарной посуды единичны. Полная классификация раннесредневековой керамики Вахана и Шугнана в настоящее время рещена частично, в основном по материалам могильников. В целом выделяется кухонная и столовая посуда. Для первой характерно грубое тесто с примесью песка или гравия; для второй – тесто без примесей. Как первую, так и вторую группу отличает неравномерность обжига, но первую с этим значительная часть посуды хорошо выделена. Слюда в большей или меньшей степени

присутствует во всех изделиях и является естественной примесью, поэтому не может служить датировочным признаком, как считали А.Н. Бернштам и А.Д. Бабиев (*Бернштам*, 1952, С. 281; *Бабиев*, 1971, С. 105; 1973, С. 90). Лощеные сосуды – характерная особенность раннесредневековой керамики Вахана и Шугнана. В зависимости от состава глины и режима обжига лощеная поверхность сосуда приобретала светло-желтые, розовато-красные, светло- и темно-коричневые оттенки. Отмечается разнообразие форм: котлы, горшочковидные сосуды, кувшины узкого горла и широкогорлые, миски полушарообразной формы, сосуды «корзинки» (местная форма), кружки, миниатюрные сосуды. Особое место в керамических комплексах из могильников Змуде занимают кружки с округло-примысистой туловом. Фрагменты таких сосудов найдены также в культурном сооружении Вранг. Для них характерны ручки, которые, как полагают А.Д. Бабиев, имитируют кость животного, и в виде посуды или частично полых цилиндров, горизонтально расположенных на короткую вертикальную ножку. Вторая особенность этого вида посуды – роспись, выполненная красной или темно-коричневой краской (Табл. 95, 7–24; 96, 4–12, 15–18, 20–27). А.Д. Бабиев специально анализировал расписную керамику Вахана и пришел к выводу,

что аналогично ей надо искать в ранних материалах Ферганы, Афганистана и Индии, но их форма соответствует курам V–VII вв. (Бабаев, 1971, С. 112–113).

Металлические изделия с поселений и общественных

сооружений единичны. Оружие представлено железными трехлопастными наконечниками стрел, колечками кольчуги (Табл. 96, 28). Найдены железные вотивные ножи, шила, пряжки.

Деревянные и костяные изделия

Из дерева изготавливались ножи, древки стрел, лопаты, посуда (чаша, блюда), коробки, гребни односторонние и двусторонние, "пробки", приборы для добывания огня.

В погребениях обнаружены костяные флейты и детали арфы.

Костяные изделия найдены в могильниках: рукояти ножей мунштукообразной формы, проколки (Бабаев, 1965, С. 75). Особое место среди костяных предметов занимает прямоугольная пластина – талисман. На одной стороне ее изображен бегущий олень, архар или козел:

на другой – две фигуры, стоящие у горшочка жертвенника в виде чашивидного сосуда с широкой закраиной на устойчивом поддоне. Исследовавший талисман А.Д. Бабаев интерпретирует его как подражание каменным переносным жертвенникам и объясняет его появление в Вахане тем, что здесь был распространен культ огня. В.Г. Шкода отмечает распространение переносных жертвенников не только в Согде и Тохаристане, но и значительно шире – "даже на Западном Памире" (Шкода, 1985, С. 82–83, 85).

Одежда и украшения

Как отмечено в письменных источниках, население носило одежду из шерсти и войлока. Обрывки войлока найдены при раскопках Врангского комплекса. Оттуда же происходят несколько фрагментов хлопчатобумажной ткани полотняного плетения.

Украшения найдены преимущественно при раскопках

могильников. Из славянских бронз и латуни изготовлены браслеты, перстни, подвески, серьги, колокольчики (Бабаев, 1965, С. 72–75). Бусы делались из пасты, стекла, янтара и камня (лазурит, сердолик, мрамор), из косточек миндаля и каких-то ягод. За исключением бус из косточек, все остальные были привозными.

Раннесредневековые могильники

Раннесредневековые могильники известны только на территории Вахана. На поверхности погребения отмечены каменными оградками четырехугольной, квадратной или округлой формы. Сложены из одного или двух–шести рядов камней (Табл. 95, 3, 4). В некоторых могильниках ограды приставляли к большим камням (Змуд). Есть ограды подковообразной формы со входом в "усами" (Канкор), кольцевые выкладки из одного ряда камней, в центре положены три–четыре камня (Новобад). В одном случае по периметру ограды через каждые 90 см врыты четыре деревянных шита высотой 40 см, в другом – в центре вкопан деревянный столбик высотой 25 см. Умерших хоронили в скорченном положении на правом боку, на животе, с искусственно подогнутыми ногами; на спине; есть несколько скелетов в одном погребении. Головой ориентированы на север, северо-восток, восток, юг. Автор раскопок раннесредневековых

могильников в Вахане А.Д. Бабаев пришел к выводу, что в погребальном обряде переплетаются дорострийские и древние местные погребальные традиции (Бабаев, 1989, С. 26–28).

Изолированность района, продиктованная природно-ландшафтными особенностями, способствовали сохранению древних хозяйственных, культурных и религиозных традиций оседлого населения на протяжении многих столетий.

В целом в раннесредневековый период области Вахан и Шугнан представляли собой, с одной стороны, самобытные районы с преобладанием натурального хозяйства; с другой стороны, обе области выступают активными приемниками общих достижений культуры соседних регионов, что особенно ярко проявилось в искусстве фортификации и строительстве культовых сооружений.

Глава 9

Семиречье

В IV в. на обширной территории Средней Азии происходила консолидация племен в государственно-общественное раннефеодалное типа – Тюркский каганат. К концу 60-х годов Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени – Византии, Сасанидского Ирана, Китая. В Суябе на р. Чу находилась ставка Западнотюркского каганата (Clason, 1961. S. 1–13; *Клиторный*, 1964. С. 21–22). Став политическим гегемоном на обширных просторах Центральной Азии и взяв под контроль торговлю по трассе Великого шелкового пути, тюркские каганы установили прочные связи с согдийцами. Политические и экономические связи с Согдом не только стимулировали, но и в известной мере определили своеобразия городов и селений в Семиречье.

Письменные источники свидетельствуют о расселении согдийцев по трассе Великого шелкового пути, где ими был основан ряд городов (*Palkyblank*, 1952. S. 317–356). Первые сведения о согдийцах в Чу-Таласском междуречье содержатся в сообщении Менаандра о посольстве Земарка к западнотюркскому кагану Истеми (568 г.). К этому же времени относится сообщение Нершахи о переселении из Бухары группы согдийских дехкан и купцов, основанных в Таласской долине город Хамукат (Джамукат) (*Валин*, 1960. С. 178; *Нершахи*, 1891. С. 12–13). В VII в. широкую известность приобретают города Тараз, Суяб, Навекат, в которых имелись согдийские общины.

Стаивание раннефеодалных отношений привело к обострению социальных противоречий в Тюркском каганате, к росту богатства и влияния тюркской аристократии, объединению массы рядовых общинников, военным поражениям, голоду и в итоге – к распаду каганата в начале VII в. на два самостоятельных владения – Восточный и Западный.

В состав Западно-Тюркского каганата вошли южные и юго-восточные районы Казахстана. Центром его стали земли Семиречья (*Клиторный*, 1964. С. 21–22). Отсюда началось завоевание тюрками Средней Азии. Постепенно тюрки осваивают систему административного управления среднеазиатских владений. При кагане Туншухе местные среднеазиатские правители были превращены в заместителей кагана и получили соответствующую титулатуру (*Бичурин*, 1950. Т. I. С. 238).

Но вскоре внутренние и внешние события привели к гибели Западнотюркского каганата и образованию на его развалинах в конце VII в. каганата тюркшей (*Клиторный*, 1964. С. 139–140).

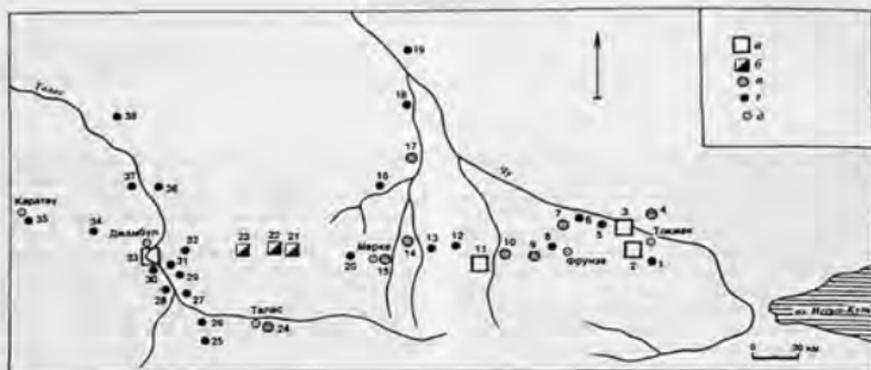
В начале VIII в. арабы, укрупнившись на территории Хорасана, начинают захват Мавераннахра. Внешняя опасность заставила объединиться тюркшей и согдийцев, и они сумели нанести тюркским арабам войскам, используя тактику обмана, арабам все же удалось добраться до устья и занять Бухару, а затем Самарканд.

В 712–713 гг. против арабов выступили объединенные силы тюрков, согдийцев, шавшей и ферганцев. Эта коалиция превращается в главного противника арабов. Благодаря ей ни средние Сырдарья, ни Семиречье не были завоеваны арабами (*Клиторный*, 1964. С. 152–155).

Борьба тюркшей с арабами ослабляла междоусобицы в каганате, чем не замедлили воспользоваться китайцы, которые временно захватили Суяб. Однако в Таласской битве китайская армия потерпела поражение от арабов и карлуков (*Валин*, 1960. С. 80; *Большиков*, 1980. С. 132–136). В 766 г. власть в Семиречье захватили карлуки. Они активно поддерживали антиарабские и антиисламские выступления в Средней Азии, что вызывало со стороны арабов ответные действия. Так, исторически засвидетельствованы походы арабов на среднюю Сырдарью, когда они под предводительством Фадла бен Сахья вторглись в область Отрара, убили начальника пограничной крестовой и взяли в плен сыновей карлукского джабгу (*Михайлова*, 1951. С. 11–12). Более успешно действовали Саманды. В 839–840 гг. Нух ибн Асад совершил поход против владетеля Испиджаба, подчинил город и построил стену вокруг виноградников и посевов жителей (*Валин*, 1960. С. 75; *Бартольд*, 1968. С. 46).

В начале второй половины IX в. Наср I Ахмед завоевал Шагвар (*Бартольд*, 1968. Т. I. С. 268), и лишь во второй половине IX в. Саманды распространили свое влияние до Таласа (*Валин*, 1960. С. 76; *Бартольд*, 1968. Т. I. С. 46). Таким образом, юг Казахстана и Семиречье по крайней мере в первой половине IX в. сохраняли известную самостоятельность и поэтому позже других областей Средней Азии были втянуты в процесс исламизации, сохраняя традиции раннесредневековой, или “домусульманской”, культуры.

На фоне этих политических событий, в условиях становления феодальных отношений в долинах Таласа и Чу развивалась городская культура, способствовавшая включению развитых оседлоземледельческих областей Согда и Тохаристана в состав Тюркского каганата. В раннее средневековье культурные взаимосвязи были теснее, чем в предшествующие времена, и это предполагает “подтягивание” социально-экономических уровней и сопоставимость (адекватность?) социально-экономических моделей не только для Согда и Тохаристана (*Литвинский*, 1986. С. 198), но и для всей области “страны Сули” – т.е. р. Чу до Железных ворот – Чу-Таласское междуречье (*Габурин*, *Литвинский*, 1976. С. 7–8). Однако до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о степени влияния Согда на формирование городов Семиречья. В.В. Бартольд полагал, что городская культура здесь появилась благодаря согдийской колонизации (*Бартольд*, 1964. Т. II. С. 265–302, 461–470). С.Г. Клиторный, исходя из В.В. Бартольда, пишет о федерации согдийских городов Семиречья (*Клиторный*, 1964. С. 123–135). А.Н. Бернштам и П.Н. Коже-

Карта 9. Семиречье

1 – Бурана; 2 – Албешим; 3 – Красночеренское; 4 – Кызылчи; 5 – Покровка; 6 – Чуманское; 7 – Грозненское; 8 – Ключенское; 9 – Сукулук; 10 – Бездольское; 11 – Ишнгетобе; 12 – Полтавское; 13 – Кавдинское; 14 – Аспара; 15 – Мерк; 16 – Сретенское; 17 – Толекское; 18 – Актобе Степное; 19 – Ташкулы; 20 – Луговое; 21 – Молдабай; 22 – Ахартобекулы; 23 – Касрибас; 24 – Акто-

бе Талокское; 25 – Чалзапар; 26 – Актобе Орловское; 27 – Садыр Курган; 28 – Майтобе; 29 – Садыр Бешмаги; 30 – Джумантобе; 31 – Джалпахтобе; 32 – Торкгулы; 33 – Тарах; 34 – Бестобе; 35 – Тамды; 36 – Табмакент; 37 – Охкум; 38 – Шарва; а – крупный город; б – караваншан; в – средний город; г – малый город; д – современное солонье

мько считают памятники оседлой культуры Семиречья согдийским, а памятники кочевой культуры – тюркскими (Чуйская долина, 1950. С. 145–147; Кожемьяко, 1959. С. 167–184).

Существует другая точка зрения, согласно которой Семиречье не было объектом колонизации Согда, а было самостоятельным регионом развития городской культуры (Агеева, 1962. С. 125). По мнению Т.Н. Сеиновой, население Тараза и его округи состояло из местных тюрк-карлуков (Сеинова, 1972. С. 205).

В настоящее время благодаря интенсивным исследованиям в самом Согде и в Семиречье выделены составные компоненты раннесредневековой культуры Южного Казахстана и Семиречья и выяснена интегрирующая роль согдийского культурного комплекса (Массон В., 1979. С. 5; Байнаков, 1979. С. 7–10). В нем находят воплощение и функция города как центра административной власти, ремесла, торговли и сельского хозяйства. Показательно сложение городского быта, который представлял устойчивыми канонами жилой архитектуры, терракотой, керамическими коллекциями, надписями на керамике, монетами, погребальными сооружениями, обрядом захоронения.

Распространение согдийского культурного комплекса не только было результатом непосредственного расселения согдийцев, о чем достаточно четко свидетельствуют письменные источники, но и отражало процесс культурной интеграции. Согдийским образцам как эталоном подражали в Чаче, на юге Казахстана и в Семиречье.

Одновременно с согдийским распространяется и тюркский культурный комплекс. Тюркское влияние все отчетливее обнаруживается при исследовании материальной культуры не только Юго-Западного Семиречья и Южного Казахстана, но и Ферганы, Уструшаны, Тохаристана, Согда (Гафуров, 1972. С. 222–223). Под воздействием тюрков выработались новые типы вооружения, украшений и металлической посуды, в частности кружек, которые распространялись на обширной территории Евразии (Распопова, 1970. С. 86). Некоторые формы керамических сосудов подражают металлическим (Маршак, 1965. С. 25–26).

Велико место тюркское воздействие на искусство, имело место также взаимовлияние тюркской, ирано-таджикской и арабской поэзии, эпоса и литературы (Гафуров, 1972. С. 223).

В результате в VI – первой половине IX в. складывается своеобразный культурный комплекс, который можно назвать тюркско-согдийским. Одно из проявлений его – единообразие городской культуры Согда-Мавэрannahра, Тохаристана, Чача и Юго-Западного Семиречья (Байнаков, 1986. С. 92–98), в котором сказывался градостроительный опыт согдийцев. Причем Семиречье наряду с Ферганой и Восточным Туркестаном, выступает в известной мере ретранслятором ремесленно-торговых и культурных традиций.

Однако при общем согдийском облике городской культуры здесь существенную роль играли элементы несогдийского происхождения (Маршак, Распопова, 1983. С. 78–80).

Топография и типология городищ

Согласно письменным источникам, в VII–X вв. в Семиречье насчитывалось 27 городов и селений, которые в большинстве своем отождествляются с конкретными городищами.

На территории Чуйской и Таласской долин зафиксированы 36 городищ, имеющих слои VII–VIII вв. Все они продолжали жить и в последующее время. У городищ выделяется центральная часть, состоящая из цитадели и шахристана. К ним примыкает территория, окруженная стеной, протяженностью от трех до нескольких десятков километров. Кроме внешнего вала, встречаются участки оплывших внутренних стен (*Кожемко, 1959. С. 65–130; 1963. С. 145–224*). Цитадели, как правило, не превышает 1 га и занимает меньшую часть шахристана. “Длинные стены” защищают сельскохозяйственную округу города с усадьбами и земельными участками, садами и огородами горожан.

В расположении городищ с “длинными стенами” замечается строгая закономерность: в долине Таласа они находятся на расстоянии 15–20 км одно от другого в наиболее удобных участках долины, в местах впадения в Талас мелких горных речек. В Чуйской долине закономерность расположения городищ еще более четкая: 13 городищ расположены в предгорной зоне на конусах выноса горных речек на расстоянии 15–35 км одно от другого; остальные образуют северную внешнюю цепь в местах впадения стекающих с Киргизского хребта речек в р. Чу.

Считая площадь городища одним из наиболее существенных признаков его значимости, можно предположить типологию их в сопоставлении с городами письменных источников. Так, к первому типу относятся городища, площадь центральных развалин которых неслучайно несколько десятками гектаров (от 30 и более). Соответственно большими размерами отличаются в территории, окружающие “длинными стенами”. Эти городища сопоставляются с известными по письменным источникам, столицами и крупными городами региона: разва-

лины в Джамбуле – с Таразом; Ак-Бешима – с Сузбюм; Красной Речки – с Наваскатою; Шштобе – с Нузуктою.

У городищ второго типа площадь составляет от 10 до 30 га; часть из них улетает отожествлению: городище Актобе Таласское – с Текабкетом; Чалдонар – с Сусом; Мерке – с Мирки; Аспара – с Аспарой; Сокулук – с Джулем; Беловодоуская крепость – с Харанджуваном; Толекское – с Вага; Грозненское – с Сарыгом; Касымчи – с Бунджакетом.

Согласно ал Макдиси, Текабкет и Суз являются “городами”. Ибн Хордадбах и Кудам называют Мирки, Аспара, Харанджуван, Джуль “большими селениями”. Однако для этой группы характерны развитые ремесла, в первую очередь гончарное. Наличие монет и расположение на торговых путях свидетельствуют о развитой экономике. Эти города следует отнести к категории средних.

Площадь городищ третьей группы составляет менее 10 га. Часть их отождествляется с городами, названными в источниках: Джуантобе – с Атахом; Торткозтобе – с Низами Барсханом; Тоймакент – с Адахтолем; Охум – с Дех-Нуджакесом; Луговое – с Куланом; Чумышское (по одной версии Новопокровское) – с селением тюркского кагана; Новопокровское (по другой версии Миланфанское) – с Кирмырау (*Байтин, 1986. С. 228–235; Горюева, 1988. С. 100–103*). Это небольшие города, или городки.

К городским поселениям Чу-Таласа можно отнести еще несколько десятков поселений, являющихся городками-спутниками или крепостными форпостами на подступах к крупным городам (Малый Ак-Бешим, Ивановское, Старопокровское, Кенесское, Мавеское, Кызылакерское и др.). В их структуре нередко выделяются цитадели и шахристаны, пригородные участки с некрополями. Некоторые поселения имели мощные крепостные сооружения. В ряду городищ типа торткудей (дословно “четыреугольные”) выделяются ставки, поселения, караван-сарай (*Кожемко, 1959. С. 131–184; Байтин, 1986. С. 128*).

Структура и застройка городов

О формировании городов в долинах Таласа и Чу высказывались разные точки зрения. А.Н. Бернштам сопоставлял города региона с согдийскими и выделял в их структуре три составные части: цитадель, шахристан, рабад. П.Н. Кожемко комплекс холмов шахристанов именовал центральными развалинами, отрицая наличие в семиреческих городах развитых шахристанов и рабадов. Городской застройкой он считал всю территорию, окружающую “длинной стеной”. По его мнению, в поселениях Чуйской долины до X в. не произошло полного отделения ремесла от сельского хозяйства (*Кожемко, 1959. С. 183*). К.И. Петров считал, что в отличие от большинства среднеазиатских городов поры раннего средневековья чуйские не имели сельскохозяйственной округи. Она была как бы инкорпорирована в самом городе, в пределах его оборонительных валив (*Петров, 1981. С. 132–133*). Хотя ремесло было четко отделено от земледелия, “город” территориально не отделялся от “деревни”. Поэтому для чуйских поселений этот автор

предлагает термин “аграризированный город” (Там же. С. 134).

Источники свидетельствуют, что города были административными центрами. Каждый из городов выступал определенное число военных в случае опасности. Административный характер города подчеркивают и письменные источники, сообщая, что владетель города Кермынет носил титул “Кутегинабай”; городом Яр управлял феодал с титулом “Тексин”; владетель Невакета назывался “Яланшах”, а Семеким – “Иналтегин” (*Бартольд, 1963а, т. II, С. 1*). Наиболее укрепленной частью города была цитадель, служившая в это время резиденцией правителя города или всей округи.

В Таласской долине археологически наиболее изучена цитадель Садыркургана, отождествляемого с Шельдаж. Она восьмигранная в плане, размером 170×135 м по основанию, высота 21 м. Центральные развалины имеют площадь 7500 кв. м. (2270×280 м). Их окружают ремесленные кварталы. На цитадели Шельдаж раскопана-

лось дворцовое сооружение. Вскрыты четыре помещения площадью 230 кв. м, относящиеся к пятому строительному горизонту; ниже открыты еще три горизонта с остатками построек VIII–IX вв. Внутреннее пространство города (шахристан), по наблюдениям П.И. Кожемяко, не было плотно застроено. Нитенсивное освоение его территории продолжалось в более позднее время. В топографии Садыркутана зарегистрировано явление, не встречающееся при изучении других городов долины: к западному отрезку "длинной стены" примыкает значительный участок городской застройки, включавший серию смежных усадеб с жилыми и производственными комплексами (Кожемяко, 1970, С. 35–38).

Раскопки цитадели города Джамбуз (Тараз) в Луговое (Кулан) в слоях VI–VIII вв. выявили остатки построек замкового типа (Байпаков, 1986, С. 73).

Интересные наблюдения сделаны при раскопках цитадели городища Костобе в Таласской долине, отождаствимого с Хамукатом. Цитадель городища представляла собой пирамидальный холм высотой 12–15 м с верхней площадкой размером 30х40 м. Первоначальная постройка цитадели, относящаяся к VI–VIII вв., представляла собой сооружение замкового типа, поставленное на высокой стилобат. По периметру его проходили обводные галереи.

Городища Ак-Бешим и Красная Речка – наиболее ранние и крупные поселения региона. Они являлись, столетними городками, возникли и развивались одновременно, хотя и имеют некоторые структурные отличия. Представляется, что городища Ак-Бешим (Суйб) по своей структуре соответствует городу согдийского происхождения. Первоначально он имел высокую цитадель и шахристан.

Их общая площадь равнялась 35 га. Во второй половине VIII в. (по-видимому, после разрушения Суйба в 748 г.) с юго-востока пристраивается новая часть города, возможно ставка кагана, площадью 60 га. Окружавшие шахристана земля с замками феодалов и рядовой застройкой горожан, с постройками религиозных общин и некрополя, пашни и сады были обведены кольцом "длинных стен" (Табл. 99, 1). Культурный слой датирует город VI–X вв., и лишь на отдельных участках жизнь

продолжалась и в XI в. (Кызылбаев, 1959, С. 237; Кожемяко, 1959, С. 78; Байпаков, Горючева, 1983, С. 74–75).

Развалины городища Красная Речка состоят из цитадели, двух шахристанов, некрополя с культурными комплексами (Табл. 97, 1). Топография городища в совокупности с материальными раскопками послужила основным источником для создания схемы формирования города и суждений о характере его застройки. В свое время А.Н. Бернштам писал о сложении города из отдельных замков согдийской знати, поселившейся здесь в V–VII вв. (Табл. 97, 2, 3, 5).

Древнейшим укрепленным ядром города был квадратный в плане шахристан II площадью 19 га в северо-западном углу центральных развалин, он застраивался одновременно с возведением замков в его округе. К VII в. замки приходят в запустение в связи с возведением укреплений шахристана I, а в VIII–IX вв. здесь формируется город (Бернштам, 1941, С. 73; Чуйская долина, 1950, С. 11–12, 14, 20).

Типичным замковым сооружением являлась цитадель города, построенная в юго-восточном углу шахристана I на высоком стилобате размером 110х110 м. Стилобат же был возведен на естественном возвышении. Раскопками выявлены три строительных горизонта, относящиеся к VII–XII вв., причем со второй половины X и до середины XI в. отмечен период запустения на цитадели. Первоначально здесь находился замок с обходной галереей. В его центре размещались парадный зал, служебные и жилые помещения с богатым декоративным убранством (Байпаков, 1986, С. 73).

В VII–VIII вв. происходит рост города за счет застройки территории между шахристаном II и замком-цитаделю. В общую оборонительную систему включаются вся территория; цитадель усиливается двумя выносными башенками, а рвы со стороны города превращаются во внутренние водоемы-саузы.

О структуре шахристанов без широких раскопок судить трудно, однако россыпи шлаков и наличие производственных отвалов позволяют предполагать размещение здесь и ремесленных мастерских. За пределами шахристана ремесленные комплексы зафиксированы пока только для X–XII вв. (Кожемяко, 1967, С. 63–90).

Фортификация

Крепостное строительство занимало важное место в градостроительстве региона. В состав городских укреплений входили цитадели и оборонительные стены с башнями. В свое время на основании хорезмийского материала С.П. Толстов высказал предположение, что крепостные стены раннесредневековых городов представляли собой монолитные сооружения без внутренней стрелковой галереи (Толстов, 1962, С. 51). Разрезы крепостных стен цитаделей, шахристанов и длинных валов показывают, что в строительстве использовались паша, сырцовый кирпич и их комбинации. Наиболее показательна фортификация городища Красная Речка. Оба его шахристана, цитадели и некрополь имели мощные укрепления. Стены сохранили башни и предвратные сооружения. С внешней стороны шахристана были окружены рвами шириной до 50 м. Разрез крепостной стены шах-

ристана II выявил следующую конструкцию: на вырубленной и лессовом грунте платформе высотой 2,5 м возведена стена из нарезных ракушечных блоков. Ширина ее по основанию 12,3 м, сохранившаяся высота 5 м. Перед крепостной стеной с внутренней стороны оставалась свободной незастроенная полоса.

Стена участка, примыкающего к шахристанам с запада, была построена в процессе формирования здесь некрополя в VII – середине VIII в. Она глинотбитая и возведена на гребне естественного возвышения на лавсовой платформе; ширина по основанию 10,5 м, кладка сохранилась на высоту 2,7 м.

Индивидуальные ограждения из глинобитно-сырцовых стен имели отдельные усадьбы, культовые комплексы и расположенные в пределах "длинной стены" замки.

В Таласской долине наиболее мощными стенами был окружен Тараз. Ширина стены, возведенной из пазовых блоков, чередующихся со слоями гальки, достигала 15–20 м (Сенигова, 1972, С. 65). Разрез крепостной стены Актобе Таласского выявил пазовую кладку, в качестве наружной облицовки которой применялся равный камень (Кожемыко, 1963, С. 167–171).

Разрезы “длинных стен” показали, что они возводились из пазов ленточной техникой с использованием в конст-

рукциях сырцового кирпича, слоев гальки в грунте. Параметры стен различны: при ширине стен от 2 до 7 м сохранившаяся высота их, как правило, не превышает 5 м.

При сравнении стен раннесредневековых городов Семиречья с укреплениями городов Средней Азии и Южного Казахстана обнаруживается их близость и однотипность как в устройстве, так и в строительной технике (Белецкий, Бентонич, Бальшаков, 1973, С. 14–23; Воронина, 1959; Нильсен, 1966, С. 224–232).

Строительство и архитектура

Развитие экономики и расширение торговли способствовали расцвету строительного дела, монументального искусства и архитектуры, о которых можно судить главным образом по жилым и общественным постройкам, культовой архитектуре и погребальным комплексам. В период начальных этапов градостроительства четко выделялись сохранившиеся культурные эталоны в зданиях, привнесенные переселенцами из Согды, Чача, Тохаристана, Уструшани. Особенно наглядно это проявляется в дамковых сооружениях. Замки распадались на городища Ак-Бешим, Красная Речка, Тараз, Луговое, Актобе Таласское. Они возводились из пазов, сырцового длинномерного кирпича на лессовом растворе, с применением комбинированной кладки (табл. 97, 8, 9).

Это монументальные здания, возводившиеся на высоких искусственных платформах. Нередко использовались естественные возвышения. Постройки имели один или два этажа с множеством узких полутемных помещений, коридоров. Обычно нижний этаж имел по шесть–восемь длинных комнат, толщина стен которых достигала 2 м и более. Нижние этажи освещались через специальные люки в сводах или с помощью светильников. Пандус или перекидной мостик вел на второй этаж, а уже по лестнице можно было попасть в комнаты нижнего этажа. К замку обычно примыкал обширный двор, обнесенный глинобитной стеной. Гребень стен, как правило, венчали уступатые парапеты, откуда можно вести обстрел. Весь облик построек свидетельствует о том, что замок был не только жилым, но и оборонительным сооружением.

Коробовые своды выводились наклонными отрезками, арки — клиноватой кладкой. Квадратные помещения перекрывались куполами. Переход к куполу осуществлялся с помощью арочно-ступенчатых тропинок (Табл. 105, 2).

Примером такой постройки могут служить замки Краснореченского городища. А.Н. Бернштам в предельно точные годы раскопал замок, расположенный в 1 км к югу от шахристана, и относил эту постройку к типу сохдийских кешков. Здание прямоугольной формы. Длинный коридор вытнуто с востока на запад. С севера и юга к коридору примыкают однотипные длинные прямоугольные помещения, перекрытые коробовыми сводами (Табл. 97, 2). К зданию примыкал небольшой дворик с хозяйственными постройками, обнесенный стеной (Бернштам, 1950, С. 32–36, Табл. V).

На Краснореченском городище исследованы еще два замка. Оба они расположены к югу от центральной части городища. Первый находился в 200 м южнее юго-за-

падного угла городища и представлял собой прямоугольное в плане монументальное сооружение, ориентированное по странам света. Площадь здания 24х29 м. К нему примыкал дворик, окруженный валами. Монументальность и архитектурно-планировочный принцип сооружения подчеркивают его оборонительные функции. Здание включало три длинные узкие комнаты, соединенные между собой широкими проходами, расположенными в середине стен. В восточной (торцовой) стене среднего помещения находился вход в замок (Табл. 97, 3). В здании неоднократно проводился ремонт, сводившийся к промазке швов и очень незначительным перестройкам (Кожемыко, 1989, С. 66–67).

Третий замок открыт неподалеку от юго-западного угла шахристана II и представлял собой прямоугольную постройку, ориентированную углами по странам света. Три угла замка, кроме южного, обращенного во двор усадьбы, укреплены башнями подтреугольной и пятигранной очертаний. Башни выступают за линию стен на 2,8 м. Мощные глинобитные стены, толщиной до 6,7 м, образуют периметр здания. Внутренние стены выложены из длинномерных сырцовых кирпичей.

Здание принадлежит к постройкам коридорно-гребенчатого типа. По центральной оси с северо-востока на юго-восток на всю внутреннюю длину прямоугольника проходит коридор. По обе стороны коридора расположены параллельно идущие длинные помещения (по четыре с каждой стороны). На каждой из внутренних стен в центре — полуциркулярная арка, скорее всего декоративная (Табл. 97, 8). На плоскостях стен, образующих коридор, выложено по три арки. Они закрыты торцами стен, образующих комнаты. В здании не выявлено ни одного дверного проема: ни между помещениями, ни внешне, выходящего из замка наружу. Автор раскопок замка П.Н. Кожемыко предполагал наличие в замке второго этажа, пандуса или перекидного моста от какого-то сооружения, по которым входила в помещения второго этажа, а оттуда по деревянным лестницам спускались на первый этаж (Кожемыко, 1989, С. 33–37). Замок разрушен в VIII в., на нем была сооружена глинобитная платформа, на которой возведен буддийский храм (Табл. 97, 4).

Замок “Луговое А” включал семь помещений, прямоугольных в плане и вытнутое в направлении восток-запад. Размеры их варьируют: (2,6–3,6х(7–7,5) м (Табл. 105, 3–7).

Массивные стены полутораметровой толщины сложены комбинированной кладкой из глинобитных блоков и сырцового кирпича. В основании их лежат блоки

размером 100x50x20 см, затем три ряда кирпичей размером 48x22x11 см. Сводчатое перекрытие выложено наклонными отрезками из кирпичей такого же размера (Табл. 105, 2-4).

В конструкции замка прослеживаются два строительных горизонта, соответствующие двум периодам жизни здания. В первый период высота помещения с корридором перекрытием составляла 2,25 м, а купольного — 2,5 м. В этот период все помещения объединились в единый жилой комплекс и сообщались между собой арочными проходами. Наружные и внутренние стены толщину 1,7-4,5 м. Углы здания укреплены четырехугольными контрфорсами, выступающими за периметр стен (Табл.

105, 6). Первый период датируется VI-VIII вв. Второй период характеризуется рядом существенных перестроек. Помещения изолированы одно от другого. Часть арочных проходов первого периода заложены кирпичом, зато пробурены новые в толще наружных стен, и каждая комната имела свой выход во двор. Уровень нового пола поднялся почти на целый метр. Стены покрыты глиняной штукатуркой и слоем алебастра. Судя по остаткам деревянных балок, для этого периода характерно использование для поддержки сводов дополнительных деревянных опор у внутренних стен в залах. Верхний строительный горизонт датируется VIII-X вв. (Байнаков, 1966, С. 61-66).

Культовые сооружения

В городах Семиречья открыты буддийские храмы и монастыри, христианские (несторляниские) церкви, зороастрийско-магические наусы и храмы. Их наличие засвидетельствовано в письменных источниках. Персональный автор Худуд ал Алам сообщает, что на поселениях в Семиречье жили христиане, зороастрийцы и "саб-бий" (буддисты?) (Бартольд, 1964, Т. II, Ч. 2, С. 465-466). При визите Тараза Сасанидами в 893-894 гг. христианская церковь была перестроена в мечеть. Соборная мечеть города Мирки также прежде была церковью (Бартольд, 1964, Т. II, Ч. 2, С. 228). В колофоне маньчжурской рукописи из Ходжо (Турфанский оазис) "Святая книга двух основ" перечислен ряд городов Чуйской и Таласской долин, где в VIII-IX вв. имелась маньчжурская община. Это Тараз, Иканевед, Ордукед, Чигильбалык (Калитворный, 1964, С. 131).

Судя по археологическим памятникам, наибольшее распространение в области получили зороастрийские, буддийские и христианство несторлянского толка.

Памятники буддийских общин Семиречья VII-X вв. открыты в разные годы на городских Ак-Бешим, Красная Речка, Нивопокровское, Новопапловское. Это урны, монастыри, часовни, а также находки скульптур, статуэт и стел с буддийскими персонажами и сценами, характерными для других областей Средней Азии, и для Восточного Туркестана середины и второй половины I тысячелетия н.э.

Полностью раскопаны остатки двух буддийских храмов Ак-Бешима, датированных концом VII — началом VIII в. (Кыласов Л., 1959, С. 155-227) и VI-VII вв. (Зяблонский, 1961, С. 3-73). Частично раскрыты два храма на Краснореченском городище, первый из них датирован IX-X вв., а второй VII-VIII вв. (Кожемичко, 1989, С. 18-24, 37-41). Храмы имеют некоторые отличия в планировке, но они идентичны и основной планировочной части. В их комплексе входили внутренний двор, святилище с обводным корридором, жилище и хозяйственные помещения. Стены построек сложены из сырца и тахты, мощность их от 1,5 до 3 м, корридоры перекрывали своды, а целлы — купола. Портальную нишу входа и храм перекрывала арка.

Первый акбешимский храм имел прямоугольную форму и вытанут с востока на запад. Вход в храм находился с восточной стороны и представлял собой наусы с суфами по сторонам. Вход вел в небольшой вестибюль,

по сторонам которого располагались приватные помещения. Проход из вестибюля вел в большой открытый двор площадью 576 кв. м. Двор, стены были айваны — навесы с суфами. Двор, видимо, предназначался для отдыха богомольцев. Дверь в западной стене вела в обширный зал, в котором проходили богослужения (Табл. 99, 2, 3).

Плоское перекрытие зала опиралось на восемь колонн. В западной стене находились три двери. Две из них вели в обходную галерею, третья — в святилище. В зале были четыре постамена, на которых размещались статуи Будды. Две из них были около западной стены по сторонам от входа в святилище. Два другие — в юго-западном и северо-восточном углах зала. На северном пьедестале помещалась статуя Будды Майтрея. От нее сохранились лишь ноги, стоявшие на лотосовидных возвышениях, и куски торса, перед ногами находился круг для жертвоприношений.

На южном постаменте сидел Будда с подогнутыми ногами. От него сохранились куски торса и головы. Перед постаментом был глиняный круг для жертвоприношения. Из зала проникал бронзовая бляха, изображающая Будду с поджатыми ногами.

Судя по находкам, зал был богато украшен живописью и скульптурой.

В святилище из зала вела лестница, сложенная из сырцовых кирпичей, она имела марш из пяти ступеней. Святилище квадратное в плане, площадью около 40 кв. м. Посреди пола находилось прямоугольное углубление. Его стенки выложены кирпичом. Исследовавший этот памятник Л.Р. Кыласов предполагает, что в этом углублении стояла основная статуя Будды из бронзы (Кыласов, 1959, С. 185). Около западной стены святилища найдены 12 бронзовых блях, лежащих вместе. На них изображен Будда, или один, или в сопровождении бодисатв (Табл. 100, 1-5, 5-8).

Бляхи, видимо, являются частью иконостаса, располагавшегося около западной стены святилища. Вокруг святилища проходила обходная галерея. Вдоль галереи шли суфы. По всей галерее на суфах были размещены скульптуры и даже скульптурные группы. Их обломки обнаружены в галерее и большом количестве.

Второй храм Ак-Бешима имел квадратный план (38x38 м) и был обращен входом на север. Крестовидная в плане целла (10,5x10 м) была обведена двумя коридо-

рами, выходящими в квадратный дворик (Табл. 101, 1). В стенах святилища и коридоров имелись ниши для скульптур, сами стены покрыты росписями. По мнению Л.П. Зяблина, святилище храма имело деревянную конструкцию перекрытий, характерную для памятников Восточного Туркестана. Среди остатков глиняной скульптуры выделены различные персонажи буддийского пантеона, в том числе будды, бодисатвы Докшита и др. (Табл. 102, 9, 11, 12).

Несколько отличался от акбешенских храмов первый красночереческий храм, датированный IX–X вв. Он состоял из целлы с обходным коридором и зала, открытого на юго-восток. Центральное святилище имело площадь 3,2×3,2 м. На стенах его сохранились небольшие участки росписей по белой подгрунтовке голубыми, коричневыми и красными красками. На одном из фрагментов сохранилась надпись, нанесенная черными «нерилами», которую, однако, отнести ни к согдийской, ни к индийской невозможно. Обходная галерея окаймляет святилище с трех сторон, ширина коридоров от 2,3 до 2,7 м. В комплексе храма входил два открытых во двор помещения, пристроенные по бокам от святилища. Вдоль стен этих залов имелись суфы (Табл. 97, 4). Скульптуры в храме не обнаружено (Кожьявко, 1989, С. 18–20; Горичева, 1991).

Второй красночереческий храм по планировке аналогичен первому акбешенскому. Вскрыты святилища и большой участок двора перед ним, два обходных коридора. Целла имела квадратный план (6×6 м) и купольное перекрытие; сохранились подкупольные конструкции и виде тропика с фестоначитым очертанием арки. Святилище украшали сложные скульптурные композиции, конструктивно связанные с кладкой стен с помощью деревянных столбов и креплений. Время не сохранило до наших дней эту пристенную массивную скульптуру, но в завалах поднята масса фрагментов мелкой пластики (размещавшейся поверху, в нишах или сочтывавшейся с основной скульптурной композицией). Остатки двух глиняных скульптур подняты у входа в целлу. Они стояли по бокам на постаменте; по отдельным частям торса и голов реконструируется их высота в полтора человеческих роста. Скульптура разрушена еще в древности.

Обводные коридоры имели длину по 12 м. На стенах сохранились остатки полихромной живописи по лессу. В один из периодов эта роспись была перекрыта живописными композициями по ганчу.

В западном коридоре находилась скульптура «усопшего Будды». (Сохранилась часть торса.) Длина скульптуры 8 м при ширине торса 1,5 м. Скульптура лежала на правом боку на постаменте, окрашенном в красный цвет. Осаяние Будды, драпированное в складки, также красного цвета. Скульптура конструктивно была связана с кладкой стены и выступала за внешнюю стену лишь на 3/4 объема (Табл. 102, 17). Фонарь для Будды, пребывающего в трансе, служил живописной сценой и, возможно, притененные барельефы не донесены до наших дней. Храм разрушен в IX–X вв. (Кожьявко, 1989, С. 21; Горичева, Байбаков, 1989, С. 73–75).

К этому же времени относится частично вскрытый в Акбешенских и Новоапольских городищах мини-

стыри (сангарамы) и часовни с комплексами жилых помещений, украшенных живописью и орнаментальной росписью, монументальной скульптурой и барельефами (Берштам, 1950, С. 48–55, 91–93). Подобный же памятник разрушен при строительстве в с. Новопокровка, расположенном между Ключевским и Красночереческим городищами. Отсюда происходят часть собранной скульптуры из ганчи и глины, бронзовые и каменные предметы индийского импорта (Горичева, 1980, Р. 50–51).

О храмовой архитектуре христиан-несторян Семиречья дает представление церковь, расположенная в северо-восточной части шахрстана городища Ак-Бешим. В плане это прямоугольное сооружение с арочным оформлением входа, размером 36×15 м. Занею ориентировано по оси запад–восток; с западной стороны располагается двор, вдоль стен которого первоначально были навесы. В восточной части размещался сама церковь. Крестообразная в плане, церковь перекрыта куполом, стены расписаны яркими красками. Вскрытые здесь захоронения с инвентарем датируют весь комплекс VII–VIII вв. (Табл. 99, 4). Небольшая, простая по форме акбешенская церковь, сходная с парадной несторянской церковью V–VI вв. в Мерве (Хароба-Кошук). В отличие от храмовой христианской архитектуры Ближнего Востока в Средней Азии сложился особый тип церкви, где неф заменен открытым двором (Высоцкий, 1983, С. 25; Кызласов, 1959, С. 231–233).

Культовые постройки зороастрийцев не раскапывались. Один комплекс, возможно храмового назначения, связанный, по-видимому, с отправлением зороастрийской погребальной обрядности и возжиганием священного огня, располагался в западной части Красночереческого городища (Горичева, 1989, С. 85–86). Это массивная коническая башнеобразная постройка в окружении разного рода помещений, выходящих во двор и образующих ограду. Весь комплекс занимает площадь 220×160 м. Коническая башня высотой 12 м стоит на массивной платформе диаметром 40 м. Наверху находилась площадка, вымощенная сырцовым кирпичом с ганчевой обмазкой. Ниже ее на 2,3 м проходила, по-видимому, галерея. Арка свода перекрытия выведена наклонными отрезками, прохода в нее заложены кирпичом. У подножия холма, с северо-восточной стороны, скопилось большое количество проваленой многослойной глиняной промазки (пола?). При храме, по всей видимости, были производственные мастерские, в которых изготавливались храмовый инвентарь и различные культовые атрибуты. В храме-башне мог храниться священный огонь, который при общественных церемониях выносили наверх, как это было принято в Иране и Хорасане сасанидского периода. Там подобные постройки назывались «синалами» (Godard, 1938; Филатович, 1978, С. 32–43).

Многочисленные находки культовых очагов, колонок, курдюков и подставок для них на поселениях Чуйской долины служат неопровержимым доказательством широкого распространения среди оседлого населения культа огня. Некоторые из этих курдюков копируют башнеобразные постройки. Поэтому не исключены существование храма огня и в среде семиреческих зороастрийцев.

Погребальные комплексы. Некрополи

Некрополи изучались на территориях Ак-Бешим, Крисная Речка, Беловодская крепость. Наиболее многочисленны и лучшим образом стратифицированы погребения на Краснореченском комплексе, где в разное время открыты четыре оссуарных кладбища, наусы VIII – начала X в., в которых находились захоронения. А.Н. Бернштам раскопал оссуарный некрополь при замке начального периода освоения территории города в V–VII вв. (Бернштам, 1950. С. 30–35). Л.Р. Кызыласов на территории Ак-Бешим вскрыл за пределами шахристанов кладбище VII–VIII вв. с захоронениями предварительно очищенных костей в хумах, сосудах и ямках, в камере наусы и его оваломе склепа и с погребениями по обряду трупного положения (Табл. 99, 10) на прилегающей открытой площадке (Кызыласов, 1959. С. 230–231). Оссуарные захоронения были вписаны в платформу разрушенного замка на Ак-Бешиме (Кызыласов, 1959. С. 230–231).

В Таласской долине городские некрополи изучались в Тараке (Тектурмас) и Костобе. Распространение оссуарного обряда на Тараском некрополе прослеживается с VI по IX в. (Ремель, 1957. С. 102–110). Наряду с захоронениями по зороастрийскому обряду здесь же отмечены захоронения христиан (Пащенко, 1948. С. 98–104) в грунтовых и сырцовых могилах по обряду трупного положения.

При раскопках Тектурмаса обнаружены захоронения в деревянных гробах и оссуариях. Они, видимо, принадлежали христианским и зороастрийским общинам города. На городском кладбище Хамукта открыты одиночные и коллективные захоронения в наусах из сырцового кирпича. В коллективных захоронениях находилось до 20 погребенных. Как правило, анатомическое положение скелетов нарушено подзахоронениями и грабительскими раскопками.

В наусах найдены серебряные серьги, перстни со шпиками и выступами, серьги с бусинами, железные браслеты, бусы, бляшки в виде двух павлинов в геральдической позе, бронзовый нателый крест, ручка бронзового зеркала в виде фигурки сидящего человека. Здесь же находились захоронения костей в хумах и скопления костей. Встречены трупноголожения в позе вадника, в вынужденном положении на спине. Среди керамики – котлы, кружки, кувшины, характерные для VI–X вв. Самые верхние, поздние захоронения принадлежат мусульманам.

Городской некрополь Краснореченского городища располагался в 300–350 м к западу от шахристанов, на площадке около 5 га, и содержал наусы и могилы под курганными насыпями, характерными для полупесчаного населения этого региона, а также Ферганской долины (Брыкина, 1982), Чач-Илака (Бурков, 1982. С. 139) середины I тысячелетия н.э. Отмечено несколько видов подкурганных захоронений – в грунтовых ямах, подбоях и катакомбах, – получивших массовое распространение на некрополе с конца VII – начала VIII в., что может быть связано с оседанием в городе кочевнического населения (Табл. 98, 8–14).

Курганные насыпи были сивелированы в начале VII в., когда на территории города стали строить зороастрийские святилища. С этим же горизонтом связаны несколько ям, заполненных золой, перемешанной с угли-

ми, песком и гумусом; в других ямах содержались зола, законченная кухонная посуда и кости животных. На участке в 300 кв. м расчищено семь таких ям, причем разного диаметра и глубины. Захоронения этого периода включают следующие типы: полуглазные склепы; кирпичные камеры; подбоя; грунтовые ямы, в которые ставили оссуарии и хумы с предварительно очищенными костями; захоронения в хумах; трупноголожения с различной ориентацией без сопроводительного инвентаря. Преобладали же погребения в виде скопления костей в ямках и небольших склепах.

Следующий этап в формировании некрополя города Невакета связан с горизонтом подбояных и катакомбных могил, разрушенных постройки предшествующего горизонта. Под стенами и сфуми алтарного помещения хоронят по тюркскому обряду. Наиболее интересны захоронения с конем. Они производились в подбоях, устроенных в северных стенах могильной ямы, с восточной ориентацией людей и западной – коня. Одно из тюркских захоронений парное: мужичья монголоидной расы в возрасте 55–60 лет и европеоидного типа женщины (по всей видности, согдианки) 23–29 лет; на приступке в южной половине могилы была подложена лошадь в полном боевом снаряжении с седлом. Рядом с черепом людей сохранились кости барана (лопатка и грудина) и четыре железных черешковых наконечника стрел (Попричева, 1985. С. 41–422).

Захоронения этого горизонта свидетельствуют о процессе интенсивного внедрения в городскую среду тюркско-кочевников. Парные захоронения с конем подтверждают свидетельства письменных источников о практике смешанных браков, особенно среди феодальной знати. Показателем в этом отношении так называемый брачный контракт из Музского архива согдийских документов, датированный 711 г., из которого следует, что самаркандский хань по имени Уттегит (тюрк по происхождению) брал себе в жены согдианку Дугуночу из города Невакета (Лившиц, 1962. С. 17–45).

Верхний, четвертый горизонт Краснореченского некрополя, датирующийся серединой VIII – началом X в., представленными обрядами погребения в наусах, однокамерных склепах, на открытых площадках, в ямках под основаниями стен наусов, в крепостной стене, черепов и разрозненных костей – в хумах, оссуариях, корчагах (Табл. 98, 1–6).

На всей площади раскопа в 300 кв. м наусы представляла мощная (до 40–50 см) платформа из плотной утрамбованной земли. Попадающиеся при этом костные останки людей и кости животных (следы помпальных троп) были сложены в яму, специально вырытую у крепостной стены, но за пределами наусов. В ней оказались разрозненные кости и черепа не менее 24 человек. Стой костей в яме (диаметром 1,75 м) составил 30 см; поверх костей насыпан чистый лес (Баймуслин, Горючева, 1981. С. 491).

Открыт 21 наус. Наусы, заключенные в небольшие ограды, представляли в двухкамерными и однокамерными постройками из глины и сырцового кирпича и вскрыты сводами или куполами. Площадь внутренних камер этих “мавзолеев” различна – от 1 до 10 кв. м, при

толщине стен от 0,7 до 1,5 м и высоте 1,2–1,8 м. В наусы вел узкий лаз, заложенный кирпичом, но разбивавшийся при необходимости нового захоронения. Внутри стояли оссуарии, хумы, горшки или лежали кучки костей в отдельных черепа. У входа некоторые наусы сохранились трупоположения. Между группами наусов оставались незастроенными площадки, где и было сконцентрировано наибольшее количество керамики, костей животных, следов кострищ. Здесь проводились номинальные обряды. Наблюдается также захоронение предварительно очищенных костей в небольших индивидуальных ямках, под нодами наусов и в нишах.

Одна из открытых погребальных востроек была квадратной в плане формы, с длиной стен 12,3 м по внешнему фасаду. Центр наусы занимал широкий коридор во всю длину здания, по сторонам которого располагалось шесть камер – по три с каждой стороны (Табл. 98, 6).

Вход оформлен двумя выступавшими пилонами. Наусе перекрыт сводами, а входы в камеры – клинчатые арками. Размеры их примерно одинаковые, (1,1–1,85) × (0,9–1,1) м, при высоте до 1,8–1,9 м. Входы в камеры замурованы сырцовым кирпичом, в каждой из них были по одному-два захоронения в виде скопления или россыпей костей. На полу камер и по углам отмечены надушные слои, свидетельствующие о долгом пребывании костей в открытых и продуваемых помещениях. Это согласуется с сообщением ад Бируни о том, что в наусах огнепоклонники выставляли трупы умерших, которые там должны обдувать ветер (*Бируни*, 1957, С. 478).

В северном конце коридора выявлена большая яма, заполненная чередующимися слоями рыхлой глины, песка с золой и угольками, камышового тлена, органических и золю-гумусных пятен. Пространство между двумя уровнями полов также заполнено золой, прокаленной глиной, большим количеством косточек барана, фрагментами кухонной керамики VIII–IX вв. По-видимому, в яму сбрасывалось все то, что оставалось от обряда очищения костей и манипуляций с огнем (сжигание

одежды, носилок). Зола перекрывала слой органического содержания. Очищенный, но еще сохраняющий связь скелет переносили в камеры, а где он истлевал окончательно. По истечении определенного времени кости либо собирались в сосуд, либо складывались в уголок камеры, а вход в нее замуровывался. Так выстраивался обряд погребения и хранения костей в наусе, который одновременно совмещал функции “ката” – “дахмы”.

При некрополях для совершения обрядов поминального и жертвоприношения находились небольшие святилища, ритуальные площадки и специально вырытые ямы для захоронения костей жертвенного животного, остатков жертвенных костров и трини.

Святилище на Красносельском городском некрополе (горизонт VII в.) представляло собой двухкамерное сооружение небольших размеров (6 × 4,3 м), сложенное из пачсы и сырца. Вдоль трех его стен устроены широкие суфы, покрытые гачем. В центре помещался небольшой постамент с “экраном” в виде невысокого валика для установления на него жертвенника-алтаря с огнем. Святилище как бы прикрывало тамбурное помещение, в углу которого находилась яма с золой и угольками, небольшим числом законченной керамики, чередующимися со слоями песка и дёсна.

С запада к святилищу примыкало помещение, где и стены и полы были прокалены на большую глубину. Здесь записаны остатки очагов, кухонной посуды и костей животных (по-видимому, жертвенных).

Многообразие культовой и храмовой архитектуры и раннесредневековых городов Притыньшанья подтверждает свидетельства письменных источников о непрерывности тюркских каганов, с одной стороны, а с другой – об этнической и конфессиональной востроге населения Семиречья. По своим планировочным и архитектурно-строительным особенностям семиреченские востроги находят прямые аналогии с раннесредневековыми, а порой и с более ранними культовыми сооружениями Согды и Тохаристана, деткой древности которых кроются в греко-бактрийских пластах культуры.

Памятники искусства

Художественное творчество городов Притыньшанья отличается большим разнообразием. Выделяются прежде всего хорошо представленные виды художественной керамики и металла, мелкой пластики (терракота), оссуарии, монументальная (буддийская) скульптура и живопись. В архитектурном убранстве домов появляется резная глина – прообраз гачичного архитектурного декора и резной терракоты.

Большим спросом пользовались изделия согдийских ремесленников. Отделанные предметы увары отличались высокой художественным мастерством. Многие сюжеты из металла и резного дерева были перенесены на глину, оставались новые технические приемы в искусстве орнаментики, в частности денка, тупой и острой стож, пуносов, дитамовка. В гонимом производстве широкое развитие получили тонкая резной орнамент и лощение, восприимчивое к керамическому искусству эпохи кушан. Весьма разнообразны и сюжеты орнаментов: символы и эмблемы культовой-магического характера,

антропоморфные и зооморфные мотивы, а также линейные и геометрические, как продолжение орнаментальных традиций украшения металлических изделий в среде кочевников.

Тюрко-согдийское взаимовлияние особенно хорошо прослеживается в искусстве мелкой пластики. Раннесредневековая терракота представлена образами согдийцев, степняков-кочевников, тюрков с характерными типами лиц, прическами и одеждой. Они запечатлены в антропоморфных сосудах, в вазетах на сосудах (наше всего ритуальных). В терракотах представлена самые различные этические и культовые персонажи: некоторые из них связаны с образами божеств зороастризма-магической и буддийской иконографии. Характерен в этом отношении образ обожествленной царственной персона или божества Ардахшист с курлянистой-жертвенником в левой руке (Табл. 100, 10), в сложносоставной короне и с нимбом из перьев на терракотовый пластине из Красной Речки (*Ириса*, 1987, С. 50–51).

Краснореченские осыарии представлены многообразием художественно-орнаментальных образов, выполненных глубокой резьбой по глине, цитамом, налетами и раскраской. Навершая их крышек нередко оформлены в виде человеческих голов, птиц и зверей, фантастических мифологических образов. Налеты на осыарии составляют особую группу изображений, генетически связанных с искусством древнего Согда и Бактрии—Тохаристана. Особый интерес представляют два осыарии: овальный в плане с налетами на фасадной стене сены овалования, где центр композиции занимают три человеческие фигуры с молитвенно сложившими на груди руками (Табл. 107, 4), и прямоугольный, так называемый яшнчий, осыарий со сценой жожганга с живущим огнем в храме. По центру изображен высокий ступенчатый алтарь с языками пламени, а по сторонам от него — жрецы в рубахах, драпирующихся мелкими складками в трижды обвитых поясами. В руках жрецов и вокруг них — различные символы, связанные с запуюкоим образом, совершаемым в храме (Табл. 107, 1—3).

Монументальное искусство (буддийская живопись и скульптура) повествовало о жизни богов и этических герою и было тесно связано с религиозными представлениями. Росписями покрывались большие плоскости стен, но наиболее распространенной манерой украшения храмов, монастырей и частных домов буддистов являлся орнаментальная роспись. Однако, как отмечает А.Н. Бернштам, в краснореченских домах встречены и такие сены, как похороны Будды, подношение даров Будде (*Бернштам, 1952, С. 151*).

В скульптурной пластике буддийских общин Семиречья господствуют канонизированные образы. Лица будд широкие, с мягким овалом, полуопущенными веками, оттянутыми мочками ушей, очерк глаз утрировано удлинены. На краснореченских скульптурах поверж гайча, нанесенного на глину, красным контуром обводились верхние части глазного яблока, крылья носа, края губ; глаза прорисовывались двумя черными линиями, тонко сходящимися у виска. Четко очерчены линии бровей, крупные завитки волос, подкрашенные в синий и черный шест; массивные наденные украшения в виде высо-

ких подушарий-бубенцов, нагрудных ожерелий, браслетов на запястьях и т.п. Все это, вместе взятое, свидетельствует о присутствии искусства от позаней античности Средней Азии и в то же время отражает становление в раннем средневековье новых художественных форм и направлений (*Пушаченкова, Ремель, 1982, С. 86—87*).

Достаточно широко представлен индийский импорт: бронзовые и серебряные с позолотой и инкрустированной драгоценными камнями статуэтки будд и бодисатв, бронзовые бляшки и пластины, каменные рельефы в виде мелких подолок и стелы с сюжетами буддийской иконографии, оформлявшие некогда иконостасы и рельефы буддийских храмов и монастырей. Особый интерес представляет найденная в 1982 г. гранитная стела из Краснореченского храмового комплекса. Лицевая сторона поделана на три изобразительных пояса, где сверху под аркой изображена триада — восседающий на лотосе Будда и стоящие бодисатвы по сторонам. Их лица сбиты, очевидно, при разгроме храмовой скульптуры. Средний пояс изображает сидящих по сторонам ножки дотода фантастических зверей, а нижний — донаторов (Табл. 100, 4). На боковых гранях в цветочном обрамлении даны божества индийского пантеона, исполненные в технике тонкой гравировки. На обороте стелы сохранились следы индийской надписи (не дешифрованы).

К числу привозных изделий относится также горельеф на двух сторонах минаретного кубического камня (из Новопокровского буддийского комплекса), копирующий сцену в стиле искусства Аджанты: Будда в миру и сцена джатак. Акбашимскому храму принадлежала гранитная плита с рельефным изображением переплетения между собой двух хиншиков.

Наиболее распространены фигурки стоящих бодисатв с разными атрибутами и положением рук. Изделия имеют снизу и с тыльной стороны штыри для крепления. Т.В. Грек относит их к Кашмиру и Бихару VIII—IX вв. (*Грек, 1983, С. 81—83*). Таким образом, буддийские и индуистские памятники Семиречья свидетельствуют о достаточно широких международных контактах населения городов и селений Пригьянзашана с Северной Индией.

Ремесла

Развитие городов, как торгово-ремесленных центров сопровождалось значительным расширением ремесленного производства. В нашем распоряжении пока мало данных о становлении ремесел в раннесредневековом городе. Пока раскопаны единичные мастерские, по которым можно судить об уровне ремесленного производства, известного главным образом по готовой продукции. Это прежде всего керамика, изделия из металла, кости и камня. Писменные источники свидетельствуют о группе городов и поселков, где добывались и обрабатывались полезные ископаемые. Это отмечается для городов Таласской долины, известной как область по разработке серебра и меди. Область Шельджи (верховья Таласа) в этой сфере соперничала с Илаком и Ферганой.

Техника торгового дела основывалась на тяжелом ручном труде. Орудия представляли железные кирки, кайла, каменные кувалды, молотки, деревянные и желез-

ные клинья. Руду на поверхность доставляли в кожаных мешках, корзинах. Добытая руда проходила стадию обогащения, ее дробили каменными кувалдами или жерновками, затем промывали и обрабатывали вручную. Обогащенную руду доставляли затем в ремесленные центры, где производилась плавка.

Обнаруженные у с. Орловка (г. Куль) печи для плавки железа, частично заглубленные в землю, на поверхности сложены из сырцового кирпича. Печи овальные в плане, размером 2,2 × 1,6 м. В них загружали руду и топливо. Железо получали сырцовым способом. Естественно, качество его было низким. Сплавцы и серебро плавил в несколько этапов. Вначале получали черный сплав, повторной плавкой его очищали, и только на третьем этапе серебро отделяли от сплава.

Из железа кузнецы изготавливали различные орудия труда, быта и оружия. Кроме орудий сельскохозяйствен-

ного назначения, известны предметы для упряжки рабочего скота, для повозок. Для бытовых нужд изготавливались железные сосуды, котлы, весы, гири, ножища, ножи, замки, скобы.

Кварты гончаров с остатками печей для обжига и мощными отвалами шлаков зафиксированы на некоторых поселениях как в черте крепостных стен, так и за их пределами. Одна из керамических печей обнаружена вблизи центральных развалин Краснореченского городища. Ее топка имеет форму округлой ямы диаметром 2,6–2,8 м и высотой немногим более 2 м. Под печи поддерживал столб, устроенный в центре топки, из подтесанных кирпичей. Стенки и столб оштукатурены. Проследжены щели в дыры – жароходы, ведущие в камеру обжига.

Способы формовки посуды восстанавливаются по характерным следам на ней. Конструкция гончарного круга представляла собой сочетание ножного круга с элементами ручного и плоским диском из обожженной глин, на котором формовался сосуд. Посуда VII–VIII вв. имеет неровное дно, что характерно для ручного гончарного круга. Готовый сосуд снимался с круга вместе с диском, а после просушки легко от него отделялся. Некоторые изделия сохраняют следы обработки после формовки: на нижней части некоторых сосудов имеются вертикальные срезы и виден след зачистки дна острым ножом (или пилкой по сырому изделию).

Продукция керамистов VII–VIII вв. отличается копирует формы сосудов, бытовавших в Согде на поздне V–VI вв. С одной стороны, это указывает на сохранение гончарной Семиречья традиции, привнесенной ранее из Согда, а с другой – возможно, на некоторое отставание здесь этого вида ремесла.

Основную продукцию раннесредневековых гончаров составляли разной величины и назначения сосуды – хумы, хумчи, корчаги, кувшины, кружки, чашы, тапы, котлы, осуарии и другие изделия.

Кухонная керамика представлена котлами со сферическим туловом и широким устьем. Венчик обычно загнут внутрь или наружу. Тулово украшается небольшими жгутами, мажетоноидными выкладками, рядками колец или вдавлений. Ручки петлеобразные, но встречаются и наденные в виде скобы.

В комплексе с котлами идут массивные подставки, крышки плоские либо слегка выпуклые, асимметричной формы, с леварзательными украшениями в виде сколов, зацепов по краю.

Хумы имеют явственное тулово с подквадратными или округлыми венчиками. Аналогично широко известна в керамике Чача и Согда (*Тереновский*, 1948, С. 112–113; *Бентонич*, 1964, С. 266, Рис. 1).

Водосные кувшины также имеют явственное тулово и короткую горловину. Колесчатая ручка соединяет венчик и плечико (Табл. 103, 1, 9). Различаются два типа кувшинов – со дном и без него; в те и другие имеют аналогию в Пенджикенте (Там же, С. 269–271, Рис. 6). Следует отметить, что в Семиречье водосные кувшины – одна из наиболее распространенных форм посуды, лучше всего исследованная по коллекции керамики VII–VIII вв. из Ак-Бешима. На горловине кувшина из «Тулова А» имелась щель в виде стилизованной фигуры человека (*Ишанов*, 1966а, Рис. 3). Аналогичные и

лели встречены на керамике Нижней Сырдарьи. По мнению Л.М. Левинной, они, как и другие элементы на керамике джетысарсарской культуры, характеризуют тесные связи этого района с Семиречьем (*Левинна*, 1971, С. 69). Антропоморфные наделы на месте соединения ручки с туловом – явственное явление для керамики других поселений (Сокулук, Красная Речка).

Среди кувшинов наиболее распространены грушевидные сосуды с массивными треугольными слиями, характерными для керамики Согда (*Маршак*, 1965, С. 224).

Кружки представляли несколькими типами; биконической формы с маленькими ручками на ребре; призматической с широким устьем и вдвое меньшим дном (Табл. 103, 2, 3, 6–8). Встречены кружки с «раздутым» туловом со слегка расходящимися вверх стенками, покрытыми красным ангобом и украшенные наделами в виде человеческой головки, идентичные кружкам из верхних слоев Пенджикента (*Бентонич*, 1964, С. 281, Рис. 21, 1). Есть кружки с волнистым краем и кружки с плоским наделом на ручке.

Свистильники представляли массивными, выполенными из грубого теста столбобразными подставками с полусферическими резервуарами наверху. Другие свистильники – на высокой полой ножке с зубчатой чашей-резервуаром, покрытые красным или светлым ангобом и лощением. Они находят аналогию в материалах Пенджикента (Там же, С. 283, Рис. 28). Широко распространены свистильники на трех ножках, иногда с зооморфными наделами (Табл. 103, 19–21, 23, 24). Широко бытовали очажные керамические подставки в виде стилизованных животных.

Керамический комплекс из Юго-Западного Семиречья датируется VI – первой половиной IX в. Керамика, которую можно датировать раньше VI в., здесь нет, хотя отдельные ее формы (котлы, водосные кувшины) и характерны для Согда V–VI вв., в семиреченских городках, в частности в Ак-Бешиме, они бытовали в VII–VIII вв. (*Распопова*, 1960, С. 162–163). Сейчас можно довести верхнюю границу существования согдийской керамики в Юго-Западном Семиречье до IX в.

О производстве тканей можно судить по находкам пряслица под изготовлении кожаной посуды – по главным красноокрашенным кувшинам с рельефным орнаментом, подражающим тиснению на коже. Такие кувшины найдены в слоях VII–IX вв. Тарата (*Сенгитов*, 1972, Табл. VI).

Ювелирное дело в городах развито повсеместно. Ювелирам были известны такие технические приемы, как фигурное литье, чеканка, тиснение, инкрустация, зернь, скань, гравировка, позолота. В ходе археологических исследований найдены украшения (Табл. 104, 1–3, 11–17, 27–30), предметы женского туалета, наборные ниски (Табл. 104, 4–8, 12–15, 18–24, 31–35), отдельные изделия в виде флаконов, подставок, печаток, чернильниц. Распространены серебра, серебряные и бронзовые браслеты, серьги, перстни, бубенчики, подвески, имеющие печатку. Печатки из металла сочетались с нефритом, бирюзой, жемчугом и серпигином.

Излюбленным камнем был нефрит, который добывался в горах Тянь-Шаня. Им отделывали рукоятки ножей. Из нефрита изготавливали женские браслеты, кольца, подвески и серьги, нательные кресты.

Коллекции женских украшений и наборных поясов отличаются разнообразием форм, конструкций, обусловленным способом ношения, размещения на одежде и головных уборах, социальным положением хозяйки украшений.

Ксы бус (Табл. 104, 37), драгоценных вставок, платины и бланшек, а также монет с просверленными отверстиями предпологают существование довольно сложных композиций излюбных, височных, нагрудных украшений.

Торговля

Торговля была одним из важнейших факторов развития города. Город не только производил, но и торговал, причем вторая его функция в глазах современников была едва ли не важнейшей. В городе складывались три основных направления товарообмена: между странами, между городом и его округой, между городом и кочевой степью. Хорошо известно для этого времени международная караванная торговля, в развитии которой важную роль принадлежала согдийцам и тюркам (*Кляшторный*, 1964. С. 101-103). Именно северная ветвь Великого шелкового пути проходила через Чачию Казахстана и Семыречье. Известно описание его участка, который шел через город Суяб, Тараз и Испиджаб (*Зуев*, 1960. С. 87-96). В Испиджабе от него отходило ответвление на северо-запад, в Фараб, Шагар и дальше в низины Сырдарьи и в степи Центрального Казахстана.

Торговля приносила тюркской аристократии значительную выгоду, и в частности позволяла реализовать заказанную в набегах добычу. Не случайно уже в 567 г. каган Истеми направил два посольства в Иран для налаживания торговли (*Бартольд*, 1963. Т. II. Ч. I. С. 31). Посольства успеха не имели. Тогда каган направил посольство и Византию, и между двумя государствами был заключен торгово-политический союз (*Пашуловская*, 1951. С. 202-204).

Из Китая вывозили шелк, лаковые изделия, бумагу, зеркала. В Китай со Среднего и Ближнего Востока из Византии везли краску для бровей, вавилонские ковры, драгоценные камни, кораллы и жемчуга, стекло, ткани (Там же. С. 90-94).

Согдийцы производили и продавали серебряные изделия, шестое стекло, лекарственные и красящие вещества, ковры (*Шедер*, 1981. С. 164, 270, 312; *Распопина*, 1974. С. 83). В числе центров производства серебряных сосудов, видимо, были города Семыречья (*Даревич*, *Маршак*, 1974.

С. 213-232). Часть предметов роскоши из Византии, Согды, Китая и других стран оседала в ставках тюркской знати, в домах горожан. Известны серебряные кушаны с подражанием византийским клемам, золотые византийские монеты, китайские зеркала (*Городицкий*, 1926. С. 77-81; *Бернштам*, 1950. С. 48).

Обменная торговля с кочевниками осуществлялась на ярмарках, которые устраивались в городах Суяб, Фараб, Невакет, Дех-Нуджикес, Кулан. Важным торговым центром Юго-Западного Семыречья был Тараз, о котором источники сообщают как о "городе кушов" (*Волзи*, 1960. С. 73). В Чуйской долине таким городом являлся Суяб, где "смешанно живут торговоцы из разных стран", а половину жителей города составляли кушцы (*Зуев*, 1960. С. 90-91).

О развитии денежной торговли в городах Чуйской долины свидетельствуют монеты тюркшей и тузюков (*Смирнова*, 1981. С. 59-61), которые выпускались в катагатах в VII-VIII вв., но находились в обращении вплоть до XI в.

Семыреченские монеты представляют собой медные длинные кружки диаметром от 12 до 28 мм, с квадратной отверстием в центре. Наиболее распространены монеты тюркешские и так называемые круга тюркешских, в том числе тузюкские. Тюркешские монеты выпускались от имени кагана, о чем свидетельствует круговая согдийская надпись на одной из сторон: "Господина (Божественного) тюркешского кагана дельма"; или: "Господин тюркешский каган Фан". Наиболее типична легенда "Тухусый дельма" (*Смирнова*, 1958. С. 531; *Настич*, 1988. С. 96-120). Тухуские монеты были меньших размеров и худшего качества. Установлены четыре типа семыреченских монет, внутри которых выделяются группы, отличенные различными вариантами тамга, наличием или отсутствием легенды, различий в весе и технике изготовления (литые и чеканые).

Сельское хозяйство

Важную роль в жизни городского и оседлого населения играли земледелие и животноводство. Выращивали зерновые (пшеницу, просо), занимались виноградарством, садоводством и огородничеством. Сведения о производстве вина в городах содержится в эпиграфических надписках. Судя по согдийскому надписям на величавых хумов из Краснореческого и Новонокровского городищ, эти сосуды с вином предназначались в дар. Она из виллисей гласит: "Этот сосуд - дар общины Пахана. Это вино в радостное время лей, государь... Государь ал Сильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим!" (*Лисица*, 1981. С. 70-77). Остатки виноделень VII-VIII вв. обнаружены на городище "Луговое Б". Она находилась в одном из помещений жилого комплекса усадьбы и состояла из нескольких соединенных трубами давяльных площадок, откуда виноградный сок стекал в емкость, где отсегивалось, очулилось, а затем ридивался в сосудах. Здесь же из сока варили бекмесшотку (*Байбакин*, 1966. С. 88-91). Винодельня обнару-

жена и на городище Тортукуль (Нижней Бархан) в Таласской долине (*Сенигова*, 1972. С. 68).

Средневековые авторы свидетельствуют, что достаточно большое количество жителей городов занималось сельским хозяйством. По сообщению автора начала VII в. в Чуйской долине "тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (торгует), поровну" (*Зуев*, 1961. С. 90-91). В источнике середины VIII в. характеризуете Таласская долина: "...с третьего до девятого месяца не бывает дождей, а для полива полей пользуются снеговой водой. Здесь произрастают ячмень, пшеница, рис, горох, бобы. Жители имеют виноградные и конюшенные вина, алраи" (*Зуев*, 1960. С. 93). В Таразе и Краснореческом городище обнаружены косточки урюка, винограда, арбузные и дынные семечки, зерна пшеницы, проса, риса. Таким образом, сельское хозяйство играло немаловажную роль в жизни средневекового горожанина. Находяи зерна, осемя садовых и багчевых культур свидетельствуют о подобной занятости горожан земледелием, садоводством, багчеводством.

Среднее течение Сырдарьи

Географический очерк

Южный Казахстан, или Присырдарьинская географическая провинция, ограничивается на севере степным Центральным Казахстаном, на юге Таласским Алатау, на востоке Джувалинским плоскогорьем, на западе песчаной Кызылкумной (Чупаким, 1970, С. 186–188, 339–349). Наиболее удобна для жизни и развития земледелия предгорная зона Таласского Алатау, по своим природным условиям во многом сходная с северными районами Средней Азии, и прежде всего с Ташкентским оазисом.

В пределах Южного Казахстана находятся горы Каратау. Склоны хребта на всем протяжении орошены многочисленными реками. Среди них наиболее крупные Боролдай, Чани, Бугуны, Баялдыр, Икансу. Особое место занимает долина Сырдарьи. Древнее ее название, переданное греками в форме “Яксарт”, сохранялось вплоть до арабских завоеваний. В средневековье она именуется в письменных источниках Сейхун, Кангар, Гюль-Зариун, Ишчуруун, и лишь в XVI в., вновь приобретает популярность ее первоначальное название “Сыр” (Клишторный, 1964, С. 74–76). Природные условия способствовали развитию в районе комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства (Андрианов, 1969, С. 227).

История изучения оседлой и городской культуры

Начальный период накопления исторических данных о древностях южных районов Казахстана охватывает XVII – первую половину XIX столетия. В это время устанавливаются торговые, дипломатические и экономические связи России с Казахским ханством и среднеазиатскими владениями. В дошедших до нас записках, дневниках, доношениях служивых людей обстоятельно описываются обычаи и нравы, хозяйство народов Казахстана и Средней Азии (Масанин, 1968). Сведения о древних памятниках чаще встречаются у русских топографов, геодезистов, картографов, инженеров (Кинга в Большую Чертежу, 1950).

Во второй половине XIX в., после присоединения Средней Азии и южных районов Казахстана к России и образования Туркестанского генерал-губернаторства, включившего Сырдарьинскую (Туркестанскую и Семиреченскую) область, усиливается интерес к новому краю, к его прошлому.

Интересную страницу в истории русской восточной археологии представляют работы по изучению развалин города Джанкента (Янгикента). Сведения о нем впервые появились на страницах печати в 1867 г. (Миснев, 1867; Григорьев, 1867). Весной того же года Джанкент посетил известный русский ориенталист П.И. Дехр. Он обследовал также городища Сауран, Туркестан, Сыгнак (Дехр, 1870).

В.В. Бартольд (в 1893–1894 гг., проехав по маршруту Ташкент–Чимкент–Аулие-Ата–Пшиск–Верный), обследовал Южный Казахстан, долины Таласа и Чу; Илийскую долину (Бартольд, 1966б, Т. IV, С. 21–91).

В последние столетия до н.э. – первые века н.э. на Сырдарье находился центр государственного объединения Кангой, а в средние века здесь формируются несколько крупных центров городской культуры: предгорья Таласского Алатау в верховьях р. Арысь, где находился округ Испиджаб и одноименный город, столица Южного Казахстана IX–XII вв. (Бартольд, 1963, Т. I, С. 232), в среднем течении Арысь локализуется средневековый округ Кендже (Бартольд, 1963, Т. I, С. 233); Отрарский оазис соответствует средневековому округу Суараб (Бартольд, 1963, Т. I, С. 233); Туркестанский оазис занимает часть среднего течения Сырдарьи. Судя по письменным источникам, здесь в раннем средневековье размещался округ Шавгар (Бартольд, 1963, Т. I, С. 234), а в позднем средневековье находился главный город Южного Казахстана – Туркестан (Пищулина, 1969, С. 19–21).

В низовьях Сырдарьи в IX–X вв. располагался центр государства отгулов. В XI – начале XIII в. здесь находилась столица кинчакского государства, а в XIV–XV вв. – Ак-Орды (Бартольд, 1963, Т. I, С. 235–237; Агаджанов, 1969; История Казахской ССР, 1979).

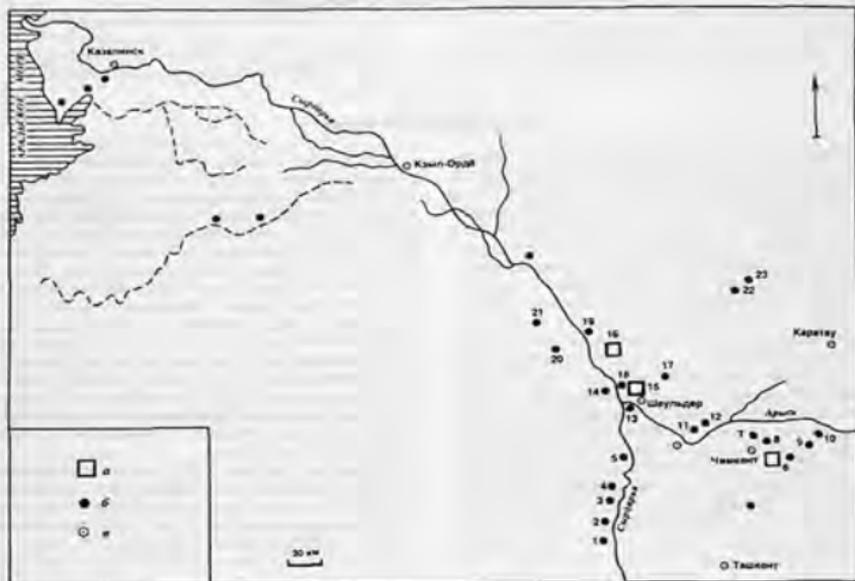
С именем В.В. Бартольда тесно связана деятельность Туркестанского кружка любителей археологии, организованного в 1895 г. в Ташкенте (Лунина, 1958). Наиболее деятельными его членами от Семиречья и юга Казахстана были Н.Н. Пангусов и В.А. Каллаур.

В.А. Каллаур принадлежат большое число статей в заметок, посвященных главным образом средневековым памятникам Таласской долины и юга Казахстана (Каллаур, 1896, С. 25–27; 1897а, С. 1–9; 1897б, С. 1–7; 1900а, С. 6–19; 1900б, С. 78–89; 1901, С. 69–78; 1903, С. 11–18; 1908, С. 31; 1904, С. 48–55; 1905, С. 37–39).

В 1902 г. члены кружка А.К. Кларе и А.А. Черкасов сняли топографический план Отрара, а в 1904 г. провели на этом городище небольшие раскопки (Кларе, Черкасов, 1904, С. 13–39).

Таким образом, в дореволюционный период специалистами-востоковедами, членами ТКЛА, деятельность которого протекла при научной поддержке В.В. Бартольда, была проделана большая работа (фиксация, описание памятников, небольшие раскопки на них). Нельзя не отметить усилия, направленные на охрану археологий, организацию хранения коллекций, пропаганду прошлого Средней Азии в Казахстане.

В первые годы советской власти изучение археологических памятников фактически прервалось традицией ТКЛА. В этот период небольшие по объему работы, связанные в основном с регистрацией памятников и описанием их, проводит организованный в 1921 г. Туркомстаром, позднее преобразованный в Средкомстаром.

Карта 10. Среднее течение Сырдарьи

1 - Актобе; 2 - Чардара; 3 - Сейдштепел; 4 - Актобе; 5 - Баваркум; 6 - Сайрам; 7 - Турткультобе; 8, 9 - Балыкжы; 10 - Казалдык; 11 - Шортлыбе; 12 - Джунзаттобе; 13 - Кокмардан; 14 - Оксус; 15 - Отгар; 16 - Куй-

руктобе; 17 - Бузук; 18 - Кумтобе; 19 - Каратобе; 20 - Артык-Аты; 21 - Майром; 22 - Бабь-Аты; 23 - Кумкент; а - крупный город; б - малый город; в - современное селение

Достигнутый к 1936 г. уровень развития археологии Средней Азии и Казахстана отразила сессия ГАИМК, где с докладами выступили С.П. Толстов, А.Ю. Якубовский, А.Н. Бернштам, М.Е. Массон.

Новый этап в развитии археологии, в том числе и средневековой, связан с организацией в 1946 г. Академии наук Казахской ССР и в ее составе Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.

Южно-Казахстанская археологическая экспедиция, организованная отделом археологии ИИАЭ АН КазССР и ЛОИА АН СССР, в течение 1948–1951 гг. вела исследования в Южном Казахстане. Ею руководил выдающийся историк-востоковед и археолог А.Н. Бернштам. Изучение топографии городищ, типология памятников, классификация керамики позволили составить представление об узловых культурно-исторических этапах, об уровне развития ремесла, а следовательно, и всей городской культуры Казахстана (Бернштам, 1950. С. 59–99; 1951. С. 81–97; Агеева, 1949. С. 100–118; 1951. С. 98–110; Агеева, Пащенко, 1956. С. 3–215).

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция отдела, возглавляемая А.Х. Маргуданом, помни-

мо основной задачи — изучения памятников эпохи бронзы, большое внимание уделяла вопросам возникновения и развития городской культуры в районах с преобладанием кочевнических традиций. С этими целями исследовались города на северных склонах Каратау, в низовьях рек Сарысу, Кеңгир, Джезды, в предгорьях Улу-Мау (Маргудан, 1948. С. 109–115; 1951. С. 3–53). Удалось установить наличие городов в районах, находящихся далеко к северу от сырдарьинских очагов городской культуры.

В 1945 г. в Казахстане начала работать Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, руководимая С.П. Толстовым. Экспедицией в Кызыл-Ординской области были зарегистрированы и открыты десятки археологических памятников, а в 1948 г. начались стационарные раскопки на городище Алтын-Асар. С.П. Толстовым была выделена джетьясарская культура (Толстов, 1948. С. 125–140; 1949. С. 246–254; Сейганова, 1959. С. 215–231). На основе изучения керамики намечались пути распространения джетьясарской культуры и ее связи с оттарско-каратаяуской и каунчиной культурами, афригидским Хорезмом, Согдом и Семиречьем (Леанин, 1966. С. 45–90).

Интересные данные получены в результате обследования группы городищ в низовьях Сырдарьи, связанных с огузами, жители которых на протяжении всего периода средневековья сохранили традиции полупасторского комплексного хозяйства (Толстова, 1947, С. 55–102).

На протяжении 1953–1959 гг. Южно-Казахстанская археологическая экспедиция во главе с Е.И. Агеевой исследовала памятники оседлой культуры северных склонов Каратау. Основным объектом исследования стало городище Баба-Ата. Его раскопки позволили выявить процесс постепенного превращения (VI–VII вв.) поселения в раннефеодальный город (Археологические исследования, 1962).

С конца 60-х годов работы на юге Казахстана расширяются в широких масштабах. В долине р. Арысь ведутся раскопки Боржарского мотельника и параллельно исследуются оседло-земледельческие поселения и городища в среднем течении реки. На небольшой пло-

щадь здесь было открыто свыше двух десятков памятников первых веков н.э. – XV–XVI вв. (Акишев, Байпаков, Ермаквич, 1969, С. 5–42).

В 1969 г. в регионе начинает работу Отрарская, а с 1971 г. – Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ).

На Отраре, помимо периода позднего средневековья, исследовались слои VIII–XII вв., а также памятники оседло-земледельческой культуры Отрарского оазиса (Акишев, Байпаков, Ермаквич, 1978, С. 509–510; Байпаков, 1986; Бурмишева, 1975, С. 60–69; Воронина, 1975, С. 70–74; Настич, 1975, С. 97–105; Гринева, 1978, 1980; Нурмуханбетов, 1974, С. 85–94).

Фактологическая база, созданная археологическими исследованиями, дает возможность по-новому, более аргументированно ответить на вопросы развития средневековой оседлой и городской культуры на юге Казахстана.

Города и поселения

В настоящее время на территории средней Сырдарьи, включающей Отрарский и Туркестанский оазисы, верхнюю и нижнюю Арысь и склоны Каратау, открыто свыше трех десятков городищ и поселений. К сожалению, “чистых” раннесредневековых памятников известно мало, поскольку подавляющее большинство городищ и поселений продолжают развиваться в последующее время и топография их изменялась и усложнялась.

Потому о характере городов и поселений VI – первой половины IX в. можно судить по таким городищам, как Кок-Мардан, Пшук-Мардан, Алтынтабе, Мараан-Куюк в Отрарском оазисе (Табл. 110, 1), Каратобе в Туркестанском, Джунтаобе на средней Арысь. Вернее слов последнее относится к VI–IX вв.

Для всех городищ характерна трехчастная структура с выделением цитадели, собственно города (шахристана) и рабада (торгово-ремесленной части). По внешним особенностям можно выделить три типа городищ. Для первого характерны значительные размеры центральной тобе (цитадель в шахристан). Примером служат городища Кок-Мардан, состоящие из центрального буфра, овальной в плане, площадью 3,2 га и высотой до 16 м.

Северная, наиболее возвышенная часть городища – подквадратная в плане цитадель площадью 25 × 25 м возвышается над городом на 15 м.

От остальной части городища она отделена ложбиной. Вокруг центрального буфра, окруженного рвом, до сих пор запущенными паводковыми и родниковыми водами, расположен рабад. Он имеет вид периметрической аккумулятивной высотой до 2–2,5 м со следами “чугунной” планировки. Площадь рабада около 4 га. С центральной частью городища он соединяется дамбой, переходящей к единственному восточному входу на городище.

От вьезда отделяет “центральная” улица шириной 2–3 м, пересекающая городище с востока на запад. “Диагональная” улица пересекала городище с юго-востока на северо-запад, а “колдывая”, она связала восточный поперечник на расстоянии 5–15 м от него и упирается в неэкспонированный участок, отделяющий шахристан от цитадели.

К второму типу городищ относятся такие, у которых

размеры центральных развалин тобе невелики. Однако в топографии тобе различается наиболее возвышенная часть, занятая цитаделью. К этому типу можно отнести такие городища, как Алтынтабе и Пшук-Мардан в Отрарском оазисе. Например, центральные развалины тобе у городища Алтынтабе представляют собой высокой холм с крутыми склонами высотой до 15 м и площадью в основании 100 × 100 м. В юго-восточной части вернейшей площадки выделяется куполообразный бугор цитадели. К центральному развалинам с юга примыкает рабад в виде подпрямоугольной в плане площадки высотой 6 м и размером 100 × 160 м.

И наконец, к третьему типу раннесредневековых городищ относятся такие, у которых центральные развалины “тобе” окружены кольцевым рабадом, отделенным широким и глубоким рвом. Яркий пример такой топографии дает городище Джунтаобе. Обшая площадь занимаемая городищем, около 14 га. Центральная часть его имеет вид бугра-тобе площадью 110 × 100 м в основании и высотой 17 м. Наверху бугра имеется площадка размером 65 × 55 м с цитаделью в южной части. Бугор окружен рвом шириной около 40 м. За рвом расположен рабад в виде грады высотой 6–8 м и шириной до 60 м. В рабаде различаются ряды построек вдоль ложбины – улицы.

Как правило, средневековые города Южного Казахстана развиваются на месте поселения отрарско-каратауской и каучинской культуры, включая их в свою структуру (Махлютова, Меринев, Вайнберг, Левина, 1968, С. 172–173; Байпаков, 1986, С. 189).

Определение характера городища, выяснение рва, которую тот или иной памятник играл в разные периоды своей жизни – сложный вопрос. Какие из городищ можно считать городами, какие сельскими поселениями, без проведения широких раскопок определить крайне трудно. Бесспорно, что городищами были те из них, которые названы так современниками (Болшиков, 1973, С. 165).

Исследователями предлагаются количественные и качественные методы, при определении характера на-

мятников – размеры их, соотношение цитадели в всей площади городища, трехчастность и правыйлан план (*Зайденбергский*, 1954. С. 12; *Распотова*, 1979. С. 22–26; *Ромасов*, 1973а. С. 24–25; *Сильвер*, 1979. С. 60–62; *Байткан*, 1986. С. 63–71). Важную роль играет типология городищ в связи с рассмотрением групп последующих как систем с иерархической внутренней структурой (*Массон В.*, 1976. С. 3, 8). Опираясь на совокупность, перенесенных признаков, к числу городищ на территории Средней Сырдарьи в указанный период следует отнести Кок-Мардан и Куйруктобе, Мардан-Куюк в Отрарском оазисе, Джукантобе на средней Агосе, Баба-Ата на северных склонах Каратау. Кроме того, городом был Испиджаб, расположенный в предгорной зоне (*Бартольд*, 1963. Т. I. С. 232–233). Впервые он упоминается в “маршрутке” Сюань Цзяня 629 г. как “город на Белой реке” (*Зуев*, 1960. С. 91). Позднее Махмуд Кашгарский сообщает: “Сайрам – название белого города, который называется Испиджаб. Про него говорят также Сайрам” (*Валин*, 1960. С. 78, 80). Этимология топонима Испиджаб в значении “белая вода” на основе согдийского языка предложена В.К. Шузовым (*Шузов*, 1978. С. 151–152). Город под названием “Сайрам” дожил до наших дней.

Вблизи Испиджаба, на отрезке пути, соединившем его с Шашем, находился город Газгирд. Как установлено, средневековый путь проходил “через перевал Турбат и шел на Сайрам” (*Бартольд*, 1966. Т. IV. С. 27). В одном из пунктов этого пути, на территории с. Шаралан, обнаружено городище VII–X вв., которое может быть отождествлено с Газгирдом. Древний топоним Газгирд, видимо, сохранился в современном названии “Кызы-Курт”. Так называется город гряда между Ташкентом и Чинкентом, у подножия которой и находится развалины города.

Восточнее Испиджаба на Шелковом пути находились города или населенные пункты Шараб и Будухкет (*Валин*, 1960. С. 76), расстояние между которыми соответствует указанному в источниках расстоянию в фарахах от Сайрама и между собой. Шарабу соответствует городище Тюркюк Балыкчи, а Будухкете – городище Казатлык (*Ахеева, Паевич*, 1958. С. 134–135, 143). Уточнение на основе шурфовок датировки городищ соответствует времени сообщений средневековых авторов.

В низовьях Арыси находился округ Фараб (Отрар) с центром в городе Отрар. В письменных источниках

название “Отрар” появляется в VIII в. Одновременно стало известно и другое название города – “Фараб”. Истинность Отрара с городищем Отрартобе не вызывает сомнений (*Акишев, Байткан, Ермаков*, 1972. С. 26–43).

Однако до сих пор не все ясно в локализации находившегося здесь города Тарбанд (Тарбан), упоминавшегося в древнетюркских надписях и арабских исторических сочинениях. С.Г. Кляшторный отождествляет Тарбанд (Тарбан) с городищем Отрартобе, опираясь на сведения арабского географа Якута (XIII в.): “Турарбада, город за Себуном, из самых отдаленных городов Шаха, примыкающих к Мавераннахру. Народ этой страны по-разному произносит это имя, и они говорят Турар и Отрар” (*Кляшторный*, 1964. С. 155–161). Раскопки Отрара по уровню слоев VI–VIII вв. и памятников оазиса этого же периода дали нумизматический материал, который также подтверждает тождество Тарбанд–Отрар (*Бурнашев*, 1973. С. 162). Было бы крайне интересно выяснить этимологию всех трех названий. Пока бесспорно лишь, что Фараб можно объяснить как согдийское название “зачерного”, “берегового” места (*Шузов*, 1978. С. 152).

Этимологию топонима Отрар предложил в свое время Н.С. Лыкошин. По его мнению, этот топоним можно объяснить, исходя из тюркского “ут” в значении “огонь”, “пепелище” (*Лыкошин*, 1899. С. 70–74). Возможны и другие толкования. Так, в языке огузов существовали понятия, связанные с длительными остановками, стоянками. Среди них “тураси бер”, являющееся по звучанию Турар и Отрар (*Агаджанов*, 1969. С. 88; 1972. С. 165–170).

Нижне Отрара по Сырдарье находился округ Шагвар с центром в одноименном городе. В.В. Бартольд помещал Шагвар в районе Туркестана (*Бартольд*, 1965а, Т. III. С. 225). Город Шагвар отождествлялся в свое время с городищем Чуйтобе, расположенным в 8 км юго-восточнее Туркестана (*Ахеева, Паевич*, 1958. С. 94; *Байткан*, 1986. С. 26). В переводе с согдийского Шагвар означает “Черная гора” (*Шузов*, 1978. С. 153). Расположение городища в предгорьях Каратау (Черных гор) может служить дополнительным аргументом в пользу тождества Чуйтобе–Шагвар.

К городским центрам на Средней Сырдарье периода раннего средневековья следует отнести также городища Туркюктобе и Казатлык.

Городская застройка

Цитадели являлись необходимым элементом городской застройки, играя важную роль в жизни города, став необходимым элементом его фортификации. Цитадели ранне-средневековых городов невелики, занимая, как правило, площадь от 0,1 га до 0,5 га. Раскопки проводились на цитаделях городищ Куйруктобе, Баба-Ата, Актобе. Наиболее полно исследована цитадель Куйруктобе, где открыты строительные конструкции трех различных строительных периодов (XI–XII, IX–XI, VII–VIII вв.).

Конструкция нижнего, первоначального горизонта принадлежала дворцовой застройке цитадели. Она воз-

ведена на искусственной платформе площадью 80 × 80 м, высотой до 10 м, которая представляла собой сложное сооружение из нескольких рядов стен из блоков нахвы, разделенных поперечными перегородками из сырцового кирпича на отсеки, забитые лесом, строительным мусором (Табл. 113, 4).

Сама постройка сохранилась плохо, ее наружные края, особенно северо-западный, полностью смыты, часть внутренних стен срублена при позднейших перестройках. Иструченные остались лишь капитальные стены, сложенные из нахвовых блоков и длинномерного сырцового кирпича размером (46–48) × (23–24) × (8–10) см.

Здание представляло собой прямоугольное в плане сооружение, вытянутое с северо-запада на юго-восток. Как полагают исследователи, во всему его периметру вдоль стен тянулись обводные галереи (или коридоры). По углам здания находились сегментовидной формы башни, которые узкими коридорами соединялись с обводными галереями. Прямоугольное пространство, ограниченное обводными галереями, занимали парадные и жилые помещения. В центре находился большой парадный зал, площадью 157,5 кв.м, с выходом в юго-восточном углу в обводную галерею.

Парадное назначение зала подчеркивается его богатым декором. Именно здесь обнаружены обугленные резные доски фриза, украшавшего зал. На них изображены боги и светские персонажи (Табл. 116, 1, 2; 117, 1-10). К западу от зала находился культурный комплекс, включавший два помещения (Табл. 112, 1, 2). Одно из них, площадью около 30 кв. м, соединено с залом дверным проемом. Вдоль двух стен этой комнаты тянутся широкие суфы. В южном углу находилась лестница, которая, по мнению автора раскопок, вела в несохранившийся юго-западный обходной коридор. В центре комнаты находилась большой круглый podium, на который ставился светильник для зажигания огня во время церемоний (Табл. 113). Большой парадный зал был перекрыт бревенчатым каркасом и благодаря этому возвышался над всеми остальными помещениями дворца.

В последний период жизни дворца его площадь была несколько расширена за счет пристройки к северо-восточной галерее ряда помещений, которые вместе с башнями выполняли оборонительные функции. Верхняя поверхность крепостных стен служила обзорной площадкой. Вероятно, вдоль всей кромки стены был выложен парапет, венчавшийся многоступенчатыми зубцами. Дворец погиб при пожаре в первой половине IX в. (Байников, 1986, С. 71).

На пятачке городища Баба-Ата в VI-VII в.в. было построено монументальное здание высотой до 6 м, обнесено стеной из павсовых блоков и сырцовых кирпичей.

Здание имело площадь 15 × 16 м и возведено из сырцового кирпича размером (40-41) × (20-22) × (9-10) см. Постройка была двухэтажной, и, нижнем, доколонном

этаже находился восьмигранный в плане зал диаметром 5,8 м, перекрытый куполом. В центре зала располагался колодец с диаметром устья 1,1 м, стенки которого обложены битым камнем. Из зала на второй этаж вели три наклонно поднимающиеся галереи со ступенями из сырцового кирпича. Галереи были перекрыты стрельчатыми сводами, сложившимся методом поперечных отрезков. Ширина галереи 1-2 м, высота 2,85 м.

На втором этаже находились шесть помещений, три из которых расположены афицально вдоль северной стены здания. Все они были перекрыты куполами (Табл. 113, 5). Два помещения имели одинаковые размеры 3,7 × 3,7 м, третьи 3,2 × 3,2 м. Купола помещений опирались на арочно-ступенчатые тромпы, расположенные на высоте 0,44 м от уровня пола. Высота стен всех помещений 2,85 м. В центральной комнате вдоль южной стены имелась суфа. Освещение помещений осуществлялось через люки в центре куполов (Табл. 113, 6). Они определяются по лямкам прокала на полах.

В VIII-IX вв. первоначальные сооружения были забутованы, на образовавшейся платформе возведена прямоугольная в плане двухэтажная постройка с полукруглыми башнями по углам (Азеева, 1962, С. 119). В результате площадь постройки увеличилась до 300 кв. м. Снаружи здание было обнесено стеной из павсовых блоков толщиной 1,18 м. Центром комплекса по-прежнему оставался восьмигранный купольный зал размером 3,82 × 3,82 м, вокруг зала располагались квадратные и прямоугольные помещения, соединенные арочными проходами. На полах помещений расписаны очажные плиты.

Сохранились две башни, включенные в систему обводных стен. Диаметр юго-восточной башни внизу составлял 5,6 м, а на высоте 2 м - 4,05 м. Кладка башни состоит из чередования рядов кирпичей, положенных плашмя, и рядов кирпичей, положенных на ребро, узкой стороной наружу. Вход в здание в этот период находился в северной стороне, обращенной к шахристану.

Таким образом, раскопки пятачков показали, что они выполняли роль укрепленных резиденций правителей городов либо округов. В строительной технике применялись приемы, характерные для всей Средней Азии.

Городской квартал

Раскопки на широких площадях городищ, на территориях шахристанов Кок-Маршан, Куйруктобе, Мардан-Куока и пятачки Куйруктобе дали возможность составить представление о характере квартальной застройки раннесредневековых городов. Деление города на кварталы было обусловлено тендецией к иерархичности общественных групп и людей, связанных родственными узами, общей профессией, религией. Уже у Нерсиса в "Истории Вухаря" встречаются термины "ку" в "махала" ("махаалат"), означавшие кварталы Вухаря (Нерсис, 1897, С. 69). Широко оперируют понятием "квартал" исследователи средневековых городищ (Кибиня, 1956, С. 95-125; Кизило, 1945, С. 163-175; Лунина, 1962, С. 238-409; Миссон М., 1940, С. 98-99; 1949, С. 56; Шинкина, 1970, С. 15-18; Федорова-Литвинова, 1958, С. 84-104).

Раскопки раннесредневековых городищ Кок-Маршан, Куйруктобе и Мардан-Куока позволили выделить в них застройки отдельные кварталы и определить квартал как массив городской застройки, состоящий из нескольких домовладений, объединенных внутриквартальной улочкой или же отрезком магистральной улицы. Фаза квартала глухой, границы с соседними кварталами проходили по задним стенам всех домов и боковым стенам крайних домов.

На городище Кок-Маршан выявлена три квартала VI - первой половины VII в. Кладкой из них формируются тупиком, отходящим от магистральной "северной" улицы и упирающимся в крепостную стену. Длина тупиков 15, 12, 10 м; площади, занимаемые кварталами, соответственно равны 370, 350 и 300 кв. м. В квартале "А" пять домов, и кварталы "В" и "Г" - по четыре дома (Табл. 109, 1-7).

На территории Куйруктобе раскопан квартал второй половины VII — первой половины IX в. Он находился в восточной части шахристана и представлял собой до раскопок куполообразный бугор диаметром около 30 м. Вернее было, вплоть до построек VII — первой половины IX в., быть смытым. Разрушенными оказались и периферийные участки квартала, но центральная его часть сохранилась достаточно хорошо. Площадью сохранившейся части квартала 306 кв. м. В составе квартала насчитывается четыре дома, расположенные по обе стороны от внутриквартальной улочки. Три домовладения сохранились полностью, а от четвертого — лишь одно помещение. Из трех полностью сохранившихся домов один однокомнатный и два двухкомнатных.

Внутриквартальная улочка закрывалась деревянной калиткой; в месте выхода ее на магистральную улочку сохранились остатки пола от порога. Один из двух сторон (западной) квартал примыкал к городской стене; южная стена отделила его от остальной городской застройкой; восточная часть квартала разрушена. По своей планировке и характеру застройки квартал не отличается от более ранних кварталов (VI—VII вв.) на Кок-Мардане.

Середина I тысячелетия н.э. у народов Средней Азии и Казахстана была переломным моментом в переходе от патриархальных семейных общин к малой семье (Кисляков, 1969, С. 17). Для этого времени характерно также сложение своего рода переходной формы семьи. Она состояла уже не из трех или более поколений, а из двух. Старшее поколение было представлено отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья, как это наблюдалось и в XIX — начале XX в. (Сударова, Бижанова, 1955, С. 173—177; Ходжиева, 1956, С. 235).

У полуоседлых и оседлых каракалпакско-тажик семейно-родственные группы именовались "коше". Во главе каждой группы стоял старшина — "коше бий" или "коткуда", который выбирался из числа наиболее богатых или влиятельных стариков. Обычно коше составлял аул, иногда несколько кошей объединялись в более крупные селения, выделяясь в них компактными группами. Семьи

вместе пасли скот, вместе отмечали семейные события, сообща выполняли обряды (Жданко, 1968, С. 80—82).

Отдельно прослеживаются семейно-родственные группы и у оседлого населения. У таджиков они назывались "ками" или "кулус". Как правило, такая группа проживала в одном квартале, каждая семья владела индивидуальными приусадебным и пахотным участком земли; но все семьи объединялись для пастьбы скота, оказывали друг другу помощь в уборке урожая, в строительстве, вместе справляли общие семейные праздники, имели общую мечеть и общие кладбища (Кисляков, 1969, С. 18).

У кочевников также наряду с малой семьей появилось и более широкое объединение с признаками экономического и территориального единства. Группы состояли из семей, находившихся в родстве и связанных сознанием общего происхождения. Каждая группа называла себя "детьми одного отца": "ата баласы" — у казахов; "бир аталык балдары" — у киргизов; "бир ата" — у туркмен. Количество семей в группе колебалось от 2—5 до 10—15. Они кочевали одним аулом, на зимовках селились рядом, скот выпасали совместно, по очереди, практиковали трудовую взаимопомощь, устраивали совместные праздники, совместно готовили ритуальную пищу. Однако каждая семья имела свое тавро для скота (Абрамзон, 1957, С. 32—34; Курьяев, 1978, С. 132—143).

Население кварталов Кок-Мардана и Куйруктобе, видимо, представляло семейно-родственные группы. В квартале насчитывается от четырех до шести домовладений, принадлежавших родственникам семьям. Логично предположить, что известный по этнографическим данным коше бий, "коткуда" — глава семейно-родственной группы — соответствует средневековому раису (старшина, староста) квартала (Большаков, 1973, С. 334) и аксакалу квартала позднесредневековой Бухары (Сударова, 1976, С. 33).

Пока мало данных для того, чтобы судить об общественно-социальном характере кварталов, можно лишь констатировать, что для всех районных кварталов характерна социальная однородность.

Городское жилище

Для VI — первой половины VII в. характерны два типа домов. Дома первого типа однокомнатные, наземные, прямоугольные в плане.

Один из таких домов, площадью 43 кв. м, раскопанный на городище Кок-Мардан, имеет колочатый коридор длиной до поворота 4 м. Вход тамбурный. Вдоль западной и северной стен устроены суфы с выступами — "эстрадами" по центру. Ширина суф 1 м, выступов 1,2 м, высота 40—45 см. Напротив входа, в центре, находился прямоугольный очаг с глиняными бортиками. Слева от входа, в тамбуре, находились два стеновых очага размером 0,2×0,2 м. Юго-восточный угол помещения отведен глиняным бортиком — это хозяйственный отсек. В полу помещения расчищены три прямоугольные ямки от опорных столбов. Всего их должно быть четыре. В потолке, видимо, был устроен сквозной дук, он же служил дымоходом отверстием. Дым, кроме того, выходил через дверь, именно поэтому очаг и камини приделаны к входу. Дома этого типа различаются формой суфы: Г-образ-

ная у двух стен и П-образная у трех стен; двухступенчатая с выступом в центре. Напольные очаги бывают прямоугольными или с закруглением передней части. По периметру очаги окурены глиняным валиком. Встречаются овальные очаги.

Очаги открытого типа, служившие и для обогрева жилища, и для приготовления пищи, широко распространены в Южном Казахстане и Средней Азии и как реликтовая форма дожили до нашего времени (Писарчик, 1982, С. 72—77). Стеновые очаги представляют собой выбитые в стенах полушарообразные ниши, на дно которых устанавливались из специальных выступов жаровня с невысокими бортиками. Функциональное значение напольных очагов и камини различно: первые использовались для обогрева помещения и приготовления пищи, вторые — для выпечки хлеба. В домах нередко тумбовидные поставы для зернотерок. Хумы, торки для хранения запасов продуктов, распостлались, в углах на суфах. Кроме того, в качестве эрнанилиц использовались боч-

ковидные сосуды из необожженной глины и корытообразные емкости, также сделанные из глины.

В каждом доме в одном из углов жилого помещения, на стене, на высоте 0,5–0,6 м глиняным валиком выделывался овал, под ним располагался угловой подиум-алтарь, обычно покрытый толстым слоем золы. Видно, это было место для отправления культа, домашнее святилище.

Площади домов варьируют от 12 до 45 кв. м, причем 85% домов имеют площадь 20–35 кв. м. От размера дома зависел характер перекрытия. В больших домах кровля опиралась на четыре столба, в средних в качестве опоры мог использоваться один столб, на который опирались одна продольная балка или две перекрещенные. В маленьких по площади помещениях крыша удерживалась на балках, расположенных на стеньгах.

Дома второго типа двухкомнатные, с линейной планировкой. Второе помещение выделено из первоначального общего помещения перегородкой либо стеной. Такие дома составляют 15% общей массы всех раскопанных жилищ. Кладовые могли находиться в разных частях дома. Площадь кладовых не превышала 8 кв. м.

Оба типа жилищ традиционны для Южного Казахстана и прослеживаются начиная с конца I тысячелетия до н.э.

На Кок-Мардане такие жилища зафиксированы в нижнем строительном горизонте (третьем), датированном III–V вв. (Табл. 109, 3–7), и на расположенном рядом поселении Костобе того же времени. Много общего прослеживается при сопоставлении жилищ Средней Сырдарьи и жилищ первой половины I тысячелетия н.э., раскопанных на поселении Алтын-Асар на Нижней Сырдарье. В однокомнатных домах Алтын-Асара устраивались так называемые лотковые входы, Г-образные и П-образные суфы, прямоугольные очаги и каминки, поставы для зернотерок. Дома здесь сооружались также из сырцового кирпича (Толстова, 1962, С. 189–190, Рис. 108, 109; Левина, 1971, С. 12–22, Рис. 2).

Жилища второй половины VII – первой половины VIII в. известно по раскопкам Мардан-Куюка и Куяруктобе (Табл. 110, 2; 111, 1–6). Двухкомнатные дома продолжают традицию предшествующего времени. Например, один из домов состоял из жилого помещения и кладовой. Жилая комната имела площадь около 19 кв. м. У восточной стены находились суфа шириной 1,5 м, высотой 0,4 м. Ее края выложены сырцовым кирпичом. В центре помещения был устроен напольный подпрямоугольный в плане очаг размером 1,2х1,2 м. Его бортики высотой 0,1–0,5 м, шириной 0,15 м сделаны из глины. От очага идет невысокая стенка, соединяющая угол очага с углом помещения. Она отражает на поверхности пола хозяйственную зону. При раскопке помещения собраны раздавленные обломки кувшинов, кружки с геометрическим орнаментом, кухонные банкообразные сосуды, покрытые густой копотью.

Возле очага на полу найдена литая бронзовая монета VI–VII вв., а также железные пластины доспехов.

Второе помещение дома – кладовая, соединенная дверным проемом с жилой транзитивной в плане комнатой.

Другой дом также состоял из жилищного помещения и кладовой. Вход в него вел со стороны туннеля, отходя-

щего от магистральной улицы. В проходе шириной 1,2 м сохранился паз от дверной коробки.

Из коридора шириной 1,2 м, длиной 6 м вел проход в комнату площадью около 19 кв. м. В помещении вдоль двух стен была устроена Г-образная суфа шириной 1,2 м у восточной стены и в 1,3 м у северной. Высота суфы 0,4 м. Ближе к углу ее устроена ступенька. Северный угол помещения занят прямоугольным закромом.

Еще один закром устроен в конце коридора. Это, собственно, часть коридора, отгороженная глинобитной стенкой. Размер закроба 2х1 м.

В центре помещения находился прямоугольный, частично разрушенный напольный очаг размером 1,5х1,5 м. Его точечная часть имеет прямоугольный выступ. Бортики очага сделаны из глины, их ширина 0,15 м, высота 0,1 м. На полу возле очага развешены коническая ямка диаметром 15 см, глубиной 10 см. В ней найдены бронзовая литая монета VII–VIII вв. и косточки переква. Керамика представлена столовыми кувшинами, кружками, кухонными банками. Кладовая имеет размеры 1,2х5,2 м. В ней вдоль длинных стен стояли восемь кумов. В семи кумах находилось обдуренное зерно, в одном – не очищенный от семян хлопок. На полу были рассыпаны обгорелые яблоки (Табл. 110, 2).

Датировка раскопанных домов, как и всего второго строительного горизонта, основывается на находках монет VII–VIII вв. и керамики, среди которой выделяется кангарская. Это кружки с ковальческими рукоятками и кувшины со слюдами; светильники, покрытые темно-вишневым, коричневым и черным антобом и ядовитым орнаментом геометрического характера. Элементы росписи – рамки из косых линий, сетка, полуovalы. Такая керамика в Отрарском бассейне относится ко второй половине VIII – первой половине IX в. (Байнакова, 1986, С. 58).

Ко второму типу жилищ относится “большое” многосекционное дома. Один из таких домов раскопан на городище Куяруктобе. Размер дома 17х18 м (306 кв. м). Он включал три отдельные секции, объединенные коридором и имевшие общий для всего дома зад площадью 63,8 кв. м. Вход в него вел с улочки, уровень которой выше пола зала, поэтому вход сделан в виде пологого пандуса. В первом проеме сохранились пазы от дверной рамы и порога.

Вход отделен от помещения стенкой-закромом. По трем сторонам помещения устроена суфа высотой 0,4 м. Ширина суфы у южной и западной стен 1 м, у северной 0,7 м. В центре западной стены имеется выступ “эстрада”, ее длина 2,4 м, ширина 1,35 м. На поверхности северной суфы прослежена четыре овальные ямки. Почти в центре помещения располагался напольный очаг овальной формы с бортиком по периметру (Табл. 113, 1, 2).

Раннесредневековые жилища на юге Казахстана представляют собой вехи многовекового развития. Параллельно ему есть в материалах соседних районов. Это одно- и двухкомнатные дома согдийского поселения VII–VIII в. Гардин Хисор (Якубов, 1982, С. 115–116, Рис. 1, 3, 4). Планировка обильно четырехсекционные помещения в домах Пенажикита с кладом “большого” дома второй половины VII–VIII вв. на городище Куяруктобе; перекрытие которого опиралось на четыре колонны, а суфа имела своеобразный выступ “эстрада”. Помещения с тамбуранами входами, с суфами вдоль

люх, трех или всех стен характерны для тохаристанского здания Балалыкесте (Альбаум, 1960, С. 108, 116, Рис. 62) в раннесредневековых памятниках Усгунштана (Ильминтис, 1966, С. 55-59, Рис. 24). Определенное сходство наблюдается с три сопоставлении среднесырдаринского жилища с жилищем Юго-Западной Ферганы (Бруккина, 1982, С. 48-50), а также с жилищем африкаского Хорезма (Нералис, 1966, С. 68-76; Губкова, 1962, С. 50).

Этнографические параллели такому жилищу есть на Памире, в Фергане, равнинной части Зеравшана (Нералис, 1966, С. 74; Кандуров, 1944, С. 422-60; Давидов, 1969, С. 99-101).

Святница

В застройке городищ Южного Казахстана удалось выявить святницы. Значимость их в жизни горожан, видимо, была различна: одни принадлежали жителям квартала, другие – крупным религиозным общинам города. Одно из святниц находилось в квартале "А" городища Кок-Мардан. Это была квадратная в плане одноконнатная постройка размером 4х4 м, заглубленная в землю. Навстречу входу в стене на высоте 0,5 м от пола

Несмотря на сходство с раннесредневековым жилищем северных районов Средней Азии, жилище Средней Сырдарьи сохраняет черты традиционные для сырдаринских культур первой половины I тысячелетия н.э.: линейную планировку, прямоугольные и овальные открытые очаги, специальные хозяйственные площадки, которые использовались, на наш взгляд, для приготовления хлеба, угловые налены курганного назначения. В дальнейшем планировка домов и их интерьер, видоизменившись, продолжали сохраняться и развиваться в домах средневековых городов Средней Сырдарьи.

находилась прямоугольная ниша, обрамленная валиком в виде рогов барана. Под ней располагался пидиум с годстым слоем топы на нем. Суфы шириной 1 м находились у юго-западной и северо-восточной стен. Прямых аналогий этому святнице нет, но некоторые сходство его прослеживаются с постройкой на Гауркале в Хорезме, датированной кунаским временем (Талстов, 1958, С. 193, Рис. 87).

Погребальные памятники

Рядом с городищами находятся курганные могильники, изучение которых позволило проследить изменения в характере погребальных сооружений, погребальном обряде и сопровождающем инвентаре.

В топографии могильника Кок-Мардан выделяются три части: возвышенные площадки с курганобразными насыпями в центре; сооружения в виде вала длиной до 700 м, шириной 12-15 м, высотой 0,5-1,5 м; отдельно стоящие курганы диаметром 10-30 м, высотой до 2,5 м.

Возвышения в виде площадок представляли собой подквадратные в плане нахсовые платформы. Размер одной из них 8,6х8,8 м, высота в центре 1,5 м, а по краям 1,3-1,4 м. Вали, расположенные на территории могильника, являются остатками поставленных впритык погребальных платформ. Одиночные курганы также были сооружениями типа платформ небольших размеров.

Могилы для взрослых вытывались в толще нахсы по периметру площадки. Каждое из таких погребальных сооружений состоит из входного коридора-дромоса и погребальной камеры. Ширина входного дромоса 0,5-0,6 м, длина 0,6-1,2 м, высота 0,5-0,6 м. Погребальная камера является продолжением дромоса; она более широкая у входа и сужается к концу. Ширина у изголовья от 1 до 1,3 м, в ногах 0,5-0,7 м, длина до 2,2 м.

Умершие укладывались на спину, головой к входу, руки вдоль туловища. В головах ставили кувшины с грушевидным туловом и носиком-сливом. Вместе с погребенным в могилу клали оружие; железные концевички стрел, ножи, костяные накладки луков. Найдены украшения: бусы, амулеты. В могилах обнаружены железные пряжки с подвижным язычком, бронзовые пряжки овальной формы с хоботовидным язычком.

Детские погребения устраивались по краю платформ в нишах и подбоях, размеры которых зависели от роста умершего. Так, в одной из раскопанных платформ

расчищено 18 погребений, из которых три принадлежали взрослым, а девять – детям. В другой расчищены 24 захоронения, в третьем – 15. Наиболее поздние захоронения в могильных ямах, подбоях, катакомбах на Средней Сырдарье относятся к VI-VII вв.

Вторым типом захоронений являются погребения в наусах – подпрямоугольных сооружениях из нахсы и сыршного кирпича с купольными перекрытиями.

Впервые в Казахстане такие сооружения были открыты на Боржарском (Буржарском) могильнике на средней Армии. Здесь в 1949-1951 гг. раскопаны 15 курганов, и в девяти из них обнаружены остатки прямоугольных нахсовых оградок (перекрытия не сохранились). На уровне дрессового горизонта на подстилках из речной гальки, а в одном случае из черепков посуды находились в разное время коллективных погребений. Они совершались, а также вестки, при этом более ранние захоронения сдвигались в сторону. Ориентация погребений различная.

Сами курганы имели диаметр до 20 м при высоте 3-4 м. Типичное захоронение такого рода содержало курган 32. Насыпь овальная, диаметром 14-16,5 м, высотой 2 м. Стены науса подпрямоугольной формы сложены из нахсы. Площадь камеры 7,5 кв. м. Внутри ее ведет коридор длиной 2,5 м, шириной 0,75 м. Стены сохранились на высоту до 1,4 м (Табл. 115, 1, 2). На полу камеры встречаются разрозненные остатки костяка. Погребения сопровождалась глиняной посудой: кувшинами с носиком, кувшинами со сливом, кружками, покрытыми красным лощением (Табл. 115). Найдены также железные однолезвийные черешковые ножи, в одном случае железный меч, трехлопастные железные наконечники стрел.

В других наусах обнаружены (Табл. 115) серебряные лронзовые пряжки от наборных поясов, пряжки с подвижным язычком (Алексеев, Пащенко, 1956, С. 53-55).

Вопросы хронологии наусов Боржарского могильника остаются дискуссионными. Е.И. Агеева и Г.И. Паченя датировали их вначале VIII–X вв. (Агеева, Паченя, 1953, С. 55), а затем VI–VII и VI–VIII вв. (Агеева, Паченя, 1958, С. 176).

В.И. Распопова проанализировала поспевшие наборы из раскопанных погребений, сошла возможным датировать наусы VI–VII вв. (Распопова, 1965, С. 88). Л.М. Левина отнесла Боржарский могильник к VI–VIII вв. (Левина, 1971). По мнению К.М. Байпакова, наусы датируются второй половиной VII–VIII вв. (Байпаков, 1986, С. 58).

Аналогичные погребальные сооружения обнаружены и на могильнике Шага в Туркестанском оазисе. Здесь раскопаны пять курганов, скрывающих остатки наусов. Один из таких курганов (№ 67) диаметром около 30 м, высотой 2,2 м. Под насыпью находилось погребальное сооружение – наус. Это прямоугольная постройка площадью 5,2х5 м из сырцового кирпича размером 50х(20–25)х(9–10) см. Сохранившаяся высота стен 2,2 м. Постройка ориентирована по странам света углами. К наусу пристроен тамбур длиной 3,3 м, шириной 0,9 м, высотой 1,15 м. Судя по остаткам конструкции и завалам, коридор имел перекрытие в виде свода, выложенного из поставленных на ребро кирпичей размером 40х30х10 см. В замке свода использованы кирпичи трансверсальной формы.

Наус, скорее всего, был перекрыт куполом. Вдоль северной и восточной сторон устроены суфы высотой 15 см, шириной 75 см. Стены, суфы и пол облицованы и побелены. Наус был разграблен. В северной его части на суфе сохранились разрозненные кости трех скелетов.

Памятники искусства

На ипподроме городища Куйруктобе был открыт дворцовый комплекс, центром которого служил парадный зал площадью 157,5 кв. м. Комплекс построек погиб в результате сильного пожара. Рухнувшая кровля парадного зала законсервировала остатки древнего перекрытия, в том числе и обломки украшенных резьбой обугленных балок, и обгоревшие доски от резного подпотолочного фриза. Находились следы пожара: керамика, терракота, бронзовые монеты двух типов с изображением вадущего льва на одной стороне, а на другой рунические монограммы “ч + уш” или “ат” – датируют створение сооружения VII – первой половиной IX вв.

На сохранившихся и расчищенных досках фриза представлены изображения богов и светских сцен, видимо когда-то связанных единой сюжетной художественно-смысловой идеей (Табл. 116, 117).

Ближайшие аналоги резному дереву из ипподром Куйруктобе происходят из Согды и Уструшаны. Розетки, ромбы, крестики, орнаментальные мотивы резьбы встречаются на резном дереве из Пенджикента, Шахристана, Уртакургана (Воронина, 1957а, Рис. 16–18, 26а; Нейзатов и др., 1966, Табл. X; Нейзатов, Пулатов и др., 1973, Рис. 32–34).

К интересным деталям, украшающим интерьеры, балки или арки входов, относятся ларные изображения “сирен”. Сюжет с изображением “сирен” широко рас-

простран в раннесредневековом искусстве. Они есть и на резном иштуче Варахши, и в глиняных рельефах Пенджикента (Белецкий, 1964, С. 193–194). Парные изображения “сирен” под аркой или по бокам от нее сохранились на ступах Саччи и Бхарутты, в гротах Бамчана (Godart A., Godart G., Hackin J., 1928, Fig. 6, pl. XXII), и резной кости Беграма (Hackin, 1928, Fig. 100). Эти мифические существа упоминаются в буддийских текстах в качестве мужской и женской пары под именами Кишара и Кишари.

В одном из курганов (№ 68) расчищены кости от 25 погребенных, расположенных в три яруса. Во входном коридоре находился скелет облоки. Археологический материал представлен керамикой – красноцветными эллипсоидными кушанками и кружками с кольчататыми ручками, красноцветными мисками с пергидом в средней части стенок. Интересна кружечка с подковообразным напелом. Встречены кушанки трупнических пропорций, обломки хумов с потеками ангоба. Железные изделия представлены трехперыми наконечниками стрел, обломком ножика, пряжками с подвижным язычком.

Среди украшений обнаружены бронзовый браслет и обломка серьги с шариком. В одном из наусов найдена медная согдийская монета конца VII – первой половины VIII в. По мнению А.Г. Максимова, могильник Шага датируется концом VII – первой половиной VIII в. (Максимова, 1974, С. 117).

Помимо могильников Боржарского и Шага, трупноположения в наусах, датируемых в пределах VI–VIII вв., отмечены в северных районах Средней Азии, в Самарканде (Костобек, Пекент, Тюльбугус) (Байпаков, 1987, С. 564; Агамалоджаев, 1962, С. 71–79; Буриков, 1968, С. 57–62).

В характере и планировке погребальных построек, в обряде погребения, в керамике, украшений прослеживаются традиции местных каучиноидных культур, тюркское и согдийское влияние. Наличие этих компонентов в материальной и духовной культуре населения Средней Сырдарьи доказывает своеобразие и развитие местной земледельческо-скотоводческой и городской культуры области в период раннего средневековья.

К числу уникальных находок относится остаток доски подпотолочного фриза, некогда украшавшего парадный зал ипподром. У стены, находившейся напротив центрального входа в зал, расчищено, “законсервировано” и поднято девять фрагментированных досок.

Длина других сохранилась доска (Табл. 117, 1) с изображениями божества на лозомorphic тронах. Ее длина более 122 см, сохранившаяся ширина 25 см. В арке показаны восседающие на тронах божества. Слева мужское божество на троне в виде финиш крылатых (?) верблюда (?) Сохранилась морда одного из них с характерной удлиненностью и торчком ухом. Мордаи верблюда повернута друг к другу. Божество и изображено в правой руке, согнутой в локте, с кистью на уровне груди. Он держит предмет с тремя ногутами богами. В левой руке у него сосед с зубами-мерлонами на краю.

На голове зубчатая корона. Божество справа, видимо его супруга, сидит на троне из двух горных баранов. В правой руке, согнутой в локте и поднятой вверх, трехлучевый предмет, в левой — жезл, на голове повязка с бантом на лбу и развевающимися за спиной концами.

Найдены и сохранились фрагменты еще одной доски фриза. На ней изображены подножия тронов в виде зооморфных существ с крыльями. Видны изображения ковров или шпоров, которыми были покрыты троны. У подножия трона с горными баранами изображены маленькие фигуры коленипреклоненных людей, возможно жителей куйрукского замка (Табл. 117, 7).

Архиволты заполнены четырехлепестковыми розетками, а межарочные пространства — изображениями сидящих персонажей (Табл. 117, 1).

Изображения богов на зооморфных тронах известны и росписях Согда. В Варакше на стенах Восточного зала дворца бухар-судатов центральная фигура восседает на троне с ономрами в виде крылатых верблюдов. Они, так же как и куйрукские, похожи на грифонов, и не случайно В.А. Шишкин называет их «жесткими грифонами с верблюдскими головами, шеями и ногами». У подножия трона, так же как и на куйрукской доске, даны коленипреклоненные персонажи (Шишкин, 1963, С. 160). Ближне к куйрукским сцены на росписях Пенджаикента (объект XXIV). Здесь показана чета божеств. Мужское божество сидит на троне, опора которого оформлена в виде верблюда. Супруга его сидит на троне с опорой в виде горного барана. Бог держит в поднятой руке фигуру верблюда (Беленицкий, Маршак, 1976, С. 81). Особенно близко сходство прослеживается при сравнении изображения мужского божества с чашей из Куйруктобе и со штампованным рельефом на одной из стенок оссуария, найденного в Южном Согде, в предгорьях Гиссарского хребта (Кранивникова, 1986, С. 45–46).

Еще одна доска от фриза, со стеной осады замка сохранилась фрагментарно, ее длина 93 см, ширина 23 см.

Центральная часть доски занята композицией, где в арке, украшенной четырехлепестковыми розетками, на стене, видимо замка или города, увенчанной пирамидальными зубцами, изображены два лучника. Здесь же на переднем плане изображено божество с поднятыми руками, в одной из них находится круглый предмет. На голове божества корона с крыльями. Межарочные пространства были заполнены изображениями стоящих за зубчатой стеной персонажей, сохранность которых крайне плохая. Божество, судя по дошедшим до нас деталям, имело четыре руки, две из них, как отмечалось, были подняты вверх; вторая пара рук опущена (Табл. 117, 2). Возможно, сцену осады замка или города следует соотносить с согдо-маньчжеским текстом, в котором рассказывается о падении города, осажденного врагами. В нем упоминается имя “Нана-госпож”. По мнению В.Б. Хеннига; это имя богини Анахиты. Анализ культа Наны (Анахиты) и Согде, предпринятый Н.В. Дьяконовой и О.И. Сырновой, приводит исследователей к выводу, что Нана-Анахитта была одним из основных божеств Согда, а в Пенджаикенте, вероятно, культ Наны — богини-матери, доминантенца города — был главным (Дьяконова, Сырнова, 1967, С. 71–83). Судя по аналогичному изображению на доске из Куйруктобе, этот образ почитался и на Средней Сирдарье.

Интересна деревянная прямоугольная доска размером 125×25 см, где и отличие от упомянутых досок, изображены не боги, а предсталена, видимо, светская сцена. В центре противоположно друг к другу стоят мужчина и женщина, безупрочные, пышные особы. У женщины (она стоит слева) округлое лицо с широким плоским носом, миндалевидные глаза. На голове плоская шапочка, на лбу диадема. Из-под волосика на правое плечо спускается косичка, перекаченная через равные промежутки завязками. В правом ухе серьга с овальной подвеской, на шее ожерелье из крупных неправильной формы бусин, на плечах накладки.

Лицо мужчины сохранилось плохо. На голове у него шапочка с околышем, одет он в халат с запахом на левую сторону (правая пола наверху). Под халатом видна рубаха со стоячим воротником. Правой рукой мужчина обнимает женщину, кисть его правой руки лежит на плече женщины, а левая, поднятая ладонью вверх, поднесена к ее лицу. На ладони лежит круглый предмет. Женщина правой рукой сжимает левую руку мужчины у локтя.

Персонаж, стоящий слева от пары, изображен в фас, у него округлое лицо с плоским носом, на голове нечто вроде тюрбана, на лбу узкая повязка. В мочки ушей продеты серьги с овальной подвеской, на груди висит с шариками на разномынутых концах. Одет он в халат, из груди которого орнамент в виде розетки из верхов. Под халатом рубаха со стоячим воротником. В левой согнутой руке персонаж держит какой-то предмет.

Фигура, помещенная справа от центральной четы, тоже изображена в фас. Голова и черты лица разрушены. Персонаж одет в халат, из-под которого видна рубаха со стоячим воротником, в руках он держит что-то, похожее на ножны или блюдо (Табл. 116, 1, 2).

Справа от центральной группы изображены еще две фигуры, но от них сохранились лишь контуры; слева от группы прослеживается силуэт одиночной фигуры. Фигуры находятся в арках. Межарочное пространство заполнено четырехлепестковыми розетками и пальметтами с обращенными вниз листьями. Полных аналогий куйрукской композиции в изобразительном искусстве других памятников нет. Некоторое сходство обнаруживает сцена и росписях из Афрасиаба, на северной стене зала I. Среди изображенных персонажей привлекают внимание три женщины в лодке. Одна из женщин поддерживает кисть правой руки сидящей с ней рядом женщины, которая, в свою очередь, положила левую руку на плечо правой (Альбаум, 1975, С. 69; Рис. 21). Аналогичная сцена встречается в живописи Балалыктепе (Альбаум, 1960, С. 128–129; Рис. 97, 98), где изображены двое мужчин и сидящая на заднем плане женщина. По мнению Л.И. Альбаума, такие сюжеты с характерными “жестами рук” связаны с иррациональными сценами створора между спланими женщина и несветы. Возможно, и на резной доске из Куйруктобе также изображена аналогичная сцена. Полная характеристика и анализ резного дерева из Куйруктобе еще не сделаны, но уже сейчас ясно, насколько богата информация о духовной жизни прошлого в нем скрыта. Бесспорно и то, что из Сирдарье получили развитие согдийская архитектура, керамика, искусство, причем изобразительные сюжеты на резном дереве уходят в античные традиции.

Керамика

Поса известна лишь одна печь гончара VIII-IX вв., расположенная на территории северного района Отрара. Она имела грушевидную форму, длину 2,7 м, ширину 2,5 м. Топочная камера несколько меньших размеров, чем обжигательная. Под дном опирались на перевёрнутый вешичок изнутри хум без дна, поставленный на три "рогатые" подставки. Хум обложен снаружи сырцовым кирпичом.

Керамика VI – первой половины VII в. делится на кухонную посуду (котлы, горшки, крышки, сковороды, подставки), тарную посуду, предназначенную для хранения и транспортировки продуктов (хумы, хумчи, горшки, кувшини, крышки) и столовую посуду (кувшини, миски, кружки). Отдельную группу керамических изделий составляют светлячки, детские игрушки, грузнички-тачки стаяков, пряслица (Табл. 112, 115).

В кухонной бытовой керамике преобладают горшки. Это приземистые сосуды с округлым туловом, невысоким горлом со слегка отогнутым наружу вешичком. Диаметр горла обычно меньше размера дна, ручки петлевидные, вертикальные и наделены в виде полукруглой скобы или зубчатого выступа. Встречаются горшки, у которых по две ручки – одна петлевидная вертикальная, другая наклонная полукруглая.

Крышки различных диаметров – от небольших, диаметром 10–12 см, до крупных, диаметром 25–30 см. Есть крышки с петлевидной ручкой в центре или сбоку, с овальным отверстием для выхода пара. Края крышек иногда украшены насечками, вдавленными, на их поверхности имеются украшения в виде прочерченных кружков.

В группу керамических изделий входят подставки в виде стилизованных изображений головы быка с подчеркнутой массивными рогами ("рогатые" подставки). Их поверхность украшалась ямочными вдавлениями.

Посуда для хранения и транспортировки воды и продуктов питания выделена от ручки. Преобладают хумы и хумчи. Для хумов характерны массивные прямоугольные в сечении вешички с валиком посередине. Есть вешички подквадратные и подтреугольные и в сечении (Табл. 110, 3–5). Овальное являющееся тулово с выделенной шейкой переходит в плоское дно, иногда с отпечатками грубой ткани типа мешковины. Хумчи имеют удлиненное асимметричное тулово, вешички прямоугольные или овальные в сечении.

Большинство хумов покрыты светло-коричневым, розовым, реже светлым ангобом, поверх которого ангобом более темного цвета, иногда почти черным, нанесены потеки и брызги. На палочках хумов встречаются прочерченные до обжига знаки: овалы, зигзаги, кресты, параллельные линии, проведенные пальцами.

Большую группу составляют горшочковые сосуды. Они в большинстве своем сверху покрывались белым ангобом, а также розовым и красным. На тулове, как правило, видны следы заглаживания каким-то округлым предметом, видимо черепком.

Ручки у горшков двух видов – вертикальные и горизонтальные. Первые выносятся на край вешичка и тулова. Они обычно овальные и круглые в сечении. Реже встречаются уплощенные, в сечении подпрямоуголь-

ные. Горизонтальные ручки насаживались на плечики сосудов, они овальные в сечении, снизу уплощены. Орнамент на сосудах однообразен и располагается обычно на шейке. Состоят он из продолговатых концентрических кругов, отскоков палочки на шейке и ручках, горизонтальных и вертикальных борозд, а также из прочерченных волнистых и зигзагообразных линий на тулове.

Водоносные кувшини делились от ручки. Они имеют короткое короткое горло, диаметром 12–20 см, с заостренным, слегка отогнутым наружу вешичком. Тулово с лопатками, обвислыми плечиками заканчивается широким плоским дном, которое в полтора-два раза шире диаметра устья. Оно покрывалось розовым, красноватым или коричневым ангобом, снаружи затиралось пычком травы, мокрой травкой или специальным инструментом, оставляющим тонкие частые бороздки. Ручки овальные в сечении, прямоугольные с желобком. Они соединяют вешич с плечиками; иногда их верхний конец закреплен чуть ниже плечика.

Особый тип представляют водоносные кувшини, для которых характерно сочетание коричневого ангоба и рифления горла. Зачастую это не рифление, а зона частых резных или вдавленных линий (Табл. 112). Кувшини украшались потеками или пятнами ангоба и вдавленными концентрическими линиями, отпечатками гребенчатого штампа, насечками.

На горло одного из кувшинов были нанесены гребенчатый штампом ряд наклонных линий, рамка из двух резных линий, а на тулово – волнистый узор, проведенный тем же гребенчатым штампом.

Населю обычно встречается на ручке или тулове. На ручке наделан выступ или элемент, придающие ручке зооморфный вид (Табл. 115). Под ручкой имеются насечки, имитирующие рога барана; населя в виде кружка, иногда обрамленного шариками. На тулове некоторых кувшинов просматриваются прочерченные тамгообразные знаки.

Столовая посуда в основном представлена краснодигобиранными кувшинками и кружками, сделанными на круге и, реже, выделенными от ручки. Красный ангоб сочетается с лощением. Формы краснолощенной столовой посуды разнообразны. Это кувшини со швом, обычно выделенные от ручки. У них короткое горло расструбом, раздутое тулово, ручка соединяет край вешичка и плечика. Кувшини с носиками большого объема, как правило до 10 л.

Кружки нескольких типов. Наиболее распространены сосуды изрядных пропорций с прямой шейкой, отогнутым вешичком и округлым туловом (Табл. 112, 12, 13). Ручка соединяет тулово с краем вешичка. Другой тип кружек представлен сосудами с ручкой, наделенной посередине тулова (Табл. 112, 11; 115). Встречаются кружки с зооморфными ручками.

Группу бытовых изделий из керамики составляли светлячки, изготовленные из сырого теста с швом. Резервуар с расширяющимися стенками опирается на коническую ножку (Табл. 110, 3–10).

Керамике VII тысячелетия н.э. северного района как особый комплекс Л.М. Левшин отнесла к отарской-каратауской культуре и выделила в ней три хронологические

группы в пределах с I в. до н.э. до VIII в. н.э. Наиболее поздняя группа отнесена ею к VI–VIII вв. Для керамики этого периода характерны орнамент в виде насечек, ямок, напесных шишечек, надетого валика на горле или тулове; распространение узоров с подквадратными в сечении валичками (*Левина*, 1971, С. 233–234).

Однако сейчас представляется возможным более четко различать комплексы керамики не по рубежу VI–VII вв., а по середине VII в. Основанием служит тот факт, что в VII в. на юге Казахстана, и в частности в Отрарском оазисе, появляются элементы нового стиля в керамике.

В целом для керамики VI – первой половины VII в. характерно преобладание типов и форм, относящихся к керамике третьего этапа отрарско-караатауской культуры. Но есть и новые типы посуды. Это энохосвидные красноокрашенные кувшины, аналогичные кувшинам из

Боржарского некрополя и могильника Шага. В группе столовой керамики встречаются красноокрашенные кружки с кольцевыми ручками ребристых очертаний и признаками подражания тюркской тюрствике, которые провозникли в керамике Средней Азии в VII–VIII вв. (*Маршак*, 1965, С. 25).

В комплексе имеются экземпляры сосудов с резным растительным орнаментом, находящие аналогию в комплексах посуды Кескен-Куюккала VII–VIII вв. из низовья Сырдарьи (*Левина*, 1971, С. 80–81, Рис. 20, 85, 86, 111).

Появление новых признаков как основание датировать керамический комплекс Кок-Мардан VI – первой половиной VII в., поскольку во второй половине VII в. новые признаки в керамике получают широкое распространение, что отмечается для комплекса керамики второй половины VII – первой половины IX в.

Керамика второй половины VII – первой половины IX в.

Керамика этого времени получена при раскопках Отрара, Куйруктобе и Мардан-Куюка. К этому же времени относятся и комплексы посуды из Боржарского некрополя и могильника Шага.

Кухонная керамика в основном продолжает традиции предшествующего периода. Это котлы в плоскостойные горшки, лепленные от руки. То же можно сказать и о посуде, предназначенной для хранения продуктов и их переноски.

Появляются новые типы столовой посуды, сделанной на круге. Это керамика "солдйвидной облика": кружки с кольцевыми ручками, энохосвидные кувшины, а также керамика "каитарского типа" (*Байнаков*, 1986, Рис. 6). Она представляется кувшинами и кружками, покрытыми красным, фиолетовым и черным ангобом и украшенными белым орнаментом в виде сеток, овалов, слочки, гирлянд (Табл. 110, 3–10). Для кружочек характерны зубчатые ручки, ручки с выступами (*Байнаков*, 1985, Рис. 12).

Изделия из металла, украшения

Состав металлических изделий, встречаемых при раскопках поселений и могильников, свидетельствует о развитии кузнечного, меднического и ювелирного ремесла.

На городище Кок-Мардан найдены железные кривы. Остатки медельавильного производства обнаружены при раскопках Тоткудтобе. Четы, серпы, ножи, мечи и кинжалы, наконечники стрел изготавливались местными кузнецами. Из серебра и бронзы делали пряжки, украшения, амулеты. Из кости изготавливались накладки сложносоставных луков, различного рода заколки. Ис-

пользовались в качестве поделочного материала кости и рога домашних и диких животных.

Высокого уровня развития достигло ювелирное ремесло. Украшения из золота со вставками цветного камня и стекла, бусы из хрустала, бердольки, бирюзы украшали и дополняли женский костюм (Табл. 114).

Камени шел для производства зернотерок, жерновов, терочников, оселков. Из гальки изготавливалась сурьматши – часть туалетного прибора, использовавшегося для сурьмления бровей (Табл. 115).

Торговля

Торговля была одним из важнейших факторов развития региона. Обменная торговля с кочевниками осуществлялась на ярмарках в Испиджабе и Отраре. Большую роль играл Великий шелковый путь, одно из ответвлений которого проходило через южно-казахстанские степи (*Зуев*, 1960, С. 87–96).

Наличие денежной торговли подтверждают находки местных монет VII–VIII вв., обнаруженные в большом числе на Отраре, Куйруктобе, Мардан-Куюке, Азтынтепе, Бузукте правобережном. Монеты трех типов, в те и другие литые, бронзовые. У монет первого типа на одной из сторон изображен идущий вправо лев на подставке и обрамлении круга из шаров, на оборотной – руническая монограмма "и-чун", возможно

принадлежавшая кангарам. Монеты второго типа имеют на одной стороне такого же льва, на другой – монограмму "ат", представляющую собой родовую тамгу тюркшей (*Бурнашев*, 1973, С. 81–87; *Байнаков*, 1985, С. 64–71).

И наконец, к третьему типу монет относится тапке, у которых имеется тамгообразный знак в виде "кючюч" (*Бурнашев*, 1987, С. 152).

Если местные монеты свидетельствуют о внутренней торговле, то монеты ххидов Согда VII в., древнетюркские монеты Чага конца VII – начала VIII в., тюркские правителей Ферганы, китайской династии Тан и бухарского типа "гитрифи" (*Бурнашев*, 1975, С. 60–68) подтверждают важную роль городов в системе международной торговли.

Идеология по памятникам искусства

Еще в 1930-е годы о согдийском искусстве можно было судить только по терракотовым статуэткам (Толстой, Кошкалов, 1890. С. 27–30; Веселовский, 1917; Тревел, 1934) и по оссуариям, историко-религиозное значение которых было оценено уже в дореволюционное время (Иностранцев, 1907, 1908, 1909; Бартольд, 1966а, б). Их изучение было продолжено перед войной в работах А.А.Потанова (Потанов, 1938) и А.Я. Борисова (Борисов, 1940). С находки в 1933 г. расписного цита в одном комплексе с согдийскими документами начала VIII в. на горе Муг в верховьях Зеравшана началось изучение согдийской живописи (Якубовский, 1939. С. 27). Затем в 1938 г. В.А. Шишкин обнаружил итуговую скульптуру и настенные росписи на окраине Бухарского оазиса, в Варакше. Новый этап исследования наступил после открытия экспедицией под руководством А.Ю. Якубовского росписей в Пенджикенте, где с 1948 г. ежегодно находят произведения монументального искусства V–VIII вв.: скульптуру из алебастра, глины и дерева и, главным образом, живопись на стенах храмов, дворца правителя и многочисленных частных домов. В 1950–1954 гг. были сделаны новые открытия росписей в Варакше (Шишкин, 1940, 1947, 1956, 1963). С 1965 г. раннесредневековую настенную живопись неоднократно находили на городище Афрасиаб в столице Согда Самарканде.

Для понимания согдийских росписей весьма важны также открытия произведений искусства в Тохаристане, Хорезме, Устуршане, Семиречье, о которых речь идет в других главах этого тома.

В результате полувековой работы ряда ученых появились монографические исследования и сборники по Варакше, Пенджикенту, Афрасиабу (Шишкин, 1963; ЖДП, СЖДП; Беленицкий, 1973; Belenitskiy, 1980; Альбул, 1975). В этих работах в науку введен огромный материал, даны описания памятников, обоснованы с той или иной точностью датировки, определены многие сюжеты, рассмотрены техника и стиль, поставлены вопросы об идеологии и культах. Прочитанная В.А. Лившицем надпись на росписи Афрасиаба помогла опознать в этой росписи отражение современной художнику действительности второй половины VII в. (Альбул, 1975. С. 52–56; см. также: Belenitskiy, Marshak, 1981. P. 61–63). В Пенджикенте выявлены иллюстрации к сказанию о Руемале (Belenitskiy, 1963; Беленицкий, 1973. С. 47), к басням Эпала, к индийским притчам из Панчатантра (Belenitskiy, 1973. С. 49; Маршак, 1977) и к "Махабхарате" (Belenitskiy, Marshak, 1981. P. 28; Семенов, 1985), выделены культурные слои с изображением богов (Belenitskiy, Marshak, 1976; Шкодин, 1980). Много работ посвящено проблеме отражения в искусстве религии Согда (Беленицкий, 1954, 1959; Беленицкий, Маршак, 1976; Азаров, 1975; Азаров, 1975, 1976, 1976а, 1981; Duchesne

Guallemin, 1979). Все пишущие об этом признают значительную роль культа многочисленных богов. Установлены имена Наны (богини на львином троне), Вештаркара (трехликого бога с трезубцем) и некоторых других (Дьяконова, Смирнова, 1976; Азаров, 1975, 1976, 1981. P. 126–143; Belenitskiy, Marshak, 1981. P. 29, 35). Хорошо известно, что Соғд был охвачен воздействием зороастризма, но дискутируется вопрос о том, насколько сильным было это воздействие (Henning, 1965; Widengren, 1965. S. 320–332; Boyce, 1982. P. 240). Влияние других догматических религий было ограниченным, хотя известно, что многие согдийцы исповедовали манихейство, буддизм и христианство. Эти религии были особенно распространены в их колониях. Никаких манихейских памятников на территории Соғда пока не обнаружено. Буддизм в Соғде, видимо, в какой-то момент играл известную роль, но к 630 г. он уже навсегда потерял значение в метрополии (Litvinsky, 1968. P. 41–46; Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 114, 115, 119, 121, 123, 124). Христианство археологически засвидетельствовано в Пенджикенте (Пайкова, Маршак, 1976) и в Самарканде (Терезинкин, 1950. С. 167, Рис. 2), но христианских росписей или икон там нет.

Культурная архитектура раннесредневекового Центрального Соғда известна по храмам местной религии в Пенджикенте. Эти два храма были построены в V в. и многократно перестраивались до начала VII в. В Южном Соғде к началу этого периода относятся наиболее поздние перестройки храма Еркургана (Исамиддин, Сулейманов, 1977; 1984. С. 18).

В социологическом аспекте росписи Пенджикента как памятник идеологии складывающегося феодализма рассматривал А.Ю. Якубовский (Якубовский, 1954). Позднее была предпринята попытка выявить существенные черты мировоззрения согдийцев на основании росписей Пенджикента (Беленицкий, Маршак, 1976).

Изучение монументального искусства стимулировало исследование других его видов. Были опубликованы сводные издания по терракотам (Мейсерис, 1962, 1977). Новые находки глиняных оссуариев привели к возобновлению споров о значении их рельефов и к открытию на некоторых из них зороастрийских изображений (Пугаченкова, 1984; Паучинская, 1983; Лукина, Усманова, 1985; Гренет, 1984, 1986; Гренет, 1987). В восточной тюркитике VI–IX вв. были выделены школы, в той или иной степени связанные с Соғдом (Маршак, 1971а; Даркентев, 1976).

В настоящее время еще нет обобщающей работы по искусству Соғда. Б.Г. Гафуров дал краткий обзор раннесредневекового согдийского искусства с культурно-историческими познаниями (Гафуров, 1972. С. 274–280). Популярный очерк написал Б.Я. Станский (Станский, 1974. С. 188–230). Отдельные главы о Соғде ввели

ив книг по искусству Центральной Азии М. Буссалди и Б. Фуззена (Bussagli, 1963, P. 42–51; Rowland, 1970, S. 52–78). Их работы интересны в искусствоведческом плане, но в них нет историко-культурной проблематики. У Д.Н. Респина культовые, эписические, сказочные сюжеты, определенные его предшественниками, без разграничения трактуется как "этнос в живописи Средней Азии" (Респин, 1984). Специально живописи Согда посвящена монография американской исследовательницы Г. Азаррай (Azarrai, 1981), в которую включен большой раздел советских авторов. В этой книге, написанной в 1976 г., затронуты культовые и светские аспекты согдийской культуры.

В кратком обзоре нельзя даже перечислить многочисленные статьи, в которых идет речь о тех или иных мотивах согдийского искусства, однако надо упомянуть отчеты в серии "Археологические работы в Таджикистане" (за 1954–1961 и 1970–1982 гг.), где сообщается о

всех произведенных искусства, найденных на территории этой республики, и приводится каталог выставки "Древности Таджикистана" (Душанбе, 1985).

Строительной истории пенджикентских храмов, реконструкции и интерпретации совершающихся в них ритуалов посвящена диссертация В.Г. Шкоды (Шкода, 1986).

Изучая проблемы идеологии, необходимо учитывать данные согдийской литературы, к сожалению, по большей части переводной, обзор которой сделал В.А. Лившиц (Лившиц, 1981, С. 350–362). Нельзя забывать и о многократно прокомментированных историком скудных сведениях вязычных, в основном китайских и арабо-персидских, авторов. Однако задача данной главы не исследовать все имеющиеся сведения, а представить в качестве исторического источника совокупности добытых археологами художественных памятников.

Памятники V в.

Хронологическая последовательность для всего периода раннего средневековья установлена главным образом на материалах Пенджикента. К V в. в этом городе относятся основание и первые перестройки двух храмов и первые надусы. Священный участок пенджикентских храмов площадью около 1,3 га располагался в центре укрепленного стеной города, занимавшего несколько более 8 га. Прямоугольный священный участок был разделен стеной, ориентированной с запада на восток, на две части, каждая из которых была отведена для одного храма (жюлий храм – объект I, северный храм – объект II). Ранняя история храмов еще не вполне выяснена, в частности с какого времени дворы каждого из храмов были разделены на восточный и западный; однако это членение появилось достаточно рано, уже в V в. (восточные дворы – объект X). Главные здания храмов находились в западной половине участка, а вход с улицы – на востоке. Эти здания представляли собой изолированные сооружения на прямоугольной в плане платформе (Табл. 31, 2, 3).

На объекте I прослеживается ранний план главного здания. С востока на платформу вел узкий надуся. С восточной стороны на ней стояла колонада портика, а с трех других сторон – глухие стены. Позади портика был виден четырехколонный зал с широкой дверью в западной стене, за которой находилась прямоугольная нелла. Стены между залом и портиком не были. Зал и нелла с севера, запада и юга были обнесены обходным коридором. По сторонам от входа в неллу в торцовой стене зала располагались две арочные ниши, предназначенные, видимо, для статуя богов.

Архитектурная композиция храма, несомненно, родственна композициям храмов греко-бактрийского и кушанского времени на территории Бактрии (Аш-Ханум, Тахта-Сангит, Сурх-Котал, Дильберджин). Особенно типичен пенджикентский храм является открытый в портик четырехколонный зал перед неллой. В этом проявился характерный вообще для Согда публичный ритуал.

К V в. относится первая значительная перестройка первого храма. К южной стене были пристроены три помещения, самое восточное из которых, с окрашенными в черный цвет стенами и хранилищем для чистой золы,

предназначалось для священного вечного огня. Из этого помещения выходил во двор ступень специально пристроенной к платформе лестницы; по ней поднимались с огнем в главное здание. Симметрично этой была сооружена лестница у северного края платформы.

Одно из помещений у южной стены главного здания было святилищем с нишей в торцовой стене. В нише не было стационарного изображения божества, но низ стены под ней оформлен в виде пьедестала и украшен глиняными рельефами, значение которых определял П. Бернар; два тритона, подняв руки, поддерживают драпировку, как бы свисающую с потолка ниши. Найденны и фрагменты орнаментов от живописного обрамления. Около юго-западного угла платформы обнаружены пристенный алтарь-пильстр и остатки пня большого дерева.

В результате перестройки здания культуры огня и воды, столь характерные для зороастризма, начали играть большую роль, не предусмотренную первоначальной композицией плана. Это не изолированный факт; к V в. относятся наиболее ранние оссуарные погребения Пенджикента. В более раннее время, в первые века н.э., в Согде известны трупоположения в курганах и грунтовых могильниках (Суджина, Зосун). Для того же периода надо упомянуть и обычай выкладывания трупов в пещере в сопровождении инсигаря (пещера Гори-Гург близ Пенджикента). Как известно, оссуарный обряд не был обязательным для зороастрийцев и практиковался не только зороастрийцами. Но в Хорезме и в Согде этот обряд определенно связан с зороастрийской средой (Риппорт, 1971; Станиский, 1952; Потапов, 1938; Панчинский, 1983; Гренет, 1984; Гренет, 1987). Само изменение обряда, несомненно, отражало стремление к упорядочению ритуалов, о том же, вероятно, свидетельствует перестройка храма в Еркунгане, где приблизительно в то же время появляется стационарный алтарь огня и множество ранее неизвестных культовых предметов, связанных с почитанием огня (Исаиудинов, Сулейманов, 1977; 1984, С. 18; Сулейманов, 1987, С. 135–143).

К концу V в. относится сооружение двойных жилых корпусов с севера от главных зданий обоих храмов. В се-

верной капелле второго храма местами сохранилась настенная живопись на боковых стенах, в том числе изображение богини с предстоящими. Это не основное божество, культуру которого была посвящена капелла. Богиня с сестром и знаменем в поднятых разведённых руках сидит на троне с опорами в виде протом крылатых псов (?) (Belentzki, 1980. Taf. 18–20; Belentzki, Marshak, 1981. Fig. 34). Элементы эллинистической иконографии Исиды и греческого костюма, а также эллинистические приемы передачи объема в пространстве (поэзм), которые позднее в Согде исчезают, сочетаются с сасанидской парской позой, сасанидски-

ми прямиками и лентами. Надо отметить зооморфный трон, переносной жертвенник с зонтом, трубчатое знамя — особенности позднейшей согдийской культурной иконографии, появившиеся уже в V в.: Сочетание эллинистической и сасанидской традиций восходит, вероятно, к кушано-сасанидскому искусству Тохаристана¹, но согдийцы смело перерабатывали заимствованные схемы. Рисуя богиню, художник первоначально собирался изобразить ее с мечом. Однако в ходе работы было решено изменить ее атрибуты или, скорее, заменить на этом месте одну богиню другой, с другими атрибутами (Табл. 32, 8).

Памятники VI в.

Если V век в Согде был временем неуклонного подъема, то к началу VI в. в Пенджикенте относится разрушения, связанные, возможно, с эфталтским завоеванием. В первой половине VI в. храмы были перестроены, причем было заложено сырцом помещение для вечного огня. Таким образом, пенджикентский первый храм в долгое время сохранил особенности двух типов иранских культовых сооружений досасанидского времени, т.е. храмов богов и храмов огня (Voisey, 1979. P. 60–61, 88–90), снова стал только храмом богов. Эта перемена имела, видимо, лишь местное значение, поскольку хорошо известно, что во времена арабского завоевания в VIII в. в Согде функционировали храмы огня.

В VI в. после нескольких перестроек окончательно сложился план пенджикентских храмов, который в VII в. уже почти не менялся. Главное здание второго храма в результате осталось изолированной постройкой среди двора, тогда как фасад главного здания первого храма протянулся на всю ширину двора. Сами главные здания обоих храмов очень похожи друг на друга. Порттики и залы храмов, несколько капелл получили богатое скульптурное и живописное убранство. Архитектура представляла живописи и скульптуре возможность развернуть перед посетителями храмов множество композиций, среди которых были сцены поклонения божеству, процессии, культовые театрализованные представления, пиры и иллюстрации к мифологическим новеллам. Это во многом изображений, не свойственное зороастризму Ирана, здесь, в Согде, должно быть, помогало местной религии успешно конкурировать с манихейством и буддизмом, которые использовали религиозное искусство в своей пропаганде.

В V–VI вв. в ходе борьбы сложилась согдийская культурная иконография, в которую с VI в. за короткий срок вошло много новых для Согды иноземных элементов. Это стало возможным потому, что ранее у согдийцев вообще не было сколько-нибудь развитого представления о тримой облик богов. В дальнейшем, в VII–VIII вв., наступает определенная стабилизация и нет новых значительных изменений.

В VI в. в Согде широко распространение получили иранские иконо-образы, на некоторых изображениях божества в храмовой нише (Маршак, 1964. С. 237–240. Рис. 25–26; Меншиков, 1962. С. 40–43, 92–95. Табл. XIX–XX; 1977. С. 60–71. Рис. 7, Табл. XIV–XVIII, XXX). Надо отметить, что статуэтки без ниш часто были изображением тех же богов, что и на образках. На-

на, сидящая на льве (Табл. 30, 22), бог на троне в виде верблюда (Табл. 30, 1, 6, 11) и некоторые другие персонажи терракот засвидетельствованы, кроме того, в росписях и на деревянной скульптуре VII–VIII вв. Многие терракоты, вероятно, были массовыми репродукциями известных в свое время храмовых статуй. Скульптор лепил и вырезал из подсохшей глины несложную патрину каждой сери. Патрину обжигали, оттискивали в сырую глину, а затем после обжига оттиск превращался в матрицу для формовки терракот. Во время сушки и обжига фигурки становились меньше, чем матрицы, в которых их делали. Многие гончары использовали в качестве патрини готовые изделия и делали с их помощью новые матрицы, которые, высыхая, становились меньше терракот, послуживших матрицами. Иногда полученные оттиски подправляли после формовки. В результате появились большие сери терракот разного размера (известны сери с шестью-семью градациями), но целиком или в основных чертах механически воспроизводивших немногочисленные исконые патрины, выполненные скульпторами-профессионалами. Этих патрин было так мало, что не приходится думать об особых скульпторах-коронепластах. Те, кто выполнял главные статуи и рельефы храмов или резные деревянные фигуры и рельефы, очевидно, лишь от случая к случаю делали образцы для мастеров-ремесленов. С терракотными образками высокопрофессиональное искусство и новая иконография богов вошли в дома рядовых горожан. Некоторые, обычно более крупные, терракоты раскрашивались, как, вероятно, и все монументальная скульптура.

Во втором храме к VI в. относится главная монументальная скульптурная композиция (окольного портика восточного двора с изображением реальных и фантастических обитателей вод, среди которых есть и тритон с рыбьими хвостами вместо ног, похожий на более ранних тритонов черного храма. Тогда же в северной капелле второго храма напротив входа сделана специальная ниша с росписью, посвященной статуе водного божества — четверуруккой (по иранскому образцу) богини, связанной на троне в виде дракона. Таким образом, почитание водных стихий засвидетельствовано во восточных помещениях. От статуи главного зала почти ничего не сохранилось, а в центре, по-видимому, вообще не было ста-

¹ См. в "Археологическом" в Давосе (Археологический музей, 1976. С. 46–101). Рис. 36–70 и гравюры (Бонин и др. Кушано-сасанидское искусство в Тохаристане. М., 1989. Табл. XI, X).

цивицианского убранства. Так только толстые стены и остатки деревянных конструкций, вероятно, от механизма с воротом какого-то подъемного устройства для рамных тудес¹ (Табл. 31, 4). Таким образом, несомненно, отнеслись к его второстепенные культовые изображения храма к его основному культу. В портике и четырехколонном зале росписи отражают мифологические сюжеты и в ритуалах, совершавшиеся в храме (процессии едущих в храм на боковых стенах портика, фигуры молящихся с переносными жертвенниками на торцовой стене зала).

Мифологическая композиция — это какие-то плохо сохранившиеся батальные сцены на задней стене портика и росписи боковых, южной и северной, стен четырехколонного зала. На восточной части южной стены показана сцена опланивания, в которой участвуют люди и божества (ЖДП; Табл. XIX—XXIII; Якубовский, 1950, Рис. 4, 5). Ее считали изображением погребения Сивянуша — героя, почитавшегося в Бухаре и, возможно, в Хорезме, или его сына Форуда (Дьяконова, 1951; Дьяконова, Смирнова, 1960), однако более вероятно, что опланивают не юношу Форуда или мужа-воина Сивянуша, а какою-то молодой женщине (Ратгорст, 1971, С. 82), хотя такой миф в Согде неизвестен².

Опланивание с участием четверорукой богини, по мнению исследователей (Дьяконова, Смирнова, 1967, С. 76, 82, 83; Green, 1984, P. 275), соответствует согдийско-маньчжурскому тексту, в котором в связи с "порчей" верхов магов упоминаются богиня Нана и опланивание, по этому тексту (Henning, 1944, P. 137, 142—144; 1965, P. 252) слишком отрывочно, чтобы судить о предании в целом. Западные изображения вздыбленного красного коня и сцена разрушения стен города или крепости с падающими вниз головой людьми. Это не Чингизский мост, который должны преодолеть души умерших, поскольку при падении в ад грешников сам мост сужается, но не разрушается. На северной стене показана процессия лесных мужчин, ведущих красного оседланного коня, видимо того же, что и на южной стене, причем перед конем становятся на колени какие-то люди. В отличие от процессии на северной и южной стенах портика, которые движутся в том же направлении, что и посетители, идущие от входа к главному зданию, здесь движение обращено наоборот от цели к портнику, как бы продолжая композицию южной стены. О связи северной и южной композиций говорит и повторное появление красного коня. Видимо, художник изобразил не совершаемый в храме ритуал, а обряд, посвященный персонажам иллюстрируемого мифа. Жертвоприношение коня, известное в древности у ряда иранских народов, могло быть связано с погребальным обрядом, на что указывают рельефы одной группы согдийских оссуариев, где показаны жрец в закрывающей рот повязке, переносный алтарь и оседланный конь у этого алтаря (Красношников, 1977, 1986). Люди с такими же повязками сопровождают оседланного коня на росписи VII в. из Афрасиаба. Если согласиться с Л.И. Альбаумом, что там изображен приезд

новшты К самаркандскому царю, то оседланный конь, возможно, участвовал не только в погребальном, но и в других обрядах. Однако его толкование не бесспорно.

Во втором храме мифод с конем лишь часть погребального ритуала, но никак не развязка мифологического сюжета. Продолжение могло бы находиться на оседланном участке торцовой стены портика. Но трудно допустить возможность, что композиция на этом участке — сражение в горах с мелкомасштабными фигурами, среди которых различимы воины, поднявший боевой топор, и как будто слон, — может без всякого перехода быть продолжением торжественной, даже несколько растюпной процессии на северной стене. Сюжет сцены на этом северном участке торцовой стены портика, видимо, тоже мифологический, но в этой сцене продолжается не роспись зала, а композиция на южном участке той же стены, где показаны тела поверженных воинов.

Таким образом, тематика росписей боковых стен главного зала была полностью раскрыта на этих двух стенах. Если, как неоднократно предположали, здесь находились иллюстрации к мифу об умирающем и воскресающем божестве (мужском или женском), то, поскольку стены были много выше, чем сохранившиеся росписи, для сцен, связанных с воскрешением или апофеозом, могли бы быть отведены верхи стен. Опланивание имеет статус божества или близка к этому статусу, поэтому художник показал ее в большем масштабе, чем опланивание его людей. Возможно, что роспись, как и согдийский текст с упоминанием Наны, посвящена какому-то квазиисторическому событию, поскольку в тексте назван реальный город, находившийся на территории Тохаристана. В этом случае также надо учитывать неполноту сохранившейся композиции.

В первом храме роспись VI в. частично сохранилась в южной и северной капеллах и в портале главного здания. В портике это мелкомасштабное изображение какого-то ритуального пира и две далеко отстоящие друг от друга композиции: с божественным воином-лучником на колеснице, запряженной четырьмя баками, и с изображением Захак. Захак представлен дважды — стоящим и лежащим (Белиничский, Маршак, 1973; Belenitskii, Marshak, 1981, Fig. 14, 33). Этот царь, позднее тиран "Шахнаме" со змеями, выросшим из его плеч, восходит к авестийскому трехголовому змею Ажи-Дахаку. По сочинениям сасанидского времени, он играет важную роль в зороастрийской эсхатологии. По убеждению, но не убитому в древности, ему предстояло участвовать в последней битве Добра и Зла. С темой вневечной борьбы этих мировых сил, вероятно, связаны батальные сцены в росписях портиков главных зданий храмов Пенджикента. В росписях их северных капелл отразились театральные представления, приуроченные к осенним и летним праздникам.

Стилистически живопись VI в. в отличие от скульптуры далеко отходит от эллинистических традиций. В обоих видах искусства заметную роль начали играть индийские мотивы. Колорит росписей стал более ярким и контрастным, возросла их декоративная выразительность в синтезе с архитектурой.

¹ Описание устройства, с помощью которого автоматически поднимались руки идущих, есть в одном из русских "Бусстав" Саада (Са'иди, 1939, С. 184—187).

² Среди исследователей нет теории, которая бы объясняла изображения соколов в Согде.

³ Лежащий Захак, вероятно не Аверкерх, а слуга. В "Шахнаме" есть миф о великом зле, который злодея изобретательски мучил-тюрленял.

Судя по трактовке лица и причёски, к VI в. относится деревянная нагая фигура сидящего мужчины, найденная в пещере в верховьях Зеравшана вместе с остатками одежды (Мухтаров, 1982, С. 15–20). Эта кукла в полноту натуральной величины, возможно, служила переносным идолом во время праздничных процессов подобно фигуре Омда (Вохмана?), которого носили в храмах магов Каппадокии (*Strabon*, Геогра-

фия, XV, 15. С. 680; *Voyses*, 1984, P. 63). Изображения свистка и жезл с головами горных козлов, которые найдены вместе с этой статуей, также находят аналогии в зороастрийской символике.

К VI в. относится наиболее ранние согдийские серебряные сосуды, для которых характерны сохранение древних алаемидо-парфянских традиций и почти полное отсутствие изобразительных мотивов (*Мариаш*, 1971а).

Основные изменения в VII – первой половине VIII в.

На протяжении VII в. в Согде произошли значительные перемены. Ускорение демографического и хозяйственного роста привело к качественным сдвигам и во всех видах ремесла, от которого в то время было неотделимо искусство. Внешние обстоятельства способствовали этому искусению. С конца VI в. вхождение в систему торговых каганатов, а с середины VII в. фактическая независимость под эгидой Танской империи, сначала почти, а затем и полностью номинальным, падение под ударами арабов в конце первой половины VII в. Сасанидского Ирана, связанное со всем этим перемещение на север основной трассы международной торговли на Азиатском континенте вывели Согд из относительной обособленности более раннего периода.

Приблизительно с середины VII в. начинается расцвет согдийского искусства, который продолжался до середины VIII в., несмотря на неоднократные нашествия арабов в конце VII и особенно в первой половине VIII в., которые привели к полному подрыванию Согда.

В Пенджикенте удается датировать росписи VIII в. с точностью до десятилетий, но стилистически и по реалиям на протяжении VII – первой половины VIII в. выявляются два более длительных периода: VII в. и конец VII – первая половина VIII в., поскольку, восстановленная Пенджикент, вернувшись около 740 г., после заключения договора с арабами, сохранила и в новых росписях 740-х годов отразила ту же дивисламскую идеологию, которая воплощена в росписях начала VIII в., выполненных до прихода арабов в 722 г. в этот город. После середины VIII в. горожане и знать исламизировались, что прослеживается археологически по преднамеренной порче росписей в алтарях-отагах. К первому из этих периодов относятся основные росписи Афрасиаба (между 650 и 675 гг.), а ко второму – росписи Варахши (*Беленский, Мариаш*, 1979). Наиболее поздний период богато представлен в Пенджикенте, и поэтому разрозненные росписи VII в. с точки зрения идейного содержания приходится рассматривать вместе с поздним. Насколько сейчас можно судить, живопись конца VII – первой половины VIII в. отличалась особо развитой нарративностью и разнообразием иллюстрируемых литературных сюжетов, тогда как ранее преобладали сложные ритуальные сцены. В VII в. ярко проявилось стремление к декоративному богатству, но в это время уже намечались и тенденции, нашедшие полное развитие в первой половине VIII в., когда согдийцы достигли высокого мастерства в разработке эпических повествований. Остается непреодоленным их фризное композиция со сложным ритмом повторяющихся сцен в мотивах при обязательной неполноте повторов и смещении каждой из фигур в каждой из сцен (принцип мотивов ближе к фризовке, чем к рефрену). Эволюция шла ко все более ясной и при этом эмоциональной передаче развитых действий, ко все большей эластичности форм и контуров и все большей каллиграфичности линии.

Проникновению торевтов с середины VII в. до начала второй половины VIII в. отделяются особенно высокохудожественным выполнением (*Мариаш*, 1971а). В VII в. обогащается набор форм серебряной посуды, распространяется сложный рельефный и гравированный декор, становится обычным изображение реальных и фантастических животных. В торевтике этого времени проявился интерес к иноземным культурам, что выразилось в заимствовании тюркских и византийских форм, сасанидских изобразительных и китайских орнаментальных мотивов. В Хорезме на серебряных чашах изображали богов, иногда тех же, что и на согдийских росписях, но согдийцы предпочитали видеть на сосудах зооморфные символы. Возможно, это связано с согдийской торевтикой. Зарубежные или инновационные потребители могли, не зная согдийского осмысления, воспринимать эти, как будто нейтральные, образы в соответствии со своими собственными представлениями. Согдийские сосуды распространялись в тюркских и хазарских степях, их влияние заметно в Китае и в Восточном Иране, подпадающем арабам. В эту эпоху подлеме благосостояния рязовые горожане в своем быту подражали знати: их столовая посуда (керамические реплики серебряных сосудов), одежда с наборными поясами, монументальные дома похожи соответственно на утварь, костюм и жилища аристократии.

Значительные перемены произошли и в корольстве. Техника ее не изменилась, но образы почти исчезли, зато широко распространились фигурки всадников со штампованным изображением человека на выплывающем от руки ездовом животном (Табл. 30, 5). Такие фигурки, но обычно целиком лентные, издавна были известны в Согде. Это своего рода праздничные игрушки, связанные с древними обрядами земледельцев, напоминают, в частности, фигурки, изготовляемые зороастрийцами к Фарвардангану¹. В VII в. иногда на спине животного приделывали небольшой образок, но в целом всадники в отличие от образков – это не изображения богов пантеона. Исчезновение терракотовых образков едва ли можно объяснить отказом от былых иметь в домах изображения богов. Скорее всего, в богатых городских домах сегодня штампованные иконы сменились живописными, известными, например, во Восточному Туркестану той эпохи.

В парадных залах богатых домов живописью обязательно изображали богов как объект поклонения главным образом в виде особой сцены на торной стене в реальной или изображенной живописном плане. Именно для VII в. характерны лишние оссурии с рельефными культовыми изображениями. Сюжеты рельефов оссурий существенно пополняют представления и согдийским пантеоне и согдийские ритуалы.

¹ Их, помимо, во многих изображениях для символических функций.

Развитие культовой иконографии

Попробуем теперь дать краткий обзор культовых скульптур по всем видам изобразительного искусства Согды VI-VIII вв. Культовое искусство Согда имело весьма скромное начало. В Пенджикенте в капелле, расположенной в северо-западном углу двора второго храма, в слое начала VIII в. найдена алмазная статуя сидящей богини, смонтированная из отлитых в форме частей и раскрашенная (Marik, 1990, Fig. 6). Датировка этой портретной фигуры высотой около 32 см не соответствует дате слоя. Ее иконография и стиль восходят к эллинистическим статуям сидящей богини, хотя и с некоторыми искажениями и огрублением. Еще нет ни сасанидских, ни индийских деталей. К сожалению, определить, какая именно богиня изображена, нельзя, поскольку не сохранились ни головной убор, ни руки, которые обычно держали предметы, являющиеся атрибутами определенного божества. Можно только сказать, что ближе всего к пенджикентской фигуре изображение Архонии на некоторых монетах Канишки III (Zeymal, E., 1983, Табл. 25, XVII, 01).

Такого рода небольшие серебряные, медные и допотопные простые изображения, вероятно, в позднейшее время привозились из какого-то производственного центра, обслуживавшего большую территорию. Следует отметить, что известные для более позднего времени ростки каждый раз без припорохов создавались заново. Уже к концу V в. изображения богов, как показывает росток с богиней из северной капеллы, сохраняли некоторые особенности (в частности, в costume), характерные для античной традиции, становится гораздо сложнее, обогащаясь элементами сасанидской царской иконографии: диадема и пояс с лентами, зооморфный трон, ноги сидящей фигуры с растопыренными коленями, образующие ромб. Сасанидский вклад проследяется и по позднейшим памятникам, но с VI в. его несколько затмевает сильное индийское влияние, столь же отчетливо видное в произведениях более позднего периода.

Индийские заимствования связаны не с буддийской, а с индуистской иконографией. Только в одном зале дома начала VIII в., в котором на почетных местах помещены крупномасштабные изображения богов согдийского пантеона, в маленькой арке над дверью был изображен Будда, выполненный художником-буддистом, допустившим грубые иконографические ошибки (помещение 28 объекта XXV) (табл. 33, 2). Закачник также явно не был буддистом, но, имея недоговоренное религиозное сознание, видимо, не видел ничего дурного в том, чтобы заручиться покровительством и этого иноземного божества. Согд в некоторых китайских источниках отнесен к числу стран, где почитают Будду, однако побывавшие в нем буддийские паломники VII-VIII вв. свидетельствуют о негативном отношении согдийцев к буддизму. Вероятно, наиболее тесный контакт с этой религией нужно отнести к VI в. В Пенджикенте на хуме есть согдийская надпись, "сутра" (чтение В.А. Лившица), хотя именно в этом городе буддисты никогда не играли заметной роли (Табл. 34, 3).

Возможны контакты согдийцев с индуизмом (религия буддийского происхождения). Как недавно паломник Ф. Грене, в долине Инда еще в XIX в. существовала груп-

па населения, название и занятия которой свидетельствуют о ее происхождении от согдийских торговцев (Greene, 1985, P. 37-38). Эти люди стали индуистами, но практически ряд неортодоксальных обычаев. Множество согдийских надписей обнаружено на скалах вдоль дорог в верхних Индах (Humbach, 1980). Там, в Индии, стремление потомков согдийцев приспособиться к индуизму вполне понятно, особенно если учесть длительность их пребывания в этой стране, но могли ли возвращавшиеся из Индии кушцы так повлиять на своих сограждан, остается несомненным.

В кушанском царстве, по мнению Е.В. Зеймала, "боевого инвазия", отрядивший иные культы, дважды становился царской религией (при Виме Калфизе и Васудеве), что было связано со стремлением иноземных завоевателей Индии с помощью неортодоксальной индийской религии выдвинуть в замкнутую структуру общества этой страны (Зеймал, Е., 1963). Однако за пределами царства, в Согде, все это не имело значения, да и специфика "боевого инвазия" нет в согдийской иконографии. Связанный с Вишну Гаруда, вероятно как-то пересмысленный, изображен в виде орла, опущенного змею и несущего в когтях полубога-иную нагну. В той же нише парадного зала одного из домов VIII в. (помещение I объекта XXII) помещена крупномасштабная фигура трехглавого божества, подобного Шиве. Очень похожие изображения Гаруды открыты в Зартеле в Тохаристане (Peytona, 1986).

Наиболее вероятно представляется, что в Согд индуистскую иконографию занесли буддисты. Экспансия буддизма — это мощный процесс, охвативший Тохаристан и вообще все страны к югу и востоку от Согда, который не мог не сказаться, пусть косвенным образом, и в нем, тем более что вне метрополии хорошо известны согдийцы-буддисты. О согдийско-буддийском "субстратном элементе" искусства Согда предположительно писал Б.А. Литвинский (Литвинский, Зеймал, 1971, С. 124). Индуистские божества, и в частности Шива, засвидетельствованы в буддийском искусстве VI-VII вв. Восточного Туркестана, долины Кабула и Дуькхуана. Вне Индии эти божества отождествлялись с местными богами. Так, в согдийском буддийском тексте Зриан (приравнен к Брахме, Адаб (видимо, Ахура-Мазда) — к Индре, а Вешпаркар — к Махадеве, т.е. к Шиве (Humbach, 1975). В другом буддийском тексте эти три бога фигурировали только под своими согдийскими именами, но при этом упоминаются особенности их облика, прямо связанные с индийской иконографией: третий глаз Адаба, три лица Вешпаркара. Г. Хумбах сопоставил согдийского Вешпаркара с бактрийским Вишней — Шивой, который на некоторых кушанских монетах представлен трехликим. Это сопоставление подтверждается, в частности, индийско с именем Вешпаркар (чтение В.А. Лившица) на ноге трехглавого, вооруженного трезубцем шивоподобного бога пенджикентской живописи (помещение I объекта XXII) (Беллинский, Маршак, 1973, Рис. 11). Вешпаркар почитался не только согдийскими буддистами, но и мааниками, а также, судя по росписям Пенджикента, адентами местной религии.

Согдийский Вешпаркар, скорее всего, согласно Г. Хумбаху, соответствует авестийскому Ваю – богу Ветра. Не все его атрибуты в отличие от кушанского Виши присущи Шиве. Когда в кушано-сакиицизм время иранские зороастрийцы захотели приспособить образ Виши к своим представлениям, в кушанских землех Вишу-Шиву не отождествляли с каким-либо авестийским божеством, что сделало возможным его отождествление с Митрой (Лукован, 1981; Carter, 1981). Сочувие в именах, скорее всего, разной этимологии помогло согдийцам узнать своего Вешпаркара в бактрийском Више, а тем самым и в Шиве. Возможно, и другие фигуры шивоподобного, но не трехголового божества, известные в терракоте с VI в. и в живописи с VII в. (Banerji, 1969), также могут быть поняты как изображения Вешпаркара.

В V–VI вв. буддийские миссионеры могли, пользуясь отсутствием стойкой местной иконографии, не только ввести в свой пантеон почитаемых согдийцами богов, но и отождествить их с адаптированными буддизмом индийскими. В буддийских храмах согдийцы увидели вместе с изображениями Будды и других буддийских персонажей своих собственных богов в «чуждом» облике. Можно думать, что вскоре храмы в дома небуддистов обогатились подобными росписями и статуями, а в VII–VIII вв. возрождавшаяся культ местных богов сохранил ставшую уже привычной индийскую иконографию. Считают, что в пенджикентской сцене оплакивания тоже сказалось влияние буддийского искусства (Lettmar, 1961).

Если образы индийских богов пришли в Согд с буддизмом, то записаны они были не при кушанах, а позже, во время упадка буддизма в Тохаристане, поскольку индийские мотивы согдийской иконографии часто явно по-кушанские.

В живописи Красного зала дворца Варахши много раз повторяется варьирующая только в деталях композиция: герой в короне, сидящий на слоне, сражается с двумя хищниками или чудовищами. Этот герой и его противники показаны огромными, как слон, и только погонщики масштабно соответствуют слонам. Над фризом с этими сценами проходит другой фриз с изображением шестнадцати оседланных животных – реальных и фантастических, которые символизируют все совокупности богов пантеона, обычно изображавшихся сидящими на спине зверей или на зооморфных троихах. Еще выше были помещены райские деревья, охраняемые грифонами. Особый культовый характер зала видел и в его планировке (Шинкин, 1963, С. 54–58, 152–158, Табл. I–XII).

Образы богов согдийского искусства и боги Авесты

Поскольку известные согдийские формы имеют почти трех десятков авестийских богов (Henning, 1965), представляется необходимым найти в иконографии все, что соотносится с этими божествами. Однако все эти отождествления сугубо гипотетичны, поскольку только в случае с Вешпаркаром отождествление подтверждается индийско, а иконография не знает общезороастрийских форм в Согде и сильно отличается от иранской.

На образке в статуэтках VI–VII вв., восходящих к одной патроне, показан юный бог (с) корона, стоящий с

Вероятно, ввиду многократно повторено изображение истребляющего чудовищ Абадага, который уподобили восседавшему на слоне царю богов Индре. Скорее всего, тот же бог изображен на пенджикентском образке в виде царя с дилой в руке на троне; индры которого – прототипы двух слонов. Бог с дилой или кифарой сеть и на других терракотах из Пенджикента и Самарканда (Веселовский, 1917, С. 60, Рис. 1; Маршак, 1964, С. 239–240, Рис. 26, 7–8) и как будто на росписи VI в. в северной капелле пенджикентского второго храма (Маршак, Расположения, 1991).

Слово «Абага», по Н. Симе-Уильямсу, означает «высшее божество», соответствуя буддийско-санскритскому *abdhava* (паллискому *abdhava*) и представляя собой «индо-иранский гибрида» с индийским префиксом и иранским корнем (Sims-Williams, 1983, P. 138–139). Влияние индийской буддийской терминологии на лексику согдийского языка, сказавшееся в манихейских и христианских текстах, считают результатом успехов буддизма в Согде (Henning, 1936; Amosson, 1965, P. 136–137). Хотя согдийцы-манихеи могли уже в Воеточном Туркестане, а не в своей метрополии воспринять многие буддийские понятия и термины, но индийские слова в христианских текстах показывают, что были и полностью «натурализованными» в согдийском языке раньше существования такого рода (Sims-Williams, 1983, P. 136, 140).

Для понимания иконографии важно, заменено ли у согдийцев индоиранское «гибридное» слово «Абага» имя Ахура-Мазды, как считает Г. Хумбах, или оно применялось им к разным богам, как считает Н. Симе-Уильямс. Манихей-согдийцы называли Абагом Первочеловека, которому Мани дал имя Хормизда (Ахура-Мазды). У монголов-буддистов, следовавших за уйгурами, имя Хормизд вообще заменило имя Индра.

Если считать согдийский текст, в котором Абагом назван «царь богов» (Sims-Williams, 1976, P. 46–48), манихейским, то окажется, что это слово относилось не только к Первочеловеку, но и к Отцу Величия (Sims-Williams, 1983, P. 138). Однако данный текст, возможно, зороастрийский (Lettmar, 1981, С. 353–354), что сразу возвращает к идее об Абагае – Ахура-Мазде. Кроме того, сам Н. Симе-Уильямс отмечает, что есть согдийский манихейский отрывок, в котором вместе упомянуты как разные персонажи и Аява-Зрван (Отец Величия), и Абага (Sims-Williams, 1983, P. 138).

Задача сопоставления образов богов от сведениями письменных источников затрудняется крайней скудостью текстов.

разнесенными в стороны стоянами (Маршак, 1964, Рис. 27). Единственный оборачивающий на себя внимание атрибут – это повязанный сложным узлом трюной носок, концы которого держит юноша. Это, скорее всего, вариант зороастрийского куста, который развивали и заживляли молелье. В двух других вариантах трюной куст сеть на жердях рельефно осурен из Красноармейского городища и из района Катаба (Григорьев, 1985; Крайневичева, 1986). Из зороастрийских богов с молитвой связан прежде всего Срошас (Сршш) – «вослуша-

вис", который первым из творений Ахура-Мазды совершил молитву (Ясно, LVII, 2, 67), он — вестник Ахура-Мазды, воплощение ангельства, лучший учитель религии.

Как будто весьма разнообразно представлен согдийский Вашига (авестийский Веретрагна) — бог Победы, от которого, судя по его популярности в согдийском искусстве, ждали удачи во всем деле. На образке VI в. это юноша в короне в виде крылатого верблюда, сидящий в индийской царской позе на лежащем верблюде и держащий в руках маленького верблюда (Маршак, 1964, Рис. 26, 9; *Беленицкий*, 1977, Рис. 46; *Belenitski, Marshak*, 1981, Fig. 9). Верблюд в Авесте связан с Веретрагнию, будучи одной из его икарнаций.

В живописи Варахши этот бог сидит на троне с опорой в виде крылатых верблюдов, тогда как в той же композиции на ножке жертвенника он изображен на лежащем верблюде, причем в руке у него храмовый жертвенник ("огонь Варахрана" — Веретрагна), испускающий от трона в воздухе летит крылатый верблюд с павлиньим хвостом (*Шихан*, 1963, Табл. XIV, XV). В Пенджакенте такое фантастическое существо в живописи первой половины VIII в. имеет несколько вариантов, показано оно и на согдийском серебряном кушине (*Беленицкий*, 1973, Рис. 39; *Маршак*, 1971a, Табл. 7). Ж. Дошени-Гийомеи считает, что фантастические существа в согдийских росписях, летящие около голов людей, символизируют различные воплощения Веретрагны (*Duchezne-Guillemin*, 1979). Несколько подобных фигур могут быть поняты так, но многие из них ассоциируются с другими богами (дракон с изогнутой спиной, крылатая девушка, див с крыльями и хвостом дракона и др.). Магические изображения фантастических существ с головой человека или животного и, видимо, змеиным хвостом по-индийски названы нагами; в переводе сом согдийском тексте, в котором прослеживаются буддийские и местные (например, гимн Ветру) элементы (TSP, 1940, P. 59–73; обзор литературы об этом тексте см.: *Линич*, 1981, С. 354).

Хварен (фарси) — божественная слава, удача, по Ж. Дошени-Гийомею — колдун с лентами или ленты, которые несет летящее существо, однако возможно, что и сами эти существа воспринимались как воплощения фарна (*Asarpay*, 1976; 1981, P. 110–112; *Belenitski, Marshak*, 1981, P. 70, 73). "Крылатые лица", по Баруни, олицетворяли счастливые кевиндов и назывались "хура-сай хавра", т.е. "восточный (райский) фарн" (*Баруни*, 1957, С. 237). Эти сведения происходят к Сасанидскому Ирану, царя которого якобы унаследовали фарн кевиндов. В сасанидской символике наиболее соответствующим тексту Баруни представляется так называемый сенмурв (*Bassani*, 1978), в подражание которому согдийцы выработали свой образ крылатого верблюда. Разнообразие летящих существ могло быть связано с представлениями о фарне того или иного бога.

В живописи Афрасаба (помещение 9) и Пенджакента Вашига, держащий в руке чашу с фигуркой верблюда¹, сидит на одном троне с богиней (*Беленицкий, Маршак*, 1973, С. 61–62; 1979, Рис. 7). В Пенджакенте в трех домах этот трон опирается на две фигуры: верблюда со

стороны Вашига и горного барана со стороны богини. В терракоте есть как будто и отдельные изображения этой богини (*Кыласов*, 1959a, С. 208–209; *Мейсер*, 1977, Рис. 7, 1, 3). Вашига, женское божество Победы в виде Горный баран — одно из воплощений Веретрагны, а в Сасанидском Иране в фарн кевиндов (*Линич*, 1968, С. 55–56). В Пенджакенте около этой четки показаны Ветры в виде полубогажанных фигур с кожаными мешками. У горла одного из мешков клубится облака. Ветер — первая икарнация Веретрагны, который, кроме того, осыпает хварен дом праведного, как доказывает тузи (Яшт., 14, 41).

На бронзовых бляхах из буддийского храма согдийцев Семиречья (Ак-Бешим, VIII в.) оба божества держат в поднятых руках одну фигурку лежащего верблюда (*Кыласов*, 1959a, С. 206–209, Рис. 38, 7). В изображении этой пары только поза мужского божества имеет индийское происхождение. Акбешимские бляхи — прямое свидетельство включения согдийских богов в буддийский культ, подтверждение взаимодействия буддийского и местного искусства (Табл. 100, 1–3, 5–8). Видимо, те же боги изображены на отдельных тронах и соседних арках резного фриза из Курутубе близ Отгара (*Вайнаков*, 1986, С. 54–57, Рис. 10).

Акбешимский Вашига отличается большой бородой, в его сложном не вполне ясном головном уборе заверное ухо (*Кыласов*, 1959a, С. 206–209). Божество с тростевым бородастым лицом и головным убором с котлиными рогами и ушами, которое держит внаизу на длинном древке, есть в живописи Пенджакента (*Беленицкий, Маршак, Расплетин, Након*, 1983, С. 198–200, Рис. 3). К сложной композиции, в которую входит это изображение, мы еще вернемся.

Вполне возможно, что и это Вашига, угодливый индийскому Найгомей — колдоловому спутнику или воплощению Сканды — бога войны. Г. Азарбай связала с Найгомеей бога, с головой козла и с копьем-флагом на хорезмской серебряной чаше (*Asarpay*, 1969, P. 201; *Смирнов*, 1969, N 45). Надо учесть, что Сканду изображали с копьем² и что козел — тоже одна из икарнаций Веретрагны.

Вашига, или Сроин, представлен в виде сидящего в индийской позе орна с павлином в руке в арке рельефа деревянного павана из Пенджакента. Павлин в Иране — символ (словоное животное — вахан) Сканды, который по своей функции близок к Веретрагне, но возможно, что павлин был в Согде приравнен к летуку Сроина. В Индии Сканду-Карттикея держат в руке летука, но не павлина.

Только с Веретрагни связан в Авесте кабан, что позволяет видеть Вашига и в божественном вине в допехах на колеснице, запряженной кабанями, изображенном в портике первого храма (*Беленицкий, Маршак*, 1973, С. 55–56, Рис. 3).

Зооморфные символы при антропоморфных изображениях согдийцев, видимо, часто были смещенными отражением зооморфных икарнаций богов Авесты.

Не исключено, что тот же бог в лице Геракла, с которым его отождествляли в Иране, изображен на серебря-

¹ На ступенчатой поросле афрасабской росписи (*Альби*, 1973, Табл. II) фигура верблюда была утрачена из-за сильной коррозии.

² Ср. о козлом, держащем копье, на согдийском серебряном рельефе (*Мейсер*, 1977, Табл. XXX, 97).

ной чаше VII в. с нанесенной до позолоты согдийской надписью (Смирнов, 1909, № 67; А.А.Абаев, 1960, С. 177-178; Стариков, 1960; Липин, Лувкин, 1964, С. 172).

Наконец, видимо, был иран А.Я. Борисов, сбитый, что божество в виде царя с мечом и с гротескной маской у ног — это Веретрагна, ассоциировавшаяся с планетой Марс (Борисов, 1945). Такая иконография известна по напелам самаркандского "оссуария Веселовского" и по росписи VI в. северной капеллы пенджикентского второго храма (Веселовский, 1917, Рис. 5; Беленицкий, 1973, Табл. 2; Маршак, Рыстанов, 1991).

Таким образом, если мы выбираем отождествляемых персонажей среди авестийских богов, то для пяти-шести иконографических вариантов наиболее подходящим оказывается Веретрагна, согдийское имя которого Вашагн известно, в частности, по вазино из позеонического ему двадцатого дня каждого месяца. Есть и еще несколько изображений воинственных богов в доспехах, которые трудно отождествить. Надо признать, однако, что все предложенные отождествления логичны, только если исходить из авестийского списка, что не является безусловной необходимостью, поскольку согдийцы почитали и других богов. Не всегда можно выбрать, к кому из богов, даже в пределах списка, надо отнести тот или иной атрибут, как, например, колесницу или пару коней.

С такими атрибутами могут быть изображены Миш (Митра), природное божество Создания (Хвар), Тиш (Титриш), Друсасн (Друсасн) и др. Божеством на коне с веревкой в руке (Беленицкий, Маршак, Рыстанов, Невский, 1983, С. 190-191) иконографически напоминают кушанского Друсасна, огромный спящий змея за его спиной заставляет подумать о солнечных богах, однако надпись на его руке, хотя и плохо сохранившаяся, не дает подтверждений для соответствующих отождествлений. Иногда по связи с природным явлением или по функциям можно подсказать в Авесте подходящие имена: например, Раман для бога, похожего на Силена в индийского Куверу (Беленицкий, Маршак, Рыстанов, 1980, С. 240; 1986, С. 330; Беленицкий, Маршак, Рыстанов, Невский, 1983, С. 201), или Аппампат для воющего бога, символом которого был дракон (Беленицкий, Маршак,

Рыстанов, 1980, С. 239). Однако согдийцы поклонялись не только авестийским богам (Hemling, 1965, P. 253-254; Липин, 1979), а в качестве божеества воз и Бактрии и Хорезме заимствованная Вахм. Список божееств согдийского пантеона, как он представлял в искусстве, может быть пополнен уже упоминавшейся богиней с мечом и богиней на драконе (на Авахитой?), какой-то богиней типа Тюхе с рогом и змеей, сидящей на троне с рогатыми львиными (?) грифонами (в резном дереве Пенджикента) (Беленицкий, 1973, Табл. 43), ногой богиней с оленем на серебряном блюде (Маршак, 1971а, Табл. 43), богиней, подобной Африне (на афрасибабах и пенджикентских терракотах) (Мейерс, 1962, Рис. 332; 1977, Табл. XXX, 94; Маршак, 1964, Рис. 26, 7-8), аналогичной богине Дильберджина (Кругликова, 1976, С. 96-101, Рис. 57-59) и отчасти богине монет Увизишки (ее возможно отождествление с авестийской Ариграт) (Greenet, 1984a, P. 258-162), а также еще несколькими достаточно отличающимися от всех рассмотренных или перечисленных образами. Однако по обилию изображений ни один божеество не может сравниться с Наной на льве и, по-видимому, с Вашагном в его разных обликах. Третье место занимает индивидуальный бог, в его трехглавой иконографии определенный как Вешпаркар.

Обилие в разных провинциях в иконографии проследжовано три пледата: ангийный, сасанидский и индийский. Создавая все новые и новые образы богов, согдийцы конструировали их из привычных элементов. Это хорошо видно по росписям VII в. во внешних дворях храмов, где показаны множество божеественных персонажей. Как правило, каждому божееству давался какой-то отличительный атрибут; но в одном случае по внешнему двору второго храма изображены девять толпу прекрасных дев с булавами-жезлами и познатыми знаменами. Отдельные фигуры отнюдь не идентичны, но у них нет особых индивидуальных атрибутов. Возможно, это многочисленные фразаны "с познатыми знаменами" — идеальные приобразы всего сущего, которые почитались землерострицами как духи-покровители каждого существа и как духи предков. Этот культ был распространен и в Согде (Табл. 32, 9).

Культовые композиции в живописи и на оссуариях

Судя по совместным изображениям двух или нескольких богов в одном зале, почти все божеества согдийских росписей входили в один пантеон. Каждая семья имела одного-двух собственных божеественных патროнов, крупномасштабные фигуры которых вместе с маленькими донаторами помещали в реальную или виртуальную ишну напротив входа. В роли патронов известны Вешпаркар, четверорукая Нана, сидящая на льве, Вашагн (как один, так и вместе с богиней), бог на троне с конями (Митра?). Нана встречается чаще остальных, но иерархия богов проследжована плохо, и притом не по утич сенам, где особо выделены не главные боги, а патроны семей. Ее элементы заметны в малоросписях и мифологическом повествовании. Так, в Пенджикенте и в Шахристане к Нане на льве, держащей солнце и лузу в поднятых руках, со стороны руки с солнцем на барьяженной крылатыми конями колеснице подсеждает ко-

ленопролетосный (сидящий на петках) бог (Беленицкий, Маршак, 1981, P. 67, Fig. 32; Невский, 1975, С. 192-195, Рис. 8, 9). Это обильная толпа мечущихся перед божееством. Она показывается, что бог на колеснице в иерархии ниже Наны. Этот бог, видимо, солнечное божеество, но не стоит высокого ранга, как Митра. Хотя согдийцы и воспринимали бога донатора Митру и как солнечного бога, но, видимо, у них сохранилось представление и о Хваре как божеестве этого светила.

Самая ценная культовая сцена в Пенджикенте (помещение 12 объекта XXV) выписана в высокую арку (Беленицкий, Маршак, Рыстанов, Невский, 1983, С. 197-204, Рис. 2-4; Маршак, 1990, P. 305-307, Fig. 15). Наверху в ней помещены патроны данного дома: четверорукая Нана на льве и несколько ниже нее возный бог и ишме с арлулом дракона. Внизу по старинному обыку со знаменами для божеественных страд. Один из них в короне диде-

ме, надстой на фригидской котлован, и с фигуркой льва на чаше в поднятой руке, а другой – Шахата в головном уборе с кошачьими рожками и ушами и с доминантным лицом, о котором уже шла речь.

В паре с Версрагой в Анкете на иран (Ам) (Сидя). Они названы двумя стражами. В иконографии сети элемент, и известные по западным музеем африканистиче колпак, лев), но нет столь характерного для всех выставленных изображений Митры нибба. Скорее всего, это искусственно сконструированный образ абстрактного божества Сиды. Около бога со львом помещен трон, окружающий на две человеческие фигуры, на котором виден какой-то царственный бог. К трону подвешен винный кувшин. Это какое-то божество, димитристы и бибатства, поскольку вахана Кудеры человек; и в Индии Кубера-Ваширавана – владыка севера и Калон – иконографически уподоблен шарушумисе Силеусу, у греков и римских ту же роль божка богатства. В Бахтрим, судя по Тахти-Сангине, Сиден связан с культом Вахана, но там он показан не пьющим вино, а играющим на двойной флейте. Однако нередко и согдийском искусстве Сиден всегда ассоциируется не с вином, а с пшеницей.

Середина нижней яруса занята двумя постройками, одна из них символизирует ад, которого облюбовали благодетельные хозяева дома, а другая – рай, в который они стремятся попасть после смерти. Оба изображения едва ли могут быть поняты иначе, и они мало в чем соответствуют представлениям о будущей жизни, вложенным в среднеперсидских сочинениях (Ghirshman, 1968). Ад представлен в виде покрытой чешуей постройки, охраняемой спиралью, похожим на льва, зверем. Над ней стоит дракон. Ее фланкируют две струйки дыма. Перед входом пещеры бог в доспехах (Сроп)¹ стоит перед упавшим демоном². Арка рай украшена драгоценностями. В нем множество овец, из которых выглядывают красавицы и богатых головных уборов, односторонний добрый дед достояний рай людей. Охраняют его крылатые львы с буздаман-жуками (Фраваша)³, а фланкируют два грубчатых демона, золотые ишапанм богов. К той же большой композиции относятся фигуры молчащих перед жертвенником огня, мушкетера, танцовщиц. Видимо, на боковой стене ниши находились димитристы бож с трубцом, попирающий череп, а на своде ниши – небожителища мушкетер и танцовщица, а также детские выданы с конями, нишам принадлежавшие астральным божествам.

Эта композиция самая геологическая из всех согдийских рисунков, но более яркие проявления влияния зороастрийских доктрин можно увидеть на рельефах оссуариев. К таким проявлениям относятся сцены с бесспорно зороастрийскими жрецами и кусти (Гирчети, 1985; Кристенишвили, 1977, 1986) и впаде – юнвике, закрывавшей нос и рот (Павличкин, 1983; Гирчети, 1985; Кристенишвили, 1977, 1986), и во стационарным храмовым алтарем огня (Павличкин, 1983; Гирчети, 1985). Зороастрийские объяснения наидит и другие оссуарные изображения; сцена казненного суда бога Раина (Потани,

1938; Girenel, 1986), сцена жертвоприношения и прибайтия души умершего в рай (Кристенишвили, 1986), хотя в последнем случае многие детали остаются неясными. Надо отметить, что жертвенник здесь не стационарный, а такой же, как в сценах поклонения богам в жаниши Согда и Тохаристана (Кристенишвили, 1979, стр. 24).

Много неясностей возникает при рассмотрении группы примоталых оссуариев VII в. из района Мианкала и Центральным Согда (Tabli, 36, 4) с изображениями бо-гов под храмовой (Аркадой (Гирчети, 1940; Пугаченко, 1984; Гирчети, 1987; Girenel, 1986, и др.). Ф. Гирчети считает, что на всех этих оссуариях в разных иконографических вариантах помещена фигура не более чем шести персонажей. Нередко персонажей всего четыре; по скольку на коротких боковых сторонах отрисована половина того же персонажа, которым выполнена длинная сторона с четырьмя фигурами. Вероятно, равные соотношения не случайны, что судьба души погребенного зависит от того, шесть божеств или четыре изображено на оссуарии. Между тем все гипотезы и значения изображений связаны с числом персонажей: А.Я. Борнсов думал, что это воплощения четырех священных стихий зороастризма, а Ф. Гирчети полагает, что это Амеша-Спенты – шесть божеств, бдущих при Аура-Мадде. Вместе с Аура-Мадде чаще насчитывали семь Амеша-Спентов. Как отмечает Ф. Гирчети, совместные изображения всех шести льва илде не засвидетельствованы. Гипотеза Ф. Гирчети наиболее детально обоснованная из всех предложенных толкований.

Рельефы оссуариев нельзя воспринимать изолированно от всех других данных по согдийской культурной иконографии. Это показывает оссуарий из долины Кашкадарья с божествами под двумя арками, под одной из которых помещена четверорукая Нана с солнцем и луной в руках, хорошо и известная по живописи Панджикента и Шахристана (Ляпина, Усманова, 1985). Не исключено, что справедливый анализ А.Я. Борнсова, видевшего в сцене сцене на троне длиннородом царя с товариком в короне со львом на бивальманских оссуариях Зурвана (содг. Аман, божества вечного времени, уподобленные Сазурну Крокову и иллюстрациях астрономических трактатов. Кроме пришедших им армунтов, надо вспомнить, что в том согдийском тексте, который сообщает об убийстве Ашва, Адаба и Вешпарара, длинная борода на илде в качестве единственного признака, позволяющего узнать первого из этих богов. Неясно, почему этот отличительный атрибут, если согласиться с Ф. Гирчети, дан Хавитра Ваира (Шахренару), на кушанских монетах бы бороудом. Зурваном, вероятно, господствовал в согдийском зороастризме, как и в зороастризме среднеасийского Ирана (Widengren, 1965, S. 320).

Если на оссуариях из Мианкала и Кашкадарья с жертвенником огня в поднятой руке показан один и тот же персонаж, то его отождествление, очевидно, должно помочь понять, что и начат остальные фигуры. Жертвенник огня, кроме Вахата, мог бы держать Хларета (содг. Фарр), как Фарр в Бахтрим, Аша-Вахшита (содг. Артахшт) или Атар (Аш). Кто из них изображен с алтарем в руке на согдийских оссуариях, невозможно решить однозначно. Наименее вероятно здесь Фарр, предположительная связь которого с погребением существованием души базируется лишь на истолковании этиогра-

¹ Стоящий бог и поверженный демон есть и на рисунках в других местах, это нет изображений из музеев в Ташкенте (XXVI, рисунки № 14 и № 15). См. также: Гирчети, 1985, С. 101; Маркв, 1980, Р. 20, Fig. 12).

фических представлений о роли жертвенного барана, переносившего душу через Чинватский мост (*Литаниский*, 1968, С. 97–98).

На кашкардарьском оссуарии со сценой прибытия души в рай под тронным богом, держащего жертвенник, помещены два барана. Горный баран – один из икарцидий Веретрагны, но здесь животные в отличие от овор зооморфных тронов не сливаются с ковром, на котором сидят бог. Между баранами – небольшой сосуд. Возможно, художник, создавая композицию, отчасти воспроизвел привычную схему трона, но изобразил не трон, а жертвенник животных. Конь, стоящий возле алтаря отняв за спиной жреца, тоже помещен под фигурой спящего божества, но явно не служит ему опорой. Вероятными останками толкования, предложенные для мивкальских оссуариев А.Я. Борисовым – Атар (согд. Ат), т.е. Огонь, или Ф. Грене – Аша-Вахшита (один из Амеша-Спентаов, покровитель огня). Последний вариант, пожалуй, наиболее соответствует деталям композиции кашкардарьского оссуария. Светлый радостный рай Аша-Вахшита упомянут в *Авесте* (*Ясна*, LXVIII, 13), а с представлениями о рае, несомненно, связаны музыканты по сторонам бога. Само по себе это ничего не решает, поскольку небесные музыканты и животные Пенджикента и Шахристана флажкуют в Налу, и бога на троне с козым, но на оссуарии есть и другие, видимо райские, атрибуты – шаши и ожерелье. В верхней части композиции, кроме бога с алтарем и двух музыкантов, есть еще три фигуры: это Ден – воплощение добрых деирий покойного в виде девушки, его душа в виде нагого ребенка и еще одно сидевшее в широкой позе мудрое божество, которое вместе с Ден держит или, скорее, опускает перед душой преграду на пути в рай. Окоро сидевшего бога клетчатая подушка, крытая той же тканью, что и сиденье бога с жертвенником. Это гах – почетное сиденье,

приготовленное в раю для почившего. Второй бог, который пускает в рай, – Раши, судий мертвых, или Срош, помощник Аша-Вахшита, помогающий душе достичь рая. В свободной руке каждого из двух богов – барсом (ритуальный пучок прутьев). Возможно, что предмет в руке Сроша не барсом, а дубинка, его атрибут.

Если все же принять вариант А.Я. Борисова, то два бога соответствуют Адурю (авест. Атар) и Срошу, которые, по среднеперсидскому сочинению "Арда Вираз Намат", приветствовали "иранского Данта" Арда Вираза и сопровождали его по раю и аду (*Gignus*, 1968). Едва ли эти двое – Митра и Рашиу – судья душ, поскольку тогда непонятен жертвенник огня в руке одного из них.

Конечно, штампованные рельефы оссуариев, предназначенные для массового тиражирования, не отражали столь же массовый обряд погребения. Жертвоприношение коня или вообще участие верховного коня и обряды были доступны только знатнейшим. В этих рельефах сказалось стремление рядовых согдийцев освоить, пусть даже только в имитациях и изображениях, то, что было достоинством знати. Согдийские художники, исходя из умозрительных идей и привычных элементов иконографии, смело создавали ранее невиданные сложные культурные композиции. При этом представления, отраженные согдийским искусством, не идентичны тем, которые зафиксированы в *Авесте* и в подлинной зороастрийской литературе. Художники участвовали в процессе упорядочения идеологии быстро развивающегося Согда, они с помощью атрибутов в композиционных приемах стремились развить широкую аудиторию, то, что было не столько в виде писания (не случайно, что в текстах почти не представлена собственно согдийская религия), сколько в виде обрядов и неканонизированной устной традиции.

Неизвестные божества, демоны. Календарные обряды

Согдийцы издавна поклонялись Иане, помпгашейсы не только в Бактрии, но и в Парфии. В Согде известны религиозные представления, которые, казалось бы, не только чужды, но и прямо враждебны зороастризму (*Hetting*, 1965, P. 252–254; *Литвиц*, 1979). Хешинг считал, что, хотя зороастрийское отрицательное отношение к дьям отразилось в лексике согдийского языка, на периферии, особенно в Уструшане, слово "дям" сохранило значение "бог", но археология показывает, что в Уструшане, Семирьере, Отарре – везде, где жили согдийцы, почитали одних и тех же богов. Вероятно, дело не в локальных различиях, а в том, что догматы зороастризма без принуждения со стороны мощного государственного аппарата не могли побудить людей отказаться от стремления избежать вражды или даже заручиться поддержкой всемогущественных творений в существовании которых они верили. В VI в. в терракоте Пенджикента были многочисленны статуэтки и образки с зрочной шивей, на которых изображалась женщина в пышной короне (Табл. 30, 23), со сложенными на груди руками (знак почитания) и со звериными ногами (*Маршак*, 1964, Рис. 26, 1–6), напоминающая демонические образы

Вавилонии (ИДВ, 1983, С. 453. Рис. 127, 2) и античных "сирен" (*Кобылина*, 1967). Эта же фигурка в виде напела на стенку оссуария снабжена пририсованными крыльями (*Менкерис*, 1977, Табл. XX, 1), но обычно в отличие от приведенных аналогов она бескрылая. Демонические головы украшают оссуарии (в том числе и оссуарий со сценой прибытия души в рай) и ерсуариями курьильную (*Немидинов, Сулейманов*, 1977, С. 65–69). Представления о том, что, изображая демонов, можно заставить их служить оберегом против злых сил, едва ли не повсеместно. Даже на сасанидских печатях изображения неизвестной зороастрийцам нечести должны были способствовать преодолению вреда от нее (*Борисов, Луконин*, 1963, С. 35). Однако пенджикентские терракоты не вполне соответствуют таким представлениям. На них покорная поза чудовища сочетается с аркой, которая обрамляет и образки с фигурами богов пантеона, свидетельствуя о существовании культа такого божества.

В пенджикентских вадострациях за эпосу демоны нередко воплощены богами. Так, трехголовый демон с трезубцем и нимбом очей, схож с Вешрапаром, а змея его гибель в одном из животных (от руки жреца показывается,

что это отнюдь не божество, даже не "злой Ваиру", которому тоже не приехала такая гибель!

Наконец, иконография богов пантеона повзвизда и на образ Духа урожая, сидящего на фоне куши зерна, воплощением которой он, судя по гаджанджикской стенописи, представлялся. В этой сцене улова зерна с гумна, выходящего и коммунью всемирного мира по поводу нового урожая (помещение 28 объекта XXV), древний месопотамский культ принял обычно для согдийской иконографической формы: у Духа урожая – трон (Табл. 35, 5), шаркине сазанские ленты, нимб, а также пламени над плечами и т.д. (Маршак, Расценива, 1985; *Maršak, Rasčeniwa*, 1987). В росписях Пенджикента есть изображения и других сазанских обрядов, которые, однако, не нужно жестко привязывать к Наурузу (Новому году), Мухрагану и вообще к календарным праздникам такого рода. Поскольку согдийский зороастрийский календарь был повзвиздан, сдвигаясь на 30 дней за каждый 120 лет, и не корректировался, его месяцы не соответствовали своим первоначальным сезонам: Новый год у согдийцев в начале средних веков был летом. К нему, возможно, относится изображение летнего праздника с купаньем венками, составлением бордов в одном из домов Пенджикента (помещение 14 объекта XVII) (*Беленицкий, Маршак*, 1976, Рис. 19).

Мухраган в Иране считался годовщиной победы Феридуна (Афридун) над Захаком. Бируни, называя зороастрийских богов ангелами, писал: «В этот день спустились ангелы (с неба) по помощи Афридуну, и из-за этого повел такой обычай в домах царей: во дворе дома, во время восхода яри, становился смелый человек и говорил самым громким голосом: "Ангелы, спустайтесь на землю, поразите дьяволов и злодеев, отгоните их от мира!"» (*Бируни*, 1957, Т. 1, С. 233–234). Этот день иранские толкователи сделали "вестником дня воскресения и конца мира" (Там же, С. 234).

В Шахрестане, во дворе правителя Усугрунана и в зале одного из домов Пенджикента первой половины VIII в. (помещение 6 объекта III) стены пантеа батальными сценами, в которых разные боги (Нана, Солнце, в Шахрестане также Вешпаркар) вместе с людьми участвуют в грандиозной битве с демонами (*Беленицкий, Маршак*, 1981, Р. 67 Fig. 6, 52; *Belenicki*, 1980, S. 54–56; *Незамаев*, 1973). Сохранность

не позволяет определить, был ли отражен в частности сюжет борьбы с Захаком. Возможно, что здесь нет старого соответствия мифологической хронологии. В пенджикентском зале в сцене с колониореволюционными знами перед трном с тремя алтарными огнями, из которых третий имеет на нем же фигуру Вешпаркара, среди победителей помещен Рустам в его характерном облачении, опознаваемом по атрибутам, отличающимся от известной пенджикентской "Рустамидной". По иранским преданиям, Рустам принадлежал к другому поколению героев, чем Феридун, но тоже был неутомимым борцом против дьявола и злодеев. Битва богов и людей с демонами в росписях, возможно, соотносилась происходившему в зале образу торжественного призывания богов, которых, так же как на живописи, являлись вступить вместе с праведными людьми в битву с демонами и отогнать их от мира. В Согде, где царя были лишь "первыми среди равных", такой сюжет представляется уместным и во дворе, и в частном доме представляется городской знати. В Иране Мухраган был вторым по значению годовым праздником после Науруза. Сведений о праздновании Мухрагана в Согде нет, но в согдиаро-иранском Чаче начала VII в. китайские авторы называют только два праздника: 6/1 и 15/VI (*Бирюни*, 1950, Т. II, С. 272–273, 282). Если считать, что нумерация месяцев в них текстов местная, а не китайская, то 6/1 соответствует Большому Наурузу, а 15/VI – это канун Мухрагана! По Бируни, именно 6/1 Джам, т.е. Инма Авесты, объявлял «чтобы разрушить старые "наузы" и не строили в такой день нового науза» (*Бируни*, 1957, С. 228). Именно в этот день в Чаче соуса с остатками родителей «издателя» устанданивали на престол в специальном здании близ резиденции, совершали ритуальный обход престола и жертвоприношения, устранили пир. Вынос этого сосуда, видимо оссурия, из места захоронения, в места мертвых и мир живых вполне соответствовал бы праздничному для годовщины исчисления смерти и снова погребальных построек в Золотой иск Инма. В "Байди" и отличие от "Суйшю" говорится лишь о первом чачском празднике. Возможно, что описанные обряды и относятся только к первому, а не ко второму, о котором в таком случае сообщена только календарная дата.

Сцена приема в росписи Афрасиаба и вопрос о гражданской религии Согда

Пенджикентские данные позволяют предложить новую интерпретацию сцены царского приема и живописи Афрасиаба (*Альбаум*, 1975). Эта сцена занимает всю торцовую стену парадного зала (помещение 1). На сохранившейся нижней части стены показаны процессии фигур, направляющихся с двух сторон к середине зала. Выше помещен ряд сидящих фигур. Верхняя половина стены не сохранилась. По Т.И. Альбауму, процессии направляются к трону согдийского царя Ворузмана (только 650–675 гг.). На самой живописи есть прочитанная

В.А. Линничем согдийская надпись, в которой говорится, что Ворузман принял послов из Чагандара и Чага (*Альбаум*, 1975, С. 52–56). Композиция исходит также

¹ Демон был изображен с гаджанджикским Вешпаркаром (*Belenicki, Maršak*, 1981, Р. 70) до раскрытия всей композиции.

² Сидящий в центре зала, свой тронный тронник, когда он осуществлял величие Месху (такую вышестоящую религиозную календарю, в таком отношении возможно, только если считать, что Ворузман был календарю тем. *Донин*, 1975, С. 312).

³ Или эллинистический, – Бируни добавляет, что он являл жертвенник и диндарский праздничный зурваншан и особенно созидаем календарь, когда велел царю сойти. В Хорезме, вероятно, именно тогда месху велел поному М. Бюте (*Бюте*, 1970, Р. 513–530) переиздать 360-дневный год, который привел к лавдательствованию в Иране расе гиниюму Науруза с 1 по 30, но Большому Наурузу, а Мухрагану с 16 по 21/VI, но Большому Мухрагану. Там Феридуну дается две отсылки и три суровые даты 21/VI, соотноствующиеся Большому Мухрагану (*Бюте*, 1957, С. 257–258). Бируни, кроме того, отмечает, что в Хорезме празднует день 21/VI местными календарями и "показывает что так же, как празднует Мухраганом", т.е. Мухраганом (*Бируни*, 1957, С. 257).

⁴ Ураза с "поздним созидаемым календарем", являемая живущим по согдийскому календарю, полагая, что она была бы отсутствующая термина для отсылки к этому календарю – истребитель.

группы представителей нескольких народов, которые рассматриваются как посольства из разных стран (Табл. 35, 1, 3). Та же надпись, однако, говорит, что не чаганский посол подошел к Вархуману, а царь сам "подшел к нему". Это место непонятно, если считать, что Вархуман обходил престол, а не сидел на троне. Тогда в соответствии с прослеженными по другим залам обычаям центр главной композиции был бы занят изображением божества, а не царя. Если согласиться с этим, то станет ясно, почему речь поста в надписи содержит, кроме пришествий формулы, только такое обращение к царю Самарканда: "Воисе не имей подозрительной относительности меня – о самаркандских богах, а также о несомненности я хорошо осведомлен, и я не причиню никакого зла (самаркандскому) царю" (Альбаум, 1975, С. 55–56). В.А. Лившиц понимает слова поста как обещание не пытаться вводить чаганскую веру и связанную с ней смешанность в Самарканде: "Согдийцы, пережившие к середине VII в. много религиозных потрясений и вернувшиеся в лоно маиздизма, имели основание опасаться нового усиления буддизма – религии, которая в это время, судя по источникам и археологическим находкам, господствовала в Чаганиане" (примечание В.А. Лившица см.: Альбаум, 1975, С. 55, примеч. 155).

В начале VIII в. в Чаганиане заметную роль играло махейство (Беленицкий, 1954, С. 44–45), но в Тохаристане и в целом в VII в. преобладал буддизм (Литвинский, Зейдман, 1971, С. 120–121). Во второй половине VII в. буддизм, поддерживаемый могущественной Танской империей, распространился также в Семиречье и в Ферганае. Поэтому в момент наибольшей танской экспансии Вархуману формально признаваемому сюзеренитету империи, понадобилось в отрыве от буддизма Самарканде провести грандиозный прием постов перед изображениями богов. Делегации приносили дары, был, видимо, устроен пир. Подобные процессии, подношение даров и ритуальные пиры хорошо известны по росписям храмов Пенджикента. Китайская делегация проходит первой, за ней стоят какие-то горы (?) и корейцы. Люди из тюркской свиты китайских постов, беседуя, дожидаются конца церемонии. Большая группа тюрков сидит в верхнем ряду. Представители среднеазиатских государств (Чаганиана, Чача и др.) жмут своей очереди. В.А. Лившиц лично сообщил мне свое чтение надписей на этих фигурах. На шее человека в кафтане из ткани с семизубым полустережком надпись, наиболее вероятное чтение которой "Вархуман", за ним следует "чаганский дашправ" (тигуд поста). Это позднее посетительские надписи, возможно, ошибочные, но все же согдийский посетитель и в VIII в. не мог бы, взирая в центре композиции царя на троне, приписать его имя второстепенному персонажу.

На других стенах вокзана процессии с участием Вархумана (который здесь, как мне кажется, представлен крупномасштабным всадником на желтом коне) и картины жизни разных стран – Китая и (по мнению Л.И. Альбаума) Индии.

Когда в Согд через согдийских купцов и колониатов или через прибывавших в него миссионеров хлынули булжеские верования в виде мировых религий – буддизма, манихейства и христианства, то в колониях согдийцы охотно принимали эти религии, поскольку там перемена веры сулила сближение с жителями рядом партнерами из

других народов. Недаром именно к таким религиям относился почти вся литература согдийцев диаспоры. Слов боги при этом могли занять лишь очень скромное место в системе идей мировых религий, но сохраняли социально важную роль покровителей отдельных семей и общин земляков. В колониях согдийцев нередко подчинялись иноземной администрации и иноземным законам. Там почитание тех или иных богов было частным делом, и человек мог, сохраняя культ своего божественного трона, сменить веру. В метрополии, где, по сведениям китайских источников, в самаркандском храме, т.е. под покровительством богов, хранились законы страны¹, откол от религии гражданской общины был гораздо более редким.

Многие из часто встречающихся в Пенджикенте образов богов известны и по намяткам Самарканда, Уструтриана, Кепа, Семиречья, Отрара. Это были боги, почитавшиеся везде, где жили согдийцы. Зороастризм, судя по религиозной терминологии по согдийскому тексту с молитвой "Ашем Вош" (Sims-Williams, 1976, P. 46–48; Gershevitch, 1976; Лившиц, 1981, С. 354), а также по соображениям Хай Чао (Fuchs, 1938, S. 452) и других авторов, был религией Согда. Однако этот поверхностный зороастризм прикрывал отнюдь не догматические представления. Согдийцы метрополии далеко не всегда крепко держались зороастрийских богов своих гражданских общин. Уверения поста, что он знает богов и несомненность в что его нечего опасаться, видимо, имели не только религиозное, но и юридическое значение, если речь шла об уважении иностранцам санкционированного богами писаного закона. Во включавшем и себя Чаганиан Тохаристане, как показали росписи Дильберджана (Кругликов, 1976; Лившиц, 1979), с буддизмом сосуществовала культура богов, сходные с согдийскими по обряду и по иконографии с ее античными, сасанидскими и индийскими элементами.

Значение культов богов, с одной стороны, и высших религиозных доктрин – с другой, видно при сравнении стенов росписей и рельефов оссуариев. В росписях преобладают частные культы богов, тогда как на оссуариях, напротив, важную роль играют специфически зороастрийские концепции и ритуалы. Даже жреческое описание и ритуальный поименный зороастрийцев показаны на оссуариях, но не в росписях. Делю, вероятно, в том, что штампованные оссуарии рассчитаны на любого, кто их приобретает, и соответствовали тому, во что верили все, а росписи имели по заказам отдельных семей, династий, городских общин, имевшие в рамках общей религии своих собственных богов покровителей.

Отметим, что для Согда характерно сочетание культов многочисленных, нередко несвязанных богов с проявлением воздействия учения Зороастра, В.Б. Хейнинг писал, что остается неясным, насколько сильным было это воздействие на местное язычество (Heinling, 1965, P. 250–254). Во всяком случае, после открытия посылки ассирийцев речь должна идти не о том, что сами местные народные верования были согдийским огнепоклонничеством, причем собственно зороастризм настолько "приникся местными языческими культурами",

¹ "Культурно-исторический" П. М. Токмаков – рукопись Института Востоковедения Академии Наук СССР, т. II, С. 280.

что «можно даже отказаться от применения термина "зороастризм" к культуре огня в связи с тем, что с ним религиозному дуалистическому мировоззрению в Средней Азии» (*Искусство*, 1954, С. 21–22), а в том, что учение Зороастра надо считать «параллельно с культом богов важным компонентом согдийской религии». Хотя согдийцы раннего средневековья считались зороастристами, по археологии показывается, что это не мешало языческой простоте их верований: Зороастризм проник в Согд очень рано (*Герасимов*, 1976), но здесь не могло произойти до государственного урегулирования, которое имело место в истории сасанидского зороастризма, как не было и сасанидского навязывания зороастризма другим народам. Это различие связано с несравненно более слабым развитием в Согде государственного аппарата и с огромным язычеством, которое имели в нем такие малые ячейки социального организма, как общины, семьи и т.д. Тенденция к упорядочению, однако, заметна и в Согде. В V в. она сказалась в росте значения культа огня и вошедшего оссуэриана образа, ранее неизвестного в основном в Хорезме, а в VII в. – в тенденции к буддизму,

в попытке обеспечить международные признание самаркандских богов и «исламности». Однако, за исключением оссуэриана образа, все это очень слабо развито: незначительным оказался на деле «восточный» огонь, иезидитского рода храм, в котором и VI в. помещение для огня было забуржано, и в буддийской среде заведетствовавшие, хотя и в очень ограниченной степени, почитание Будды (*Маршак*, 1900, Р. 304–305; Fig. 14). Кроме того, не случайно, что в афрасиабской надписи речь идет именно о самаркандских богах и ишкменности, хотя по изображению видно, что от Бухары и Кеша до Муйской долины согдийцы молились богам одного пантеона¹. Когда чаганианинский посол говорил перед царем о богах, вероятно, этого пантеона, он имел в виду их особое почитание для Самарканда, как почитаемых небольшим самаркандским государством и покровительствующим именно этому государству, т.е. говорил не о мировой, а о спонсоре рода «восточной» религии. Надо напомнить также, что патрионы согдийских семей были прежде всего боги, дарующие удачу и благосостояние, иезидитскими от места этих богов в иерархии, соответствующей теологическим концепциям жрецов.

Три ранга росписей.

Светлые сюжеты в парадных залах первой половины VIII в.

В конце VII – первой половине VIII в. в домах всех сколько-нибудь состоятельных горожан обязательно были росписи или резные деревянные изображения, а чаще всего и то и другое. Росписи в среднем украшали несколько помещений, но основная и образливая программа реализовывалась в парадных залах. Широкие арки, сложные деревянные «своды» с откосами, применявшиеся, по-видимому, перекрестия типа «византийского креста» (*Маршак*, 1983) определяли почти храмовую торжественность залов. Из местных природных материалов создавались нечто подобное каменным храмам и дворцам Сирии, Малой Азии и Ирана.

Те или иные известовавшиеся мотивы были использованы для решения глубоко оригинальной задачи: выразить высокое самосознание гражданина согдийского зороастризма. Зажигочная часть городского населения, составляющая в Пенджикенте более трети домо-владельцев, не стремилась противоставить себя, говоря современным языком, «конструктуру» культуре царей и храмов; напротив, она хотела по мере своих сил охватить достижения этой культуры. Такая тенденция характерна для первой горстки и земледельцев, в какой-то мере для рядовых горожан, а не для массы крестьянства, и все же при всей своей исторической ограниченности она весьма примечательна. Парадных залов отарито много, и по одним из них не повторять другой. Выбор сюжетов, каждый заказчик стремился выразить свои идеалы. Заказчики и художники, вырабатывая сложную программу росписей и резьбы по дереву, исходят из конкретных индивидуализированных задач, обычно соблюдаемых при этом некоторые общие принципы.

Почти всегда в деревянной резьбе перекрестий помещался целый набор изображений богов, в том числе божество-светило (*Белетинский*, 1954, С. 76–81; 1973, С. 42–44; Рис. 43). Работы последних лет показывают, что согдийцы вытеснили из дерева даже кундука, у

многих народов символизировавший полууферу неба (Табл. 34, 1, 2). На основном месте божества в зале – это реальная или нарисованная арочная ниша напротив входа. Именно здесь находилось большинство культовых стел, о которых шла речь выше. Этой ишей – выходом в иезидитический мир в мир богов – завершался и видный путь через сводчатые помещения с низкими проходами. Как правило, фигуры богов в нише были огромны. Их масштаб еще более подчеркивали маленькие фигуры реальных людей, молящихся богам. Иногда архитекторы прибегали даже к специальным приемам, основанным на перспективных эффектах, чтобы подчеркнуть грандиозность таинствующих дом богов (Табл. 33, 2; 34, 2).

В сценах поклонения божество всегда гораздо больше, чем молящиеся, от которых оно глубоко отделимо. Однако, судя по китайским историкам, некоторые среднеазиатские государи сидели на доморфных тронах, подобных нарисованным тронам богов, и уподоблялись своим божественным покровителям. Так, трон правителя Бухары (*Визирин*, 1950, Т. II, С. 282) был схож с иезидитским тронном Шагага, иезидитского в Сирийской Варахши, в помещении 9 Афрасиаба и в трех пенджикентских домах (*Белетинский*, *Маршак*, 1976, С. 80–81; *Швед*, 1980). Аналогичное явление заведетствовано в Иране: сасанидская царица Шапурухтак изображалась в роли покровительницы рода Сасанидов Анахиты (*Туконин*, 1979, С. 40), но, конечно, никто не претендовал на то, чтобы происходить от этой иезидитской богини. Поэтому нет оснований думать, что известный по росписям Пенджикента и Шахристана персонаж, показанный в частности, в парадной арочной нише парадного зала шахристанского дворца, – это «божество»

¹ Иезидитский род этих богов встречается также в Хорезме, как, например, четырехрукий богини, изображенная выше.

денный предок¹ уструшанских афганинов (*Незматин*, 1984, С. 147–155. Рис. 1, 2; ср.: *Шкода*, 1980). Когда один из тот же персонаж есть в росписях Согда и Уструшаны, нет необходимости выискивать для него сугубо местные объяснения.

В Пенджикенте росписи залов по более или менее почетному месту, занимаемому ими, и по их масштабу делятся на три ранга. Это не только формальная классификация. Она одновременно этическая и дидактическая. Росписи первого ранга, которые в основном размещались выше, самые крупномасштабные и расположены на самом почетном месте — прямо против входа. Это сцены поклонения богам, свидетельствующие о благоочестии и призывающие к преданности осеминному культу. Человек всегда мал по сравнению со своим богом. В Согде не было изображений равного богу царя сасанидских инвентурных рельефов и монетных реверсов.

Другие идеи вложены в росписи второго ранга, расположенные на менее почетных местах, по сторонам от композиций первого ранга и в реальный или нарисованный иппе напротив входа (Табл. 33, 2; 34, 2). Это иллюстрации к героическим повествованиям, что особенно характерно для Согда, или героизированные сцены пиров, конной охоты, вывозки коней, т.е. благородного образа жизни. Иногда к этому же второму рангу относили второстепенные культовые композиции и сцены с событиями недавней истории. Жесткое правила здесь не было, и все определялось предпочтениями владельца дома или может быть, отчасти художника. Масштаб этих росписей несколько меньше, чем росписей первого ранга. Их основная этическая идея — самоутверждения доблести и благородство. С высокой степенью совершенства передавали согдийские художники самый ритм эпического повествования с его нарочитыми замедлениями и напряженной динамикой роковых схваток. Энергично проведенные контуры выделяли фигуры. Участки фона давали простор движению. В эпических фризах, переходящих со стены на стену, зритель должен был, переводя взгляд от эпизода к эпизоду, воспринимать образы всех действующих персонажей, быстро и уверенно опознавая каждого из них, с возмещением следуя за героем по его полному опасностям пути. Для этих росписей характерны контрасты, проявляющиеся и в соседстве бурных и спокойных сцен, и в сопоставлении мольбы и уверенности вступающих в бой с мучениями и бесцельным неверием. Для Афрасаба, Варахши, Пенджикента обычны контрастные соотношения красных и желтых охр с ультрамаринными фонами. В сочетаниях цветов нет сложных, трудно поддающихся гармонизации соотношений зеленого с синим и зеленого с желтым.

После первых открытий в Пенджикенте многие западные ученые считали живыми Согда локальным вариантом сасанидского искусства. Действительно, в пещерных постройках, и некоторых особенностях композиции и в реалиях есть определенное сходство, но дух искусства этих стран принципиально различен. В искусстве сасанидской империи герой — это прежде всего царствующий государь, который как бы заране обречен на победу. Достаточно сравнить изображение строющего всадника на муском иппе, извившим движением паласы управляющего огромным непокорным напряженным конем, со статичным всадником Таки-Леосгана, похорожим на

"гору, сидящую на горе" (если пользоваться более поздней поэтической формулой), чтобы увидеть все различие не только художественных, но и жизненных идеалов (ЖДП, 1954, Табл. V; ср.: *Fokai*, 1972).

Религиозные символы, введенные в композицию с охотой или иппом, как и в иностранной к эпосу, показывают, что и росписи второго ранга имела не только светское значение. Картины благородного образа жизни одновременно отражали обряды, связанные с сезонными праздниками.

Если в частных домах примерами доблести были эпические герои, подражать которым призвали зрители, то во дворцах такое же значение могли придавать и реальным событиям недавней истории, прославленным государя. Так, в Пенджикенте в росписях, постраданных в 722 г., обнаружены изображения арабов и арабских осадных металлических машин, применявшихся во время осады Самарканда в 711 г. (*Беленский, Маршак*, 1978). Были здесь и сцены коронации согдийского царя, которому посвящен корону-анадему, и царь, пирующий с неким арабом (*Беленский*, 1980, Taf. 60, 62; *Беленский, Маршак*, 1981, P. 64–66. Фиг. 28–31, pl. 23, 24). Возможно, коронация Деваштига — владыка Пенджикента и качества царя Согда и господина Самарканда в 718 г. (*Динишвили*, 1979а) нашла отражение в живописи его дворца². Присутствие арабов понятно, поскольку арабские власти какое-то время признавали за Деваштигом право на царский титул.

В пенджикентских домах, кроме фрагментарных росписей с эпической тематикой, можно насчитать целые иллюстрации к семи различным сказаниям. Сравнительно легко понять сюжет иллюстраций к сказаниям о Рустаме (*Беленский*, 1973, С. 47, Табл. 7, 9–14), судя по согдийскому отрывку, видимо переданному со среднеперсидского оригинала (*Sims-Williams*, 1976, P. 56–58; *Gershevich*, 1969, P. 227; *Kaufman*, 1968). Рустам узнается по совершаемым им подвигам, находящимся аналогии и "Шахнамэ", по масти его коня Рахта и по одеждою из шкуры леопарда, упомянутому в согдийском тексте³.

Удалось также с большой долей вероятности определить другой "переводный" сюжет — из индийского эпика "Махабхарата" (*Беленский, Маршак*, 1981, P. 28; *Cescaioni*, 1985). С циклом о Рустаме связан еще один сюжет, не находящий параллелей в текстах (помещен в 50 объектах XXIII) (*Беленский, Маршак, Растворова*, 1986, С. 324–328; Древности Таджикистана, 1985, Каталог, № 578, 579). Участвуя в традиционной битве с демонами, главный герой этого сказания убивает трехголового владыку демонов и освобождает от него девушку, затем герой на коленях докладывает Рустаму о своей победе и вместе с девушкой прибывает на прием к царю.

¹ В частном доме "энергично" изображены две — то мальчик-герой убивающий змею (из домовой богаты, если не считать одной росписи, помещенной в каталоге каталога). В другом доме это место не инвентурно обозначено, но при инвентуре 13 объекта XXVI, но в данной статье помещено в 40 объектах XXI у одной из стен, старая и новая росписи — от кирзового брата. Возможно, это помещенные предки из пещеры (*Беленский, Маршак*, 1976, С. 8, Рис. 14).

² Текст персидский, но с элементами эпического стиха, что характерно именно для среднеперсидского периода (персидский вариант "Шахнамэ", уструшанские версии "Шив и Раван" и др.).

Остальные эпические сюжеты, скорее всего, чисто местные. В одном случае в согдийской вадиси на самой росписи В. А. Лившич прочитал имена героев, которые сейчас не были известны (*Белецкий*, 1973, С. 33–34, 48). Сохранились три вадисы. В песнике игобегиты выбивает противника из седла, затем сбивает его с ног в колонне, связывает у ступи замка, куда тот пытался скрыться. Со ступи женщины бросают камни в победителя.

Другой местный сюжет имеет кульминацией исход длительного ровного поединка равных по силе героев. В конце концов один из них выстрелом из лука убивает противника, направившего в него копьё. Это происходит после трех схваток, в которых были безрезультатно сломаны мечи, булавы, топоры. Тот же эпизод известен и по серебряному блюду (*Дьяконов*, 1954, С. 119–120, 137, Рис. 8, Табл. XXIV–XXIX; СЖДП, Табл. III–VIII; *Смирнов*, 1909, № 50). Трагическая тема героической гибели, волновавшая согдийских художников, отражена и в "битве с амазонками" (*Белецкий*, 1973, С. 32–33, 47–48, Табл. 23–32).

В ярусе росписей, находящихся над "Рустамоводом", действует другой протагонист, отличающийся от Рустама не только одеждой, но и символом божества – подлающим к нему драконом с длинной изогнутой шеей вместо длинного дракона, подлающего к Рустаму в нескольких эпизодах (*Белецкий*, 1973, Табл. 7). Каждому персонажу, видимо, покровительствует особое божество. В верхнем ярусе можно увидеть совместный выезд двух героев, что, возможно, соответствует частому эпическому мотиву богатырского поединка.

Естественно, что большая часть эпических произведений не отожествляется. Это – это переосмысленное народом историческое прошлое, поэтому в нем заимствование встречается гораздо реже, чем в других жанрах, а с эт оригинальной согдийской литературы осталось лишь несколько отрывков.

Переходя от второго ранга к третьему, одновременно переходим от возмущающей героики к прагматической морали или даже к развлекательной тематике, которая не считалась серьезной. Роспись третьего ранга известна пока только в Пенджикенте. Это мелкокоштанитные фриз и прямоугольные панно, которые в нескольких залах первой половины VIII в., замещают обычные орнаментальные бордюры. Сюда относятся иллюстрации к сказкам и притчам, дирические сценки, фриз с бегущими друг за другом животными, изображения музыкантов и танцоров. Оттенка героики в росписях этого ранга обычно нет. Развлекательные и дирические мотивы присутствуют, но отнюдь не преобладают. Основная этическая тема иллюстрированных рос-

писей этого ранга – практическая мораль, которой учат притчи. Сказки и притчи здесь, по большей части, знакомые по мировому фольклору, по греческому сборнику Эзопа, по индийской "Панчатантре", которая позднее в арабском переводе стала называться "Калила и Димна" (*Белецкий*, 1973, С. 49, Табл. 33, 34; *Belentzi*, 1980, S. 206–207, Табл. 49, 50; *Маршак*, 1977; *Белецкий*, *Маршак*, 1976, С. 87–88, Рис. 16, 17; *Скульптура в животом*, 1984, С. 35–38, Рис. 34, 35; Древности Таджикистана, 1985, Каталог, № 573–576). Можно назвать, например, сказку о дочери, обещанной морскому духу, близкую к согдийскому тексту (*Белецкий*, 1973, Табл. 16); другую сказку – о царевиче, медведе, волке и шакале (*Belentzi*, 1980, Табл. 34; ср.: Сказки народов Памира, 1976, № 65, С. 480–490); басни Эзопа о гусыне, которая несла золотые яйца, об отце и сыновьях; притчи "Панчатантры" об ученых, обманутых тигра, который их затем съел, о льве и быке, обманутых шакалом, о льве и зайце, фавно о женщине и ее поклонниках, о мудром судье и разоблачившем самого себя обманщике. Многообразие иллюстрируемых произведений значительно превышает то, что известно в светской литературе Согды (*Лившич*, 1981; *Henning*, 1945). В манихейских переводах с парфянского и среднеперсидского есть сочинения с притчами из Эзопа и "Панчатантры", но теперь мы знаем, что басни и притчи, восходящие к тем же сборникам, были популярны в светской местной среде.

В росписях третьего ранга нет идеализации, которая характерна для других рангов, в них нет никаких подробностей, кроме самых необходимых для передачи содержания, но при этом в типаже и в жестах виден результат живых наблюдений художника.

Все программа показывает иерархию этических высказываний: роспись первого ранга учат ритуалу, делают человека угодным божеству; роспись второго ранга показывают примеры мужества и благородства; роспись третьего ранга учат, как поступать в повседневной жизни, и развлекают.

Общий дидактический характер согдийского искусства определил, вероятно, характерную для него сдержанность при передаче эротической тематики: редко встречаются и при этом очень скромно трактованы столь характерные для средневековой расписи о женском коварстве (Древности Таджикистана, 1985, Каталог, № 574).

Согдийское искусство воспитывало членов общества, отличающегося высоким развитием хозяйства и культуры без централизации и при слабом развитии государственного аппарата. Это искусство отражало вкусы и интересы активного гражданина, а не подданного типичной восточной монархии.

Коропластика

Исологические представления в какой-то мере отражались в мелкой пластике. Культовые терракотовые фигурки женщин (и очень редко мужчин) известны в южных регионах Средней Азии еще в эпоху бронзы. Произождала ли позднее существенные изменения в материалах и обрядах, или вообще изображалась в другом материале, только терракотовые статуэтки достигают из культурных комплексов на многие столетия. Вино, они повсюду, возможно не без влияния эллинистических традиций, но в конце IV–III в. до н.э., и на этот раз, как и в древности, основным становится женское божество.

Первые образцы терракотовых статуэток порты назвала эллинизации местной культуры достаточно точно передают черты античных фигурок. Целая серия мужских головок возводится к иконографии Александра Македонского. Разнообразные путем неоднократного воспроизведения колыбок, они просуществовали до V в. н.э. в качестве хорошо смоделированных головок на фигурках музыкантов и плакальщиков примитивной депки и самостоятельных оттисков на стенах оссуариев.

В IV в. еще сохраняется в общем прежних эллинизованная иконография богини, фронтально поставленной

в плаще с плодом, ветвью или зеркалом в поднятой к груди руке, иногда с младенцем на коленях или у ног – древнейший образ, восходящий к заре цивилизации.

Сильно меняется стиль статуэток, изображающих музыкантов, которые в древности делались целиком оттиском штампа, теперь примитивно лепятся от руки, голова же формируется оттиском отдельно по эллинизированному образцу. Музыкальные инструменты в их руках передаются простыми валиками, и их разновидности угадываются только по положению инструментов и по положению рук. Согнутый углом валик, видимо, передает кифару, прижатую к груди; а в изогнутом дугой, поддерживаемом у плеча (один конец возле губ) предмете можно видеть музыкальный рог.

Но рядом с традиционными появляются новые или неизвестные нам для более ранних периодов образцы. Среди них упрощенные фигурки обнаженных мужчин, женщин и гермафродитов, часто в эротических позах.

В V в., вероятно, в связи с широкой волной буддийских влияний в среднеазиатском ареале во множестве изготавливаются уплощенные глиняные пластинки с оттиснутым изображением персонажей разной иконографии. Среди них воин, исполнявший какие-то сакральные функции, с книжкой, поднятым над плечом, в правой и с головой быка (?) в опущенной левой руке.

Один и тот же штамп мог служить для изготовления статуэтки божества и демонического существа. Пример тому есть среди терракот Афрасиаба. Один из оттисков украшен мелкими наколами, подчеркивающими надбровья, другому же пытались придать свирепое выражение, расширив наколами зрачки, ноздри, широко прорезав лезвием рот.

В этом обилии образов отражались верования и культовая обрядность. Но поскольку в коропластике, как правило, представлены персонажи, не отмеченные в обширном пантеоне, известном по стенописи, можно думать, что терракотовые фигурки изображали второсте-

пенных божков, оберегавших их обладателей в повседневной жизни. Какая-то часть терракот могла представлять популярных героев, быть детскими игрушками. Среди этой категории статуэток наиболее многочисленными были всадники с поднятой на плечо булавой.

В отличие от прочих районов долины Зеравшана в Бухарском оазисе в IV–V вв. (?) изготавливались фигурки женского божества в короне мюралис с человеческими фигурками в ее зубцах. Круглое лицо при всей стилизации тонко смоделировано и обрамлено кольцами круглых буклей. Быть может, так представлена богиня – покровительница города.

О сюжетах в искусстве мелких форм дают представление отдельные находки.

На фрагменте сосуда из Ссталака красной ангобной краской сделан рисунок, напоминающий сильно стилизованный переносный жертвенник с языками пламени на нем.

Возле гончарной печи Еркургана найдена керамическая плитка, покрытая оттисками двух штампов. Оттиск сравнительно крупного штампа, занимающего большую часть плитки с округлым верхним и прямым нижним краями, представляет длиннорогого козлика с повязкой на шею, "развешивающейся" застрихованным треугольником за спиной. Остальная часть плитки и частично поле уже оттиснутого штампа заняты девятью оттисками маленьких круглых печаток с изображением зайца (*Кобальт*, 1961. С.120–122. Рис. 17). Так же как и изображения козликов, схематизирован рисунок павлина на оттиске штампа.

В иной пластичной манере представлены животные на оттиске штампа на глинном грузиле из Шортеле и на пронизке с двусторонним изображением кошачьего хищника и коня.

Гравировкой на костяной пластинке изображен правящий на колене стреляющий лучник с колчаном за поясом.

Монеты раннесредневековой Средней Азии

Монеты раннесредневекового периода пока исследованы для разных областей Средней Азии с неодинаковой полнотой, отчетливая зависимость от того, насколько подробно те или иные области изучены археологически. Конкретный нумизматический материал будет рассмотрен поэтому раздельно — по нумизматическим “пронизиям”, которые, как правило, совпадают с историко-географическими единицами разного ранга, выделяемыми по данным письменных источников. Премущественное внимание при этом будет уделено вопросам, которые плохо освещены в литературе, остаются нерешенными или спорными (особенно когда ответы на них заключены в археологических материалах); твердо установленные нумизматические факты, имеющие надежно обоснованную интерпретацию, рассматриваются менее подробно — с отсылкой к соответствующим публикациям.

Сводной работы, посвященной монетному делу и денежному обращению раннесредневековой Средней Азии, не существует, хотя накопленные по каждой из областей материалы весьма обширны количественно и достаточно представительны в том, как они отражают состояние денежного хозяйства и процессы, в нем происходящие (*Динидонич, Зейдмань*, 1980, с. 70–80).

Начало раннесредневекового периода в денежном обращении Средней Азии, несколько не совпадая с принятыми для этого хронологическими рамками, относится в целом ко второй половине V–VI в. (для отдельных областей возможны некоторые отклонения от этих дат, обусловленные главным образом неравномерностью социально-экономического развития). Заканчивается период, когда полностью прекращается чеканка (а затем и обращение) раннесредневековых монет местного образца. Происходит это примерно в середине VIII в. (несколько позднее — в Хорезме; Уструшане и, видимо, в Чаче), когда Средняя Азия оказывается включенной (хотя и со своей спецификой и отклонениями) в финансово-экономическую систему Ближневосточного региона. Завоевание арабами Средней Азии в первой четверти VIII в. принесло перемены прежде всего в политическую и социальную жизнь, но, создав условия для широкого проникновения сюда монет Омейядского халифата, не сопровождалось немедленным нарушением традиций местного монетного дела и денежного обращения, его отмены. 20–60-е годы VIII в. — период существования на среднеазиатском рынке в обращении монет местной чеканки, с одной стороны, и — с другой, арабских дирхемов и фельсюв, завершившихся полным прекращением чеканки монет домусульманского образца (кроме так называемых черных дирхемов — гитрифи и др.) и их исчезновением из обращения.

Для денежного обращения предшествующего периода — древнего — в большинстве областей Средней Азии было характерно преобладание “парварских подражаний” и возникших на их основе местных чеканок (*Зейдмань*, Е. 1975, 1978, 1983, 1985), как медных, так и сереб-

ряных, стоимостное содержание которых определялось не количеством заключенного в них металла, а установленными для них правилами обращения, “курсом”. Такие монеты не отличаются в принципе от монетных знаков, т.е. не являются деньгами в политикоэкономическом значении этого термина, а ареал, в котором они имеют хождение, строго ограничен той территорией, в пределах которой действует, сохраняет силу установленный для них “курс”. С чем соотносено стоимостное содержание таких монетных знаков, чем оно обеспечивается, кроме авторитета властей, мы, как правило, не знаем.

Денежное обращение раннесредневекового периода в Средней Азии строится на принципиально иной основе: в качестве денег во всех (или почти во всех) областях выступают серебряные монеты (всюду, кроме Хорезма, это сасанидские драхмы или подражания им), а в качестве монетных знаков, не имеющих сами по себе стоимостного содержания и соотносивших по стоимости с серебряными монетами-денегами, — медные монетные знаки локальной чеканки. Право на выпуск собственной медной монеты могли иметь не только большие области (Бухарский Согд, Самаркандский Согд, Чач и др.), но и менее крупные политико-административные единицы внутри таких областей, как например, Панч-Пенджикент в Самаркандском Согде, Пайкенд в Бухарском Согде и др. Для раннесредневековых медных монет также характерно обращение преимущественно в границах тех территориальных подразделений, где осуществлялась их чеканка, но при этом — в более широких масштабах, чем на протяжении древнего периода, — происходила и их диффузия за пределы основных ареалов.

Видимо, нет необходимости напоминать о том, что монетные находки из раскопок раннесредневековых среднеазиатских памятников широко используются (наряду с керамической, металлическими изделиями, строительными остатками и другими категориями археологических материалов) для датировки слоев, помещений, ремонтов, а также поселений, замков, городищ и т.п. в целом. Однако многие нумизматические группы имеют пока слишком широкие и неопределенные даты, для уточнения, сужения которых решающее значение могут иметь археологические данные (стратиграфические наблюдения за распределением монет по слоям, за их взаимновременностью). Так, разработанная для городища раннесредневекового Пенджикента дробная стратиграфическая колонка позволила существенно уточнить датировку целого ряда монетных серий (*Беленицкий, Маршик, Распутин*, 1980; 1984, с. 225–262; 1986, С. 305–313). К сожалению, пока нет других археологических памятников, для которых такая картина последовательности слоев V–VIII вв. была бы разработана столь же тщательно и обосновано, хотя задача датировки монетных выкусов с помощью археологических данных по мере накопления новых нумизматических материалов становится сегодня остроактуальной.

Помимо чисто прикладного – датировочного использования, монетные находки из раскопок, выполняя очень важную связующую роль между “немными” памятниками материальной культуры и историческими свидетельствами письменных источников, часто служат ключом к широкому историческому осмыслению раскопываемых городищ, замков и т.п. (определение их историко-географической и политико-административной принадлежности, сопоставление стратиграфической “судьбы” памятника с известными нам событиями политической истории и т.п.). Надежность и достоверность тако-

го рода заключения во многом зависят от того, насколько строго и объективно используются нумизматические материалы, т.е. от критической оценки монет как источника, например на какие выводы они дают право и на какие не дано; от того, в какой мере учтены общие принципы обращения монет, в частности различия между характером обращения серебра и меди, и специфические особенности данной области и т.п. Именно поэтому оказалось необходимым предостеречь рассмотренные конкретные нумизматические материалы по областям эти общие положения.

Мерв и его округа

Основные районы Туркменистана (кроме расположенных в правобережье Амударьи, в которые в состав Трансоксианы – Мавераннахра, а их исторические судьбы в древности и в раннем средневековье были иными, чем у остальных областей Средней Азии. Общественно-историческими причинами определяются в весьма существенные различия в монетном деле и денежном обращении раннесредневековой Туркмении. Завоеванный Сасанидами еще в III в., при Ардашире I, Мерв стал не только главным оплотом Ирана на востоке и центром инициативного административного округа – марзбанава, но и местом расположения монетного двора Сасанидов, продолжавшего (с некоторыми перерывами) чеканить монеты вплоть до середины VII в. Массовая продукция этого монетного двора (драхмы общесударственного образца и мелкие медные монеты) целиком соответствовали и иконографически и метрологически стандартам, существовавшим в Иране этого времени, что избавляет от необходимости рассматривать здесь эти монеты в деталях: в существующих изданиях по сасанидской нумизматике (Gobl, 1971) отмечены буквенные обозначения, использованные на мервском дворе для маркировки изготовленных там монет. Применительно к монетным находкам, происходящим с территории Туркмении задача хронологической (и шире – исторической) атрибуции, составляющая основные трудности в исследовании раннесредневековых монет остальных областей Средней Азии, решается с помощью хорошо разработанной нумизматика Сасанидского Ирана, позволяющая сосредоточить внимание, во-первых, на тех отличиях от общесударственной чеканки, которые прослеживаются в продукции мервского монетного двора; во-вторых, на особенностях деятельности монетного двора в Мерве (состав чеканившейся там монеты, перерывы в его работе, наблюдения за интенсивностью че-

канки и т.п.); и в-третьих, на составе монеты, находящейся в обращении как в самом Мерве, так и в прилегающих к нему округах.

Как удалось установить С.Д. Логиню и А.Б. Никитину, за периодом интенсивной работы монетного двора в Мерве в первой трети V в. (большая серия драхм второй половины правления Варохрана V (421–439 гг.) и его медные монеты; драхмы первых лет правления Йездгерда II (439–457 гг.)) последовал большой перерыв в его деятельности, связанный со сложными перипетиями ожесточенной борьбы за бывшие владения кушанского царства в Тохаристане между Сасанидами, кидаритами и эфталитами (Логинин, Никитин, 1985, 1988). Для периода 440–510-х годов известны только драхмы Кавада и Валаша с надчеканками на лиц, ст., в которых обозначен монетный двор – Мерв (эти драхмы только известны на других монетных дворах, а в Мерве они только негнелись-надчеканками). Восстановление Сасанидами своих позиций в Мерве происходит лишь в середине правления Кавада I (488–531 гг.); его драхмы чеканятся в Мерве с 22-го года его правления, медные мелкие монеты – с 31-го года. После этого сасанидская чеканка в Мерве имеет регулярный характер: при Хосрове I (531–579 гг.) здесь выпускались драхмы, медные монеты с монограммой Мерва и мелкие медные монеты без легенд; при Хормизде IV (579–590 гг.) – драхмы; при Хосрове II (590–628 гг.) – драхмы и медные монеты без легенд; при Ардашире III (632–651 гг.) – драхмы. Возможно, завершение обработки нумизматических материалов ЮТАКЭ, которые пока остаются неизданными, позволит внести в эту картину деятельности сасанидского двора в Мерве уточнения и дополнения, а также составить (с опорой на стратиграфическое распределение находок) более полное представление о составе монетной массы находившейся здесь в обращении.

Бухарский Согд

Древний период в чеканке этой области, расположенной в нижнем течении р. Зеравшан, заканчивается с прекращением выпуска раннесогдийских монет, следующие изображениям тетрадрахм “Эпимах” – их последней серии. Л. ст. – правитель в тиаре; об. ст. – “Геракл” на вооруженном олене (Зейналл Е., 1978, Табл. II, 12), а также наиболее поздних монет “Тирколы” (Зейналл Е., 1978, Табл. III, 24–25), эпиграфическая параллельность которых по отношению к имариандским монетам следу-

ющим (выпускались до конца V или в начале VI в. – см. о них ниже) позволяет соотносить их и хронологически, относимые к окончанию их выпуска к концу IV–V в.

Две небольшие группы монет, видимо выпускавшиеся одновременно как серебро (Зейналл Е., 1978, Табл. VI, 1, 2) и как медь (Зейналл Е., 1978, Табл. V, 3, 4), явно обнаруживают влияние сасанидской монетной чеканки и в частности, монет сасанидских кушаншахов и должны быть датированы предположительно концом IV–V в.

Наблюдения за стратиграфическим распределением таких монет помогут в будущем уточнить эту датировку, а также определить соотношение этих монет с наиболее поздними монетами "Гиркода".

В Бухарском Согаде были выпущены первые согдийские подражания драхам сасанидского царя Варохрана V (421–439 гг.), вошедшие в литературу как "бухархударские" монеты (Lersch, 1879; Лерх, 1909). Серьезные разногласия среди исследователей вызвал вопрос о том, когда начался выпуск таких подражаний (Смирнова, 1963, С. 39–40, примеч. 119; Давидович, Зеймаль, 1980, С. 75). Те, кто относил наиболее ранние "бухархударские" монеты к V в., опирались только на даты прототипа — драхмы Варохрана V (421–439 гг.), а также на общее, без детального анализа, сопоставление согдийской легенды на "бухархударских" монетах с палеографическими особенностями согдийских "старых писем" (мнение В.Б. Хейнингга; Frye, 1949, С. 26). Датировка начала их чеканки VII в. основывалась (Лерх, 1909; Walker, 1941), на сообщении Нерпахта, что во времена Абу Бахра (632–634 гг.) бухархудар Капа был первым, кто чеканил в Бухаре серебряную монету. Попытка "совместить" эти две точки зрения вынуждала бы признать перерыв в чеканке "бухархударских" монет — перерыв, который не фиксируется ни типологически, ни палеографически, ни археологически (Смирнова, 1963, С. 39).

Существенные уточнения в вопрос о начале чеканки "бухархударских" серий можно внести, опираясь на то, что прототипом для "бухархударских" монет послужили не драхмы Варохрана V вообще, а те из них, которые чеканились на мерском монетном дворе, в непосредственной близости к Бухаре, в последние годы правления Варохрана V, когда, по наблюдениям С.Д. Липанова и А.Б. Никитина, в Мерве выпускались примерно половина всех драхм, чеканившихся в Сасанидском государстве. Когда в действительности мерского монетного двора наступил перерыв (от 40-х годов V в. до второго десятилетия VI в.), в Бухарский оазис из Мервы могли привозить в массовых количествах только драхмы Варохрана V; другой серебряной монетой там в это время просто не чеканилось, а драхам Варохрана V было выпущено много, и они еще продолжали находиться в обращении. Если Мерв после 80-х годов V в. оказался во власти эфталтов, там могли выпускаться серебряные монеты по образцу драхм Варохрана V с искаженной легендой пехлеви или с полностью нечитаемой имитацией такой легенды (Табл. 118, 3). Но прототипами для бухарских подражаний стали не они; ранние серии бухарских подражаний более точно передают пехлевийскую легенду прототипа. Однако подражания драхам Варохрана эфталтского времени (как и драхмы самого Варохрана V) поступали в Бухарский оазис: об этом говорят экземпляры, находившиеся в Бухаре характерным знаком-тамой (Табл. 118, 4), который широко представлен также на медных монетах Бухарского Согада — уже в качестве самостоятельного элемента монетного типа. Таким образом, нет оснований непосредственно приближать начало выпуска "бухархударских" монет ко времени правления Варохрана V: их могли начать чеканить и во второй половине V в., и в начале VI в., и

позднее. Возможно, возобновление интенсивной сасанидской чеканки в Мерве при Каваде I (второе десятилетие VI в.) сопровождалось — в результате официального запрета или стихийного рыночного предпочтения — вытеснением драхм Варохрана V, если они были несплошными, а также всех видов подражаний им из обращения в Мервском оазисе. Если поток мерских драхм, устремившихся в Бухару, вызван этой причиной, выпуск "бухархударских" монет должен был начаться лишь после второго десятилетия VI в.

Относительно хронологии бухарских эмиссий по образцу драхм Варохрана V пока детально не разработана. В качестве наиболее ранних уверенно выделяются серии с нечитаемой архаичной легендой в бухарским знаком-тамой (Табл. 118, 4). К ним и типологически и хронологически примыкают серии с такой же тамой, но с согдийской легендой (Табл. 118, 5). Типологическое мнение последующих выпусков осложняется тем, что эти монеты в целом обнаруживают необычную для среднеазиатских монет устойчивость типов — и иконографическую, и палеографическую, хотя для типа об.ст. прослеживается вполне очевидная схематизация изображения (Табл. 118, 6–8). Пока отсутствуют и надежные археолого-стратиграфические данные не только для выделения самых ранних серий, но и для определения последовательности чеканки "бухархударских" монет на всем протяжении их выпуска. Задача выделения contemporaneous эмиссий "бухархударских" монет осложняется еще и тем, что со второй половины VII — начала VIII в. такие монеты выпускались не только в Бухарском Согаде, но и в других центрах, в частности в Самаркандском Согаде (Зеймаль, 1985, С. 254, № 638 — с именем согдийского царя Тургара, 40-е годы VII в.). Детальный типологический анализ позволил А.А. Давидович выделить серии "бухархударского" круга двух центров — Самарканд и Чага-Илака (Давидович, 1979, С. 106, 115).

Собственно "бухархударские" монеты с согдийской легендой пока остаются неразработанной темой. Их детальная хронологическая систематизация может иметь в археологической практике только самые широкие датировки — от VI (или конца V) до середины VIII в. С середины VIII в., при сохранении общего иконографического облика, на этих монетах появляются арабские легенды (Табл. 118, 12–14), заметно уменьшается содержание в них серебра, что превращает их в "черные дирхемы", уже недолго принадлежавшие (несмотря на "домусулманский" облик) к периоду раннего средневековья: их выпуск продолжался до XII — начала XIII в.

Бухарские драхмы VI — середины VIII в., следующие типам Варохрана V, и были теми серебряными монетами, с которыми в денежном обращении были соотносены многочисленные и весьма разнообразные медные монеты, выпускавшиеся в разных центрах Бухарского Согада. Видимо, общеоазиатский характер имели медные скифатные бухарские монеты с изображением на об.ст. алтара (Табл. 119, 3–10). Предлагаемая для них датировка III–IV вв. (Яков, 1947, С. 218; Шинкин, 1963, С. 60; Смирнова, 1963, С. 36) представляется теперь, как и датировка "бухархударских" монет V в., неоправданно удревненной (Зеймаль, 1978, С.

210). Более соответствует накопленным в настоящее время данным предположение, что бухарские медные монеты с алтарем выпускались параллельно с серебряными "бухархудатскими" драхмами (с момента начала их чеканки и, видимо, до второй четверти или середины VII в.) в качестве разменной монеты. Один из важных способов проверки этого предположения – накопление данных о стратиграфическом распределении бухарских медных монет с алтарем. Пока такой информации явно мало, так как, хотя раннесредневековые слои раскапывались в разных пунктах Бухарского оазиса (Бухара, Варакша, Пайкенд и др.), ни один из памятников ни по размерам вскрытых площадей, ни по количеству хорошо стратифицированных материалов (в том числе и нумизматических) нельзя допустить, например, с городищем раннесредневекового Пенджикента.

Предполагается, что медные бухарские монеты с алтарем выпускались в VI – второй четверти VII в. параллельно с "бухархудатским" серебром, находящимся в противоречии с точкой зрения Алаута де ла Фюй (Fuey, 1926, С. 144–145), согласно которой они были посеребренными. Однако мнение это остается неподтвержденным: ни одного достоверного примера покрытия серебром медных бухарских монет с алтарем не зарегистрировано.

Литые медные монеты с отверстием в центре по образцу китайские, видимо, начали выпускаться в каком-то из центров Бухарского Согда (как и Самаркандского) не ранее второй четверти VII в. (Табл. 119, 15–17). Образцом для них, так же как это было в Самаркандском Согде и в Северном Тохаристане, послужили раннеазиатские выпуски с легендой "кай юань, тун бао" (перволифы прототипа воспроизведены на одной из сторон). О месте их изготовления свидетельствует "бухарский" знак на об. ст. – такой же, как в надчеканках на "бухархудатских" драхмах и на об. ст. некоторых медных монет, но согдийской легенды на бухарских медных монетах китайского образца нет (Смирнова, 1981, С. 316–318). Их принадлежность к эмитентам Бухарского Согда документирована находками на Варакше (Урианова, 1956, С. 132 в др.), в Пайкенде и на других памятниках области.

Другая группа монет китайского образца, также отнесенная к Бухарскому Согду, пока известна только по находкам в Пенджикенте, что позволяет не считать окончательно установленной предположенную для нее локализацию (Смирнова, 1981, С. 318–323).

Выпускались монеты китайского образца (с квадратным отверстием) и в других центрах Бухарского Согда, в частности в Пайкенде (Табл. 119, 18, 19). Видно, и бухарские, и провинциальные выпуски таких монет осуществлялись примерно в одно время, в третьей четверти VII в., с возможными отклонениями в датах в ту или другую сторону, их выпуск в Бухарском Согде продолжался не так долго, как, например, в Северном Тохаристане или в Самаркандском Согде.

К последней четверти VII – началу VIII в. могут быть отнесены монеты Бухарского Согда с изображением на л. ст. верблюда, а на об. ст. – алтара огня (Табл. 119, 20–24) или согдийской легенды (Табл. 119, 25).

Попытки датировать эти монеты вне общего нумизматического и археологического контекста – по аналогиям изображением жертвенника (Шишкин, 1963, С. 67) – дали неоправданно раннюю дату (III – начало IV в.). В "Сводном каталоге согдийских монет" О.И. Смирнова эти серии монет и их датировку специально не рассматривает. Они оказались не включенными в каталожную часть (Смирнова, 1981, С. 28–30). Кроме монет с согдийской легендой в качестве основного элемента типа об. ст. (Смирнова, 1981, С. 312–313) и монет с изображением квадратного отверстия на об. ст. и легендой, по О.И. Смирновой, с именем Фарихаба (Смирнова, 1981, С. 314–315), которые помещены в раздел ранних монет Западного Согда и предшествуют бухарским монетам китайского образца с легендой "кай юань, тун бао" на л. ст. и бухарским знаком на об. ст. (Табл. 119, 15–17). Более определено, вслед за В.А. Шишкиным и О.И. Смирновой, датировку эту группу монет А. Мусакаева (IV–V в.), но развернутого обоснования своей точки зрения она не приводит (Мусакаев, 1985, С. 82). Археолого-стратиграфические данные скорее свидетельствуют в пользу датировки монет с верблюдом последней четвертью VII – началом VIII в., но в целом хронологическая атрибуция этих серий не может считаться окончательно установленной. Решающим аргументом могут стать новые сведения о распределении монет с верблюдом по слоям, имеющим независимые даты.

Локальные эмитенты, выпускавшие различными провинциальными центрами Бухарского Согда, известные пока много хуже, чем общеоазисная чеканка. Так, уже отмечались монеты китайского образца, отлившиеся в Пайкенде (табл. 119, 18, 19). Возобновившиеся с 1982 г. регулярные раскопки в Пайкенде дают и другие серии монет местной чеканки, однако, как правило, это экземпляры плохой сохранности, остающиеся неопубликованными.

Особо следует отметить серии небольших медных монет со схематичным изображением человеческой фигуры на л. ст. (по О.И. Смирновой, "рулообразный знак") и с арабской легендой на об. ст. (Смирнова, 1981, С. 418–419. № 1671–1675), отнесенных О.И. Смирновой предположительно к Пайкенду. Их выпуск, видимо, начался после 20-х годов VIII в. На одной из серий в арабской легенде на об. ст. обозначено соотношение этих медных монет по отношению к серебряным дирхамам – "120 в дирхеме" (Смирнова, 1981, С. 419). Сходные по назначению ("60 в дирхеме") легенды зафиксированы и на других среднеазиатских медных монетах VIII в., место чеканки которых остается неустановленным (Смирнова, 1981, С. 420–421), подтверждая, что стоимостное содержание медных монетных знаков устанавливалось по отношению к серебряным деньгам (в данном случае к дирхамам), а медь в раннесредневековой Средней Азии не выступала, как полагала О.И. Смирнова, "равнее с серебром и роли всеобщего эквивалента – внутреннего валютного металла" (Смирнова, 1981, С. 66–68). Если бы стоимостное содержание медных монет определялось количеством помещенного на их изготовлении металла (т. е. по весу), в обозначении "120 в дирхеме", "60 в дирхеме" и т. п. не было бы необходимости.

Северный Тохаристан

Начало раннесредневекового периода в денежном обращении Северного Тохаристана (южные районы Таджикистана и Узбекистана), как и Бухарского Согда, связано с широким распространением здесь серебряных монет сасанидского образца в сочетании с медными монетными знаками, имевшими более ограниченные, локальные ареалы.

Денежное обращение Северного Тохаристана на протяжении древнего периода испытало на себе значительное влияние кушанской монетной системы (золотые монеты достоинством в 2 динара, 1 динар и 1/4 динара и медные "тетрадрахмы" и "драхмы"), но к концу IV в. здесь образовался, немногочисленные медные кушанские монеты и в большом количестве подражания им (Зеймаль, 1983, С. 141–256). Кратковременным (последняя четверть IV – начало V в.) был период массовой провинциализации в правобережье Амударьи (особенно в районах, непосредственно прилегающие к реке) монет сасанидских кушаншахов, временно оккупировавших эту территорию (Зеймаль, 1983, С. 257–268). Массовое провинциализация в Северной Тохаристан монет сасанидских кушаншахов – это как бы переходный этап от древнего к раннесредневековому денежному обращению.

Появление в широких масштабах серебряных монет сасанидского образца в Северной Тохаристан начинается в V в. и связано с ожесточенной борьбой между Сасанидским Ираном и эфталтским племенным объединением за господство на землях бывшего кушанского царства в Тохаристане. Географическая арена этой борьбы, как теперь удалось установить, лежала к югу от Амударьи (Маршак, 1971), но отодолась ее, несомненно, доходя до Северного Тохаристана, а победа эфталтов и потеря Сасанидами всех своих владений на востоке оказала решающее воздействие на исторические судьбы правобережья Амударьи. После того как сасанидский царь Пероз (459–484 гг.) оказался в 60-е годы V в. в плену у эфталтов, Иран в качестве выкупа за него был вынужден выплатить огромную сумму (в серебряных драхмах). Сведения историков об этом, иногда имеющие легендарную окраску и являе неточности в описании событий, в полной мере подтверждают многочисленными находками драхм Пероза, в том числе и в Северном Тохаристане (Зеймаль, 1985, С. 255, № 642, 643), где они (а затем подражания им) явно преобладают по сравнению с другими сасанидскими монетами. Таким образом, 60–70-е годы V в. – это время массового провинциализации в Северной Тохаристан сасанидского серебра (драхм Пероза), а сложение раннесредневекового денежного обращения здесь происходит несколько позднее – в последние четверти V – начала VI в., т.е. примерно в то же время (или несколько раньше), что и сложение раннесредневекового денежного обращения в Бухарском Согде (с участием подражаний драхмам Вархсрава V). Однако в Северном Тохаристане выпуск серебряной монеты сасанидского образца осуществлялся не в виде единовременной серии местного образца (вроде "бухархудакских эмиссий"), а в виде подражаний драхмам Пероза (а затем, видимо, и драхмам других сасанидских царей). Пока нет полной уверенности, что все многочисленные подражания сасанидским драхмам, обнаруженные в Северном

Тохаристане, выпускались здесь же: какая-то их часть могла быть отчеканена и к югу от Амударьи. Но в отличие от "вархсравских подражаний" арсенал периода, все раннесредневековые подражания сасанидским драхмам изготовлялись из полированного серебра, определявшего их стоимостное содержание.

Большинство подражаний драхмам Пероза, найденных в южных районах Таджикистана и Узбекистана, отмечено специальными надчеканками, которые можно подразделить на три группы: 1) надчеканки, содержащие легенды бактрийским курским письмом (Зеймаль, 1985, С. 255, № 644–646); 2) надчеканки, содержащие легенды согдийским письмом с обозначениями имен, титулов и в одном случае (засвидетельствован более чем в 400 экз. с указанием места или политической принадлежности надчеканки – "тохарский") (Зеймаль, 1985, С. 256, № 649); 3) надчеканки с изображениями людей, животных, геометрических фигур, орнаментальных элементов и т.п. (Там же, № 649а–649а). На некоторых экземплярах встречается по два, три или четыре разных надчеканки, в расположении которых (если повторение одинаковых надчеканок засвидетельствовано достаточно представительной выборкой монет) прослеживается упорядоченность, система.

Приток сасанидских драхм в Северный Тохаристан нельзя, конечно, связывать только с одним историческим эпизодом – выплотом выкупа за Пероза. Характерный по составу ленточный клад найден на территории г. Душанбе (Зейбалина, 1953; Давидович, 1979, С. 61). Притоки в правобережье Амударьи (хотя и в меньшем количестве) драхмы Вархсрава V, Валаша, Хосрова I, Хоризда IV и Хосрова II, т.е. подписание сасанидского серебра в обращении происходило (хотя и с перерывами) и в VI, и в VII, и в VIII вв.

Местные (тохаристанские) подражания монетам сасанидских царей известны только для драхм Пероза и драхм Хосрова I. Подражания драхмам Хосрова I, встречающиеся в южных районах Таджикистана редко (Зеймаль, 1985, С. 256, № 650), представлены большим числом экземпляров с разными надчеканками в долине Сурхандарьи (Пугаченкова, 1981). Затем, на их основе, здесь возникла собственная монетная чеканка чатинхудов – правителей Чаганиана (северо-восточная часть Тохаристана), относящаяся ко второй половине VII – первой четверти VIII в. (Ртвеладзе, 1987, С. 124).

Серебряная монета сасанидского образца сейчас представлена в находках из южных районов Таджикистана и Узбекистана главным образом представительной (и не только в количественном отношении) выборкой, чем в долине Зеравшана (Вархсарский и Самаркандский Согд). Так, в четырехкладах с городища Бударч (среднее течение Сурхандарьи), дошедших до нас не полностью, около 1400 монет (Ртвеладзе, 1987, С. 120); в кладе с городища Чоргультепе (в северной части Вахшия долины, близ Арджантепе) было более 400 драхм (Давидович, Зеймаль, 1980, С. 80, Примеч. 23; Зеймаль, 1985, С. 256). Единичные находки тохаристанских подражаний сасанидским драхмам засвидетельствованы на многих памятниках в южных районах Узбекистана: Ахтене, Бударч, Дальвертинтепе, Тураханбайтепе, Савринджонтпе, Ку-

дьятепе, Баладактепе, Зингтепе, Кулдушахтепе, Катта-тепе, Шуроб-Курган, Каратепе, городище Старого Термеза и др. (*Ртисладе*, 1987, С. 120) и Таджикистана: Алжигатепе, раннесредневековое поселение близ Нурска, окрестности Гиссарской крепости, Душанбинское городище и др., в том числе и в раскопке с хорошо датированными слоями – Аджигатепе, Кафыркала близ Козлохабада и др. Столь обширные материалы позволяют во многом конкретизировать прежние представления об особенностях обращения серебра в Северном Тохаристане в раннесредневековый период.

Наблюдения за территориальным распределением серебряных монет, и в первую очередь местных подражаний сасанидским драхам, позволяют сделать вывод, что и в этой сфере обращения существовали обособленные ареалы, в которых обращались преимущественно строго определенных серий монет. В западной части Северного Тохаристана (Чаганиан) Э.В. Ртисладе выявил явное преобладание подражаний драхам сасанидского царя Хосрова I (531–579 гг.), а драхмы этого царя, чеканенные в Иране, поступали в Чаганиан в 40–70-е годы VI в. с равномерной регулярностью (*Ртисладе*, 1987, С. 122), тогда как подражания драхам Пероза в Чаганиане встречаются редко. В другой области Северного Тохаристана – Хуттале (или его южной части – владении Вахи) можно констатировать массовые находки подражаний драхам Пероза (с согдийской легендой в надчекане “тохарский”), а подражания драхам Хосрова I здесь почти неизвестны. Точно провести границу между этими двумя ареалами пока трудно: в могильнике близ Гиссарской крепости найдено подражание драхам Хосрова I (*Зейланд*, 1985, С. 256, № 630); к востоку от г. Душанбе найдены тохаристанские подражания драхам Пероза; возможно, граница между ареалами пролегла где-то в Гиссарской долине.

Выделение “чаганианского” и “вахического” ареалов требует комментариев с точки зрения особенностей обращения местных подражаний сасанидским драхам. Эти подражания (по сравнению с прототипами) пониженного веса: в кладе из Моргултепе подавляющее большинство подражаний драхам Пероза с надчеканом “тохарский” имеют вес от 1,7 до 2,1 г; для “чаганианских подражаний драхам Хосрова I Э.В. Ртисладе называет несколько более высокий вес – 2,4–2,5 г. (*Ртисладе*, 1987, С. 124), при весе собственно сасанидских драм того же Хосрова I свыше 3,5 г. Учитывая, что затмученные мины обращены для каких-то групп монет возникают, когда стоимостное содержание монеты (в данном случае – количество серебра, пошедшее на ее изготовление) оказывается ниже установленного “курса”, можно предположить, что обращение тохаристанских подражаний сасанидским драхам осуществлялось, и в “чаганианском” ареале, и в “вахическом” на штежи, без проверки веса монеты, как если бы каждое такое подражание было полновесной драхмой, а за пределами той территории, для которой каждая группа подражаний была предназначена, такая пониженного веса “прома” значительно обесценивалась, так как ее стоимость уже определяло только количество серебра в монете. В связи с этим полученное объяснение в многочисленных надчеканках, которыми удостоверилось право монеты на хождение по определенному “курсу” в определенных территориальных

границах. Видимо, контуры монетного ареала должны были совпадать с границами юрисдикции тех властей, которые выпускали такие монеты и метили их надчеканками, т.е. с границами политико-административных единиц (владений), существовавших в раннесредневековый период в Северном Тохаристане и эксплуатировавших право монетной чеканки. И чаганианские, и вахские подражания содержат примерно одинаковое количество серебра. Вахские подражания драхам Пероза несколько ниже по весу, но в чаганианских подражаниях драхам Хосрова I больше примесей меди, свинца и свинца (*Ртисладе*, 1987, С. 124). Однако свободного хождения их в “чужом” ареале мы не наблюдаем. Неполучение на свой рынок “чужих” монет (при примерно одинаковом содержании серебра и в них и в “своих”), видимо, определялось не только политическими, престижными и тому подобными внешнеэкономическими соображениями; их присутствие в сфере обращения представляло бы серьезную экономическую угрозу: ограничение возможностей для выпуска своей непопулярной монеты и извлечения из этого прямой выгоды.

Такой подход к интерпретации данных о территориальном распределении разных групп подражаний сасанидским драхам в Северном Тохаристане может быть использован и при осмыслении собственно археологических материалов, так как письменными источниками, необходимыми для этого, мы не располагаем.

Но вопрос о распространении здесь подражаний сасанидским серебряным монетам имеет и другой аспект – хронологический. Существование чаганианских и вахских серий подражаний фиксируется не ранее 80-х годов VI в. Со второй половины VII в. подражания драхам Хосрова I сменяются в денежном обращении Чаганиана местной чеканкой, вырастающей из этих подражаний драм (такие пониженного веса) аганхуадов (*Ртисладе*, 1987, С. 123), местной династии правителей, просуществовавшей до последней четверти VIII в., – аганхуафов монет и монет с курьезной легендой бахтрийским письмом (*Ртисладе*, 1987, Табл. 22, 23). Видимо, вахские подражания драхам Пероза (с согдийской легендой “тохарский” и надчекане) хронологически параллельны этим чаганианским выпускам и продолжали чеканиться и оставаться в обращении вплоть до середины VIII в. (совместная находка на Аджигатепе с дирхамом 750/751 г.).

К сожалению, надежных критериев для разработки относительно и в абсолютной хронологии более ранних эмиссий сасанидского образца в Северном Тохаристане, и в первую очередь местных подражаний драхам Пероза, пока невозможно предложить. А находки монет из раскопок оставляют слишком большой простор для чисто умозрительных заключений о датах (*Ванниберг, Раевский*, 1982, С. 66–68 и др.). Даже в фундаментальном исследовании Р. Гейлм, посвященном монетам “иранских хуннов” и углубляющее исторические зарубежные собрания монет Эфратского круга, новые монетные материалы из Северного Тохаристана позволяют внести существенные дополнения и уточнения. Так, вахским группам подражаний Перозу, фигурирующая в этом труде как эмиссия 290, отнесена Р. Гейлм к “хуннским” выпускам в Инаш (Раджпутана) второй половины VIII в. (*Göbl*, 1967, Bd. I, S. 200; Bd. II, S. 51; Bd. III, Taf. 80), а согдий-

скую легенду в надчекане он рассматривает как нечитаемую испорченную легенду пехлеви (*Gobl*, 1967, Bd. II, S. 161; KM 89; Bd. IV, Taf. 9). Еще сложнее датировать многочисленные надчеканы, которые встречаются как на подлинных сасанидских драхмах, так и на подраженных им, так как они могут наноситься на монету не только вскоре после ее выпуска, но и значительно позднее (ср.: *Prinselade*, 1987, С. 121 и сл.). До появления полной публикации всех накопленных к настоящему времени монетных находок из Северного Тохаристана и новых экземпляров с термами археолого-стратиграфическими данными на разработку надежной хронологии этих эмиссий, видимо, не придется рассчитывать, а датировать слон с помощью только таких монет следует с большой осторожностью и вынужденно широко.

Предположительно, до появления новых данных, можно представить, что во второй половине V и первой половине VI в. в Северном Тохаристане обращались (наряду с собственно сасанидскими монетами) подражания драхмам Пероза, а обособление "тагичанского" и "вахжского" ареалов, как и значительное падение веса подражений местной чеканки, происходит, как справедливо отметил Э.В. Ртвеладзе, не ранее второй половины VII в. Независимо от того, был ли Чаганиан завоеван Хосровом I или, исходящим условием для такого обособления монетных ареалов должно было стать вхождение этих территорий в состав разных политико-административных единиц (владение Чаганиан в владение Вахи).

Общая картина обращения медных монет в ранне-средневековом Северном Тохаристане пока известна далеко не полно, но принципиальная схема была такой же, как в других областях Средней Азии: медные монеты, выпускавшиеся в качестве монетных знаков, были соотношены с серебряной монетой данного владения, но внутри такого владения, как, например, Вахи, могли, видимо, существовать несколько центров более низкого административного ранга, каждый из которых изготавливал свою медную монету для своей непосредственной округы (внутри владения с единой серебряной монетой местной чеканки могло существовать несколько самостоятельных ареалов со своей медной монетой в каждом).

На данном этапе изучения наибольшее трудности вызывает выделение медных монет второй половины V-VI в. и их ареалов. Предположительно может быть выделена эмиссия Кобаддана этого времени (Табл. 121, 8), но она пока известна лишь по трем экземплярам. Два из них найдены на поверхности тергодина Тахти-Кобад, третий — из коллекции Е.А. Пахомова — бесспорный. Но не исключено, что эти монеты проникли сюда с левобережья Амударьи. Правда, сведений об их находках на территории Северного Афганистана тоже нет (*Зеймаль*, 1978, С. 205, Табл. V, 18).

Более определенно выделяются монеты Термеза: сфинкаты, анзиграфные, с изображением на л. ст. правителя в три четверти, а на об. ст. акоробразной тамги (Табл. 121, 1-4). Более тридцати таких монет найдено на Каратепе, Фаязтепе, в развалинах Кургана на городище Старого Термеза и на Чинизтепе (расстояние между этими памятниками составляет не более 1,5-2 км).

Дополнительную информацию о находках монет этой группы приводит Э.В. Ртвеладзе, упоминая об одном экземпляре с гордичной Шуроб-Курган и о таких же монетах "за некоторыми памятниками низовья Шерабадария" (*Prinselade*, 1987, С. 126). Предложенная для этой группы монет датировка концом V-VII в. (*Лавинский, Зеймаль*, 1980, С. 73) не была принята Б.И. Вайнбергом. Она датирует их "от второй половины IV в. и, вероятно, до конца V в." (*Вайнберг, Реассан*, 1982, С. 66). По мнению Э.В. Ртвеладзе, "вышнюю дату их выпуска следует отнести к началу V в., а период их обращения продлить на весь VII и даже первую половину VIII в." (*Prinselade*, 1987, С. 126), т.е. хронологические рамки для термезского локального чекана должны составить около 350 лет. Стратиграфические данные Каратепе, Фаязтепе и Кургана на городище Старого Термеза не содержат каких-либо указаний на принадлежность этих монет к первой половине V в., а в качестве аргумента в пользу распространения датировки этой нумизматической группы на VII — первую половину VIII в. названа только совместная находка одной такой монеты вместе "с вариантом подражания Перозу, датировавшихся концом VI — первой половиной VIII в.", т.е. предлагаемая для термезского локального чекана дата "омоложивается" путем приплюсовывания к VI в. еще полутора столетий. Уже отмечалось, что для некоторых серий подражаний драхмам Пероза остаются принятыми вынужденно широкие даты, использовать которые необходимо с большой осторожностью. Не считая датировку термезских анзиграфных монет концом V — началом VII в. окончательно установленной и вполне допускающей возможные поправки к ней и в ту и в другую сторону, необходимо отметить, что для этого нужны более веские основания, чем только что разобранные: три с половиной века на существование этой небольшой количественно серии монет "отсутствует" невозможно.

Еще две группы медных ранне-средневековых монет могут быть локализованы в западной части Северного Тохаристана (без уточнения центра, в котором осуществлялся их чеканка). Одна из них (л.ст. — правитель в заостренном кулаке в фас, по обеим сторонам от головы S-образные знаки) известна пока только по двум экземплярам (Дальверзин и Халчаюн) и отнесена была сперва к числу "тюрко-согодийских" монет VI-VIII вв. (*Пулаченко*, 1966, С. 123, Рис. 78а, № 4, 5); а затем к V — началу VII в. (*Prinselade*, 1987, С. 124). Вторая группа монет — с парным портретом на л.ст., на об.ст. или ромбовидная тамга, или ромбовидная тамга в сочетании с бактрийской курсивной легендой (Табл. 121, 6, 7) — известна по находкам на много памятниках в долине Сурхандарьи (Халчаюн — *Пулаченко*, 1966, С. 123, Рис. 78; Яклибайтепе — Альбулак, 1962, С. 58; городище Бударк — *Пулаченко*, 1981, С. 254; Кулятепе, Турахабайтепе, Саяриджомтепе, могильник Биттепе — *Ртвеладзе*, 1980, С. 55-56; *Prinselade*, 1987, С. 124-125, Табл. 121, 24, 25, 28, 29; *Prinselade*, 1987а, С. 218) и, видимо, синхронна тагичанским подражаниям драхмам Хосрова I. Такая же, как на об.ст. этих медных монет, ромбовидная тамга встречается в виде надчекана на подражаниях драхмам Хосрова I. Начало ее выпуска предложено относить к

концу VI – началу VII в., пребывание в обращении вплоть до второй половины VIII в. (*Ринеладзе*, 1987. С. 125).

Кроме перечисленных групп, сейчас известны находки и других раннесредневековых медных монет из долины Сурхандарьи и окрестностей Термеза, но пока они или представлены единичными экземплярами (Табл. 121, 5), или имеют плохую сохранность, что затрудняет их локализацию и датировку. Общее количество раннесредневековых монет, происходящих из западной (узбекстанской) части Северного Тохаристана, не превышает сотни, но делать, исходя из этого, далеко идущие выводы о состоянии денежного обращения, об уровне развития товарно-денежных отношений и т.п. нет оснований: слов V–VIII вв., видимо, раскапывались здесь в сравнительно небольших масштабах, а накопленный нумизматический материал не отражает в полной мере местное монетное дело и денежное хозяйство раннесредневекового периода.

В такой же степени это справедливо и для Гиссарской долины (Таджикистан): пока неизвестно, какая раннесредневековая медная монета здесь обращалась.

В долине Кафирнигана (Кафирниганкала, Мунчактеп) и в особенности в Вахской долине медные раннесредневековые монеты не числятся сейчас сотнями (Аджинатепе, Кафыркала близ Колхозабада и др.). В обращении здесь преобладали литые медные монеты с отверстием в центре (китайского образца), почти неизвестны в западной части Северного Тохаристана. Среди них уверенно выделяются три основные группы: 1) монеты с круглым отверстием и бактрийской курсивной легендой (об.ст., гладкая), видимо связанные с нижним течением Кафирнигана – владением Кобадан (Мунчактеп, городище Тахти-Кобад и др.), но встречающиеся и в Вахской долине – Аджинатепе и др. (Табл. 121, 9–15); 2) монеты с квадратным отверстием и легендой согдийским письмом имеют на ранних выпусках на другой стороне схематичное воспроизведение китайских иероглифов “кай юань тун бао” (с искажениями, – Табл. 121, 14–16), на последующих выпусках при неизменной согдийской легенде на лиц.ст.: об.ст. гладкая (Табл. 121, 17–20); 3) монеты с круглым отверстием и изображением на одной стороне нескольких вариантов тамги (другая сторона гладкая), отражающих последовательные стадии ее схематизации: тамгу составляют ободок вокруг центрального отверстия и отходящие от него отростки (Табл. 121, 21–35); вторая и третья группы могут быть локализованы только широко – во владении Вахи (Кафыркала, городище Лагман, городище Чоргультепе, Аджинатепе и другие археологические памятники).

Исходящая дата для определения начала выпуска монет китайского образца во владении Вахи должна отсчитываться от введения монет “кай юань тун бао” в самом Китае (*Воробей*, 1963) в 621 г. Применительно к Северному Тохаристану, видимо, следует говорить о появлении во владении Вахи местных монет китайского образца с согдийской легендой и с изображением китайских иероглифов, т.е. наиболее ранних выпусков второй группы – после второй четверти VII в. На

сколько позже – определить пока трудно, но, очевидно, в пределах второй половины VII в. В 30–40-е годы VIII в., судя по надежно датированному стратиграфическим комплексам на Аджинатепе (с датами по арабским дирхемам), монеты второй группы (и серии с воспроизведением иероглифов и с гладкой об.ст.) продолжали обращаться, как и монеты первой группы (с бактрийской курсивной легендой) и третьей (анциграфные штампов).

Выпуск монет первой и третьей групп, как и второй, начался также только после второй четверти VII в. Если локализация первой группы в Кобадане, пока предлагаемая отчасти предположительно, получила подтверждение в новых материалах, т.е. различия между первой и второй группой можно будет уверенно связывать с тем, что они предназначались для разных территорий, можно допустить, что первая и вторая группы начали выпускаться примерно в одно время (или первая группа несколько позже второй, с китайскими иероглифами).

Монеты третьей группы количественно явно преобладают в центральной части Левобережья Вахши, где находилась и предполагаемая столица владения Вахи – городище Кафыркала близ Колхозабада. В связи с найденным в окрестностях Колхозабада кладом монет (245 экз.) третьей группы (*Давидович*, 1979. С. 79–84, № 20) В.А. Лившицем было высказано мнение, что изображенные на этих монетах “тамги” “восходят, несомненно, к имитациям четырех иероглифов китайского прототипа и могут рассматриваться как результат схематического и деградировавшего изображения их контуров” (*Давидович*, 1979. С. 80). Время их выпуска ограничено последней четвертью VII – первой четвертью или серединой VIII в. Однако в наиболее ранних выпусках монет третьей группы, где “тамга” еще не подвергалась заметной схематизации (Табл. 121, 21–24), в их контурах невозможно уместить даже отдаленное сходство с расположением китайских иероглифов на монетах второй группы, да и центральное отверстие на монетах второй группы квадратное, а на монетах третьей группы круглое. С этой точки зрения скорее можно говорить о связи монет первой и третьей групп.

Видимо, не исключено, что все три группы вахских монет китайского образца начали выпускаться одновременно, но для определения территориальных различий между ними (например, монеты второй группы в северной части Левобережья Вахши – в районе Курган-Тюбе в Аджинатепе, а монеты третьей группы – в районе Колхозабада) пока нет надежных данных.

В Северном Тохаристане в VI–VIII вв. производили не только серебряные, но и медные монеты соседних областей Средней Азии, заведомо привозные монеты, находки которых не числятся единичными экземплярами. Монеты исходили Самаркандского Согда, монеты владетелей Панча-Пенджаикента зарегистрированы как в западных районах Северного Тохаристана (*Ринеладзе*, 1987. С. 126), так и в восточных (Аджинатепе и др.). Известны и единичные привозные экземпляры медных монет, выпускавшихся к югу от Амударьи.

Самаркандский Согд

Монетное дело и денежное обращение этой области благодаря исследованиям О.И. Смирновой (*Смирнова*, 1952, 1958, 1963, 1981 и др.) составляет сейчас наиболее изученный раздел раннесредневековой нумизматики Средней Азии. Решающую роль в его разработке внесли детальный обзором stratigraphические находки на городских раннесредневековых Пенджикенте, раскопки которого большими площадями продолжают более пятидесяти лет. Общее количество полученных здесь монет из слоя уже превысило 4000 экз., и превышает число раннесредневековых монет из раскопок на всех других памятниках Самаркандского Согда (*Афрасиаб*, *Кафрыкала* под Самаркандом, *Кульдортепе*, *Каламимут* и др.), вместе с ваятых. Наиболее обстоятельно были рассмотрены О.И. Смирновой классификация раннесредневековых монет Самаркандского Согда, их датировка, локализация и историческая атрибуция. Но и в этом разделе среднеазиатской нумизматики многие конкретные вопросы и общие проблемы, связанные с особенностями денежного обращения, еще ожидают своего решения.

Начало раннесредневекового периода в денежном обращении Самаркандского Согда засвидетельствовано выпадением в клаты (талибаркинский — 29 + 7 экз.; афрасиабский — около 1500 экз.; пенджикентский — 26 экз.) раннесогдийских монет с изображением на обст. лунника (*Зеймаль*, 1983, С. 269–276), чеканка которых прекратилась в конце V или в начале VI в. Самые поздние серии монет с лунчиком — это редуцированные до 0,2–0,3 г «драхмы», чеканившиеся из серебра, но обращающиеся, видимо, как денежные знаки, т.е. по принудительному «курсу», намного превышающему стоимость серебра в этих монетах. Для них фиксируется строго очерченный ареал, за пределами которого установленный для этих монет «курс» не действовал, а сами монеты резко обесценивались.

Массовое выпадение монет с лунчиком в клаты в конце V — начале VI в. можно связать с коренными переменами принципов денежного обращения — с переходом от обращения серебряной монеты нового, сасанидского, образца по стоимости заключенного в ней драгоценного металла. Появление таких монет в Самаркандском Согде, как и в Бухарском Согде, Северном Тохаристане и др., — как собственно сасанидских драхм, так и подражаний им — и должно было привести к обесцениванию монет с лунчиком и их таллаузации.

На протяжении VI в. в сфере серебряного обращения главное место занимали, видимо, драхмы сасанидского царя Пероза и подражания им (*Смирнова*, 1963, С. 56–57), но находок таких монет в Самаркандском Согде зарегистрировано сравнительно немного (из раскопок в Пенджикенте около 30 экз.). В VII в. их место занимают восходящие к драхам Варахрана V «бухархуадские» монеты сперва бухарской, а затем и самаркандской чеканки.

Пока остается неясным, какие медные монеты обращались в Самаркандском Согде в VI — первой четверти VII в. В Пенджикенте слой этого времени вскрыты на сравнительно небольшой площади и почти не дали медных монет. Пока эту «лакуну» в денежном обращении

иди в том, что известно о нем (*Давитович*, *Зеймаль*, 1980, С. 73, 78), можно запознать только серией аналитико-графических монет с изображением на ает. правителя в фас, а на обст. V-образного знака-тамги (Табл. 122, 16, 17), в также таплоготических приходящих к ним монетам с согдийскими легендами (*Смирнова*, 1981, С. 88–100). Монеты эти, составляющие не менее четырех разновременных серий, представлены в находках как в Самаркандском Согде, так и за его пределами (Бухарский Сога, Северный Тохаристан, Южный Сога — единичные экземпляры). О.И. Смирнова предположительно отнесла их к Самарканду и датировала от V(7) — VI вв. (наиболее ранние аналитико-графические монеты) до конца VI — первой четверти VII в. (в Пенджикенте они встречаются и в более поздних слоях). Сходство тамги-знака в виде «V» на обст. аналитико-графических монет этой группы (*Смирнова*, 1981, С. 88–92, № 1–25) с таким же знаком на наиболее ранних самаркандских монетах китайского образца — полное (Табл. 122, 17), во на последующих сериях (Там же, № 26–37), у же с согдийской легендой, нижний завиток «ножки» знака повернут не вправо, а влево.

Наиболее полно изучены сейчас монеты Самаркандского Согда китайского образца, выпуск которых начался в пределах второй четверти VII в. и продолжался до середины VIII в. Прототипом для этих литых, с центральным отверстием монет послужили (как в Бухарском Согде и в Северном Тохаристане) танские выпуски с легендой «кай юань тун бао»; эти иероглифы воспроизводились на самых первых согдийских выпусках (*Смирнова*, 1981, С. 101–103, № 43–47). Затем формируется свой облик монеты верхних правителей Самаркандского Согда, носивших титул «ишхид» (на монетах он передавался арамейской гетерограммой MLK): на одной стороне — тамгообразные знаки, как правило не менее двух (Табл. 122, 1–11), на другой — согдийская легенда, содержащая имя и титул царя. Всего О.И. Смирновой для периода от середины VII до 40-х годов VIII в. были выявлены монеты десяти ишхидов (*Смирнова*, 1981, С. 103–227, 308–310) и разработана их абсолютная хронология, так как имена на монетах были соотношены ею с правителями Согда, упоминаемыми в Таншу, в документах с горы Муг, у Табары, Першахи и в других источниках (*Смирнова*, 1981, С. 423–424).

Наблюдения за stratigraphическим распределением монет из раскопок (прежде всего в Пенджикенте) и составом кладов показывают, что ишхидская монета имела хождение не только в самом Самарканде и его округе, где осуществлялся ее выпуск, но и в остальных владениях, включившихся «согдийскому царю, самаркандскому государю», а после выпуска монет новым ишхидом принудительного изъятия монет его предшественников не происходила, хотя и происходила (во времени) естественная убыль их количества в обращении. Для датировки слоя (памятника) по единичным находкам монет ишхидов Согда эту особенность их обращения необходимо учитывать.

Наряду с дарской монетой в Самаркандском Согде осуществлялся выпуск литых монет китайского образца и усадебными владетельцами (с титулом «государь» — согд. — или арамейская гетерограмма MR'Y/MRY'). Из усадеб-

ных выпусков Самаркандского Согда лучшие друзья сейчас изучены монеты "государей Панча" (Пенджикента), массовые находки которых происходят из раскопок Пенджикентского городища (Смирнова, 1963. С. 15–19, 91–121; 1981. С. 45–50, 230–305; Липшиц, 1979). Всего их известно сейчас более 800 экз.

Свои монеты выпускали три правителя Панча: Гамаукайи (у О.И. Смирновой – Амузкан или Чамукайи) – до начала 90-х годов VII в. (Табл. 122, 123), Чекинур Бильге (Бидан) – примерно в 694–708/9 или в 690–704 гг. (Табл. 122, 13) и "госпожа Нана" (Табл. 122, 14, 15) – около 709–722 гг., если считать ее старшей женой правителя Панча по имени Деваштич (Липшиц, 1979. С. 65), носившего какое-то время и титул "самаркандского царя", Деваштич и Чекинур Бильге упоминаются в документах из замка с горы Муг, что несколько обдечает историческое осмысление нумизматических данных, хотя и остаются вопросы, на которые пока ответить невозможно (отсутствие монет с именем Деваштича; полный титул Чекинур Бильге в муском документе В-8 – "багдский царь, государь Панча" и др.). Государь Панча явно не составляют династия в обычном понимании, а, видимо, как и цари Согда, могли избираться "новыми" ("старейшие", "мелкие", "народ" в источниках), очевидно, без участия купеческой верхушки и городских магистратов» (Липшиц, 1979. С. 60).

В денежном обращении Панча, судя по совместным находкам из раскопок и по кладам, монеты местных вла-

стителей в монеты ихтидов Согда существуют, видимо, как вполне равноправные. Но за пределами Панча и его округи (и в Самарканде, и тем более в северотохаристанских владениях Чаганина и Вохта) монеты пенджикентских владетелей свободного хождения не имели (известны лишь единичные экземпляры).

Монеты других удельных владений Самаркандского Согда выявлены пока предположительно (Смирнова, 1981. С. 228–230, 306–308). Центры таких княжеств, кроме Панча, пока систематически не раскапывались.

Характер обращения медных среднеазиатских монет в раннесредневековый период позволяет использовать их, если будет проделана работа по картографированию как массовых, так и единичных находок, для уточнения политико-административных границ как между областями, так и между удельными владениями внутри областей, а также для реконструкции таких событий политической истории, как расширение границ путем захватов, потеря какими-то владениями самостоятельности и т.п. Это особенно важно для владений, политический статус которых на протяжении раннесредневекового периода менялся или в которых происходило "перераспределение" влияния более могущественных соседей. Во временной зависимости от Самаркандского Согда, видимо, оказывались даже такие крупные владения, как Южный Согд (бассейн р. Кашкадарья) и Уструшана.

Южный Согд

М.Е. Массон. По его мнению, эти монеты чеканились "некоторое время на протяжении III и IV вв." (Массон М., 1977. С. 137).

К сожалению, ни общенсторическое соображение (попытка, опираясь на не всегда ясные сведения письменных источников, связать монеты с какими-то историческими событиями и, исходя из этого, определить время их чеканки, ср.: Кабанов, 1961; Массон М., 1977. С. 136–137), ни иконографические сопоставления, ни наблюдения за палеографическими особенностями согдийской ("тарфийно-согдийской") легенды на д.ст. этих монет не могут служить опорой для сколько-нибудь определенных и точных хронологических заключений. Более надежные результаты можно получить, используя для датировки "нахшебских" монет археологические данные, и прежде всего разработанную для Еркурган-стратиграфическую хронологию слоев, а также материалы других памятников и находок Кашкадарьи (Исаиддин, Сулейманов, 1984. С. 99 и сл.). Очень важен нумизматический контекст ("вертикальный") – в пределах Кашкадарьинской области, "горизонтальный" – через сопоставление с состоянием монетного дела и денежного обращения в соседних областях.

Пребывание "нахшебских" монет в обращении, если исходить из археологических материалов Еркургана и его округи, видимо, можно датировать до первой четверти VII в. включительно. Раннее слово в определении, когда начались их чеканка, остается за археологами, но, учитывая, что новая стратиграфическая шкала оказывается "возможна" датировки С.К. Кабанова примерно на столетие, начало массовой чеканки "нахшебских" монет следует теперь отнести к концу V или началу VI в.

В качестве самостоятельной "нумизматической провинции" бассейн Кашкадарья выступает сравнительно поздно, с началом чеканки так называемых нахшебских монет: д.ст. – голова правителя влево и согдийская легенда; об.ст. – царь(?), рассекающий мечом стоящего на задних лапах льва (Табл. 119, 26, 27). Для их изучения (и в особенности для точной локализации) много сделано С.К. Кабановым (Кабанов, 1961; 1973; 1977. С. 96–97, Рис. 16 и др.). Центр, где осуществлялась чеканка этих монет, – город, остатки которого – городище Еркурган – систематически раскапываются, что позволяет разработать дробную стратиграфическую колонку большой точности (Исаиддин, Сулейманов, 1984). Всего сейчас известно более шестисот монет этой группы; подавляющее их большинство – с городища Еркурган и его непосредственной округи, что уверенно подтверждает локализацию, предложенную С.К. Кабановым.

Вопрос о времени выпуска "нахшебских" монет пока не имеет столь же определенного решения. Разногласия в их датировке обнаруживались уже после первых работ, в которых они рассматривались (I–III вв. н.э. – Дривин, 1896; VI в. – Foye, 1926. С. 37–40). С.К. Кабанов относил эти монеты к IV–V вв. (Кабанов, 1954. С. 92; 1958. С. 151), затем к V–VI вв. (Кабанов, 1961), а после находки наиболее ранней монеты этой группы из раскопок Пирматбабате в им. сл. (Кабанов, 1973. С. 165; 1977. С. 96); и О.И. Смирнова (Смирнова, 1981. С. 18), отнес начало чеканки к IV в., расширив датировку группы в целом до IV–VI вв. с возможным перерывом в чеканке; но С.К. Кабанову – между 420 и 486 гг.; но О.И. Смирновой – на рубеже IV–V вв. Против этого выступил

Мунизмагическая ситуация в Кашкадарьинской области может быть пока отмечена только пунктиром. Как и в Самаркандском Союде, для конца V – начала VI в. здесь практически отсутствуют находки серебряных “оболов” с изображением дунника. Могли ли “нахшебские” монеты чеканиться в обрамлении одновременно с ними, параллельно? Ответить на этот вопрос категорично невозможно, пока остается невыясненным, подвергались ли “нахшебские” монеты покрыванию тонким слоем серебра. Об этом высказывал предположение М.Е. Массон, отмечавший, однако, что “следы посеребрения, нанесенного некогда на поверхность тонким слоем, усматриваются не всегда и не сразу, особенно на экземплярах, хранящихся в музеях, где они порой исчезают в результате неумелой чистки объектов” (Массон М., 1977. С. 135–136). Ни в основных собраниях среднеазиатских музеев (Самарканд, Ташкент), ни в музеях Москвы и Ленинграда экземпляров со следами посеребрения нет, как нет их и среди четырехсот с лишним монет из раскопок и разведок в бассейне р. Кашкадарья. К сожалению, М.Е. Массон не указал, знакомы ли ему экземпляры “нахшебских” монет со следами (или остатками) слоя серебра на их поверхности. Но даже если какие-то экземпляры и были посеребрены, это не может препятствовать отнесению начала массовой их чеканки к концу V – началу VI в., как и приведенное М.Е. Массоном сопоставление “нахшебских” монет с бухарскими эмиссиями (с изображением алтара) (Табл. 119, 5–9), имеющим явно более позднюю дату, чем подлага М.Е. Массон.

Состав монетной массы, находившейся в Кашкадарьинской области в обращении одновременно с “нахшебскими” монетами, остается пока не выясненным: “нахшебские” монеты явно преобладали, но к ним были примешаны и другие виды монет, хотя их количество и невелико.

Очень смутно мы представляем, какие монеты пришли в Кашкадарьинской области на смену “нахшебским”. Присутствие в обращении здесь монет первого согдийского царя, самаркандского государя Шиншира (Табл. 122, 1) документировано их находками, в том числе на городище Еркурган (Исламидин, Судейкина, 1984. С. 111). В этой связи необходимо отметить и находку на Культепе “нахшебской” монеты с надчеканом (?), повторяющим V-образный знак-тамгу (Кибанов, 1977. С. 96, Рис. 16, б) – такой же, как на монетах Шиншира и последующих самаркандских ишхидов. Однако, интерпретируя эти находки как свидетельство подчинения Кашкадарьинской области во второй четверти – середине VII в. Самаркандскому Союду (во всем “шлейфом” далеко идущих исторических выводов), видимо, было бы

преждевременным. Предложенное О.И. Смирновой отождествление Шиншира с упоминаемым в китайских источниках владетелем Шахеба (“Таншу”, 642 г.), правившим в Кеше (Шы), т.е. в непосредственной близости к Кашкадарьинской области (Смирнова, 1970. С. 275–281, С. 36–37), дает основание предполагать, что владетель Кеша Шиншир, став царем Союда, не только сохранил свое владение Кеш, но и распространил свою власть на Кашкадарьинскую область. Какое из этих предположений окажется правильным и появятся ли новые основания для этих фактов, во многом зависит от археологических данных о распределении монетных находок, от увеличения их числа.

Единоборство царя (или героя) со львом, изображенное на обст. “нахшебских” монет, все исследователи единодушно сопоставляли с таким же сюжетом, представленным сходной композиционной-иконографической схемой на монетах города Тарса (Кадикан) ахеменидского времени (ср.: Смирнова, 1981. С. 18–19), но оставался загадкой механизм заимствования: через малоазийские монеты IV в. до н.э., оказавшиеся, как и монеты Аму-дарьинского клада, в Средней Азии (Смирнова, 1981. С. 19), через парфийскую среду (ср.: Массон М., 1977) или даже через сасанидскую (Fuge, 1925–1926. P. 39–40). Сейчас отпадает необходимость в столь отдаленных и во времени и в пространстве сопоставлениях, поскольку существование такого же сюжета в согдийской иконографии засвидетельствовано в Согаде: в Пендадженте (объект XXIII, помещение 57) была найдена трапезничная доска с резным рельефным изображением героя, калявающего мечом издранного льва, но крылатого (Маршак, 1985. С. 240–241. № 585); доска была одной из деталей деревянного наборного купола с трапезничными кессонами, датированного концом VII в.

К сожалению, в определении исторического места “нахшебских” монет пока не принимается “участия” согдийская легенда (на лит.ст.). Трудности, которые высказывало ее чтение, пока в распоряжении исследователей были сперва единичны, а потом десятки монет недостаточно хорошей сохранности, теперь, когда есть уже целые сотни экземпляров, можно считать предельными: легенда состоит из семи знаков и (при всех различиях в индивидуальном почерке резчиков (штемпелей)) устойчиво читается kws MLK. Но о значении слова “kws” можно с уверенностью сказать только, что это не имя царя, а скорее обозначение его династической принадлежности или названия владения, неизвестного пока по другим источникам (Droin, 1896; Fuge, 1926. P. 38; Кибанов, 1961; 1973. С. 163–164; Липини, Лукатин, 1964. С. 170. Приложение 110; Массон М. 1977. С. 133).

Уструшана

Монетное дело и денежное обращение этой области в раннесредневековый период пока исследованы не в полной мере, особенно если сравнивать с большими достижениями в изучении материальной и художественной культуры раннесредневековой Уструшаны.

Правители этой области выпускали бронзовые (без отверстия в центре) монеты (Смирнова, 1971; 1981. С. 324–335; Давутов, Зеймаль, 1985. С. 253); т.е. – при-

витель в сложной короне, часто с крыльями (исключение – изображение на л.ст. слона влево; Смирнова, 1981. № 1427–1431); обст. – характерный уструшанский V-образный знак-тамга, иногда в сочетании с другими знаками; и согдийская легенда с именем правителя и титулом “государя”, переданным тегерограммой MR'Y (Табл. 122, 18–21). Из четырех с лишним десятков таких монет, которые сейчас известны, несколько экземп-

ров и два небольших клада (8 экз. и 10 экз.) происходят из раскопок городища Калан Каххака I в Шахристане, а также из хорошо стратифицированных раскопок на городище раннесредневекового Пенджикента.

Хронология уструшанских монет пока не может считаться надежно установленной. О.И. Смирнова в одном случае указывала, что они датируются "археологически не позднее VI – начала VII в." (*Смирнова*, 1971. С. 62; 1981. С. 7), в другом – она относила их "к концу VI–VII вв." (*Смирнова*, 1981. С. 35). Иконографические аналоги крылатым коронам, приводившиеся О.И. Смирновой (*Смирнова*, 1971. С. 62; 1981. С. 32), относятся ко второй и третьей четверти VII в., что, вероятно, позволяет исключить из их датировки VI в. и, по крайней мере, первую четверть или первую половину VII в. В Пенджикенте одна из групп уструшанских монет (с именем Сатачари) представлена в слоях и кладах первой половины VIII в. (*Белецкий, Мариак, Распотова*, 1980. С. 15, 18; *Белецкий, Распотова*, 1981. С. 11, 13). Все это позволяет предположить, что чеканка уструшанских монет началась не ранее второй половины VII в., и продолжалась в первой четверти VIII в. Такая датировка лучше согласовывалась бы и с общими представлениями о денежном хозяйстве Средней Азии, но решающее слово в уточнении хронологии монет уструшанских правителей должно, видимо, принадлежать стратиграфическим данным – новым находкам на Пенджикентском городище и на памятниках с территории Уструшаны (включая и сведения об обстоятельствах находки двух кладов на Калан Каххака I – объект VI, помещение 8 и объект V, помещение 1, которые пока не опубликованы).

Неустановленность точной хронологии затрудняет использование уструшанских монет для археологических датировок, а также в качестве исторического источника: имена правителей (Чиринши, Сатачари, Раханч), как их прочла О.И. Смирнова, не встречаются в письменных источниках. Сравнительно скромный титул "государь" (MR'Y), засвидетельствованный монетами, указывает на зависимость уструшанских владетелей от

правителей более высокого ранга, что согласуется со сведениями Сюань Цзюаня (629 г.) о подчинении правителей Уструшаны тюркам, однако, если монеты начали выпускаться во второй половине VII в., политическая ситуация могла и измениться.

Экономическая природа уструшанских монет пока не ясна: были ли они соотносены в стоимостном отношении с серебряными монетами (и каками), или принудительный курс для них был установлен без такого соотношения. Присутствие уструшанских монет в Пенджикенте (вне Уструшаны) как будто бы свидетельствует в пользу первого предположения, но в целом вопрос остается открытым.

Сведения о находках неуструшанских монет на территории Уструшаны, важные для выяснения и политическо-экономической ориентации этой области, и общей картины денежного обращения в раннесредневековой период, не публиковались. Две находки римельских монет на территории Уструшаны: курган I могильника Оутей и последнее Кайраган в Юго-Западной Фергане (*Брыкина*, 1982. С. 89, Рен. 60) – пока остаются единственными свидетельствами непосредственных контактов Уструшаны с Чачем в период, предшествовавший появлению в Уструшане своих монет. Об определенных связях с Самаркандским Согдом во второй половине VII – первой четверти VIII в. дают представления находки там (в частности, в Пенджикенте) монет уструшанских государей, но стоит ли за этими торговыми контактами и какие-то политические отношения, пока остается не вполне ясным. Еще меньше известно о взаимоотношениях раннесредневековой Уструшаны с Ходжентом в сфере денежного обращения: монеты раннесредневекового Ходжента если и чеканились, то остаются невыделенными.

"Белым пятном" в истории денежного обращения Уструшаны остается и период борьбы за независимость против арабов, продолжавшийся в Уструшане дольше, чем, например, в Самаркандском Согде. Можно предположить, что в последней четверти VIII в. в Уструшане уже обращались арабские дирхемы и фельсы, а местные монеты прекратились.

Чач

Хотя первые чачские монеты – шагающий лев, "вылообразный" знак и согдийская легенда (Табл. 123) – были выделены почти сорок лет назад (*Смирнова*, 1952. С. 39–43; 1958. С. 251–253; 1961. С. 130–134) среди пенджикентских монет (с учетом находок на Актепе близ Ташкента, Мушактепе у Беговата и др.), их изучение далеко от завершения. Широко и систематическое изучение археологических памятников среднего течения Сырдарьи (Канка, Кейдактепе, Ханабдактепе, Юнусабадское Актеле, Мингурюк и др.) дало резкое увеличение монетных находок. Сейчас накопленные материалы продолжают, разрабатываться (в первую очередь благодаря работам Э.В. Ртвеладзе) систематика чачских монет, решаются вопросы их хронологической и исторической атрибуции, уточняется локализация разных групп монет.

О том, что сферу серебряного обращения в Чаче обслуживали в раннесредневековой период драхмы "бу-

хархуадатского" образца, было известно давно (*Масон М.*, 1955а), но, как показала Е.А. Давидович (*Давидович*, 1979. С. 106, 115), здесь осуществлялся и выпуск таких монет ("первый тип" по ее классификации). Дальнейшая разработка вопроса о чачском серебре "бухархуадатского" образца непосредственно зависит от накопления данных о находках таких монет: они опознаются по сочетанию второстепенных иконографических деталей и не отличаются от "бухархуадатских" монет, выпускавшихся в других центрах, из легенды, или изображенными, или дополненными элементами монетного типа. Дополняются арабские и согдийские надписи, которые выявляются на "бухархуадатских" монетах Самарканда и Бухары со второй четверти VIII в., на чачских выпусках не выявлены, что, возможно, связано с иным политическим статусом областей по средней Сырдарье – с их меньшей политической зависимостью от арабских имевших в Хорасане и Мавераннахре. Отсутствие таких

дополнительных легенд (с чем бы оно ни было связано) осложняет изучение чачских выпусков "бухархудатских" драм, разработку их относительной и абсолютной хронологии. Выпуск "бухархудатского" серебра в Чапе начался, видимо, не ранее второй половины VII в. (покажем, чем в Самарканде) и продолжался, до крайней мере, до первой четверти IX в., когда оформилась металлургическая, курсовая и "терминологическая" граница между дирхемами мусабиди, мухаммади и гитрифиди, также восходящими к "бухархудатскому" серебру (*Давидович*, 1966, С. 119–125), а возможно, и несколько позднее (*Давидович*, 1979, С. 114–115).

Самые ранние чачские выпуски из меди — монеты (Табл. 123) с изображением на л.ст. талива правителя влево (или, значительно реже, вправо), а на об.ст. — особой разновидностью тамги и согдийской легенды, в которой В.А. Лившиц с уверенностью читает только титул "государя", переданной гетерограммой MR'Y в именной форме — MYR' (Археология СССР, 1985, Табл. CXLIX, 15; *Буркова*, 1982, С. 89, Рес. 60). Сейчас известно около 1500 раннечачских монет (в том числе большой клад с городища Канка, находки на Кендыктепе и в других памятниках), сильно различающихся по весу (от 3 до 0,15–0,2 г), по степени схематизации изображений, по фактуре кружка и т.п., но явно составляющих единую типологическую группу. Видимо, нет оснований относить начало выпуска этих монет к III в. н.э. (Археология СССР, 1985, С. 303). Характерная для них тамга (на об.ст.) точно повторяет тамгу, с которой начинается согдийская надпись на блюде из Керчева (*Смирнов*, 1909, Табл. XXV, 53), упоминающая "чачского государя" (*Лившиц*, *Луконов*, 1964, С. 170–172; *Лившиц*, 1979, С. 57). Само блюдо с изображением сасанидского кушаншаха Вараврана II (*Луконов*, 1967, Рис. 1, С. 25–26, 31) датируется последним десятилетием IV или самым началом V в., но согдийская надпись на нем (как и тамга) явно была выполнена позднее времени изготовления, уже после того, как блюдо попало в Чап (попытка видеть в этом блюде произведение "местных торговцев" нуждается в более серьезном обосновании, чем обнаружение в Чапе серебряных рудников (*Буркова*, 1987, С. 36), — блюдо и изготовлено в эллипсидских традициях и, несомненно, сасанидским мастером, не в "Бахтрин или Согде" (*Пугаченко*, 1981а; ср.: *Буркова*, 1987, С. 36) вообще, а в сасанидском Кушаншахре). Так устанавливается термину-посл-кмет для раннечачских монет — не ранее V в. Но это не исключает для них и более поздних дат в пределах VI или ранней части VII в.: монеты, судя по их многочисленности и типологическому разнообразию (разновременные серии с явными признаками постепенного накопления отклонений от исходного образца; схематизации и т.п.), выпускались долго, а смена их другими типами чачских монет происходит только в VII в. Нет никаких оснований предполагать, что существовал перерыв в чачской чеканке, между раннечачскими сериями и выпусками VII–VIII вв.

Раннесредневековые чачские монеты VII–VIII вв. подразделяются, как покажд Э.В. Ртвеладзе (*Ртвеладзе*, 1982, С. 181 и сл.), на несколько локальных групп, выпускавшихся властями "уделов" в составе Чачской области.

К собственно Чапу относятся монеты с характерным "вылообразным" знаком на об.ст. (*Смирнов*, 1981

С. 371–393; *Ртвеладзе*, 1982, С. 32–34 — "первая группа"), а на л.ст. — с изображением или бюста правителя, или лица с поднятой ладью (Табл. 123, 1, 8). В согдийской легенде (на об.ст.) указан титул правителя — "государя" (xw-wt, иногда с эпитетом "чачский" (csnk), а также имена правителей. Всего, по классификации Э.В. Ртвеладзе, в эту группу входят монеты шести правителей, относительная хронология которых еще нуждается в уточнении: группа в целом датирована VII — первой половиной VIII в.

Отличительная особенность второй группы ранне-средневековых чачских монет — сложная шитковенная тамга на об.ст. (Табл. 123, 2, 5, 19). В сочетании с ней зафиксированы четыре разных типа л.ст. (два типа — *Ртвеладзе*, 1982, Рис. 1, 8; связной правитель — *Лившиц*, *Ртвеладзе*, 1982, С. 181–187; *Ртвеладзе*, 1982, Рис. 1, 9; конь вправо — *Ртвеладзе*, 1982, Рис. 1, 10). Эта группа, видимо, выпускалась в Кабарие, одном из городов Чапы, соответствующем, по мнению Ю.Ф. Буркова (*Буркова*, 1975, С. 86), городищу Кавардан.

Третью группу, по классификации Э.В. Ртвеладзе (*Ртвеладзе*, 1982, Рис. 1, 11–13), составляют монеты с изображением на об.ст. тамги (Табл. 123), типологически восходящей к "бухарской тамге" или схематичному изображению алтарей огня на монетах Бухарского Согда (ср.: *Зейвальд*, 1979, Табл. V, 5–11). Предположительная локализация этой группы монет — чачский город Фаранкат (или Афринкат), отождествляемый с городищем Ишкурган близ современного Паркента (*Буркова*, 1975, С. 99–100), но пока монеты этой группы известны только по находкам в Канке и Бенкете.

Четвертая группа (*Ртвеладзе*, 1982, Рис. 1, 14, 15), с дугообразным (с небольшими отростками) знаком-тамгой на об.ст. (Табл. 123), предположительно определена как монеты Канки (на л.ст. — погрудное изображение правителя в три четверти вправо).

Пока остается несмысленным, где выпускались монеты еще двух групп: пятой, с якоробразным знаком на об.ст. (Табл. 123) (*Ртвеладзе*, 1982, Рис. 1, 16), и шестой, с двумя лицами на лицев.ст. и сложной тамгой на об.ст. (Табл. 123, 9, 12, 15, 21, 23) в сочетании с согдийской легендой (*Ртвеладзе*, 1982, Рис. 1, 7–21).

Судя по нумизматическим данным, в составе ранне-средневекового Чапы имелись не менее шести удельно-владений, обладавших определенной самостоятельностью (*Ртвеладзе*, 1982, С. 38), а правители этих административно-территориальных единиц носили одинаковый титул — "государя" (xw-wt). Ни сами монеты, ни другие источники, в том числе и документ А-14 из мусского архива (*Лившиц*, 1985, С. 246–247), не сообщают, кто был сюзереном этих владетелей, кому непосредственно принадлежала верхняя политическая власть в ранне-средневековом Чапе, вхождение которого в зону политического влияния (и контроля) Тюркского каганата в целом не вызывает сомнения.

Совершенно недостаточно исследовано денежное обращение Чапы VII–VIII вв. в целом — состав монетной массы (включая и привозные монеты), место серебра в нем и т.п. Пока не имеет объяснения преимущественное распространение за пределами Чапы (Афганиабад, Кафиркалан под Самаркандом, Пенджикент и другие пункты) только чачских монет с "вылообразным" знаком

("первая группа"). Не выяснены в полном объеме и связи между Бухарским Союзом и Чачем, на существование которых определенно указывают типологические сходжения в монетном материале; возникает предположение, что монетное дело раннесредневекового Чача складывалось, испытывая на себе определенное воздействие бухарских монет.

Решение этих и других вопросов чачской нумизматики сейчас целиком зависит от дальнейшего накопления новых данных, в первую очередь археолого-стратиграфических, а также от установления надежной относительной и абсолютной хронологии отдельных групп и серий; без этого их эффективное использование как исторического источника и как "мостика" между сведениями письменных источников и собственно археологическими материалами вряд ли возможно.

Семиречье

Денежное обращение здесь (как и в Отрарском оазисе) возникает, видимо, позднее, чем в других среднеазиатских областях. В VIII в. в Семиречье выпускались и обращались так называемые монеты тюркшей и тухусов (*Смирнова*, 1981, С. 61–62, 397–412), находки которых из раскопок Тараза, Ак-Бешима, Краснореченского городища и других археологических памятников — главная опора для их локализации. Относительная и абсолютная хронология семиреченских монет, а соответственно и их историческая интерпретация еще должны разрабатываться и уточняться. Титул "господи тюркшей хахан" (... tirkys v'v'v'), заимствованный на монетах как тюркшей, так и тухусов, явно более высокого ранга, чем титул "государь тухусов" (twss vw, w), а сочетание обоих титулов на "монетах тухусов" указы-

вает на зависимость "государя тухусов" от тюркешского хакана.

К сожалению, большинство стратифицированных монетных находок из Семиречья, сделанных за последние десятилетия, остаются пока не опубликованными. Поэтому в составе монетной массы, обращавшейся в Семиречье, пока невозможно составить полное представление.

Не имеет пока надежной локализации группа монет, определенных О.И. Смирновой (*Смирнова*, 1981, С. 58–59, 338–342) как монеты "тутуков". Предлагаемая для них локализация в Ферганской долине (2 экз. таких монет найдены на городище Кува в Ферганской долине) нуждается в более надежном подтверждении (еще 2 экз. — из Отрара, 1 экз. — из Вараша).

К сожалению, большинство стратифицированных монетных находок из Семиречья, сделанных за последние десятилетия, остаются пока не опубликованными. Поэтому в составе монетной массы, обращавшейся в Семиречье, пока невозможно составить полное представление.

Не имеет пока надежной локализации группа монет, определенных О.И. Смирновой (*Смирнова*, 1981, С. 58–59, 338–342) как монеты "тутуков". Предлагаемая для них локализация в Ферганской долине (2 экз. таких монет найдены на городище Кува в Ферганской долине) нуждается в более надежном подтверждении (еще 2 экз. — из Отрара, 1 экз. — из Вараша).

Хорезм

Монеты раннесредневекового Хорезма, детально исследованные Б.И. Вайнбергом (*Вайнберг*, 1977), можно отнести (как и монеты Самаркандского Союза VII–VIII вв.) к числу наиболее разработанных разделов раннесредневековой нумизматики Средней Азии. Поэтому, не останавливаясь на них в полном объеме, здесь необходимо затронуть только те вопросы, которые еще ожидают своего решения.

В VII в. в Хорезме происходят существенные перемены в иконографии серебряных и медных эмиссий, в содержании легенды, в весе и фактуре монет начиная с группы Г II и соотносительных с ней медных выпусков, по классификации Б.И. Вайнберг (*Вайнберг*, 1977, С. 60, 98), отражающие вступление монетного дела и денежного обращения этой области в раннесредневековый период. Следует отметить, что обособленность хорезмийского монетного дела от таковой остальных областей Средней Азии, наметившаяся еще на протяжении древнего периода, не только сохраняется, но и проявляется в еще большей степени. Одно из главных отличий хорезмийского монетного дела VII–VIII вв. — использование в качестве серебряной монеты не изображенной слепящимся драконом (как это было в Бухарском и Самаркандском

Союзе, в Северном Тохаристане и других областях), а монет со своим, сложившимся в Хорезме иконографическим типам (д.ст. — изображение хорезмийского царя в короне, об.ст. — так называемый хорезмийский всадник).

Хронологические рамки раннесредневекового периода в монетном деле Хорезма определенно охватывают VII и VIII в. (самостоятельная "домусульманская" чеканка продолжалась здесь до последней четверти VIII в.). Но начало раннесредневековой чеканки в Хорезме, возможно, следует относить не к концу VI — началу VII в., а к более раннему времени: в разработанной Б.И. Вайнбергом систематике на V–VI вв. приходится несколько монетных серий, относительная и абсолютная хронология которых еще требуют уточнения (*Вайнберг*, 1977, С. 64).

Если говорить о количественной стороне, то монеты VII–VIII вв. составляют примерно треть дошедших до нас домусульманских монет Хорезма (из учетных Б.И. Вайнберг 1417 экз. 471 экз. относятся к раннесредневековому периоду), для большинства из них зафиксировано место находки — на археологических памятниках как правобережного, так и левобережного Хорезма (*Вайнберг*, 1977, С. 146–173), но точные стратиграфиче-

ские обстоятельства обнаружения известны лишь для нескольких десятков экземпляров (многие монеты найдены на поверностях).

Последовательность раннесредневековых правителей Хорезма (с титулом "царь-государь", переданным арабскими геостерограммами MR'Y MLK'), установленная по монетам, лишь частично подтверждается сведениями письменных источников. Так, царь Бравик (Фравик), монеты которого (группы ПII и ПII/1, ПII/2) по косвенным признакам отнесены к VII в., возможно, соответствует царю Афригу в списке хорезмийских царей у Бируни (*Вайнберг, 1977, С. 59*). Царь Азаквар-Чеган, при котором Хорезм был завоеван Кутейбой, в 712 г. был убит после ухода арабов возмущившимся народом; с этим правителем Б.И. Вайнберг связывает медные монеты (группа П, см.: *Вайнберг, 1977, С. 63, 91–92*), которые таким образом получают вполне надежную датировку и служат опорой для дальнейших типологически-датировочных построений. Цари Шрам (или Чарам) и Канишка (соответственно группы ПIII, ПIII/3, ПIII/4, ПIII/5 и ПIV, ПIV/7, ПIV/8) не упоминаются в письменных источниках под этими именами. Их хронология (как царя Хусрава, чеканившего медные монеты Г 12) установлена предположительно: типологически монеты Шрама и Канишка предшествуют чекану царя Савшафана (GV, GV/9, GV/10), упоминаемого и у Бируни, и в китайских династийных хрониках (как Шаоцифень) под 751 и 762 гг. (дата посольства от него в Китай). К последней четверти VIII в. относятся правление и чеканка царя Азаквара-Абдаллаха (GVI), принявшего, как показывает его второе имя, ислам; имена Фадл и Джа'фар, написанные по-арабски на некоторых его монетах (*Вайнберг, 1977, С. 160, № 1154, 1157, 1158*), С.П. Толстов (*Толстов, 1938, С. 138*) рассматривал как имена арабских наместников Хорасана – ал Фадла ибн Яхья, ал Бармеки (787–795 гг.) и Джа'фара ибн Мухаммеда (787–789 гг.), что дает уточнение хронологии тех монет Азаквара-Абдаллаха, на которых эти имена присутствуют. Целый ряд других арабских имен на монетах Азаквара-Абдаллаха, видимо, позволит уточнить датировку выпусков этого правителя. Оставшиеся открытыми вопросы да-

тировки других монетных серий Хорезма VII–VIII вв. ожидают решения и с помощью наблюдений за их стратиграфическим распределением, и совместными находками с твердо датированными монетами.

Наблюдение за территориальным распределением монетных находок позволило Б.И. Вайнбергу выделять две группы медных монет – Г12 и Г13 (*Вайнберг, 1977, С. 63, 98*), обращавшихся преимущественно в любережском Хорезме, – видимо, как удельный чекан Кердера.

Денежное обращение раннесредневекового Хорезма, несмотря на обильный нумизматический материал и детально разработанную его систематизацию, остается, по существу, малоследованным. В отличие от древнего периода в VII–VIII вв. наблюдается, как и в других областях Средней Азии, явная параллельность в чеканке меди и серебра, но иконографическое и типологическое следование медных монет серебряным составляет специфику Хорезма. На протяжении VII–VIII вв. наблюдается постепенное падение веса серебряных монет: от 5,4–5,8 г для монет Бравика (Фравика) и 4,3–4,8 г для монет Шрама, до 1,3–2,6 г для монет Азаквара-Абдаллаха в последней четверти VIII в. (*Вайнберг, 1977, Табл. XIV*).

К сожалению, пока не опубликованы данные о находках собственно арабских монет в Хорезме, но похоже, что резкое снижение веса серебряных хорезмийских монет во второй половине VIII в. непосредственно связано с окончательным подчинением Хорезма арабам и превращением хорезмийской серебряной монеты в монету "условно" серебряную, рассчитанную уже на обращение только на внутреннем рынке. В этой связи необходимо отметить и отсутствие медных эмиссий при Азакваре-Абдаллахе, что, возможно, вызвано превращением его серебряных монет в денежные знаки с ограниченным ареалом обращения (а в сфере серебряного обращения появляются арабские полноценные дирхемы). В целом же "замкнутость экономической жизни" Хорезма, отмечаемая Б.И. Вайнбергом, должна объясняться для раннесредневекового периода разрывом между стоимостью серебра в монете и ее курсом (*Вайнберг, 1977, С. 100*).

Заключение

Серьезные изменения, происходившие в экономике и культуре среднеазиатского общества в IV–VIII вв., как показывают опубликованные в том же материале, позволяют считать этот период важным этапом в его развитии. Эти изменения затронули все сферы жизни общества, наиболее ярко отражаясь в истории городов и взаимодействии города и деревни, фокусирующем основные процессы своего времени.

Имеющиеся материалы, прежде всего археологические, дают все большее основание думать, что IV в. (шире IV – начало VI в.) являлся рубежом, отделявшим древний период развития городов Средней Азии от следующего, раннесредневекового. Этот последний характеризуется появлением новых черт в формировании городов, в фортификации, жилищной и городской культуре, причем большинство исследователей полагают, что VII–VIII вв. даже являлись временем наивысшего расцвета городов, прежде всего согдийских.

Темпы и масштабы урбанизации в различных областях Средней Азии различались, между собой, что объясняется неравномерностью действия основных градообразующих факторов: экономического, политического и экологического. Поскольку перечисленные факторы проявляются в таких специфических источниках познания, как археологические данные, чрезвычайно трудно свести их в единую систему и выявить конкретный механизм их действия.

Политическая децентрализация, появление многих небольших самостоятельных владений, бурные внешнеполитические события и внутренние перегруппировки изменили налаженные в древности хозяйственные связи, ту веками складывавшуюся отраслевую специализацию хозяйства, без которой немалым поступательное экономическое развитие. Это не могло не создать кризисную ситуацию. В связи с этим неминуемо придется коснуться вопроса о преемственности при переходе к раннесредневековому обществу. Во Введении говорилось о том, что в 30–40-е годы нашего столетия преобладала точка зрения, преувеличивавшая масштабы упадка древних городов в IV–V вв. н.э. и сходство исторического пути Запада и Востока. Справедливости ради следует сказать, что выразительные материалы Хорезма давали к этому много оснований, а прочие в то время почти полностью отсутствовали. Теперь, с накоплением фактов, обнаружилось, что условия перехода от древности к раннему средневековью в различных областях Средней Азии сильно различались. Выяснилось, что «пространственная сетка» древних среднеазиатских городов не так сильно изменилась, как предполагалось ранее, и во владениях VI–VIII вв. н.э. продолжало существовать большинство крупных древних городов. Они сохранились в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимала караванная торговля – один из наиболее древних факторов урбанизации. В основе стабильности городских образований в определенных зонах лежат и экологические факторы. Важным стимулом стабильности расположен-

ных на стыке с кочевой степью городов являлась торговля с кочевниками-скотоводами.

Длительность существования древних городов складывалась в Средней Азии и на ирригации, уязвимой в жесткую территориально-топографическую систему города разных рангов и поселения, что, безусловно, предполагает и централизованное управление такой системой.

По мере накопления и систематизации конкретных сведений о путях развития городов и сельской округи в раннесредневековой Средней Азии намечаются этапы урбанизации, роль определенных факторов в этом процессе и зоны урбанизации, отличавшиеся своей спецификой.

Так, в долине Кашкадары еще в древности выделялись два историко-культурных района – западный и восточный. Не исключено, что определенную роль и изначально сыграли причины экологического характера. Ведение хозяйства в этих районах было сопряжено с большими трудностями в связи с повышенным стоком Кашкадары, плохо обеспечивавшей водой посевы (и поэтому большое место здесь занимали богара и пастбища), с повышенным засолением почв в меньшим, чем в других областях, накоплением урожайных мелкозернистых почв (*Четыркин*, 1948, С. 10). Исключение составляла Кашкадарыньская котловина, и именно там, естественно, и должны были складываться наиболее значительные городские образования. В Нахшбете на западе таким стал Еркурган, на востоке – городище на месте современного Китаба. Интересно, что в древности оба города занимали каждый примерно 40 га, что, скорее всего, объясняется их сходным экономическим потенциалом. К VI в. такое положение сохраняется, однако функции пришедшего в упадок Еркургана перешли к Калан-Захаки-Марон (хотя этот вопрос недостаточно ясно), а затем, к эпохе средневековья, на первый план выдвигается Шульхесте.

Все перечисленные городские центры складывались на одной территории (где до сих пор существуют Карши), видимо весьма выигрывали в экологическом отношении, – в месте, где от Кашкадары ответвляются целые «лучки» притоков, рек, ручьев, каналов. Кроме того, и Калан-Захаки-Марон и Шульхесте формируются возле крупного замка – резиденции правителя, и, таким образом, политический фактор в градообразовании, видимо, выступал на первый план. На VI в. приходится начало важного этапа в историческом развитии Кашкадарыньского оазиса. В это время возводятся мощные цитадели, в Китабе (*Ступина*, 1984, С. 16), возникает много поселений типа Чандаркенте, Каматенте, Гышакенте, Баургенте и других, административно-экономический статус которых пока еще не ясно. Как правило, они не отличались большими размерами, занимая всего 7–8 га (*Криштановичи*, 1970, С. 407; 1977, С. 530; *Дресвицкая*, 1982, С. 454). Видимо, это были небольшие двух-трехэтажные городки или небольшие поселения, оформившиеся в города уже в последующую эпоху,

причем размеры итададелей часто составляли 1 га, позволяя предположить какое-то организационное, может быть государственное, строительство. Существовали и торговля без итададелей (*Лунина*, 1984, С. 30–35).

В целом урбанистические процессы в долине Кашкадарьи протекали несколько замедленно сравнительно с другими областями, что объясняется в первую очередь недостаточным высоким уровнем развития ремесленно-торговой деятельности, которая и в известной мере стимулировалась горнодобывающими промыслами (*Лунина*, 1984, С. 74). Очень важно в этой связи, что земледельческое население Кеша и Нахшбана в местное скотоводческое, вступающее во взаимодействие с оседлым, различалась этнически (*Кабанов*, 1981, С. 113).

Города Самаркандского Согда изучены еще недостаточно хорошо, чтобы выделить какие-либо линии развития, однако отдельные закономерности в истории некоторых из них уже намечаются. В Самаркандском Согде, помимо его столицы, известно не менее 14–16 довольно крупных городов (15–20 га), существовавших в VI–VIII вв.: Маймург, Орлат, Баркет, Дабусия, Дурмен, Кушания и другие, расположенные на расстоянии одно-двухдневных переходов друг от друга, что существенно облегчало перевозки, снабжение городского населения, нужды караванной торговли. Большинство из них – центры сельскохозяйственных рукавов; другие – большие царские резиденции; примерно половина – продолжавшие существовать старые городские центры. Видно, процветание этой группы городов (в значительной степени благодаря их расположению на трассе Великого шелкового пути) и обеспечивало выживание Согда в VII–VIII вв. на первый план в системе культурных и экономических взаимоотношений в Средней Азии.

Благополучие Бухарского оазиса во многом зависело от регулярного водоснабжения, а поскольку он лежал ниже по течению Зеравшана, то большую роль играли мирные взаимоотношения с правителями Самаркандского Согда. Может быть, поэтому, учитывая неустойчивость военного режима, здесь было много селений, жители которых издревле занимались ремеслами и торговлей. Известно, что население в X в. почитало городами только Бухару и Пайкент. Похоже, что эта ситуация была и в раннем средневековье, хотя широкое разведочное работы, развернувшееся в оазисе в 1970–1980-е годы, выявило много поселений, по размерам и структуре приближавшихся к рангу городских (*Аббасилов, Валиев*, 1979, С. 443–444; *Аббасилов*, 1983, С. 446).

Даже Бухара не отличалась крупными размерами; прочие были гораздо меньше. Исключение составлял Рамитан, если прав в своей реконструкции площадке города (56 га) О.Г. Болшаков (*Белозубский, Белозубич, Болшаков*, 1973, С. 183–184).

Облик хорезмийских раннесредневековых городов практически неизвестен. Лишь раскопки Хивы, предпринятые в последние десятилетия, принесли кое-какие сведения о сравнительно крупном городе того времени (26 га). Однако масштабы раскопок невелики и основное внимание уделено проблемам стратиграфии. Получены важные данные о смене застройки при переходе от древности к раннему средневековью: вместо слитной застройки появились сооружения гораздо более монументальные,

такие, типа замков (*Мамитиулов, Якуши* и др., 1986, С. 38–40).

Есть основания полагать, что в VI–VIII вв. сохранились древние города по торговым трассам вдоль Амударьи: существовал Хозарсп с огромной итададелей; в каком-то виде были Садыр и Джингербит; большим городом, судя по топографии некрополя, был Мидахака.

Везде Амударыи колонизаторская деятельность, хорезмийских кунов и ремесленников, видимо, способствовала формированию обширных поселений с итададелей (Куоулкал, Курганча), которые, несмотря на большие размеры, все-таки называть городами можно с большими оговорками. Несомненная деятельность занимала небольшие места; местные ремесла еще не приобрели специализированных форм. Вместе с тем обилие монет, в том числе неместных, заставляет предполагать большую роль торговли. Скорее эти поселения можно рассматривать в качестве “звмиков” полукочевого скотоводческо-земледельческого населения, сохранявшего достаточно архаичную общественную структуру. Видимо, характерным для Хорезма был путь формирования городов возле крупных замков. Помимо Беркуткалы в одноименном оазисе, упомянем Кумбасканкал, а также Кумкал в соседнем Якче-Парсанском оазисе.

Это явление не характерно для такой зоны древней урбанизации, как Тохаристан. В VI–VIII вв. здесь происходят заметные изменения, выразившиеся в уменьшении количества городов в посткушанское время (*Ромашова*, 1988, С. 14; *Алиев*, 1984, С. 13). Этот упадок в значительной степени объясняется изменившимися внешне-политическими условиями в связи с завоеванием области Сасанидами и переносом трассы Великого шелкового пути. Указанные обстоятельства отодвинули прежде процветавшие районы в тень сравнительно с advancingшимся на первый план Согдом (*Седов*, 1987, С. 114 и сл.).

В культуре городов, возникших на основе кушанских, а также и основанных на новом месте, сохранение древних традиций градостроительства проявилось в архитектуре, планировке жилищ и т.п. Исследованиями выделены города разных рангов: Бударч, Кадыркада, Термез – центры земледельческих оазисов, ирригационных областей и ирригационных районов (*Ромашова*, 1988, С. 11).

Большой спецификой отличались районы Средней Сырдарьи. Чач и Илак, где в силу ряда причин городская культура начала развиваться позже, нежели на юге Средней Азии. Урбанистические процессы определялись здесь несколькими основными факторами. Первые два тесно взаимосвязаны: это взаимодействие скотоводов с земледельцами и влияние политических событий и государственной власти на ход внутренних отношений.

Взаимодействие с кочевой степью (а это обстоятельство всегда играло важную роль в истории рассматриваемого региона) приобретает особое значение в эпоху Тюркского каганата. В связи с политическим преобладанием тюрков и появлением значительных массовых прилигов населения в Чаче началось дополнительное изменение оседания скотоводов, за счет чего возникают новые поселения, в том числе и городские. Зона урбанизации продвинулась в глубь оазисов, к окаймляющим их горным отрогам. Стусок городов формируется в среднем течении Чирчика, вокруг столицы – городища Минггурок. Здесь концентрируется не менее десятка новых

городов. Сюда переместились из пригородных районов центр политической и экономической жизни. Все эти явления объясняются не только оформлением к данному периоду самостоятельного владения Чаг, но и стремлением тюркских правителей передвинуть основные центры района к стенам границ, активизируя контакты со скотоводами. Пресекаются и торговые пути (Бураков, 1982. С. 134–135, 179). Таким образом, политический фактор стал доминирующим в градообразующем процессе этого региона. Расматривая вопрос об активизации земледельческо-скотоводческих контактов, чрезвычайно важно учитывать и то обстоятельство, что исходный субстрат внутреннего развития – кауническая культура – это культура скотоводов. Основная линия градообразования – рост городских центров из укреплений, строящихся в предшествующую эпоху (чаще всего на мысах рек, при впадении сав в небольшие реки или в основные водные магистрали – Чирчик и Анрен, что как раз и характерно для оседающего скотоводческого населения. В VI–VIII вв. наблюдаются качественные изменения структуры данных поселений. На месте укрепления возникает цитадель, возле которой разрастается укрепление или неукрепленное поселение. Иногда это происходит в несколько приемов, и в таком случае выделяются топографически различные части, обведенные автономными стенами и даже рябой (Аркурган-Худайкент письменных источников, Кендыктепе, Югантепе, Кабарна-Каварда и др.) (Бураков, 1975. С. 41–47, 52–54, 87–89, 182; 1982. С. 18–22). В целом очертания подобных городов неправильны. Эту линию урбанизации отмечают Ю.Ф. Бураков (Бураков, 1982. С. 170) и М.И. Филианчик, говоря о “консервативном развитии комплекса” (Филианчик, 1989. С. 92).

Другая линия урбанизации определялась воздействием более древних городских цивилизаций Средней Азии, прежде всего Согды. Существенный вклад содвигая в градостроительство на Средней Сырдарье выразился прежде всего в появлении городов правильных четырехугольных очертаний, в особенности зрелой техники и планировки, в других чертах городской культуры. В первую очередь это направление представлено крупнейшим и древнейшим городом Чага – Кайка (Бураков, 1982. С. 169). М.И. Филианчик считает “пунктами активного содвигшего воздействия” Мингуюр, Ханабад, Кулакенте (Филианчик, 1989. С. 92).

В целом в свете новых исследований получается, что Чаг-Илак в VI–VIII вв. – одна из наиболее урбанизованных областей Средней Азии: здесь в это время было 32 города, в том числе один крупный – Кайка (150 га), пять средних (от 25 до 75 га) и 26 мелких (до 25 га). Отсюда вывод, что развитиешло за счет мелких городов (Бураков, 1982. С. 140, 168). Однако сама классификация и выделение типов городских поселений здесь до вскрытия крупных массивов застройки встречают большие трудности и в значительной мере условны.

Историческая типология городов, отражая различные условия их формирования, находится в тесной зависимости от статуса города (столица, центр-оазис, провинциальный небольшой городок и т.д.) и много из других причин. В рассматриваемый период города в большинстве случаев были двух- или трехчастными, включая цитадель, шахрстан и предместье или пригород. Предместье

торгово-ремесленного характера, как правило, и литературе именуют рабадом, полагая, что последний начинается складываться к концу периода.

Цитадель – каля, арк или кудантэ – старая крепость, мусульманских авторов IX–X вв. – являлась административным и политическим центром города, а также одним из важнейших узлов обороны. Обычно она располагалась в черте города, но иногда, например в Пенджикенте или Бухаре, находилась за его пределами. Во многих случаях, особенно когда город вырос возле более раннего укрепления, превратившегося со временем в цитадель, последняя отделялась от остальной территории рвом. Особенность расположения цитадели рассматриваются как показатель большей или меньшей зависимости горожан от правителя, а соотношение ее размеров и городской территории – как один из признаков, отличавших сельское поселение от городского.

Судя по археологическим данным и сведениям письменных источников, в цитадели находились дворец правителя и жилища его родственников, органы государственного управления и т.д. По словам Нершахи, арк Бухары в домусульманский период выглядел так: в нем располагались дворец бухархузатов, казна, амбары, царские диваны, мастерские, а также жилища царских родственников и слуг. Там же были храмы. Таким образом, это была резиденция правителя; откуда он управлял своими владениями (Нершахи, 1897. С. 33–36).

Чрезвычайно интересна отмеченная исследователями двучастность цитаделей – сочетание кешка-донжона с “нижней площадкой”, занятой дворцом (Пенджикент, Вараша, Азхкала 2 в Хорезме).

Вместе с тем существовали цитадели и иного вида, например цитадель довалоки крупного чачского города Ханабада (площадью 34 га), раскопанная полностью и представлявшая собой открытый двор с узкими коридорными помещениями по периметру. Судя по всему, она, скорее всего, использовалась для обороны, хотя и не исключено сочетание оборонительных функций с административными (Филианчик, 1983. С. 123–130 и сл.). Заслуживает внимания упоминание о наличии в цитадели базара, или крупного хранилища продуктов, открытого в Калан-Кафирингане. Однако Калан-Кафиринган – маленький городок (площадью 3,5 га), и значение его цитадели могло отличаться от ее использования в более крупном, тем более столицем, городе (Соловьев, 1989. С. 65).

Персидским термином “шахрстан” или арабским “мадина” арабовизанские историки IX–X вв. называли внутренний город в противовес пригороду – рабаду. Наиболее полное представление о том, как мог выглядеть шахрстан раннесредневекового города Средней Азии, дают многолетние раскопки Пенджикента. В свете этих исследований давно уже изменилось сложившееся к 50-м годам нашего столетия представление о шахрстане как о совокупности усадеб и разнанившегося там ремесла (Жульбейтев, 1932. С. 4). Они были основаны главным образом на восточном прочтении текста Нершахи (Беленицкая, 1967. С. 4–5; Беленицкая, Беленицкая, Большая, 1973. С. 23). Пенджикент, как вскрыто уже более 2/3 территории города, оказался почти засреженным большей частью двухэтажными домами. Минимумом были жилые кварталы, разделенные узкими шириной 3–5 м.

Значительную часть площади города занимали два храма, стоявшие почти в центре, где находилось большое открытое пространство – городская площадь. Архитектура и оформление жилищ, находки позволили исследователям Пенджикента определить местоположение домовладений с разным в социальном отношении составом населения. Другим важным итогом стало открытие домов и мастерских ремесленников, примыкавших к глиняным стенам жилищ, причем их строительство было запланировано одновременно со всем домовладением.

К востоку от города, примерно в 1 км от его стен, тянулись усадьбы предместьев. В большинстве из них имелись второй этаж, а нижний состоял из удобных квадратных помещений с суфами. Отмечается сходство этих загородных домов с жилищами родовых горожан. Во многих таких усадьбах жили и работали ремесленники.

Таким образом, раннесредневековый Пенджикент. Нецелесообразно встает вопрос: типична ли эта картина для среднеазиатского города VI–VIII вв. вообще и согдийского в частности? Действительно, вряд ли окажется больше сходство между стольным городом и небольшим провинциальным городком: сопоставление тохаристанских Кафыркалы и Калан-Кафирингана служит тому наглядным свидетельством (Солтанов, 1989, С. 64–66). Тем более могут различаться синхронные города различных культурно-исторических провинций, да если еще к тому же там встречаются резиденции правителей типа Кахкаха II в Уструване или Варахши в Бухарском Согде. При этом трудно ожидать, что они отражают типичную ситуацию городской жизни. Например, шахристан Бунджакта (городские кварталы I) имел небольшие размеры (площадь всего 5 га) и делился стенами на две части. В одной из них находились дворцы, храмы, административные здания и жилье, в другой – казарменно-сторожевое здание, водохранилище, площадь для военных учений. Таким образом, это типично владельческий город, выросший при резиденции правителя. Он не имеет ничего общего с Пенджикентом, кроме слитной застройки шахристана, однако сам характер этой застройки, в данном случае односторонней, был иным: она состояла из трехугольных секций, как в Гарави Хисоре или в Якке-Парсане (Негматов, Мамиджанова, 1989, С. 95–98).

Раскопки Беркукалы в Хорезме дают некоторое представление о том, как складывался город возле крупного замка. К югу и востоку от замка Беркукалы с мощным дономом и два приема формировалась небольшая городок, площадью не более 4 га. Обе территории окружены стенами. Одна, к югу от замка, была более укрепленной и плотно застроенной. Постройки состояли из скромных помещений, не имеющих никакого сходства с согдийскими. В восточной части городка по середине находилась большая площадь, окруженная постройками, где зафиксированы остатки металлургического и косторезного ремесел. Были и какие-то другие ремесленные постройки. Таким образом, здесь, как будто бы нашли территориальное разделение жилой части – крупного шахристана – и торгово-ремесленной. В замке (питадали) более фундаментальные постройки образовывали слитные ряды, а к северо-восточному углу находилась большая водонапорная башня.

Интересны результаты раскопок городов области Чача-Илака (и вообще присырдарьинской зоны), напри-

мер Кавардана, где оседали скотоводы и отмечаются следы юрт и сподобные от застройки территории (Бураков, 1982, С. 30). Мало сходства с Пенджикентом обнаруживает и другое присырдарьинское городское образование – Кукуркубте, в планировочно-топографических особенностях которого ощущаются глубокие местные традиции и лишь в некоторых деталях организации жилищ и признаков строительства чувствуется влияние саянско-сибирского градостроительства. В значительно большей степени оно наблюдается в крупных городах этой области, таких, как Канка. Здесь в питадали и на территории шахристана I открыты парадные помещения с суфами и многокрасочными росписями, близко напоминающие пенджикентские залы. В то же время шахристан I застроен неплотно, а на территории шахристана III существовали отдельно стоявшие усадьбы. Правда, этот факт расценивается как свидетельство временного сокращения территории города, видимо, наподобие явления, зафиксированных в Хише и Дурмине. Но, по сравнению исследователей Канки, подобные усадьбы-замки встречаются и в городской застройке. К сожалению, пока еще трудно судить о планировке другого крупного города этой зоны – Мингурука из-за его разрушенности и слабой обследованности, хотя и существует мнение о ее сходстве с планировкой Пенджикента и Канки (по типу монументальной застройки урбанистического характера) (Фидантин, 1989, С. 40).

Таким образом, города Чача и Илака могут отличаться известной спецификой, но, может быть, близкая Пенджикенту картина открывается в городах Согда? В самом деле, в Самарканде, в квартале двенадцати, который находился в центре города, как раз и раскопана дома с большими залами, почти полностью повторявшие пенджикентские. Они украшены уже широко известной замечательной росписью с изображением посольств из разных стран, прибывших к самаркандскому правителю. Но нельзя забывать, что судьбы Самарканда и Пенджикента кануна и начала арабского нашествия были тесно связаны и что часть столичного населения даже переселилась в Пенджикент, спасаясь от арабского вторжения. Следовательно, в обоих городах представлен этнически и социально близкий слой, что естественно, наложило отражение и в схожести построек.

О других городах Самаркандского Согда сведений гораздо меньше, чем о его столице, хотя расширившиеся масштабы раскопок выявляют закономерности в пространственно-территориальном развитии некоторых из них.

Большой интерес в рассматриваемом аспекте имеют раскопки Паикенда, пути развития которого обнаруживают известное сходство с историей формирования Пенджикента (Мухамеджанов, Абдылов, Семетов, 1988, С. 9; Семетов, 1989, С. 133–134). Вместе с тем Паикент – единственная в своем роде “купецкая республика”, город без правителя (и этот факт китайские хроникары отмечают специально, поскольку город, видимо, был выделен на фоне синхронных ему) (Бичурин, 1950, Т. II, С. 282). Паикент складывался как бы в два этапа. В нем структурно выделялись питадали, шахристан I (11 га), более ранний, и шахристан II (6 га). Считается, что в V–VI вв. Паикент был ирарской резиденцией и лишь позже становится “городом купцов” (Мухамеджанов и др., 1988, С. 111). В этот же период в противоположном конце Со-

гда близкий путь проходит Пенджикент, первоначальный шахристан которого всего 8 га, причем значительную часть его площади занимали храмы. Не означает ли это, что Пенджикент складался как крупный культовый центр и город выросал прежде всего как обслуга двух храмов, являвших важное значение для большого района и занимавших слишком большое место на его скромной по размерам территории (Смирнова, 1950, С. 64–65)? Чрезвычайно важно в связи с этим, что застройка Пенджикента в V–VI вв. носила разреженный, скорее усадебный характер и не отличалась такой плотностью, как в более позднее время. Соответственно, что застройка, вскрытая в шахристане Пайкенда вблизи цитадели, никакого сходства с пенджикентской не имеет; нет там и ростовей.

О шахристане других согдийских городов, таких, как Кудуртале (Босие китайских источников, центр владения Маймура), Орлат, Дабуния, Арджиджан, Дурмен, имеются лишь самые общие сведения. Вскрытая в шахристане Дурмена значительная часть жилого квартала VIII в. своей планировкой отличается от пенджикентской. Это обстоятельство особенно важно, так как Дурмен в отличие от Пенджикента и Пайкенда сложился как городское образование уже в древности.

Облик главного города Бухарского оазиса — Бухары до сих пор известен главным образом по "История Бухары" Нершахи. И только в последнее время появились предположения о формировании городского образования в конце V — начале VI в., когда два древних самостоятельных массива объединились в единую застройку шахристана и были окружены общей оборонительной стеной. Однако этот вывод основан пока на очень незначительных по масштабу работах.

В отличие от Пенджикента Бухара, согласно реконструкции О.Г. Большакова, двумя пересекавшимися улицами делилась на четыре части с регулярной застройкой. Дворцы правителей в Бухаре строились, так же как и в Самарканде, Пенджикенте, Варакхе, у подножия высокой цитадели (ее кешка), но не на платформе ("возвышей площадке" цитадели), а внизу, на площади Регистан. Базары Бухары подобно пенджикентским находились на окраинах шахристана или вне его, у ворот, но в расположении их в центре города (что вполне возможно) сведений нет. Нет никаких данных о характере городской застройки. И известно лишь (и это очень важное сообщение Нершахи), что 1/4 площади шахристана принадлежала дехкану Химе.

Таким образом, краткий обзор исторической топографии раннесредневековых городов Средней Азии позволяет заключить, что Пенджикент при нынешнем уровне наших знаний вряд ли следует рассматривать в качестве всеобщего эталона среднеазиатского города VI–VIII вв. и т.д. Однако можно не сомневаться, что большинство городов этого времени были в первую очередь, местом обитания земледельной и торгово-ремесленной знати.

Коснемся теперь вопроса о городских пригородах, или, как их принято называть, рабадах. В.В. Бартольд считает, что рабада — внешняя часть города, образованная в мусульманское время, "куда постепенно перешли жить из первоначального поселения" (Бартольд, 1966б, С. 134, 139). Сам термин — арабский, служивший для обозначения как стены, окружающей город вместе с пригородами, так и самих пригородов.

Со временем в это представление были внесены важные коррективы. Так, уже А.Ю. Якубовский заметил, что жизнь в шахристанах не замирает с возникновением рабадов и что "внешняя часть города, где находились торгово-ремесленные кварталы, стала приобретать большое значение уже в домусульманское время" (Якубовский, 1951, С. 13).

По мере роста городов застройка предместия становилась плотнее и насыщение ремеслом, в пригородах, таким образом, росло вместе с общим ростом городов (Беленицкий, Бенетов, Большаков, 1973, С. 43–46; Литвинский, Соловьев, 1985, С. 123). А.М. Беленицкий полагает, например, что заселение пенджикентского пригорода вообще началось в связи с перенаселенностью шахристана, из которого в первую очередь стали переселяться в рабад ремесленники (Беленицкий, Бенетов, Большаков, 1973, С. 46).

Вместе с тем, касаясь вопроса о ремесле в рабадах, целесообразно напомнить, что трехчастное деление города, как показал И.В. Пьянков, сложилось уже в глубокой древности. Тогда же там стало развиваться ремесло, а не в эпоху раннего средневековья, как иногда создается впечатление у ряда авторов. Так, следуя В.И. Сараянцу, в ахеменидский период бактрийский город состоял из крепости с цитаделю — местом сосредоточения господствующего класса — и неукрепленного пригорода, где концентрируются ремесло и торговля. Возле древнико-тайских городов эпохи нам также отмечаются торгово-ремесленные пригороды (Чжан, 1968, С. 243). В этом смысле рабад не чисто средневековое явление, поскольку степень насыщенности городских предместий ремеслом и торговлей зависела в первую очередь от уровня развития производства в тот или иной период истории в каждом отдельном городе.

В целом, к сожалению, исследование предместий среднеазиатских городов VI–VIII вв. еще не приобрели достаточных масштабов для получения надежных доказательств приоритета там торгово-ремесленных построек или, более того, кварталов. Обычно при их описании упоминаются гончарные мастерские, что и неудивительно, так как специфика этого ремесла требует открытого пространства, а не скучности среднеазиатского шахристана. Кварталы гончаров существовали и в пригородах античных городов. Не имея пока полного представления о пригородах-рабадах раннесредневековых городов, можно только добавить, что застройка большей частью имела рассредоточенный характер и либо была обведена стеной, либо оставалась неукрепленной. Предместия Самарканда окружала стена "Девори Кизмат" протяженностью 40 км.

Археологические материалы служат важным дополнением к сведениям письменных источников, позволяя в общих чертах охарактеризовать социальную структуру общества VI–VIII вв. Наибольшее значение имеют среди них "История Бухары" Нершахи и документы с горы Мур. В них (А-9) упоминается городская община, от лица которой составлялось письмо Деваштуму, заключались договоры и взымались пошлины. Она состояла из знати, купцов и работников.

Господствовавший слой не был однородным ни экономически, ни политически. Верхняя знать — правители общин, представители правящих "домов" — обяза-

чалась термином "мализ" – "царь" или "мрай" – "господин" (Смирнова, 1970, С. 51–53). Эти термины встречаются в документах с горы Муг и на монетах. Арабы употребляли для обозначения данной категории населения термины "мализ" и "сахиб" ("Табари") или же называли всю землевладельческую знать "хаватан", чему соответствует западноиранское "дехканин".

А. Новосельский выдвигает, что дехканы-дехан (от западноиранского *deh* – селение) – выходцы из деревенской верхушки, превратившиеся со временем в налоговых агентов правительств и, наконец, во владельцев деревень (Новосельский, Паушто, Черепин, 1972, С. 71). В период арабского нашествия дехканы – не только мелкая и средняя знать, но и правители округов.

Наиболее многочисленным, как полагают, был слой рядовой знати – "азаты" (буквально "свободный", "благородный"), хотя этим термином могла обозначаться и верхняя знать. Есть мнение, что на них лежала служба при владетельных дехканах-азимах (Смирнова, 1970а, С. 85), причем, не имея земель, они получали их в качестве вознаграждения за службу при правителях крупных областей (Лившиц, 1962; Смирнова, 1970а, С. 85; Новосельский, Паушто, Черепин, 1972, С. 80). Основная тенденция времени заключалась в ослаблении традиций старой родовой знати и выдвигании новой, служилой – "азатов", или "всадников", – слоя, порожденного феодализацией общества. Они стали поборниками новых порядков.

О.И. Смирнова называет еще одну категорию знати – "дарелчи", "сыновья малика". Из них составлялась аристократическая конница – "чакри". Личная гвардия была не только у представителей землевладельческой знати, но и у купцов. Впрочем, в интерпретации термина "чакир" нет единодушия. Хотя большинство исследователей согласны с тем, что "чакри" – люди наемные, некоторые считают их рабами. Согласно документам с горы Муг, представители аристократии часто именовались по названию своих владений, что лишний раз подтверждает тесную связь знати с землей. В это время частновладельческие земли были широко распространены. В городе дехканы имели крупную недвижимость: так, согласно Нершахи, дехкану Хисе в Бухаре принадлежал большой участок, занимавший четверть шахрстана, где было 1000 лавок и мастерских и 75 жилых кварталов. В связи с этим встает вопрос: насколько такая фигура совместима с существованием городской общины, подобной пенджикентской?

Второй большой группой господствовавшего слоя населения среднеазиатского города (и общества в целом) являлся купечество. Отличаясь от дехан состояния, оно было им близко по образу жизни, как о том свидетельствуют письменные источники. Согласно Нершахи, купцы владели крупной недвижимостью и жили, как и дехканы, в замках.

Теснейшую связь купцов с земельной знатью отмечал и А.Ю. Якубовский (Якубовский, 1951, С. 151), но он полагал, что первое еще не выделилось в самостоятельную группу населения. Упомянув купцов наряду с азатами и "работниками" подымают их большую роль в жизни среднеазиатского общества, Имеются суждения о существовании купеческих товариществ, или корпораций, которым принадлежали подворья (Смирнова,

1970а, С. 139). Подобные корпорации известны с глубокой древности в городах Ближнего Востока (Orrenheim, 1964, С. 116–117), в Иудее (Литвинский, Седов, 1983, С. 133), в Сасанидском Иране (Периханян, 1983, С. 286).

В Византии VI–VII вв. (Пидулески, 1956, С. 222–224). К господствующему слою принадлежали и жреческое, которое также было неоднородным. В документах с горы Муг встречаются термины "мугулар" – "верховный жрец" и "ваганлар", обозначающий рядового жреца (Лившиц, 1962, С. 182; Беленицкий, Бентиниц, Болышаков, 1973, С. 115), свидетельствующие о наличии жреческой иерархии. Факт получения жрецом зовности из кладовых Девахштанга, как полагают, свидетельствует о тесной связи жречества с государственным аппаратом.

По археологическим данным, различные слои общества занимали в раннесредневековых городах определенные кварталы. Участки застройки по социальному признаку отмечены в Самарканде (Афрасиаб) и в Пенджикенте. Исследование застройки Пенджикента в социологическом аспекте с привлечением других данных, в первую очередь жилищных, дало чрезвычайно интересные результаты. Полагают, что городская община могла состоять из агнатических групп разного порядка – ирражийе, маршах, знати, рядового населения (Беленицкий, Мариак, Распопова, 1979, С. 19). Отсюда сделан вывод, что в городе существовали только две очень крупные влиятельные общины агитатов, которым соответствуют два самых больших домовладения в восточной и центральной частях города и два храма в центре города. Все эти замечательные гипотезы кажутся правдоподобными в свете выводов А.Г. Периханян и сведений о большой роли агнатических связей в строе иранского и среднеазиатского общества, о квартальных общинах позднесредневековых городов Средней Азии, опубликованных О.А. Сухаревой.

Характер отношений пенджикентской знати с производящим населением – "работниками", вскрывающийся благодаря документам с горы Муг, позволяет считать ее градообразующим слоем (Беленицкий, Мариак, Распопова, 1979, С. 24). Значительную часть "работников" составляли, как полагает А.М. Беленицкий, ремесленники и мелкие торговцы, которые были лично свободными и хозяйственно самостоятельными, как об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что они перечисляются в документе А-9 в составе общины отдельно. О том, что "простой люд" – рядовые горожане были юридически свободными, можно судить также по обилию найденных в Пенджикенте печатей и сравнительно большому количеству найденных в лавочках и мастерских монет и, кроме того, по расположению торгово-ремесленных помешаний (Беленицкий, Бентиниц, Болышаков, 1973, С. 54, 130–131). Вместе с тем некоторые сведения дают основания полагать, что состав ремесленников и их статус были неоднородными. Так, в цитадели Самарканда открыта мастерская со следами какого-то устройства, по-видимому токарного станка, а в цитадели Тукета в Чаче-Илаке обнаружены следы металлургического производства. Возможно предположить, что в таких мастерских могли работать зависимые лица, обслуживавшие нужды правителя. Четыре категории таких зависимых лиц упомянуты в двух документах с горы Муг (№ 3, 4). Предполагается также использование в это

время в каких-то масштабах рабского труда (*Беленицкий, Бистонич, Большаков, 1973, С. 118*).

Роль ремесленного производства в жизни раннесредневековых городов далеко не всегда ясна. Предполагается, что был прав А.Ю. Якубовский, когда считал, что ремесла там еще не занимают того места, которое им стало принадлежать в дальнейшем, и отделение города от деревни было не настолько велико, чтобы ремесло могло сделаться полностью производственной основой существования их населения (*Якубовский, 1955, С. 185, 200*).

В ряде городов известны ремесленные кварталы, но это главным образом гонимые мастерские. В крупнейших столичных городах – Самарканде, Еркургане, Мерве – исследовались кварталы керамистов IV-V и VII-VIII вв. н.э. В Пенджикенте специализированных ремесленных кварталов не обнаружено, а мастерские в давке ремесленников разного профиля расположены “переселенно”.

Иначе рисуются исследователями развитие и роль ремесел в раннесредневековых Чаче-Илаке. Ю.Ф. Бураков полагает, что шахристаны в VI-VIII вв. являлись в первую очередь ремесленными центрами (*Бураков, 1982, С. 132*), чего, пожалуй, никак не скажешь о Пенджикенте. Возможно, эта специфика объясняется бурным развитием ремесел в Чаче-Илаке в связи с возросшим в это время значением горнорудных разработок. Однако следует сказать, что имеющиеся по этому поводу материалы пока недостаточно определены. Так, металлургическое и гонимое производство были в Мингуроке, но масштабы их не установлены (*Бураков, 1982, С. 128-129*).

Возможно, раскопки вновь сформировавшихся в V-VIII вв. городов, особенно в местах контактов со степью, внесут в суждение о роли ремесел в жизни города этого времени значительные коррективы. И наконец, несопоставим уровни развития ремесел в столичных центрах и малых провинциальных городах типа Калан-Кафирнигана в Тохаристане (*Солтеев, 1989, С. 65-66*).

Думается, можно говорить и о сельскохозяйственных занятиях жителей раннесредневековых, особенно небольших, городов. Так, В.С. Соловьев на основании материалов из раскопок Калан-Кафирнигана сделал вывод, что население этого маленького городка занималось животноводством, не исключает он и сельскохозяйственную деятельность горожан более крупной Кафиркалы (*Солтеев, 1989, С. 64-65*). Ю.Ф. Бураков упоминает о полях, садах и огородах горожан Чача. Совершенно конкретные сведения о больших садах и полях вокруг хорезмийских городов несколько более позднего времени имеются в письменных источниках (МИГТ. Т. 1, С. 185-188). В свете этнографических данных о дислокационном укладе жизни горожан Средней Азии XIX-начала XX в., они приобретают определенный смысл (*Султанова, 1979, С. 212*).

Расширение сведений о сельских поселениях и расселении позволяют вкратце с письменными источниками удивить некоторые аспекты взаимоотношения городского и сельского населения.

В VII-VIII вв. происходит дальнейшее совершенствование древних ирригационных систем и строительство

новых. Ирригационная сеть становится сложнее и разветвленнее, позволяя освоить большие массивы земель под поливные угодья. В Согде основные каналы, питающие Самаркандский и Бухарский оазисы, были выведены из Зеравшана еще в раннеархаичную эпоху, в том числе Даргом и Наррай в Самаркандском Согде, Кашмеде, Харкавируд, Зандана, Рамтанруд – в Бухарском. Уже в древности была освоена вся пойма зона Зеравшана и завершено формирование двух упомянутых оазисов (*Мушкетеров, Валев, 1978, С. 532*).

Большое значение в экономике предгорных районов Согда имели посевы на богарных землях.

В Южном Согде, в Кашкадарьском оазисе, в это время происходит максимальное обживание горных районов, причем 70% поселений в восточной части оазиса возникло именно в эпоху раннего средневековья.

В Чач-Илакском районе в это время оформляются ирригационные системы Салар и Анкор-между Ташкентом и Янгюлемоде является система Джуня и Куркулдука, появляются канал Низбаб, осваиваются долины среднего течения Пекема в Чаткале. В долине Мирчика зафиксировано более 30 крупных каналов – Ханярк, Зах. Кейсаус, Салар и т.д. (*Давидович, 1973, С. 265-266*).

По подсчетам Ю.Ф. Буракова, общая площадь поливных земель увеличивается в 2 раза. Обнаружено более 300 поселений этого периода, причем процент городского населения составляет 25-30, широко осваиваются адырные земли, но все же основная масса поселений концентрируется на поливных землях (*Бураков, 1982, С. 133*).

В Хорезме, как известно, богарных посевов вовсе не было, но население достигло большого искусства в обработке участков, в строительстве и уходе за ирригационными сооружениями (*Андрианов, 1969, С. 135, 137 и др.*).

Таким образом, в различных районах наблюдаются в это время сходные явления, связанные с общими процессами социально-экономического развития.

Исследования топографии сельскохозяйственных оазисов также дали одностороннюю картину. Наиболее подробно изучены сельские поселения Хорезма и восточной части Кашкадарьского оазиса. Там выявлено, что самые крупные укрепления стояли у истоков каналов, вдоль русла которых располагались более мелкие и менее укрепленные или неукрепленные поселения. Наиболее характерной чертой сельского пейзажа становится усадьба в лаюк – “тепе с вышкой”.

В Яккабгском районе на Гузардарье удалось заметить даже контуры раннесредневековых владений, площадь которых определяется в 1-5 тыс. га. Центром таких владений были небольшие городки, которые рассматриваются в качестве резиденций влиятельных лич. (*Шрегенберг, 1986, С. 38*). В Китабском районе П.И. Крашенинникова наблюдала близкое расположение мелких тепе – остатков усадеб, что, по ее мнению, свидетельствует об уменьшенности земельных наделов (*Крашенинникова, 1977, С. 71*). Наблюдение за динамикой развития поселений на одном небольшом участке (120 га, по Буракову) позволило установить, что на одну крупную усадьбу в V-VI вв. приходилось не менее 30-ти мелких и бедных, в том числе три усадьбы больших семей площадью от 0,04 до 0,12 га и шесть жилищ

рядовых крестьян, вешних, видимо, самостоятельное хозяйство. В VII-VIII вв. картина меняется: основная часть построек забрасывается, а население сосредотачивается по стенам возникшего в это время крупного замка, владетель которого, возможно, распространил свою власть на территорию всего оазиса (*Кабанов*, 1977: С. 103-107).

В раннесредневековом Хорезме фиксируется рассредоточенное (хуторское) население, характерное для этой страны во все периоды ее истории. Укрепленные усадьбы и небольшие сельские поселения располагались вдоль боковых ответвлений крупного канала и образовывали несколько групп, причем командное положение у истоков ответвления занимал крупный замок феодала. На каждый крупный замок здесь также приходилось до десятка и более мелких усадеб. Последние резко распадаются по величине, что, вероятно, свидетельствует о распадении земледельческой общины.

В западной части Бухарского оазиса, как и в Хорезме, сельские жители жили в обособленных усадьбах. По-видимому, здесь в раннем средневековье сложился тот же тип расселения, о котором пишут исследователи этих мест в конце XIX-XX вв., — в виде отдельных хуторов, рассеянных иногда на значительном расстоянии один от другого. Они сосредоточивались близ базарных пунктов, объединяясь по отдельным каналам, по признаку водопользования и родовым связям (*Магидович*, 1926: С. 74, 87-88, 93).

Не исключено, что уже в VII-VIII вв. существовали террусты Согда, которые описывают авторы X в. Так, ал Истахри насчитывал в Бухарском оазисе 22 руката (в то время как в Самаркандском их было 12), из которых 15 находились в черте "длинных стен", постройка которых приписывается арабскому наместнику Абул-Аббасу Фазлу бен Сулейману ат Туси (786-787 гг.).

Словом "рукат" по В.В. Бартольд, обозначалась группа селений вокруг большого города. Однако не ясно, какой признак положен в основу их выделения — имелись ли в виду деревни, входящие в состав владений одного лица или рода, или же деревни, орошенные одним и тем же отводом какого-нибудь большого канала (*Бартольд*, 1965: С. 119). В Иране под этим термином понималась мелкая территориально-административная единица — "волость" или "район" (*Шугуренская*, 1956: С. 169).

Более вероятной представляется последняя версия, когда владения-рукаты складывались вдоль водных притоков-каналов или рек.

Укрепленные замки, несомненно, являлись остатками многочисленных господских поместий, или доменов. По Нерихину, большинство земель Бухарского оазиса принадлежало бухарудатам. По его же сведениям, сын ханши Хатун владел имением в окрестности Бухары по каналу Маклан (*Нерихин*, 1897). Рассказывается также, что в исковом прощени наследников уже известно дохканана Хюви перечислялись, кроме городских владений (1/4 шахристана), 75 селений, составлявших частную собственность (хас) (*Гудков*, 1976: с. 43).

В имение-доме Дешатича входили селения в верховьях Зеравшана (*Боголюбов*, *Смирнова*, 1963: С. 333-334), которыми управлял многочисленный штат. На какой-то, пусть и меньшей, штат опирались в наибо-

лее значительные дохкане. Раскопки крупных замков с привлечением цаных письменных источников дают возможность составить представление о быте дохкан и структуре населявшего замок коллектива. Последний мог быть весьма многочисленным, включая различные категории его полноправных и неполноправных членов (*Висланд*, 1936: С. 6-7; *Литвиц*, 1962: С. 37. Примеч. 70), а также слуг (в том числе военных) и рабов.

Как и в древности, большая часть земель относилась к общинному сектору. Общинные селения располагались на государственных и частновладельческих землях. Эти сельские общины, как и городская пещаджаикентская, обозначались в документах с горы Муг одним и тем же термином (*Литвиц*, 1962: С. 95). В них упоминается и ряд лиц, относившихся, видимо, к местному самоуправлению: это "господин ката" (Б-17), скорее всего, сельский староста (замечим, что существовал и городской "господин ката") (*Боголюбов*, *Смирнова*, 1963: С. 95); "государь" — правитель селения и прилетавшей к нему сельской местности; и еще какой-то духовный и гражданский чин (*Литвиц*, 1962: С. 176-177).

В структуре общин большую роль, как и в городах, как теперь представляется в свете документов с горы Муг и сасанидовского Судебника Матаканд-и-хазар-Датстан, играли агнатические связи. Согдийская община, как подлагает А.Е. Периханин, состояла из трехпоколенных больших семей (*Периханин*, 1983: С. 76). Крупный родственный коллектив выступает в документах об аренде мельницы (В-4), в "Брачном контракте" (Nov. 3 и Nov. 4), в документе о купле-продаже земли (В-8), где упоминается термин, обозначающий "род" (*Литвиц*, 1962: С. 17-45 и др.).

Крупные семейные коллективы существовали в VII-VIII вв. и в Хорезме. В источниках на остроярии из Токланд упоминаются члены одной и той же семьи. Патрилинейный счет родства, упоминание не только отца, но и деда покойного, передача имени не в смысле отчества, но как имени главы рода позволяют думать, что речь идет о широкой родственной организации типа патронимии (*Гудкова*, *Литвиц*, 1967: С. 13-14).

Полагают, что большая часть земледельцев в этот период были лично свободными (*Якубовский*, 1949: С. 31 и сл.; *Смирнова*, 1970а: С. 101), однако усилился процесс распада общины. Многообразие категорий сельского населения нашло отражение в существовании различных обозначавших его терминов. В согдийских текстах зафиксированы кшатриары и кшативары, видимо какие-то категории свободных крестьян (*Смирнова*, 1970а: С. 101), а также аркарак — "работавший по принуждению батрак" (*Литвиц*, 1962: С. 159).

Какой-то род зависимых лиц выражен термином "кедвар", применительно Нерихин в рассказе о восстании Абура в Бухаре, хотя этот вопрос еще нельзя считать полностью решенным. Так, В.В. Бартольд полагал, что кедвары — члены "кеды" — большесемейной общины, состоявшей из нескольких поколений родственников-агнатов, происходящих от одного предка по мужской линии (*Бартольд*, 1963: Т. II(1), С. 209). О.И. Смирнова упоминает и другие источники, которые позволяют ей истолковать этот термин как обозначающий простого земледельца, не отличавшегося от мелких земледельцев-крестьян (*Смирнова*, 1970а: С. 108).

Вместе с тем, по С.П. Толстову, кединары – зависимые люди типа кзылбаев, поскольку в тексте Нершахи говорится, что по возвращении бухархадатов "большинство жителей оазиса стало их кединарами и слугами" (Толстов, 1948, С. 151).

Таким образом, основные источники, прежде всего документы с горы Муг, содержат очевидные свидетельства зависимости жителей некоторых селений от владельцев доменов; их посылали на повинностные работы; были какие-то люди, по-видимому лишившиеся земли и работающие за плату. Помимо того, сельские общины выплачивали подати продовольствием и разного рода продуктами. Следовательно, в рассматриваемый период преобладали натуральная и отработочная ренты, а денежная еще не получила широкого распространения.

Основным занятием населения в сельскохозяйственной стране, какой являлась раннесредневековая Средняя Азия, было земледелие. Полеводство сочеталось с возделыванием трудоемких садово-виноградных культур.

Масштабы возделывания интенсивных культур сравнительно с зерновыми (и за их счет) рассматриваются как свидетельство товарности хозяйства. Вряд ли в рассматриваемое время оно было значительным, хотя и имеются, например, сведения о принадлежавших дехканам садах и участках, где специально высаживался виноград, может быть на продажу (Смирнова, 1970а, С. 94–95). В деревне, видимо, преобладало натуральное хозяйство, что подтверждают раскопки сельских поселений VI–VIII вв. в Хорезме и в горном Согде. Рассчитано, что запасов, извлеченных в кладовых домов Гардана Хисора, было достаточно без дополнительных закупок. Сходную картину дают раскопки селения Кум (Якубов, 1988, С. 10–18).

Кроме того, в деревне производили различные домашние промыслы: ткачество, изготовление лепной посуды, выделка кож и др. Это ограничивало связи деревни с городом. Деревенские ремесленники – кузнецы, гончары – снабжали своей продукцией и местное население. Статус их нам неизвестен, но не исключено, что, входя в состав земледельческой общины, они обменивались продуктами своего производства. Примеры такого типа поселений можно найти в Беркуткульском оазисе и Хорезме, где, кроме ремесленной "пристройки" к замку Беркуткуль на окраине оазиса близ Большой Кырккызылты (которую можно рассматривать как укрепленное поселение), работали гончары, а в некотором отдалении обнаружена железоплавильня, и, скорее всего, она не была единственной. Мастерская использовала местное сырье, которое, конечно, не могло служить основой для крупного железнорудного производства, но, видно, плавать, было вполне достаточно для деревенских кузнецов и металлургов, удовлетворявших спрос покупателей ближайших селений оазиса, обходившихся без городского рынка.

Домашние промыслы и ремесла получали развитие и в согдийских селениях, о чем можно судить по документам с горы Муг и археологическим данным, свидетельствующим о том, что даже в отдаленных глухих уголках Согда занимались ткачеством, гончарством и в конечном счете (Кранишников, 1977, С. 71–72). Напомним, что и Нершахи упоминал в Бухарском Согде селения, где изготавливали определенные виды тканей, причем

эти ремесла традиционно продолжали существовать там и много позже (Сухарья, Турсунит, 1982, С. 36–37). Развитие деревенских ремесел в районе Кеша объясняют малым количеством удобной пахотной земли или тем, что город не снабжал эти районы своими изделиями (Кранишников, 1977, С. 71–72; Лунова, 1984, С. 78). Обе версии справедливы. В качестве важнейшего показателя того, что город не являлся в ту пору по-настоящему "центральным местом" в хозяйственно-экономическом отношении, могут рассматриваться междеревенские ярмарки. О древности этого явления (в частности, в Шархе и Таванше), как отметил А.М. Белецкий (Белецкий, 1973, С. 110–114), свидетельствует тот факт, что к ним были приурочены согдийские праздники (Смирнова, 1970а, С. 141). Существовали своего рода специализированные ярмарки, например скотом торговали на границе с кочевыми районами и в Испиджабе.

Междеревенские ярмарки и развитие междеревенской торговли естественны для того периода, когда город преимущественно обслуживал свои нужды и основной градообразующий слой – земледельческая знать (как было в Пенджикенте) удовлетворяла свои потребности за счет поступлений из доменов. Более развитое и специализированное ремесло в крупнейших городах Средней Азии – столицах, а также в контактных зонах, где был большой спрос на ремесленные изделия со стороны кочевников, несомненно, должно было шире выходить за рамки собственно городов и проникать в сельскую местность.

К сожалению, пока не ясен вопрос о специализации внутри той или иной отрасли ремесла, а это весьма существенное обстоятельство, отражаемое в целом уровнем развития экономики, в том числе рыночных связей. Говорить о специализации по отдельным видам ремесла в горном Согде преждевременно из-за неполноты текстов документов с горы Муг (Белецкий, Мариас, Распотова, 1980, С. 19). Встречающиеся в археологической литературе упоминания о возможности такой специализации, главным образом в гончарстве, отрывочны и противоречивы. Полагают, что в раннесредневековом Самарканде наблюдается специализация по видам продукции и наличие узкоспециализированных мастерских внутри различных ремесел (Ташкожан, 1973, С. 102), однако проследить их удается только по материалам более позднего времени (Шикина, 1973, С. 151). Вместе с тем в Канке, тоже большом городе, в гончарном квартале к югу от восточных ворот шахрстана I, в двукурсыных печах обжигали разнообразную посуду (Абдуллаев, 1974, С. 83). Интересно, что и в средневековом Мерве специализация гончаров по изготовлению отдельных видов посуды не наблюдается. Возможно, эти явления отражают неравномерность экономического развития разных районов Средней Азии (если только все не объясняется недостатком сведений).

Более убедительными кажутся суждения о возможности узкой специализации в строительном деле, достижении высокого совершенства и характеризирующиеся большим разнообразием приемов. Б.А. Литвинский полагает, что египетские и кунозные конструкции делал особый мастер. Действительно, в одном из документов с горы Муг упоминается, что немцуому тину было уплачено 100 драхм "за возведение крыши" (Литвин, 1962,

С. 182–183). Однако в целом проблеме следует считать пока открытой.

Несомненно из этого, ясно, что торговый обмен между городом и деревней не мог быть особенно ожидаемым и ремесленники, видимо, обосновывали главным образом городами. Именно в городе поэтому и было развито денежное обращение, причем наиболее активно деньги стали «вторгаться» в торговлю после VII в., который стал неким рубежом. Это явление зафиксировано как в Согде, так и в других раннесредневековых владениях, в частности в Хорезме.

Видно, монеты обращались в основном внутри уделов, определенное количество мелкой разменной монеты найдено в Согде, Пенджакенте (*Смирнова*, 1963, С. 130–134), Согдийские монеты, выходявшие в Кердер (*Вайнберг*, 1973, С. 123; 1977, Каталог, № 10–111), свидетельствуют о наличии торговых связей, пусть и ограниченных, между этими областями. Вместе с торговой и колонизационной деятельностью согдийцев в Семиречье в Чуевской долине там вошли и обращение согдийские монеты, причем, видимо, существовали купеческие корпорации, регулировавшие торговую деятельность отдельных владений. Великая караванная торговля Средней Азии играла, как и в предшествующие периоды, большую роль в экономике. Уже затрагивался вопрос в связи с проблемами урбанизации в данном регионе. Важное значение международной торговли отразилось в сообщениях письменных источников и далеких странах, в которые среднеазиатские купцы-хорезмийцы совершали путешествия на телегах с большими колесами (*Бичурин*, Т. II, 1950, С. 314–316), о жителях владения Кан – согдийцах, которые «искусны в торговле» (*Бичурин*, 1950, Т. II, С. 314). Среднеазиатские караваны достигали в ту пору пределов Китая, Византии, Ирана, приходили в восточноевропейские страны.

Особенно важную роль в караванной торговле во Великому шелковому пути играли согдийцы. Согдийские поселения VII–VIII вв. известны к югу от озера Лобнор, в Турфане, Хами, Дуьнхуане, Ордухе, Сложилось своего рода федерация согдийских городов, добавлявшая большую свободу действий во внутренних и внешнеполитических делах. Федерация согдийских городов существовала и в Ордухе. Вместе с тем имеются сведения, что политическая автономия согдийцев в городе Чинанчанке в Турфанском оазисе была ограниченной. Из недавно опубликованных документов сделаны и важные выводы о социальной структуре населения согдийских колоний, перенесшего на новые территории привычные ему черты устройства жизни.

Оживление торговли вызвало к жизни новые торговые пути и в Капскадаранском районе, которые также являлись участками внешних международных торговых трасс (*Лунина*, 1984, С. 76–77). Однако функционирование Великого шелкового пути в его отключенный не только активизировало торговлю. Оно явилось катализатором обмена культурными ценностями, стимулировало распространение мировых религий (буддизма, христианства) в Центральной Азии и Китае, проявлялось во многих других аспектах жизни среднеазиатских владений.

Продолжал функционировать и путь в Восточную Европу, причем важную посредническую роль в этих

контактах с Северо-Западом играл Хорезм. Источники отмечают богатство этой страны игтарем, который мог поступать либо из Прибалтики, либо из Приволжья (*Буйнова, Половинкина*, 1984, С. 24). Караваны из Средней Азии на Каму и в Приуралье проходили через Оренбургские степи, где встречались находки металлических предметов среднеазиатского происхождения (*Станиславский*, 1960, С. 117). О торговых контактах Хорезма с Приуральем свидетельствуют находки хорезмийских серебряных сосудов и своеобразных поясных бляшек. Видно, в районе нынешней Перми располагался перевалочный пункт, ведший из Средней Азии к Белому морю, и есть предположение, что близ современных Архангельска, Мезени и Пустозерска могли существовать фактории среднеазиатских купцов (*Смирнова*, 1970, С. 188). Как и Согд, раннесредневековый Хорезм развивал в это время колонизационную деятельность (но несравненно меньших масштабов), шедшую в северо-западном направлении – в Приуралье, в Нижнее Поволжье. Основным предметом торговли был шелк, причем теперь уже среднеазиатское население научилось изготавливать прекрасные ткани, пользовавшиеся широким спросом. Важной статьей экспорта из Средней Азии, в частности из Согда, становятся стеклянные изделия. Одновременно в Центральную Азию и Китай поступали согдийские и иранские стеклянные сосуды и, как отмечается в литературе, «шелковый» путь становится и традиционным «стеклянным» путем. Из Китая, в свою очередь, велся на Запад шелк, дак, бумага, бронзовые изделия, например культовые изображения и зеркала. Большое количество сасанидских монет в некоторых южных районах Средней Азии и подражений им, византийские монеты и некоторые предметы роскоши свидетельствуют об участии в важной роли этих стран в международной торговле на трассах Великого шелкового пути в VI–VIII вв. н.э.

IV–VIII века являются важным этапом не только в развитии экономики и культуры Средней Азии. Этот период рассматривается и как существенный рубеж в истории этнических отношений в обширном Среднеазиатском регионе. Оба направления развития взаимосвязаны, и этнические процессы в значительной степени обусловлены экономическими сдвигами. Поэтому важно значение имеют особенности социальной структуры общества, степени его урбанизованности, так как города выступают в качестве своего рода катализаторов этнических процессов, мест концентрации иноэтнических групп населения. Отмеченные выше для регионов Средней Азии тенденции развития социально-экономических отношений вели к хозяйственно-культурной интеграции, особенно отчетливой в областях, близких к экологическому оптимуму.

Экология оказывает активизирующее или же тормозящее влияние на ход этнических процессов, способствуя в определенных случаях сохранению этнических традиций (*Норкис*, 1990). В числе других факторов, влияющих на ход этнических отношений и процессов, отметим роль политической власти, и определенные периоды выступающей на первый план. К таким моментам следует отнести распространение власти Западнотюркского каганата на среднеазиатские области. Не подлежит сомнению, что этот факт способствовал усилению

процессов тюркизации местного населения и складывалась основа средневековых этнических общностей — народностей.

Политическое господство, несомненно, создавало условия для победы языка пришельцев, однако при определенных обстоятельствах. В частности, в эпоху Тюркского каганата внедрение тюркского языка в ираноязычную среду определялось количеством пришлое тюркоязычного населения. Полагают, что массовое переселение тюркских племен в Бухарский оазис отразил рассказ Нершахи о восстании Абура. Но А.М. Мандельштам считал, что в долину Зеравшана и в Кашкадарьинской оазис тюркоязычные кочевники проникли в сравнительно небольшом количестве (*Мандельштам*, 1957, С. 358). Основываясь на сведениях хроника Табари, этот исследователь отметил значительно большие размеры их проникновения в горные и предгорные районы Северного Тохаристана и в особенности в Южный Тохаристан, куда они вторглись в конце VI в. В VIII в. тюрки-карлуки жили не только в Селемичье и Тохаристане, но и в Фергане (*Якубовский*, 1941, С. 8). Китайская хроника Таншу сообщает, что местный владетель был убит тюрками, захватившими столицу (*Бичурин*, 1950, Т. II, С. 313). Табари упоминает под 737 г. карлуков в районе вершин Амуударья, в 90-е годы VIII в. — в Фергане, в Уструшане.

В 40-е годы VII в. в Фергане установилась тюркская династия (*Бичурин*, 1950, Т. I, С. 283, 356). Еще ранее тюрки вторглись в Чач, убив местного владетеля и поставили своего (*Там же*). Города этой области управлялись феодалами, подчинившимся Тюркскому каганату (*Белл*, 1884, Р. 452). По-видимому, с этого времени (605–606 гг.) в Чаче прочно водворается тюркская династия, причем изображения правителей на монетах, связываемых с этим регионом, имеют монголоидный тип (*Смирнова*, 1963, С. 35). Полагают, что проникновение тюрков в Фергану и Чач отличалось особенно большими масштабами и здесь имел место массовый переход к оседлости кочевнико-скотоводов. Действительно, по археологическим данным, в это время в предгорных районах Чача появляются города с тюркскими названиями (Намуудат, Абраг); застройка некоторых из них была рассредоточенной и включала, видимо, легкие постройки типа юрт (*Бураков*, 1975, С. 98). Эти процессы нашли отражение в материальной и духовной культуре населения. Проникновения перемени в древних религиозных представлениях; древний тотем в образе барана сменился новым и изображался теперь в виде быка. Этот образ А.Н. Бернштам в свое время связывал с тюркскими родами в гуннских объединениях (*Бернштам*, 1951, С. 200; *Бураков*, 1986, С. 60).

В Согде, по предположению О.И. Смирновой (*Смирнова*, 1963, С. 32), также появились тюркские правители. Тюрком был Чекин-Чур Билге, предшественник Деваштича, правивший между 694 и 708 гг. Имена тюркских правителей — Амукуйан (по другому прочтению Гамаукайан) и Бидаян (Чекин-Чур Билге) — зафиксированы на монетах (*Смирнова*, 1963, С. 15). О.И. Смирнова предполагает, что династия была связана с одним из тюркских родов района бассейна Сырдарьи (*Смирнова*, 1963, С. 32). Тюрки внедрились в государственную аппарат Согды путем брачных связей, многие владетели Сог-

да становились родственниками тюркских ханов, женились на дочерях западно-тюркских беков, выдавали своих дочерей за тюркских правителей. Есть сведения, что у предшественней местного населения наряду с согдийским именем было и тюркское. Так, судя по брачному контракту (Nov. 9), Дудгонга имела в тюркское имя. Тюрком был фарашидор Деваштича Уттегини и т.д. Таким образом, видимо, появились двуязычие, которое является показателем основных этнических процессов (*Бромлей*, 1973, С. 54–55). Так, О.И. Смирнова считает, что тюрки уже в первой половине VIII в. пользовались согдийским языком и письменностью, а часть их была двуязычной (*Смирнова*, 1963, С. 54). В данном случае мы имеем подтверждение теоретического положения, выдвигаемого к тому, что, если политическое преобладание не влекло существенных перемен в хозяйственно-культурной жизни местного населения, последнее сохраняло свой язык (*Алексеев*, *Бромлей*, 1969, С. 431). Напротив, вместе с согдийской колонизацией, расширением хозяйственно-культурных контактов согдийское население согдийский язык и письменность получают распространение вне пределов собственно Согды, укрепив свои позиции на дальних междуречных трассах. По сообщению Сюань Цзяна (630 г.), название "Сузи" ("Согд") носила вся территория от Суяда до Кеша (*Гафуров*, 1972, С. 374). В.В. Бартольд, ссылаясь на сообщение Махмуда Си, Сюань Цзяна и Хой Чао, отмечает существование местных говоров и нескольких наречий согдийского языка в Бухаре (*Бартольд*, 1965, С. 265).

Находки согдийской азбуки в цитадели Пенджикента, существование писцов в цитадели Мерва, где учащиеся осваивали согдийскую письменность, свидетельствуют о прочных ее позициях в ранне-средневековой Средней Азии (*Гафуров*, 1972, С. 28). На диалекте согдийского языка говорили жители Уструшаны; остатки письменности этого времени обнаружены при раскопках Чельхужды на деревянных дощечках с надписью тушью (*Пушатов*, 1975, С. 81–86).

В Тохаристане сохранялся бактрийский язык, о котором дано представление надписи на росписях ламыстиков Восточного Туркестана, часть которых относится к VII–VIII вв., и топонимика Афрасиаба (*Литвин*, 1965, С. 164), имена в надписках на маганских монетах того времени, и письменные и других источниках (*Ростовцев*, 1988, С. 104–105).

В Хорезме еще несколько веков после арабского нашествия сохраняли хорезмийский язык, отнесенный к группе восточноиранских. Документ из архива Тохаристана II–III вв., Якке-Парсана и Токкалы VII–VIII вв. дают возможность судить о его развитии на протяжении всего времени (*Лудков*, *Литвин*, 1967, С. 11–12, 15–18). В Фергане, несмотря на массовое, как полагают, переселение согды тюрков, в VI–VIII вв. из языка не получил широкого распространения (*Литвинский*, 1976, С. 56). Так думает и Г.А. Брызгина, указывая на компактность оседания пришельцев (*Брызгина*, 1982, С. 133). Видимо, ферганцы продолжали и это время пользоваться своим языком.

В городской среде по-прежнему большую роль играл согдийский язык. Во всяком случае, легенды на монетах согдийские. Впрочем, утилитарная ярко выраженную "тюркскую струю" в материальной культуре и искусстве

VI–VIII вв. на территории Средней Сырдарьи, некоторые исследователи полагают, что в это время происходит и тюркизация языка местного населения (*Валиков, 1988, С. 33*).

Отметим в заключение, что уже в VI–VIII вв. и среднеазиатские области проники западноиранский язык – фарси, подчинивший там распространение со времени арабского завоевания (*Лифуров, 1972, С. 374*).

Важные сведения об этнических процессах, происходивших на территории среднеазиатского междуречья в эпоху раннего средневековья, могут дать антропологические материалы.

Наиболее значительным явлением следует признать распространение в рассматриваемый период населения с комплексом признаков антропологического типа среднеазиатского междуречья, в то время как в предшествующий период преобладали представители восточносредиземноморского типа (*Ходжайов, 1983, С. 103*).

Среди населения Уструшаны выделяются и мезокраний среднеазиатского расовой тип, и брахикраний тип среднеазиатского междуречья. В Хорезме, судя по значительному материалу из раскопок некрополя Миздахкана, фиксируется антропологический тип, переходный от восточносредиземноморского к типу среднеазиатского междуречья (*Яздовин, Ходжайов, 1970, С. 194*). Представляется чрезвычайно существенным, что примесь монголоидных элементов в материале миздахканского некрополя становится заметной именно в VI–VIII вв. н.э. По данным В.В. Гинзбурга и Т.А. Трофимовой, эта примесь к восточносредиземноморской расе усиливается во второй половине I тысячелетия н.э. и особенно хорошо выражена у риннестюрских коменников. Вместе с тем следует подчеркнуть важное наблюдение Т.И. Ходжайова, отмечающего, что не все местное среднеазиатское население в одинаковой степени смешивалось с тюрками. Наиболее интенсивно это происходило в скотоводческой среде (*Ходжайов, 1980, С. 267*), что объясняется в значительной степени более легкими и тесными контактами населения со скотовыми хозяйствами-культурами типами. Поэтому кажется закономерным, что в таких тесно связанных со скотоводством районах, как окраины Чары и Ферганы, и курганных могильниках первой половины I тысячелетия н.э. отмечается именно мезобрахикраний европеоидный тип с монголоидной примесью (Кавардан, Кумата) и речь идет в основном о типе среднеазиатского междуречья, лишь с отдельными вкраплениями восточносредиземноморского (*Ходжайов, 1980, С. 98, 101*).

Большое значение для представления об основных направлениях этнических отношений эпохи раннего средневековья имеет тот факт, что в этот период и в последующие пришлое население оседало в сельских местностях, в то время как в древности – преимущественно в городских центрах (*Ходжайов, 1986, С. 112–115; Аскарин, Буриков, Ходжайов, 1990, С. 61*).

Таким образом, и антропологические данные свидетельствуют об определенных этнических контактах и развитии этнических процессов в Среднеазиатском регионе в эпоху существования тюркских каганатов и формирования новых форм социально-экономических связей. В целом, однако, население древнеземледельческих районов Средней Азии было европеоидным, а тюркиза-

ция населения в значковом отношении, как полагают, шла активнее, нежели монголизация антропологического типа. Впрочем, древние языки местного населения в рассматриваемый период еще стойко сохраняли свои позиции, и это обстоятельство представляется весьма существенным.

При исследовании материальной и духовной культуры как источника для реконструкции этнокультурных процессов и этнических отношений чрезвычайно важным представляется сопоставление археологических комплексов из одного и того же региона на хронологически разных этапах общественно-культурного развития. Такое сопоставление может с наибольшей отчетливостью показать преемственность традиций и роли инноваций на каждом данном этапе, и в результате следующего исследования будет установлено причины возникновения инноваций – лежали ли в их основе развитие производительных сил, этнокультурные контакты или же прямая инфильтрация пришлого населения.

Факты прямых этнических перемещений и взаимодействий устанавливаются главным образом на основании археологических материалов. Так, в VI–VIII вв. фиксируется движение обитателей Джетыясарского урочища, в низовьях Сырдарьи, вверх по реке, в область среднеазиатских степей и южнее. В VII–VIII вв. джетыясарцы переместились в дельту Амударьи, где возник ряд крупных поселений кердерской культуры (Куокала, Курганчакала и др.). Полагают, что эти перемещения были вызваны изменением условий водопользования, но не исключено, что толчком послужило включение этих областей в систему тюркского каганата (*Андрианин, Левина, 1979, С. 96–97*).

Что же касается этнокультурных контактов, то в рассматриваемый период, по археологическим данным, в пределах важнейших среднеазиатских областей прослеживается несомненная преемственность форм материальной и духовной культуры, проявляющаяся в специфических чертах керамики, орнаментации, интерьера жилищ (например, типа очагов) и других признаках “этнических выразителей”. Особенно отчетливо эта преемственность культурных форм выражена, пожалуй, в наиболее урбанизированных в прошлом древнеземледельческих областях; таких, как Бактрия–Тохаристан (*Алиев, 1984, С. 15; 1986, С. 10; Фисолова, 1983, С. 76; Литвинский, 1986, С. 55 и сл.*).

Вместе с тем древние традиции устойчивы и в регионах со специфической экологией (Хорезм), изолированных от других несчащими пустынями, где пережитки элементов древней культуры дожили почти до настоящего времени и фиксировались уже В.В. Бартолкадом (*Нериси, 1990, С. 5–6*). Эта преемственность в области культуры, безусловно, является отражением и преемственности в развитии этнических общностей.

С другой стороны, в VI–VIII вв. отмечается такое явление, как складывающаяся на широкой территории центральных областей Мавераннахра обильность форм материальной и духовной культуры с заметным воздействием со-гитических эталонов и градостроительства, архитектуры и архитектурного декора, терракоте, отдельных элементов керамических комплексов (*Маслов В., 1977, С. 3–7*).

Несомненно важным для исследования затронутых сюжетов являются настенные росписи (живопись

Афрасиба, Пенджикента и Балалыктепе) и коронная плитка, в которых распознаются представители разных этносов, в том числе тюрков, согдийцев, бактрийцев (Альбаум, 1975. С. 34–35).

Специфически этническими признаками могут являться прически персонажей, украшения (например, серьги), детали одежды (Лобачева, 1979. С. 24–25; Литвинский, Солонев, 1985. С. 116). Этот мир изобразительного искусства показывает тесное сосуществование местного, в частности согдийского, населения и тюркского. Упомянем в этой связи находку на городище Канка терракотовой плитки и бронзовой бляшки, датированных VI–VII вв., с изображением всадников, причем один из них одет в типично кочевнический халат с двусторонними отворотами. По справедливому мнению исследователя, это лишний довод в пользу заключения об интенсивности процессов тюркизации в областях на Средней Сырдарье.

Говоря о процессах этнокультурной интеграции в центральных областях Мавераннахра, упомянем и распространение в VI–VIII вв. в Чаче, Согде, Уструшане культовых построек, своего рода домашних и общественных капелл с суфами по стенам и подиумом для переносного жертвенника в центре, свидетельствующих не только об общности форм материальной культуры, но и о распространении сходных верований и сходных по типу архитектуры культовых построек.

Этнокультурные контакты, способствуя синтезу культур, несомненно, взаимообогащали эти последние, вырабатывая новые раннесредневековые эталоны. Отраженный в археологических материалах профессионализм строителей, архитекторов, художников, ваятелей и резчиков, освоивших последние достижения стран Востока, распространение грамотности, широко вошедшей в быт населения, свидетельствуют о высоком уровне раннесредневековой культуры Средней Азии.

Именно в это время складываются наиболее очевидные прототипы некоторых форм материальной культуры, которые станут характерными уже в последующие эпохи и прочно войдут в культурный фонд местного населения. Так, генезис архитектурных типов таких сооружений, как медресе и караван-сарай с четырехъярусной композицией и центрические мавзолеи, уходит в эпоху раннего средневековья. В это время формируются и два типа народного жилища: первый – анфиладный, сохра-

нившийся до наших дней в Чимкентском районе, и второй, ставший прообразом южноузбекских хорезмских хаули.

Широкое распространение в архитектуре получила дворцово-аппарная композиция, особенно ярко в эту эпоху выраженная в постройках соседнего Сасанидского Ирана, контакты с которым прослеживаются как в гражданском, так и, в большей мере, в культовом зодчестве. Имеются в виду храмы и святилища огня, известные в IV–VIII вв. в Средней Азии.

Широкий размах международных связей способствовал формированию религиозного синкретизма и сосуществованию на среднеазиатской территории различных религий и культов, среди которых большое место в южных районах занимает буддизм. Полагают, что организация монастырей, открытых в южных районах, следовала индийским образцам. В храмах же и святилищах отразились поиски новых архитектурных типов. Некоторое распространение получило христианство несторианского толка; известны церковные постройки (в Ак-Бешиме, Хароба-Кошук близ Мерва). Судьбы и роль зороастризма в раннем средневековье выявлены не в полной мере: оплотом этой религиозной системы как будто бы по-прежнему остается Хорезм, хотя в там происходят большие перемены и, может быть, в определенные периоды на первый план выступают местные культы.

На согдийской почве зороастризм, обладая чертами сходства с ортодоксальным иранским, был пронизан местными верованиями, элементами индуизма и, в меньшей мере, буддизма.

Обширный раннесредневековый пантеон божеств устанавливается по кратким известиям письменных источников, настенной живописи в терракоты. Исследователи Пенджикента реконструировали своего рода программу росписей, выявив иерархию жанров и определив персонажи. Высказано справедливое мнение о сходстве пантеона VI–VIII вв. и некоторых черт иконографии Согда, Хорезма, Уструшаны (четырёхрукая богиня на льве, божество в образе верблюда). Установлена и близость отдельных обрядов, например в живописи – композиция с оплакиванием усопшего.

В целом перед нами сложнейшая и важнейшая эпоха, во многом завершающая древний этап истории Средней Азии и в то же время открывающая новую ее страницу.

Источники

- Аджиев Марселлан. История Перс. Ю. Кузнецкого в А. Сопин. Киев, 1901–1908. Вып. 1–5.
- Баруни Абу Рейхан. Наметики минувших поколений // Оборонные провинции. Ташкент, 1957. Т. 1.
- Баруни Абу Рейхан. Собрание сведений для выявления драгоценностей // Минералогия // Пер. А. М. Бельзильского. М., 1963.
- Баруни Абу Рейхан. Фармакогнозия в медицине // Оборонные провинции. Ташкент, 1973. Т. 4.
- Бохурин П. Я. (Насиф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л., 1950. Т. 1–II.
- Бохурин П. Я. (Насиф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М., Л., 1953. Т. III. Приложение.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973.
- Нерисали Муаммади. История Бухары // Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1987.
- Нессеи. Спрат Фелсулан Джалал-ад-дин Менкуберги // МНПТ. М., Л., 1939. Т. 1.
- Саиди Са'ид Гуниган М., 1959. (ИИИВ. Тексты. Большая сер. III).
- Страбон. География. В 17 кн. / Пер., ср. и коммент. Г. А. Страбонского. Л., 1964.
- Табари. Тарих ар-руссу ал-музу // МНПТ. М., Л., 1939. Т. 1.
- Табари. История пророков и царей. Ташкент, 1987.
- Уффах-и-Абри. Илчисление их географического соитиеша // МНПТ. М., Л., 1939. Т. 1.
- Шиб Хаукаль Абу-и-Катиль. Путь и страны // Пер. Е. К. Беттсера // Археология Средней Азии (Тр. САГУ). Ташкент, 1957. Т. IV.
- India ad Alam (The Region of the Worlds) / Transl. and explan. by Y. Minorsky, London, 1970.
- Хушуд ал Алям. Руконис Туманского / С введ. в укал. В. В. Бартольда. Л., 1930.
- Шефер Э. Золотые переклаи Самарканда. Книга о чудесных драгоценнах и ювелирии Там. М., 1981.
- Якут. Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, SPb., Paris, London and Ostind. / Hrsg. von Wustefeld. Leipzig, 1866–1873. Bd. 1–VI.
- Айдириши Р. А., 1979. К изучению памятника Аксагчета // ИМКУ. Вып. 13.
- Айдириши Р. А., 1983. Новые данные о городище Нарпахтенте // ИМКУ. Вып. 18.
- Айдириши Р. А., Визити П. С., 1980. Раскопки в Бухарской области // АО 1979 г. М.
- Абдуллаев К., 1974. Уникальная находка терракотового фриза // ОИУ. № 2.
- Абдуллаев К., 1974а. Квартал керамистов городища Канка // ИМКУ. Вып. 11.
- Абдуллаев К. А., 1975. Исследование городища Канка. Автореф. дис. — канд. ист. наук. Ташкент.
- Абдуллаев К. А., 1978. Отчет о раскопках погребений в Гиссаре (август–сентябрь 1971 г.) // АРТ. Вып. XI.
- Абдуллаев Д., Гурини Д. Д., 1979. Чертежи строителей древнего Пенджикента // УСА. Вып. 4.
- Абдурашманов А. А., Бейбардов М. А., Заднеретский В. А., 1963. Степедение Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент.
- Абалин Р. И., 1930. От урелыиных степей Прибалхашья до оазиса восточной Хан-Тентри. Геоботаническое и поизовое описание восточной части Алма-Атинского округа Казахской АССР // Труды Института степи и геоботаники САГУ. Л. Вып. 5. ч. 1.
- Абразини П. А., 1876. Древние курганы и укреплении в Сельматинской и Самаркандской областях // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Казань. Т. 20.
- Абдраманов С. М., 1957. К вопросу о ритуализации семьи у кочевников Средней Азии // КСИИЭ. Вып. 28.
- Абдраманов С. М., 1971. Киргизы и их этногенетические и культурные связи. Л.
- Алиев Р. З., 1973. О квартальной структуре Бунджикота // Риннесредневековая культура Средней Азии в Казахстане. Душанбе.
- Алиев Р. З., 1978. Раскопки на Калан Казкаха I // АО 1977 г. М.
- Алиев Р. З., 1969. Очерки истории аузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Алмабад.
- Алиева Е. И., 1960. Некоторые новые данные по археологии Самарканда // КСИИМК. Вып. 80.
- Алиева Е. И., 1962. Памятник средневековой (раскопки на городище Баба-Ата). Цитгель. Оборонительные сооружения и работа. Некрополь. Общий обзор находок // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата. (Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 14).
- Алиева Е. И., Пашенко Г. И., 1956. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. Алма-Ата. (Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 1).
- Алиева Е. И., Пашенко Г. И., 1958. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Алма-Ата. (Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5).
- Алимовичева Т., 1961. Раскопки погребальных курганов близ станицы Вресьской // ИМКУ. Вып. 2.
- Алимовичева Т., 1962. Губыбузукские наусы // ИМКУ. Вып. 3.
- Алимовичева Т., 1966. Погребальные каменные наусы около г. Антрин // ИМКУ. Вып. 6.
- Алимовичева Т., 1966а. Погребальные сооружения Чирчик-Андреевской долины I–VIII вв. в 2: Автореф. дис. — канд. ист. наук. Ташкент.
- Алимовичева Т., Мушкетерова А. Р., 1986. О формировании и развитии горской культуры в низинах Зеравшана (IV в. до н. э. — VIII в. н. э.) // Сборник тезисов докладов советско-французского коллоквиума "Городская среда и культура", Ташкент.
- Алишин Г., 1978. Четырехрукая богиня: Кушанская пережизнь в средневековом искусстве Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М. Т. II.
- Алишиев К. А., 1967. Археология в Казахстане за советский период // СА. № 4.

- Акишев К.А., 1972. К проблеме происхождения имадита в ардной зоне древнего Казахстана // Понски в раскопки в Казахстане, Алма-Ата.
- Акишев К.А., Айтишкова С.М., Байпаков К.М., Ермаков Л.Б., 1978. Раскопки в Отарском оазисе // АО 1977 г. М.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермаков Л.Б., 1969. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермаков Л.Б., 1976. Проникновение Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., 1978. Работы Семиреческой экспедиции // АО 1977 г. М.
- Алексеев В.П., Бромлей Ю.В., 1969. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2.
- Альбаум Л.И., 1955. Некоторые результаты изучения Ангорской группы археологических памятников // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Вып. 7.
- Альбаум Л.И., 1960. Балхактае: К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент.
- Альбаум Л.И., 1962. Археологические работы на территории Южно-Сурхандарьинского водохранилища // ОНУ. № 2.
- Альбаум Л.И., 1963. Раскопки замка Зангитле // ИМКУ. Вып. 4.
- Альбаум Л.И., 1964. Новые раскопки Зангитле в индийские документы // Индия в древности. М.
- Альбаум Л.И., 1965. Зангитле (раскопки 1962 г.) // ИМКУ. Вып. 6.
- Альбаум Л.И., 1966. Городище Дальверзинте // ИМКУ. Вып. 7.
- Альбаум Л.И., 1974. Раскопки буддийского комплекса Фахтале. (По материалам 1968–1972 гг.) // Древняя Бактрия. Л.
- Альбаум Л.И., 1975. Животные Афрабаса. Ташкент.
- Альбаум Л.И., 1976. Исследование Фахтале в 1973 г. // БД.
- Альбаум Л.И., 1979. Фахтале в вопросы кушанской хронологии // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
- Альбаум Л.И., 1984. Новые раскопки Зангитле в индийские документы // Индия в древности. М.
- Альтман З.Б., 1972. Археологические палеонтологические исследования останков людей в пещерах Каратле // Буддийский культурный центр Каратле в Старом Термезе. М.
- Аманжолов А.С., 1971. Руническая надпись на бронзовом кольце (р. Или) // ВАН КазССР. № 1.
- Анрибаев А., 1981. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V–начало XIII в.). Ташкент.
- Анрибаев А.А., 1984. О времени возведения III крепостной стены Афрабаса // ИМКУ. Вып. 19.
- Анрибаев А., Манбабаев Б.Х., 1990. Мунакшае – городской мегалис в Северной Фергане // ОНУ. № 4.
- Андреев М.С., 1925. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандской области в 1921 г. // Известия ТОРГО. Т. 17.
- Андреев М.С., 1929. Поездка летом 1928 г. в Каспийский район (Северная Фергана) // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент. Т. 1.
- Анрибаев Б.В., 1969. Древние оросительные системы Приаралья. (В связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М.
- Анрибаев Б.В., 1985. Последнее наследие мира. М.
- Анрибаев Г.В., 1989. Историческое взаимодействие степных культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о холадавско-культурных типах // Взаимодействие степных культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Анрибаев Б.В., Липина Л.М., 1979. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тыс. н.э. // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Антипов Н.В., 1898. О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении // ПТКПА. Вып. 3.
- Антипов Г., 1977. К характеристике раннесредневековых памятников Правобережного Тохаристана: (По материалам Сурхандарьинской области) // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Сборн. докл. Душанбе.
- Антипов Т.Д., 1984. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куев курган в Северном Тохаристане // СА. № 2.
- Антипов Т.Д., 1989. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент.
- Антонова Е.В., 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Артамонов М.И., 1962. История казар. Л.
- Аршиновский Э.А., Ртищевиде Э.В., Хакимова Э.А., 1982. Средневековые памятники Сурхандарья. Ташкент.
- Археологические исследования на северных склонах Кармуз. 1962. Алма-Ата. (Тр. ИИАЭ АН КазССР; Т. 14).
- Аскаров А.А., 1986. Некоторые аспекты изучения этногенеза в этнической истории Узбекистана // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент.
- Аскаров А.А., Буриков Ю.Ф., Хиджаев Т.К., 1990. Новые археологические материалы к этнической истории народов Средней Азии // Проблемы этногенеза в этнической истории народов Средней Азии в Казахстане. Ташкент.
- Афрасиаб. 1969. Ташкент. Вып. 1.
- Азаров И.А., Усманова Э.И., 1980. Керачинская печь позднего времени // ТЮАК. Т. XVII.
- Аулибаев Х.Г., 1987. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согды. Ташкент.
- Бабаев А.Д., 1962. Археологические раскопки на Западном Памире в 1960 г. // АРТ. Вып. VIII.
- Бабаев А.Д., 1965. Крепости и погребальные сооружения Древнего Вакана (Ишканишский район ГБАО): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе.
- Бабаев А.Д., 1965а. Уникальные находки из погребальных сооружений Западного Памира // ИООН АН ТаджССР. № 1.
- Бабаев А.Д., 1969. Археологические раскопки на Памире в 1961 г. // АРТ. Вып. IX.
- Бабаев А.Д., 1971. Керачинка из погребений Западного Памира // МКТ. Вып. 2.
- Бабаев А.Д., 1973. Крепости древнего Вакана. Душанбе.
- Бабаев А.Д., 1973а. Раскопки курганов на территории Западного Памира // Учен. зап. ТГУ. Изв. фак. № 1.
- Бабаев А.Д., 1975. Памир и проблема афганитов // Сборник археологических работ ТГУ. Душанбе.
- Бабаев А.Д., 1979. Костяной талисман // УСА. Вып. 4.
- Бабаев А.Д., 1989. Историко-археологический очерк Западного Памира: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.
- Байшиев И., Массон В., 1956. Археологические раскопки в районе Ташкента // Тр. САГУ им. В.И. Ленина. Вып. XII.
- Байпаков К.М., 1964. Раскопки раннесредневековой мастерской в Семиречье // ВАН КазССР. № 7.
- Байпаков К.М., 1966. Средневековые городища и поселения Семиречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата.
- Байпаков К.М., 1966а. Раскопки средневекового замка в Семиречье // ВАН КазССР. № 8.
- Байпаков К.М., 1966б. Раннесредневековые городища и поселения Семиречья // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. № 2.
- Байпаков К.М., 1968. Раннесредневековые городища и поселения Северо-Восточного Семиречья // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Байпаков К.М., 1968а. О локализации городов Северо-Восточного Семиречья // ВАН КазССР. № 7.
- Байпаков К.М., 1972. Керачинка Кулана // Понски в раскопки в Казахстане. Алма-Ата.

- Байбаков К. М.*, 1972а. Работы первого отряда ЮЖКАА // АО 1971 г. М.
- Байбаков К. М.*, 1977. О локализации средневековых городищ Южного Казахстана // Археологические исследования в Ойрате. Алма-Ата.
- Байбаков К. М.*, 1978. Городища типа "торккел" // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Байбаков К. М.*, 1980. Культ барана у сырдарыньских племен // Археологические исследования древности и средневековья Казахстана. Алма-Ата.
- Байбаков К. М.*, 1983. Работы на Кудуркубте // АО 1983 г. М.
- Байбаков К. М.*, 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII в.). Алма-Ата.
- Байбаков К. М.*, 1988. Некоторые вопросы азиатской истории каджо Кавказа и средние века // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Байбаков К. М.*, 1990. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата.
- Байбаков К. М., Горичева В. Д.*, 1980. Исследования городища Красная Речка // АО 1979 г. М.
- Байбаков К. М., Горичева В. Д.*, 1982. Раскопки Краснореченского городища // АО 1980 г. М.
- Байбаков К. М., Горичева В. Д.*, 1983. К вопросу о локализации Ненакета // Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. "Культура и искусство Киргизии". Д. Вып. 1.
- Байбаков К. М., Горичева В. Д.*, 1989. Основные итоги археолого-топографического изучения Краснореченского городища в 1978-1983 гг. // Красная Речка и Бурана: (Материалы и исследования киргизской археологической экспедиции). Фрунзе.
- Байпаева К. М., Папушкин А. Н.*, 1989. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата.
- Бабер А. И., Гашин В. А., Губин А. А., Копыленко Г. А.*, 1995. Система расселения и ирригации в Меркском оазисе (Туркменистан) от эпохи бронзы до средневековья: (Материалы к конф. "Древний мир: проблемы экологии", 18-20 сент. 1995 г., г. Москва). М.
- Бабер А. И., Гашин В. А., Копыленко Г. А.*, 1996. Меркская метрополия // Традиции и наследие христианского Востока: Материалы междунар. конф. М.
- Бань А. В.*, 1966. Византийское искусство в сибирских Сувейско-Созола. Л.: М.
- Бартоло С. Р.*, 1991. Культура скотоводов Северного Ферганы и древности и средневековья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.
- Бартольд В. В.*, 1963. Туркестан в эпоху монгольского владычества // Соч. М. Т. I.
- Бартольд В. В.*, 1963а. История культурной жизни Туркестана // Соч. М. Т. II, ч. 1.
- Бартольд В. В.*, 1963б. История Туркестана: (Копиенку лекция) // Соч. М. Т. II, ч. 1.
- Бартольд В. В.*, 1964. О христианстве в Туркестане в домонгольский период: (По поводу семиреченских надписей) // Соч. М. Т. II, ч. 2.
- Бартольд В. В.*, 1965. К истории ирригации Туркестана // Соч. М. Т. III.
- Бартольд В. В.*, 1965а. Тохаристан // Соч. М. Т. III.
- Бартольд В. В.*, 1966. Еще раз о самаркандском оазисе // Соч. М. Т. IV.
- Бартольд В. В.*, 1966б. К вопросу об оазисных Туркестанских края // Соч. М. Т. IV.
- Бартольд В. В.*, 1966в. Ответ о находке в Среднюю Азию с научной целью, 1893-1894 гг. // Соч. М. Т. IV.
- Бартольд В. В.*, 1966в. [Рецензия] // Соч. М. Т. IV. Рун на кн.: Exploration in Turkestan / Ed. K. Pampel. Wash. (D.C.), 1965.
- Бартольд В. В.*, 1966г. К истории Мерва // Соч. М.
- Бартольд В. В.*, 1968. Двадцать леткий по истории туркестанских народов Средней Азии // Соч. М. Т. V.
- Бартольд В. В.*, 1971. Иранский буддизм и его отношение к исламу // Соч. М. Т. VII.
- Бартольд В. В.*, 1977. Ближайшие задачи изучения Туркестана // Соч. М. Т. IX.
- Бартольд В. Д.*, 1961. Карабулакский мифический Л. Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Т. 3, вып. 3. (История).
- Бартольд В. Д., Беленицкий А. М.*, 1961. Бронзовая пластина из Карабулакского могильника // КСИА. Вып. 86.
- Бартольд В. Д., Брайман Г. А.*, 1962. Археологические памятники Баткена в Лайкыя (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе.
- Бартольд В. Д., Павликович К.*, 1975. Пережитки шаманизма у туркестано-тохарин // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.
- Башаев И. А.*, 1962. Новые тексты // Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Фрунзе.
- Бачинский И. М.*, 1949. Античность в архитектурных памятниках Средней Азии. Л.
- Бачинский Г.*, 1969. Пережитки магических представлений и их изживание у киргизов // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе.
- Беленицкий А. М.*, 1959. Отчет о работе Выходского отряда в 1946 г. // Труды Согдийско-Таджикской экспедиции. М.: Л. Т. I. (ИИА: № 15).
- Беленицкий А. М.*, 1959а. Историко-географический очерк Хуттаза с древнейших времен до X в. н.э. // Там же. Т. I. (ИИА: № 15).
- Беленицкий А. М.*, 1954. Вопросы идеологии и культуры Согд на материале пещаджикских храмов // ЖДП. М.
- Беленицкий А. М.*, 1957. Археологические заметки // Изв. ООИ АН ТаджССР. Вып. 14.
- Беленицкий А. М.*, 1959. Новые памятники искусства Древнего Пенджаикента // Живопись и скульптура древнего Пенджаикента. М.
- Беленицкий А. М.*, 1965. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджаикента // СА. № 3.
- Беленицкий А. М.*, 1967. Древний Пенджаикент - раннефеодалный город Средней Азии: Докл. на совещание ученых степен. и др. наук. Л.
- Беленицкий А. М.*, 1973. Мемориальное искусство Пенджаикента: Живопись. Скульптура. М.
- Беленицкий А. М.*, 1973а. Город в VI-средние VIII в. // Средневековый город Средней Азии. Л.
- Беленицкий А. М.*, 1976. Отчет о раскопках на городище древнего Пенджаикента в 1972 г. // АРТ. Вып. XII.
- Беленицкий А. М.*, 1977. Искусство античных и раннесредневековых городов Средней Азии // Проблемы искусства в новых находках советских археологов. М.
- Беленицкий А. М., Батимов И. Б., Бельяков О. Г.*, 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.
- Беленицкий А. М., Марин Б. Н.*, 1973. Растительные росписи, открытые в Пенджаикенте в 1971 г. // СГЭ. Л. Вып. XXXVII.
- Беленицкий А. М., Марин Б. Н.*, 1976. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджаикента // История и культура народов Средней Азии: Древность и средние века. М.
- Беленицкий А. М., Марин Б. Н.*, 1978. Древнейшее изображение осядой женщины в Средней Азии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л.
- Беленицкий А. М., Марин Б. Н.*, 1979. Вопросы хронологии женщины раннесредневекового Согда // УСА. Л. Вып. 4.
- Беленицкий А. М., Марин Б. Н., Растищев В. И.*, 1979. Социальная структура населения древнего Пенджаикента // Тохарно-деджеканские отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М.

- Беленцкий А. М., Маршак Б. И., Распотова В. И., 1980. К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде // Византизм и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М.
- Беленцкий А. М., Маршак Б. И., Распотова В. И., 1980а. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ. Вып. XV.
- Беленцкий А. М., Маршак Б. И., Распотова В. И., 1981. Согдийский город в начале средних веков: (Источники и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. № 2.
- Беленцкий А. М., Маршак Б. И., Распотова В. И., 1984. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1978 г. // АРТ. Вып. XVIII.
- Беленцкий А. М., Маршак Б. И., Распотова В. И., 1986. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1979 г. // АРТ. Вып. XIX.
- Беленцкий А. М., Маршак Б. И., Распотова В. И., Исаков А. И., 1982. Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. // АРТ. Вып. XVI.
- Беленцкий А. М., Маршак Б. И., Распотова В. И., Исаков А. И., 1983. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г. // АРТ. Вып. XVII.
- Беленцкий А. М., Распотова В. И., 1981. К вопросу об уточнении датировки согдийских монет // КСИА. Вып. 167.
- Бенитович И. Б., 1958. Находки на горе Мух // МИА. № 66.
- Бенитович И. Б., 1964. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА. № 124.
- Бенитович И. Б., 1973. Гонимое производство // Беленцкий А. М., Бенитович И. Б., Бодышьяков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Д.
- Бенитович И. Б., 1973а. Стеклоделие // Там же.
- Бенитович И. Б., 1980. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стеновых росписей VI-VIII вв.) // СНВ. Вып. XXII.
- Берт Л. С., 1960. Предварительный отчет об исследовании озера Балхаш летом 1903 г. // Избр. тр. М. Т. 3.
- Бернштам А. И., 1940. Согдийская колонизация Семиречья // КСИНМК. Вып. VI.
- Бернштам А. И., 1941. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата.
- Бернштам А. И., 1948. Прошлое района Алма-Аты. Алма-Ата.
- Бернштам А. И., 1948а. Изображение согдийца в корончатой чаше Чуйской долины // КСИНМК. Вып. XXX.
- Бернштам А. И., 1948б. Памятники старины Алма-Атской области // Изв. АН КазССР. Сер. археол. № 48, вып. 1.
- Бернштам А. И., 1949. Советская археология Средней Азии // КСИНМК. Вып. XXVIII.
- Бернштам А. И., 1950. Чуйская долина // Труды Семиреченской археологической экспедиции / Сост. А. И. Бернштам. М.: Д. (МИА; № 14).
- Бернштам А. И., 1951. Древняя Фергана. Ташкент.
- Бернштам А. И., 1951а. Отчерк истории тунинов. П.
- Бернштам А. И., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26.
- Бернштам А. И., 1952а. Турки в Средней Азии в описании Хой Чжо (726 г. н.э.) // ВДИ. № 1.
- Битар А. Д. Х., 1991. Земля Канаров: Мери между Кушанами и Сасанидами // Мери в древней и средневековой истории Востока // Культурные взаимодействия и связи: Тез. докл. науч. конф. Ашхабад.
- Биткин Е., Мамбеткулдаев М., 1973. Раскопки Токчала в 1968 г. // Археология и культура Керарар. Ташкент.
- Бисалов А. И., 1980. Из истории ирригации Устуртунки (Материальная культура Устуртунки). Душанбе. Вып. 4.
- Богданов Г. И., Алдинов К. А., 1996. Отчаянные подвиги в Эвар и Куркутине: (К вопросу об иномифических подвизках Чича). Шанхай археология Х. Дукел // ИМКУ. Вып. 27.
- Бодышьяков С. Б., 1984. Раннесредневековый могильник на городской стене Дальнеречья // Первая конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана, посвященная 80-летию образования ТаджССР и компартии Таджикистана: Тез. докл. Душанбе.
- Бодышьяков С. Б., 1994. Погребения по образу кремации на территории Средней Азии // РА. № 4.
- Большаков О. Г., 1964. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (Комплексы I и II. Раскопки 1952-1956 гг.) // МИА. № 124.
- Большаков О. Г., 1970. Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города VIII-XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока // КСИА. Вып. 122.
- Большаков О. Г., 1973. Город в конце VIII-начале XIII в. // Беленцкий А. М., Бенитович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Д.
- Большаков О. Г., 1980. К истории Таласской битвы // СНВ. Вып. XII.
- Большаков О. Г., 1982. Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V-XV вв. М.
- Большаков О. Г., 1984. Средневековый город Ближнего Востока VII-середины XIII в. М.
- Большаков О. Г., Пеганов Н. Н., 1958. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА. № 66.
- Бонгар-Левин Г. М., Воробьева-Десатинская М. И., Темкин Э. И., 1965. Фрагменты санскритских рукописей из Зантепе (Предварительное сообщение) // ВДИ. № 1.
- Борисов А. Я., 1940. К истолкованию изображений на биваньямских оссуарях // ТОВЭ. Д. Т. II.
- Борисов А. Я., 1945. К проблеме согдийского искусства // СТЭ. Д. Вып. III.
- Борисов А. Я., Лукин В. Г., 1963. Сасанидские геммы. Д.
- Бромлей Ю. В., 1973. Этнос в этнографии. М.
- Брыкина Г. А., 1966. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г. // КСИА. Вып. 108.
- Брыкина Г. А., 1970. К истории земледельческого населения юго-западной Ферганы // КСИА. Вып. 122.
- Брыкина Г. А., 1973. Городище Майдакте // КСИА. Вып. 136.
- Брыкина Г. А., 1973а. Некоторые вопросы верований древних ферганцев (в связи с находками в курганах и в усадьбе Кайрагач) // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам годовых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент.
- Брыкина Г. А., 1974. Карабулак. М.
- Брыкина Г. А., 1979. Культурные связи Ферганы в I тыс. н.э. // Этнографический и археологический журнал. Ташкент.
- Брыкина Г. А., 1981. Идолы из Кайрагача в некоторых вопросах верований древних ферганцев // Памятники культуры: Новые открытия. М.
- Брыкина Г. А., 1982. Могильник Кайрагач в Южной Киргизии // КСИА. Вып. 170.
- Брыкина Г. А., 1982а. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.
- Брыкина Г. А., 1987. Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы // Прошлое Средней Азии. Душанбе.
- Брыкина Г. А., 1995. Некоторые вопросы истории и культуры Юго-Западной Ферганы в свете раскопок в Кайрагаче // Из истории и археологии Древнего Тянь-Шаня. Бишкек.
- Брыкина Г. А., Трутовик Т. И., 1995. Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразийского скифо-сарматского эллима. М.
- Губинина М. А., 1977. Описания жилищ на Памире // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР. Душанбе.
- Губинина М. А., 1980. Работы Памирского отряда // АО 1979 г. М.
- Губинина М. А., 1981. Работы Памирского отряда // АО 1980 г. М.
- Губинина М. А., 1982. Работы Памирского археологического отряда на Западном Памире в 1976 г. // АРТ. Вып. XVI.

- Бубина М.А., 1983. Средневековые памятники Памира // Бактрия—Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тез. докл. конф. посвящ. деятельности ЮНЕСКО.
- Бубина М.А., 1984. Раскопки Кафирканы // АО 1982 г. М.
- Бубина М.А., 1986. Культурный комплекс в кашкале Вранг (Западный Памир) // АРГ. Вып. XIX.
- Бубина М.А., 1987. Работы Памирского отряда в 1980 г. // АРГ. Вып. XX.
- Бубина М.А., 1997. Буддийские памятники на Памире // Встреча и культура домусульманской Средней Азии. Тез. докл. конф. Гос. Музея Востока. М.
- Бубина М.А., Пальманова И.А., 1984. Янтарь на Восточном Памире // Памироведение. Душанбе. Т. I.
- Букин В.Д., 1940. Критические предварительные соображения о выделении и приращении Старого Термеза и его района // Тр. Узб. ФАН СССР. Сер. I. Вып. II.
- Букин В.Д., 1945. Канала древнего Термеза. Ташкент: (Тр. АН УзССР. Сер. 1, 2).
- Булатина В.А., 1972. Древняя Куля. Ташкент.
- Буршинов Р.З., 1975. Монеты раннего средневековья с городища Отартобе и Отарского озера (1969–1972 гг.) // Древности Казахстана. Алма-Ата.
- Бурков Ю.Ф., 1956. Гордище Мингуюк в Ташкенте // Археология Средней Азии. Ташкент. (Тр. САГУ; Вып. III).
- Бурков Ю.Ф., 1963. Новые археологические данные и городище Улькантийтобе (шахрестан Нухста) // Научные работы и сообщения. Ташкент. Кн. 6.
- Бурков Ю.Ф., 1966. Археологические материалы по истории Ташкента и области // Материалы по истории Узбекистана. Ташкент.
- Бурков Ю.Ф., 1966а. Из прошлого Чаткало-Курманского района: (К истории горного дела и металлургии средневекового Илака): Автореф. дис. — канд. ист. наук. Ташкент.
- Бурков Ю.Ф., 1968. Педагогические науки // СА. № 3.
- Бурков Ю.Ф., 1972. Археологические материалы по истории Намудыга // ИМКУ. Вып. 9.
- Бурков Ю.Ф., 1972а. К исторической топографии средневекового Илака // СА. № 2.
- Бурков Ю.Ф., 1974. Горное дело и металлургия средневекового Илака V—начало XIII в. М.
- Бурков Ю.Ф., 1975. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса: (Историко-археологический очерк Чаца и Илака). Ташкент.
- Бурков Ю.Ф., 1977. Археологические материалы городища Калардан // ИМКУ. Вып. 13.
- Бурков Ю.Ф., 1978. Новые данные к стратиграфии городища Куляга // ОНУ. № 9.
- Бурков Ю.Ф., 1982. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского вала. Ташкент.
- Бурков Ю.Ф., 1987. Бассейн среднего Яксарта в древности и раннем средневековье // Городская культура Бактрии—Тохаристана в Согде. Ташкент.
- Бурков Ю.Ф., Богомолов Г.И., 1983. Работы в Ташкентской области // АО 1982 г. М.
- Бурков Ю.Ф., Богомолов Г.И., 1986. К семантике изображений на оссуарии из кашкала Чагги // ИМКУ. Вып. 20.
- Бурков Ю.Ф., Богомолов Г.И., 1997. К вопросу о храмах Чаца // Верования и культура домусульманской Средней Азии. Тез. докл. конф. М.
- Бурков Ю.Ф., Зильбер Д.Г., 1960. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Мингуюк в Ташкенте // Тр. ТашГУ им. В.И. Ленина. Вып. 172.
- Бурков Ю.Ф., Кисляков М.Р., Ристовцев О.М., 1973. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент.
- Буркова Э.Ю., 1979. Изучение округи райнефеодалов Самарканда // УСА. Л. Вып. 4.
- Васильев И.И., 1929. Возделываемые растения Хишского оазиса // Тр. Ин-та прикл. ботаники, генетики и селекции. Т. 20.
- Вашберг Б.И., 1973. Удельный чекан раннесредневекового Кердара // Антропология и культура Кердара. Ташкент.
- Вашберг Б.И., 1977. Монеты древнего Хорезма. М.
- Вашберг Б.И., Ристовцев О.А., 1982. Нумизматические заметки // Буддийские памятники Карагеше в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974–1977 гг. М.
- Вайнштейн С.И., 1973. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // IX Междунар. конгр. антроп. и этногр. наук: Докл. сов. делегации. М.
- Вайнштейн С.И., 1974. Раскопки средневекового города Сагар // АО 1973 г. М.
- Васильев А.И., 1934. Согдийский замок на горе Муг // Согдийский сборник. Л.
- Васильев А.И., 1936. Согдианы и их вооружение: Автореф. дис. — канд. ист. наук. Л.
- Васильев Г.П., 1986. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии. М.
- Веселовский Н.И., 1893. Заметки о тектоническом строении // ЗВОРАО. Т. VIII.
- Веселовский Н.И., 1900. О находках глянцевых гробов в Самарканде // ЗВОРАО. Т. XIII.
- Веселовский Н.И., 1917. Греческие изображения на туркестанских оссуариях // ИАК. Вып. 63.
- Винокурова М.П., 1957. Ткани из замка на горе Муг // ИООИ АН ТаджССР. Вып. 14.
- Винник Д.Ф., 1967. К исторической топографии средневековых поселений Исык-Кульской котловины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе.
- Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен изюльев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. // ТХАЭЭ. Т. VIII.
- Вишневская О.А., Ристовцев Ю.А., 1979. Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Вилин С.Л., 1960. Сведения арабских первоисточников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Тр. ИНАЗ АН КазССР. Т. 8.
- Вопросы археологии Центральной и Северной Казахстана. 1989. Караганда.
- Воробьева М.Г., Липицн-Скобло М.С., Нералд Е.Е., 1963. Раскопки Хазарстана в 1958–1960 гг. // МХЭ. М. Вып. 6.
- Воробьева-Деслятовская М.И., 1963. Находка санскритских текстов в Средней Азии // НАА. Вып. 3.
- Воробьева-Деслятовская М.И., 1983. Памятники письменности ххороштии и брахми из советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии. М.
- Воронина В.Л., 1948. Архитектура замка Актепе близ Ташкента на данным работ 1940 г. // Тр. ИИ АН УзССР. Ташкент. Т. 1.
- Воронина В.Л., 1950. Изучение архитектуры древнего Пенджикента: (По материалам раскопок 1947 г.) // МИА. № 15.
- Воронина В.Л., 1952. Строительная техника древнего Хорезма // ТХАЭЭ. М. Т. 1.
- Воронина В.Л., 1953. Архитектурные памятники древнего Пенджикента // МИА. № 37.
- Воронина В.Л., 1953а. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектур. наследство. Вып. 3.
- Воронина В.Л., 1957. Гордище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества // Архитектур. наследство. Вып. 8.
- Воронина В.Л., 1957а. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // СДШ. М.
- Воронина В.Л., 1957б. К вопросу о типе общественных сооружений средневекового города Средней Азии // СА. № 4.
- Воронина В.Л., 1958. Архитектура древнего Пенджикента: (Итоги работ 1952–1953 гг.) // МИА. № 66.

- Воронина В.Л., 1959. Раннесредневековый город Средней Азии // СА, № 1.
- Воронина В.Л., 1960. Исламские культовые сооружения Средней Азии // СА, № 2.
- Воронина В.Л., 1963. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ, № 6.
- Воронина В.Л., 1964. Архитектура древнего Пенджикента (Результаты раскопок 1954–1959 гг.) // МИА, № 124.
- Воронина В.Л., 1969. Архитектура Средней Азии VI–VIII вв. // Всеобщая история архитектуры, М, Т. 8.
- Воронина В.Л., 1977. Конструкции и художественный облик в архитектуре Востока. М.
- Воронина В.Л., Незамитов И.И., 1974. Открытие Угрушана // Наука и человечество, М.
- Воронина В.Л., Незамитов И.И., 1976. Резьбные гонимки из дерева афинян Угрушана (Шахристан) // СА, № 1.
- Высок Г.С., 1980. Музыкальные инструменты Средней Азии // Исторические очерки, М.
- Высок А.М., 1983. Христианский памятник на городище Ак-Бешим // Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке, М.
- Вязкин С.А., 1949. Стела Антонио Сотера вокруг древней Маргалавы // ТЮТАКЭ, Т. 1.
- Вязьмитина М.И., 1949. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 г. // ТЮТАКЭ, Т. 1.
- Вязьмитина М.И., 1953. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. // ТЮТАКЭ, Т. II.
- Вязькин В.Л., 1927. Абрабат – городище близ Самаркенда // Археологический очерк, Ташкент.
- Гапарова А.А., 1965. Мозаика Кудурга как источник по истории и культуре азиатских тюрок VI–VII вв. и т.д., М.
- Галиев И.Г., 1924. Кургангильские бекетты // ИРО О, Т. 58, вып. 2.
- Гайбулов В.Ф., 1947. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. // КСИИМК, Вып. XIV.
- Гайбулов В.Ф., 1949. Керамическая изобразительная печь Мурактеле // КСИИМК, Вып. XXVIII.
- Гайбулов В.Ф., 1952. Мозаика близ Ширинсая в Узбекистане // СА, № 16.
- Гаджи М.И., 1869. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.
- Гайфури Б.Г., 1972. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая истории, М.
- Гайбулов В.В., 1959. Основные вопросы палеонитрицизма Средней Азии в связи с изучением энтогенеза ее народов // КСЭЗ, Вып. XXXI.
- Гайбулов Т., 1983. К исторической топографии Хорасана, Мавараннахра и Хорезма в VII–X вв. // Хорезм и Мухаммад ат-Термиди в мировой истории и культуре: (К 1200-летию от дня рождения Душанбе).
- Гайбулова И.Г., 1975. Некоторые итоги исследования поселений Ферганы Кушанского времени // Тезисы докладов Всесоюзной, посвященной итогам научных археологических исследований, Ташкент.
- Гайбулова И.Г., 1979. Итоги исследования археологически памятников Ферганской области // СА, № 3.
- Гайбулова И.Г., 1979а. О раннесредневековой керамике Ферганы // СА, Вып. 4.
- Гайбулова И.Г., 1981. О типах ферганских погребальных памятников // АСЭЗ, Д, Вып. 22.
- Гайбулова И.Г., 1990. Ферганский минарет Хангит // СА, № 1.
- Гайбулова И.Г., Шайтан А.Г., 1979. Минареты и крепости у Хангит // АО 1978 г., М.
- Гарольдский В.Д., 1926. Сербинки соседств из кургана села Пыровка, Пензенской уезда // Известия Среднеазиатского восточного общества, М., Т. 1.
- Гарольдский В.Д., 1975. О локализации города Баласагун // Сравнительная история и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе.
- Гарольдский В.Д., 1976. Городские центры и монументальная архитектура средневековой Киргизии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Фрунзе.
- Гарольдский В.Д., 1985. Исследования Красноярченской городища и окрестности // АО 1983 г., М.
- Гарольдский В.Д., 1989. Пауза искропления Красноярченской городища // Краевая Речка и Бурана: (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе.
- Гарольдский В.Д., Байаков К.М., 1981. Раскопки Красноярченской городища // АО 1980 г., М.
- Гарольдский В.Д., Бергалиев О., 1979. Раскопки Красноярченской городища // АО 1978 г., М.
- Гарольдский В.Д., Пересудов С.Я., 1996. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ, № 2.
- Гречко Ф., 1987. Интерпретация декора оссуариев из Бив-Найма и Минакты // Творческая культура Бактрии-Тохаристана и Согды: (Античность, раннее средневековье). Ташкент.
- Григорьев В.В., 1867. Старая погулка на новый лад, М.
- Григорьев Г.В., 1955. Отчет об археологическом раскопе в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент.
- Григорьев Г.В., 1939. Зороастрийские костехранилище и кладбище Фрихент под г. Самаркандом // ВДИ, № 2.
- Григорьев Г.В., 1940. Городище Таллибару: Краткий очерк // ТОВЭ, Т. II.
- Григорьев Г.В., 1940а. Краткий очерк по работе Янгиюльской археологической экспедиции в 1937 г. Ташкент.
- Григорьев Г.В., 1946. К вопросу о художественном ремесле димусульманского Согда // КСИИМК, Вып. XII.
- Гришин В.А., 1978. Основные моменты динамики производственной сети Отрарского оазиса в XV–XVIII вв. // Археологические памятники Казахстана. Азна-Ата.
- Гришин В.А., 1980. Иригация Южного Казахстана в средние века: (По материалам Отрара и окрестных селений Каратау): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Л.
- Гришнер А.Л., Стеблин-Каменский И.М., 1976. Ваканский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк, М.
- Губсов А., 1967. Новые памятники сасанидского времени в Южном Туркменистане // СА, № 1.
- Губов А., 1968. Изучение раннесредневековых памятников в районе Артыка // КД, Вып. 2.
- Губов А., 1971. Замок Акдере и его раскопки // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад.
- Губов А., 1971а. Сасанидские буллы из замка Акдере: (Предварительная публикация) // ЭВ, Вып. XX.
- Губов А., 1972. Новые раскопки замка Акдере у Артыка // КД, Вып. 4.
- Губов А., 1977. Новые результаты раскопок в замке Акдере сасанидского времени // КД, Вып. 6.
- Губов А., 1978. К вопросу о зарождении феодальных отношений в Южном Туркменистане // История и археология Средней Азии. Ашхабад.
- Губов А., 1982. Южный Туркменистан в эпоху раннего феодализма: (К проблеме становления феодальных отношений на Востоке): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук, М.
- Губов А., Кюльтепенов Г.А., 1968. Изучение автономия и раннесредневековых памятников // КД, Вып. 1.
- Губов А., Кюльтепенов Г.А., 1972. Исследование Парфянского святилища Мангурдене в раннесредневековой замка Акдере // КД, Вып. 3.
- Губов А., Кюльтепенов Г.А., Понкин С.В., 1990. Археологические исследования в Мервском оазисе // ВДИ, № 3.
- Губов А., Аврамов Т., 1970. Буллы Сасанидского периода из Акдере // КД, Вып. 5.
- Губов А., Ахмедов С., 1984. Храмы огня в Южном Туркменистане // Памятники Туркменистана. Ашхабад, № 2.

- Губкина А.В., 1962. Раскопки городища Токкала и 1960-1961 гг. // ВКФ АН УЗ СР, № 3.
- Губкина А.В., 1964. Токкала. Ташкент.
- Губкина А.В., 1968. Новые материалы по погребальному образу VII-VIII вв. в Кердере // Историч. археология и этнография Средней Азии. М.
- Губкина А.В., 1973. К изучению раннекоролевской буе (VII-VIII вв.) // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердере. Ташкент.
- Губкина А.В., Липини В.А., 1967. Хорезмское надгробие из-под Токкала и проблема "хорезмской дры" // ВКФ АН УССР, № 1.
- Губкина А.В., Ягодин В.П., 1963. Археологические исследования в правобережной части дельты Амударьи в 1958-1959 гг. // МХЭ, М. Вып. 6.
- Гудови С.О., 1853. О древностях, обнаруженных в Киргизской степи // Вестн. РГО, Ч. 8, кн. 3, отд. 7.
- Гудови Я.Г., 1967. История орошения Хорезма с древнейших времён до наших дней. Ташкент.
- Гудови Я.Г., Бураков Ю.Ф., 1969. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967-1968 гг. // Афрасиаб. Ташкент. Вып. 1.
- Гумилев Л.Н., 1967. Древние тюрки. М.
- Гуревич Л.Д., 1981. К интерпретации пенджаикентских "капелл" // Тез. докл. конф. "Культурные взаимодействия народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье". М.
- Давиташвили Е.А., 1956. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. // АРТ Вып. III.
- Давиташвили Е.А., 1959. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. // АРТ. Вып. V.
- Давиташвили Е.А., 1966. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // ИЭ, М. Вып. VI.
- Давиташвили Е.А., 1979. Клады древних и средневековых монет в Таджикистане. М.
- Давиташвили Е.А., Литвинский Б.А., 1955. Археологический очерк Изоборинского района // ТИИАЭ, т. 35.
- Давиташвили Е.А., Зеймаль Е.В., 1980. Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью: (К типологии феодализма) // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М.
- Давутов Д., 1979. Согдийские монеты на раскопке поселения Гардин Хлор // УСА, Д. Вып. 4.
- Давыдов А.С., 1969. Традиционное жилище таджиков Верного Зеравшана // СЭ, № 6.
- Давыдов А.С., 1973. Жилище // Материальная культура таджиков верховья Зеравшана. Душанбе.
- Дальерзонителе, 1978. Дальерзонителе - кушанский город на юге Узбекистана Ташкент.
- Давыдов М.А., Лускин В.Г., 1980. Культура и экономика древнего Ирана. М.
- Демиславский И.В., Колотий В.П., Цикитин А.А., 1940. Исследование растительных остатков на раскопке согдийского чика VIII в. на горе Муг в Таджикистане // Растительность Таджикистана и ее освоение. М.; Д. (Тр. Тадж. ботан. АН СССР, т. VIII).
- Деревцова В.П., 1976. Художественный металл Востока. М.
- Деревцова В.П., 1976а. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. // Произведения восточной ювелирки на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.
- Деревцова В.П., Мартик Б.Г., 1974. О так называемом сиринском блюде из Перской области // СА, № 2.
- Денис Б.П., 1927. Искусство Средней Азии. М.
- Денис В.Б., 1959. Классификация буе Северного Кавказа IV-V вв. // СЭ, № 3.
- Джумаев В.К., 1984. Раскопки в квартале тончайрой Бунджиккэ-та // АО 1982 г. М.
- Зеймаль Е.В., 1985. Правители Усгуритов // Древности Таджикистана: Каталог выставки. Душанбе.
- Джигити В.М., Девуа В.А., Левинсон А.Г., 1974. Урбанизация как социокультурный процесс: Урбанизация мира // ИЭ, № 96.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР, 1985. М.
- Древний Мерв и его следствиях письменных источников, 1991. Соет. У.А. Кошелева, А. Губкин, А.Н. Вазер, В.А. Габиев. Антабд.
- Древний Ташкент, 1973. Ташкент.
- Древности Таджикистана: Каталог выставки, 1985. Душанбе.
- Древности Ташкента, 1976. Ташкент.
- Древности Губкута, 1978. Ташкент.
- Древности Чирчака, 1976. Ташкент.
- Древняя и средневековая культура Чада, 1979. Ташкент.
- Древняя Сия, 1968. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания: Авторсрф. дис. - канд. ист. наук. Ташкент.
- Древняя Сия, 1974. "Обвалный храм" христианской общины в Мерве // ТЮТАКЭ, Т. XV.
- Древности Мерва, 1982. Работы Якобовского маршрутного отряда // АО 1981 г. М.
- Древности Мерва, 1983. Раннесредневековые оссурии из Южного Согда // ОИУ, № 3.
- Древности Сия, 1986. Раннесредневековые города и поселения восточной части Южного Согда // Городецкая среда и культура Бактрии - Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. - VIII в. н.э.) ТД. Ташкент.
- Древности Сия, 1989. Некрополь Старого Мерва // Древний Мерв. Сб. ст. Антабд. (ТЮТАКЭ, Т. XIX).
- Дурдыев Д., 1959. Горняки Старого Капшана // ТИИАЭ АН ТССР, Вып. V.
- Дурдыев Д., 1959а. Кыргызск // ТИИАЭ АН ТССР, Вып. V.
- Дурдыев Д., 1959б. Итоги полых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР // ТИИАЭ АН ТССР, Вып. V.
- Дюкентин М.М., 1950. Работы Кафирничанского отряда // МНА, № 15.
- Дюкентин М.М., 1951. Образ Сивуша в средневековой мифологии // КСИИМК. Вып. LX.
- Дюкентин М.М., 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирничана (Кобань) (1950-1951 гг.) // МНА, № 37.
- Дюкентин М.М., 1954. Раскопки Пенджаикента в окрестн. Средней Азии // ЖДП, М.
- Дюкентин И.В., 1980. К истории одежды в Восточном Туркестане II-VII вв. // СНВ, М. Вып. XXII.
- Дюкентин И.В., Смирнова О.И., 1960. К вопросу об использовании пенджаикентской росписи // Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И.А. Орбани. М.; Д.
- Дюкентин И.В., Смирнова О.И., 1967. К вопросу о культуре Наны (Ананды) в Согде // СА, № 1.
- Дюкентин И.В., Сорокин С.С., 1960. Хотанские древности. Д.
- Ериши С.А., 1959. Некоторые итоги археологического изучения некроля с оссуриями захоронения в районе города Таирар-Али (раскопки 1954-1956 гг.) // ТИИАЭ АН ТССР, Вып. V.
- Жадыков Г.А., 1968. Неомадизм в Средней Азии и Казахстане // Историч. археология и этнография Средней Азии. М.
- Жилико Т.А., 1975. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана и историко-этнографическом атласе // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Жилико Т.А., археолог Пенджаикента, 1954. Сб. ст. М.
- Жилико Т.А., археолог Таджикистана, 1984. Древность в средневековье: Каталог выставки. Д.

- Жармунский В.М., 1962. Огузский героический эпос в "Книга Каркута" // Книга моего дяди Каркута. М.: Л.
- Жуковский В.А., 1894. Развалины Старого Мерва. СПб., (МАР, № 16).
- Забелина И.И., 1952. Обзор древнейших монет из коллекции Республиканского историко-краеведческого музея Таджикистана // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикистана. Археология. Сталинабад. Вып. 1.
- Завьялов В.А., 1979. Раскопки квартала поднекушанского времени на городище Заргеше // СА. № 3.
- Забнепровский Ю.А., 1954. Древняя Фергана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Забнепровский Ю.А., 1956. Об этническом составе населения древней Ферганы // КСНИМК. Вып. 61.
- Забнепровский Ю.А., 1960. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. // ТКАЭЭ. Т. 2.
- Забнепровский Ю.А., 1960а. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе.
- Забнепровский Ю.А., 1973. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы // Древний город Средней Азии: ТД. Л.
- Забнепровский Ю.А., 1995. Номады древней Ферганы: Типология памятников, районирование, историческое истолкование. Бишкек.
- Зарубин М.И., 1926. Скалание о первом кузнце в Шугнане // ИАН СССР. Сер. 6, № 9.
- Заславский Б.Н., 1948. Архитектура Средней Азии. М.
- Заславский Б.Н., 1962. Керамические печи VII-VIII вв. на городище Гауркала // ТЮТАКЭ. Т. XI.
- Задорер Б.И., 1944. История восточного средневековья. М.
- Зеймаль Е.В., 1961. Археологические работы в Гиссарской долине // АРТ. Вып. 6.
- Зеймаль Е.В., 1963. Шива на монетах Великих Кушан // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 г., Л.
- Зеймаль Е.В., 1964. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.) // МИА. № 124.
- Зеймаль Е.В., 1975. "Варварские подражания" как исторический источник // СГЭ. Л. Вып. XV.
- Зеймаль Е.В., 1978. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л.
- Зеймаль Е.В., 1983. Древние монеты Таджикистана. Душанбе.
- Зеймаль Е.В., 1985. Раннесредневековая монета: Северный Тохаристан // Древности Таджикистана. Душанбе.
- Зеймаль Е.В., 1987. Монеты, найденные на памятниках Кобдалина с археологическими комплексами купально-санитарного времени: Реферат // Седов А.В. Кобдалин на пороге раннего средневековья. М.
- Зеймаль Т.И., 1959. Работы Вахшской группы Хутальского отряда в 1957 г. // АРТ. Вып. 7.
- Зеймаль Т.И., 1964. Разведательные работы в Вахшской долине в 1959 г. // АРТ. Вып. VII.
- Зеймаль Т.И., 1964а. Античное поселение в урочище Халкал-Жор // АРТ. Вып. VI.
- Зеймаль Т.И., 1962. Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г. // АРТ. Вып. VIII.
- Зеймаль Т.И., 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. (Археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Зеймаль Т.И., 1971. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // СНВ. М. Вып. X.
- Зеймаль Т.И., 1975. Поднекушанские слои в Южном Таджикистане // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М. Т. 2.
- Зеймаль Т.И., 1980. Раскопки на Абдулнитте в 1975 г. // АРТ. Вып. XV.
- Зеймаль Т.И., 1984. Раскопки крепости Нижний Уртабоз в 1978 г. // АРТ. Вып. XVIII.
- Зеймаль Т.И., 1985. Южный Таджикистан в V-VIII вв. // Древности Таджикистана. Душанбе.
- Зеймаль Т.И., 1986. Буддийский комплекс Штур Мулло // АРТ. Вып. XIX.
- Зеймаль Т.И., 1987. Буддийская ступа у Верлюбийской горки (К типологии ступ правобережного Тохаристана) // Проблемы Средней Азии. Душанбе.
- Зеймаль Т.И., Седов А.В., 1979. Комплексы купально-санитарного времени в Южном Таджикистане // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
- Зеймаль Т.И., Седов А.В., 1985. Янское городище (Гаракала) // Древности Таджикистана. Душанбе.
- Зеймаль Т.И., Соловьев В.С., 1983. Работы Уртабозского отряда // АРТ. Вып. XVII.
- Зеленский А.И., 1964. Древние крепости на Памире // СНВ. Вып. III.
- Зильбер Д.Г., 1978. Дворцовый комплекс городища Мингурок в Ташкенте // История и археология Средней Азии. Ашхабад.
- Зун Ю.А., 1960. Китайские и вестные о Суабе // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 3(14).
- Заблин Л.П., 1961. Второй буддийский храм Ак-Бешпекского городища. Фрунзе.
- Иванов П.П., 1932. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Л.; М.
- Иерусалимская А.А., 1967. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом // НАА. № 3.
- Иерусалимская А.А., 1967а. О североканакском "шелковом пути" в раннем средневековье // СА. № 2.
- Иерусалимская А.А., 1972. К сложению школы шовковетовенного шелководства в Согде // Средняя Азия и Иран. Л.
- Иерусалимская А.А., 1972а. "Великий шелковый путь": в Северный Кавказ: (К выставке "Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии"). Л.
- Ильинский Дж., Русович Д.В., 1988. Клад средневековых бронзовых изделий с городища Бурач // ОНУ. № 1.
- Исмаилов О.И., 1983. Цитадель Афрасиаба: (Работы 1977-1979 гг.) ИМКУ. Вып. 18.
- Иностранцев К.А., 1907. Туркестанские осуарии и истоками // ЗВОРАО. Т. XVII, вып. 4.
- Иностранцев К.А., 1907а. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии: Приметы // поверья // ЗВОРАО. Т. XVIII, вып. 2-3.
- Иностранцев К.А., 1908. К изучению осуарии // ЗВОРАО. Т. XVIII, вып. 1.
- Иностранцев К.А., 1909. О древнеперсидских погребальных обычаях и постройках // ЖМНП. Н.С. М. XX.
- Искандер А.И., 1977. Паганды древнего Пенджаикента. Душанбе.
- Искандер А.И., 1977а. Раннесредневековые памятники Пенджикентского округа // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тез. Всесоюз. науч. конф. Душанбе.
- Искандер А.И., 1977б. Раскопки городища Актепе близ Пенджаикента // АО 1976 г. М.
- Искандер А.И., 1979. Фильдантарский замок // УСА. Л. Вып. 4.
- Искандер А.И., 1979а. Разведки и раскопки Касаторского отряда в 1974 г. // АРТ. Вып. VIII.
- Исмаилов О.И., Сулейманов Р.Х., 1977. Комплекс ритуально-культурной керамики IV-V вв. из Южного Согда // ИМКУ. Вып. 13.
- Исмаилов О.И., Сулейманов Р.Х., 1984. Еркурган (Стратиграфия и периодизация). Ташкент.
- История Бузары с древнейших времен до наших дней. 1976. Ташкент.
- Итима М.А., 1981. Хорезмская экседрация — основные итоги и перспективы исследований // Культура и искусство древнего Хорезма. М.

- Кабанов С.К., 1950. Археологические районы 1948 года в Каршинском оазисе // ТИИА АН УЗССР. Т. II.
- Кабанов С.К., 1954. Археологические раскопки на Шортенском Карин // ИАН УЗССР. № 1.
- Кабанов С.К., 1956. Раскопки древнего квартала в западной части городища Варлахия // ТИИА АН УЗССР. Вып. 8.
- Кабанов С.К., 1958. Складовое здание V в. н.э. в долине р. Кашкадарья (Узбекистан) // СА. № 3.
- Кабанов С.К., 1961. Назисбекские монеты V-VI вв. // ВДИ. № 1.
- Кабанов С.К., 1963. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III-IV вв. // СА. № 1.
- Кабанов С.К., 1971. Изображение Шивы на оссуарии // СА. № 2.
- Кабанов С.К., 1973. Руины древних времен кулан бена Карин // ИМКУ. Вып. 10.
- Кабанов С.К., 1977. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-IV вв.). Ташкент.
- Кабанов С.К., 1981. Культура сельских поселений Южного Согда III-IV вв. По материалам исследований в зоне Чимкуньского водохранилища. Ташкент.
- Кавыров Д., 1975. Библиографический указатель по истории изучения Афрасиаба (1874-1972) // Афрасиаб. Ташкент. Вып. IV.
- Калхатан: Природные условия и естественные ресурсы. 1969. М.
- Калалур В.А., 1897. Археологическая поездка по Аулие-Атинскому уезду. (Приложение) // ПТКЛА. № 2.
- Калалур В.А., 1897а. Древние местности Аулие-Атинского уезда на старом караванном пути на Тараза (Таласа) в Восточной Туркестан. (Приложение) // ПТКЛА. № 2.
- Калалур В.А., 1900. О следах древнего города "Джент" в низовьях р. Сырдарья. (Приложение) // ПТКЛА. № 5.
- Калалур В.А., 1901. Древние города, крепости и курганы по реке Сырдарья в восточной части Перовского уезда. (Приложение) // ПТКЛА. № 6.
- Калалур В.А., 1901а. Развалины "Сырдытам" в Перовском уезде // ПТКЛА. № 6.
- Калалур В.А., 1903. К истории города Аулие-Ата. (Приложение) // ПТКЛА. № 8.
- Калалур В.А., 1904. Древние местности Аулие-атинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулиеата к границе Чимкентского уезда. (Приложение) // ПТКЛА. № 9.
- Калалур В.А., 1905. Древние киргизские легенды и постройки Ахырташа // ПТКЛА. № 10.
- Карцев В.Н., 1986. Зодчество Афганистана. М.
- Кастальский Б.Е., 1909. Бивняльманские оссуарии // ПТКЛА. № 13.
- Кастальский Б.Е., 1930. Историко-географический обзор Сураханской и Ширабадской долины // Вестник иранистики. Ташкент. № 2-4.
- Кастине И.А., 1915. Древности Уратгобе и Шахристана // ПТКЛА. № 20, вып. 1.
- Кауфман К.В., 1968. Согдийский извод сказания о Рустанге и "Шахнамэ" Фирдоуси // Иранская филология. Крат. изложение докл. науч. конф., посвященной 60-летию проф. А.Н. Волдырева. М.
- Казурск К., Бурков В.Ф., 1963. Изучение рсмсленного квартала античного Мерва у северных ворот Гауркалма // ТЮТАКЭ. Т. XII.
- Кевь А.С., 1933. Джар - древнее русло реки Мургаб // Труды Геоморфологического института. М. Вып. 12.
- Кевь А.С., Лисицина Г.Н., Костюченко В.П., 1972. Древние орошаемые земли средневекового Дехлистана // КД. Анкабад. Вып. 4.
- Килинская Э.В., Негматов Н.Н., 1964. Находки ювелирных изделий на Шахристана // СА. № 3.
- Килинская Э.В., Негматов Н.Н., 1979. Шедевы торгестки Уструшанды // Памятники культуры: Новые открытия. II.
- Кисляков И.А., 1969. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.
- К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда, 1981. Ташкент.
- Кларе К.А., Черняков А.А., 1904. Древний Оттар в раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. // ПТКЛА. № 9.
- Климентский С.Г., 1955. Историко-культурные значение Суджидской долины // ПВ. № 5.
- Климентский С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
- Климентский С.Г., Лисицын В.А., 1971. Согдийская надпись К. Бузуру // СНВ. М. Вып. 10.
- Книга к Большому Чертежу, 1950. Подгот. к печати в ред. К.И. Сербиной. М.: Л.
- Кобылина М.М., 1967. Форма и изображением сирены из фанатера // СА. № 1.
- Кожомбердиев П.Н., 1959. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе.
- Кожомбердиев П.Н., 1963. Осалые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
- Кожомбердиев П.Н., 1970. Изучение памятников средневековья в Киргизии // Средневековые города Средней Азии и Казахстана: ТД Воевода, науч. конф. Фрунзе; Л.
- Кожомбердиев П.Н., 1989. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная Речка и Буран: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе.
- Кожомбердиев П.Н., 1989а. Отчет о раскопках работ на Краснореченском городище в 1962-1963 гг. // Там же.
- Кожомбердиев П.Н., 1977. Основные этапы истории культуры Кетмен-Тюбе // Кетмен-Тюбе: История и археология. Фрунзе.
- Козленко В.И., 1964. Гайраттепе // СА. № 3.
- Колдов В.И., 1969. Динамика численности народов. М.
- Колесников А.И., 1970. Иран в начале VII в. (Источники, интревью и внешняя политика, вопросы административного деления // Палестинский сборник. Л. Вып. 22 (85).
- Колесников А.И., 1982. Завоевание Ирана арабами. М.
- Кондаков К., 1896. Русские кладбища. СПб. Т. 1.
- Кондратов А.Н., 1940. Патриархальная домашняя община и общинные дома у узбеков. М.: Л.
- Корепанов К.Н., 1978. Фигура медведя в Верхне-Учтукского городища // СА. № 4.
- Косиленко Г.А., 1963. Парфянская фортификация // СА. № 2.
- Косиленко Г.А., 1966. Культура Парфия. М.
- Косиленко Г.А., 1966а. Уникальная ваза из Мерва // ВДИ. № 1.
- Косиленко Г.А., 1984. Исследование буддийских памятников в Мерве // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.
- Косиленко Г.А., 1985. Древнейшее государство Кавказа в Средней Азии // Археология СССР. М.
- Косиленко Г.А., Губина В.А., Бадер А.Н., 1944. Древняя Маргиана в письменной традиции: Данные китайских буддийских источников // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск. Вып. 1.
- Косиленко Г.А., Губина В.А., Бадер А.Н., 1997. О некоторых особенностях экологической ситуации в Мервском оазисе в древности и раннем средневековье // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Магнитогорск. Вып. 4, ч. 1.
- Косиленко Г.А., Губина В.А., Бадер А.Н., 1994. Мервский оазис: Динамика систем расселения и ирригации // ВДИ. № 4.
- Косиленко Г.А., Десляткин Ю.М., 1966. Раскопки некрополя древнего Мерва // АО 1965 г. М.
- Косиленко Г.А., Никитин М.Б., 1991. Монетные находки в проблемы стратегий Гобеккыды // МАИКЛА ИБ. М. Вып. 18.
- Косиленко Г.А., Орлов О., 1965. О погребальном культе в Маргиане в парфянское время // ВДИ. № 4.

- Крамковская В.А., 1949. Эволюция куфического письма в Средней Азии // ЭВ. М., Л. Вып. III.
- Красношаникина И.И., 1970. Работы в Китабе // АО 1969 г. М.
- Красношаникина И.И., 1977. Маршрутно-исследовательские работы в Китабском районе // АО 1976 г. М.
- Красношаникина И.И., 1986. Два итампованных асуария из окрестностей кишлака Сиваз Китабского района // Городская среда и культура Бактрия — Тохаристана и Согды IV в. до н.э. — VIII в. н.э.: Тез. докл. сов.-фр. коллоквиума. Самарканд, 25–30 авг. 1986 г. Ташкент.
- Кривошанин В.В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е4–4.
- Кружыхина И.Т., 1974. Дильберджин (Раскопки 1970–1972 гг.) М. Ч. 1.
- Кружыхина И.Т., 1976. Растительные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М.
- Кружыхина И.Т., 1979. Растительные росписи в помещении 16 северо-восточного комплекса Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М. Вып. 2.
- Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. н.э., 1983. Ташкент.
- Курман В.П., 1976. Хозяйство и материальная культура туземного крестьянства. М.
- Курман В.П., 1978. Семейно-родственные группы у казахов-кочевников XIX — начала XX в.: (По некоторым литературным источникам) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Кувшинская А.А., 1872. Очерки Ходженского уезда // Туркестанские ведомости. № 14.
- Кылышова Л.Р., 1959. Средневековые города Туны // СА. № 3.
- Кылышова Л.Р., 1959а. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. Т. II.
- Кылышова Л.Р., 1965. Городище Дев-Тарск // Древнеиранские города. М.
- Кылышова Л.Р., Смирнова О.И., Шербац А.М., 1958. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (КиргССР) в 1953–1954 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Физ.-мат. науки. Т. XVI.
- Лагров В.А., 1950. Градостроительная культура Средней Азии. М.
- Лагров В.А., 1969. На границах Средней Азии. Кн. III. Бухарско-Афганская граница. СПб.
- Левина Л.М., 1966. Керамика и вопросы этнокультурных связей джельдарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Левина Л.М., 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джельдарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Левина Л.М., 1971. Керамика шахшей в средней Сырдарье в I тыс. н.э. // ТХАЭЭ. Т. VII.
- Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточной Приаралья. Автореф. дис. — д-ра наук. наук. М.
- Левина В.А., Олейко Д.М., Пугаченкова Г.А., 1953. Археология туркменского населения жалынды // ТЮТАЭЭ. Т. 3.
- Лемжидин Г.Г., 1963. Минералогические сведения ообидеиме в тракте Бирюан // Абу Рихван абд. Бирюан. Собрание сведений для познания драгоценностей // (Минералогия). М.
- Лерх П.И., 1870. Археологические раскопки в Туркестанской край в 1867 г. СПб.
- Лерх П.И., 1909. Монеты бухар хуандов. // Тр. Вост. ин-та. Т. Рус. архива и н.д. СПб. Ч. XVIII.
- Левинский В.В., 1971. Весовые класы на Ураде в VII–XIII вв. (по методам художественной утвари). Автореф. дис. — канд. физ. наук. Л.
- Ливинский В.А., 1962. Согдийский брачный контракт начала VIII в. // СА. № 3.
- Ливинский В.А., 1963. Общество Авесты // АНУ. М.
- Ливинский В.А., 1965. Надпись на фреске Афрасиаба // Тезисы докладов сессии, посвященной истории жизни и страны Азии. Л.
- Ливинский В.А., 1968. О письменности Ферганы // ИАА. № 6.
- Ливинский В.А., 1971. Земледельческие и аграрные отношения в Туркменстане в период раннего средневековья (IV–VII вв. н.э.) // Очерки истории земледельческих и аграрных отношений в Туркменстане. Анкханд.
- Ливинский В.А., 1975. "Зороастрийский" календарь // Биерман Э. Хронология древнего мира. М.
- Ливинский В.А., 1975а. Правители Согды и "варя хуннов" китайских династических историй // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л. Т. IX.
- Ливинский В.А., 1977. Правители Пенджабкента VII — начала VIII в. // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тез. Весовой науч. конф. в г. Пенджабкенте ТаджССР. 26–31 авг. 1977 г. Душанбе.
- Ливинский В.А., 1979. Авестийские ираны. иши // Персидский сборник. М. Вып. III. История и филология стран Древнего Востока.
- Ливинский В.А., 1979а. Правители Парча (Согдийцы и турки) // ИАА. № 4.
- Ливинский В.А., 1981. Согдийский язык: Введение // Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М.
- Ливинский В.А., 1981а. Согдийцы в Семиречье: Лингвистические и эпиграфические свидетельства // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годич. науч. конф. ЛО ИВ АН СССР. Л. Ч. 1.
- Ливинский В.А., 1984. Документ // Диорис Топраккала. М.
- Ливинский В.А., 1984а. Новые парфянские надписи из Туркменистана и Ирака // ЭВ. Вып. XXII.
- Ливинский В.А., 1985. Письмо Деванишгу от Фатуриды // Древности Таджикистана: Каталог выставки. Душанбе.
- Ливинский В.А., 1989. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // Красная Речка и Бурана: (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе.
- Ливинский В.А., 1990. Письменные памятники из древнего Мерва // Мерв в древней и средневековой истории Востока: Тез. докл. науч. симпозиума. Анкханд.
- Ливинский В.А., Кауфман И.В., Луконин М.М., 1984. О древней согдийской письменности Бухары // ВДИ. № 1.
- Ливинский В.А., Луконин И.Г., 1964. Среднеиранские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. № 3.
- Ливинский В.А., Луконин А.Б., 1989. Парфянские надписи с Гельбекладене // ВДИ. № 3.
- Ливинский В.А., Рогова Е.В., 1982. О монетных чеканах раннесредневековой Чача // У истоков древней культуры. Ташкент. Ташкент.
- Ливинский В.А., Хромов А.Л., 1981. Согдийский язык // Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М.
- Ливинский Б.А., 1954. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Сталинабад.
- Ливинский Б.А., 1968. Кантийско-кузданский форен. К историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии. Душанбе.
- Ливинский Б.А., 1972. Курган и курганы Западной Ферганы (Раскопки, погребальный обряд и среда этнографии). М.
- Ливинский Б.А., 1973. Курганы из могильника Западной Ферганы. М.
- Ливинский Б.А., 1976. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии. М.
- Ливинский Б.А., 1976а. Тонкая керамика // АО 1975 г. М.
- Ливинский Б.А., 1977. Этногенетические процессы в ранне-средневековой Ферганы (Населенно-этнологический и лингвистический аспекты) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.

- Литвинский Б.А., 1977а. Буддийский храм Калам Кафирниган // АО 1976 г. М.
- Литвинский Б.А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы: (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии, М.
- Литвинский Б.А., 1979. Кушанский город Средней Азии // ИАА. № 3.
- Литвинский Б.А., 1979а. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Литвинский Б.А., 1979б. Калам Кафирниган: (Раскопки 1974 г.) // АРТ. Вып. XIV.
- Литвинский Б.А., 1981. Настенная живопись Калам Кафирниган // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье: (История и культура). М.
- Литвинский Б.А., 1981а. Семантика древних верований и обрядов у памиров. (I) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.
- Литвинский Б.А., 1983. Древняя и средневековая культура Киргизстана – интегральная часть культуры Востока // Культура и искусство Киргизии: ТД Вsesoyuz. науч. конф. II. Вып. I.
- Литвинский Б.А., 1986. Северная Бактрия – Тохаристан: Проблемы этнокультурного развития // Горская среда и культура Бактрии – Тохаристана (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.): Тез. докл. Ташкент.
- Литвинский Б.А., Гулямова Э.Г., Зеймаль Т.И., 1959. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.) // АРТ. Вып. IV.
- Литвинский Б.А., Денисов Е.П., 1973. Буддийская часовня на Кафиркале // АРТ. Вып. X.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., 1971. Аджинатепе: Архитектура. Живопись. Скульптура. М.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., 1973. Раскопки на Аджинатепе и Кафиркале в 1970 г. // АРТ. Вып. X.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., 1975. Раскопочные работы на Аджинатепе // АРТ. Вып. XI.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведева И.Н., 1977. Отчет о работах Южно-Таджикистанской экспедиции в 1973 г. // АРТ. Вып. XIII.
- Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983. Телашах: Культура и связи кушанской Бактрии. М.
- Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984. Культы и ритуалы кушанской Бактрии: Погребальный обряд. М.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С., 1985. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахской долине. М.
- Лобачева И.П., 1979. Среднеазиатский костюм ранне-средневековой эпохи: (По данным стелетных росписей) // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М.
- Лозинский С.Д., 1985. Проблема локализации Аларартклены и ее центра Аларартки // ИАН ТССР. СОИ. № 5.
- Лозинский С.Д., 1985а. К вопросу о названии вала Мерв // Памятники Туркменистана. Ашхабад. № 2.
- Лозинский С.Д., 1986. Материалы к истории денежного обращения Аларарткены // ИАН ТССР. СОИ. № 4.
- Лозинский С.Д., 1990. Мерв эпохи Сасанидов в свете работ ЮТАКЭ // Мерв в древней и средневековой истории Востока: Тез. докл. науч. симпози. Ашхабад.
- Лозинский С.Д., 1991. Культура Аларарткены в эпоху Сасанидов (III-VII вв. н.э.): Автореф. дис. – канд. ист. наук. Д.
- Лозинский С.Д., Никитин А.Б., 1984. Монеты царя Мерва // Памятники Туркменистана. Ашхабад. № 1 (37).
- Лозинский С.Д., Никитин А.Б., 1985. О начальном этапе чеканики бухарских подражений драхмам Варахана V // ОНУ. № 6.
- Лозинский С.Д., Никитин А.Б., 1986. Монеты с всадником из Мерва // СА. № 3.
- Лозинский С.Д., Никитин А.Б., 1988. Монотраммиз монетного двора Мерва // ЭВ. М. Вып. XXV.
- Лозинский В.Г., 1967. Кушано-сасанидские монеты // ЭВ. М. Вып. XVIII.
- Лозинский В.Г., 1969. Культура сасанидского Ирана // Иран в III-V вв.: Очерки по истории культуры. М.
- Лозинский В.Г., 1969а. Среднеперсидские надписи из Карауле // Буддийские пагоды Карауле в Старом Термезе. М.
- Лозинский В.Г., 1971. По поводу булг из Акдепе // ЭВ. М. Вып. XX.
- Лозинский В.Г., 1977. Искусство древнего Ирана. М.
- Лозинский В.Г., 1979. Иран в III в. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М.
- Лозинский В.Г., 1981. Мигра на кушано-сасанидских монетах // Культурные взаимоотношения народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тез. докл. М.
- Лукин Б.В., 1958. Из истории русского востоковедения в археологии и Туркестане. Ташкент.
- Лукин Б.В., 1969. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана // ИМКУ. Вып. 8.
- Лукина С.Б., 1962. Гонимое производство в Мерве // ТЮТАКЭ. Т. XI.
- Лукина С.Б., 1966. Группа "Караулетепе" и некоторые археологические памятники Бостандикского района // Археология Средней Азии. Ташкент. Вып. VII. (Тр. САГУ).
- Лукина С.Б., 1984. Города южного Согда в VIII-XII вв. Ташкент.
- Лукина С.Б., Усманова З.И., 1956. Из археологических наблюдений на Кутантепе близ Ташкента // Археология Средней Азии. Ташкент. Вып. III. (Тр. САГУ).
- Лукина С.Б., Усманова З.И., 1985. Уникальный оссуарий из Кашкадары // ОНУ. № 3.
- Лукин Д.И., 1913. От Чингиза до Первеса по Самарканду // Известия ТООТО. Т. 9.
- Лыкошин И.С., 1886. Очерки археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // Среднеазиатский вестник. Ташкент. Июль, сентябрь.
- Лыкошин И.С., 1899. Догадка о происхождении Отрара // ПТКЛА. № 4.
- Лыкошин И.С., 1906. Чапукская владость Ходженского уезда // Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд. Вып. 8.
- Лыкин А., 1986. Каушутбег // Памятники Туркменистана. Ашхабад. № 1 (41).
- Майшонов И.Я., 1926. Материалы по равноправию Средней Азии. Ташкент. Кн. I, ч. 1.
- Максимов А.Г., 1974. Гробница тина науа у с. Чага (Шара) // В глубь веков. Алма-Ата.
- Максимов А.Г., Меринес М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968. Древности Чардары. Алма-Ата.
- Максеев А.И., 1887. Остатки старинного города на Сырдарье // Санкт-Петербург. губер. ведомости. № 60.
- Малевич А.Г., 1975. Китай и уйгуры в 840-848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века: История и культура Азии. Новосибирск. Т. 3.
- Маматшиев М.Х., Якубов Ю.Я., 1985. Конструктивизм и функциональные особенности пригородно-дахадского ступенчатого потолка норхона // Памироведение. Душанбе. Вып. II.
- Мамитшвили М., Юсупов Н., Ходжишвили Ш., Матрасули Ш., 1986. Хива по итогам исследования 1985 г. // ВКФ. № 2.
- Майнфельдт А.М., 1954. О некоторых вопросах сложной таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА. XX.

- Мандельштам А.М.**, 1954а. К вопросу о значении термина "чакир" // ИОИИ АН ТаджССР. Вып. V.
- Мандельштам А.М.**, 1954б. Предварительный отчет о работах Верхнеарханьского отряда в 1958 г. // Докл. АН ТаджССР. Вып. II.
- Мандельштам А.М.**, 1956. Характеристика творок IX в. в "Послании Фатху бен хакаву аз Джахиза" // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад. Т. I.
- Мандельштам А.М.**, 1956а. Раскопки на Батуртепе в 1955 г. Сталинабад. (ТИИАЭ АН ТаджССР. LXIII).
- Мандельштам А.М.**, 1957. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. Сталинабад. (ТИИАЭ АН ТаджССР; LIII).
- Мандельштам А.М.**, 1964. Социально-экономический строй земледельческих областей Средней Азии // ИТН. М. Т. 2, ч. 1.
- Мандельштам А.М.**, 1965. Могильник в с. Зосун (верхняя р. Зеравшан) // ИОИИ АН ТаджССР. № 2 (140).
- Мандельштам А.М.**, 1967. К данным об Бируни о Памире и припамирских областях // Этноисторический Ближний Восток, Византия и Иран: История и философия. М.
- Мандельштам А.М.**, 1982. Могильник Джанак II // КСИА. Вып. 167.
- Мандельштам А.М., Пейснер С.Б.**, 1958. Работы Кафирнинского отряда в 1952–1953 гг. // МИА. № 66.
- Маньковский Л.Ю.**, 1980. Тимологические основы зооцестоза Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент.
- Маньков Ю.П.**, 1964. Когнитивные изданы VII–IX вв. с горющих правобережной дельты Амударья // ВКФ. № 1.
- Маньков Ю.П.**, 1966. К изучению городища Кет // ВКФ. № 2.
- Маньков Ю.П.**, 1972. Археологические памятники Султанабада эпохи античности и средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент.
- Маргулян А.Х.**, 1948. Оседлые поселения VIII–XIII вв. на северных склонах Каратау // Изв. АН КазССР. Сер. археол. Вып. 2.
- Маргулян А.Х.**, 1950. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулян А.Х.**, 1951. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. археол. Вып. 3.
- Маргулян А.Х.**, 1978. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Маршак Б.И.**, 1961. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII веков // ТГЭ. Т. I, 5.
- Маршак Б.И.**, 1964. Отчет о работах на объекте XII в. за 1955–1960 гг. // МИА. № 124.
- Маршак Б.И.**, 1965. Керамика Согда V–VII вв. как историко-культурный памятник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. II.
- Маршак Б.И.**, 1970. Код для описания керамики Пенджаикента V–VI вв. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Маршак Б.И.**, 1971. К вопросу о посвятительной ирригационной Ирана в V в. // СИНВ. М. Вып. 10.
- Маршак Б.И.**, 1971а. Согдийское серебро: Очерки по всеобщей истории торевтики. М.
- Маршак Б.И.**, 1972. Бронзовый кушанец в Самарканде // Средневековая Азия и Иран. Т.
- Маршак Б.И.**, 1975. Городская стена V–VII вв. в Пенджаикенте // Известия Института советской археологии. Т.Д. Киев. 3, II.
- Маршак Б.И.**, 1977. Скажи в притчи древнего Пенджаикента // Наука и жизнь. № 11.
- Маршак Б.И.**, 1981. Иллирийский доминант в культурной иконографии Согда // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Т.Д. науч. конф. М.
- Маршак Б.И.**, 1983. Восточные аналогии данным типа виссанского креста: Пенджаикент и Бамиян, VI–VIII вв. // *Probleme der Archéologie des Orient*. Halle (Saale).
- Маршак Б.И.**, 1983а. Монументальная живопись Согда и Тохаристана в раннем средневековье // Бахтрам–Тохаристан на предельном в средневековом Востоке: Т.Д. М.
- Маршак Б.И.**, 1985. Центральный Таджикистан в V–VIII вв. // Древности Таджикистана. Душанбе.
- Маршак Б.И.**, 1985а. Городище раннесредневекового Пенджаикента // Древности Таджикистана: Каталог выставки. Душанбе.
- Маршак Б.И.**, 1987. Искусство Согда: Новые памятники письменности и искусства // Центральная Азия. М.
- Маршак Б.И., Крикун Я.К.**, 1969. Чилекские чаши // ТГЭ. Т. Т. X.
- Маршак Б.И., Распопова В.И.**, 1983. Согдийцы в Семиречье: Тез. докл. Весенней науч. конф. "Культура и искусство Кыргызии". Л. Вып. 1.
- Маршак Б.И., Распопова В.И.**, 1985. Согдийское изображение Деда-Земледельца // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан.
- Маршак Б.И., Распопова В.И.**, 1991. Адоранты из северной капеллы II храма Пенджаикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.
- Маруценок А.А.**, 1930. Раскопки святилища огня: (Памятник доисламской эпохи Бабадурма) // Туркменоведение. № 14.
- Маруценок А.А.**, 1956. Хорезмская: (Отчет о раскопках 1953 г.) // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад. Т. II.
- Маруценок А.А.**, 1956а. Старый Серхат: (Отчет о раскопках 1953 г.) // Там же. Т. II.
- Маруценок А.А.**, 1956б. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР // Там же. Т. II.
- Мисаков Е.А.**, 1968. Очерк истории этнографического изучения казахстанского народа в СССР. Алма-Ата.
- Миссов В.М.**, 1968. К вопросу об общественном строе древней Средней Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Миссов В.М.**, 1970. Успехи среднеазиатской археологии и изучение средневекового города // Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Т.Д. Л.
- Миссов В.М.**, 1973. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии // Сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Т.Д. Ташкент.
- Миссов В.М.**, 1976. Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности: Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973–1975 гг. Л.
- Миссов В.М.**, 1976а. Экономика и социальный строй древней общины. Л.
- Миссов В.М.**, 1977. Согдийская эпоха и культурная интеграция // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Т.Д. Весенний науч. конф. Душанбе.
- Миссов В.М.**, 1978. Изучение кушанских и раннесредневековых памятников на юге Узбекистана // АО 1977 г. М.
- Миссов В.М.**, 1979. Согдийская эпоха и культурная интеграция // ССА. № 4.
- Миссов В.М.**, 1981. Азияциде // ТЮТАКЭ. Т. XVIII.
- Миссов В.М.**, 1981а. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана: (Вопросы типологии поселений и культурогенеза) // ОНУ. № 6.
- Миссов М.Е.**, 1928. Старый Сайрам // Известия Среднеазиатского музея. Вып. 3.
- Миссов М.Е.**, 1941. Городища Старого Термеза и их изучение // Тр. Ун-в. ФАН. Сер. I. Вып. 2.
- Миссов М.Е.**, 1949. Городища Нисы в свете новых данных // ТЮТАКЭ. Т. I.

- Маслов М.Е. 1929а. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1940 г. // ТЮТАКЭ. Т. 1.
- Маслов М.Е. 1950. К периодизации древней истории Самарканда // ИДИ. № 4.
- Маслов М.Е. 1951. Новые данные на древней истории Мерва // ИДИ. № 4.
- Маслов М.Е. 1953. Аджатеран. Археолого-топонимический очерк. Ташкент.
- Маслов М.Е. 1953а. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. // ТЮТАКЭ. Т. II.
- Маслов М.Е. 1953б. Промисловое Ташкент // Изв. АН УзССР. № 2.
- Маслов М.Е. 1956. Краткий очерк изучения Средней Азии и археологическим отношениям // Археология Средней Азии. Ташкент. Кн. XII. (Тр. САГУ, Н.С.) Вып. 81).
- Маслов М.Е. 1963. К изучению прошлого Старого Мерва // ТЮТАКЭ. Т. XII.
- Маслов М.Е. 1966. Среднеазиатская археологическая школа ТашГУ // Археология Средней Азии. Ташкент. Кн. VII. (Тр. ТашГУ: Вып. 295).
- Маслов М.Е. 1966а. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавэрнахр (в пределах Туркменской ССР) // ТЮТАКЭ. Т. XIII.
- Маслов М.Е. 1977. Парфянско-сасанидские монеты области долины Кавказара // История и культура античного мира. М.
- Маслов М.Е. 1980. Краткий очерк истории изучения городов Старого Мерва до 1946 г. // Культура Туркмении в средние века. Ашхабад. (ТЮТАКЭ. Т. XVIII).
- Матйибайев Б.Х. 1993. Оссуарии Ферганы // ОНУ. № 2.
- Матйибайев Б.Х. 1994. Подземные скелеты Мунчактене // Фергана в древности и средневековье. Самарканд.
- Матйибайев Б.Х. 1996. Единичные захоронения могильника Мунчактене: (К вопросу изучения потребительных сооружений Северный Ферганы первой половины—середины I тысячелетия н.э.) // ИМКУ. Вып. 27.
- Мерженко Л.И. 1962. К характеристике керамических вещей периода ранней истории и раннего средневековья в Мервском оазисе // ТЮТАКЭ. Т. XI.
- Меричев М.С. 1968. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тарза // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Меричев М.С. 1968а. Городище Актебе I (IV — начало VIII в.) // Древности Чирчика, Алма-Ата.
- Меричев М.С. 1970. Поселение Кызл-Кайнарты I-IV вв. и захоронение на нем юнны IV-V вв. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Мейнкер В.А. 1962. Терракоты Самаркандского музея. Т.
- Мейнкер В.А. 1977. Корольство Согда. Душанбе.
- Мирбаева Д.К. 1979. Новые сохранившиеся скелеты Курьата // АО 1978 г. М.
- Мирбаева Д.К. 1980. О работе Куркатоенского отряда // АО 1979 г. М.
- Михайлова А.И. 1951. Новые этнографические данные по истории Средней Азии IX в. // ЭВ. М. Вып. 5.
- Мирзибекова Т.К., Паймур А.И. 1987. Производство аркадной керамики на шатамовских оссуариях Самаркандского Согда // Культура и искусство: Т. I.
- Михайлова В.Г. 1953. Отчет о работе этнографической группы У отряда ЮТАКЭ в 1947 г. в Бокарденском районе ТССР // ТЮТАКЭ. Т. II.
- Мусалитов А.И. 1985. Монета с изображением верблюда из коллекции музея истории Узбекистана // Творческие напевы народов Средней Азии и памятники искусства, архитектуры и археологии. Т. I. Ташкент.
- Мухамеджанов А., Айвазов Ш.Т., Мирзамаметов Д.К., Семенов Г.Д. 1988. Городище Пайкент: К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент.
- Мухамеджанов А.Р., Валиев Н.С. 1978. Работы Бухарского отряда // АО 1977 г. М.
- Муhammadjanov A.P., Mirzamametov D., Ayvazov S.H. 1984. Новые данные по истории городов Пайкент (по материалам раскопок 1981 г.) // ИМКУ. Вып. 19.
- Муhammadjanov A.P., Mirzamametov D.K., Ayvazov S.H. 1986. К изучению исторической топографии и фортификации Бухары // ИМКУ. Вып. 20.
- Муhammadjanov A.P., Семенов Г.Д. 1986. Химическая лаборатория в Пайкенте (Работа на "центральной" раскопе в Пайкенте в 1982-1983 гг.) // ИМКУ. Вып. 20.
- Мушкетер Х. 1961. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазиса Узбекистана: "Стена Каминирак" древнего, дарского оазиса. Автореф. дис. — канд. ист. наук. Ташкент.
- Мухомидов И.И. 1984. Особенности традиционного исследовательского хозяйства ирригационных пароводов в XIX—начале XX в. Душанбе.
- Мушкетер Э.М. 1957. Средняя Азия. М.
- Мушкетер А. 1982. Шедеры в единственном числе // Путешествие в Согдиану. Душанбе.
- Насилов В.И. 1975. Погребная накладка из Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата.
- Насилов В.И. 1989. Монетные находки с горняцкой Круной Речка (1978-1983 гг.) // Красная Речка в бурюта (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе.
- Негметов И.И. 1952. Уструшана в VII-X вв.: (По материалам письменных и археологических источников) Автореф. дис. — канд. ист. наук. Л.
- Негметов И.И. 1956. К вопросу об этнической принадлежности населения Уструшаны // КСИИМК. Вып. 61.
- Негметов И.И. 1956а. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г. Сталинабад. (ТИНАЭ АН ТаджССР: Т. LX).
- Негметов И.И. 1957. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад.
- Негметов И.И. 1964. О работах Северо-Таджикстанского отряда в 1961 г. // АРТ. Вып. IX.
- Негметов И.И. 1968. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье: Автореф. дис. — д-р ист. наук. М.
- Негметов И.И. 1968а. К истории средневекового скотоводско-земледельческого хозяйства горной Уструшаны // Проблемы археологии Средней Азии. Т. II.
- Негметов И.И. 1971. Исследования в Северном Таджикистане // АО 1970 г. М.
- Негметов И.И. 1973. О жонинии двора афинной Уструшаны (Предварительное сообщение) // СА. № 3.
- Негметов И.И. 1973а. Раскопки в Северном Таджикистане // АО 1972 г. М.
- Негметов И.И. 1975. Исследования Северо-Таджикстанского отряда // АО 1973 г. М.
- Негметов И.И. 1975а. Раскопки в Северном Таджикистане // АО 1974 г. М.
- Негметов И.И. 1976. Живопись Шахрустана: Опыт реставрации и проблемы исследования // Изв. ГОИ АН ТаджССР. № 3(85).
- Негметов И.И. 1977. Уструшанский компонент среднеазиатской культуры раннего средневековья // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Т. I. Душанбе.
- Негметов И.И. 1977а. Исследования Северо-Таджикстанского археологического отряда в 1973 г. // АРТ. Вып. XIII.
- Негметов И.И. 1977б. Разное происхождение афинной Уструшаны // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1976 г. М.
- Негметов И.И. 1978. К проблеме компактных селений Уструшаны в Ходжентской области в средние века // ИКТ. Душанбе. Вып. 3.
- Негметов И.И. 1979. Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана в связи с созданием СТАКЭ: Краткие результаты работы 1974 г. // АРТ. Вып. XIV.

- Неизаитов И.Н., 1979а. Характер и уровень материальной культуры Уструшавы // УСА, Л. Вып. 3.
- Неизаитов И.Н., 1980. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. // АРТ, Вып. XV.
- Неизаитов И.Н., 1980а. Об эллинистических эскизах в культуре уструшаво-хорезмско-западноферганского региона Средней Азии // Восток: символы на пробл. эллинистической культуры на Востоке. Т2. Ереван.
- Неизаитов И.Н., 1980б. Раскопки на городище Калан Каххака // АО 1979 г. М.
- Неизаитов И.Н., 1981. О работах в Шахристане // АО 1980 г. М.
- Неизаитов И.Н., 1982. О работах СТАКЭ в 1976 г. // АРТ, Вып. XVI.
- Неизаитов И.Н., 1982а. О работах СТАКЭ в 1977 г. // АРТ, Вып. XVII.
- Неизаитов И.Н., 1984. Божественный и демонологический пантеоны Уструшавы и их индонезийские параллели // Древняя культура Средней Азии и Индии. Л.
- Неизаитов И.Н., 1984а. Полевые исследования СТАКЭ в 1978 г. // АРТ, Вып. XVIII.
- Неизаитов И.Н., 1985. Живопись Шахристана: (Проблемы и суждения) // Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения. Л.
- Неизаитов И.Н., 1986. Исследования в Ленинбадской области // АО 1984 г. М.
- Неизаитов И.Н., Аваидов Р.Э., Мамаджанова С.М., 1979. Храм и мечеть Калан Каххака I // АО 1978 г. М.
- Неизаитов И.Н., Аваидов Р.Э., Мамаджанова С.М., 1987. Храм и мечеть Бундикката на Калан Каххака // МКТ. Душанбе: Вып. 4.
- Неизаитов И.Н., Болдатов А.И., Мирзибаев А.К., 1975. Открытие скальных ескелов у сел. Куркат // АО 1974 г. М.
- Неизаитов И., Лейпаль Т.С., 1961. Раскопки Тирмизактеи // Изв. АН ТаджССР, СОН, Вып. 1624.
- Неизаитов И.Н., Калыевская Э.В., 1979. Каланбаганский клад металлургических изделий // Искусство таджикского народа, Душанбе: Вып. 4.
- Неизаитов И.Н., Мамаджанова С.М., Рахмонов Н.Т. и др., 1988. Работы Северо-таджикстанской экспедиции // АО 1986 г. М.
- Неизаитов И.Н., Мамаджанова С.М., 1983. Современные традиции в градостроительной культуре Семиречья // Культура и искусство Киргизии: Т2, Л.
- Неизаитов И.Н., Мамаджанова С.М., 1989. Бундиккат – средневековая столица Уструшавы // Культура Средней Азии: Градостроительство и архитектура, Ташкент.
- Неизаитов И.Н., Мирзибаев А.К., 1978. Раскопки Куркатских ескелов: (Предварительное сообщение) // КСИА, Вып. 154.
- Неизаитов И.Н., Мирзибаев А.К., Абдурауфик М.А., 1977. О работах Уструшавского отряда // АО 1976 г. М.
- Неизаитов И.Н., Мирзибаев А.К., Абдурауфик М.А., 1978. О работах Куркатского отряда // АО 1977 г. М.
- Неизаитов И.Н., Пулатов У.Н., Хелетников С.Г., 1973. Уртакуртан в Тирмизактеи. Душанбе.
- Неизаитов И.Н., Салимова Е.Д., 1962. О работах Хорезмско-Уструшавского отряда в 1960 г. // АРТ, Вып. VIII.
- Неизаитов И.Н., Салимова Е.Д., 1975. Материальная культура кунанского времени в Уструшаве и Западной Фергана // Центральная Азия в кунаскую эпоху. М. Т. II: Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кунаскую эпоху.
- Неизаитов И.Н., Салимова Е.Д., Климентов Т.И., 1961. Изучение таджикских племянников конечников на территории Уструшавы // АРТ, Вып. VI.
- Неизаитов И.Н., Салимов В.М., 1973. Два фриз меча с стилизованным изображением мифической птицы из Шахристана // СТЭ, Л. Вып. 37.
- Неизаитов И.Н., Салимовский В.М., 1975. "Каштилийская волчица" в Таджикистане и легенды Евразии // Памятники культуры: Новые открытия Ежегодник, 1974 г. М.
- Неизаитов И.Н., Салимовский В.М., 1977. Реконструкция и сюжетная интерпретация росписей Малого зала дворца афранидов Уструшавы // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана, Т2. Душанбе.
- Неизаитов И.Н., Хелетников С.Г., 1966. Средневековый Шахристан. Душанбе.
- Нералик Е.Е., 1958. Керамика Хорезма афранидского периода // ТХАЭ, М. Т. IV.
- Нералик Е.Е., 1959. Раскопки в Беркуткалтинском районе в 1953–1956 гг. // МХЭ, М. Вып. 1.
- Нералик Е.Е., 1963. Раскопки Якке-Парана // МХЭ, М. Вып. 7.
- Нералик Е.Е., 1963а. Предки таджикского народа в IV–V вв. // ИТН, М. Т. 1.
- Нералик Е.Е., 1966. Сельские поселения афранидского Хорезма. М.
- Нералик Е.Е., 1968. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV–VIII вв. // История, археология, этнография. М.
- Нералик Е.Е., 1976. Сельские жилища в Хорезме (I–XIV вв.) // Из истории жилища и селенья: Археолого-этнографические очерки. М.
- Нералик Е.Е., 1978. Поселение и жилище Хорезма как источник для исследования семьи I–XIV вв. // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Нералик Е.Е., 1981. Некоторые вопросы истории городов и культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топраккала // Городище Топраккала. М.
- Нералик Е.Е., 1981а. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Нералик Е.Е., 1982. Средневековые сельские постройки Хорезма в связи с формированием некоторых типов жилищ оседлого населения Средней Азии // Жилища народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Нералик Е.Е., 1987. Каменная статуэтка из Якке-Парана // Прошлое Средней Азии, Душанбе.
- Нералик Е.Е., 1987а. Новые исследования в раннесредневековой культуре Хорезма // Полевые исследования Института этнографии АН в 1983 г. Л.
- Нералик Е.Е., 1989. Кушанская постройка в Якке-Паранском районе раннесредневекового Хорезма // Культура Средневекового Востока: Градостроительство и архитектура, Ташкент.
- Нералик Е.Е., 1990. Приаралье: некоторые демонологические аспекты этнической истории // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Нералик Е.Е., 1997. Раннее Средневековье в Хорезме // ЭО, № 1.
- Нералик Е.Е., Липинцев С.В., 1959. Раскопки Бароктама // МХЭ, М. Вып. 1.
- Нералик Е.Е., Ратинский Ю.А., 1959. Куваккала в 1956 г. // МХЭ, М. Вып. 1.
- Никитин А.Б., 1992. Среднеперсидские остраки на будайкском святилище в Старом Мерве // ВДП, № 1.
- Никитин А.Б., 1993. Среднеперсидские остраки из Южного Туркменистана // Вестник нильского пути: Археологические заметки. М. Вып. 1.
- Никитин А.Б., Салимов В.М., 1987. Отгаски печатей в кладбище на керамике сасанидского времени из Мервского валиса // ВДП, № 4.
- Нильский Ю.А., 1966. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V–VIII вв.). Ташкент.
- Нильский Ю.А., 1948. Последствие археологических исследований в Центральной государственной музей Казахстана ССР // ИАН КазССР, Сер. археол. № 46, вып. 1.
- Польский Ю.А., Нильский Ю.А., Герасимов Л.И., 1972. Пути развития феодализма М.

- Исруаулибетов Б.Н., 1970. Некоторые итоги раскопок Борджарского мавзолея // По следам древних культур Кавказа. Алма-Ата.
- Обедзинский О.В., 1959. Захоронение костей в кувалы и оссуарии в восточной части Бухарского оазиса // ИМКУ. Вып. 4.
- Обедзинский О.В., 1966. Салагские курганы // ИМКУ. Вып. 7.
- Обедзинский О.В., 1972. Некрополи древнего Мерва. (Материалы раскопок 1955 г.) // ТЮТАКЭ. Т. XIV.
- Орлов О., 1972. Из истории развития ирригационной сети Среднего оазиса // КД. Ашхабад. Вып. 4.
- Орлова О., 1973. Археологические и архитектурные памятники Среднего оазиса. Ашхабад.
- Остроумов Н.П., 1899. Археологическая поездка в селение Мамаевка // ИТКДА. № 4.
- Ошанин В.Ф., 1881. Карятепе в Дарваз: Отдельный отчет. СПб. (ИРГО. Т. XVII).
- Павлюк Л.В., 1983. Оссуарий из Молдакургана // ОНУ. № 3.
- Пайдова А.В., Маршак Б.И., 1976. Сарыишская надпись из Пенджикента // КСИА. Вып. 147.
- Палыт Н.Н., 1930. Мерв приближалские пески Сары-Иттик-Отрау // Изв. Гос. геогр. о-ва. Т. 14, вып. 1-6.
- Памятники культуры и искусства Киргизии: Каталог выставок, 1983. Л.
- Пашев Г.И., 1940. Монеты древнего Тараза // Коммунист. № 116.
- Пашев Г.И., 1948. Зорометрическое каадыше на Тик-Турмасе // ИАН КазССР. Сер. археол. Вып. 1.
- Пашев Г.И., 1956. Говарчая неч на городище Сарайчик // ТИАЭЗ АН КазССР. Т. 1.
- Пашев Г.И., 1956а. Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 г. // Там же. Т. 1.
- Пашев М., 1965. Из раскопок на Афрасиабе // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент.
- Певнер С.Б., 1954. О двух арабских албуках из раскопок в Мерве // ЭВ. Вып. IX.
- Переудова С.Я., 1995. О втором буддийском храме Красноярченского городища: (К реконструкции плана ступицила) // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек.
- Периханян А.Г., 1983. Общество и право в Иране в парфянский и сасанидский периоды. М.
- Петров К.И., 1980. Тюркские средневековые этнонимы от члестельного семы: (К проницательности названия Джелта-су-Смиренья) // Ономастика Средней Азии. Фрунзе.
- Петров К.И., 1981. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI-начала VIII в. Фрунзе.
- Петровский Н.Ф., 1894. Еще заметка к статье В.В. Бартольда "О христианстве в Туркестане в домонгольский период" // ЗВРАО. Т. VIII.
- Пигулевская И.Г., 1951. Византизм на путях в Индию // Из истории торговли Византии с Востоком в IV-VI вв. М.: Л.
- Пигулевская И.Г., 1956. Города Ирана в раннем средневековье. М.: Л.
- Пигулевская И.Г., 1979. Культура сарыишей в середине века. М.
- Пидан Ш.Р., 1986. Коелия статуэтка с городища Старого Термеда // ОНУ. № 9.
- Пидан Ш.Р., 1987. Стратиграфия городища Старого Термеда в свете новых раскопок // Горная культура Бактрии-Таджикстана и Согда. Ташкент.
- Пилипо В.И., 1980. Парфянский бронзовый монета со знаком "П" под луком // ВДИ. № 4.
- Пилипов В.И., 1980а. Разведывательное изучение Варрыкдеса в окрестностях Старого Мерва // Культура Туркмении в средние века. Ашхабад. (ТЮТАКЭ. Т. XVII).
- Пилипов В.И., 1982. Некоторые итоги разведывательного изучения Дашкинского оазиса в Кяхкинском районе ТССР // ИАН ТССР. СОИ. № 5.
- Пиллякский В.И., 1947. Сырновыя сооружения древнего Мерва // Славия. Итоги истории и теории архитектуры Акад. архитектуры СССР. Вып. 8.
- Пиллякский В.И., 1950. Архитектура древнего Мерва // Науч. тр. Ленингр. инж.-строит. ин-та. Вып. 10.
- Пипертский Е.Е., 1949. Разведочные работы на Гурвале в Старом Мерве // Материалы ЮТАКЭ. Ашхабад. Вып. 1.
- Писарчик А.К., 1974. Народная архитектура Самаркандца XIX-XX вв. (По материалам 1938-1941 гг.). Душанбе.
- Писарчик А.К., 1982. Традиционные способы обработки жилища оседлого населения Средней Азии // Жилище Средней Азии и Казахстана. М.
- Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела-Белой Вези // МИА. № 75.
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. (Салтово-маяцкая культура) // МИА. № 142.
- Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья. М.
- Полубкин Н.П., 1970. Ранние оседлые поселения долины Арыса (I-VIII вв.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата.
- Полубкин Н.П., 1970а. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений Арыса I-IV вв. н.э. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Попалов А.А., 1938. Рельефы древней Согдианы как исторический источник // ВДИ. № 2.
- Попов Л.И., 1973. Умай - божество древних тюрков // Тюркологический сборник, 1972. М.
- Пугаченко Г.А., 1949. Архитектурные памятники Нисы // ТЮТАКЭ. Т. I.
- Пугаченко Г.А., 1952. Парфяские крепости Южного Туркменистана // ВДИ. № 2.
- Пугаченко Г.А., 1953. Архитектурные памятники Дехистана, Абшера, Серакса // ТЮТАКЭ. Т. II.
- Пугаченко Г.А., 1954. Хараба-Кошук // ИАН ТССР. № 4.
- Пугаченко Г.А., 1957. Геммы из Мерва // ИАН ТССР. СОИ. № 3.
- Пугаченко Г.А., 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана в пору рабства и феодализма // ТЮТАКЭ. Т. VI.
- Пугаченко Г.А., 1959. Маргянская богиня // СА. XXIX-XXX.
- Пугаченко Г.А., 1962. Королевская древнего Мерва // ТЮТАКЭ. Т. XI.
- Пугаченко Г.А., 1963. Мервские геммы-инталы // ТЮТАКЭ. Т. XII.
- Пугаченко Г.А., 1963а. Мавзолей Арабата: (Из истории архитектуры Мавэранныра IX-X вв.). Ташкент.
- Пугаченко Г.А., 1963б. К исторической географии Чаганина // Тр. ТашГУ. Вып. 200.
- Пугаченко Г.А., 1963в. Резные камни античной поры в музее истории Узбекистана // Там же. Вып. 200.
- Пугаченко Г.А., 1966. Халчан: К проблеме художественной культуры Бактрии. Ташкент.
- Пугаченко Г.А., 1967. К стратиграфии новых монетных находок в северных областях Бактрии // ВДИ. № 3.
- Пугаченко Г.А., 1968. Гандхарская скульптура в Мерве // Искусство. № 6.
- Пугаченко Г.А., 1973. Изучение культуры бактрийских городов в Южном Узбекистане // ВАН СССР. № 3.
- Пугаченко Г.А., 1975. Нитиханский оссуарий - новый памятник согдийского искусства // ОНУ. № 3.
- Пугаченко Г.А., 1976. Бактрийский жемчуг дом: (К вопросу об архитектуре типологии) // История и культура народов Средней Азии. М.
- Пугаченко Г.А., 1981. Уникальная группа монет чаганинского чекана VI в. // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Пугаченко Г.А., 1981а. Храм Бактрийской богини на Дамверинтепе // Древний Восток и мировая культура. М.

- Пушаченкова Г.А., 1981б. К датировке и интерпретации трех предметов восточного серебра из коллекции Эрмитажа // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.
- Пушаченкова Г.А., 1984. Минальские оссуарии — памятники культуры Древнего Согда // Наука и человечество. М.
- Пушаченкова Г.А., 1984а. Уникальная находка из Шуроб-Кургана // ОНУ. № 5.
- Пушаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1961. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент
- Пушаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1965. История искусства Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.
- Пушаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1982. Очерки искусства Средней Азии: Древность и средневековье. М.
- Пушаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., 1990. Северная Бактрия—Тохаристан; Очерки истории и культуры: Древность и средневековье. Ташкент.
- Пушаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., в др., 1978. Далаверинтенте — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.
- Пушаченкова Г.А., Усманова З.И., 1994. Буддийский комплекс в Гузуркале // ВДИ. № 1.
- Пулатов У.П., 1975. Чиньхударя // Материальная культура Уструшане. Душанбе. Вып. 3.
- Пулатов У.П., 1975а. Раскопки на Топтемиртепа // АО 1974 г. М.
- Пулатов У.П., 1977. Начало раскопок Калан Сар // АО 1976 г. М.
- Пулатов У.П., 1977а. "Дом огня" в Уструшане // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: ТД. Душанбе.
- Пулатов У.П., 1980. Замок Топтемиртепа // АРТ. Вып. XV.
- Пулатов У.П., 1982. Раскопки замка Калан Сар в 1976 г. // АРТ. Вып. XVI.
- Пулатов У.П., 1983. Раскопки Калан Сара в 1977 г. // АРТ. Вып. XVII.
- Пулатов У.П., 1985. Раскопки на Калан Сар // АО 1983 г. М.
- Пулатов У.П., 1986. Городище Калан Кофар // АО 1984 г. М.
- Пулатов У.П., Джумаев В.К., 1984. К изучению фортификации Калан Сар // АРТ. Вып. XVIII.
- Пирян В., 1985. Изучение ремесленного квартала городища Еркурган // Теоретическое наследие народов Средней Азии: Памятники искусства, архитектуры и археологии: ТД. Ташкент.
- Рапов В.А., 1985. Археологическое изучение Памира (1946—1984) // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе.
- Рапов В.А., Салтановская Е.Д., 1961. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. // АРТ. Вып. VII.
- Рапопорт Ю.А., 1958. Раскопки городища Шахсенем в 1952 г. // ТХАЭЭ. М. Т. II.
- Рапопорт Ю.А., 1962. Хорезмийские астады // СА. № 4.
- Рапопорт Ю.А., 1971. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М.
- Рапопорт Ю.А., 1987. Святлище во дворце Калалы-Гыр // Прошлое Средней Азии. Душанбе.
- Рапопорт Ю.А., 1991. Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма // ВДИ. № 2.
- Рапопорт Ю.А., 1993. Загородные дворцы и храмы Топраккала // ВДИ. № 4.
- Рапопорт Ю.А., 1996. Религия Древнего Хорезма: Некоторые итоги исследований // ЭО. № 6.
- Рапопорт Ю.А., Литвинов-Скоблов М.С., 1963. Раскопки дворцового здания на городище Калалыгир I в 1958 г. // МХЭ. М. Вып. 6.
- Рапопорт Ю.А., Литвинов-Скоблов М.С., 1968. Блинеобразные морщинистые оссуарии // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Рапопорт Ю.А., Трудиновская С.А., 1959. Городище Гузуркала // ТХАЭЭ. М. Т. II.
- Рапопорт Ю.А., Трудиновская С.А., 1979. Курганы на возвышенности Чагште // Кочевники на границах Хорезма. М.
- Рапопорт В.И., 1960. Гонимые изделия согдийцев Чувшей долины: По материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. // Тр. КАЗЭ. М. Т. IV.
- Рапопорт В.И., 1965. Понесной набор Согда VII—VIII вв. // СА. № 4.
- Рапопорт В.И., 1968. Византийские поносные пряжки в Согде // КСИА. Вып. 114.
- Рапопорт В.И., 1969. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента // СА. № 1.
- Рапопорт В.И., 1970. Керамика и слои поселения: (На материалах VII—VIII вв. Пенджикента) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Рапопорт В.И., 1970а. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. // КСИА. Вып. 122.
- Рапопорт В.И., 1971. Один из базаров Пенджикента VII—VIII вв. // СНВ. Вып. X.
- Рапопорт В.И., 1971а. Металлообрабатывающее ремесло раннесредневекового Согда: (Опыт историко-социологической интерпретации по материалам Пенджикента): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Рапопорт В.И., 1972. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда // СА. № 4.
- Рапопорт В.И., 1973. Археологические данные о согдийской торговле // КСИА. Вып. 138.
- Рапопорт В.И., 1979. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда // УСА. Л. Вып. 4.
- Рапопорт В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
- Рапопорт В.И., 1981. Помещение с очагом и алтарем в Пенджикенте // Культурные взаимосвязи Средней Азии с окружающим миром в древности и средневековье: ТД. М.
- Рапопорт В.И., 1983. Строительное дело Согда и Тохаристана в раннем средневековье // Бактрия—Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.
- Рапопорт В.И., 1985. Стеклянные сосуды с росписью из Пенджикента // СА. № 2.
- Рапопорт В.И., 1986. Проблема континуитета согдийского города // Городская среда и культура Бактрия—Тохаристана и Согда (IV в. до н.э.—VIII в. н.э.): ТД. Ташкент.
- Рапопорт В.И., 1990. Жилища Пенджикента: (Опыт историко-социальной интерпретации). Л.
- Рапопорт В.И., 1993. Раннесредневековый согдийский город: (По материалам Пенджикента): Научный доклад по докторской диссертации. СПб.
- Рахимов Н.Т., 1984. Раскопки городища Мугтепа // АО 1982 г. М.
- Рахимов Н.Т., 1985. Раскопки на городище Мугтепа // АО 1983 г. М.
- Рахимов Н.Т., 1985а. К интерпретации северо-западного комплекса городища Мугтепа // Теоретическое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, зрелищности и археологии: ТД. Ташкент.
- Рахимов Н.Т., 1986. Раскопки в Ура-Тюбе и Шахрестане // АО 1984 г. М.
- Рахимов Ш., 1984. Исследование на оборонительной стене II христианства городища Старого Термеда // Первая конференция историков Сред. Азии и Казахстана. Душанбе.
- Рахмановуллаев И., 1982. Желтый квартал древнего городища Пенджикент // СА. № 1.
- Ремпель Л.И., 1952. Интерпретация археологической находки в долине Таласа // ВАН КазССР. № 4.
- Ремпель Л.И., 1956. Археологические памятники в дальних областях Таласа // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1.
- Ремпель Л.И., 1937. Некрышки древнего Тармеда // КСННМР. Вып. 69.

- Ремезь Л. И., 1984. Эпос в жизни Средней Азии // Из истории типологии Средней Азии: Традиции и новаторство. Ташкент.
- Султанов М. А., 1986. Жившие. Зарегие // ИМКУ, Вып. 20.
- Рашидзаде А. Л., 1951. Кала (ра'а) — тип укрепленного сельского поселения // СА, № 1.
- Росляков А. А., 1955. Медаль археологических памятников окрестностей Анкабада // ТЮТАКЭ, Т. V.
- Россиа: Полное географическое описание нашего государства. Т. XIX. Туркестанский край. 1919. СПб.
- Россионен О. М., 1975. Изучение сельских поселений Самаркандского Согда // ИМКУ, Вып. 12.
- Ротмалева Э. В., 1973. О типичности кушанских поселений Северной Бактрии // ВДИ, № 4.
- Ротмалева Э. В., 1973а. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сураварьянской области // Древний город Средней Азии: ТД, Д.
- Ротмалева Э. В., 1974. Новый буддийский памятник в Старой Мерве // ТЮТАКЭ, Т. XV.
- Ротмалева Э. В., 1974а. Развитие и изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Д.
- Ротмалева Э. В., 1976. Новые древнебактрийские памятники // ИД, Д.
- Ротмалева Э. В., 1977. К периодизации раннесредневековой Чаганиана // Раннесредневековая культура Средней Азии и Каганата: ТД, Душанбе.
- Ротмалева Э. В., 1977а. К локализации греческой переправы на Оксе // ВДИ, № 4.
- Ротмалева Э. В., 1978. Обнаружение средневекового поселения Навандан в области Саттаган // ИМКУ, Вып. 14.
- Ротмалева Э. В., 1980. Исследования на городище Бударч // АО 1979 г. М.
- Ротмалева Э. В., 1980а. По поводу аналогичных связей Хорезма и Чаганиана в раннее средневековье // ВКФ АН УзССР. Вып. 1(79).
- Ротмалева Э. В., 1982. К характеристике раннесредневековых памятников Чаганиана // ИМКУ, Вып. 17.
- Ротмалева Э. В., 1982а. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача // ОНУ, № 8.
- Ротмалева Э. В., 1983. Новые археологические данные к истории городища Бударч // ИМКУ, Вып. 18.
- Ротмалева Э. В., 1986. Стена Дарбада Бактрийского // ОНУ, № 12.
- Ротмалева Э. В., 1987. Демезное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье // Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда. Ташкент.
- Ротмалева Э. В., 1987а. Раннесредневековые музеи Чаганиана с парным изображением // Пропуск Средней Азии, Душанбе.
- Ротмалева Э. В., 1988. Древняя Бактрия — средневековый Тохаристан: Динамика историко-культурного развития: По материалам амударьянского правобережья. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Ротмалева Э. В., 1989. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные в раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент.
- Ротмалева Э. В., Ахмедов Л. А., 1973. Маршрутные исследования памятников Северная Бактрия // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент.
- Руднев И., 1900. Следы древних городов на Сырдарье // ПТКЛА, № 5.
- Салимова М. В., 1952. К этнографии уйской Южной Хорезма // ТХАЭЭ, М. Т. 1.
- Салимовская Е. Д., 1975. О работе Западно-Ферганского отряда // АО 1974 г. М.
- Салимовская Е. Д., 1978. Рассказы Дунчателе // АО 1977 г. М.
- Салимовская Е. Д., 1979. Рассказы южного горного Дунчателе // АО 1978 г. М.
- Салимовская Е. Д., 1983. О рассказках Дунчателе // АРТ, Вып. XVII.
- Салимовская Е. Д., 1984. Рассказы Дунчателе в 1978 г. // АРТ, Вып. XVIII.
- Салимовская Е. Д., 1984а. О двух находках на Дунчателе: (Юго-Восточная Уструдия) // ИООИ АН ТаджССР, № 1.
- Самойлов П. Т., 1973. Погребения в кумак у селения Папи в Расвату // АРТ, Вып. X.
- Самойлов П. Т., 1976. Новые пункты захоронения в кумах и оссуариях на территории Уструдия // Материалы юбил. конф. молодых ученых АН ТаджССР (Обществ. науки). Душанбе.
- Самойлов П. Т., 1977. О работах в районе квартала гиндоров Буважаката // АО 1976 г. М.
- Сарианова В. И., 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.
- Сатимов Ю. Г., 1947. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М.
- Сейба А. В., 1986. Коблидан в кушанское время // Городская среда и культура Бактрии — Тохаристана (IV в. до н.э. — VIII в. н.э.) ТД, Ташкент.
- Севдов А. В., 1987. Коблидан на пороге раннего средневековья. М.
- Семенов А. А., 1925. Материальные памятники арийской культуры в Средней Азии // Таджикистан. Ташкент.
- Семенов А. А., 1928. По Закаспийским развалинам // Изв. Среднеазиатского музея, № 3.
- Семенов А. А., 1944. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Душанбе.
- Семенов А. А., 1946. Среднеазиатский трактат по музыке Дарвина Аян. Ташкент.
- Семенов Г. Л., 1983. Городские стены Пенджикента и история Согда V-VIII вв. // СА, № 3.
- Семенов Г. Л., 1985. Сводка из "Махабхараты" в жилище Пенджикента // Культурное наследие Востока: Проблемы, мысли, суждения. Л.
- Семинина Т. И., 1959. К изучению технических особенностей керамики индийцев Сырдарьи // ТИИАЭ АН КазССР, Т. 7.
- Семинин Г. И., 1968. Оценительные приборы Тараза и их связь с культом огня // СА, № 1.
- Семинин Г. И., 1972. Средневековый Тараз. АзМА-Ата.
- Сербина Э. В., 1986. Об одном из вариантов иконографии Митры // Проблемы античной культуры. М.
- Симонов А., 1900. Джисты-Асар // ПТКЛА, № 5.
- Сиварский П. С., 1897. Несколько слов о древности Шахристана // ПТКЛА за первый год его деятельности. Ташкент.
- Скулятура в жилище древнего Пенджикента, 1959. М.
- Сисленко А. Т., 1965. Глобусы скарби. Киев.
- Ситникова Е. Т., 1986. Древности и окрестности Ташкента // ПТКЛА, № 1.
- Ситникова Ф. Ф., Попов С. А., 1969. Сарматские святилища огня // МИА, № 169.
- Ситникова Я. В., 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Ситникова О. И., 1950. Археологические разведки в бассейне Зеравшана в 1947 г. // Тр. СТАЭ Т. 1; МИА, № 15.
- Ситникова О. И., 1950а. Вопросы исторической топографии в топонимии верховья Зеравшана // Тр. СТАЭ Т. 1; МИА, № 15.
- Ситникова О. И., 1952. Материалы к единому каталогу средневековых монет // ЗИ, Вып. VI.
- Ситникова О. И., 1953. Археологические разведки в верховьях Зеравшана в 1948 г. // Тр. ТАЭ, Т. II, МИА, № 37.
- Ситникова О. И., 1953а. Археологические разведки в Уструдии в 1950 г. // МИА, № 37.

- Смирнова О.Н., 1958. Монеты древнего Пенджикента // Тр. ТАЭ. Т. III; МИА, № 66.
- Смирнова О.Н., 1963. Каталог монет с городища Пенджикент: (Материалы 1949–1956 гг.). М.
- Смирнова О.Н., 1970. К вопросу о среднеазиатских кулантах: (Из среднеазиатской топонимики) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: Краткие сообщения и аннотации VI годичной научной сессии ЛО ИВАН. Л.
- Смирнова О.Н., 1970а. Очерки из истории Согды. М.
- Смирнова О.Н., 1971. Первые монеты Уструшпана // ЭВ. Вып. XX.
- Смирнова О.Н., 1981. Сводный каталог согдийских монет: Бронза, М.
- Смолчачев П.И., 1952. Археологические работы в Дангаре в 1942 г. // ИОИИ АН ТаджССР. Вып. 2.
- Стегастев Г.П., 1966. Реликты домуслыманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М.
- Согадийский сборник, 1934. Сб. ст. о памятниках согадийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикистане. Л.
- Согадийские документы с горы Муг, 1962. Вып. I. Фрейман Г.А. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, М.
- Согадийские документы с горы Муг, 1962а. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, пер. и коммент. В.А. Лившица, М.
- Согадийские документы с горы Муг, 1963. Вып. III. Хозяйственные документы / Чтение, пер. и коммент. М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой, М.
- Соловьев В.Г., 1926. Казахский азл. Ташкент.
- Соловьев В.М., 1974. О золотнике "малого" зала дворцового комплекса городища Калаа Калхака I (Шахристан, ТаджССР) // СТЭ, Вып. 39.
- Соловьев В.С., 1976. Настенная живопись городища Кафыркала // Материалы конф. молодых ученых АН ТаджССР. Душанбе.
- Соловьев В.С., 1979. Городище Кафыркала: (К характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана) // УСА. Т. Вып. 4.
- Соловьев В.С., 1985. Городище Кафыркала // Древности Таджикистана. Душанбе.
- Соловьев В.С., 1989. Город в социально-экономической структуре Тохаристана // Зоны и этапы урбанизации. ТД. Ташкент.
- Спирidonov П., 1896. Поездка на развалины Джанкента // ПТКА. № 3.
- Спиши А., 1906. Из коллекции Эрмитажа (Чинкентский клад) // ЗВОРА. Т. 8, вып. 1.
- Спирidonov В.Н., 1951. Погребение с конем I тысячелетия н.э., обнаруженное около обсерватории Узгубка // Тр. Музея истории народов Узбекистана, Ташкент. Вып. 1.
- Средневековые города Средней Азии и Казахстана: ТД. союз. в.т. Фрунзе, 1970. Фрунзе.
- Средняя Азия: Природные условия и естественные ресурсы СССР, 1968. М.
- Средняя Азия: Физико-географическая характеристика, 1958. М.
- Станиславский Б.Я., 1952. К вопросу об иконологии домуслыманского Согда // Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Сталинабад. Вып. I.
- Станиславский Б.Я., 1957. Дворцовое хозяйство пенджикентского владычества // СВ. № 1.
- Станиславский Б.Я., 1957а. Хуттаб в сообщениях китайских путешественников Сюань Цзыя и Хой Чан // ИОИИ АН ТаджССР. Вып. 14.
- Станиславский Б.Я., 1958. Медный ключ из Куадротепе // КСНЭ. Вып. XXX.
- Станиславский Б.Я., 1959. Археологические работы в бассейне Магланяры в 1957 г. // АРТ. Вып. V.
- Станиславский Б.Я., 1960. О датировке и происхождении эмитажной серебряной чашы с изображением великого царя // СТЭ. Вып. XVII.
- Станиславский Б.Я., 1960а. Раскопки городища Куадротепе в 1956–1957 гг. // СА. № 4.
- Станиславский Б.Я., 1960б. О международных связях Средней Азии в V–середине VIII в. // ИВ. № 5.
- Станиславский Б.Я., 1961. Осугария из Бив-Найма // ТГЭ. Т. V.
- Станиславский Б.Я., 1961а. Работы Магланяра группы в 1958 г. // Тр. Ист. ин-та им. А. Дошва АН ТаджССР. Т. XXV.
- Станиславский Б.Я., 1964. Раскопки квартала жилищ ариаты в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951–1959 гг. // МИА. № 124.
- Станиславский Б.Я., 1972. Итоги раскопок Каратепе в 1965–1969 гг. // Буддийский культурный центр Каратепе в Старом Термезе. М.
- Станиславский Б.Я., 1974. Искусство Средней Азии: Древний период с VI в. до н.э. – VIII в. н.э. М.
- Станиславский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А., 1953. Пенджикентский некрополь // МИА. № 37.
- Станиславский Б.Я., Урванова М.Х., 1958. Городище Куадротепе: (Работы 1955 г.) // СА. № 1.
- Стасов В.В., 1883. Рецензия на книгу Н. Симонова "Искусство Средней Азии" // Худож. новости № 4.
- Стасов В.В., 1894. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.
- Стеблин-Каменский И.М., 1982. Очерки по истории левских шамирских языков: Названия культурных растений. М.
- Судейкин Р.Х., 1986. Храмовый комплекс Еркургана // Городская среда и культура Бактрии – Тохаристана и Согда IV в. до н.э. – VIII в. н.э.; Тез. докл. сов.-фр. коллоквиума (Самарканд, 25–30 авг. 1986 г.). Ташкент.
- Судейкин Р.Х., 1987. Храмовый комплекс Еркургана: Предварительные результаты изучения // Городская культура Бактрии – Тохаристана. Ташкент.
- Судейкин Р.Х., Нефедов И.В., 1982. Предварительные результаты раскопок двора Еркургана // ИМКУ. Вып. 17.
- Судейкин Р.Х., Туребеков М., 1978. Этапы развития фортификационной системы Еркургана // ИМКУ. Вып. 14.
- Суслова Г.В., 1972. Домуслыманский некрополь Старого Мерва: (По данным раскопок 1954 г.) // ТЮТАКЭ. Т. XIV.
- Сухарев И.А., 1935–1936. Работа над составлением археологической карты Самаркандской группы районов // Арх. Гос. музея искусства и культуры народов Узбекистана. № 558 (старый № 347).
- Сухарев И.А., 1958. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент.
- Сухарев И.А., 1976. Квартальная община позднефеодального города Бухары, М.
- Сухарев И.А., 1979. Традиция сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX – начала XX в. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М.
- Сухарев И.А., Быханова М.А., 1955. Прошлое и настоящее селения Айкыраи. Ташкент.
- Сухарев И.А., Турсунов Н.О., 1982. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии // Жилище народов Средней Азии в Казахстане. М.
- Ташходжаев Ш.С., 1963. Разрушительная стена Гауралма // ТЮТАКЭ. Т. XII.
- Ташходжаев Ш.С., 1973. Динамика развития раннесредневекового Самарканд // ТД. сессия, посвященная итогам годовых археологических исследований в СССР. Ташкент.
- Ташходжаев Ш.С., 1974. Археологические исследования древнего Самарканд в 1973 г. // Афросиё. Ташкент. Вып. III.
- Тереницкий А.И., 1939. Литература по археологии в Узбекистане // РДЦ. № 1.

- Терезинов А.И. — 1936. К истории искусства Хорезма // Искусство № 2.
- Терезинов А.И. — 1940. Археологические раскопки в Хорезме // КСИА. М., в.
- Терезинов А.И. — 1940. О древнем зодчестве в Хорезме // Изв. УИАИ АССР № 6.
- Терезинов А.И. — 1940. Жилые постройки XI—XII вв. в Кара-Каттакском АССР // Там же. № 7.
- Терезинов А.И. — 1947. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда // ВДИ. № 4.
- Терезинов А.И. — 1948. Хити Аксеке в Бухаре // Ракопки 1940 г. // ТИИА АН УзССР. Вып. I.
- Терезинов А.И. — 1950. Сوغ ва Чога // КСИНМК. Вып. XXXIII.
- Терезинов А.И. — 1951. Раскопки на городище Афрасиаб // КСИНМК. Вып. XXXVI.
- Тиловацки М.И. — 1956. Древнерусские города. М.
- Тилинов М.И. — 1986. Новые данные о керамическом производстве в районе городища Канка // ИМКУ. Вып. 20.
- Толстов С.П. — 1938. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // ВДИ. № 1/2.
- Толстов С.П. — 1946. Новый единый праздник "каландин" у хорезмийских христиан // СЭ. № 2.
- Толстов С.П. — 1964. К вопросу о датировке культуры кауин // ВДИ. № 1.
- Толстов С.П. — 1947. Города рузов // СЭ. № 3.
- Толстов С.П. — 1948. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М.
- Толстов С.П. — 1948а. Из следов древнехорезмийской живописи. М.
- Толстов С.П. — 1949. Хорезмийская археолого-этнографическая экспедиция в 1948 г. // ИАН КазССР. Сер. истории и философии. Т. 4, № 3.
- Толстов С.П. — 1949а. Периодизация древней истории Средней Азии // КСИНМК. Вып. XXVIII.
- Толстов С.П. — 1958. Работы Хорезмийской археологической экспедиции АН СССР в 1949—1950 гг. // ТХАЭЭ. М. Т. 2.
- Толстов С.П. — 1962. По древним следам Окса и Яксарта. М.
- Толстов С.П., Кондаков Н. — 1890. Русские древности в памятниках искусства. СПб.
- Трудиновская С.А. — 1958. Стекло в городище Шах-Сенем // ТХАЭЭ. М. Т. 4.
- Трудиновская С.А. — 1981. Предметы вооружения и быта // Турканинские Топракалла. М. (ТХАЭЭ. Т. 12).
- Трудиновская С.А. — 1984. Ниспатар, пусучевый при раскопках дворца // Топракалла: Диорси. М. (ТХАЭЭ. Т. 14).
- Турканин М. — 1981. Раскопки багетона внутренней крепостной стены Еркургана // ИМКУ. Вып. 16.
- Турканин М. — 1982. Цитадель Еркургана // ИМКУ. Вып. 17.
- Урашвили М.Х. — 1956. Раскопки на центральных буграх городища Вархана в 1953 г. // ТИИА АН УзССР. Вып. VIII.
- Усова Е.С., Буртос Ю.Ф. — 1981. Терракотовые изделия с городища Канка // ИМКУ. Вып. 16.
- Усманова З.И. — 1961. Новые находки древних усадеб из Эркаллы в Старом Мерве // ИАН ТССР. № 2.
- Усманова З.И. — 1963. Эркалла // ТЮТАКЭЭ. Т. XII.
- Усманова З.И. — 1969. Новые данные к археологической этнографии Эркаллы // Там же. Т. XIV.
- Усманова З.И. — 1989. Разрушительная стена Эркаллы Старого Мерва // Древний Мерв: Сб. ст. Аннобад. (ТЮТАКЭЭ. Т. XIX).
- Усманова З.И. — 1993. Христианские памятники Туркмении // Их история древней культуры Средней Азии. Христианство в Туркмении.
- Удварцани Е.Ф. — 1969. Исследование древних усадеб из раскопках ЮТАКЭЭ в Старом Мерве // ТЮТАКЭЭ. Т. XIV.
- Фейнина В.И. — 1967. Как создавалась карта Средней Азии. М.
- Филиппов М.И. — 1974. Древний Мерв в свете изучения этнографии городища Гауркат // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент.
- Филиппов М.И. — 1974а. Гауркат // ТЮТАКЭЭ. Т. XV.
- Филиппов М.И. — 1978. Башнитообразные култовые курганы в Мерве // Там же. Т. XVI.
- Филиппов М.И. — 1983. Ташкент: Зарождение и развитие города в городской культуре. Ташкент.
- Филиппов М.И. — 1987. К типологии раннесредневековых святилищ степей Согды и Чога // Городская культура Бактрии, Тохаристана и Согды. Ташкент.
- Филиппов М.И. — 1989. Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микроэтноса в древности и раннем средневековье // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент.
- Филиппов М.И. — 1989а. Историко-культурные археологические таблицы по изучению Гаурката в Старом Мерве // Древний Мерв: Сб. ст. Аннобад. (ТЮТАКЭЭ. Т. XIX).
- Филиппов М.И. — 1990. По поводу ослепленного образа иерея в Ташкенте // Древняя и средневековая культура Средней Азии. Ташкент.
- Фингер Г.А. — 1884. Озеро Балхан и течение р. Или от впадения Илинского до ее устьев // Зап. Зап.-Сиб. отд-ния. РГО. Кн. VI.
- Флоринский В.М. — 1889. Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской областей // Изв. Тоцкого з-та. Кн. 1, отг. 2.
- Френкель А.А. — 1939. Согдийская надпись из Старого Мерва // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 7.
- Хаймуратов К.И. — 1989. Мерский эллис в сасанидскую эпоху. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.
- Хаймуратов С. — 1969. Конструкция и орнамент // Живописный образ в декоративности в искусстве Азии и Африки. М.
- Хаймуратов Т.К. — 1973. К антропологии населения Токмака (древний Дарсан) // Антропология и культура Кердара. Ташкент.
- Хаймуратов Т.К. — 1980. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент.
- Хаймуратов Т.К. — 1986. Крайние итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // Материалы по этнической истории населения Средней Азии. Ташкент.
- Хаймуратов Т. — 1965. Раскопки средневекового здания на городище Гаурката в Старом Мерве // ИАН ТССР. СОН № 2.
- Цыганов В.И. — 1952. Фауна животного и раннесредневековья Хорезма // ТХАЭЭ. М. Т. 1.
- Четвериков В.М. — 1948. Географические особенности биотарики и подпочвы земледелия южных районов Средней Азии // ВГ. № 10.
- Чугуевский Л.И. — 1971. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дунышата // СНВ. Вып. X.
- Чухадан В.М. — 1964. Финическая география Тибет-Шань. Алма-Ата.
- Чухадан В.М. — 1970. Природные районирование Казахстана. Алма-Ата.
- Шалкеева У.Х. — 1980. Автоб. — средневековый памятник // История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата.
- Шалкеева У.Х., Булатов М.Е., Альбертгарин Н.О. — 1978. Раскопки впадения городища Актобе // Вопросы истории советского этнографического и комплексного строительства в Казахстане. Алма-Ата.
- Шелендря древнего искусства в культуре Таджикистана: Каталог выставки, 1983. М.
- Шер Я.А. — 1966. Камеллеи и виваныи Семиречья. М. Л.
- Шинкин В.А. — 1940. К исторической топографии Старого Термеза // Тр. Уз.ИИ. Сер. I. Вып. 2.
- Шинкин В.А. — 1940а. Археологические работы 1937 г. в западной части Букхорокского района. Ташкент.
- Шинкин В.А. — 1947. Архитектурная декорация дворца бухаруздатов на городище Вархана // ТОВЭ. Л., т. IV.

- Шашкин В.А., 1956. Некоторые итоги археологических работ на городище Варакша (1947–1953 гг.) // ТИИА АН УзССР. Вып. VIII.
- Шашкин В.А., 1963. Варакша. М.
- Шашкин В.А., 1966. Афрасиаб – сокровищница древней культуры. Ташкент.
- Шашкин В.А., 1969. К истории археологического и научного Самарканда в его окрестности // Афрасиаб. Ташкент. Вып. 1.
- Шашкина Г.В., 1961. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 2.
- Шашкина Г.В., 1963. Замки Бад-Азии в окрестности Паикенда // ИМКУ. Вып. 4.
- Шашкина Г.В., 1969. Древний Самаркан в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба. Автореф. дис. – канд. ист. наук. Ташкент.
- Шашкина Г.В., 1970. Методика изучения городского квартала в свете работ на Афрасиабе // Средневековый город Средней Азии. ТД. Фрунзе.
- Шашкина Г.В., 1973. Городской квартал VIII–IX вв. на северозападе Афрасиаба // Афрасиаб. Ташкент. Вып. 2.
- Шашкина Г.В., 1973а. Город на Афрасиабе VI в до н.э. – IV в. н.э. // Плениум ИА АН СССР. ТД. М.
- Шашкина Г.В., 1977. Функциональные назначения здания в окрестности самаркандской Кафиркылы // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: ТД. Душанбе.
- Шкова В.Г., 1980. К вопросу о культурных связях в согдийской живописи // СТЭ. Л. Вып. 45.
- Шкова В.Г., 1985. Об одной группе средневековых атарей V–VIII веков // Художественные памятники и проблемы культуры Востока: Сб. ст. Д.
- Шкова В.Г., 1986. Пенджикентские храни и прибрежные религии Согды (V–VIII вв.): Автореф. дис. – канд. ист. наук. Д.
- Шувуров Ш.М., 1977. К анализу принципов картографии в изобразительном искусстве Средней Азии // Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Шумилин П.К., 1978. Несколько заметок по топографии Южного Казахстана // Материалы реп. науч.-практ. конф. молодых ученых по общему докам. Алма-Ата.
- Янов М.М., 1947. Замечания о неизвестном средневосточном алфавите // ТОВЭ. Л. Т. IV.
- Яттин В.Н., 1963. К вопросу о локализации Кердера // ВКФ №2:12.
- Яттин В.Н., 1963а. Новые материалы по истории религии Хорезма // СЭ. № 4.
- Яттин В.Н., 1968. К изучению топографии и хронологии древнего Мисахалана // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Яттин В.Н., 1970. Археологическое и научное городище Курган-та // Средневековые города Средней Азии и Казахстана. М.
- Яттин В.Н., 1973. Кердерские поселения Курган-та (К изучению исторической топографии и хронологии) // Археология и культура Кердера. Ташкент.
- Яттин В.Н., 1981. Городище Халканкази – раннесредневековый Кердер // Археологические исследования в Каракалмыкии. Ташкент.
- Яттин В.Н., 1962. Скопленные обломки Арасто-Калинского междуречья в средние века: Автореф. дис. – д-ра ист. наук. М.
- Яттин В.Н., Хайтаев Т.К., 1970. Некривилье древнего Мисахалана. Ташкент.
- Якубов Ю., 1971. Кувейтское дело в Бухаре в начале VIII в. (по археологическим и письменным материалам из гурт-Му) // МЭОИ АН ТаджССР. № 1:71.
- Якубов Ю., 1975. Поселение Гарзин Хисор // МЭ 1974 г. М.
- Якубов Ю., 1979. Пагара в VII–VIII вв. и в. (Верхний Зармиш в юго-восточном средневековом Душанбе).
- Якубов Ю., 1979а. Раскопки в оазисе Хисора (К проблеме выявления городского поселения в горных районах Средней Азии) // УГА. Д. Вып. 4.
- Якубов Ю., 1979б. О структуре сельских поселений горных Согды в раннем средневековье // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.
- Якубов Ю., 1982. Раннесредневековые бытовые огази из поселения Гарзин Хисор // Житишне народин Средней Азии и Казахстана. М.
- Якубов Ю., 1983. Поклиские курганы и вопросы этнического населения верховьев р. Вахш в начале I тысячелетия н.э. // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: ТД. М.
- Якубов Ю., 1983а. Митильские Дикхи II // Шедьера древнего искусства и культуры Таджикистана. М.
- Якубов Ю., 1985. Серебряная чаша из Дикхи II. Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Д.
- Якубов Ю., 1985а. Могильник Дикхи II // Древности Таджикистана. Д.
- Якубов Ю., 1988. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе.
- Якубовский А.Ю., 1932. Фелдшарские обитатели Средней Азии и селит горняки в Восточной Европе в X–XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. М. Ч. 1.
- Якубовский А.Ю., 1939. Культура и искусство Средней Азии. Д.
- Якубовский А.Ю., 1940. Краткий полугодовой отчет и работы Зерганской археологической экспедиции Эрмитажа и ИМК в 1939 г. // ТОВЭ. Л. Т. II.
- Якубовский А.Ю., 1940а. Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. Л. Т. II.
- Якубовский А.Ю., 1949. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (IV–XV вв.) // КСНММК. Вып. XXVIII.
- Якубовский А.Ю., 1950. Живопись древнего Пенджикента по материалам Таджикско-Советской археологической экспедиции 1948–1949 гг. // ИАН СССР. Сер. истории и филологии. Т. 7, вып. 5.
- Якубовский А.Ю., 1950а. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946–1947 гг. // МИА. № 15.
- Якубовский А.Ю., 1951. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии // Тр. Тадж. ФАН СССР. Т. XXIX. (История, археология, этнография, язык и литература).
- Якубовский А.Ю., 1954. Вопросы изучения пенджикентской живописи // ЖДП. М.
- Ande W., Levent H., 1935. Die Parthstadt Assur. Leipzig.
- Archiever J.P., 1965. Khuzistan // Studies in Manichaeism. Copenhagen.
- Azarov G., 1969. Nine inscribed Choresmitian bowls // Artibus Asiae. Vol. XXXI.
- Azarov G., 1975. Iranian divinities in Sogdian painting // Acta Iranica. Leiden. Vol. I. Monumenta H.S. Nyberg.
- Azarov G., 1976. Some iconographic formulae in Sogdian painting // Iranica Antiqua. Vol. XI.
- Azarov G., 1976a. Nana the Sumero-Akkadian Goddess of Transoxiana // JAOS. Vol. 96, N 4.
- Azarov G., 1981. Sogdian painting. Berkeley etc. Leiden.
- Bailey A., Gauthier V., Koshelenko G., 1992/1994. The Northern periphery of the Merv oasis from the Achaemenid period to the Mongol Conquest // Silk Road Art and Archaeol. Vol. 3.
- Bailey A., Gauthier V., Koshelenko G., 1995. The beginning of christianity in Merv // Iranica Antiqua. Vol. XXXV.
- Bailey A., Gauthier V., Koshelenko G., 1995a. Walls of Margiana // In the Land of Gryphon. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. (Ed. by A. Invernizzi. Firenze.
- Bailey A., Gauthier V., Koshelenko G., 1996. Materials for archaeological map of the Merv oasis the Dornali Region // Bull. Asia Inst. Vol. 9.
- Balassze P., 1969. N Siva kvin from Pothluk // Artibus Asiae. Vol. XXXI.
- Banciani A., 1978. Un sarcofago armato di capellani in una necropoli di banbulfin (Sogda ad Aglibo) // Quarta indagine L'epilo-greca.

- Beal S.* 1984. *Sujiki Buddhist records of the Western World // Transl. from Chinese by Hiyuen Tsung (ca. 629) by S. Beal. In: 2 of London.*
- Beal S.* 1906. *Buddhist records of the Western World. Vol. 1. London.*
- Belentsov A.M.* 1963. *Ancient pictorial and plastic arts and the Shtan-Nama // Trp. MKB M. T. 3.*
- Belentsov A.M.* 1980. *Minelasien Kunst der Sogdian. Leipzig.*
- Belentsov A.M.* 1981. *The paintings of Sogdiana // Arapay G. Magalshik P.T. 1981. The paintings of Sogdiana // Arapay G. Magalshik P.T. Berkeley etc.*
- Bergoniov G.I., Biriakov Ju.F.* 1995. *Sealings from Kanka: In the Land of the Gryphons Papers. On Central-Asian archaeology in Antiquity. Roma.*
- Boyce M.* 1966. *The Fire-temple of Kerman // Acta Orientalia. Vol. XXX.*
- Boyce M.* 1968. *On the sacred fires of the Zoroastrians // BSOAS. Vol. 21.*
- Boyce M.* 1970. *On the Calendar of Zoroastrian Feasts // BSOAS. Vol. 33.*
- Boyce M.* 1979. *Zoroastrians. Their religious beliefs and practices. London.*
- Boyce M.* 1982. *A history of Zoroastrianism. Vol. II. Under the Achaemenians. Leiden.*
- Boyce M.* 1984. *Textual sources for the study of Zoroastrianism. Manchester.*
- Brinkina G.A.* 1990. *Anthropomorphic figurines in Ferghana burial // Antiquity. Vol. 64. N 244.*
- Russelli M.* 1963. *Painting of Central Asia. Geneva.*
- Carter M.* 1981. *Mithra in the Lotus: A study of the Sun God in the Kushano-Sasanian Era // Monumentum George Morgenstierne. I. Hommages et opera minoria. Vol. VII. E. A. Brill. Leiden.*
- Carter M.L.* 1990. *Early Sasanian and Kushano-Sasanian coinage from Merv // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 4.*
- Chang C'Ch.* 1968. *Frühzeitig der antient China. London.*
- Chavannes Ed.* 1903. *Documents sur les Touki-touk (Turks) occidentaux // Собрание трудов Орхоноско-келденских. Вып. VI. Синодальн. X.G. 1939. Zwischen Kuschanen und Arabern: Archäologie Mittelasiens im V-VIII Jh. Berlin.*
- Clunson G.* 1965. *Ak-Beshim-Sayab // Trp. XXV. Междунар. конгр. историкоэтнозн. М.*
- Cunault F.* 1926. *Fouilles de Douera-Europos. Paris.*
- Dron.* 1896. *Notice sur les monnaies des grands Kouchans postérieurs et sur quelques autres monnaies de la Sogdiane et du Turkestan // Rev. numismatique. Ser. 3. T. 14.*
- Duchesne-Guillemin J.* 1979. *La Royaume iranienne et le XV avant // Iranica. Napoli.*
- Exploration in Turkestan, 1905-1908. Ed. R. Pumpelly. Vol. I-II Wash. (D.C.).*
- Enoki K.* 1955. *Sogdiana and the Hsiung-nu // CAJ. Vol. 1. N 1.*
- Enoki K.* 1959. *On the nationality of the Ephthalites // MIRDIB. N 18.*
- Filanov M.I., Usmanova Z.I.* 1990. *Les frontières occidentales de la diffusion du bouddhisme en Asie Centrale // Cah. Asie centrale. N 1-2. Frankfurt H.* 1951. *The art and architecture of the ancient orient. London.*
- Frye R.N.* 1949. *Notes on the early coinage of Transoxiana. N.Y. (Amer. Numismat. Soc. Numismat. Notes and Monogr. N 113).*
- Frye R.N.* 1984. *The history of ancient Iran. München.*
- Fuchs W.* 1938. *Huet Ch'iao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Central Asien um 726 // SPAW.*
- Fukai Sh., Haruhiko K.* 1972. *Taq-i-Bastan. Tokyo. Vol. II.*
- Furze A.* 1925-1926. *Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines // Rev. numismatique. Ser. 4. T. XXVIII-XXIX.*
- Gabasa A. von.* 1961. *Der Buddhismus in Zentralasien. Abt. I // Handbuch der orientalistik. Leiden; Köln. Bd. VIII.*
- Gabasa V., Koshelenko G., Novikov S.* 1990. *Chlbardi // Bull. the Asia Inst. Vol. 4.*
- Gabasa V., Koshelenko G., Novikov S.* 1991. *Nouveaux documents pour une histoire des religions dans le Turkestan méridional à l'époque parthe et sassanide // Histoire et cultes de l'Asie Centrale-préislamique. Sources écrites et documents archéologiques. Paris.*
- Geschlecht I.* 1969. *Amber at Persepolis // Studia Classica et Orientalia A. Paolitto-oblati. Roma. Vol. 1.*
- Gershevitch I.* 1970. *Appendix (to Sims Williams). 2 // III. Vol. XVIII.*
- Gharshman R.* 1963. *Perse. Parthe et Sassanides. Paris.*
- Grignani Ph.* 1968. *L'enfer et le paradis d'après les sources pehlevies // JA. T. CCXVI. N 2.*
- Gohl R.* 1967. *Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Bactrien und Indien. Bd. I-IV. Wiesbaden.*
- Gohl R.* 1971. *Sassanid Numismatics. Braunschweig.*
- Goldard A.* 1962. *L'art de l'Iran. Paris.*
- Goldman B.* 1965. *Persian fire temples // J. Near Eastern Stud. Vol. XXIV. N 4.*
- Gurhanova M.G.* 1986. *The culture of Ancient Ferghana (century B.C. - VI century A.D. (BAR Intern. ser.; 281). Oxford.*
- Groener F.* 1984. *Les pratiques funéraires dans l'Asie Centrale sédentaire de la conquête grecque à l'islamisation. Paris.*
- Groenet F.* 1984a. *Notes sur le pantheon iranien des Kouehans // SI. T. 13, fasc. 2.*
- Groenet F.* 1985. *Samarcande et la route de la soie // Histoire. N 77.*
- Groenet F.* 1986. *L'art zoroastrien en Sogdiane // Mesopotamia. Vol. XXI.*
- Grupp A.* 1969. *Die Funktion der Feuertempel der Zoroastrier // Archäologische Mitteilungen aus Iran. N.F. Berlin. Bd. 2.*
- Gubava A., Koshelenko G., Novikov S.* 1991. *Archaeological exploration of the Merv oasis // Mesopotamia. Vol. XXV.*
- Gubava A.G., Logosov S.D., Nikitin A.B.* 1993. *Coin finds from the excavations of Ak-depe by the station of Artyk // Iran. Vol. XXXI.*
- Gyvelen R.* 1989. *The geographic administrative de l'Empire Sassanide: Les témoignages sigillographiques. Paris. (Rev. orientalis. I).*
- Hauser W., Upton J.M.* 1934. *The Persian expedition, 1933-1934 // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. N.Y. December. Sect. II.*
- Henning W.B.* 1936. *Neue Materialien zur Geschichte des Manichäismus // ZDMG. Bd. 90. N 1.*
- Henning W.B.* 1944. *The murder of Mags // IRAS. Vol. 3-4.*
- Henning W.B.* 1945. *Sogdian tales // BSOAS. Vol. 11.*
- Henning W.B.* 1948. *The date of Sogdian ancient letters // BSOAS. Vol. 12. pt. 3-4.*
- Henning W.B.* 1965. *A Sogdian God // BSOAS. Vol. 28. pt. 2.*
- Henning W.B.* 1965a. *Chorasmian documents // AM. Vol. XI.*
- Herrmann G., Maxson V.M., Kurbansakulov K.* 1993. *The International Merv project. Preliminary report of the first season (1992) // Iran. Vol. XXXI.*
- Herrmann G., Kurbansakulov K., Simpson St.J.* 1995. *The International Merv Project. Preliminary report on the fourth season (1995) // Iran. Vol. XXXIV.*
- Humbach H.* 1975. *Yaya, Siva und der Spiritus Vivens im ost-iranischen Synkretismus // Acta Iranica. Teheran; Liège. Vol. 4. Monumentum H.S. Nyberg.*
- Humbach H.* 1980. *Die sogdischen Inschriftentunde vom oberen Indus (Pakistan) // Allgemeine und vergleichende Archäologie - Beiträge. München. Bd. 2.*
- Jerrard K.* 1961. *Zur "Hewimmungswort" aus Pendikent // Central Asiat. J. Vol. VI.*
- Koshelenko G.A.* 1966. *The beginning of Buddhism in Margiana // Acta antiqua Acad. Sci. Hung. Vol. XIV.*
- Koshelenko G., Bader A., Gabasa V.* 1992. *Materials for archaeological map of Margiana: the Changly region // Mesopotamia. Vol. XXVI.*
- Koshelenko G., Bader A., Gabasa V.* 1993. *Materials for archaeological map of the Merv oasis. ... Kishan // Mesopotamia. Vol. XXVII.*

- Lerch P., 1879. Sur les monnaies des Boukhar-koudags ou princes de Boukhara avant la conquête du Maverranahr par le Arabes // Tiavaan de troisieme session du congrès International des Orientaliste. Saint Petersburg.
- Litvinsky B.A., 1970. Outline history of Buddhism in Central Asia // Kushan studies in the USSR Calcutta.
- Litvinsky B.A., 1981. Kalai Kafirigan: Problem in the religion and art of Early Mediaeval Tokharistan. East and West, Vol. 30, Roma.
- Livshits V.A., 1968. The khwaremian calendar and the eras of ancient Chorasnia // Acta antiqua Acad. Sci. Hung. Vol. XVI, fasc. 1-4.
- Livshits V.A., 1993. A Parthian inscription on a vessel from Ak-depe // Iran. Vol. XXXI.
- Loginov S.D., Nikitin A.B., 1993a. Sasanian coins of the third century from Merv // Mesopotamia. Vol. XXVIII.
- Loginov S.D., Nikitin A.B., 1993b. Coins of Shapur II from Merv // Mesopotamia. Vol. XXVIII.
- Loginov S.D., Nikitin A.B., 1993c. Sasanian coins of late 4-7 centuries from Merv // Mesopotamia. Vol. XXVIII.
- Loginov S.D., Nikitin A.B., 1993d. Post-sasanian coins from Merv // Mesopotamia. Vol. XXVIII.
- Macgovern W.M., 1939. The early empires of Central Asia. Chapel Hill.
- Marshall J., 1951. Taxila. Cambridge. T. II, III.
- Marsak B., 1990. Les fouilles de Pendjikent // CRAIBL. Janv.-mars.
- Marsak B., Rasopova V., 1987. Une image sogdienne du dieu-patrice de l'agriculture // Studia Iranica. T. 16, fasc. 2.
- Müller F.W.K., 1918. Toxri und Kuisan (Küsan) // SPAW. Phil. hist. Kl. Bd. 27.
- Oppenheim A.L., 1964. Ancient Mesopotamia. London.
- Pavchinskaja L.V., 1994. Sogdian ossuaries // Bulletin of the Asia Institute: The archaeology and art of Central Asia: Studies from the former Soviet Union. N.S. Bloomfield Hills. Vol. 8.
- Pelliot P., 1916. Le "Cha tcheou tou tou fou t'ou king" et la colonie sogdienne de la region du Lob Nor // J. asiatique. Ser. 11. T. 7.
- Pugachenkova G.A., Usmanova Z., 1995. Buddhist monuments in Merv // In the land of gryphons: Papers on Central Asian archaeology in antiquity / Ed. by A. Invernizzi. Firenze.
- Pulleyblank E.G., 1952. A Sogdian colony in Inner Mongolia // T'oung Pao. Vol. 41.
- Rowland B., 1970. Zentralasien: Kunst der Welt. Baden-Baden.
- Sims-Williams N., 1976. The Sogdian fragments of the British library // III. Vol. XVIII.
- Sims-Williams N., 1983. Indian elements in Parthian and Sogdian // Sprachen des Buddhismus in Zentralasien: Vortrage des Hamburger Symp. vom 2. Juli bis 5. Juli, 1981 / Hrg. K. Rohrborn und W. Veenker. Wiesbaden.
- Siroux M., 1973. L'evolution des antiques mosques rurales d'Ispahan // Arts anatiques. T. XXVI.
- Skoda V.G., 1887. Le culte du feu dans les sanctuaires de Pendjikent // Cultes et monuments religieux dans l'Asie preislamique. Paris.
- Stein A., 1928. Innermost Asia. Vol. VII. Oxford. T. 399.
- Tomaschek W., 1877. Centralasiatische Studien: Sogdiana. Wien.
- Treuer C., 1934. Terracottas from Afrasiab. Moscow; Leningrad.
- TSP, 1940. Textes sogdiens / Ed. trad. et commentes par E. Benveniste. Paris. (Mission Pelliot en Asie Central; Vol. III).
- Walker J., 1941. A catalogue of the Arab-Sasanian coin. London.
- Widengren G., 1965. Die religionen Iran. Stuttgart.
- Zotenberg M.N., 1867. Chronique de Tabari / Trad. sur la version Persan d'Aby Ali Muchammad Bel'ami par M.N. Zotenberg. Paris. Vol. IV.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия. М.	МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
АРТ	— Археологические работы в Таджикистане. Душанбе	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
АСТЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	МИТТ	— Материалы по истории туркмен в Туркмени. М.; Л.
БД	— Бахтрийские древности	МИКК	— Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.
ВА	— Вопросы антропологии	МИУТТ	— Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР
ВАН	— Вестник Академии наук	МКАЭИ	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
ВГ	— Вопросы географии. М.	МКВ	— Международный конгресс востоковедов. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.	МКТ	— Материальная культура Таджикистана. Душанбе
ВИ	— Вопросы истории. М.	МХАЭЭ	— Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ВИА	— Всеобщая история архитектуры. М.	МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
ВКФ	— Вестник Каракалпакского филиала	НАА	— Народы Азии и Африки. М.
ГЕАО	— Горно-Бадахшанская автономная область	НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ЖДП	— Живопись древнего Пенджикента	ОНУ	— Общие социальные науки в Узбекистане. Ташкент
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.	ООН	— Отделение общественных наук
ЗВОРАО	— Записки Восточного отдела Русского археологического общества. СПб., Пг.	ПВ	— Проблемы востоковедения
Э(и) РГО	— Записки Императорского Русского географического общества. СПб.	ПДНВ	— Памятники литературы народов Востока
ИА	— Институт археологии	ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
ИАК	— Известия археологической комиссии	РА	— Российская археология
ИАИ	— Известия Академии наук	РАН	— Российская Академия наук
ИИА	— Институт истории и археологии	РГО	— Русское географическое общество
ИВ	— Институт Востоковедения	СА	— Советская археология
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии	САГУ	— Среднеазиатский Государственный университет. Ташкент
ИДВ	— История древнего Востока	САН	— Свод археологических источников
ИИМК	— Институт истории материальной культуры	СВ	— Советские востоковедения
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент	СЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ИОИАЭ	— Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете	СЖДП	— Скульптура и живопись древнего Пенджикента
ИООН АН	— Известия Отделения общественных наук Академии наук	СНВ	— Страны и народы Востока
ИРГО	— Известия Русского географического общества	СОН	— Серия общественных наук
ИТН	— История таджикского народа. М.	Средкомстарие	— Среднеазиатский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы
ИЭ	— Институт этнографии	СТАКЭ	— Северо-Таджикская археологическая комплексная экспедиция
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы	СТАЭЭ	— Согдаийско-Таджикская археологическая экспедиция
ИИЯЛ	— Институт языка, литературы и истории	СЭ	— Советская этнография
КАЭЭ	— Киргизская археолого-этнографическая экспедиция	ТАКЭ	— Термезская археологическая комплексная экспедиция
КД	— Каракумские древности. Ашхабад	ТашГУ	— Ташкентский Государственный университет
КК	— Каракалпакский ФАН Узбекистана	ТАЭ	— Таджикская археологическая экспедиция
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии	ЗВОРАО	— Труды Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	ТГУ	— Таджикский Государственный университет
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии	ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет	ТД	— Тезисы докладов
ЛО ИВАН	— Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук	ТНИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии
МАИКЦА ИБ	— Международная ассоциация изучения культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. М.		

СЛОВОСООТВЕТСТВИЕ

ТИА АН	- Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, Ташкент	AM	- Asia Major
УзССР	- Ташкентский кружок любителей археологии	BGA	- Bibliotheca geographorum arabicorum, Edit. M. de Goeje, pars. I-VIII, Lugduni Batavorum
ТКЛА	- Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, Л.	BSOAS	- Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London
ТОВЭ	- Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, Л.	CRAIBL	- Comptes rendus Académie des inscriptions et belles-lettres, Paris
ТОРГО	- Туркестанский отдел Русского географического общества	III	- Indo-Iranian Journal the Hague-Donrecht, Boston
ТВ	- Туркестанские ведомости, Ташкент	ISMEO	- Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, Roma
ТКАЭЭ	- Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, М.	JA	- Journal Asiatique, Paris
ТХАЭЭ	- Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, М.	JAOS	- Journal of the American Oriental Society
ТЮТАКЭ	- Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад	JRAS	- Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
УФАН	- Узбекский филиал Академии наук	MDAFA	- Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, Paris
УСА	- Успехи среднеазиатской археологии, Л.	SJ	- Studia Iranica, Leiden
ЭВ	- Этнография Востока	SPA	- Survey of Persian Art from prehistoric times to the present
ЭО	- Этнографическое обозрение	SPAW	- Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaft, Berlin
ЮККАЭ	- Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция	TSP	- Textes sogdien, Paris
ЮТАКЭ	- Южно-Туркменстанская археологическая комплексная экспедиция	ZDMG	- Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, Leipzig; Wiesbaden
ЮТАЭ	- Южно-Таджикская археологическая экспедиция		

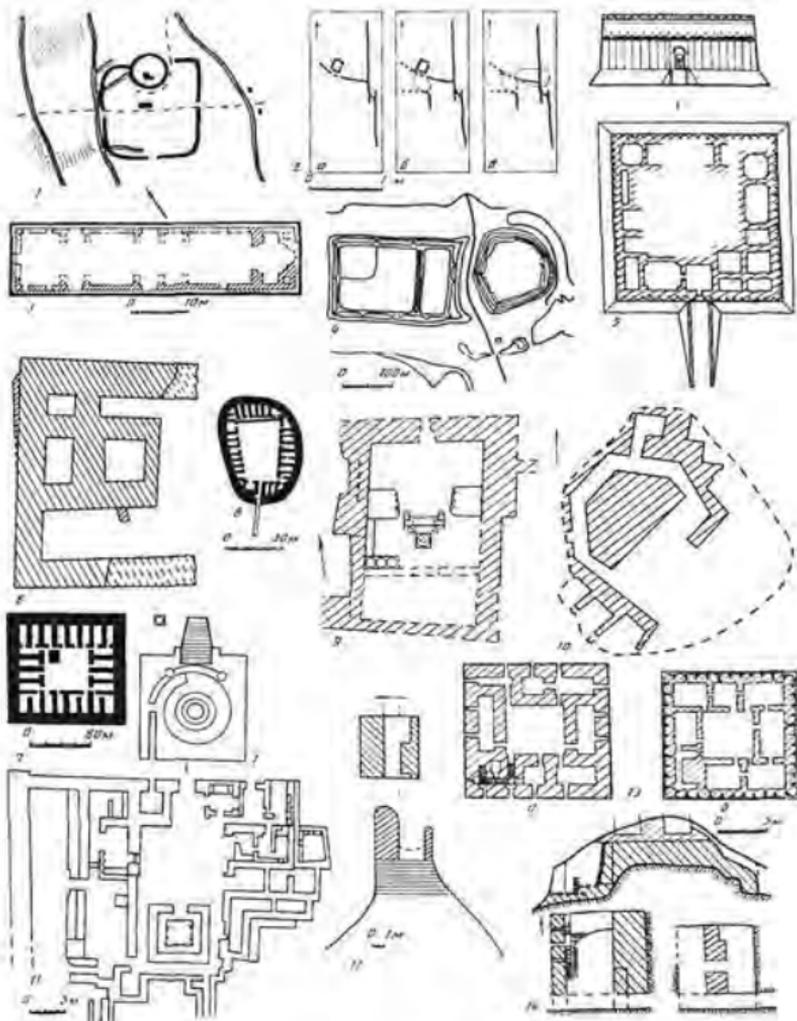

Таблица 1. Памятники Северного Хорасана

1 — Мера (территория Газураки в Аркхабус; 2 — ступенчатое сооружение поделенное (Фуркад ба) — восточнославянское; римско-славянские времена; 3 — ванна; 2 — укрепления поделенные; б) — средневековые времена; 4 — ванна; 2 — ранние постройки; 3 — ванна; во восточной части; в) — римско-арабские времена; 1 — ванна; 2 — фонтан; 3, 4 — территории поселения; 5 — Хароба-Котух — средневековая христианская церковь; 6 — парадный Хокривади; 7 — Бюльбили Папикьяли; План и реконструкция фасада; 8 — здание общинного управления (Гарис) — территория Газураки;

9 — ванна; Минархали (окрестности); 8 — здание общинного управления на территории Газураки; 9 — Акдиге; Храм (ок. 1000); План VI-VII вв.; 10 — Губаган; Здание на территории централизованной буржи; III-IV вв.; 11 — стена и минархали; Территория Газураки; V-VII вв.; 12 — Чиндурджа; Героическая стена; План и ториз V-VII вв.; 13 — Малая Кытала; План здания и интерьера здания; 14 — германские стены Мера (Газураки); Построенный город; План и реконструкция

Таблица 10. Предметы искусства и быта раннесредневековой Ирании

1, 2 — статуи; 3 — рельефная статуэтка; 4 — рельефная статуэтка; 5 — рельефная статуэтка; 6 — рельефная статуэтка; 7 — рельефная статуэтка; 8 — рельефная статуэтка; 9 — рельефная статуэтка; 10 — рельефная статуэтка; 11 — рельефная статуэтка; 12 — рельефная статуэтка; 13 — рельефная статуэтка; 14 — рельефная статуэтка; 15 — рельефная статуэтка; 16 — рельефная статуэтка; 17 — рельефная статуэтка; 18 — рельефная статуэтка; 19 — рельефная статуэтка; 20 — рельефная статуэтка; 21 — рельефная статуэтка; 22 — рельефная статуэтка; 23 — рельефная статуэтка; 24 — рельефная статуэтка; 25 — рельефная статуэтка; 26 — рельефная статуэтка; 27 — рельефная статуэтка; 28 — рельефная статуэтка; 29 — рельефная статуэтка; 30 — рельефная статуэтка; 31 — рельефная статуэтка; 32 — рельефная статуэтка; 33 — рельефная статуэтка; 34 — рельефная статуэтка; 35 — рельефная статуэтка; 36 — рельефная статуэтка; 37 — рельефная статуэтка; 38 — рельефная статуэтка; 39 — рельефная статуэтка; 40 — рельефная статуэтка; 41 — рельефная статуэтка; 42 — рельефная статуэтка; 43 — рельефная статуэтка; 44 — рельефная статуэтка; 45 — рельефная статуэтка; 46 — рельефная статуэтка; 47 — рельефная статуэтка; 48 — рельефная статуэтка.

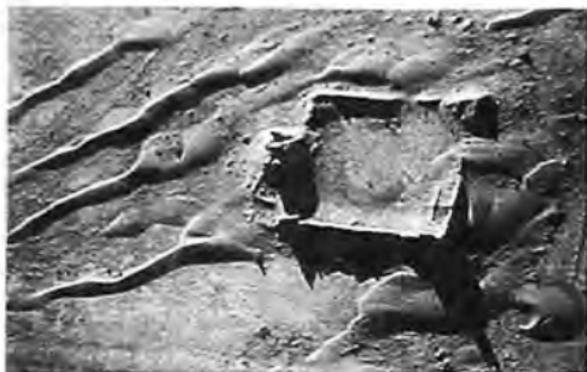
10 — статуэтка; 11 — статуэтка; 12 — статуэтка; 13 — статуэтка; 14 — статуэтка; 15 — статуэтка; 16 — статуэтка; 17 — статуэтка; 18 — статуэтка; 19 — статуэтка; 20 — статуэтка; 21 — статуэтка; 22 — статуэтка; 23 — статуэтка; 24 — статуэтка; 25 — статуэтка; 26 — статуэтка; 27 — статуэтка; 28 — статуэтка; 29 — статуэтка; 30 — статуэтка; 31 — статуэтка; 32 — статуэтка; 33 — статуэтка; 34 — статуэтка; 35 — статуэтка; 36 — статуэтка; 37 — статуэтка; 38 — статуэтка; 39 — статуэтка; 40 — статуэтка; 41 — статуэтка; 42 — статуэтка; 43 — статуэтка; 44 — статуэтка; 45 — статуэтка; 46 — статуэтка; 47 — статуэтка; 48 — статуэтка.

Таблица 2. Культура Хорезма в IV-VI вв. н.э. (кушани-афганский период)

1 - горельефо Топраксала, план; 2 - горельефо Амкыда, план; 3, 5, 6, 18, 20 - керамические сосуды; 8, 7, 19 - крышки; 21 - курительница; 22 - шашичница; 23-28 - бусы; 29, 38 - привески; 30, 34 - привески; 33, 36 - привески; 37 - космоформный сосуд; 39, 40 - антропоморфные фигурки; 41 - голова илхана; 42-45 - ложки; 46 - наконечник стрелы;

47, 48 - нож; 49, 50 - накладки слоновьих ножек лука; 51 - кубок; 52 - туалетный сосудик; 3-22, 43, 47, 49, 40 - глина; 23-25, 27, 28 - камень; 26 - стекло; 29, 31-34, 44, 45 - бронза; 35, 42, 43, 49, 50 - металл; 41 - латунь; 46-48 - железо; 51 - серебро; 52 - глазурированный фарфор

1

3

2

4

5

6

Таблица 4. Памятники Беркуткалинского оазиса

1 – усадьба 13; 2 – замок 14; 3 – замок 11; 4 – усадьба 9; 5 – за-

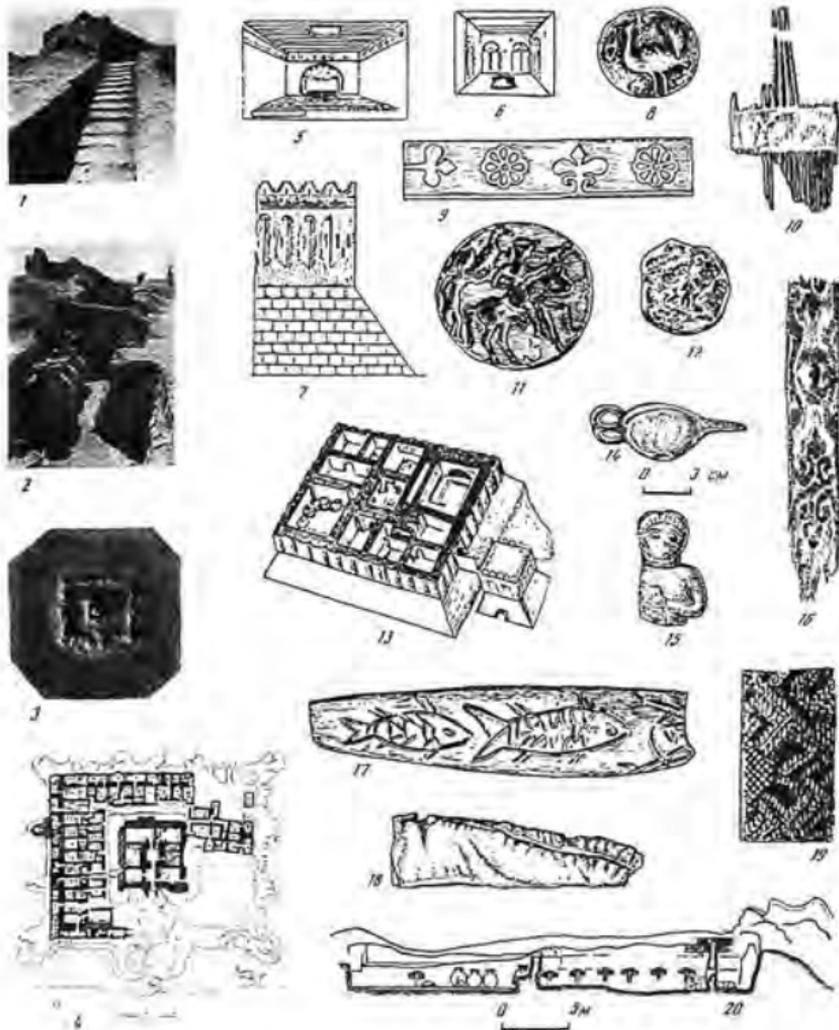

Таблица 5. Хорезмийские раннесредневековые замки

1 - лестница в углублении Яхве-Парсан, 2 - кладовые в Хурбанд, 3 - Яхве-Парсан (вид со стороны), 4 - план Яхве-Парсана, 5, 6 - реконструкция парадной половины в доминионе Тезиксакан, 7 - планчик Тезиксакан (реконструкция), 8 - деревянная печать, 9 - глиняный фриз из Тезиксакана, 10 - зарезанный гребень, 11 - бронзовые печати из Хурбанд, 12 -

медная монета Чезана, 13 - дощечка Тезиксакан (экскурсивный), 14 - бронзовый гонимый сосудик, 15 - керамическая фигурка из керамиче-ского слона, 16-19 - образцы тканей, 17 - керамический нож, 18 - керамический нож, 20 - разрез через кладовую в жилище помещика Узбойной сунды Яхве-Парсана, 14, 16, 17, 18-19 - из Яхве-Парсана.

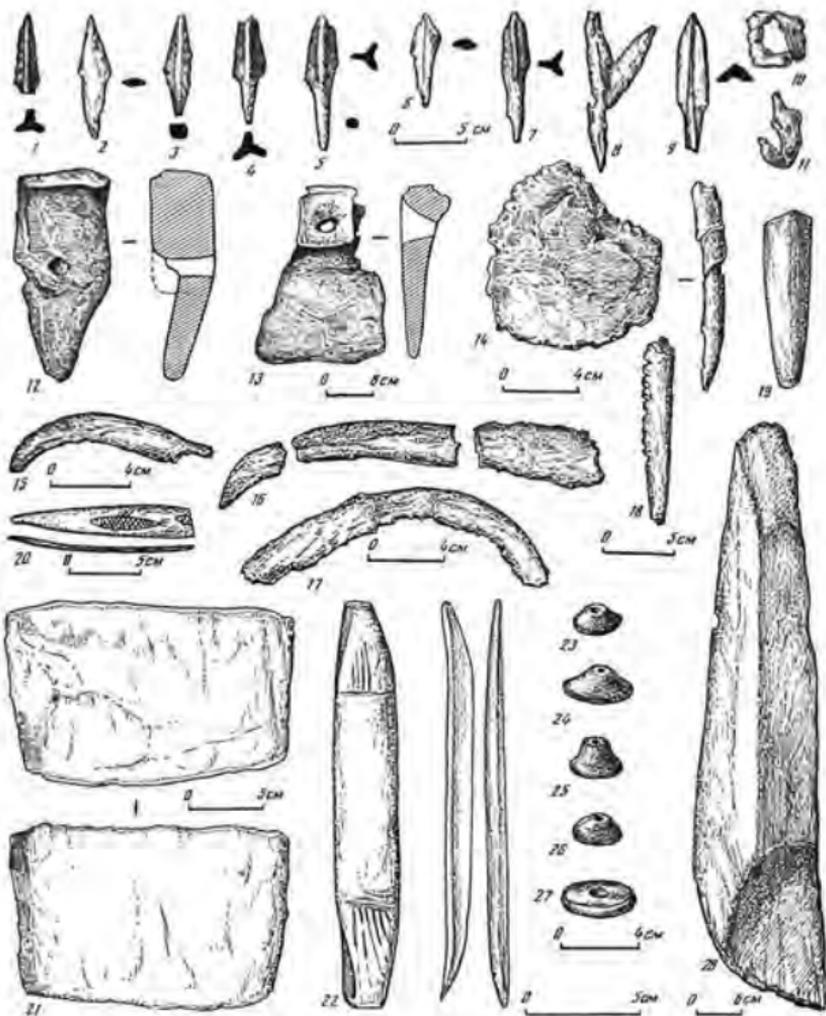

Таблица 6. Оружие и орудия труда. Норвегия VII-VIII вв.

1-9 - наконечники стрел; 10 - кнопки; 11 - кнопки; 12 - тинор-голова; 13 - кувалда; 14 - палачик; 15-17 - серпы; 18 - топоры, использованные при раскопках; 19, 20 - кувалды (для раскопки земли); 21 -

22 - ступы; 23 - наконечники от лука; 24-27 - кнопки; 1-9, 10, 18, 17, 19, 21 - железо; 9, 13, 18, 20, 22 - кости; 24-27 - керамика; 10 - дерево.

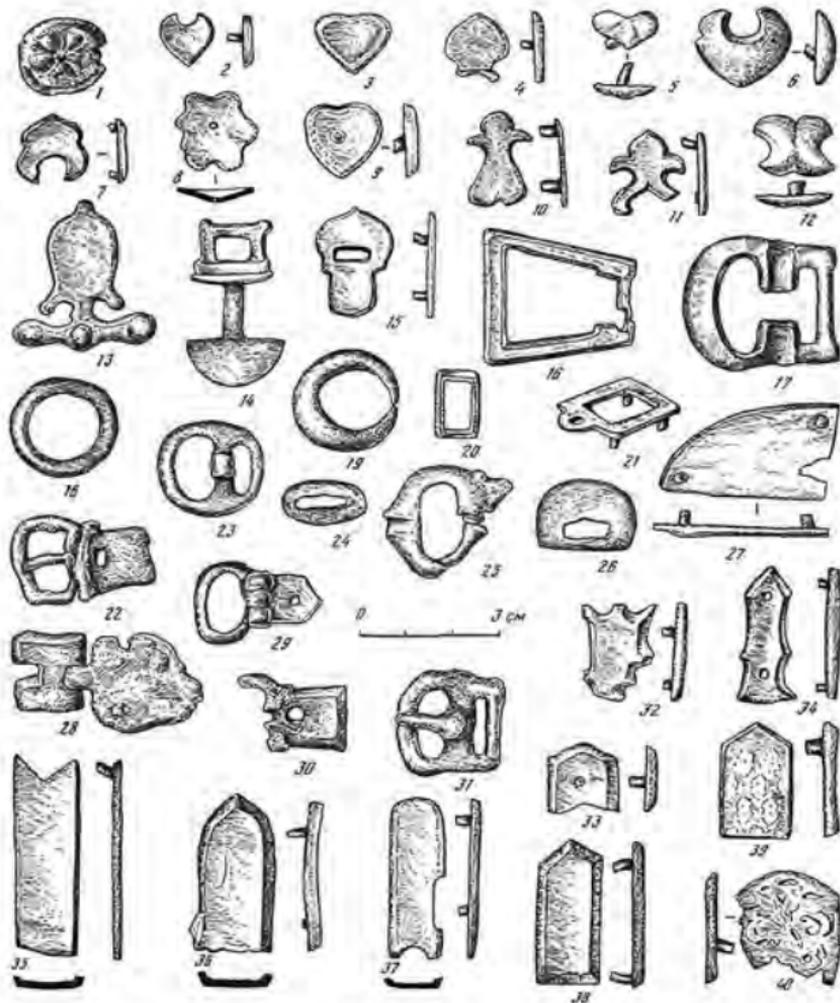

Таблица 7. Металлические изделия, Хорезм VII-VIII вв.

1-13, 15, 20, 21, 24, 26 - парчевые бусины, ободки; 14 -

фрагменты бронзовых застежек; 16, 17, 19, 25, 31, 36 -

28, 31 - пряжки; 18 - кольца; 32-40 - парчевые украшения

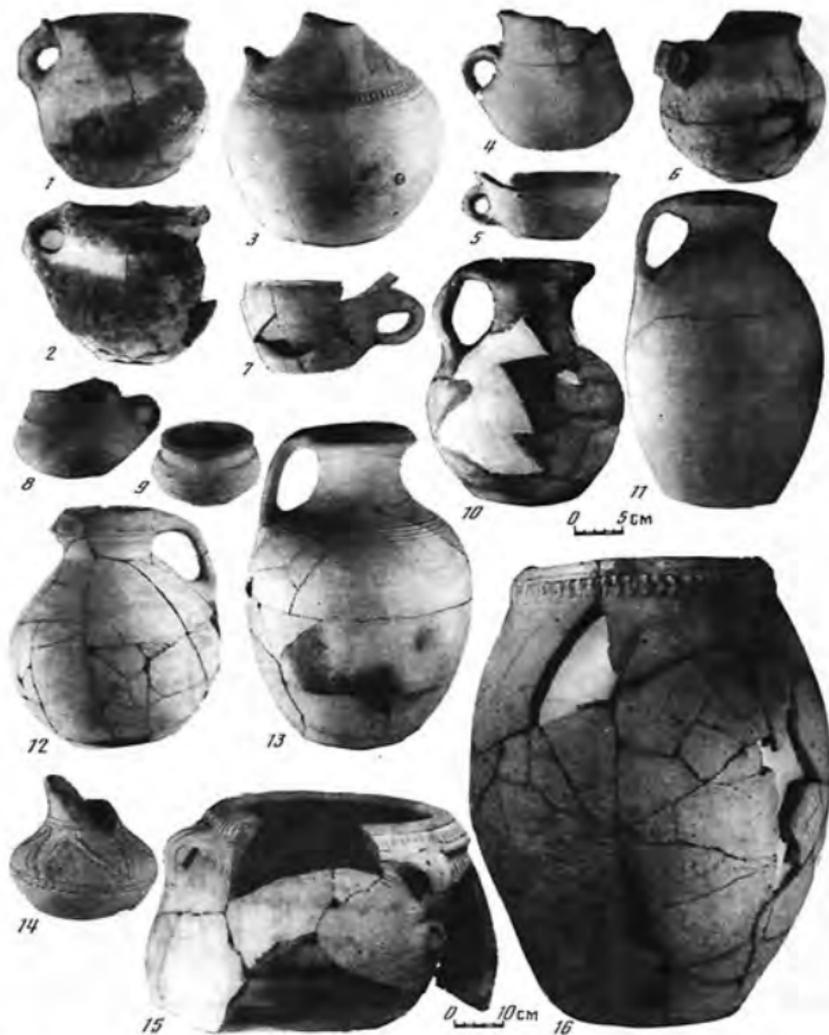

Таблица 8. Керамика. Хорезм VII-VIII в.

1, 2, 6 - лентные горшки; 3, 10-14 - кушитсы; 4, 5, 7, 8 - кружки; 9 - небольшой соедник; 15 - кузмча; 16 - кум

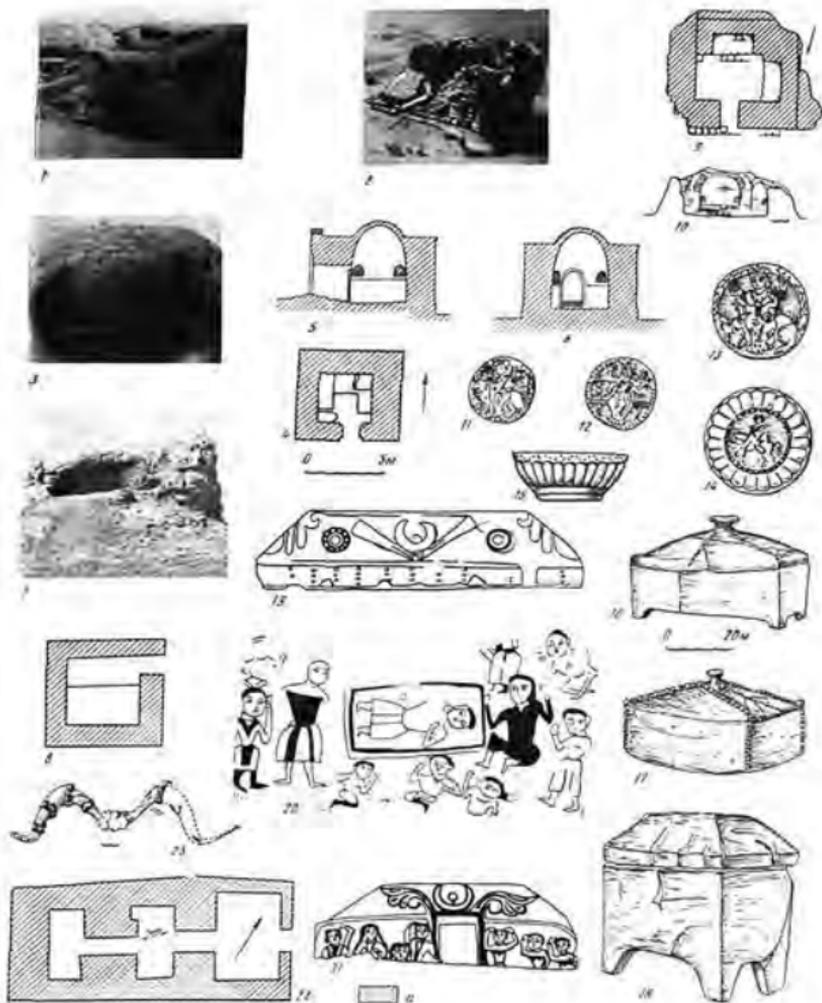

Таблица 9. Культовые постройки и предметы

1-4 - культовые постройки в Желе Пердасеком районе: 1, 2, 4 - священные источники, 3 - святилище; 5-10 - святилища в Миксе Парасанском районе: 5, 6 - святилища в Баркудальском районе; 7-10 - святилища в Баркудальском районе; 11-14 - монеты; 15 - чаша; 16-18 - архитектурные детали; 19-21 - архитектурные детали; 22 - сцена с участием людей; 23 - святилище; 24 - святилище; 25 - святилище.

19-21 - архитектурные детали; 22 - сцена с участием людей; 23 - святилище; 24 - святилище; 25 - святилище.

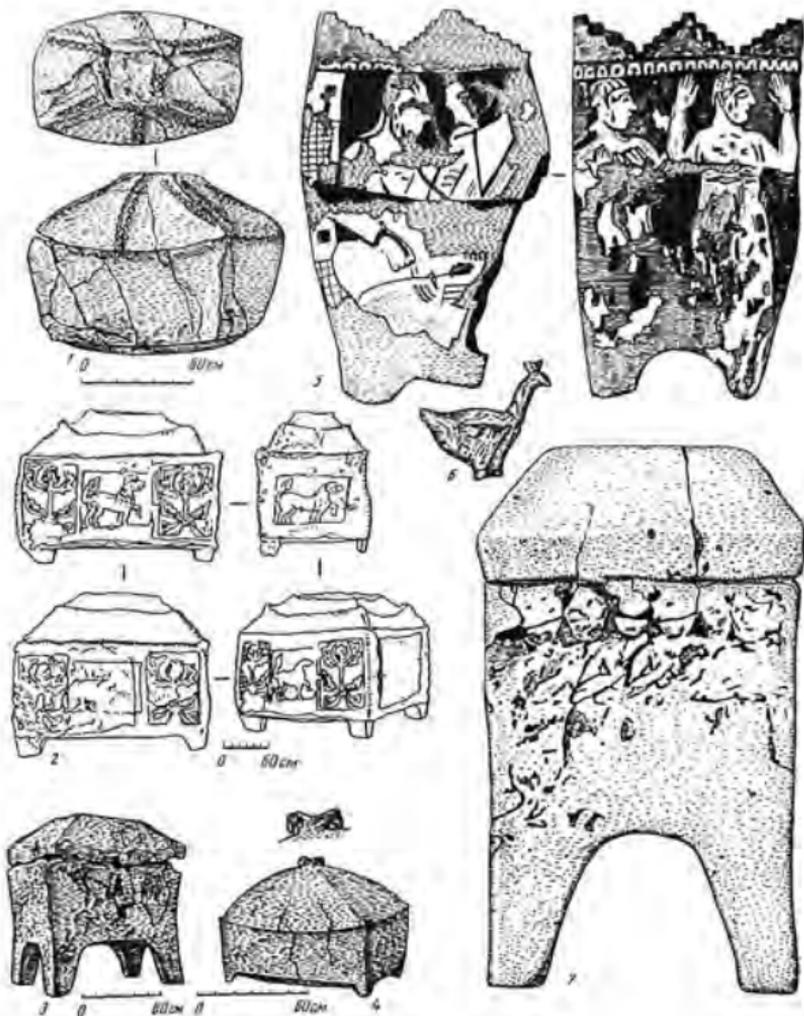

Таблица 10. Хорезмские оссуарии из некрополя Миздаккана (1-7)

1 - оссуарий с изображением изнутри лица и рельефной скульптуры; 2 - оссуарий со сложными полифигурными рельефами; 3 - полифигурный рельеф оссуария в виде стеллы; 4 - оссуарий с рельефами животных; 5 - оссуарий с рельефом человека; 6 - фрагмент рельефа; 7 - оссуарий с эллипсоидной колошниковой крышкой; 1, 2, 4, 6 - глина; 1, 3, 7 - известняк

Таблица 11. Кердерская культура VII-VIII вв.

1 — план Кузюккалы; 2 — план Токкалы; 3 — план Курраичакалы; 4 — основание юрты (Кузюккала); 5, 6 — валящички стрел; 7 — кольца для стрельбы из лука; 8 — пряжка; 9, 12 — концы для плетения сетей; 10,

47 — пряжки; 11 — ложка; 13 — кезмен; 14, 15 — серпы; 16 — чашечка; 17-46 — керамика; 5, 6, 11, 15 — железные; 16 — бронзовые.

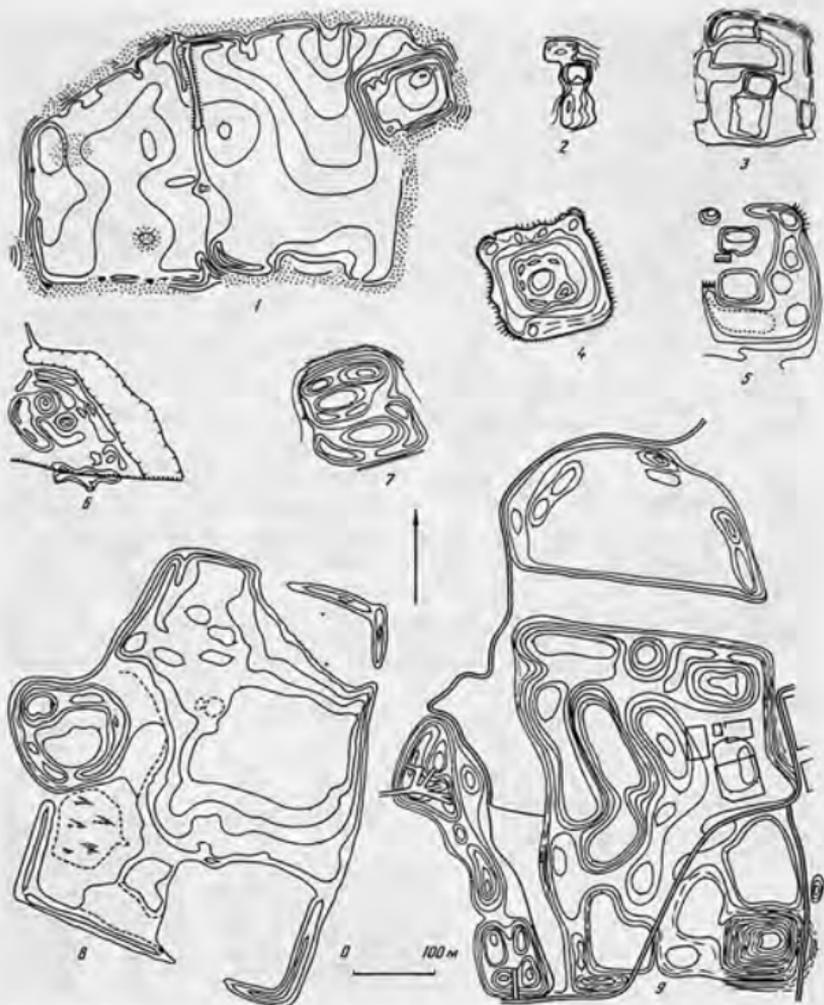

Таблица 12. Планы городищ, крепостей, замков раннесредневекового Согда

1 - Пайхенц; 2 - Турткуль Уругутский; 3 - Чунгон Каттакурганский; 4 - Кафиркала под Самаркандом; 5 - Туртайгур; 6 - Фринксит; 7 - Культепе Пастаргомская; 8 - Кулдор; 9 - Дурмея

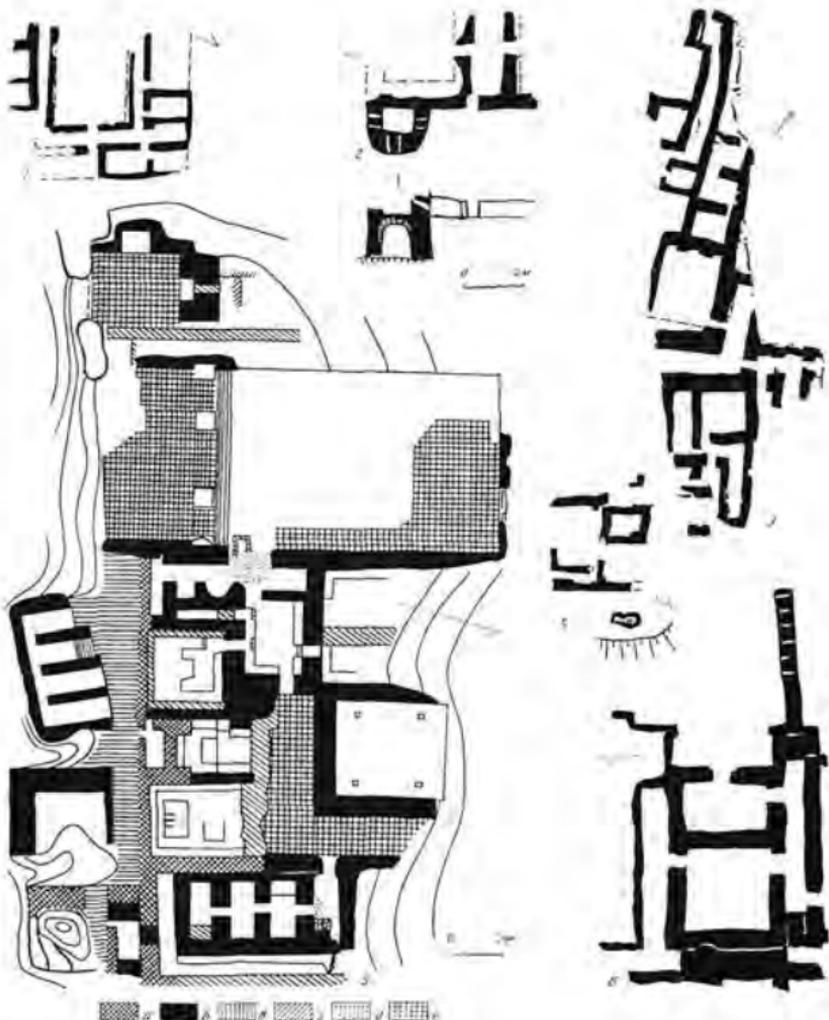

Таблица 14. Типы застройки раннерзневских населенных пунктов

1 - Айгузун. План старинной части замка с показанием размеров на восток и север. 2 - замок Нарынбаба. План и разрез укреплений бастии с приставленной постройкой застройки. 3 - Кувитлеп пашарыкские. План раскопанного участка застройки. 4 - Ертурган. Участок хвордоты сепаратор с пещерой. 5 - Нарынбаба. Двороты - стены сформированной перини-

пационного периода. 6 - стены сформированной перинициальной, в - сформированной перинициальной и вырытые системы. 7 - пещерные стены. 8 - план обрешетки дубового. 9 - косяк из жаркого кирпича. 10 - Ертурган. План раскопанного участка дуботы.

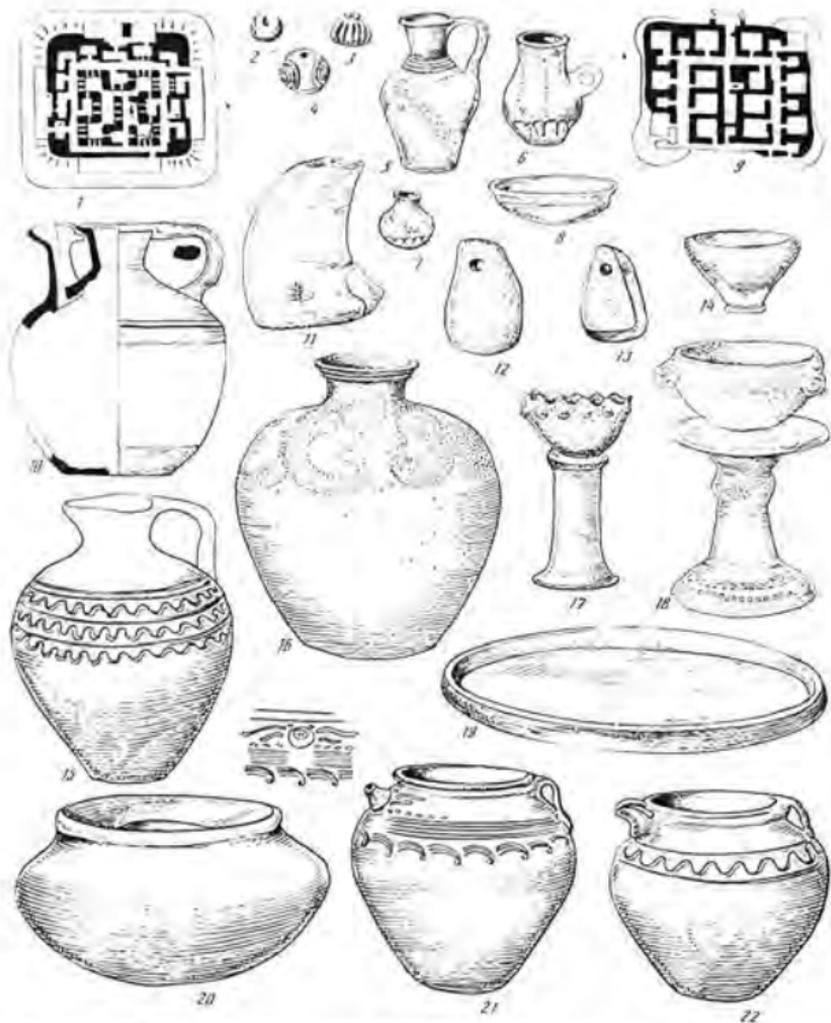

Таблица 16. Усадьба Кафиркала под Самаркандом и Аузтене Кашкардарынского. Керамика

1 - усадьба Кафиркала (план с элементарной реконструкцией); 2 - каменная подставка (Кафиркала); 3, 4 - керамические фрагменты V-VI вв.; 5-7, 14 - керамика второго периода обожжения усадьбы Кафиркала (VI в.); 8, 16, 21, 22 - керамика первого периода обожжения усадьбы Кафиркала под наду (VII в.); 9 - Аузтене; 10 - кувшины из усадьбы в окрестности

сорокаты Дурмен (VII в.); 11 - обожженная подставка (V-VI вв.); 12, 13 - трубка (V-VI вв.); 15 - кувшин V-VII вв. Кафиркала; 17 - керамика (Кафиркала); 18 - урлякитина (Биркуртан); 19 - сковородка (V-VI вв.); 20 - котел (V-VI вв.)

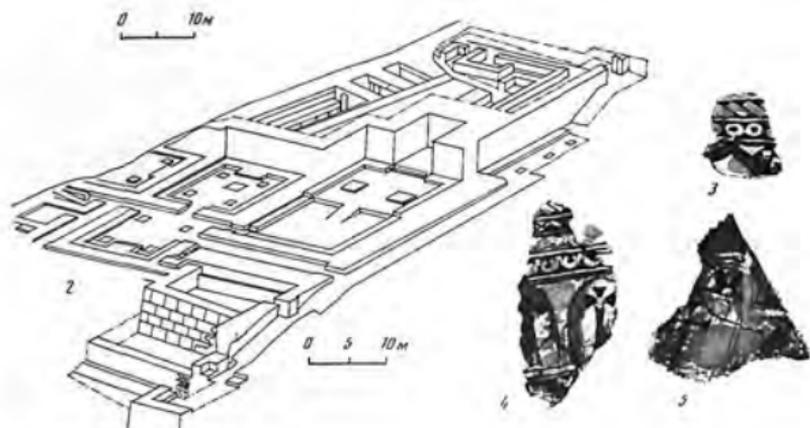
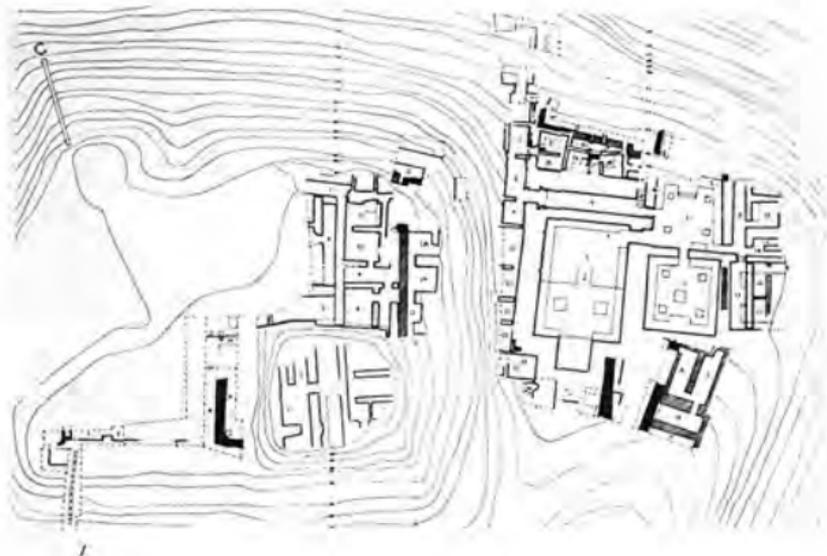

Таблица 17. Пейджикент.

1 - план замка и двора привател на цивилели (первая четверть VIII в.); 2 - аксонометрия двора; 3-5 - архитектурные детали резиденции

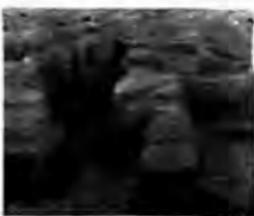
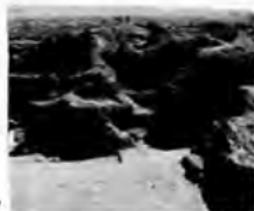
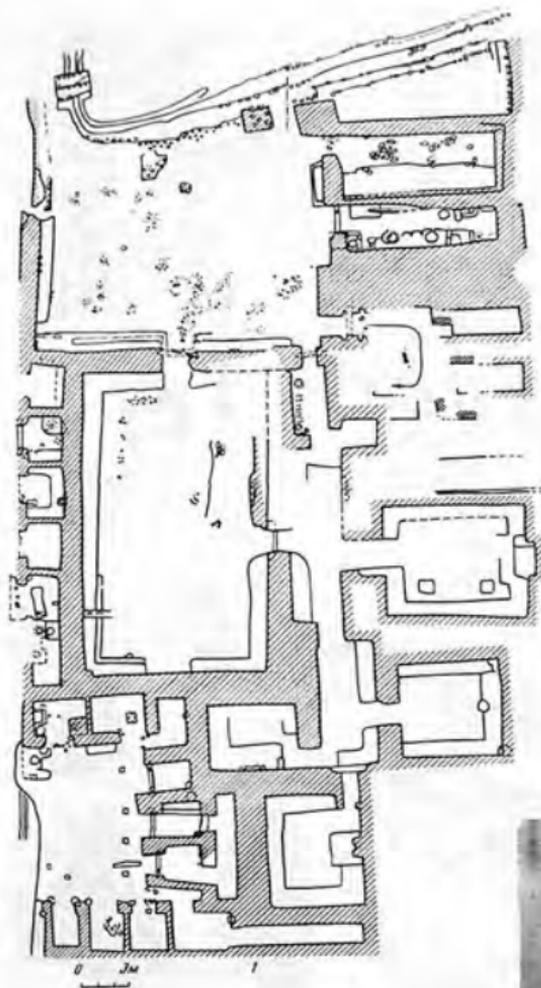

Таблица 18. Жилища Пенджикента первой половины VIII в.

1 – план самого крупного домовладения города и базара при нем; 2 – вид с севера на двор (помещение 75), лавки и мастерские (помещения 59, 71, 77, 78, 79); 3 – вид с запада на двор, пандус и кухню (помещение

80); 4 – вид с севера на помещения 10, 21, 30; 5 – Пехлевийская надпись на северной стене помещения 21

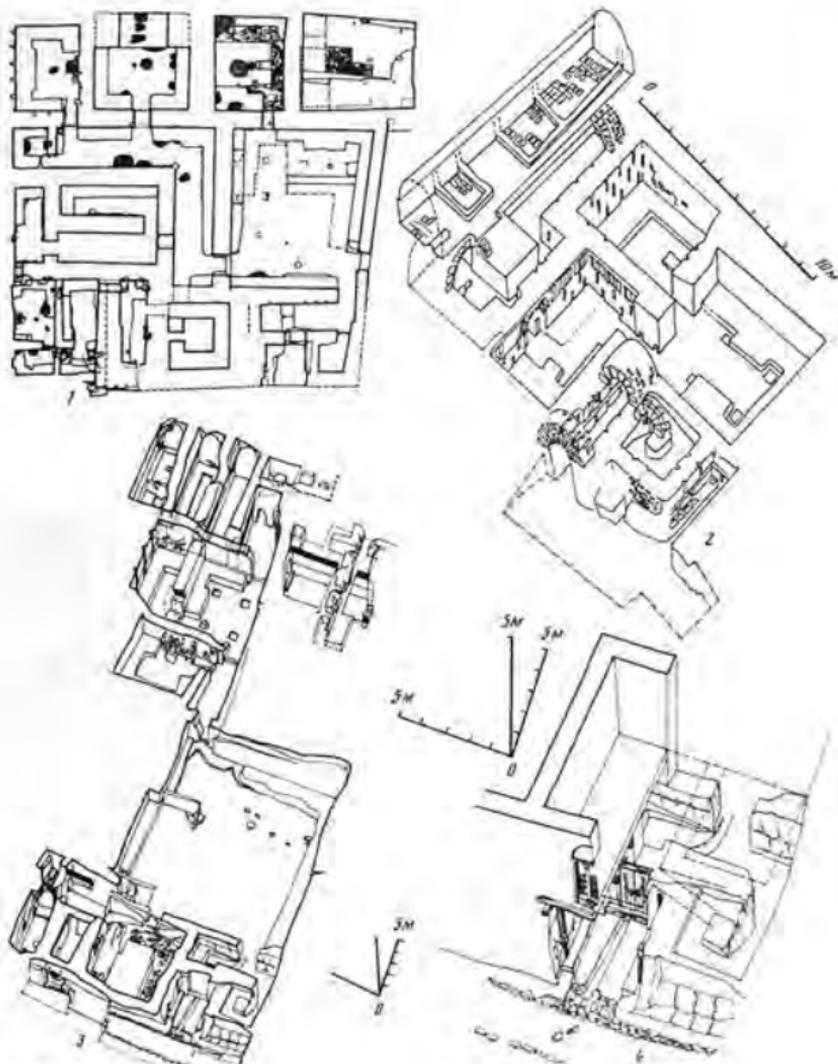

Таблица 19. Жилище Пенджикента. VIII в.

1 - план облока XXI; 2 - аксонометрия жилища с характерными пометками на втором этаже; 3 - аксонометрия жилища с характерными пометками

виды, сгруппированные в общий план облока XVIII-XIII в.; 4 - реконструкция архитектурной части жилища (см. 1)

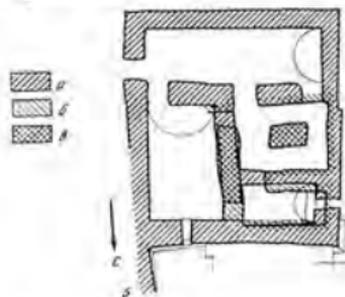
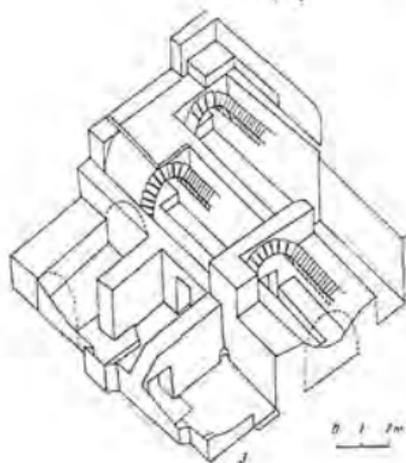
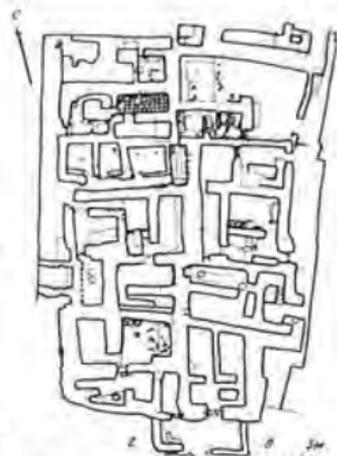
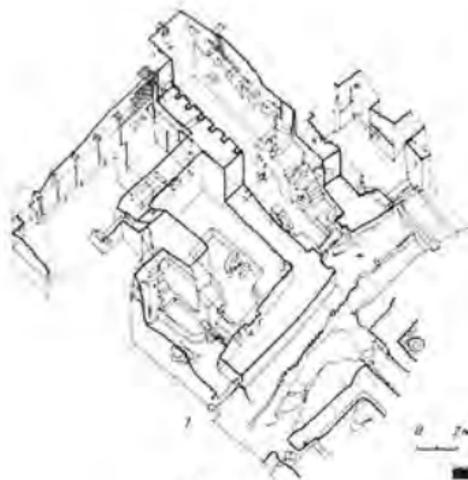

Таблица 20. Жилые Пенджикента

1 – аксонометрия полностью раскопанного жилища (район № XII, помещения 82, 84); 2 – план квартала жилищ районов городов (объект

XVIII); 3 – аксонометрия редовного жилища (район № XIII); 4 – остовы на второй этаж в редовном жилище (объект XVIII); 5 – план жилища VIII.

Таблица 21. Керамика из поселений Сеталак и Кызьлакыр I-II

1 - горшочек; 2 - кувалочка; 3 - светлячок; 4, 19 - кружки; 5, 10 - кувалочки с ручками; 6 - горшок бабочкой формы; 7-9, 11-13 - чаши; 16, 17, 21, 30, 32 - тарелка с ручками; 18 - и образцы стилей южной валяги по стенке сетака; 20 - кубок; 21, 26-28 - кувалочка без ручек; 22 - илаваля

полстава; 24 - фига; 25 - кувалочка; 29 - большой горшок; 31 - корчага; 33 - зерно хума; 34 - горшок с присиди-слыши; 1, 2, 4, 7, 9, 10, 20, 22, 24, 27, 29-31, 34 - Кызьлакыр II, с. 5, 6; 14-17, 23 - Сеталак I, с. 11; 11, 18, 21, 28 - Сеталак II; 19, 21, 26, 32, 33 - Кызьлакыр I

Таблица 22. Керамика Пенджикента V-VI вв.

1-3, 5, 6 - сосуды V - начала VI в., 4, 7-12, 14-16,
20 - сосуды VI в.; 13 - гончарный брак; 17-
19 - лепные сосуды

Таблица 23. Керамика Пейджикента

1, 2, 4, 7 – сосуды V – начала VI в.; 3, 5, 6, 8–12, 14, 15 – сосуды VI в. (8, 12 – дельные); 13, 16 – сосуды второй половины VI в.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Таблица 24. Керамика Пенджикента

1-3 - сосуды V в.; 4, 5 - подставки под котлы; 6-9 - сосуды VI в. (7, 8 - летные)

Таблица 25. Керамика Пенджикента

1-5, 9, 12 - сосуды VII в.; 6-8, 10, 11, 13-17 - сосуды VIII в.
 (7-11, 13, 14 - детали)

Таблица 26. Керамика Пензенского

1 – сосуд VI в., 2-7, 9, 10, 14-16 – сосуды VII в.; 8, 11-13 – сосуды конца VII – первой четверти VIII в.

Таблица 27. Керамика Пенджикента VIII в. (1-17)

Таблица 28. Пенджабскит. Предметы вооружения и быта VII-VIII вв.

1 - меч; 2-8 - наконечники стрел; 9 - наконечник копья; 10 - панцирная пластина; 11 - деталь кресала; 12 - пружка от стрелкового носка; 13 - кольца кольчуги; 14 - перекрестие меча; 15-17 - кожаные кресальные накладки на лук; 18 - деталь портупей меча; 19 - стил; 20 - дойка; 21 - деталь замка; 22 - ключ; 23 - сосудик; 24, 27 - зеркала; 25 - ажурная решетка; 26 - ручка от зеркала; 28 - кунин; 29, 30, 32 - ножи; 31 - свистильник; 1-14, 29, 30, 32 - железо; 16-20, 22-28, 31 - бронза.

Таблица 29. Пенджикент. Детали поясного набора и украшения. VII-VIII вв.

1-8 - пряжки; 9-14, 17-21, 28 - накладные блинчики; 15, 16, 22, 23, 26, 27, 29, 30 - переносные палочкочки; 24, 25 - пряжки (изд с двух сторон); 31, 32 - "шампурочки"; 33, 40 - бракетты; 34, 35, 49, 50, 52, 60 - перстни с изображениями на шпильке; 36-38, 45, 46 - серьги; 39 - амулет;

ладьячки; 41 - печать и оттиски с нее; 42 - бубенчик; 43, 44 - украшения шовки (шпа); 47, 48 - мушкетка; 51 - кольцо с эмалью; 54 - палец; 55 - шпатель; 56 - ведро; 57-59 - килемы; 1, 32, 34, 35, 37, 39, 42, 50, 52, 53, 58, 60 - бронза; 33, 36, 40 - золото; 41 - камень; 51, 54 - серебро.

Таблица 30. Неолитический. Терракоты

1, 8, 11 – бык; авторитетом которого является персонаж, возможно “Валунга”; 2, 7, 12(13) – “Сроти”; 3, 8, 9, 15 – божества с кифарий или доройс; 4, 10 – богины в истеме Африки; 5 – всадник; 14–16, 20, 21, 23 – демоны;

чешские существа с змеиными ногами; 17, 18 – бардавички; 19 – бык в трех зубцах; 22 – Нана, сделанная на месте; 1–4, 6–23 – VI–VII вв.; 3 – VIII в.; 17, 18 – V в.

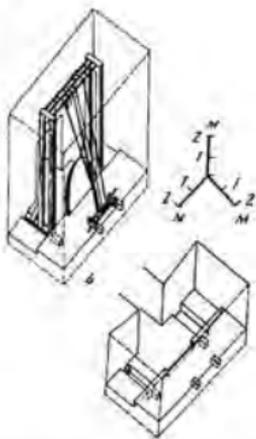
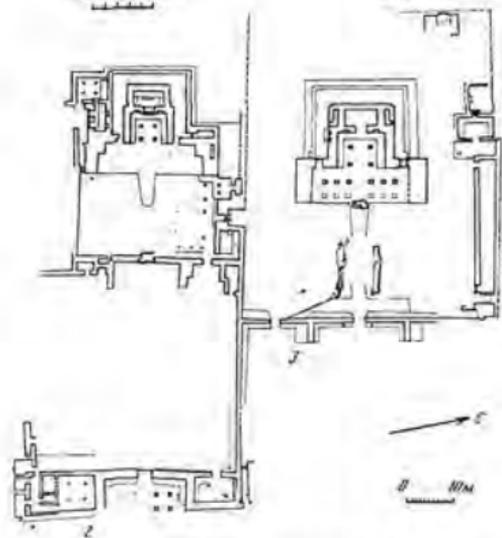

Таблица 31. Пездескент. Храмы и распределение культовых изображений

1 — архитектурный и культовый изображения в охвате 1а — храмовый комплекс; 1б — охвотом 1а; 1в — охвотом 1а; 1г — охвотом 1а; 1д — охвотом 1а; 1е — охвотом 1а; 1ж — охвотом 1а; 1з — охвотом 1а; 1и — охвотом 1а; 1к — охвотом 1а; 2 — архитектурный и культовый изображения в охвате 2а — храмовый комплекс; 2б — охвотом 2а; 2в — охвотом 2а; 2г — охвотом 2а; 2д — охвотом 2а; 2е — охвотом 2а; 2ж — охвотом 2а; 2з — охвотом 2а; 2и — охвотом 2а; 2к — охвотом 2а.

культовый изображения Шивы, 2 — охвотом 2а; 2б — охвотом 2а; 2в — охвотом 2а; 2г — охвотом 2а; 2д — охвотом 2а; 2е — охвотом 2а; 2ж — охвотом 2а; 2з — охвотом 2а; 2и — охвотом 2а; 2к — охвотом 2а.

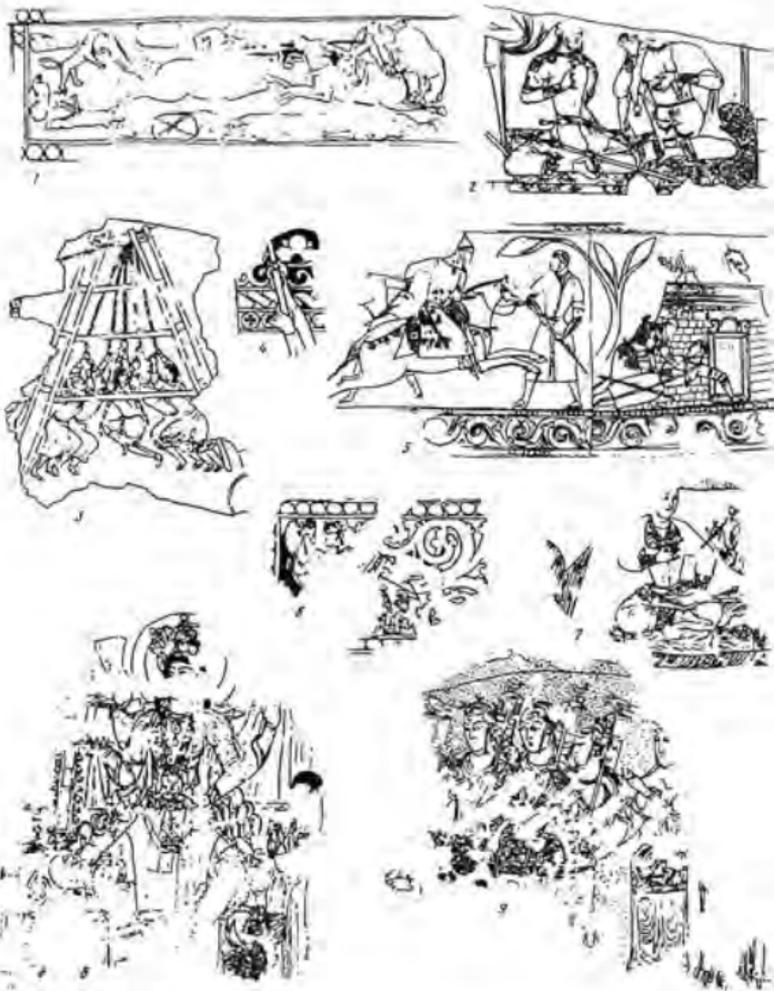

Таблица 32. Педжамент. Живинис.

1 – сцена в старе, вероятно шествие в честь бога и лавры (объект VI, пометки 41); 2 – аналогичная сцена (объект XXI, пометки 4); 3 – сцена сцены, шествия, дворца, тронной зал (сцена сцены VIII в.); 4 – аналогичная сцена (объект XX, пометки 1); 5 – сцена

на объекте XXIV, Амос, (пометки 7); 6 – сцена сцены (объект I, пометки 4); 7 – сцена (объект I, пометки 4); 8 – сцена (объект I, пометки 4); 9 – сцена (объект I, пометки 4); 10 – сцена (объект I, пометки 4).

Таблица 33. Пенджикент. Живопись.

1 — план здания (объект XXV); 2 — изображение 28, вид с юга. Реконструкция; 3 — роспись восточной стены (помещение 2, объект XXIV); 4 —

южная стена; 5 — злато урожая и шир (обвертка стены помещения 28, объект XXV). Первая половина VIII в.

Упаковка 34. Живопись и резное дерево Пенджикента
 1 - факсимиле, резное дерево, 2 - фото с правого. Реконструкция;
 3 - инкрустация. Кувалы на северной стене, высота 28 (см) (таб. XXV),
 Период VI тысяч лет до н.э.

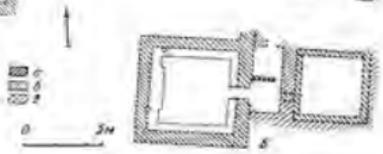
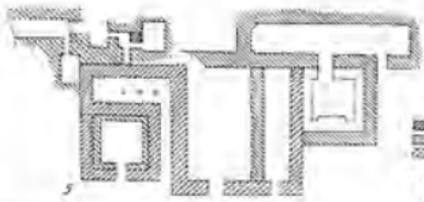

Таблица 35. Железные Самарканд

1 - план крепости; 2 - план крепости; 3 - план крепости; 4 - план крепости; 5 - план крепости; 6 - план крепости

— граница крепости; — граница крепости; — граница крепости; — граница крепости

Таблица 36. Огюварин Сигда

1, 3, 6, 7, 12, 13, 16 - Самарканд; 2 - Мушкуртан; 4 - Бухария; 5 - Пенджикент; 8 - Стрелов; 9, 10 - Самарканд; 11 - Туркменция; 12 -

Ушкент; 14 - Хорезм; 1-12, 15, 16 - Самаркандский (10 и 11 - М. - Южный Сил).

Таблица 37. Поселение Чачи

1 - чаша у савицекама, Мисурин; 2 - Туркучувица; 3 - Туркучувица; 4 - Кулятеп; 5 - Папурган; 6 - Кулятеп; 7 - Папуган; 8 - Мисурин; 9 - Шахмурган

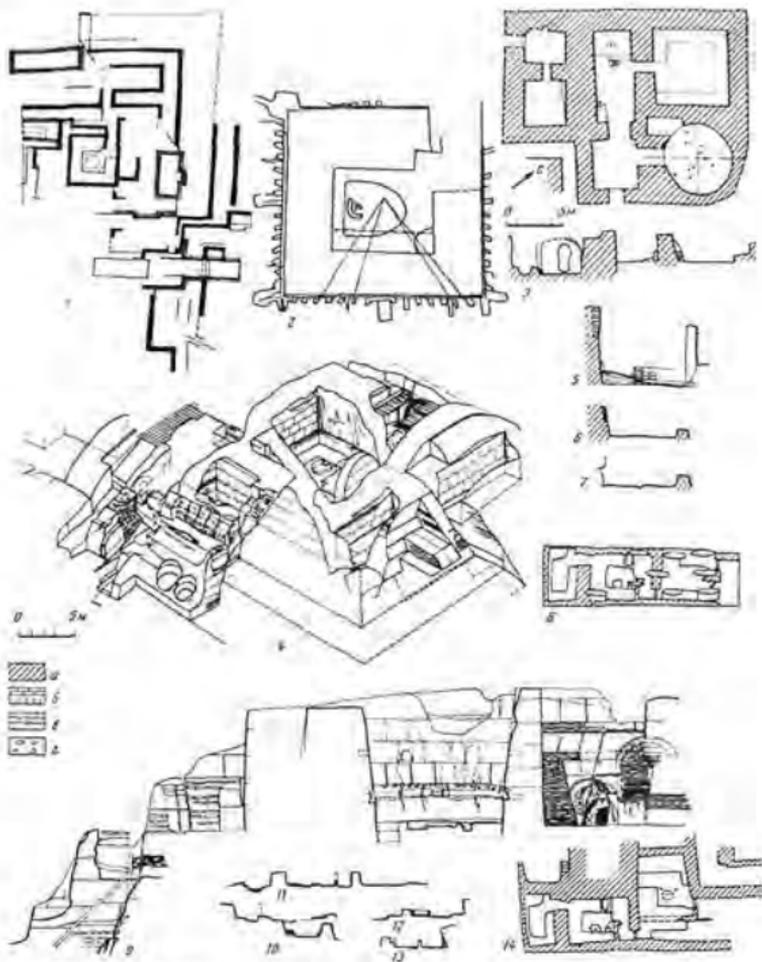

Таблица 38. Кизки. План и разрезы

1 — план; 2 — разрез апсиды; 3 — разрез в базиликальном; 4 — разрез в апсиде; 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 — разрез по разной высоте пола.

15 — разрез III и IV этажей; 16 — комбинационный разрез (разрез по высоте) над базиликальным; 17 — разрез по высоте базиликального корпуса; 18 — разрез по высоте базиликального корпуса; 19 — разрез.

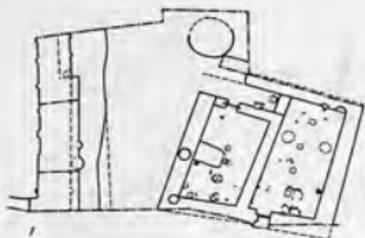

Таблица 39. Канка

1 — план храма; 2—14 — буллы из храма

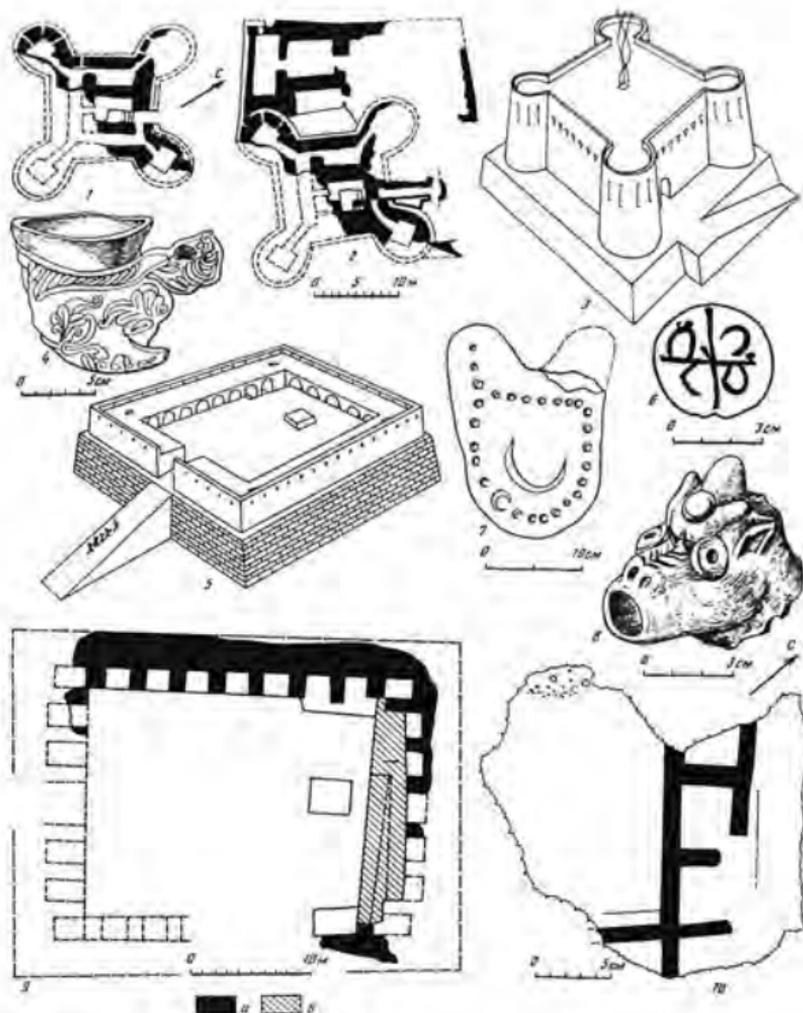

Таблица 40. Разносредневековые культовые памятники Бирскета

1 - план Актепе (Челябинская область, северный округ); 2 - план Актепе (Челябинская область, северный округ); 3 - Актепе. Реконструкция храма террасно-перимета; 4 - ритон VIII в. из Камбика; 5 - Актепе (Челябинская область, северный округ). Реконструкция храма, второго перимета; 6 - амulet V-VI вв.; 7 - Актепе, ритуальный вазончик в виде рогов быка; 8 - Актепе,

ство в виде рогов быка; 9 - Актепе (Челябинская область, северный округ). План храма VII-VIII вв.; 10 - Кушангутае. План культовой площадки; 11 - стены и старинные кирпичи, восточной и третьей периметры; 12 - стены восточной периметра.

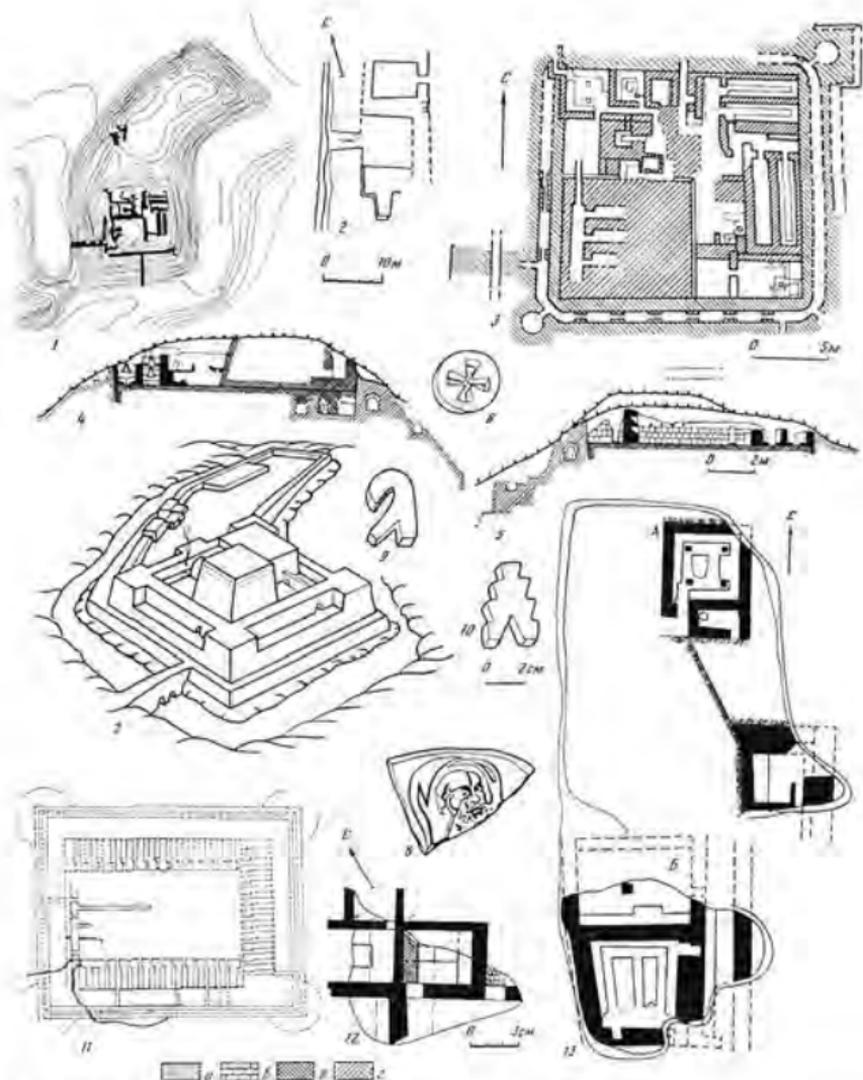

Таблица 41. Раннесредневековые памятники Брестского края

1 - Акхиле Вудубадок. V-VIII вв., 2 - ворота усадьбы; 3 - усадьба; 4 - 5 - фрагменты здания; 6, 9, 10 - элементы архитектурного декора; 7 - Акхиле, фрагменты северной и восточной стенок; 8 - северная и восточная стенок; 11 - Храм святого Николая; 12 - Митуринка.

(Усадьба и акхиле не в масштабе) 11 - Митуринка. План северной VII-VIII вв. (А - дворик, В - дворовый корпус, а - стены и палисады, дворовый корпус); б - стены и дворовый корпус; в - северная и восточная стенок; г - остатки северной и восточной стенок.

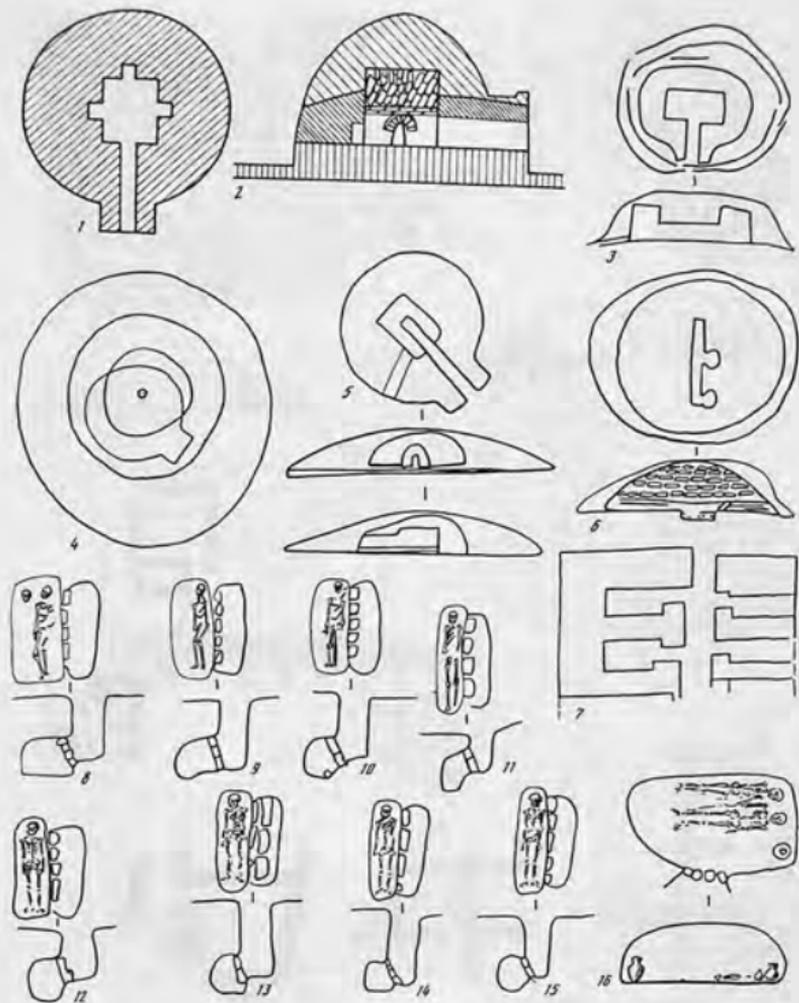

Таблица 42. Погребальные памятники Чача

1-7 - планы мавзолеев; 8-16 - планы захоронений в подбоях

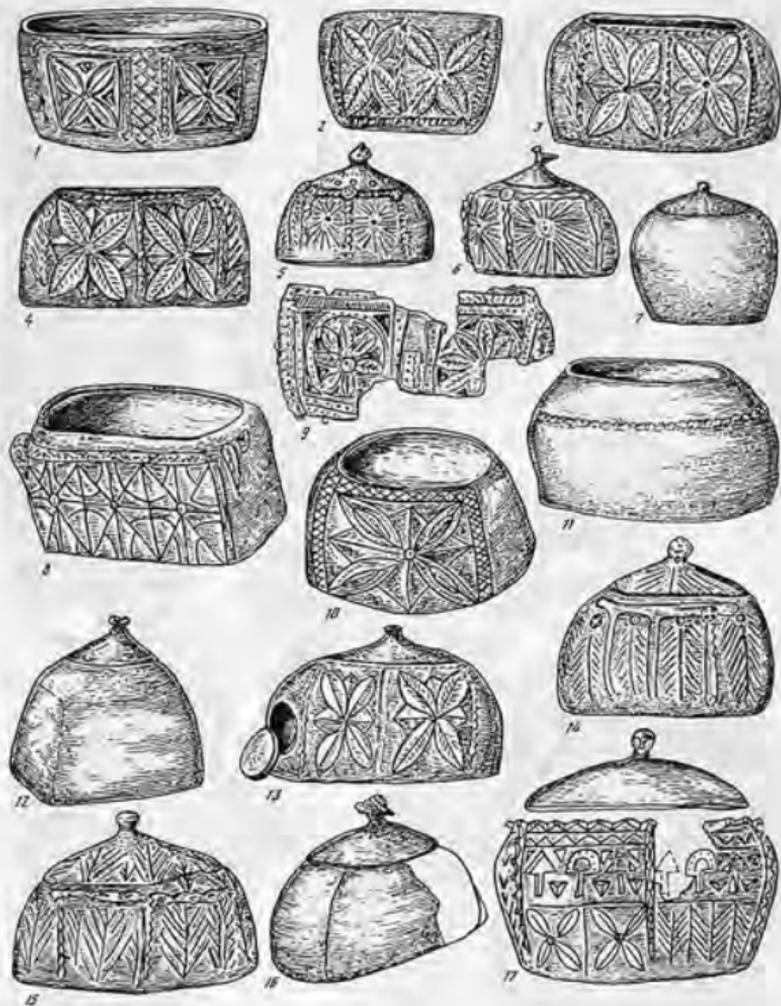

Таблица 43. Декоративная керамика

1, 4, 9, 11, 13, 15 - Костромская; 2 - Астраханская; 3, 10 - Новгородская; 12, 16 - Псковская; 14 - Новгородская; 17 - Новгородская; 18 - Новгородская.

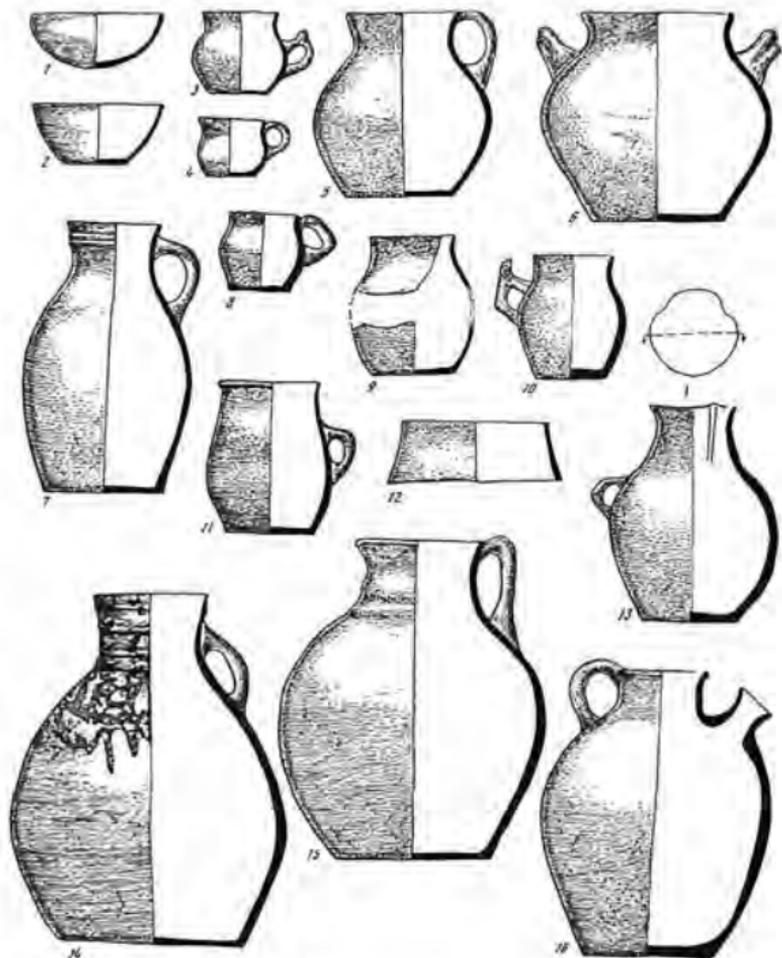

Таблица 44. Керамика из могильников Мача

1-3 - захоронение 1, Капардзи; 4-10 - захоронение 2, Капардзи;
11-16 - Кривые

Таблица 45. Искусство раннебронзового Чая

1 — бронзовая пластина с изображениями жриц. Толкубо; 2, 3, 6, 8, 10 — терракоты из Чая, 4 — бронзовая пластина с изображением всадника, 5 — каменная пластина из Толкубо; 7 — медальон

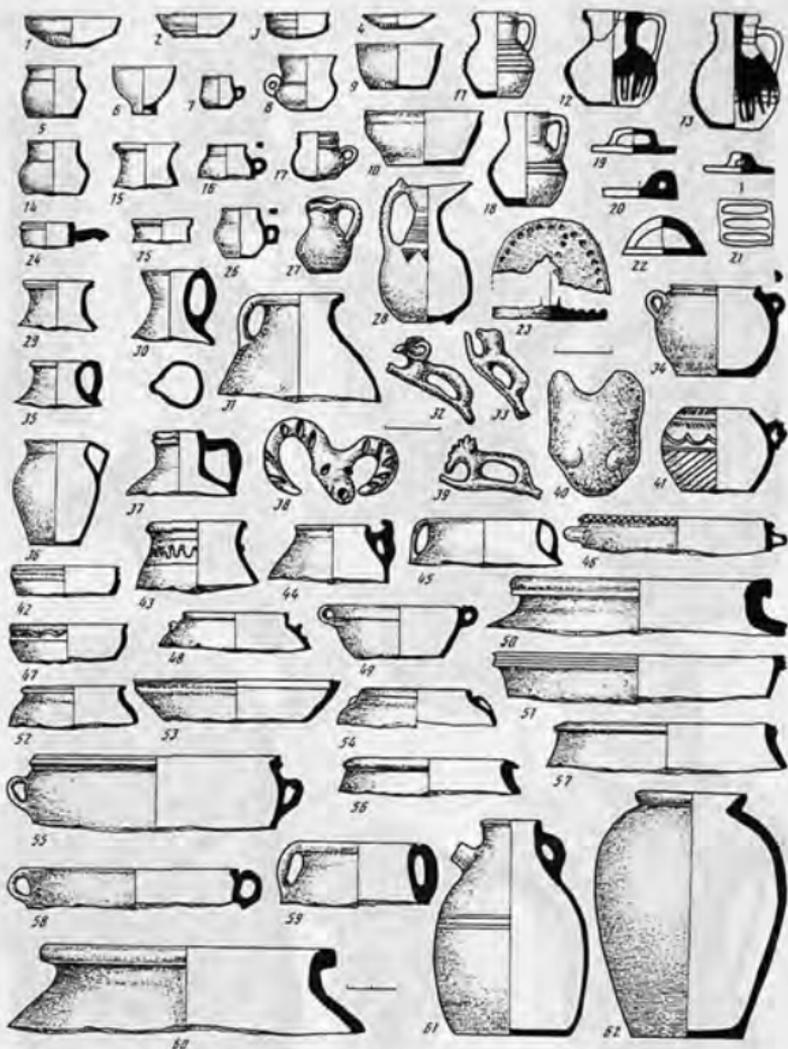

Таблица 46. Керамика из Чича и Слава

1-4, 9, 10, 42, 46, 47, 49 - чашы; 5, 14 - небольшие горшочки; 6 - кубок;
7, 8, 16, 17, 26 - кружки; 11-13, 15, 18, 24, 25, 27-31, 35, 37, 43, 61 - кувшины;
19-21 - крышки; 32, 33, 39 - зооморфные ручки сосудов; 34, 36, 41,

44, 45, 48, 52, 54, 59 - горшки; 38 - зооморфный слес; 40 - отжатая поставка;
51, 53, 55, 58 - тагары; 50, 56, 57, 60, 62 - хумы

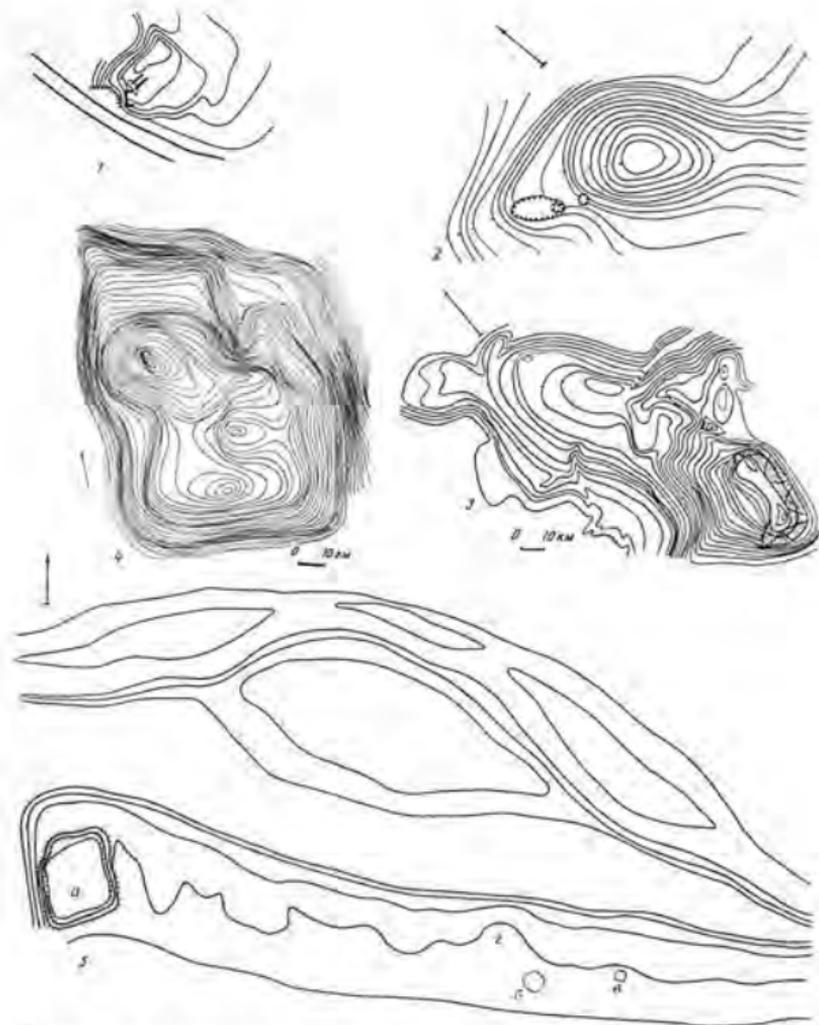

Таблица 47. Фергана, планы поселений

1 - Бешкент, 2 - Мурғул, 3 - Тешкент, 4 - Кайратг, усадьба 1 - Кайратг. План поселения: а - усадьба, б - колодезь, с - бассейн, z - дамбирование в пойму

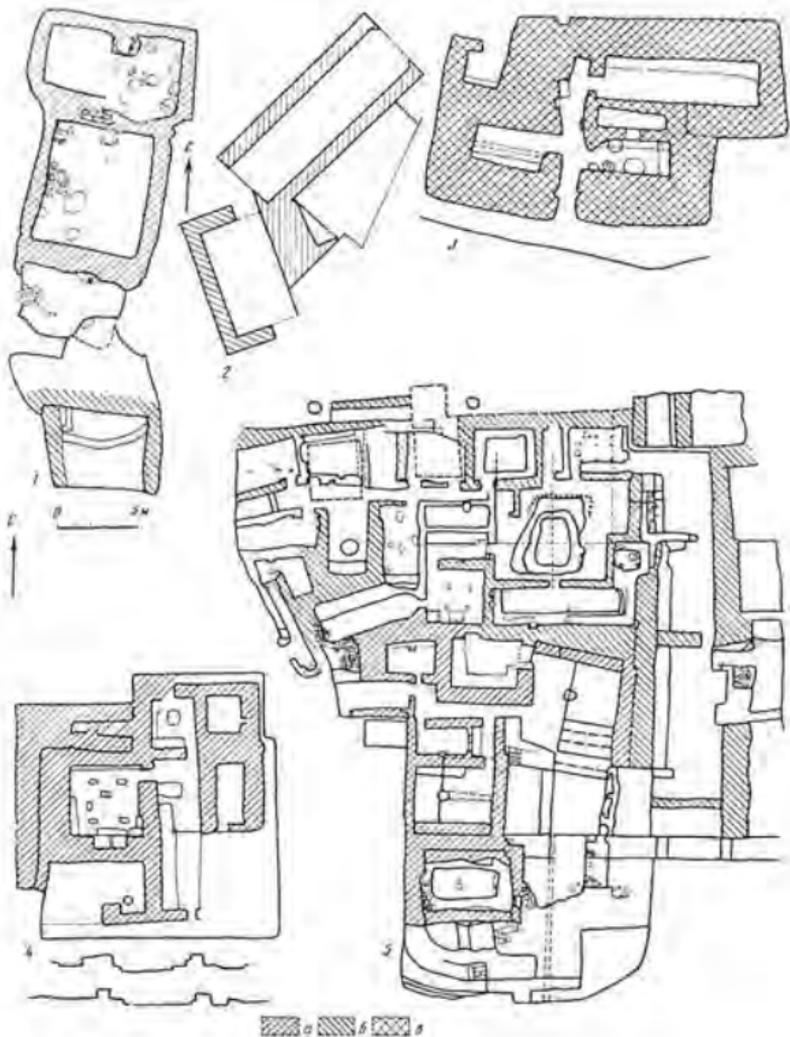
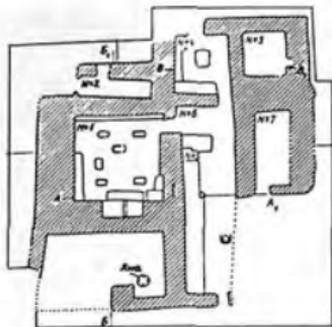

Таблица 48. Юго-Западная Фортификац. Планы сооружений

1 — Дакот; 2 — Бельвет; 3 — Карабулак, шлюз; 4 — Майдан; 5 — западный план усадьбы Кабулганчи — сооружения верхней строитель-

ного горизонта; б — сооружения нижней строительного горизонта с вертикальными кирпичами; в — стены из шапковых камней.

1

2

3

4

Таблица 49. Городище Майдатене

1 – план храма; 2 – вид на город с севера; 3 – центральный зал, вид с севера; 4 – центральный зал, вид с юго-востока

1

3

2

4

5

6

Таблица 50. Карабулак

1 – вид с юга; 2 – кладовая, вид с востока; 3, 6 – очаги в коридоре; 4 – вид с востока; 5 – центральное помещение, вид с востока

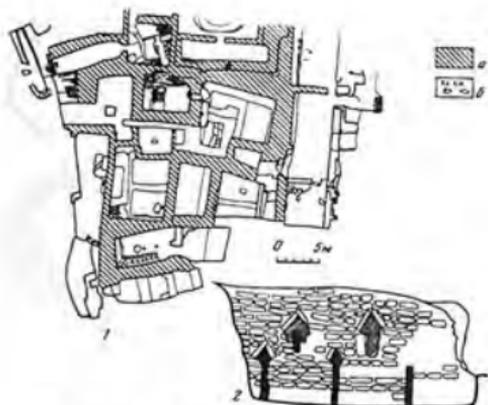

Таблица 51. Кайрагач. Сооружения нижнего строительного горизонта

1 - план обнаруженных нижнего строительного горизонта на верхней площадке; 2 - стена с бойницами; 3 - стена с бойницами в комнате 7; 4 - помещения 1, вид с юга; 5 - помещения 6, северная стена; 6 - вид с

севера на открытые сооружения; а - сооружения нижнего строительного горизонта; б - кладка стены из сырцовых кирпичей

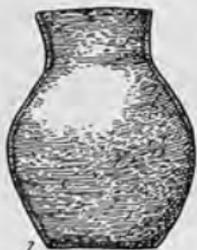

Таблица 52. Касан
 1 - вид на городище; 2 - план города; 3-12 - сосуды с городища Касан

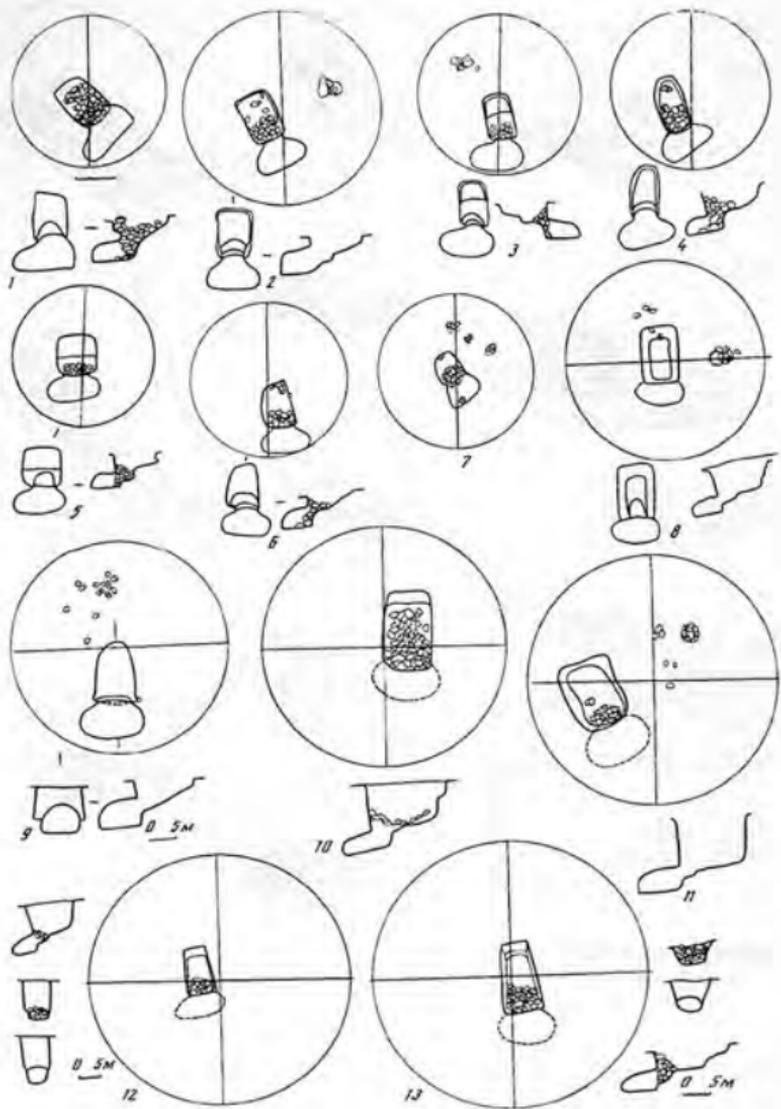

Таблица 53. Могильник Таширавай VIII
1-13 - курачки. Планы и разрезы

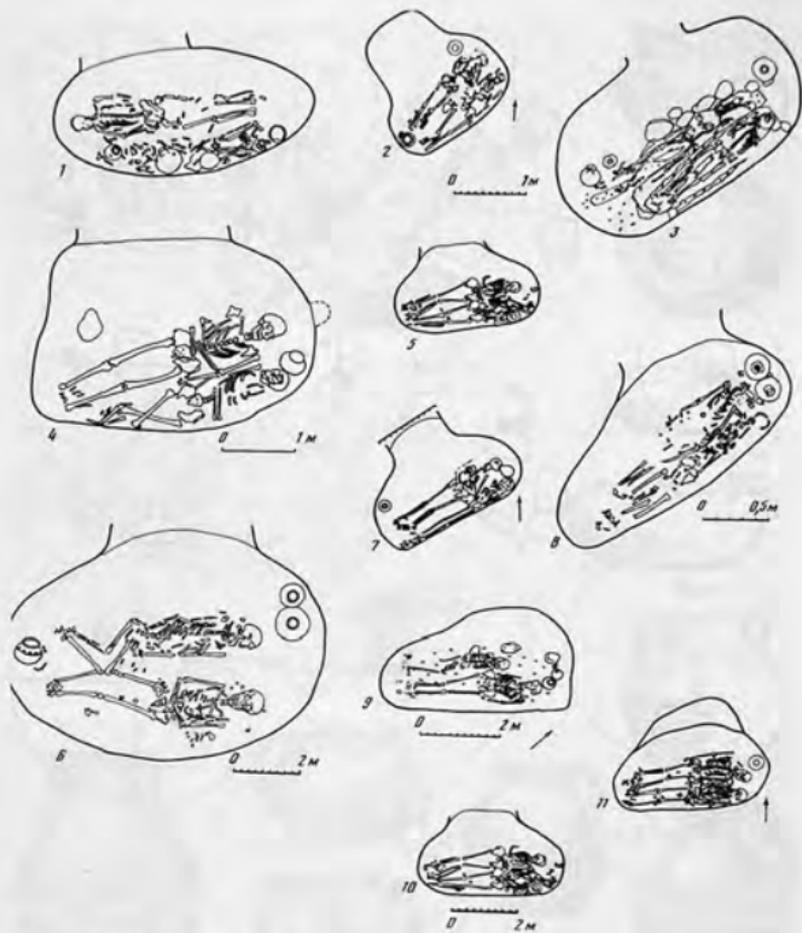

Таблица 54. Курганы Ташавата

1-11 – катакомбы с парциальными захоронениями

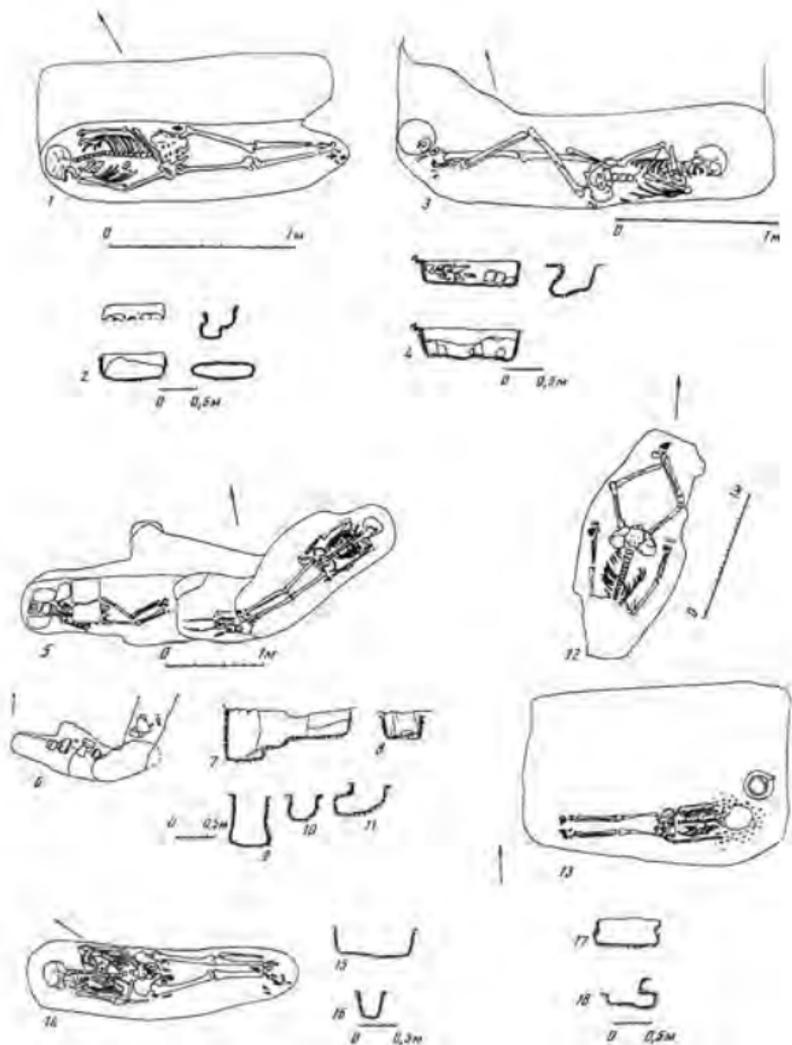

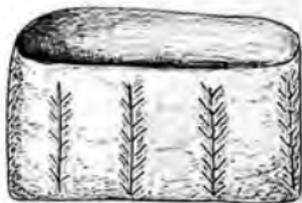
Таблица 56. Кайрагачи. Некрополь поселения

1-18 - захоронения в погребках. Планы и разрезы.

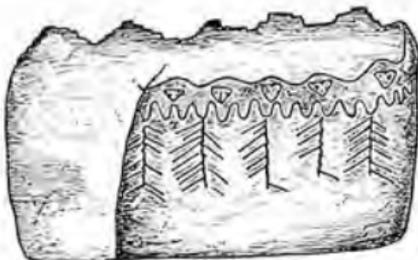

1

0 10 cm

2

3

0 10 cm

4

5

6

7

Таблица 57. Оссуарии из Ферганы

1 - Дурьбегонь; 2, 3, 6 - Мурчактеле; 4 - миналики Шай (Северная Фергана); 5 - джизна Ады (Центральная Фергана); 7 - Кайрат, шаг 2

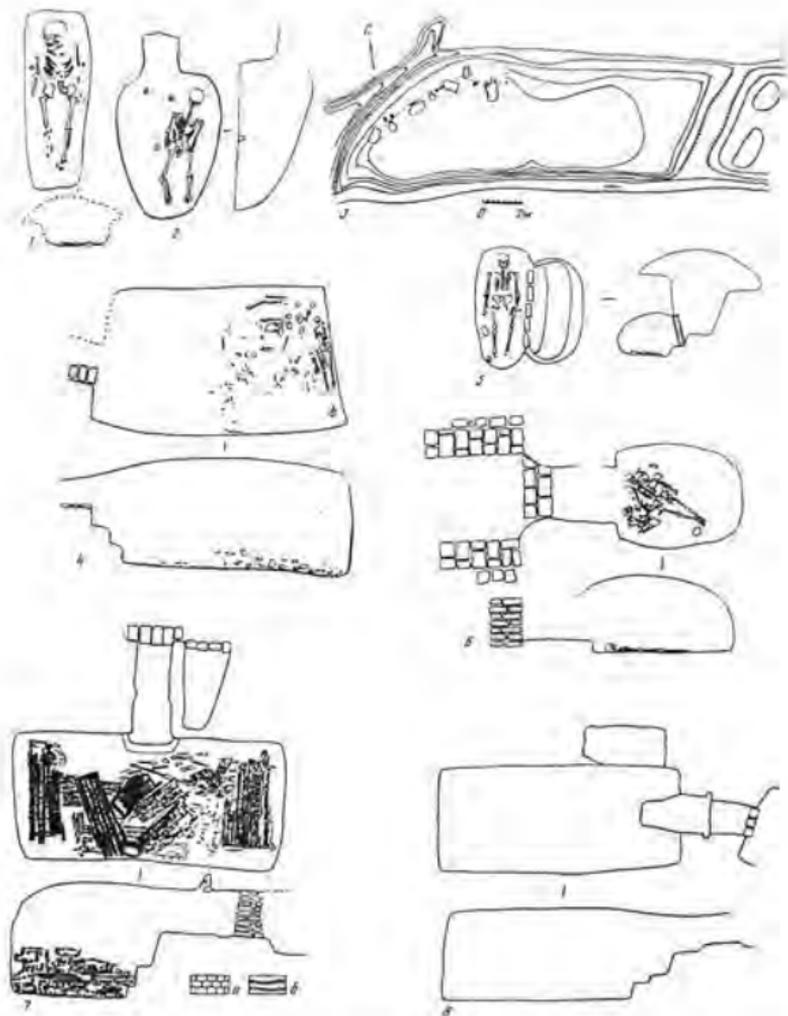

Таблица 58. Музхактене. Захоронения в скеллах и подбойк

1, 2, 5 — захоронения в подбойк; 3 — пещера с различными скеллами;
 4 — скелл IV; 6, 8 — скеллы; 7 — скелл с остатками керамики

грибок а — чашка встав в скелл с разными скеллами;
 б — труба из камня

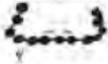
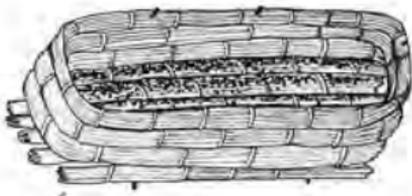

Таблица 59. Мумификация

1-3 - мумификация в Ливийском Египте, 4-7 - мумификация в других странах

Таблица 60. Мушкетере. Изделия из дерева и камыша
 1-6 - гребни; 7 - колодка для обуви; 8-11 - блюда; 12 - столик
 для разделки теста; 13, 14 - плетеные корзиночки; 1-12 - дере-
 во, 13, 14 - камыш

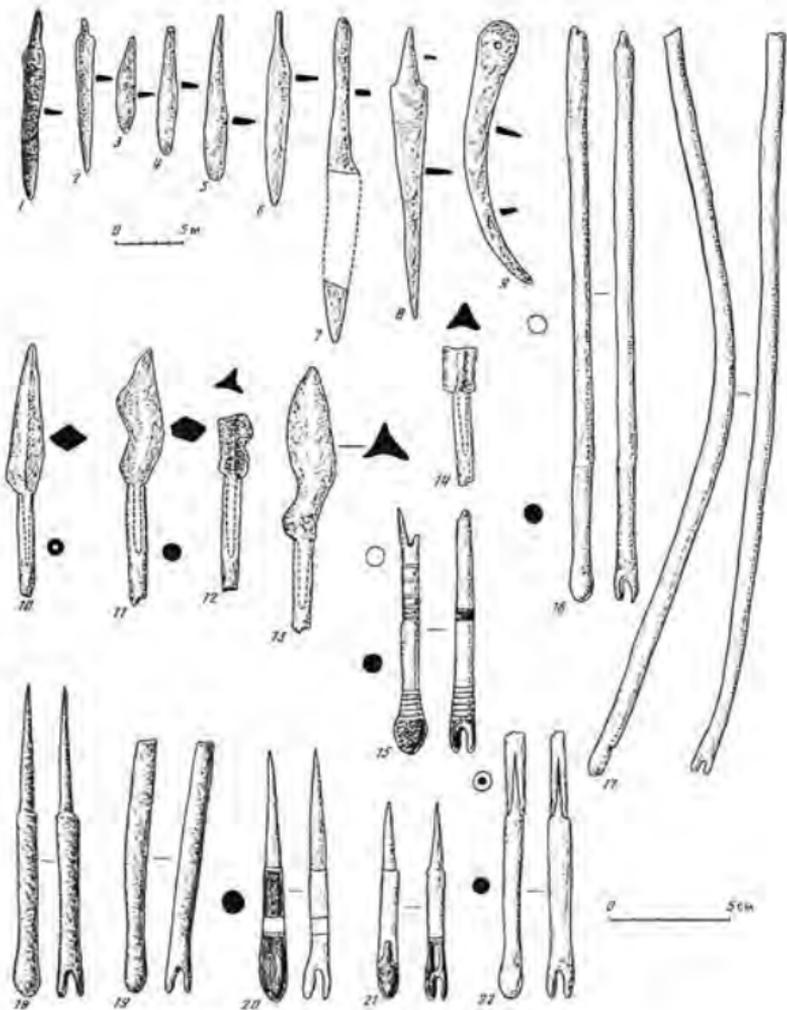

Таблица 61. Мушчанскіс, Орудзі гэта і оружэ

1-4 - шыпкі, 10-13 - жалезныя паліцэпныя сірэжы, 15, 22 -
 дрэвяныя шыпкі (з вяселінай паліцэпай)

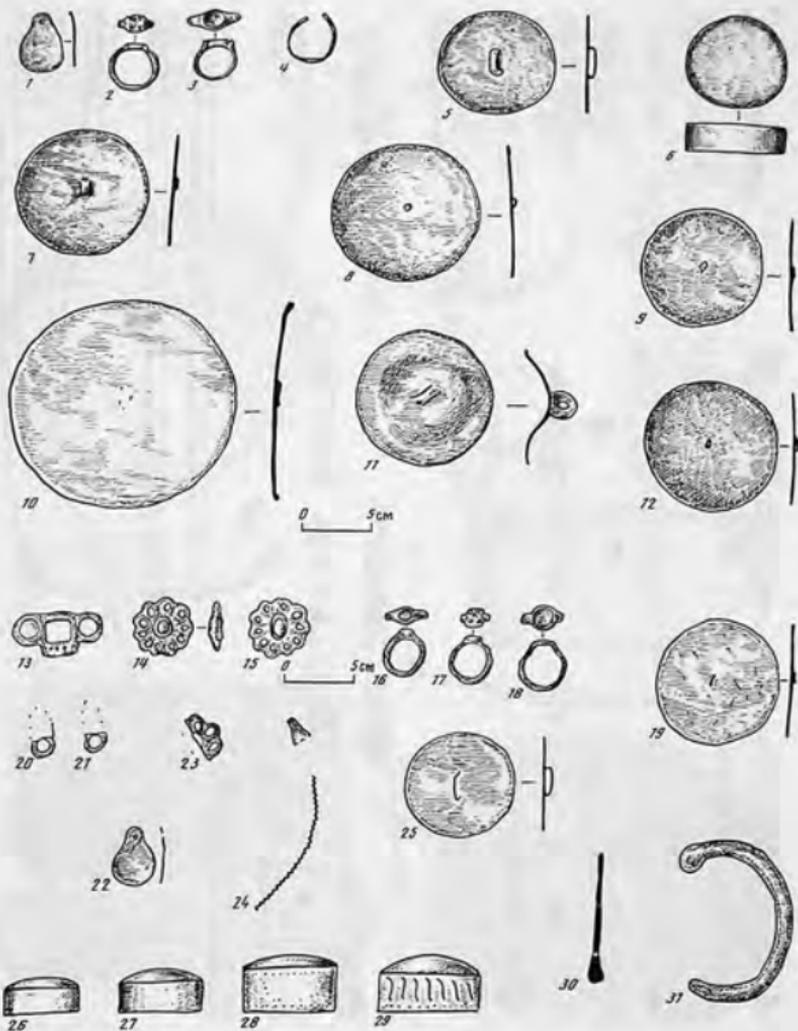

Таблица 62. Мунхакхете. Украшения и предметы туалета из склепов

1, 22 – шпунгеты; 2, 3, 16–18 – перстни; 4 – серьга; 5 – зеркало; 6, 26–29 – коробочки; 7, 8, 9–12, 19, 25 – зеркала; 13–15, 20, 21, 23, 24 – прядьсы; 30 – копушка; 31 – браслет

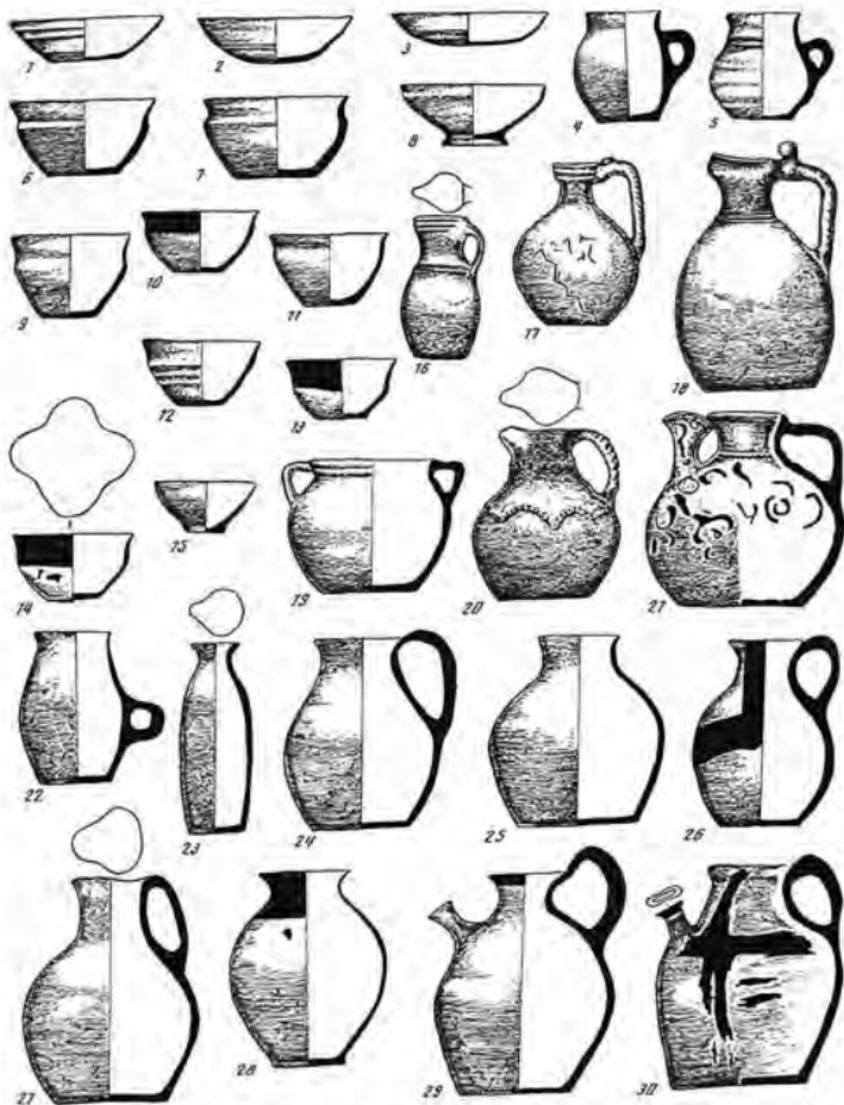

Таблица 63. Музчактене. Керамика из скелета
 1-5, 6, 15 — чинии; 4, 5, 16-18, 20-30 — кувичици; 19 — тортиок

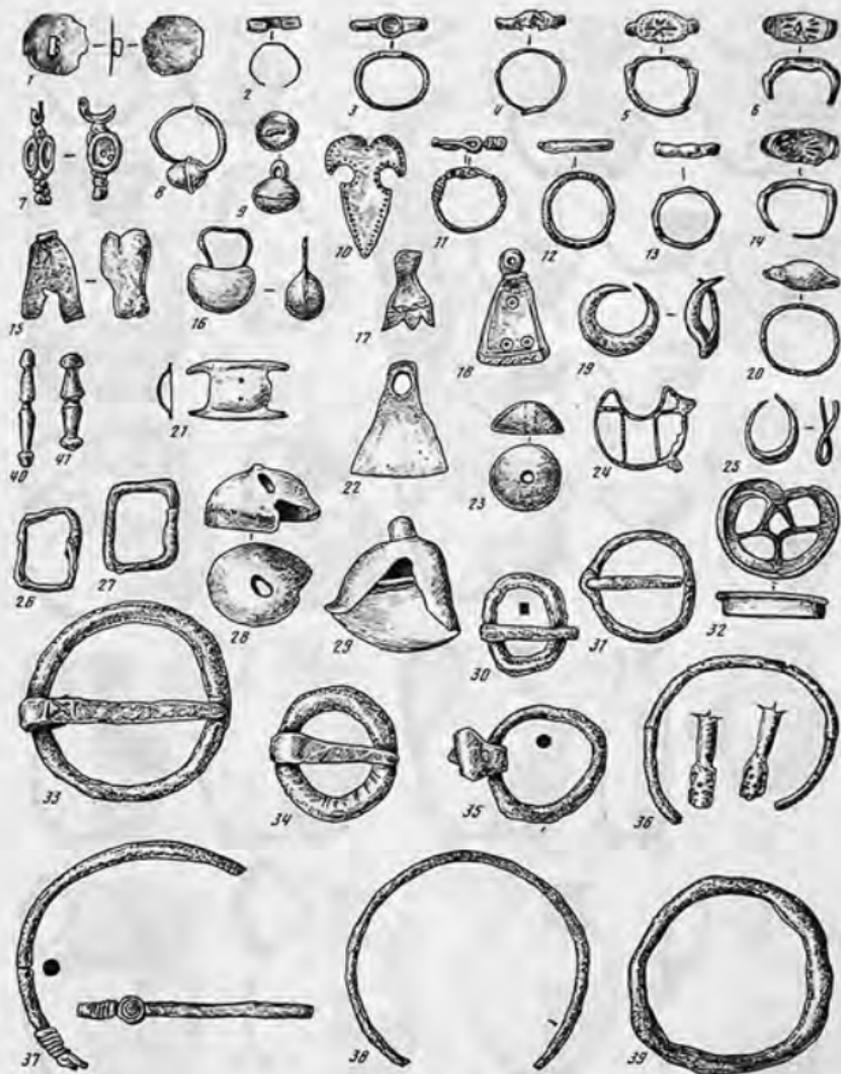

Таблица 64. Металлические украшения и предметы туалета из Юго-Западной Ферганы

1 - зеркало; 2-6, 11-14, 20 - перстни; 7, 8, 15, 16, 19, 25 - серьги;
 9 - бубенчик; 10 - пластина; 17, 18, 22, 23, 28, 29 - колокольчики; 24,
 32 - привески со стеклянными вставками; 21, 26, 27, 30, 31, 33-

35 - пряжки; 36-39 - браслеты; 40, 41 - застежки; 1-29, 32, 33, 36-38,
 40, 41 - бронза; 30, 31, 34, 35, 39 - железо

Таблица 65. Ритоны Ферганы

1, 2, 3, 5 - из усадьбы Каираган; 6 - из науса в Каирагане;
4 - из Актепе

Таблица 66. Кайрагач

1-5, 7 - тонкостенные сосуды; 6, 8 - курильницы

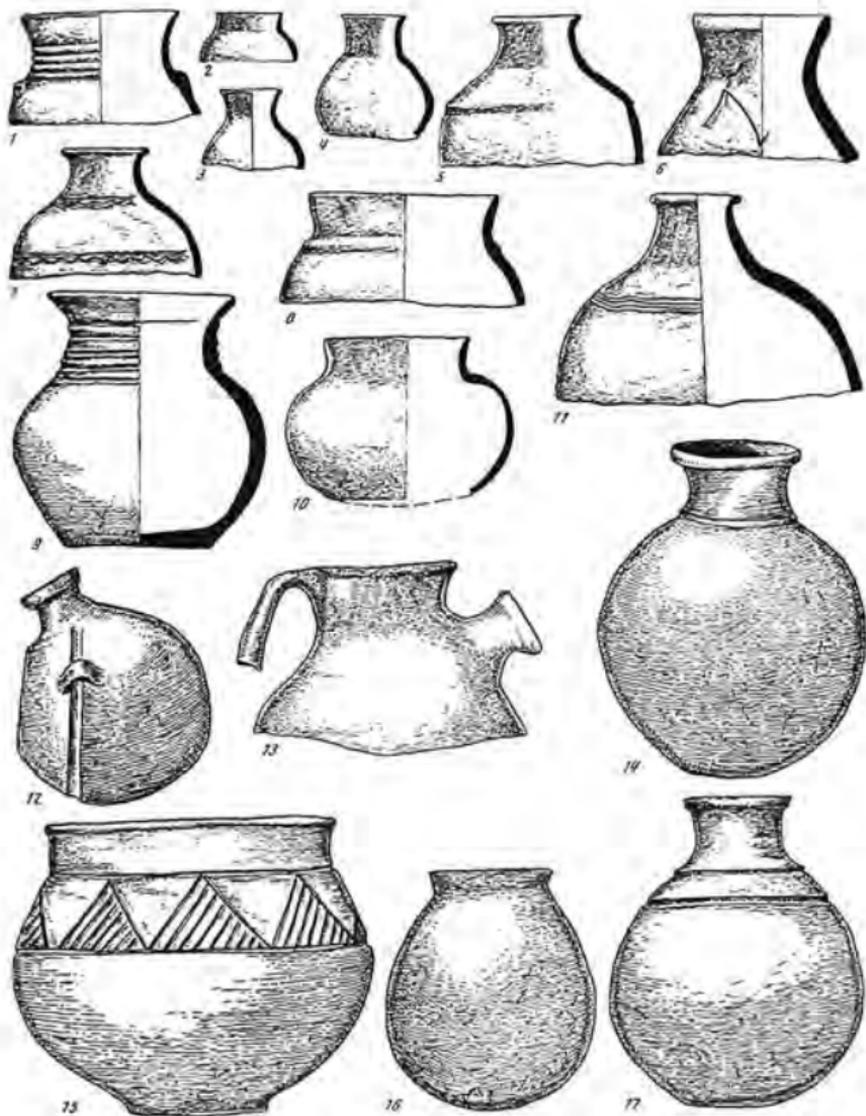

Таблица 67. Кайрагач. Керамика из павсов

1-11, 15 - из павса 1, 12, 14-17 - из павса 2

Таблица 68. Кайрагач. Лепные сосуды (1-13)

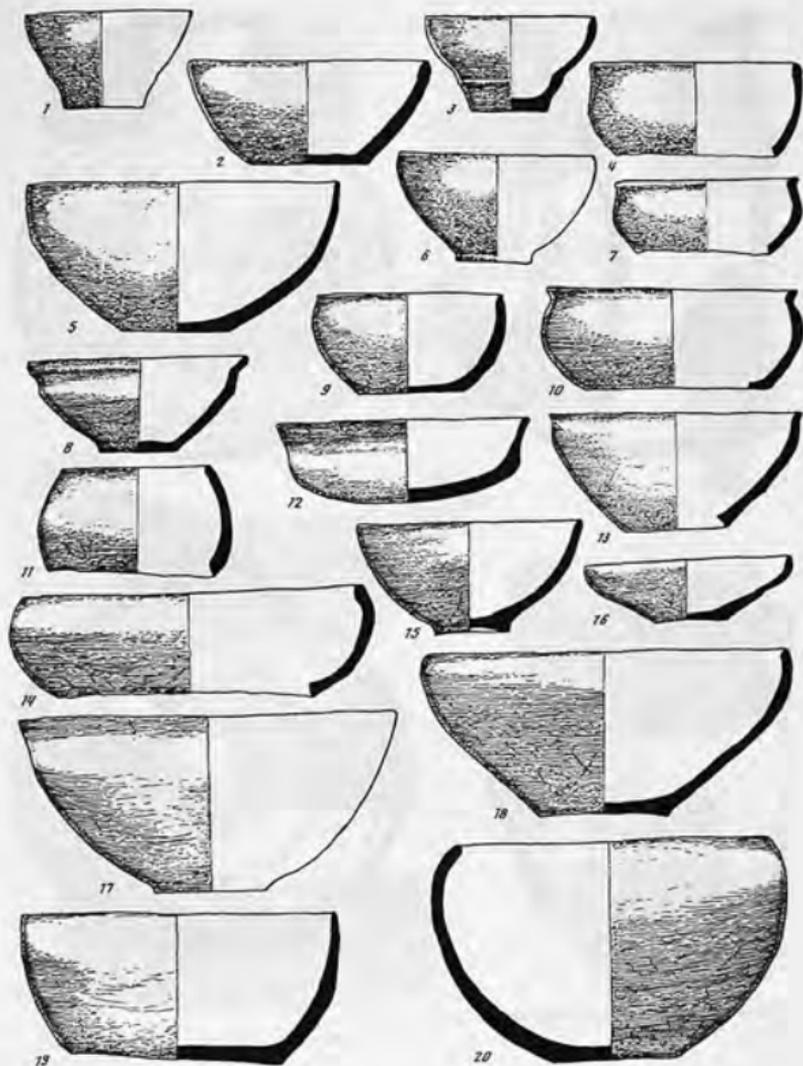
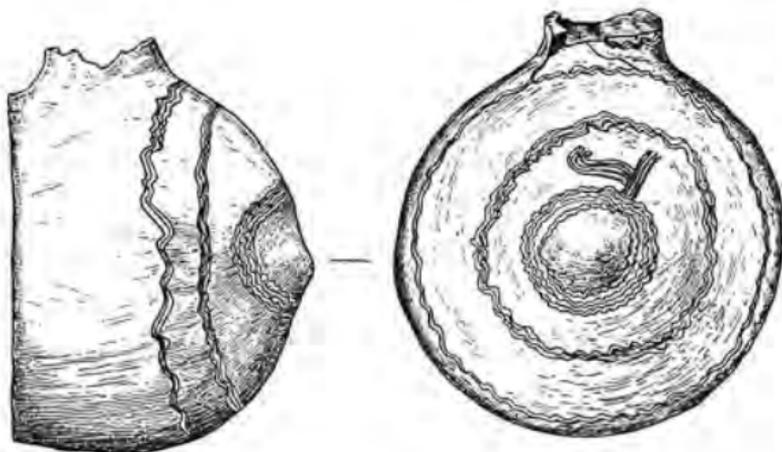

Таблица 69. Фергана. Чашы, миски (1-20)

1

2

Таблица 70. Фергана. Фосси из Катраичана (1, 2)

Таблица 71. Кайрагач. Очажные подставки (1-13)

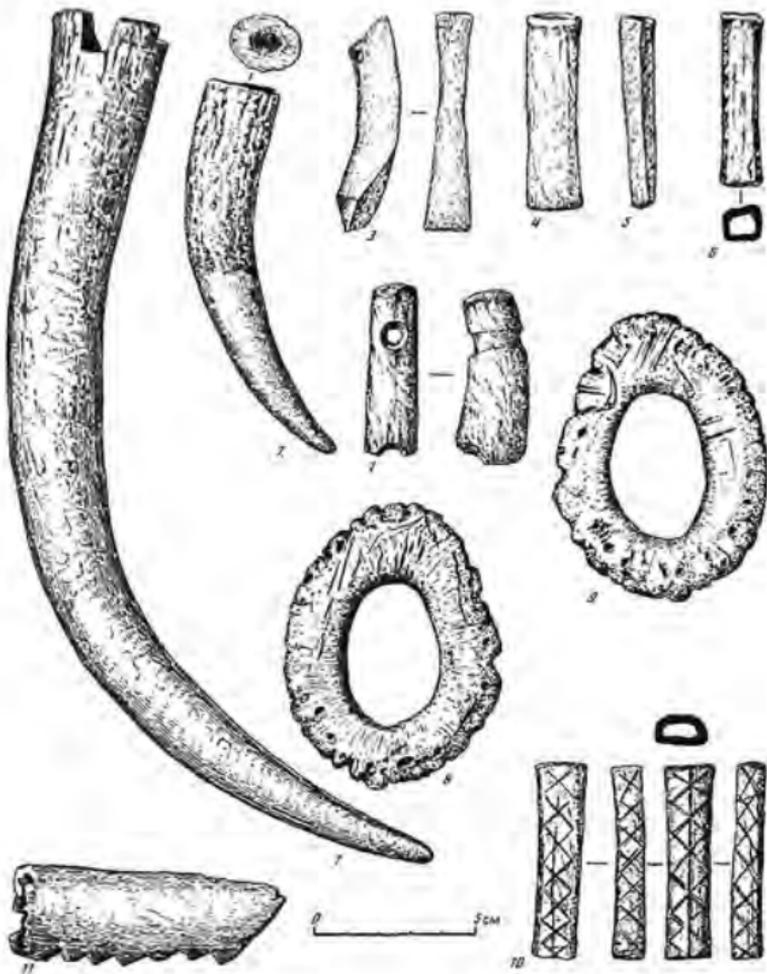

Таблица 72. Фергана. Изделия из кости и рога

1, 2 - выделки из рога; 3-6, 10 - выделка из кости; 7 - костяной резец; 8, 9 - выделка из позвонка острогой рыбы; 11 - костяной резец, примененный в ткачестве

Таблица 73. Кайрагач

1 – план святилища; 2 – план в помещении 2 и идолы в ней;
 7, 8, 12, 14 – идолы из святилища; 3-6, 10, 11, 13 – идолы из
 юши; 9 – идол, найденный среди развала керамики

Таблица 74. Фергана. Идолы из погребальных памятников

1, 5 - из курганов Воруха; 2, 3, 4 - из курганов Ташраата;
6 - из могильника Тураташ; 7 - из науса, Кайрагач

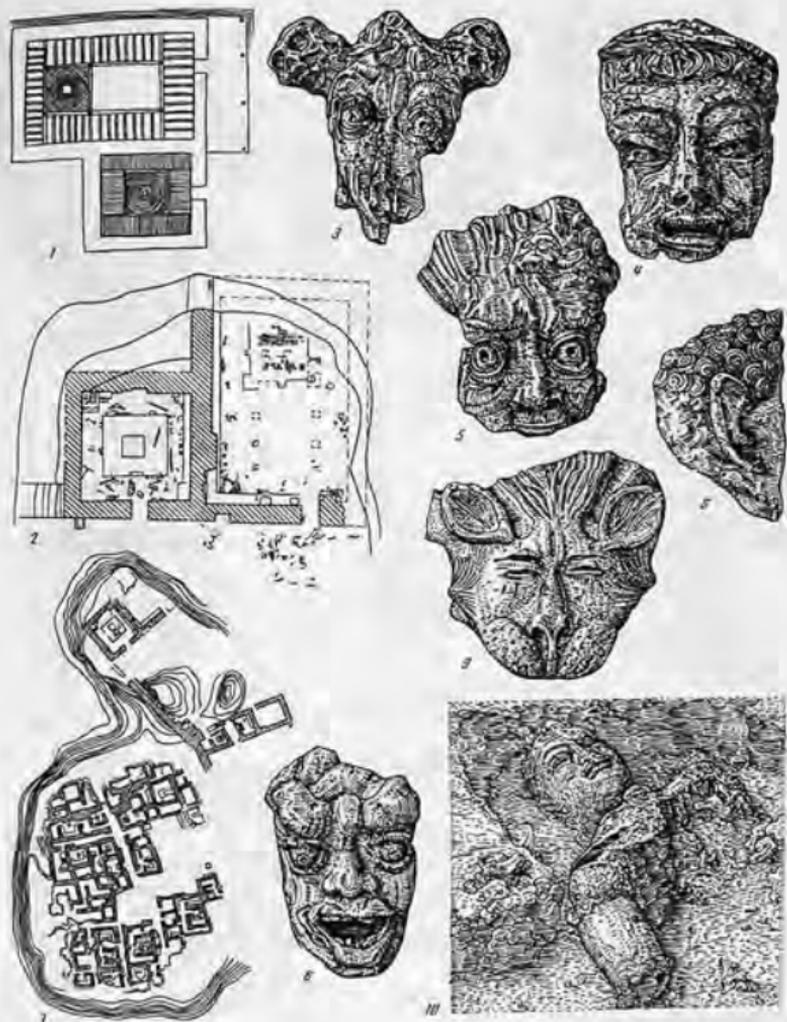

Таблица 75. Фергана. Буддийский храм в Куне

1, 2 - walls храма, 3 - жилой квартал, так расположен храм;
4-10 - Фигурки буддийской скульптуры из храма

Таблица 76. Устузшана

1 - схема расположения памятников в районе городища Калган Калхакка I и Калган Калхакка II (а - Калган Калхакка I, б - Калган Калхакка II, в - Калган Калхакка III, г - Тиревоэктеле, д - Чаллуэджара, е - Уртлуэргин); 2 - Калган Калхакка I. Реконструкция; 3 - Калган Калхакка I.

Топографический план; 4, 5, 6 - Калган Калхакка I. Реконструкция; 7 - Калган Калхакка III. План; 8 - Калган Калхакка II. План; 9 - Калган Калхакка II. План; 10 - Калган Калхакка II. Дворец

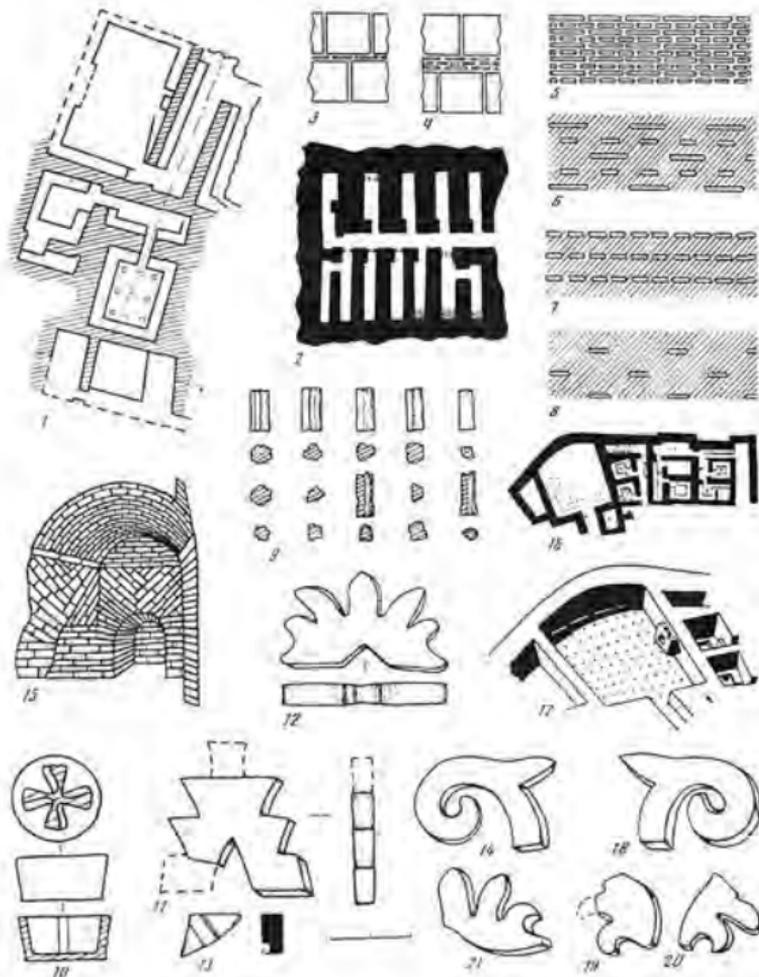

Таблица 77. Бүздәковскә

1 - Казан Казакка, өлкәдә У. Дини мәчете комплексы 2 - Казан Казакка I, кыргыч 3-7 - сирәктәлеккә юктурыны 8 - диндәр юктурыны, 9-14, 18-21 - диндәр архитектураны юктурыны, Казан

Казакка I, 75) (сирәктәлеккә юктурыны Казан Казакка I, 75 - Казан Казакка I, өлкәдә VI Ислам 17 - Казан Казакка I, диндәр юктурыны 18)

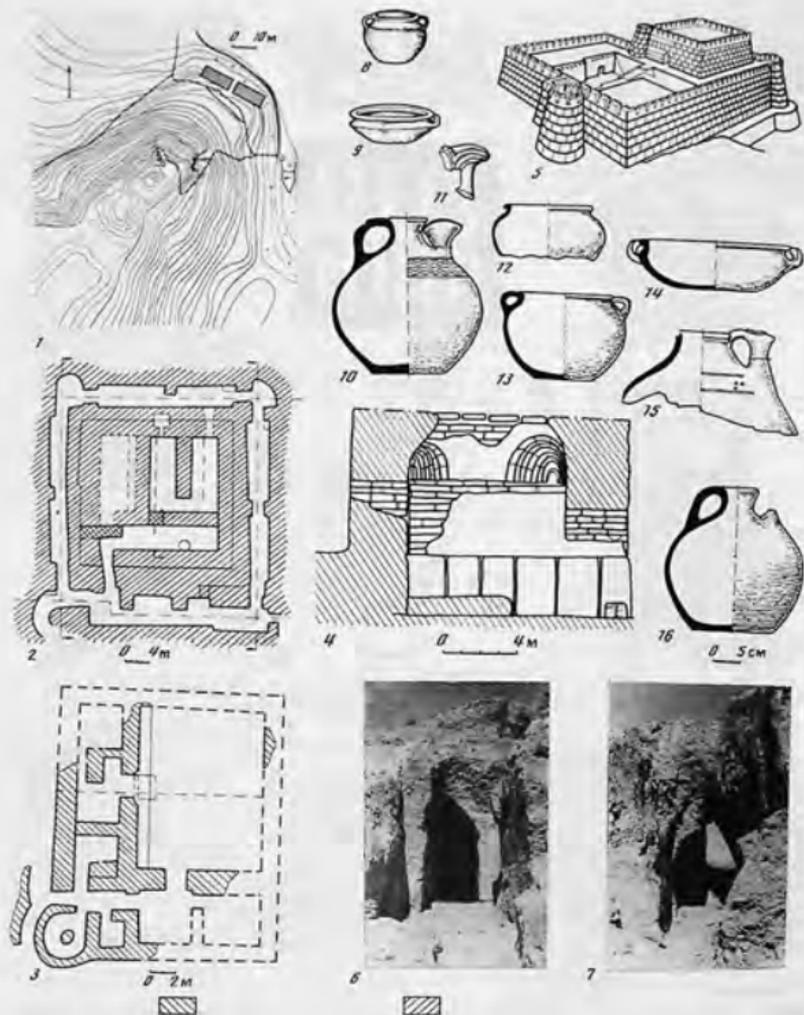

Таблица 78. Чильуджа

1 — план вала; 2, 3 — планы открытых сооружений; 4 — фасад стены с тропами; 5 — реконструкция замка; 6, 7 — входы в

коридоры; 8—16 — сосуды из замка; а — стены первого этажа; б — стены второго этажа

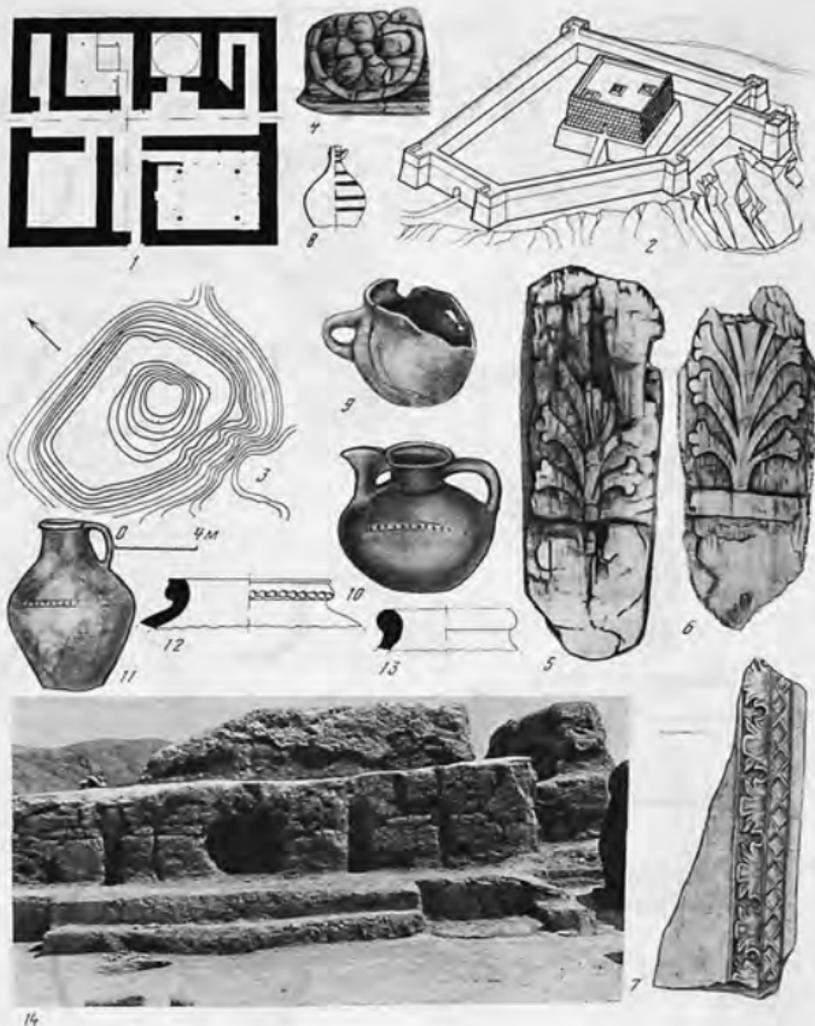

Таблица 79. Уртакурган

1 – план здания; 2 – реконструкция здания; 3 – план хижины;
 4-7 – резные деревянные панели; 8-13 – керамика из
 здания; 14 – вид на центральную суфу

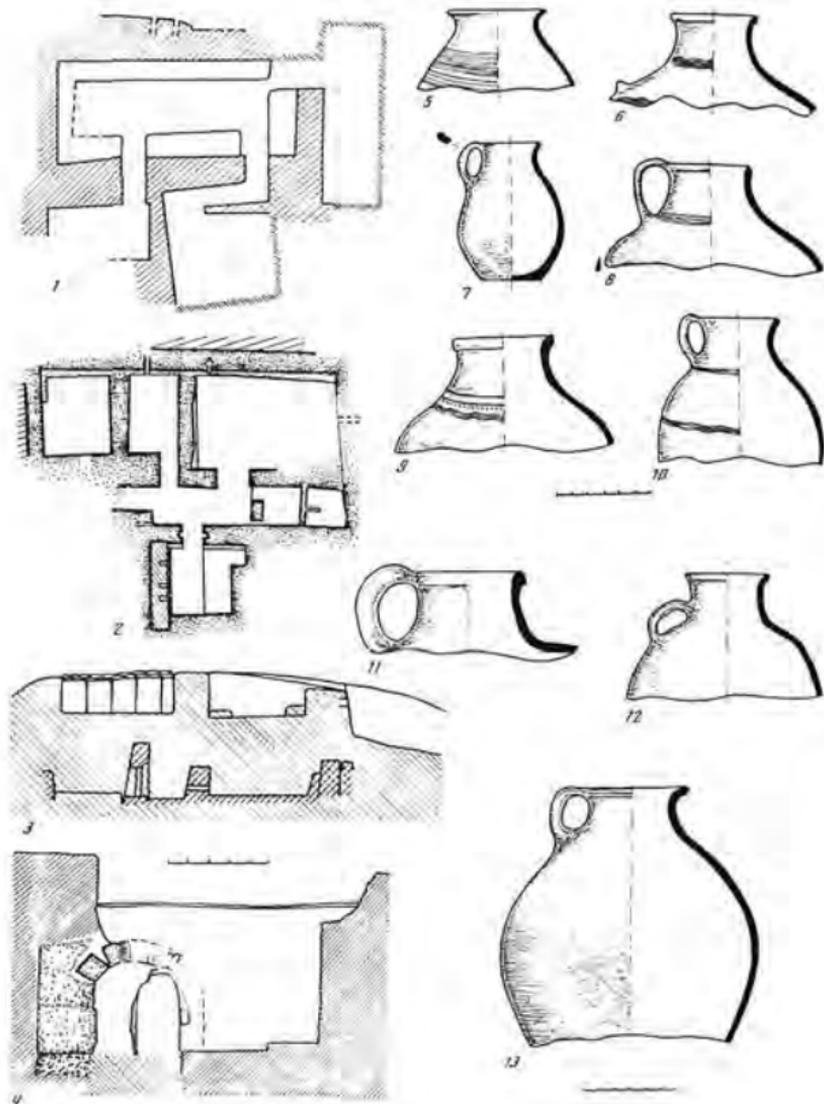

Таблица 80. Дунчатые

1, 2 - планы открытых сооружений; 3, 4 - разрезы; 5-13 - керамика из открытого сооружения

Таблица 81. Бунджикит, Калай Кяхкха I, Дворец афганов

1 - петригурский багник; 2 - уши в доспехах; 3 - уши с кольцом; 4, 6, 12 - лампа; 5, 8 - уши, срезающие из уха; 7, 9 - колесница; 10 -

пальца, инкарнационная деста; 11 - царь, восседающий на золотом троне

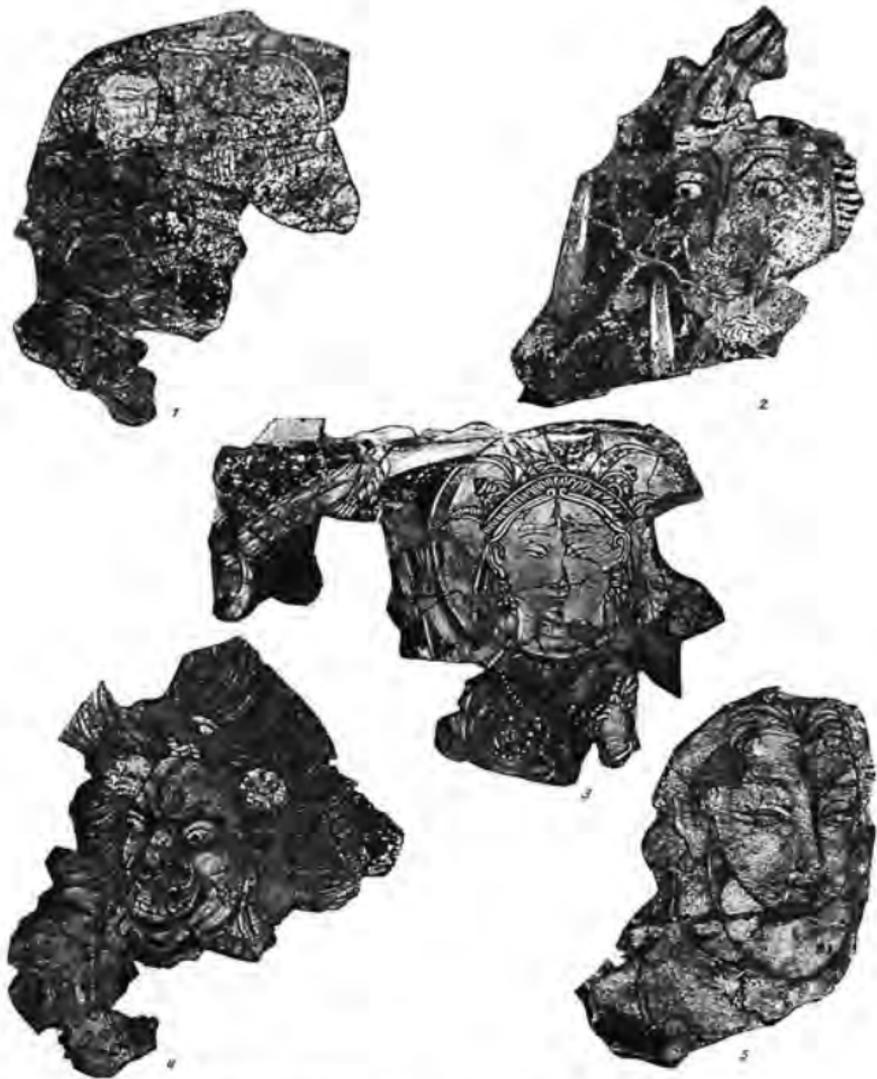

Таблица 82. Бузджак. Калан Кызкаха I. Живопись из дворца афиннов

1-5 — изображение богов и демонических персонажей

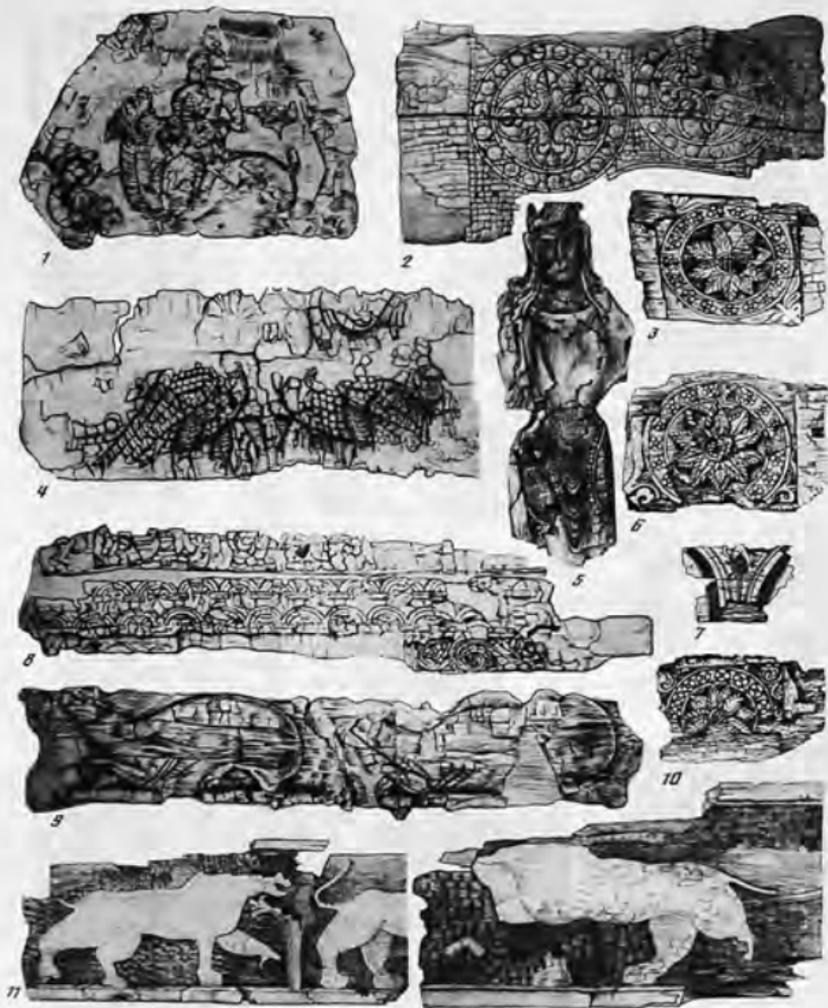

Таблица 83. Бунджикат. Резное дерево (1-11)

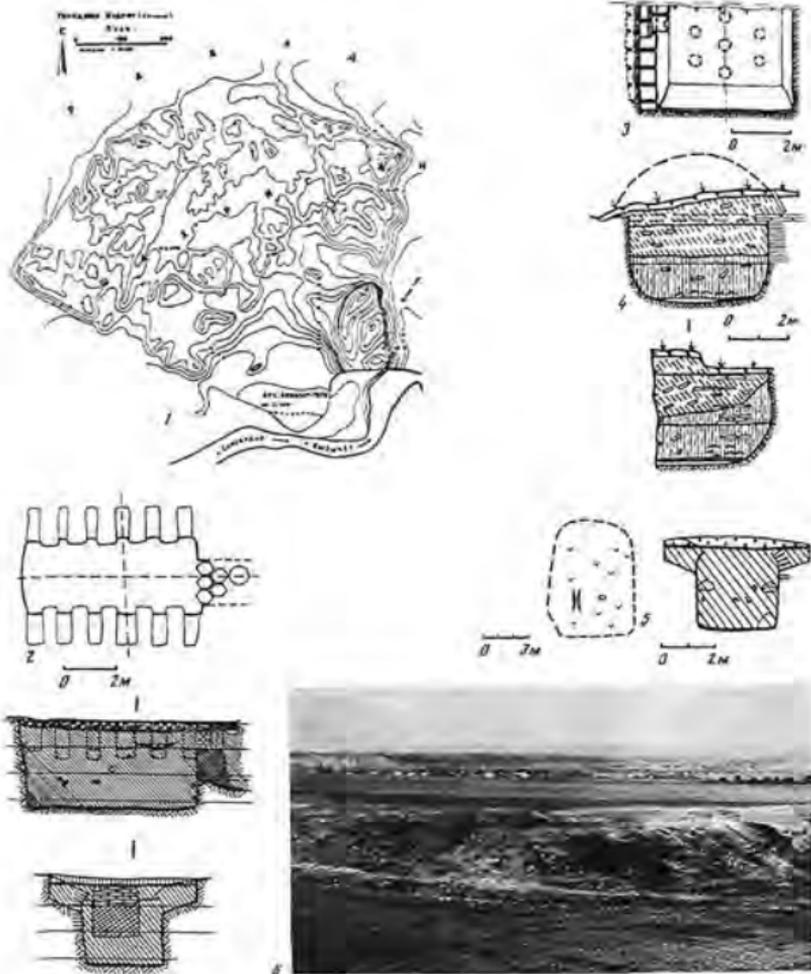

Таблица 84. Северный Тохаристан

1 - план города Будеч; 2, 3, 4, 5 - Гормизитен. Тохарская пещ; 6 - Будеч. Тохарская пещ; б - вид на городище Будеч

Таблица 85. Изделия из камня и бронзы. Бужрачский клад
 1-12 - бронзовые подвески; 13, 14 - литые формы; 15 -
 железная пряжка; 16 - навершие кургальницы в виде
 головы змея

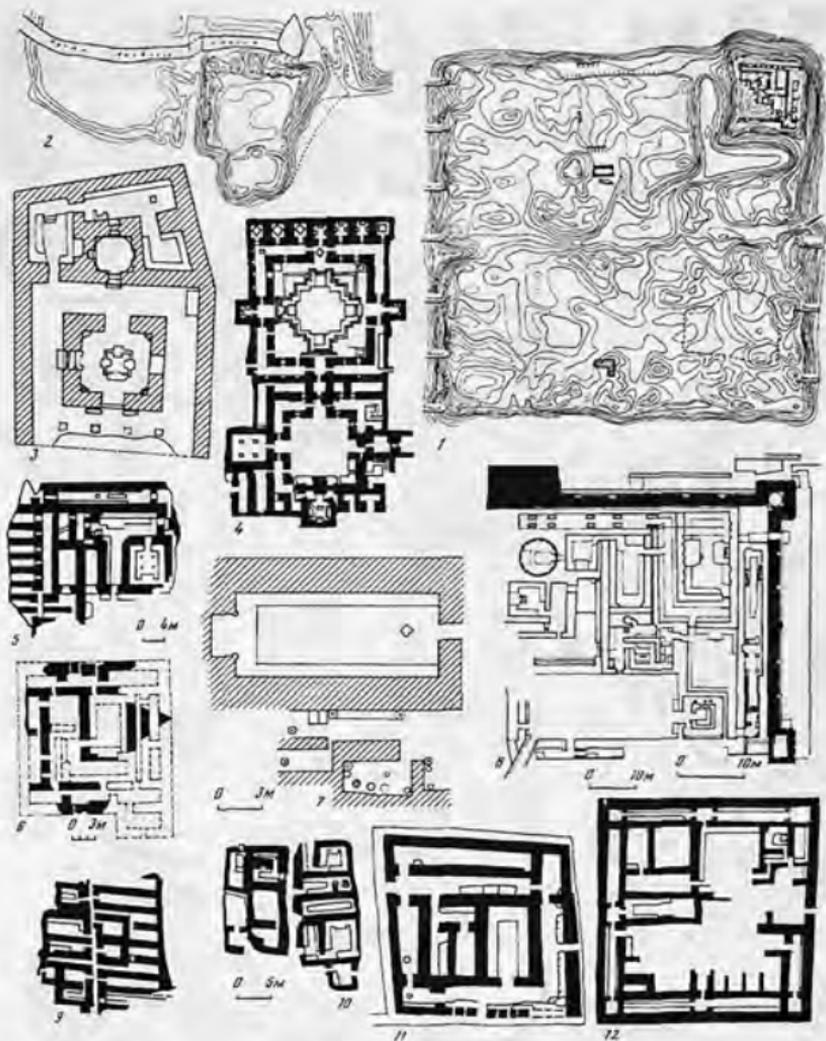

Таблица 87. Планы городов и сооружений Северного Тохаристана

1 - Кафиркалла. План города; 2 - Урабга. План города; 3 - Кала Кафиринган, буддийский монастырь; 4 - Аджинатепе; 5 - Джумалатепе; 6 - Базаляктепе; 7 - Кафиркалла, общественное здание; 8 - территория города; 9 - Индизель Кафиркалла; 10 - Мангитепе; 11 - Яншымбайтепе; 12 - Кузутепе; 12 - Бабатепе

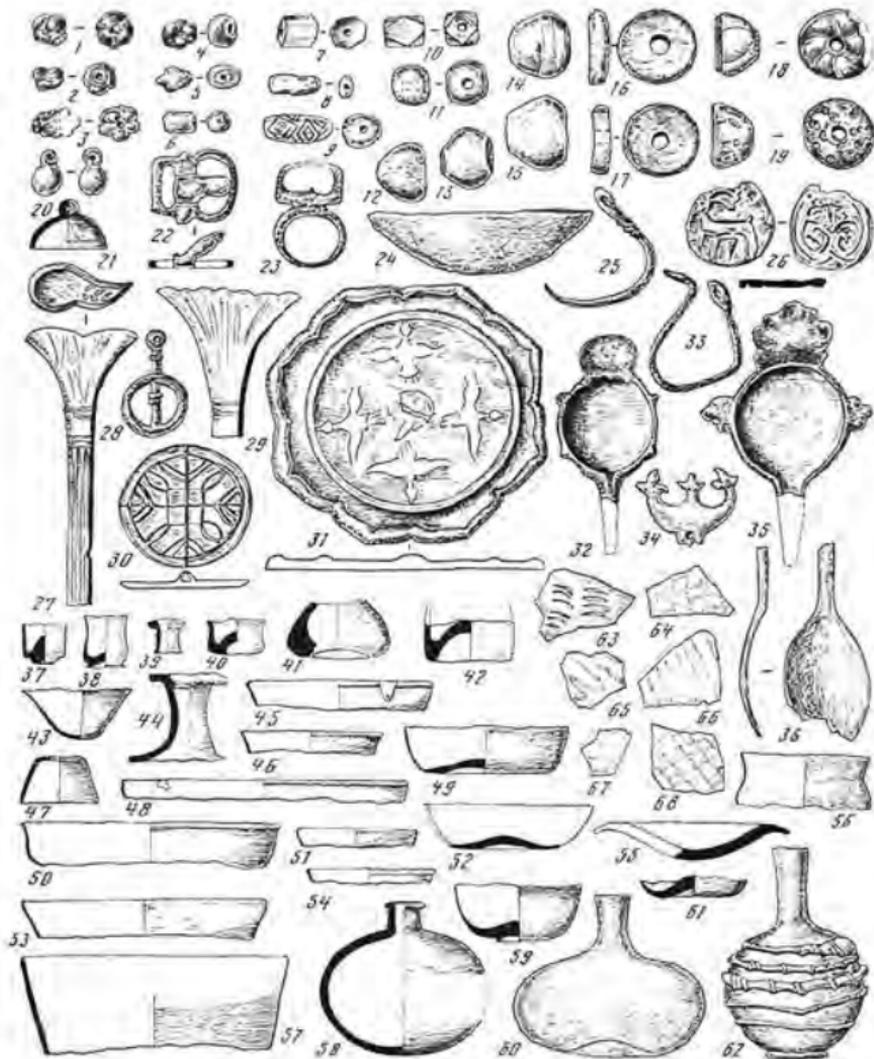

Таблица 88. Аджаргате, Украина, изделия из бронзы

1-11 - бусы; 12-15, 18, 19 - пуговицы; 16, 17 - прорезки;
20 - бронзовый бубенчик; 21 - бронзовый колокольчик; 22,

23 - прорезки; 24 - сосис; 25-29, 32-36 - изделия из бронзы; 30, 31 -
бронзовые зеркала; 37-68 - сосисы и другие изделия ювелира

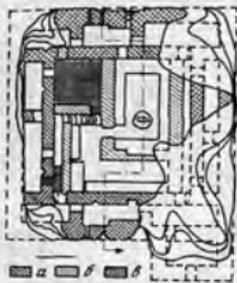
Таблица 89. Аджиартен. Орудия труда и вооружение

1 - мотыга; 2 - наконечник стрелы; 3 - скоба; 4, 3 - пластины, скрепленные штырем; 6 - прожка; 7, 8 - палки; 9 - книжка; 10 - дрессало; 11, 14 - дротики; 12 - ножницы; 13, 16-25 - наконечники

стрел; 15 - моты; 26 - стрелы; 27 - крючок; 1-9, 11-27 - железо; 10 - бронза

Таблица 90. Северный Тохаристан. Терракоты (1-12)

1

2

3

4

5

Таблица 91. Бадалыктене

1 — план памятника; 2-5 — настенная живопись. Стена перистега; а — первый строительный период; б — второй строительный период; в — захватка после землетрясения

Таблица 92. Северный Тохаристан. Настенная живопись.

1-4, 7, 8 - Аджинта; 5, 6 - Кельси Караринган.

Таблица 93. Аджанта. Глиняная скульптура из храма (1-12)

Таблица 94. Раннеарзевенская керамика Северного Тавристана

1, 3, 7, 10, 20, 22-24, 36, 37 - кувшины; 2, 8, 19, 46, 50 - расписанные; 4, 42 - горшочки; 8, 12, 15, 26 - горшки; 9, 21, 27, 31, 39 - котлы; 11, 53, 54 - курительницы; 14, 14, 43 - крышки; 16-18 - кружки; 20, 23, 25 - тшаккестынные чаши; 22, 36 - верхняя часть кувши; 29, 30 - узкогорлые;

кувшин с носиком-стакан; 25 - татары; 51 - кувшин с носиком; 40, 41, 44 - двуручные кувшины; 43 - двуручный чайник-кувшин; 37-59 - двуручные сосуды; 47, 49, 60 - баллабратные сосуды; 49 - ружин миниатюрного кувшиночка; 51, 52, 31 - двуручные горшки

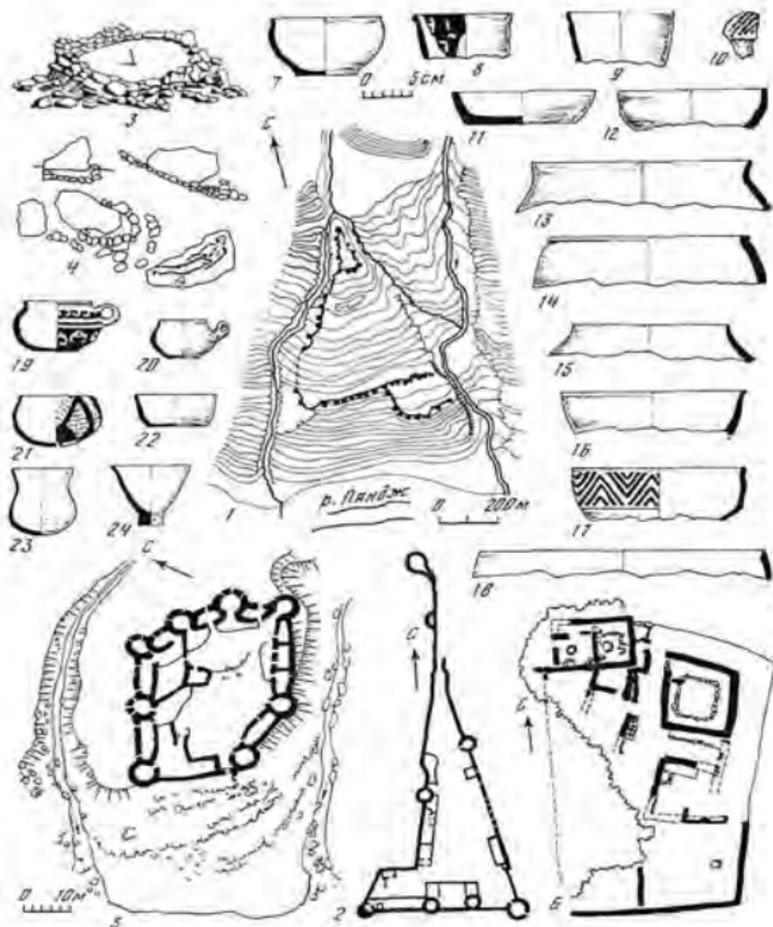

Таблица 95. Верхний Тохаристан

1 - крепость Музур, 2 - крепость Джузи, 3 - крепость Хаткай, 4 - планы фортификаций, 5 - пристань, 6 - пристань, 7-11 - керамика долины Панъжъ, 12-17 - керамика долины Панъжъ, 18 - керамика долины Панъжъ, 19-24 - керамика долины Панъжъ.

12-17 - керамика долины Панъжъ, 19-24 - керамика долины Панъжъ.

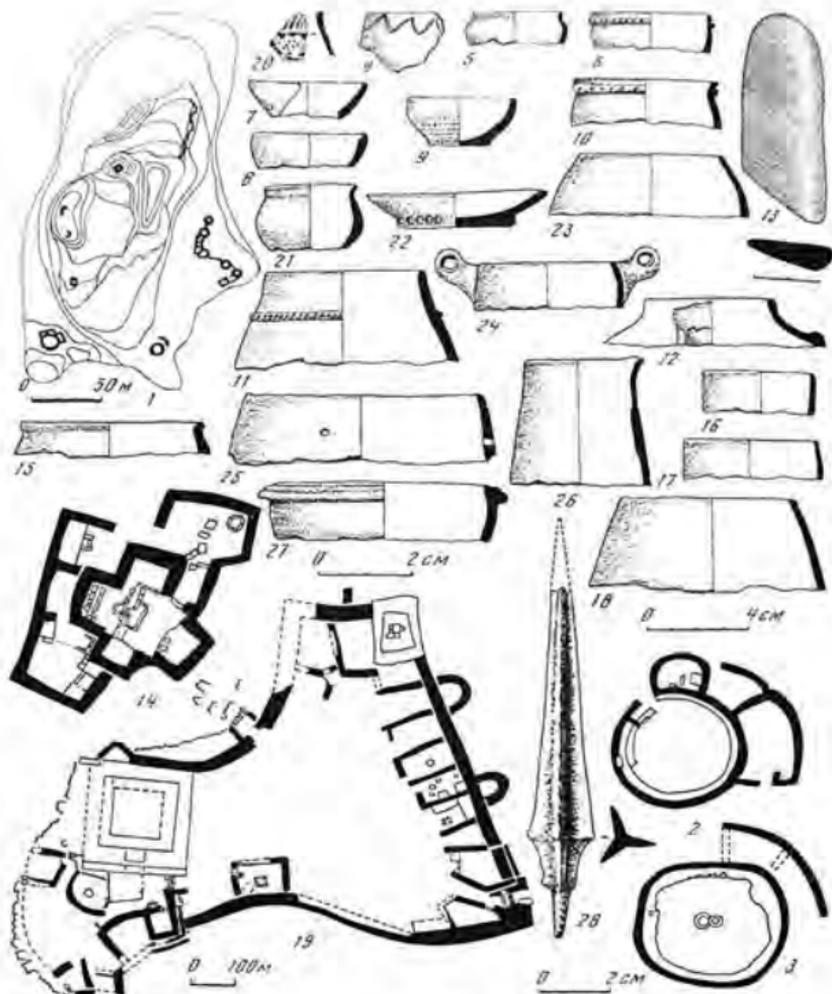

Таблица 96. Верхний Тохаристан

1 - Кафиркала I-IV, план; 2 - Кафиркала III, Храм пещи; 3 - Кафиркала II, Храм пещи; 4-12 - Кафиркала III, керамика; 13 - Кафиркала, ослон; 14 - Зонт, Храм пещи (план); 15-18 - Зонт,

керамика; 19 - Вранг, святилище (план); 20-27 - Вранг, керамика; 28 - Зонт, выделенный пазеночник стрелы

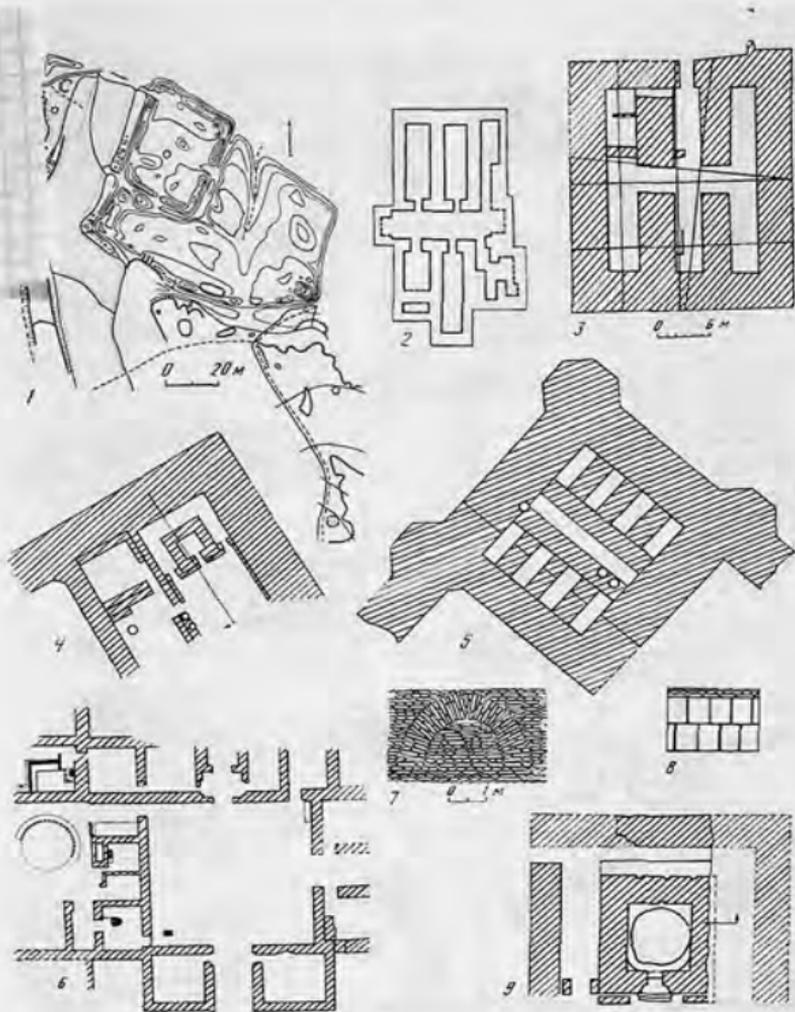

Таблица 97. Городище Красная речка

1 — план городища; 2, 3, 5 — замки; 4, 9 — буддийские храмы;
6 — дворцы. План четвертого периода; 7, 8 — конструкции
кладки. Штриховкой обозначены стены

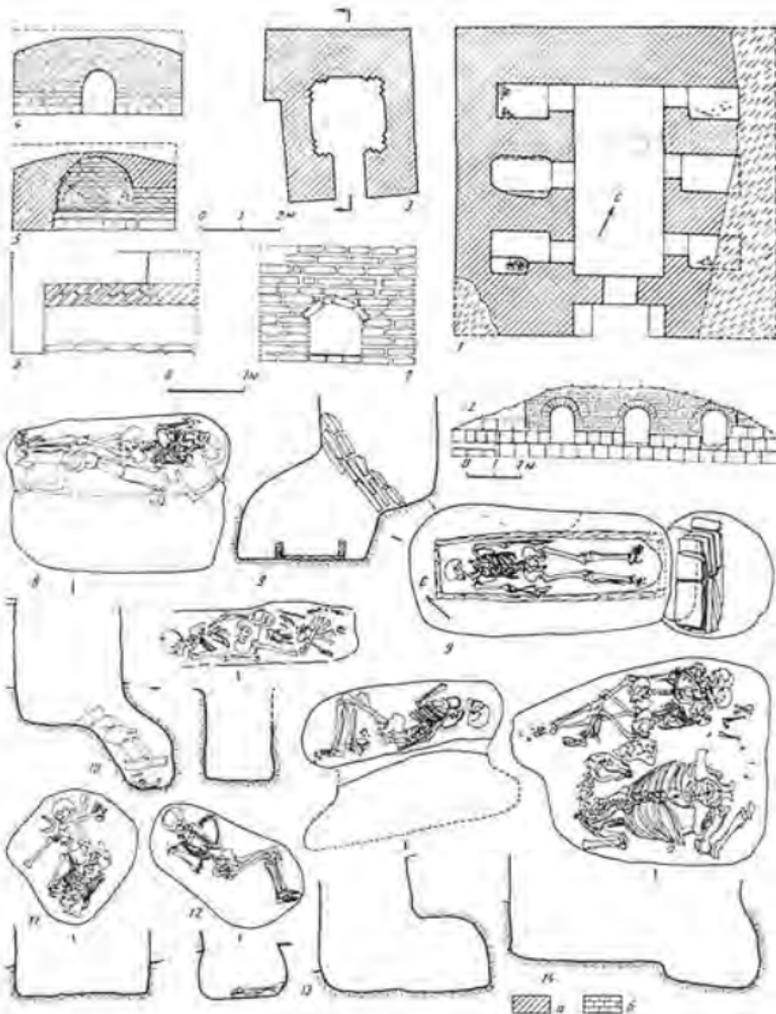

Таблица 96. Красная речка. Погребальные сооружения

1, 3 — планы камер; 2, 4, 5, 7 — планы ступенчатых; б — детали кладки стенок; 8, 14 — захоронения в подвале (планы и разрезы); а — входы и

выходы камер; б — стены, сложенные из известняковой или известняково-песчаной кладки на известном фундаменте и сырцовых кирпичей

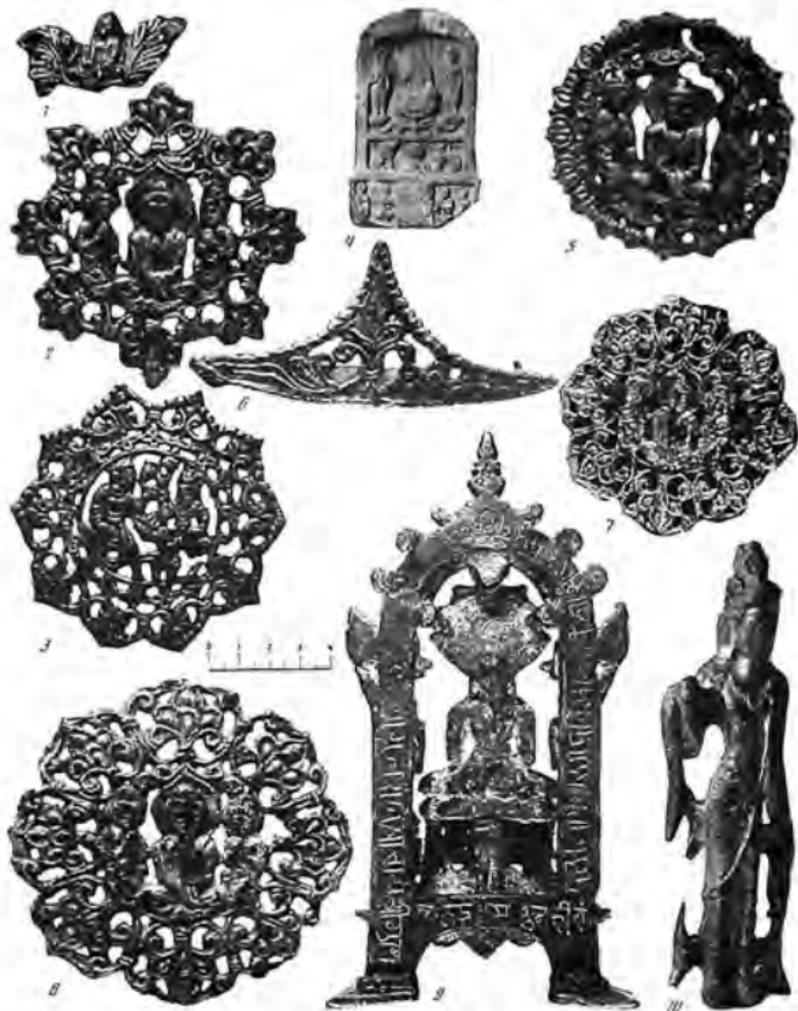

Таблица 100. Предметы буддийского культа

1-3, 5-8 - филигьяны из серебра с украшениями Албании. Первый буддийский храм. 4 - южная статуя в буддийском храме Крайстеческого горняцка. 9 - статуэтка Будды на троне, Номтоковское горняцка.

10 - бронзовая статуэтка, Авлакичевари, Крайстеческое горняцка; Буддийский храм

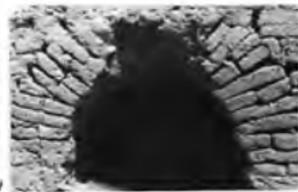
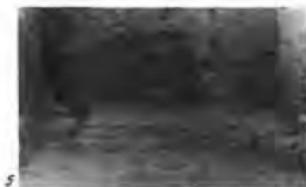
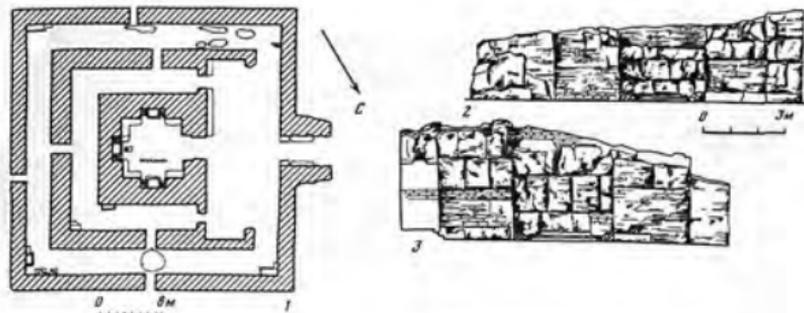

Таблица 101. Акбешим. Второй буддийский храм

1 – план; 2, 3 – конструкции стен; 4 – скульп niche. Вид на алтарь; 5 – алтарь; 6 – база для скульптуры; 7 – западная часть обходной галереи;

8 – арочный дверной проем в обходной галерее; а – стены из сырцовых кирпичей и палочных блоков

Таблица 102. Скульптура из буддийских храмов Чувашской долины

1 — голова богини; 2-8, 14-16 — детали стuccоной скульптуры; 9 — голова Богини; 10-12 — головы богини буддийских храмов; 13 — ступа; 14-16 — детали стuccоной скульптуры; 17 — ступа; 18 — скульптура Будды.

Таблица 103. Городище Красная речка
 1-24 - керамика из раскопок городища и некрополя

Таблица 104. Красная речка. Украшения и детали поясного набора

1-3 - серьги; 4-9, 12-15, 18-25, 30-32 - детали поясного набора; 10, 26 - кресты; 11, 16, 17 - подвески; 27-29, 33 - браслеты; 34, 35 - железные стержни и крючки; 36, 37 - бусы

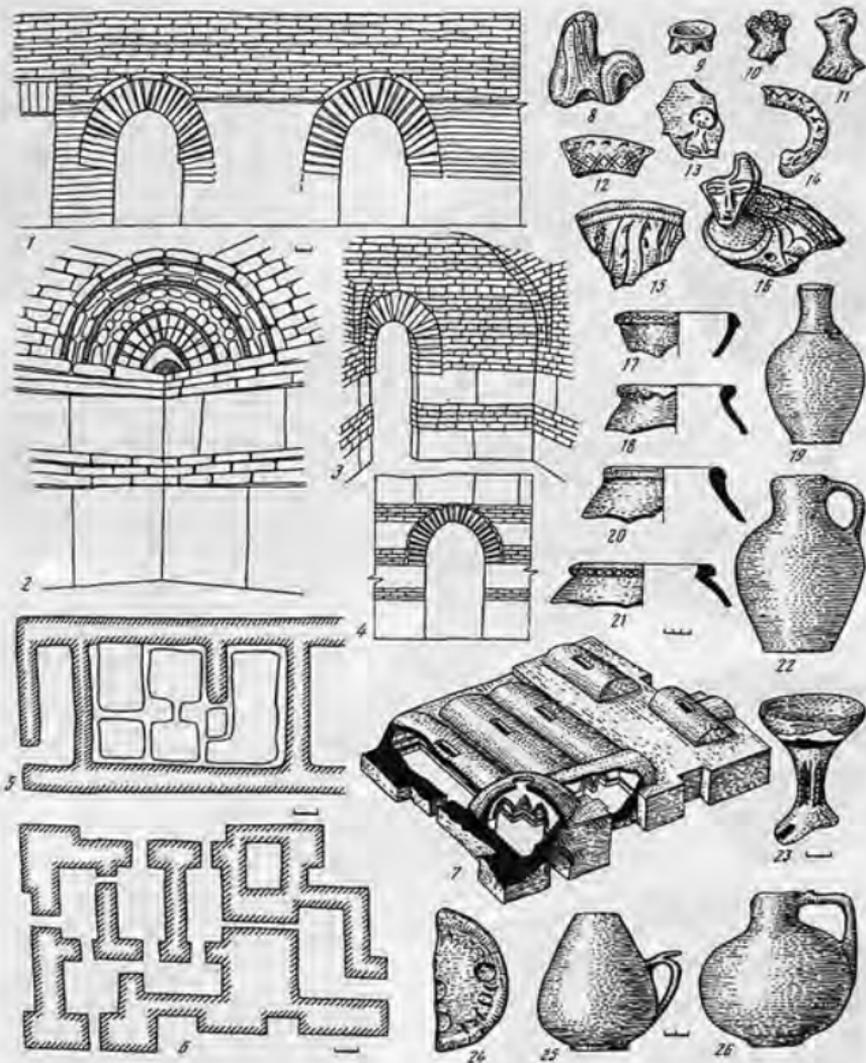

Таблица 105. Юго-Западное Семьречье. Гордизище Луговое
 1-4 — фасады стен, тропы, арка дверного проема; 5, 6 — планы сооружений
 7 — реконструкция; 8-26 — керамика из раскопок гордизища

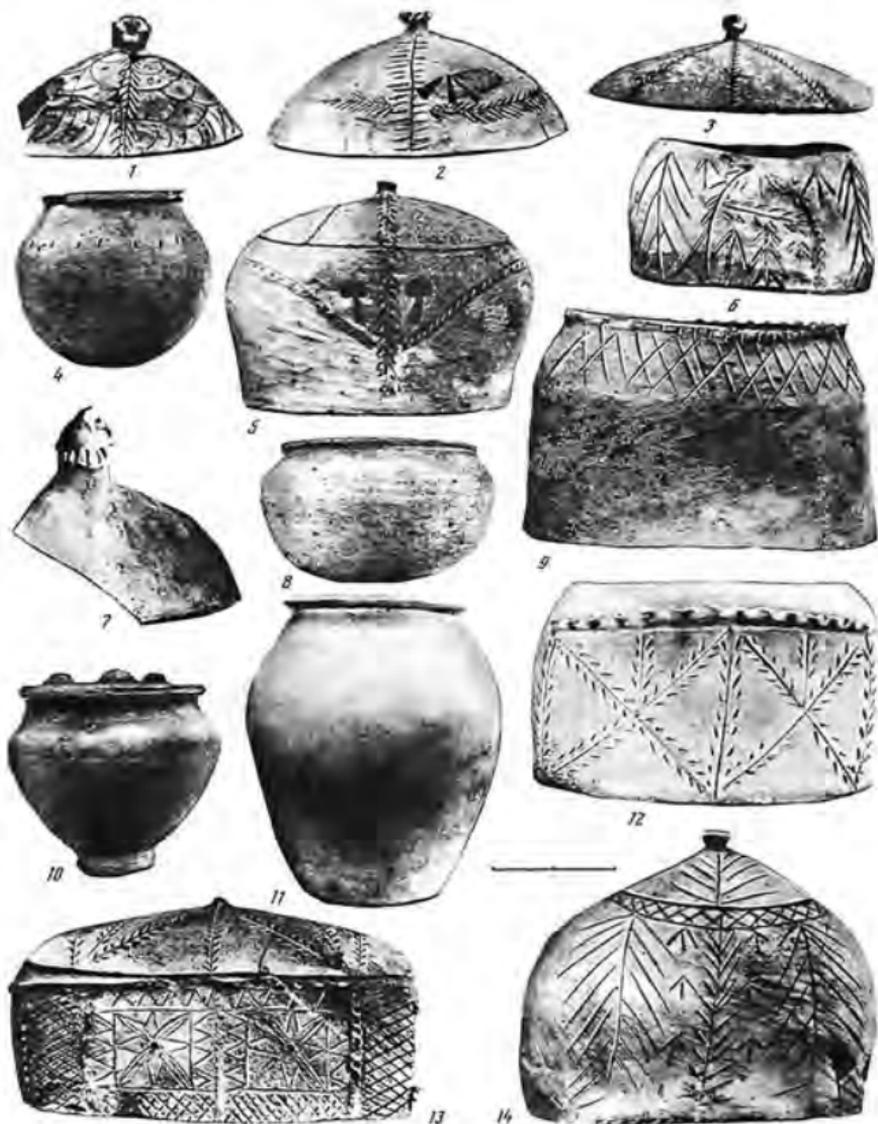

Таблица 106. Красная резка. Оссуарии из некрополя (1-14)

Таблица 107. Красная речка

1, 2, 3 – оссуарии с изображением алтаря и фигур; 4 – оссуарий

Таблица 108. Тараз. Костобе – некрополь.

1, 4 – крышки от оссуариев; 2, 3 – терракоты; 5 – бронзовая статуэтка; 6 – оссуарий; 7 – оссуарий, деталь

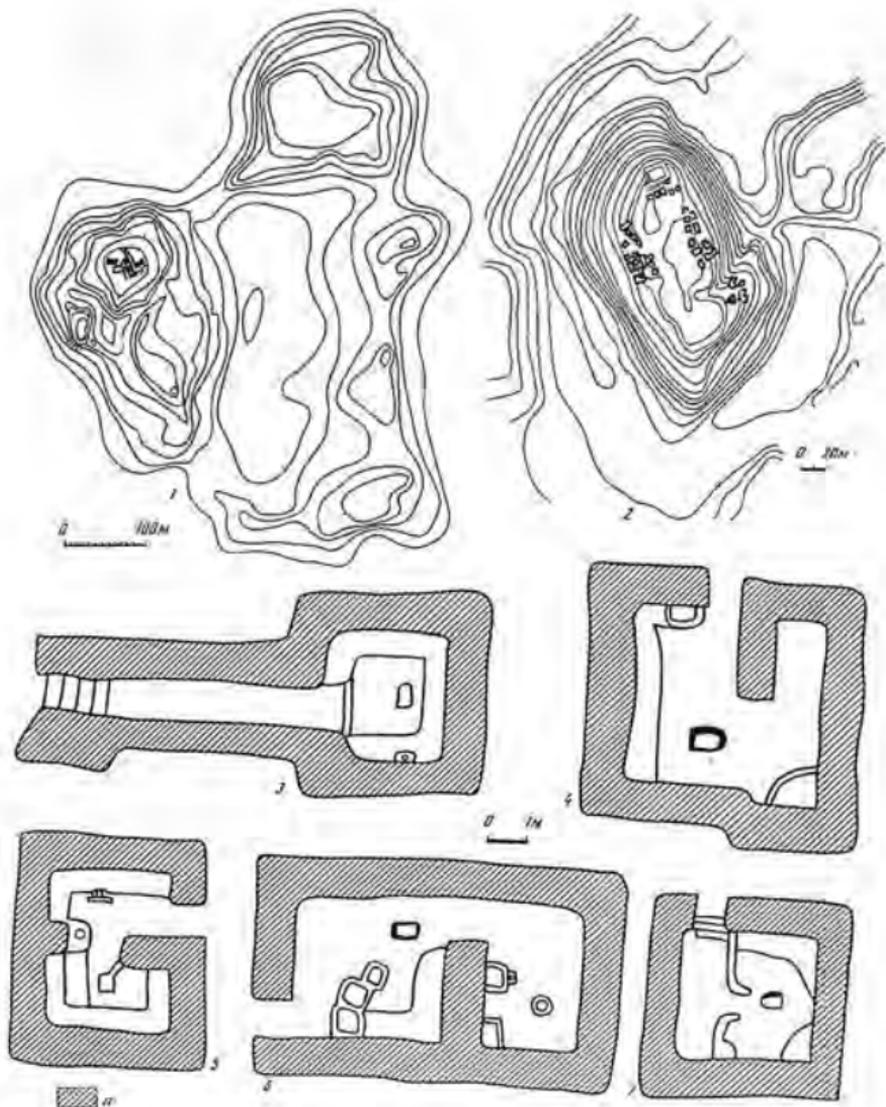

Таблица 109. Планировка жилых и общественных сооружений Южного Казахстана

1 - городище Мардансуек; 2 - городище Кокмарал;
 3, 4 - планировка жилых и общественных сооружений Кокмарал;
 5, 6 - планировка жилых и общественных сооружений Мардансуек

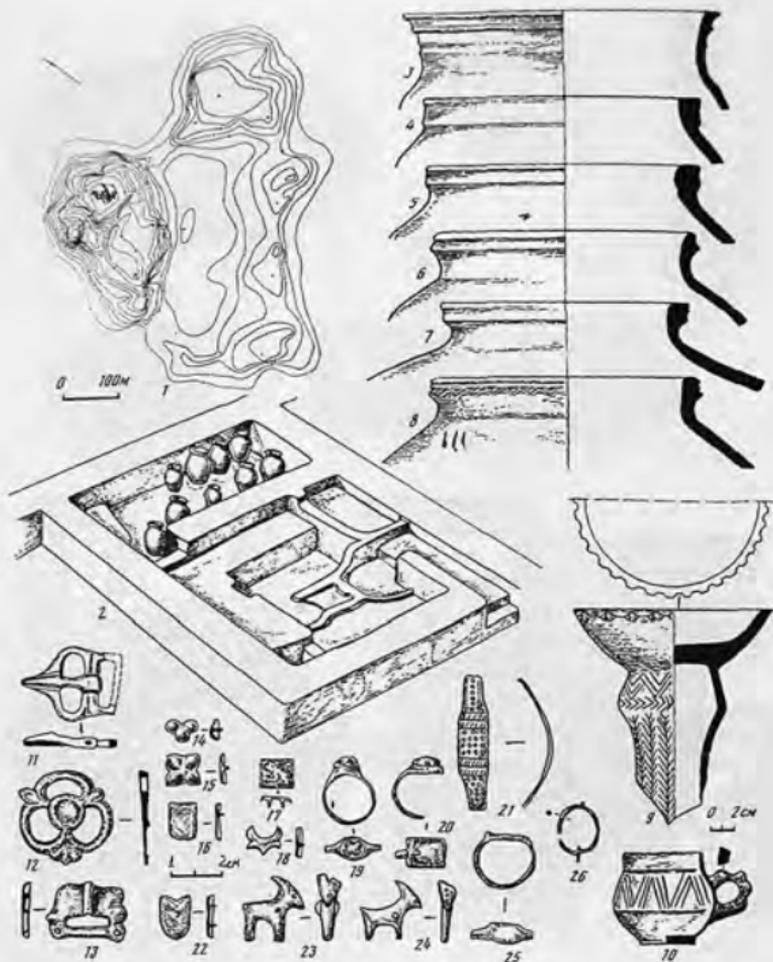

Таблица 110. Горodiще Мардикуюк, VI – первая половина IX в.

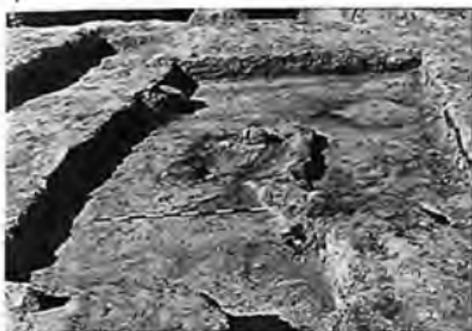
1 – план городища; 2 – аксонометрия печи; 3–10 – керамика; 11–26 – предметы украшения и военого набора (бронза)

7

2

3

4

5

6

Таблица 111. Городище Марданкутов. V – первая половина IX в.
1-6 – жилищная застройка

Таблица 112. Городище Куйруктабе, VI – первая половина IX в.

1 – штабель. Планы раскопанных помещений; 2 – законотрия; 3 – сурдоловка печати; 4, 7 – терракоты; 5, 6, 8, 9 – монеты; 10–17 – сосуды; 18 – резное дерево

Таблица 113. Городище Куйруктобе.

1 - яма с эстрадой; 2 - суфы в зале с эстрадой; 3 - пшгадель, podium алтаря; 4 - пшгадель, кладка стен; 5, 6 - Бабагта, пшгадель

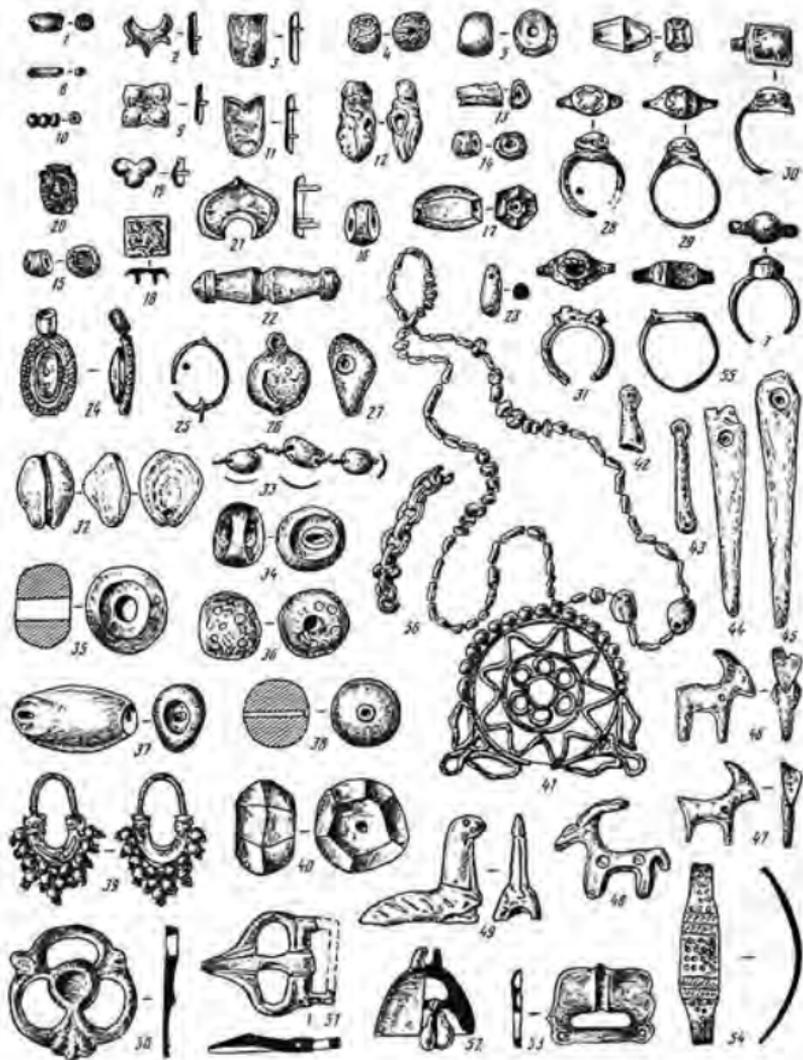

Таблица 114. Средняя Сырдарья, Украина, Кавказ и Марзжаново

1, 4-6, 8, 10, 12-17, 21, 22, 31-36, 40 - буллы; 2, 3, 9, 11, 19-21, 30, 33 - нагрудный набор; 7, 38-41, 44 - серьги; 22 - шпатель; 24, 28, 39 - серьги; 26 - фубенка; 42 - кура; 41 - игральная; 42-43 - кисточки

предметы; 46-49 - конические привески; 31 - привеска; 32 - конический; 33 - фризель; 34 - фризель; 35 - фризель; 36 - фризель

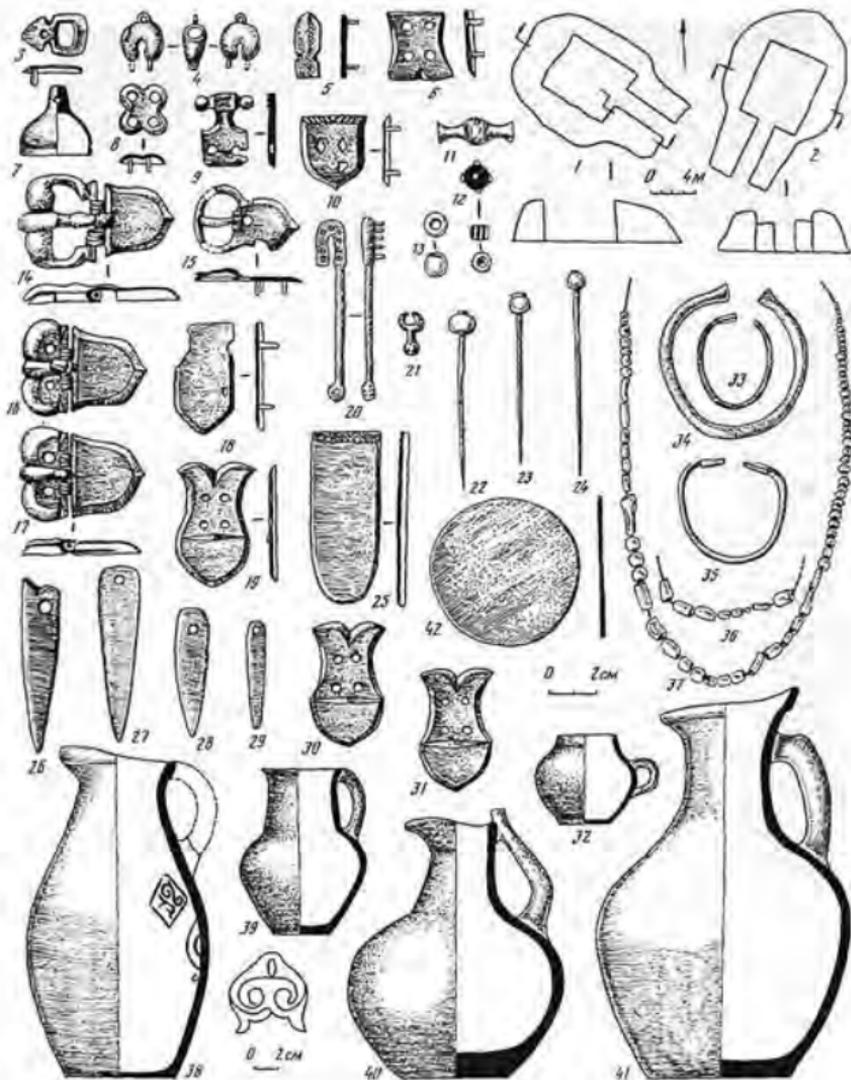

Таблица 115. Средняя Сырдарья. Биринжарский некрополь.
 1-2 - изделия из золота, 3-42 - изделия из серебра.

1

0 6 CM

2

Таблица 116. Средняя Сырдарья (VI–IX вв.) Куйруктобе

1, 2 – resinная доска с изображением сцены сватовства

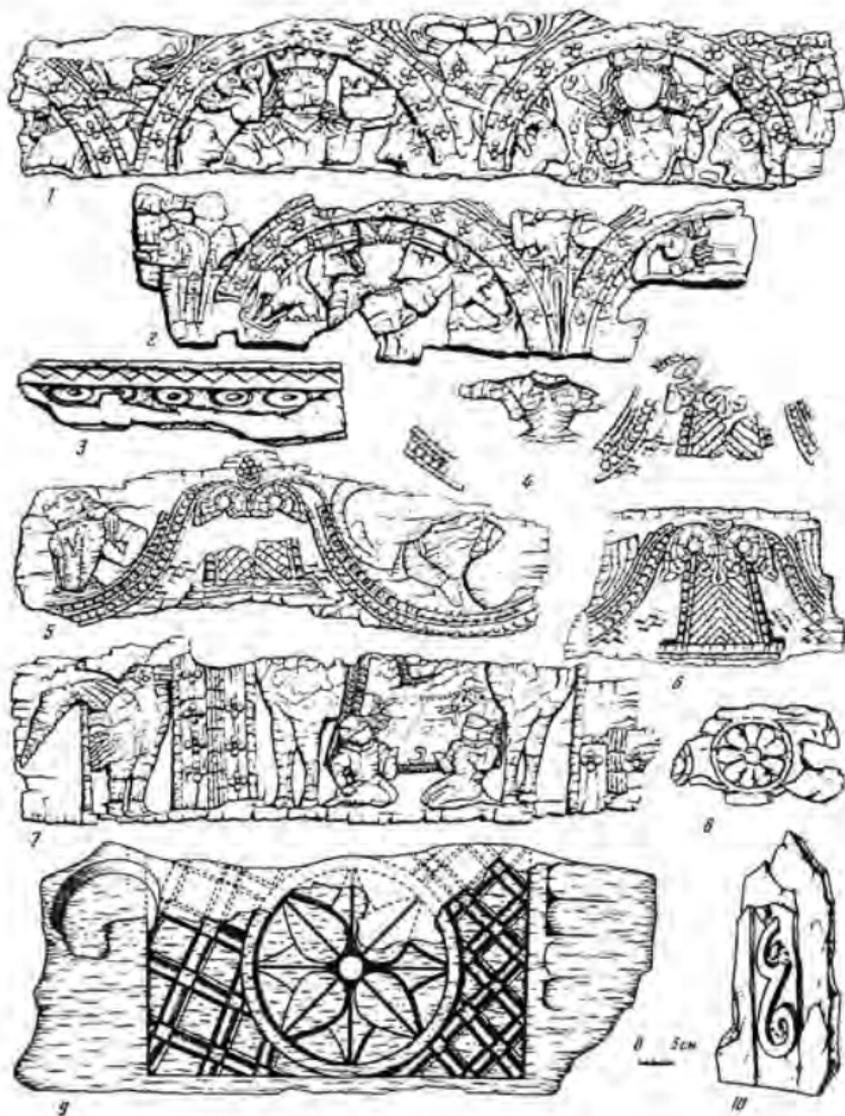

Таблица 117. Средняя Сырдарья. Куйруктопе
1-10. -резные деревянные панели

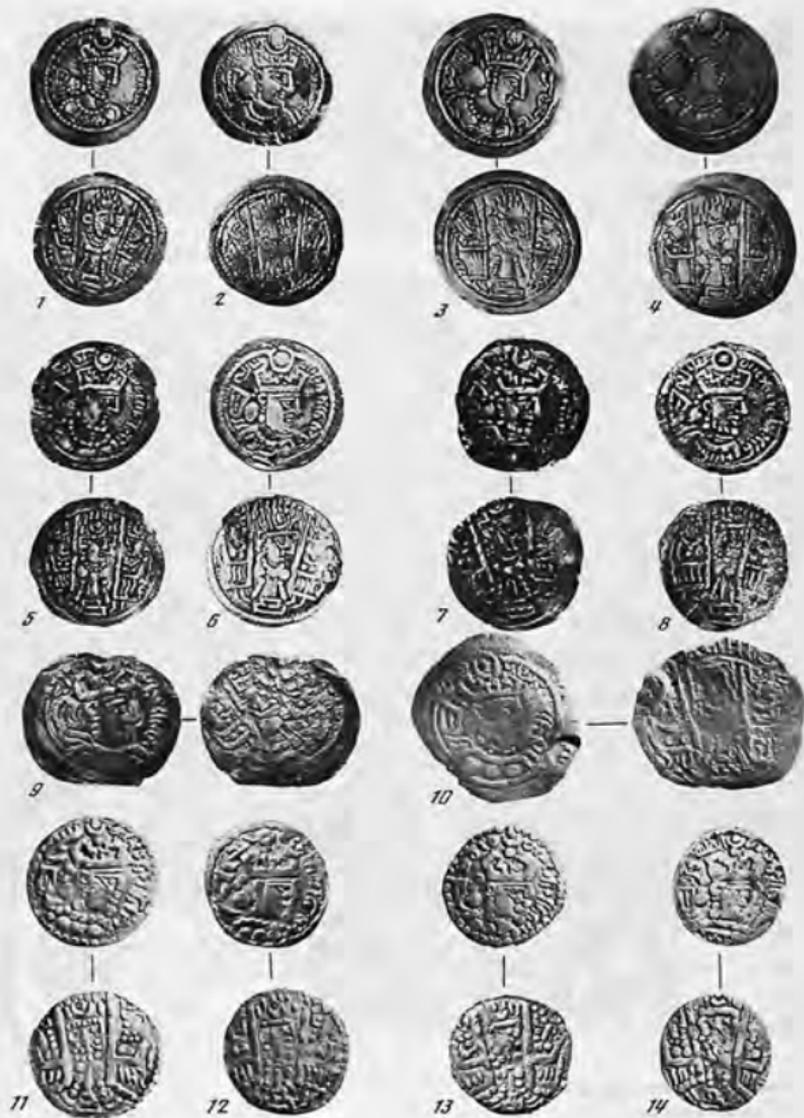

Таблица 118. Бухарский Согд. Монеты (1-14)

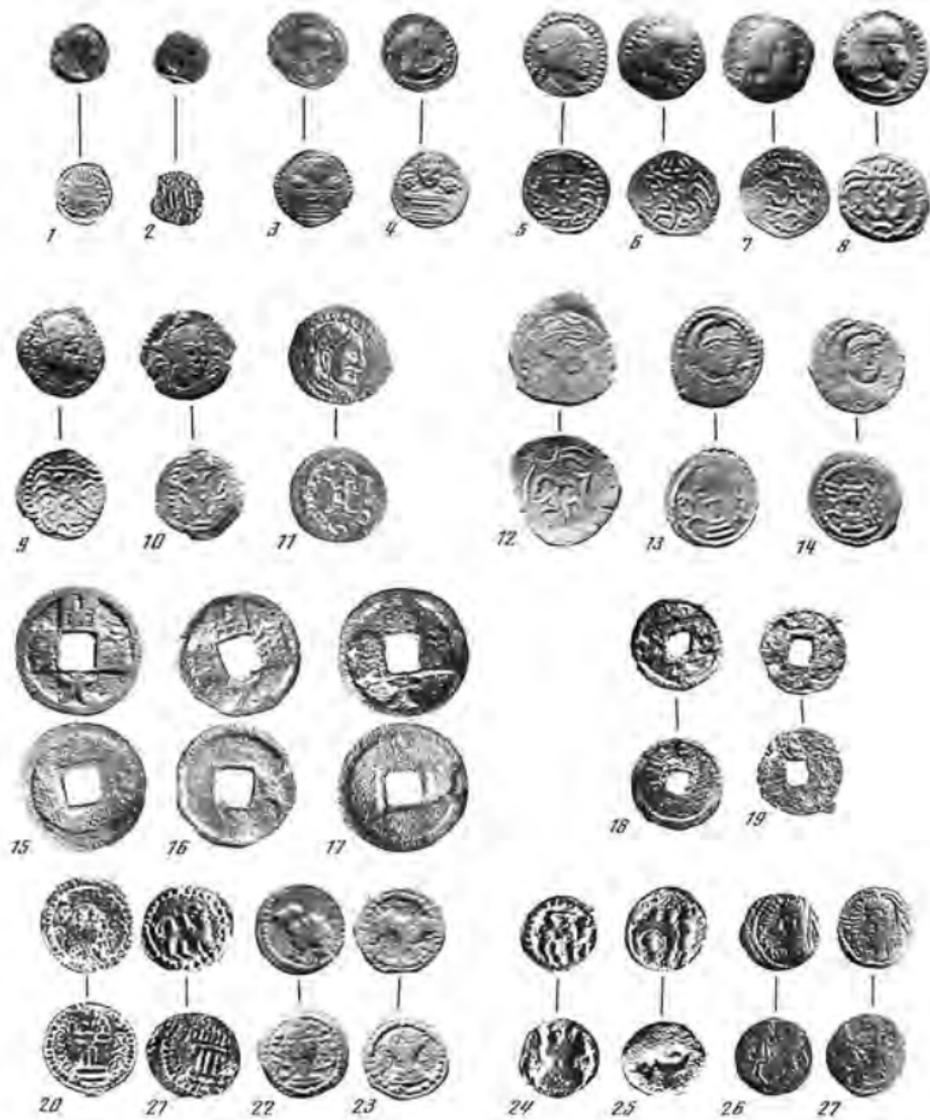

Таблица 119. Бухарский Сит.д. Монеты (1-27)

Таблица 120. Северный Тохаристан. Монеты (1-17)

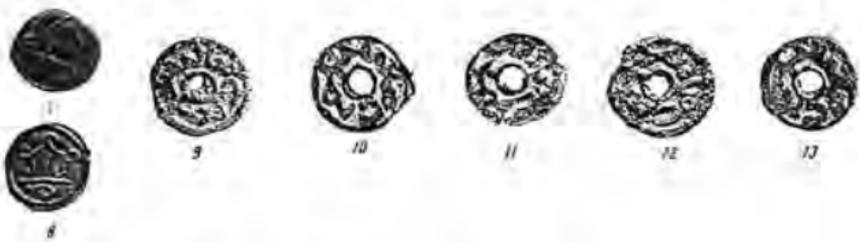

Таблица 121. Северная Тохаристан. Монеты (1-35)

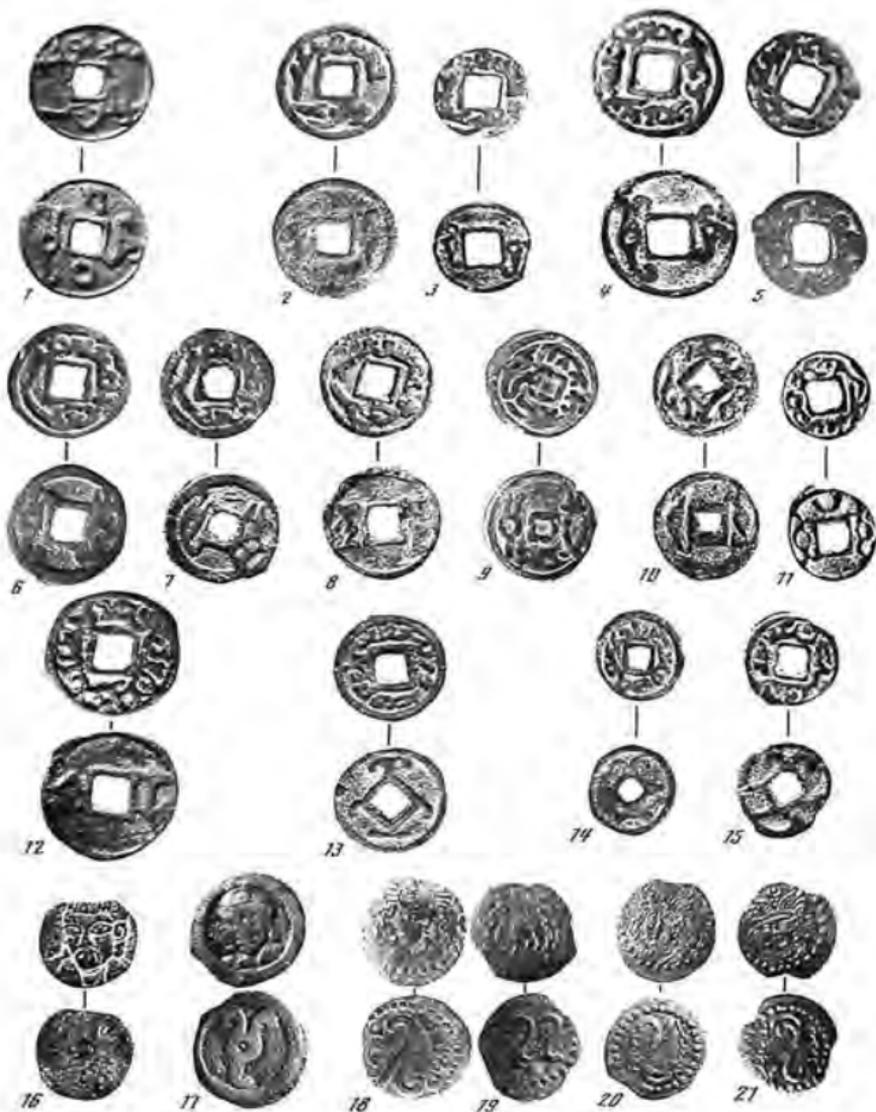

Таблица 122. Согд, Уструзиана. Монеты (1-21)

Таблица 122. Мав. Минерва (14-21)

Таблица 124. Хорезм. Монеты (1-16)

Указатель имен

- Абдиримов Р.А. 53, 208
 Абдуллаев А. 140
 Абдуллаев Д. 67
 Абдуллаев К. 80, 86, 87, 215
 Абрышев С.М. 168
 Абрый 214, 217
 Абу Бакар 194
 Авазлов Р.З. 118, 122
 Агаджанов А.Г. 163, 166
 Агеева Е.И. 152, 164, 165–167, 170, 171
 Агзамовджасов Т.Р. 80, 91, 171
 Агзамов Ш.Т. 32, 55, 56, 210
 Азарбай Г. 175
 Ахсансар 1 (Чеган) 48, 206
 Ахсансар-Абдуллах, царь 206
 Акишев К.А. 165, 166
 Ал Асар 78
 Александр Македонский 27, 54, 190
 Алексеев В.П. 217
 Алм, халиф 136
 Алминов К.А. 87
 Алтын 94
 Алуатар 95
 Альбурн У.И. 52, 59, 75, 131, 133, 135, 138, 140, 142, 170, 172, 175, 178, 182, 183, 186, 187, 198, 219
 Алошент 95
 Амоман Марседан 12, 93
 Амрабьев А.А. 54, 56, 110
 Анастасий, император 139
 Андреев М.С. 105, 106
 Андрианов Б.В. 6, 10, 11, 30, 163, 213, 218
 Анничков И.В. 80
 Анжас Т.Д. 32, 131, 133, 135, 137, 142, 208, 218
 Ардашир 25
 Ардашир I 138, 193
 Ардашир II 25
 Ардашир III 193
 Арсланов Н.А. 145
 Арсланов Таркан 95
 Арсланов М.И. 75
 Артачак 82
 Арташакян З.А. 131, 135
 Аршакиды 18
 Аскаров А.А. 32, 218
 Арфарун 63
 Афарр, царь 31, 34, 206
 Афригиды 32
 Афина Халдар 106
 Ахемениды 11
 Ахмедханов С.М. 165
 Ахмедов Н.А. 24
 Ахунбабаев Х.Г. 59, 60
 Ашмо Шуши 95, 115
- Бабаев А.Д. 146, 147, 149, 150
 Бабур 96
 Бадар А.Н. 21, 23, 26
 Байтас И. 80
 Байтасов К.М. 6, 152–154, 156–158, 161, 162, 165–167, 169, 171, 174, 182, 218
 Банк А.В. 74
 Баратин С.Р. 111
- Барские 206
 Бартольд В.В. 14, 16, 40, 51, 70, 95, 114, 115, 125, 131, 132, 136, 142, 145, 151, 153, 156, 162, 163, 166, 175, 211, 214, 217, 218
 Баруздин Ю.Д. 14, 93, 98, 100, 103, 104, 106, 110
 Баруздин Н.А. 98
 Бачиновский Н.М. 101
 Бачилов В.А. 6
 Бачинова Г. 106
 Белазури 37
 Белами 37
 Белецкий А.М. 46, 52, 57, 60, 62, 67, 69, 71, 76, 82, 104, 105, 107, 124, 131, 133, 136, 142, 155, 171, 172, 175, 178–180, 182–184, 186–189, 190, 192, 203, 208, 209, 211–213, 215
 Белогоним И.Б. 44, 52, 68, 69, 72–74, 82, 155, 161, 208, 209, 211–213
 Бернар П. 176
 Берштан А.Н. 11, 12, 50, 71, 96, 97, 104, 105, 108, 110, 112, 113, 144, 146, 148, 149, 153–155, 157, 158, 160, 162, 164, 217
 Билар А.Д.К. 18
 Билжанов Е. 45
 Бижанова М.А. 168
 Билалов А.И. 116
 Бижри 31, 32, 34, 44, 45, 62, 70, 106, 159, 182, 186, 206
 Бичурин Н.Я. 12, 44, 50, 68, 78, 88, 93, 94, 101, 105, 106, 112, 114, 123, 131, 144, 149, 151, 186–188, 210, 216, 217
 Бобринский А.А. 145
 Боголюбов 214
 Ботомолов Г.И. 87, 89, 92
 Бойс М. 34, 186
 Болелов С.Б. 139
 Болышов О.Г. 14, 37, 50, 52, 64, 67–69, 76, 82, 151, 155, 165, 168, 208, 209, 211–213
 Бонгар-Левин Г.М. 142
 Борников А.Я. 76, 175, 183–185
 Бранак (Франк) 34, 206
 Бромберг Ю.В. 217
 Брыков Г.А. 6, 14, 36, 93, 97–106, 110–112, 158, 170, 203, 204, 217
 Бубинова М.А. 6, 146, 147, 149, 216
 Бухинов Д.Д. 131, 133
 Булатова В.А. 97
 Бурнашева Р.З. 165, 166, 174, 205
 Бураков Ю.Ф. 6, 21, 80–82, 84–87, 89, 92, 158, 171, 204, 209, 210, 213, 216, 218
 Буракова Э.Ю. 52, 57
- Вавилов Н.И. 10, 11
 Вайнберг Б.И. 31, 32, 44, 46, 47, 138, 165, 197, 198, 205, 206, 216
 Вайнгейм С.И. 10
 Вактурская Н.И. 32
 Валад 193, 196
 Валиев П.С. 208, 213
 Варларан II 25, 204
 Варларан IV 26
 Варларан V 26, 193, 194, 196, 200
 Варлузан, царь 186, 187
 Васильев А.И. 52, 214
 Васильева Г.П. 103
 Воеводский П.И. 51, 68, 175, 161, 183
 Вольф Л.Ф. 99
- Винокурова М.П. 69
 Вишневская О.А. 88
 Вишневский М.В. 80
 Волли С.Л. 151, 162, 166
 Воробьев 199
 Воробьева М.Г. 37
 Воробьева-Деслятовская М.И. 28, 142
 Воронина В.Л. 40, 52, 66, 80, 83, 85, 98, 99, 101, 118, 129, 155, 165, 171
 Вуд Дж. 14, 144
 Вьелонский А.М. 157
 Войцех 131
 Вязьмитина М.И. 18
- Гаврилова А.А. 43
 Галицкий П.Г. 131, 134
 Ганбов В.А. 6, 21, 23, 26
 Гайдуков В.Ф. 108, 116
 Гамзукхайн (Амукиан или Чамукиан) 210, 217
 Гаммохадзу 95
 Гамфур Б.Г. 78, 133, 151, 152, 175, 217, 218
 Геродот 88, 122
 Гинзбург В.В. 112, 218
 Гомбов Т. 37
 Гольцова А.В. 6
 Горбунова Н.Г. 6, 73, 96, 109, 111
 Горюцкий В.Д. 70, 162
 Горчаков В.Д. 6, 153, 154, 157, 158, 181, 184
 Грев Т.В. 160
 Грент Ф. 159, 175, 176, 180, 184, 185
 Григорьев Г.В. 51, 71, 72, 80, 163
 Грошев В.А. 165
 Грумбат, царь 12
 Гронберг А.Т. 144
 Гривнов М.П. 80
 Губаев А. 6, 18, 19, 20–23, 28, 38
 Гудкова А.В. 30–32, 39, 44, 45, 47, 169, 170, 214, 217
 Гулямова Э.Г. 131
 Гулямов Я.Е. 32, 52
 Гуьмбалат 144
 Гуьмбалат Д.Н. 31
 Гуо Юань Чжэнь 95
 Гуревич Л.Л. 59, 67, 89
- Давидович Е.А. 11, 96–98, 101, 131, 192, 194, 196, 198, 200, 203, 204
 Давутов Д. 63, 202
 Давыдов А.С. 63, 170
 Давыдов 213
 Даволюкчи В.П. 101
 Дарий Гистасп 115
 Даркунев В.И. 45, 162, 175
 Давлатхан 51, 58, 62, 189, 201, 212, 214, 217
 Деоник В.Е. 44
 Демонев Е.П. 142
 Деслятовский Ю.М. 26, 27
 Джа'фар ибн Мухаммад 206
 Дзугаевский Г.Я. 21, 26, 27, 38, 76, 207, 213
 Дураганов Дураганов 158, 217
 Дураганов 104
 Дурбанов Д. 16, 19, 20, 21, 23
 Дьяков М.М. 11, 78, 96, 131, 178, 180
 Дьякович Н.В. 172, 175, 178
- Евратина 140
 Евратин 66, 163

* Указатели составлены М.А. Каримовым.

- Ерехович Л.Б. 165, 166
Ершов С.А. 16, 26–28
- Жданко Т.А. 168
Жудов В.Д. 80
Жуковский В.А. 14, 16, 21
- Забельна Н.И. 196
Завьялов В.А. 137, 143
Завитковский Ю.А. 93, 96, 108, 109, 113, 166
Зарубин М.И. 107, 145
Затурина Е.З. 24
Зеймаль Е.В. 6, 41, 52, 133, 134, 139, 140, 180, 192, 193, 198, 200, 202, 204
Зеймаль Т.И. 6, 99, 131, 134–137, 141, 142, 175, 187, 192, 194, 196–198, 200
Зеленский А.И. 146, 147
Земмерх 70, 151
Зинлер Д.Г. 80, 85
Златч 63
Зуб Ю.А. 162, 166, 174
Зубин Л.П. 156, 157
- Иби да Истахи 37, 78, 96, 214
Иби Хаукаль 78, 96
Иби Хордабех 47, 153
Ибда 12
Ислахери Г.26
Ислахери П.26, 193
Ислахери Ш.14, 18
Иностранцев К.А. 51, 93, 175
Иркутская А.А. 69, 70
Исханов А.И. 52, 60, 64, 76, 182, 183
Измайлов М.Х. 35, 52, 68, 71, 175, 176, 185, 201, 202
Исмаил Салати 64
Истеми, каган 151, 162
Итима М.А. 10, 88
- Йеборка 95
- Кабанов С.К. 52, 53, 63, 65, 68, 71, 73, 167, 191, 201, 202, 208, 214
Кавад 193
Кавад Г.26, 193, 194
Кадуров Д.51
Калларов В.А. 163
Кана 194
Кандуров 70
Кармышева 10
Карцев В.И. 38
Кашпка 206
Кастальский Б.И. 131, 133
Кастание Н.А. 115, 116
Касимов М.Р. 80
Касу, царь 164
Кaufman K.W. 76, 189
Кадурце К. 21
Кашпатов 144
Кеск А.С. 23
Кибя 95
Кистра 12
Кисляков Н.А. 168
Киргимукса 75
Кларе А.К. 163
Клигориный С.Г. 50, 70, 151, 156, 162, 163, 166
Князь 167
Кобылина М.М. 185
Кожелько П.И. 14, 50, 71, 151, 152, 154, 155, 157
Колесова В.И. 105
Колесников А.И. 16, 26
Колосова М.И. 149
Кондаков И. 74, 175
Копельско Г.А. 6, 18–23, 26, 27, 41, 156
- Красношляпкина Н.И. 172, 178, 181, 184, 207, 213, 215
Кринос Я.К. 52, 143
Кругликова Н.Т. 142, 177, 183, 184, 187
Кудам 153
Куралев В.П. 168
Куртуба ибн Муслим 14, 31, 32, 60, 95, 206
Кушкаевич А.А. 114
Кушани 11
Кяхалар Л.Р. 13, 14, 50, 71, 154, 156–158, 182
- Ладров В.А. 41, 99
Ладрово Слобо М.С. 34, 37
Лавина Л.М. 35, 43, 47, 73, 161, 164, 165, 169, 171, 173, 174, 218
Лаласко Л.28
Левников В.П. 6
Лерх П.И. 114, 163, 194
Лешанко В.Ю. 70
Ливани В.А. 5, 23, 29, 31, 44, 47, 50, 52, 62, 63, 67, 78, 106, 111–114, 138, 162, 175, 176, 180–183, 185–187, 189, 190, 199, 201, 202, 204, 212, 214, 215, 217
Литвинский Б.А. 6, 11, 12, 36, 41, 87, 88, 93, 96, 97, 98, 101, 103, 108–113, 131, 133–136, 140–143, 151, 175, 180, 185, 187, 211, 212, 215, 217–219
Лы Яньшэу 131
Лубачева Н.П. 219
Логинов С.Д. 16, 18–23, 25, 26, 193, 194
Лукин В.Г. 20, 25, 28, 29, 177, 181, 183, 185, 188, 202, 204
Лукин Б.В. 163
Лукина С.В. 76, 80, 167, 175, 184, 207, 208, 215, 216
Лыкошин Н.С. 102, 114, 166
Лыши А. 23
- Магидович И.Я. 214
Махимова А.Г. 165, 171
Махмеев А.И. 163
Маллицкий Н.Г. 116
Мамеджанова С.М. 39, 122, 210
Мамедхалилов М.Х. 148
Мамбетгулаев М. 33, 45, 208
Мандельштам А.М. 11, 12, 50, 52, 60, 93, 95, 96, 107, 110, 116, 131, 144, 146, 148, 217
Манях 15
Манылов Ю.П. 37, 43, 45
Маракуллова Е.Ф. 6
Маргулан А.Х. 164
Маркаарт 144
Марушкова А.А. 16, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 29
Маршак В.И. 6, 50, 52, 54, 57, 60–62, 71, 72, 75, 76, 107, 124, 132, 135, 142, 143, 152, 161, 162, 172, 174, 175, 177–183, 185, 186, 188–190, 192, 196, 202, 203, 212, 215
Масанов Е.А. 163
Маслов В.М. 11, 32, 64, 96, 142, 152, 166, 218
Маслов М.Е. 11, 16, 18–20, 32, 56, 80, 82, 92, 131, 164, 167, 201–203
Масуди 106
Матбаев Б.Х. 6, 110
Матрасумов Ш. 33
Махмул Каптарский 166
Махуйе 18
Менандр 70, 151
Мережин Д.Н. 24
Меричев М.С. 165
Мешкерев В.А. 46, 87, 175, 177, 182, 183, 185
Миньяк И. 145
Миргазиев Т. 80
Мирзаакмедов Д.К. 55, 56
Михраев 29
Мюндакская Е.А. 76
- Мошкова М.Г. 6
Мукаддас (газ Макдиси) 64, 78, 96, 153, 217
Мукуна 50, 79
Муртаев 7
Муслимова А. 193
Мустам 104
Мухамеджанов А.Р. 32, 55, 56, 70, 210, 211
Мухамед Ямау 106
Мухтаров А. 179
- Настоя В.И. 162, 165
Насихатов Н.И. 6, 39, 46, 68, 99, 107, 114, 116–120, 122, 123, 125–130, 170, 171, 183, 186, 189, 210
Неразих Е.Е. 6, 30, 32, 34, 35, 37–39, 42–46, 63, 73, 93, 97–99, 105, 170, 216, 218
Нершан 39, 64, 67, 105, 151, 167, 194, 200, 209, 211, 212, 214, 215, 217
Нильсен В.А. 39, 99, 131, 135, 143, 155
Никитин А.Б. 19, 25, 29, 193, 194
Новиков С.В. 19, 20, 22
Новосельцев А.П. 212
Нурумухамбетов Б.И. 165
Нух ибн Абд 95, 151
- Обельченко О.В. 26, 27, 77
Оранов 18, 19, 22, 23
Остроумов Н.П. 80
Ошанин В.Ф. 145
- Павличенко Л.В. 76, 175, 176, 184
Пайкова А.В. 175
Памелля Р. 16, 29
Папулов Н.И. 163
Паломов Е.А. 198
Пашуров В.Т. 212
Павлич Г.И. 158, 164, 166, 170, 171
Пажинер С.Е. 29, 431
Пельо П. 70
Перхияни А.Г. 212, 214
Пероз 12, 137–140, 196–198, 200
Пероз 126
Петров К.И. 153
Пугулевская Н.Г. 162, 212, 214
Пилько В.И. 18, 27, 35
Пильковский В.И. 21
Питроградский П.Б. 16
Писарчик А.К. 63, 168
Пишудина К.А. 163
Плетнева С.А. 43
Подолшкова Н.А. 216
Попов С.А. 88
Потасовский И.Т. 131
Поталов А.А. 80, 175, 176, 184
Прокхий Кесарийский 12
Пугачевская Г.А. 16, 20–22, 26–28, 32, 33, 41, 45, 46, 62, 76, 107, 131, 133, 134, 138–140, 160, 175, 184, 196, 198, 204
Пулатов У.П. 46, 117–120, 122, 123, 126, 171, 217
Пуляев, офицер 145
Пыляков И.В. 21
Пэй Цзюй 113
- Раевская Т.А. 138, 197, 198
Раев В.А. 117
Рапопорт Ю.А. 30, 33, 34, 36, 44–46, 105, 176, 178
Распопова В.И. 6, 32, 38, 43, 44, 50, 52, 57, 59, 62, 67, 68, 70, 71, 73, 76, 102, 107, 152, 161, 162, 166, 171, 181–183, 186, 189, 192, 203, 212, 215
Рахач 203
Рахматов Н.Т. 118
Рахматуллаев И. 63
Резиель Т.И. 45, 46, 158, 160
Регуова М.А. 180

- Росифельд А.Э. 39
 Ростомов О.М. 38, 52, 63, 80
 Рыболов Э.В. 6, 22, 26, 28, 33, 38, 131, 133-135, 139-140, 166, 196-198, 203, 204, 208, 212, 218
- Савицкая, царь** 206
 Савицкая М.В. 39
 Савицкая Е.Д. 117, 120
 Савицкая 95, 116, 151
 Савицкий П.Т. 118
 Савицкий 78
 Сараница В.Н. 65, 211
 Сасанди 12, 16, 18, 20, 23, 31, 132, 156, 188, 193, 196, 206, 219
 Сатмары 203
 Саушкин Ю.Г. 41
 Сафронова Н.С. 6
 Седов А.В. 32, 93, 111, 137, 138, 140-142, 208, 212
 Селевкиды 20
 Семёнов А.А. 57, 70, 116, 148, 178, 169, 210
 Семёнова Т.И. 152, 155, 161, 162, 164
 Сергеев З.В. 28
 Селадге 162
 Сиварский П.С. 119
 Сиделько А.Т. 35
 Смирнов Е.Т. 80
 Смирнов К.Ф. 88
 Смирнов Я.И. 182, 183, 190, 204
 Смирнова О.И. 13, 52, 92, 114, 116, 162, 172, 175, 178, 194, 195, 200, 201, 203-205, 211, 212, 214-217
 Смирнов П.И. 140
 Смирнов Р.И. 104, 106, 145
 Соломонов А.Ю. 29
 Солоникова В.М. 107, 127, 128, 130
 Солониха В.С. 131, 133-136, 140, 142, 143, 166, 209-211, 213, 219
 Сороскин С.С. 108
 Спринковский В.И. 50
 Станислав Б.Н. 32, 63, 71, 76, 131, 175, 176, 183, 216
 Стебляк-Каменицкий И.М. 144, 149
 Степанов 114
 Страбон 179
 Суджика С.А. 6
 Суджикан 95
 Суджикова Р.Н. 35, 52, 60, 61, 68, 71, 175, 176, 185, 201, 202
 Суджикова И.И. 26, 27
 Сулейман И.А. 51, 55
 Суларов О.А. 62, 107, 168, 212, 213, 215
 Сулейманов Ф.А. 50, 60, 78, 95, 96, 113, 114, 131,
- 133, 144, 147, 166, 203, 217
- Табари** 34, 37, 60, 78, 200, 212, 217
 Тахтешаду 132
 Тарнаш 82
 Таруа 14
 Таштаджиан Ш.С. 20, 52, 215
 Тернопольский А.И. 30, 51, 52, 68, 73, 60, 83, 161, 175
 Тихонов М.И. 86, 87
 Толстов С.П. 11, 13-15, 30, 31, 33, 34, 36, 38, 40, 42, 45, 46, 48, 51, 96, 97, 101, 105, 107, 154, 164, 165, 169, 170, 215
 Толстов И. 175
 Трофимов Т.А. 218
 Трудовская С.А. 33, 36
 Труманов Т.И. 93, 106, 112
 Тушкешу 132, 151
 Тургар, царь 194
 Тургунов П.А. 139
 Турбеков М. 55-57
 Турсунов И.О. 215
- Ур-Вартарак** 139
 Урашима М.Х. 52, 193
 Урашима З.И. 16, 19-22, 24, 26-28, 76, 80, 175, 184
 Усова Е.С. 87
 Утегев, князь 150, 217
- Фадл бен Сальт** 161
 Фадл ибн Яхья 200
 Фах, князь 162
 Федоров-Давыдов Г.А. 167
 Федоров И.Ф. 6
 Федорович Е.Ф. 24
 Фелдманов М.И. 6, 16, 19, 20, 22, 24, 25, 28, 32, 34, 35, 53, 80, 82, 83, 88, 157, 210
 Ферриус 124, 129
 Ферман А.А. 29
- Хайдар** 122
 Халифов З.А. 131
 Хакан 13
 Ханмурзуд К.И. 24
 Ханикел 95
 Хатуи, царца 214
 Хезин В.В. 172
 Хитлянский Г.Е. 41, 46, 114, 117, 118, 120-123, 125, 126, 190
 Хиджаби 168
 Хиджалит Т.К. 36, 36, 45, 47, 112, 141, 218
 Хиджалитов Т. 33
 Хиджаи Нездат 108
- Dachstein Guillermo J.** 175, 182
- Кюкя К.** 50
- Frankfort H.** 34
Frye R.N. 18, 194
Fuchs W. 151, 187
Fukui 189
Fuye A. 203, 205
- Gabus V.** 19, 20, 22, 26
Gerechetski F. 187, 189
Gherghian R. 43
Gingras Ph. 194, 185
Gold R. 193, 197, 198
Gustaf A. 157, 171
Gustaf G. 41, 157, 171
Guthrie B. 45
Guthrie S.G. 131
- Хой Чао** 60, 95, 97, 113, 114, 131, 144, 187, 217
 Хорезм 137, 181
 Хорезм IV 26, 139, 193, 196
 Хосров 48
 Хосров I 12, 13, 20, 139, 193, 196-198
 Хосров II 26, 193, 196
 Хромов А.Л. 114
 Худуд ал-Алам 78, 82, 156
 Хурраза 32
- Цахки В.И.** 42
Цетлео 12
- Чейкыкто В.Р.** 52
Чеканур Билге (Çiçkanur) 201, 217
Черемин Д.В. 212
Черкасов А.А. 163
Четгарян В.М. 207
Чжан 211
Чжан Цань 101, 112
Чжаогуань 95
Чарингов 203
Чугуевский Д.М. 50
Чупалов В.М. 163
- Шахани Э.** 70
Шапур I 18, 19, 25
Шапур II 19, 25
Шапур III 25
Шапурадукта, царца 188
Шаушар 46
Шаристан 104, 105
Шефер З. 162
Шимши В.А. 32, 51, 52, 56, 57, 59, 61, 64, 91, 131, 172, 175, 181, 182, 194, 195
Шимши Г.В. 6, 11, 32, 52, 64, 66, 70, 73, 215
Шимшор 202
Школа В.Г. 60, 150, 175, 176, 188, 189
Шран (Наран) царь 206
Шукуров Ш.М. 45
Шуконин В.К. 166
Шумшатар 82
- Шербок А.М.** 13
- Юсуф И.** 33, 208
Юсуф 12
- Янов М.М.** 194
Яншин В.И. 30, 36, 57, 44-48, 218
Яхуби Ю.Н. 39, 52, 63, 72, 91, 143, 148, 169, 215
Яхубовский А.Ю. 34, 51, 52, 97, 116, 131, 164, 175, 178, 188, 209, 211-214, 217
Яхут 12, 47, 168
Яна 18, 185
- Goryacheva V.D.** 157
Grenet F. 76, 88, 175, 176, 178, 188, 183, 184
Gropp A. 90, 91
Gubies A. 19, 20, 22, 26
Gyvelen R. 16
- Hacken I.** 171
Hansen W. 75
Hemming W.H. 31, 50, 175, 178, 181, 183, 185, 187, 190, 194
Hermann E.C. 24
Huschi-E. Alami 78
Huschiak H. 180, 181
- Jermak K.** 181
- Karshenker G.A.** 39, 20, 22, 26
Kieftshykhatov K. 24

Lersch P. 194
 Litvinsky B.A. 175
 Livshits V.A. 29, 31, 44
 Loginov S.D. 19, 25, 26
 Marshall J. 75
 Marshak B. 175, 177, 178, 180-184, 186, 188, 189
 Masson V. 24
 Muller F.W.K. 131
 Nikitin A.B. 19, 25, 26
 Novikov S. 19, 20, 22

Oppenheim A.L. 212
 Pelliot P. 70
 Puzachenkova G.A. 22, 26, 28
 Pulleyblank E.G. 70, 151
 Raschpova V. 186
 Rowland B. 176
 Simpson S.J. 24
 Sims-Williams N. 181, 187, 189

Tarnochek W. 51, 131
 Trever C. 175

Upton J.M. 75
 Umanova Z. 22, 26, 28

Walker J. 194
 Widengren G. 175, 184

Zotenberg M.N. 37

Указатель географических и этнических названий и археологических памятников

Абавара (Абверд) 16, 20, 21
 Абалджох 17
 Абаршар 16
 Абрешвикала 146
 Абрагяг 217
 Авал, горный округ 96
 Адамвикала 39, 42
 Аджикатене 131, 132, 134-136, 142, 196-198
 Айркала 38
 Акатене 81
 Ак-Бешоа 89, 105, 152-158, 160, 161, 182, 205, 219
 Ак-Бура 94
 Акзавинское плато 134
 Акдепе 18-22, 24, 28, 29
 Аккурган 79, 81, 209
 Ак-Орды 163
 Аксачтене 53
 Аксу, р. 111, 116
 Актепе 14, 51-53, 57, 79-81, 94, 98, 100, 115-119, 122, 136, 138, 141, 142, 196, 203
 Актепе Чалдыарский 84, 88, 91
 Актепе Юнусабадское 83, 84, 91, 203
 Актерек 115
 Актобе 164, 166
 Актобе Орловское 152
 Актобе Степнянское 152
 Актобе Таласское (Текабег) 155
 Акчадепе 17
 Алайская долина 146
 Алайский хребет 109, 112, 146
 Алатау Джунгарский 11
 Алма-Ата 8
 Алмалык 92
 Алтай 13
 Алтын-Асар 164, 169
 Алтынтобе 164, 165, 174
 Ал-Фир (Кет) 31, 32, 37
 Амиртобо 136
 Амударья, р. 7-9, 12, 15, 18, 23, 30, 32, 35, 37, 43, 47-49, 131-133, 136, 141-144, 193, 196, 198, 199, 202, 208, 217, 218
 Амуль 32
 Анакмыл 94
 Анкала 74
 Англак 144, 145
 Анкала 33
 Ангрес, г. 79, 92
 Ангрес, р. 209
 Андархан 94, 98
 Анджан 94, 96
 Анзор 213
 Арабы 5, 18, 60, 74, 95, 151, 212
 Арабский халифат 47, 114, 115
 Араванская скала 104
 Аральский бассейн 9

Аральское море 7, 9
 Арбицхан 211
 Артык 21, 24, 28
 Артык-Ата 164
 Аруктаусский могильник 110
 Архангаран, р. 9
 Арахангельск 216
 Арысь, р. 9, 163, 165, 166, 170
 Аскер, р. 9
 Аспара 152, 153
 Аташи 23
 Атылдепе 17
 Атрек, р. 11
 Аулие-Ата 167
 Аулие 52, 63, 65, 71
 Афганская 9, 11, 75, 93, 125, 142, 150
 Африканди 11, 12, 51, 52-56, 59, 66, 69, 72, 73, 75, 76, 100, 128, 172, 175, 178, 179, 182, 186, 188, 189, 191, 200, 204, 212, 217, 219
 Ахангаран, р. 78, 80, 81, 84, 92
 Ахмедкенте 115
 Ахметек 94, 95, 96, 97, 113
 Ахыртобекуль 152
 Ашхабад 8
 Ашкколь, оз. 9
 Ашккала 2 30, 31, 33, 34, 37, 39, 41, 46, 101, 209

Баба-Ата 164-167
 Баба-Дурмак 16, 22
 Бабатар, горы 133, 139
 Бабатепе 132, 135
 Бад-Асия 52, 66
 Бадахшан 12, 132, 144, 145
 Бадлис 16
 Баертепе 115
 Байрукум 164
 Байрамал 23
 Байрамалиевский некрополь 17
 Байтаудат, могильник 141
 Бакчара 12, 33, 141, 146, 149, 160, 176, 183-185, 204, 218
 Баллагарансай, р. 134
 Баландкенте 75, 128, 131, 132, 135, 142, 170, 197, 219
 Балх 16, 132
 Балхан, оз. 9, 13
 Балыкчи 164
 Баман 171
 Барак-Там 31
 Баркет 208
 Барсуки Большие 7
 Барсуки Малые 7
 Бартанг, р. 144
 Баткен 94, 109, 113
 Баткенские мавзаны 97
 Батуртепе 51, 52

Бауртепе 207
 Бахдыр, р. 163
 Беговат 203
 Беграм 171
 Бельмошное тело в Ангресе 79, 81, 86, 87
 Бельмошный город в Северном Тохаристане 132
 Бектобе 152
 Беловодская крепость (Харанджуван) 155, 158
 Беловодское 152
 Белое море 216
 Бейкет 204
 Беркуткала 31, 37, 38, 41, 42, 208, 210, 215
 Беркуткалинский оазис 30, 38, 39, 41, 42, 45, 46, 215
 Бестмак-Дала 8
 Бешкент 94, 98, 108
 Биярун, г. 37
 Биттепе 132, 139-141, 198
 Бишлар 26
 Ближний Восток 78, 212
 Бодухуан-Бадахшан 133
 Боласу, р. 81
 Болдайтепе 132, 136
 Боло 55
 Боржарский могильник 165, 170, 171, 174
 Боролдай, р. 163
 Босы (Сасанидское государство) 24
 Боло-Балх 133
 Бочиндар, р. 147
 Бузунь, р. 163
 Бударч 131-134, 139, 196, 198, 206
 Будухкет 166
 Бузук 164, 174
 Бульбультепе 135
 Бунджикат 115-117, 125, 129, 210
 Бурана 152
 Буртам 122
 Бухара 12-14, 16, 39, 48, 51, 53, 54, 56, 60, 63, 65, 69, 83, 104, 105, 151, 167, 168, 178, 188, 194, 195, 203, 208, 209, 211, 212, 214, 217
 Бухарский оазис 32, 57, 60, 65, 66, 72, 175, 191, 194, 195, 208, 211, 212, 214, 217
 Бухарский Согд 50, 52, 54, 55, 192-196, 200, 204, 205, 210, 215
 Бухарудаты 61, 64, 194, 214, 215
 Бхаругта 177

Валийский округ 96
 Ваккат 115, 117, 118
 Ванч 11, 133
 Вархана 51, 52, 55, 56, 61, 64, 73, 128, 171, 172, 175, 179, 181, 182, 188, 189, 195, 205, 209-211
 Вархатинский оазис 54
 Вардана 50

- Варзоб 103
 Варзобдарья (Дшошбинка), р. 134
 Вахан 144–150
 Валадарья, р. 144
 Вахштеп 115
 Вахан, р. 9, 131, 198, 199, 201
 Вахшская долина 133, 134, 196, 199
 Верный 163
 Верный Болдай, городище 131
 Верный Тохаристан 144, 145
 Византия 11, 13, 15, 70, 82, 117, 151, 162, 212, 216
 Воруз, могильник 93, 106, 112
 Восточная Европа 12
 Восточное Средиземноморье 76
 “Восточный”, поселение 115
 Восточный Памир 7, 145, 146
 Восточный Туркестан 50, 75, 83, 93, 149, 152, 156, 157, 179–181, 217
 Враг 145–147, 149
 Врангарья, р. 147
 Галгирд 166
 Гай 26
 Гайратепе 105
 Галлатепе 116
 Гандамане 20
 Гардам Хвор 38, 39, 51, 61, 62, 72, 169, 210, 215
 Геоктепе 19
 Геоктепе 23
 Гебекташпепе 17, 19, 20, 22, 23, 29
 Гечигар 17
 Гисай 95
 Гиздон 115
 Гемланд 5
 Гиждукуш 132
 Гиридик, царство 18
 Гиссарская долина 133, 134, 199
 Гиссарская крепость 132, 133, 140, 197
 Гиссарский хребет 131, 140, 172
 Годоса 74
 Голодная степь 7, 8
 Гори-Гур 176
 Гори Девона 115
 Грозинское 152
 Грозинское (Сары) 153
 Гузардарья, р. 213
 Гуйшунан 93
 Гулжакада, г. 120
 Гуны 13
 Гунт, р. 144, 145, 147, 149
 Гурган 16
 Гурнадж (Кун-Ургенч) 31
 Гургара 120
 Гурмирон, могильник 109
 Гыштанепе 207
 Гуркала 16–21, 23, 24, 26–29, 31, 33, 170
 Дабусин 208, 211
 Даван, царство 93
 Давльваринтепе 33, 81, 107, 133, 138–141, 196, 198
 Дальний Восток 13, 70
 Дамган 41
 Дамоситтеп-Вахан 133, 144
 Дамгар 140
 Дарваз 11, 133
 Дарган 32
 Даргом, канал 213
 Дашлы 1 21, 22
 Дашлы 3, 65
 Девора Кырмау 54, 57, 211
 Девора Кундулла 54
 Девидкуш, пг. 9
 Дев Нуджакте 162
 Джалтакте 152
 Джакубул 153, 154
 Джабаскала 22, 105
 Джангал 65
 Джанкент (Янгикент) 163
 Джар, р. 23
 Джаркубтеп 115
 Джаркурган 133
 Джаркутанай, р. 119
 Джисла, р. 164
 Джемсар 43, 47, 48, 218
 Джигерберг 32, 208
 Джоглак, г. 114
 Джузальникое плоскогорье 163
 Джузактеп 152, 153, 163, 165, 166
 Джузбар, канал 134
 Джузлей, р. 140, 141
 Джузмактапте 131, 135, 143
 Джузмангаз 145
 Джук 213
 Дилберджан 176, 183, 187
 Дингильдже 33
 Доркхшт 145, 146
 Дренка Греция 124
 Дуб-Чокен 17
 Дунбулак 94
 Дунгичтеп 115, 116, 120
 Дунгичтеп 51
 Дунмуан, р. 180, 216
 Дурма 53, 54, 72, 208, 210, 211
 Дурман 17, 19, 29
 Душамбе, р. 196
 Душанбинское городище 133, 197
 Евразия 5, 7, 128
 Европа 11, 15, 16, 216
 Египет 7
 Еркурган 51, 55, 56, 59, 61, 68, 175, 176, 191, 201, 202, 207, 213
 Жуан-жуан 12
 Закавказье 126
 Загт, канал 133
 Загитат 80
 Загиттеп 12, 131, 132, 135, 142, 197
 Зандан, канал 213
 Западная Сибирь 11, 108
 Западный Памир 7, 144, 146, 147, 150
 Западный Тянь-Шань 8, 9
 Заргартеп 135
 Зартеп 131, 136, 180
 Зах, канал 213
 Зеравшан, р. 7, 9, 13, 14, 51, 53, 66, 71, 72, 114, 170, 175, 179, 191, 193, 196, 208, 213, 214, 217
 Звуд 145, 146, 149, 150
 Зонг 145, 147, 149
 Зусун 176
 Зулмакор 148
 Зулум, канал 134
 Зурыя 144
 Ивандисское 153
 Игратепе 135
 Иславу, р. 163
 Илак 78–81, 85, 86, 92, 114, 158, 160, 194, 208–210, 213
 Илк, р. 9
 Илийская долина 163
 Илийское 9
 Имлык 81
 Инд, р. 180
 Индия 74
 Инчун 28, 33, 60, 74, 91, 93, 117, 125, 129, 144, 150, 160, 180, 182, 184, 187, 197, 212
 Иран 12, 13, 16, 22, 26, 29, 31, 36, 50, 70, 74, 75, 90, 91, 93, 104, 122, 124, 129, 151, 157, 162, 177, 179, 182, 184, 186, 188, 193, 196, 197, 212, 214, 216, 219
 Иртысай, р. 86
 Исхарадан 94
 Исхнакушт 94
 Искиташкент 81
 Искитепе 79
 Искитепе 151, 162, 163, 166, 174, 215
 Ифана (Ифанасай), р. 97, 99, 116, 118, 120
 Ифара, р. 97, 108–110, 113
 Ифоринская оазис 96
 Иссык-Куль, оз. 9, 13
 Итгал 79
 Иштотепе 152
 Ишкатын 144, 147
 Ишхурган 81, 84, 204
 Иштхан 50
 Ишканд 156
 Кааха 16, 145–148
 Кабарна 83, 204, 209
 Кабул, р. 180
 Кавардан 79, 81, 204, 209, 210, 218
 Казатлы 164, 166
 Казах 7, 13
 Казахстан 5, 6, 9, 10, 151, 162–165, 168–170
 Кавказское 152
 Кайрагач 93, 94, 98, 100–104, 106–111, 113, 203
 Калаболо 94, 98, 101
 Калан Давкат 115
 Калан Давкала 115
 Калан Денгактеп 115
 Калан Загибар 144
 Калли Кафринган 41, 131, 132, 142, 143, 209, 210, 213
 Калан, Кааха 114–118, 120–123, 125, 127–130, 203
 Калли Кофар 115
 Калан Куна 115
 Каламир 132
 Кала-Мирон (Кала-Мирон) 51, 52, 207
 Каламисар 52, 63, 100, 200
 Каламисар 116, 200
 Калан Шодмон 132
 Калининтаб 116
 Каллакова 115
 Кам, р. 216
 Камлйтеп 207
 Камширак 57
 Камшартепе 141
 Кангары-Кешгерсы 47
 Канжакала 93
 Кангой 163
 Канмек, канал 213
 Канка 79–82, 85–87, 89, 92, 203, 204, 209, 210, 215, 219
 Кашадокия 179
 Карабузунтеп 115
 Карабулак 93, 94, 97, 98, 100, 102, 104, 108, 109, 110, 112
 Кардарья, р. 9, 99
 Кардесе 12
 Каракатлаки 7, 13
 Каракатлаки 8, 30, 48
 Карактепте 135
 Каракумь 7, 8, 16
 Каракумь, г. 9
 Караманит 23
 Карасалак 94
 Каратадарья, р. 133, 134
 Каратау, горы 163–186
 Каратепин 133
 Картепте 137, 138, 140–142, 197, 198
 Картепте 164, 165

- Караультепе 115
 Карахандаское государство 13
 Карлук 13, 95, 151, 152, 217
 Карвайтепе 115
 Карши 51, 55
 Каршишская степь 7
 Каспи 85, 94, 95, 97, 104, 105, 113
 Каспийское море 9
 Касри-Абу-Наир 75
 Кашгар 152
 Каси-и-Шарри 41
 Каттакурган 106
 Каттаултепе 197
 Каушутепе 115
 Кауштепе 135
 Каушчи 79, 81, 92
 Каушутепинская планция 23
 Кафирогтан, р. 11, 131, 133, 134, 199
 Кафирогтанкала, городище 134, 136, 199
 Кафир, канал 133–135
 Кафиркара 12, 51–53, 57, 64, 66, 68, 72, 77, 94, 131–136, 142, 145–149, 197, 199, 200, 204, 208, 210, 213
 Кафиртепе 134
 Кахака 144
 Кахака II 39, 210
 Кашгар 13, 106, 149
 Капшадарь, р. 8, 50, 51, 55, 65, 71, 76, 114, 184, 201, 202, 207, 208
 Капшадарьской оазис 207, 213, 216, 217
 Кейсар, канал 213
 Келес, р. 78
 Кенгир, р. 164
 Кенджио 163
 Кендыштепе 79, 81, 86, 87, 203, 204, 209
 Кендырсай, р. 86
 Кенешское 153
 Кердер 30, 32, 44, 45, 47, 48, 206
 Керейская оазис 96
 Керейка 204
 Кески 174
 Кетменьлюбе 112
 Кеш 12, 50, 114, 187, 188, 202, 208, 215, 217
 Козалды 99
 Кзылжолтырьск 94
 Кзылсу, р. 133, 134
 Кызылтушук, горы 134, 135
 Кызартты 12, 132, 193
 Кымаки 11
 Кыпчаки 11
 Каргизы 6
 Каргизский хребет 153
 Каргын 7, 106
 Кытай 181, 207
 Кытай-Шахришхана котловина 207
 Кытай 11, 13, 14, 26, 50, 70, 78, 82, 93, 95, 144, 146, 151, 162, 179, 187, 199, 206, 216
 Кытайды 74, 95, 186
 Кычигалы 23
 Каш 41
 Ключевское 152, 157
 Кюайтепе 135
 Кобушан 133, 134, 198, 199
 Кобушан 50
 Коварыгаккала 101
 Кован, Кашман 17, 19
 Кок-Мардан 164–170, 174
 Кокорд 86
 Коктозобад 197, 199
 Коин-Гут, пещера 102
 Коккор 146, 150
 Копетдаг 5, 7, 16, 18
 Коргоштепе 94
 Корей Каллахана 115
 Корей 126
 Косымкурган 51
 Костобе 154, 158, 169, 171
 Краснореченское (Красная речка) 151–162, 181, 205
 Куба 96, 97
 Кубатау 45
 Кува 94, 205
 Кугагштепе 83, 88
 Кугарт, р.
 Кугангаг, хребет 131, 133
 Куджакка 52
 Кулсукурган 131, 135, 136, 142
 Кулжуктепе 86
 Куйруктобе 164, 166–169, 171, 172, 174, 182, 210
 Кулаклитепе 79, 81, 209
 Кулан 162
 Кули Дарон 115
 Кулушакштепе 197
 Кулудалтепе 115
 Кульота 79, 81, 85, 86, 92
 Кульдорттепе 52, 200, 211
 Кулштепе 53, 135, 202
 Куляштепе 196, 198
 Кум 215
 Кумата 218
 Кум-Басанкала 38, 42, 208
 Кумкала 37, 208
 Кумкент 164
 Кумтобе 164
 Кумшкент (Берда) 53
 Кун-Кахака (Алаварг, Абивер) 18, 20, 21
 Кунуаз 35, 93
 Курманский хребет 78, 86
 Курган на городище Старого Термеза 198
 Кургантепе 86, 115
 Кургантобе 131, 132, 199
 Курганчи (Курганкала) 30, 31, 47, 48, 94, 99, 115, 118, 208, 218
 Курганштепе 94
 Куржак 122
 Куржакдык 213
 Куртыл 17
 Курусай 120
 Куршаб 94
 Кусханатау 47
 Кухаккала 141
 Куршахтар, поселение 134, 135
 Кучукштепе 132
 Кушана 53, 208
 Кушанское царство 5, 132
 Кушаншар 142, 204
 Кушккала 30, 31, 45, 47, 48, 174, 208, 218
 Куш-Мазарский, могильник 77
 Кашут 62
 Кызылбаш 41
 Кызкала Большая 21, 41
 Кызкала Малая 21, 41
 Кыны-Курт 166
 Кызылакерское 153
 Кызылсуны 7, 8, 163
 Кызылклар 165, 66, 77
 Кырджакчи 79, 81
 Кыркштепе 19
 Кыркжылкала Большая 31, 38, 42, 43, 46
 Кысмычи (Бунджокет) 152, 153
 Кэдоло-Хуттак 173
 Кат 32, 37
 Лагман, городище 199
 Лагман-Золы Зад, городище 134
 Ленинград 202
 Лебнор, оз. 216
 Лонзалаг 132
 Лона (Поздона) 93, 94
 Лутовце (Кулан) 152–155
 Лайлак, р. 97, 109
 Лаши, могильник 141
 Мавраншар 12, 50, 78, 95, 151, 152, 166, 191, 203, 218, 219
 Мавтан, канал 214
 Мавтановый, р. 134
 Маган, р. 52, 63
 Мала 62–64, 72
 Мадрукат 62, 69
 Мадра 94
 Мавское 153
 Мазарттепе 79, 81
 Майдаштепе 94, 101, 105
 Маймуджар 115
 Маймур 50, 208, 211
 Майтепе 79, 81
 Майтобе 152
 Малая Азия 188
 Маргана 141
 Маргана 94
 Мардан-Куок 164, 166, 167, 169, 174
 Маршамат 94, 96
 Мары 23
 Матча, р. 114
 Максумтепе 115
 Меан 16
 Мезен 216
 Мейрам 164
 Мерв 14, 16, 19, 21–28, 41, 42, 157, 193, 194, 213, 215, 217, 219
 Мерверуа 16
 Мервский оазис 16, 18–24, 28, 40, 194
 Мерв, вал 21, 23
 Мерке (Мирки) 152, 153, 156
 Месолоната 16
 Миздахкая, г. 37, 208, 218
 Миздахкая, искрополь 30, 36, 44–46
 Мизадаштар 145
 Мингурок 79–83, 85, 89, 203, 208, 209, 210, 213
 Миршаудтепе 115
 Миробозтепе 115
 Мискиштепе 115
 Мисхальфельд 74
 Минькала 184
 Молдыбай 152
 Молла-Ишкуд 66
 Монголия 15
 Морской Чулек 74
 Москва 6, 202
 Мур, гора 5, 29, 39, 51, 52, 62–64, 69, 73, 114, 158, 175, 200, 201, 211, 212, 214, 215
 Муртепе 51, 115–118
 Мунодене 17, 24
 Мурчаштепе 100, 110, 112, 116, 121, 131, 132, 199, 203
 Муртадала 92
 Муртаб, нас. 29
 Муртаб, р. 8, 9, 13, 17, 23
 Мурукумы 7, 8
 Мыктыкурган 94
 Намекат 151, 153, 162
 Намыкала Большая 21, 23, 41
 Намыкала Малая 21, 23, 41
 Нагора 64
 Нанудыла 84, 217
 Наринджаккала 37
 Нарсай, канал 213
 Нарин, р. 9
 Нахри Калон, канал 134
 Нахшеб (Нашебол) 50, 55, 207, 208
 Несая Веруния 96
 Несая Нижняя 96
 Нижнее Помодже 216
 Ниса (Городище Новая Ниса у с. Багир) 16, 18

- Никбаш, г. 92
 Никбаш, канал 213
 Никбаш 111
 Новобад 146, 150
 Новоапалонское 156, 157
 Новоокрокское 153, 156, 157, 162
 Ногайкурган 80
 Ногайтене 79
 Нудажет 82, 85
 Нужет 153
 Нулет 80
 Нукус 48
 Нурек 197
- Обыканы**, р. 133
 Огузы 11, 13, 49, 163
 Озавтене 35
 Одыноцтене 17
 Оксуе 164
 Олин-Хулым (Арсен) 133
 Омейский халифат 192
 Ордас 216
 Орудукен 156
 Оренбургские степи 216
 Орлат 208, 211
 Орловка 160
 Отпар 79, 151, 164-166, 173, 174, 182, 185, 187, 205
 Оттарский озане 163, 165, 166, 169, 205
 Оттартобе 166, 205
 Оутсай, мотылак 94, 104, 109, 110, 203
 Охкум (Дех-Нудажет) 152, 153
 Ош 94, 96
 Ошона 79, 81
- Пайкент** 15, 50, 51, 55, 60, 64, 66, 70, 76, 104, 105, 192, 195, 208, 210, 211
 Памыр 7, 8, 11, 75, 133, 144-149, 170
 Памыр, р. 144
 Памч-Пенджикент 192, 199, 201
 Палское родище 94, 110-112
 Паркент 204
 Паркентсай, р. 84
 Парсы 91
 Парфя (Парфийское царство) 18, 185
 Патур 145, 146, 148, 149
 Пастабад 133
 Пенджикент 5, 9, 15, 22, 43, 51-54, 56-64, 66, 67, 69, 71-77, 96, 100, 102, 107, 125, 126, 128, 129, 161, 169, 171, 172, 175-190, 192, 195, 200-204, 209, 210, 211, 212, 213, 216, 217, 219
 Пермь 216
 Персы 13
 Персы 106, 186
 Пешевги 49
 Пырытбагытене 201
- Пиллек** 163
 Пиллохье 11
 Покровка 132
 Полкан-Парвар 133
 Полтавское 152
 Полтавские 47, 48, 49, 216
 Прибалтика 216
 Прибалхашье 7
 Приднепровье 216
 Прикамье 70
 Прикаспие 12
 Припальмье 12, 149
 Прихвалхашье 139, 160
 Приуралье 70, 108, 216
 Пиком, р. 213
 Пикент 92, 171
 Пустозерье 216
 Пышту 146
 Пышк-Мурдан 165
Пышк, р. 9, 11, 133, 144, 146, 147
- Рамитан** 60, 105, 208
 Рамитанурд, канал 213
 Раты 145
 Рей 26
 Рим 128
 Российская империя 11
 Россия 16, 114, 144, 145, 163
 Рушан 144
 Рын 145-147
- Сарыокекитене** 196, 198
 Сазыр 32, 208
 Садыр Бешагач 152
 Садыр Курган 152, 153, 154
 Сагаган 77
 Саймалыган 103, 104
 Сайрам 164
 Сак-масагеты 12
 Салар-Джун, р. 81, 82, 83
 Салар, канал 213
 Самарканд 12, 14, 50-56, 60, 63, 64, 68, 71, 76-78, 83, 104-107, 151, 175, 181, 187-189, 194, 200-204, 210-213, 215
 Самаркандский Согд 50-52, 64, 71, 76, 192, 194, 195, 199-203, 205, 208, 210, 213, 214
 Самарра 122
 Самардакдария, р. 133
 Санкт-Петербург 6
 Санча 171
 Сарайкомарская колония 134
 Сары Кубур 116, 118
 Сарын, р. 117
 Сарыкент, от. 144, 149
 Сарыкурган 111
 Сары-Мазар 135
 Сарысу, р. 9, 164
 Сузран 163
 Северная Индия 11
 Северная Монголия 13
 Северное Припальмье 145, 146, 149
 Северный Афганистан 198
 Северный Кавказ 70
 Северный Тохаристан 131-133, 135-138, 140-143, 195-200, 205, 217
 Северный Тянь-Шань 8
 Севидтене (Мунчактене) 81, 86
 Сейденте 164
 Семичрече 13-15, 50, 70, 73, 75, 86, 114, 126, 141, 151-153, 156, 159-164, 171, 175, 182, 185, 187, 205, 216, 217
 Серахс 16, 18, 19, 23
 Серамский озане 22, 25-27, 29
 Сетдак 61, 191
 Сибирь 43, 74
 Сирия 188
 Сикорактене 115
 Сигд 11, 13-15, 32, 35, 38-40, 50-53, 57, 58, 60, 63-65, 70-78, 83, 85, 87, 88, 91, 102, 107, 114, 125, 126, 135, 136, 138, 141, 143, 149, 150-152, 155, 159-162, 164, 171, 174-180, 195, 200-202, 204, 208, 209, 213-217, 219
 Сон Буренга 116
 Сокудук (Джуль) 152, 153, 161
 Сох, р. 109
 Средиземноморье 14
 Среднеазиатско-Казахстанский регион 7, 10
 Средний Восток 78
 Средняя Азия 5-16, 22, 23, 29-32, 34-36, 38, 40, 42, 43, 45, 46, 48, 50, 52, 58, 59, 63, 68, 70, 74, 75, 83-85, 93, 95-98, 101-105, 108, 110, 113, 114, 116, 121, 122, 124, 126, 128, 129, 136, 138, 141, 143-145, 147-149, 151, 155-157, 160, 163, 164, 167, 168, 170, 171, 174, 176, 188, 190, 192, 193, 195, 198-200, 202, 203, 205-209, 212, 213, 215-219
- Сретенское** 152
 Староокрокское 153
 Старый Кышан 29
 Старый Термез 197, 198
 Стахр 26
 Суарыб 163
 Суджона 176
 Сули-Согд 114
 Султанбегская платина 23
 Султанакала 18, 23
 Султанмушта 37, 43, 45
 Султанивандская 33
 Сульдене 23
 Суураткитене 115
 Суур 94
 Сууралары, р. 8, 131-133, 135, 196, 198, 199
 Сууран-Шерабадская долина 8
 Суаб 50, 114, 151, 153, 154, 162, 217
 Сыгак 163
 Сырдария (Средняя Сырдария), р. 7, 8, 9, 12, 13, 35, 43, 47, 49, 78, 79, 80, 81, 82, 85, 86, 88, 95, 111, 114, 151, 161-163, 165, 166, 169, 170-172, 174, 203, 208, 209, 217-219
- Табаристан** 26
 Таване 215
 Тажик 7, 125
 Таджикистан 5, 6, 41, 126, 131, 141, 176, 196, 197, 199
 Таймакент 152
 Талас, р. 50, 79, 151, 153
 Таласская долина 151, 153, 154, 155, 156, 158, 162
 Таласский Алату, хребет 163
 Тали Ахсан 171
 Тали-Баруи 51, 52, 57, 64, 72
 Тамды 152
 Тарак 85, 103, 151-156, 158, 162, 205
 Тарбаган (Тарбан) 166
 Тарим, р. 9
 Талха-Балар 9
 Тарс (Китикан) 202
 Ташкунур 48
 Ташки-Кобад 198, 199
 Ташбулак 86
 Ташкент 5, 51, 82, 83, 88, 92, 101, 107, 163, 166, 202, 203, 213
 Ташкентский озане 9, 78, 112, 163
 Ташкуд 152
 Ташурат, мотылак 93, 94, 104, 109, 110, 112
 Таштене 135
 Ташурман-Баши 94
 Теждак, р. 8, 9
 Тектурмане 158
 Тентакай, р. 133, 135
 Тетпабол 16
 Тетпапана 115
 Тетпапана 93, 140, 141
 Тете в долове им. Мавгурина 79, 81
 Термез 131-135, 138, 139, 141, 199, 208
 Тешккала 30, 31, 34, 38, 39, 41, 42, 45, 46
 Тибетцы 95
 Тирмишкенте 119, 121
 Тизун (Намуздык) 145
 Тоймакент (Адамкент) 133
 Тойтене 79, 92
 Тождала 30, 31, 39, 43, 44, 47, 48, 217
 Тожду 48
 Толасское (Пага) 152, 153
 Тошале 16
 Топраккала 30-36, 107, 217
 Туркская Балхашья 166
 Туркская 152, 167
 Туркестанское 153, 174
 Туркестанье 5, 12, 13, 38, 46, 50, 93, 93, 128,

- 131, 132, 150, 152, 155, 159, 160, 175, 177, 180, 181, 184, 187, 193, 196, 208, 213, 217, 218
Таштемерсай, р. 120
Таштемерсайте 116, 120
Трансоксания 193
Тургайтон 79, 81
Тулукарсаз 115
Тунет 80, 81, 85, 86, 212
Тупалангардык, р. 133
Тупока, моғлылык 90
Тураташ, моғлылык 93, 94, 103, 108, 112
Туралбағтепе 196, 198
Турбат 166
Тургайте 21
Туркестан, г. 163, 166
Туркестанский оазис 163, 165, 171
Туркестанский хребет 114, 120
Туркменстан 16, 193
Туркмены 7, 13
Туркская 31, 33
Туркулатепе 79, 81
Туркультобе 164
Турфан 216
Турфанский оазис 156, 216
Толбуғус 171
Торғеша 13, 95, 139
Торки 5, 13, 14, 18, 50, 74, 95, 133, 152, 217
Тюркский каганат 13, 151, 204, 208, 217
Тынь-Шань 5, 7, 13, 75, 112, 149, 161
- Уваксай 120
Узбеки 7
Узбекистан 6, 131, 196
Узбекистепе (Холумо-Ахариан) 131, 133, 134, 136
Узбoғ, р. 23
Узген 94
Узун 134
Узкала 38
Узу-Му 164
Узунсайтобе 81
Узы Кешимай 17, 19
Уртабoғе 115–118
Уртагын 32, 46
Урост 95
Уртабoғ 92, 131, 132, 135, 136
Уртакурған 115, 116, 119, 120–122, 126, 171
Усрупама 13, 39, 46, 50, 83, 88, 91, 94, 95, 102, 106, 107, 114–123, 125, 128–130, 141, 143, 152, 155, 170, 171, 175, 185–187, 189, 192, 201–203, 205, 210, 212, 218, 219
Уткорт 8, 47
Уткыкала 135
Учдесе 20
Уша-Вохш 133, 134
Уштурумло 132, 141
- Файыбақкала 134
Фандарыя, р. 114
Фараб 162, 166
Фарикет (Фаракат) 83, 84, 92, 204
Файкете 137, 138, 141, 142, 198
Фергана (Бохань) 5, 6, 11–15, 50, 73, 78, 79, 85, 93–96, 98–100, 102–104, 107–114, 138, 149, 150, 152, 160, 170, 174, 187, 203, 217, 218
Ферганская долина 7, 9, 149, 205
Фильманшар 51, 52, 57
Фиррузбад 41
Фойсқлан-Бағлан 133
- Хазарас 32, 37, 208
Хазары 11
Хайынкала 30, 31, 47, 48
Хайдарсан 102
Хайрабадтепе 132, 136
Хайтаны 12
- Халкаджар 131
Халчан 198
Хамдара 32
Хами 216
Хандукат (Джундукат) 151, 154, 158
Ханабад (Ханабадтепе) 79, 80, 82, 83, 85, 203, 209
Ханакадарыя, р. 134
Ханарыя, канал 213
Хангы, моғлылык 111
Ханя 23
Харадукет 85
Харанджуван (Беловодская крепость) 153, 158
Хараша 33
Харкаруз, канал 213
Харкуш 132
Хароб-Копук 17, 22, 26, 157, 219
Хва 31–33, 37, 48, 208, 210
Хивинский оазис 39
Хонингы 12, 50
Хотфар 65
Хонтепе 132
Ходжабасарган, р. 96–98, 102, 103, 108, 110
Ходжамурадтепе 20
Ходжент 12, 94–96, 114, 203, 205
Ходжо 156
Хокисгартепе 115
Хониклов 122
Хорасан 16, 21, 23, 24, 27, 32, 151, 157, 203, 206
Хорезм 5, 9, 13, 14, 22, 30, 31–33, 35–37, 39–50, 63, 68, 73, 93, 101, 103–105, 126, 141, 164, 170, 175, 176, 178, 179, 183, 186, 188, 192, 205–210, 213–216, 218, 219
Хорезмийский оазис 47
Хосинтепе 131, 136
Хосроукала 18, 20, 21, 24
Худайкит 209
Хуманы 95
Хунатоли 147
Хуттак 197
Хутталы 95
- Центральная Азия 11, 50, 74, 112, 117, 144, 166, 151, 176, 216
Центральный Казахстан 162, 163
Центральный Тянь-Шань 8
Цзюьбито-Куред 133
- Чаганактепе 135
Чагаюань 12, 131, 133, 135, 139, 186, 187, 196–198, 201
Чалдовар (Сус) 152, 153
Чанга 92
Чангадесе 17, 19
Чандарактепе 207
Чардара 164
Чаржоу 35, 41
Чаткал, р. 9, 213
Чаткальский хребет 78, 86
Чач 5, 12–14, 16, 50, 61, 73, 78–83, 85, 86, 88, 90–92, 95, 107, 114, 141, 152, 155, 158, 161, 162, 174, 186, 187, 192, 194, 203–205, 208–210, 213, 217–219
Чаштепе 35
Чави, р. 163
Чантепе 132
Чажыкчу, р. 94
Чегиньбалык 156
Чилек 52, 70, 72
Чильбурджа 17, 20
Чилпактепе 115
Чильмузджра 114–116, 119, 121–123, 125, 12, 217
Чимандтепе 115
Чимкит 163, 166, 219
- Чинкурған 51
Чинал 80
Чинкатепе 79, 81
Чиннакаит 216
Чинчикет 85
Чингиттепе 198
Чирчик (Парак), р. 9, 78, 80, 82–84, 92, 208, 209, 213
Чичоктепе 115
Чык 74
Чорултепе 134, 135, 142, 196, 197, 199
Чор-Дингак 135
Чоршохатепе 116, 122
Чу, р. 9, 13, 50, 151, 163
Чубская долина 5, 15, 153, 156, 157, 162, 188, 216
Чуйтобе 166
Чумынское 152, 153
Чунтепе 94, 96
Чухкурған 51
- Шавгар 162, 163, 166
Шага, моғлылык 171, 174
Шалдыбалды, поселение 94, 115
Шамалгайте 94
Шаматепе 79, 81, 86
Шалур 46
Шараб 166
Шаралхан 166
Шарва 152
Шарга 215
Шаркыя 79, 80
Шаушуктепе 79, 81
Шакдара, р. 144, 145, 149
Шахринамское городище 136
Шахристаная, р. 114–120, 171, 183–186, 188, 203
Шахристанон Болло 117
Шахр-Рам-Пероз 16
Шахружия 80, 81, 87
Шахсенем, городище 46
Шам 166
Шаштепе 88
Шельджа 153, 160
Шерабдара, р. 133
Шя (Чажеша) 78, 82, 88, 94, 106
Ширья 115, 116
Ширинсай, моғлылык 108
Ширинсайтепе 115
Ширкент 132
Ширкентдара, р. 133, 134
Шиндон-Шуглан 133
Шинькожа 132
Шинькурған 79
Шиньтобе 153
Шорттепе 135, 191
Шортобе 164
Шуглан (Шиндон; Шини) 107, 144, 147–150
Шулуктепе 207
Шумань-Шуман 133
Шурбабат 94, 113
Шуроб-Курган, городище 139, 141, 197, 198
- Эгартеп 87
Эркала 16–21, 23, 24, 29
Эрик, г. 11
Эскипашатепе 115
Этруска 128
Эфгалты 5, 12, 13, 26, 50, 78, 93, 94, 132, 133, 144, 146, 193, 194, 196
Эшиоахсак 64
- Югантепе 79
Югонтепе 81, 209
Южное Приамурье 145
Южный Казахстан 7, 152, 155, 163, 168–170

УКАЗАТЕЛЬ

Южный Согд 200, 201, 213

Южный Таджикистан 7

Южный Узбекистан 217

Юмалоктепе 115

Ябсукут 146

Яванская долина 133

Яванское городище 131, 136

Языдытепе 19

Якче-Парсан 31, 33, 34, 37-42, 45, 46, 63, 210,

217

Якче-Парсанский оазис 30, 35, 38, 41, 208

Якшибайтепе 198

Ялантуултепе 141

Ямчуи 145, 146, 148

Янгиюль 92, 213

Ясыдытепе 1 19

Яшиюбайтепе 132

Оглавление

Предисловие (Г.А. Брыкина)	5	Глава 7	
Введение	7	Северный Тохаристан (Т.И. Зеймаль, Э.В. Ртвеладзе)	131
Природные условия (Б.В. Андрианов)	7	Глава 8	
Общие сведения о Средней Азии в эпоху раннего средневековья (Г.А. Брыкина, Г.В. Шишкина)	11	Верхний Тохаристан (М.А. Бубнова)	144
Глава 1		Глава 9	
Северный Хорасан (Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов, А. Губасев)	16	Семиречье (К.М. Байпаков, В.Д. Горячева)	151
Глава 2		Глава 10	
Хорезм в IV–VIII вв. (Е.Е. Неразик)	30	Среднее течение Сырдарьи (К.М. Байпаков)	163
Глава 3		Глава 11	
Согд (В.И. Распопова, Г.В. Шишкина)	50	Согд V–VIII вв. Идеология по памятникам искусства (Б.И. Маршак)	175
Глава 4		Глава 12	
Чач и Илак (Ю.Ф. Буряков, М.И. Филанович)	78	Монеты раннесредневековой Средней Азии (Е.В. Зеймаль)	192
Глава 5		Заключение (Е.Е. Неразик, Г.В. Шишкина)	207
Фергана (Г.А. Брыкина, Н.Г. Горбунова)	93	Литература	220
Глава 6		Список сокращений	242
Уструшана (Н.Н. Негматов)	114	Таблицы	244
		Указатели	369

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ

**Средняя Азия и Дальний Восток
в эпоху средневековья**

Средняя Азия в раннем средневековье

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Заведующая редакцией "Наука – история" *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.А. Карповская*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технические редакторы *Т.В. Жмелькова, В.В. Лебедева*

Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Р.В. Молоканова, В.М. Ракипина*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 28.07.99. Формат 60 × 90 ¹/₈. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.печ.л. 48,0. Усл.кр.-отг. 49,0. Уч.-изд.л. 52,8

Тираж 1450 экз. Тип. зак. 1136

Издательство "Наука" 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Типография "Наука" 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”

Вышли в свет книги:

**ГОРОД В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ**

Т. 1.

Феномен средневекового урбанизма

28,5 л.

“Феномен средневекового урбанизма” – первый том (из четырех задуманных) – посвящен наиболее общим проблемам истории городов как общественного явления. В издании город рассматривается как системообразующий элемент средневековой цивилизации. Книга открывается обширной вводной статьей и включает очерки о возникновении средневековых городов, особенностях их развития в разных странах Западной Европы, населении, ландшафте, муниципальном устройстве, системе власти и т.д.

Для историков и широкого круга читателей.

**ГОРОД В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ**

Т.2.

Жизнь города и деятельность горожан

25 л.

В книге показаны многообразие и специфика занятий в городе: торговля (ее форма и методы, социальная психология купцов, их место в обществе), ремесла (технология, организация, образ жизни ремесленников), интеллектуальная и духовная деятельность города (наука и техника, социальные типы городских "интеллектуалов", роль монашества в городе), жизнь маргинальных слоев.

Для историков и широкого круга читателей.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”

готовятся к печати книги:

Медведев А.П.

**РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ.
АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.**

20 л.

Благодаря сплошному археологическому обследованию Среднего и Верхнего Подонья и широкомасштабным раскопкам последних десятилетий здесь стали известны поселения, городища и могильники не менее десяти различных археологических культур, локальных вариантов или отдельных типов памятников. Полученные материалы позволяют заполнить более чем тысячелетний период раннего железного века, выделив в нем три основных этапа: предскифский, скифский, сарматский. Монография посвящена изучению двух первых этапов. На основе изучения памятников археологии и данных античной традиции исследуются этнокультурные процессы в лесостепном Подонье в I тысячелетии до н.э.

Для историков, археологов.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г.

МЕЗОЛИТ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

(Памятники бутовской культуры)

17 л.

В работе представлены археологические материалы по древнейшему периоду истории Центра Русской равнины. В фокусе внимания находится бутовская культура, существовавшая 10–7 тысяч лет назад. Приводятся уникальные данные о жизни мезолитического населения, его культурной принадлежности, связях с соседними и удаленными культурами. На основе надежной хронологической шкалы представлена эволюция индустрии населения бутовской культуры, выработана ее периодизация. Хозяйство ее носителей показано на фоне развития природной среды в раннем голоцене. Прослежено сложение раннеолитической верхневолжской культуры на основе финального этапа бутовской. Работа снабжена палеографическим приложением.

Для историков и археологов.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга—почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45 ("Книга—почтой")
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51 ("Книга—почтой")
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пушкино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443002 Самара, проспект Левина, 2 ("Книга—почтой")
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, Набережная реки Ушайки, 18 ("Книга—почтой")
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:*

*117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. (095) 334-98-59*
